

КАРЕЛИН В.Г.

**Уральские горы:
познание и наименование**

т. I Познание

г. Екатеринбург 2019

УДК 908:801.311
ББК 26.89

Карелин В.Г. Уральские горы: познание и наименования, т.1. Познание – Екатеринбург, 2019, 326 стр.

Автор книги – заслуженный путешественник России, мастер спорта по туризму, член Русского географического общества, краевед.

В книге приведены материалы по истории познания Уральских гор и изображения их на различных старинных картах. Представлена характеристика разных районов Уральского хребта и ряда популярных вершин.

Книга предназначена для широкого круга любителей уральской природы, туристов, путешественников и краеведов, а также историков и археологов.

УДК 908:801.311

Авторское издание

© Карелин В.Г.

Содержание

		Вместо введения	4
1.		Старинные известия об Уральских горах	6
	1.1.	Миф об исседонах	6
	1.2.	Урал на картах Птолемея	7
	1.3.	Сведения об Урале в русских летописях	10
	1.3.1.	«Горы, заидучи луку моря»	10
	1.3.2.	Через Урал на сибирскую реку Обь	11
	1.4.	Формирование представлений об Уральском хребте	13
	1.4.1.	Старые европейские карты с изображением Уральских гор	14
	1.4.2.	Карта в книге австрийского посла	15
	1.4.3.	Первые русские карты Московии и «Книга Большому чертежу»	18
	1.4.4.	«Годуновская» карта Сибири	23
	1.4.5.	Восточная «ветвь» Уральских гор	33
	1.4.6.	Урал в трудах С.У. Ремезова	37
	1.4.7.	Южное окончание Урала	65
	1.4.8.	Северный отросток Уральских гор	74
	1.4.9.	Итоговый русский образ Уральского хребта	81
2		Уральские районы	84
	2.1.	Пай-Хой	84
	2.2.	Заполярный Урал	87
	2.3.	Полярный Урал	91
	2.4.	Приполярный Урал	93
	2.5.	Северный Урал	115
	2.6.	Средний Урал	121
	2.7.	Южный Урал	139
	2.8.	Мугоджары	144
		Вместо заключения	149
		Приложения	150
		Приложение 1. Список сокращений	151
		Приложение 2. Список таблиц	152
		Приложение 3. Литература	153
		Приложение 4. Иллюстрации	166

Вместо введения

Уральские горы – прекрасная горная страна, в которую я с детства влюблен.

С первых своих шагов годовалого топтышки по заросшим густой травой барабинским улочкам заштатного тогда городка Каменска - Уральского.

Дошколяриком, с трепетной дрожью, растекающей по всему телу, пытался заставить себя осмотреть хотя бы первый десяток метров в пещере, расположенной на склоне оврага с ключиком (подход к пещере возможен и поныне по каменистым ступеням вниз по склону от Преображенского монастыря).

Школьником начальной школы (двухэтажное ее каменное здание и поныне стоит на улице Карла Маркса) почти ежедневно, и летом, и зимой, ходил к упомянутому ключику за водой. Два ведра на коромысле. Нужно было подняться по тропочке на крутом склоне оврага и постараться не расплескать воду. Каждый камень на тропе был знаком и некоторые из них были знаками для остановки, для отдыха. Водопровод по улицам Барабы (старинное название одного из районов города) провели только в конце Великой Отечественной Войны – строили его пленные немцы.

Школьником семилетней школы (она и сейчас стоит в западной части улицы Кирова, недалеко от монастыря) осваивал окрестности. Несколько лет, подпаском, сгонял стадо коров на водопой к реке Каменке, на Короткий Лужок или на Долгий Лужок, расположенных на участке от конца барабинских улиц до железнодорожного моста через реку. Зимой обкатывал Горушки. Так называли мы скаты оврага, расположенные чуть выше ключика, упомянутого ранее. Ныне овраг этот практически засыпан землей, выровнен и на нем разместились частные гаражи местных автовладельцев.

Школьником средней школы – она и поныне функционирует в соцгороде трубного завода по соседству с дворцом культуры – расширил круг расстояний знакомств с уральской природой. Обходил ближайшие районы на реке Исети. Облазил Каменные ворота. Обследовал закопушки, разбросанные вокруг города, в которых еще в XVIII веке добывали железную руду. Добрался и до знаменитой Смолинской пещеры. Бывало зимой, краюшку хлеба – в один карман, кусочек сахара – в другой. И на целый день – на Каменку или Исеть. Катались на лыжах по склонам, выбирая, где покруче. Делали садочки и ловили кузinek (синичек). Попадались и снегири. Географию в школе нам преподавал замечательный учитель – Василий Иванович Белоусов. Слушал я его уроки, бывало, раскрыв рот, желая уяснить малейшие нюансы его речи. Стоило ему, даже вскользь, упомянуть имя какого-либо автора, как я мчался в библиотеки и разыскивал новую для себя литературу, прочитывая ее, как говорится, от корки до корки.

Но после окончания средней школы мои интересы сместились в область точных наук. Высшее образование я получил в Свердловске (ныне Екатеринбург) на физико-техническом факультете Уральского политехнического института. В студенческие годы увлекся туризмом. В майские и ноябрьские праздничные дни регулярно, и летом и зимой, участвовал в небольших походах по Среднему Уралу. Путешествовал по горам Северного и Южного Урала.

После окончания института начал заниматься наукой, в научно-исследовательском институте. В отпускное время, летом или зимой, регулярно совершал большие путешествия. Побывал на Сихоте-Алине (искупался в Тихом океане), в Забайкалье, Восточных и Западных Саянах, Алтае. Полазил по горам Памира и Тянь-Шаня. Довелось познакомиться с африканскими странами (Египет, Кения, Танзания, включая экзотический остров Занзибар), где искупался в Индийском океане. Посетил ряд европейских стран и окунулся в воды Атлантического океана.

Но Урал всегда был приоритетом!

С большим азартом, многократно, и в жару под 40 градусов и в мороз под 45 градусов, обследовал я Приполярный Урал, район, где расположены самые высокие вершины Урала. Побывал в самом северном участке Уральского хребта – на Пай-Хое и Полярном Урале, где омылся водами Северного Ледовитого океана. Многократно колесил на велосипеде по Южному Уралу с его пышно-тенистыми широколиственными лесами и цветастыми и благоухающими горными лугами. Получил звания «мастер спорта по туризму» и «заслуженный путешественник России». От уральских путешествий – прямой путь к истории Урала. И увлекательному по решаемым задачам – ураловедению, уральскому краеведению. Посчастливилось откопать в архивах и разрешить несколько уральских головоломок.

В нашей квартире на стене висит карта Урала. Маршруты своих уральских путешествий я наносил на эту карту, возвращаясь из очередного похода. Постепенно на карте сложилась непрерывная линия. От берегов Северного Ледовитого океана до прикаспийских пустынь. Основная линия моих маршрутов максимально приближалась к Главному Уральскому водоразделу. А подходы и выходы к ближайшим транспортным магистралям, порою составляющим по 150-200 км, отражались на карте своеобразными завитушками.

Как-то, в очередной раз, разглядывая такую свою карту, подумалось: «Может быть следует дать описание различных районов Урала через призму моих уральских путешествий?» Принял положительное решение и начал работу над книжечкой? Что из этого получилось – решать читателю.

В книге много рисунков, карт и фотографий. Но она- не альбом. Фотографии порою – не самого лучшего качества. Но они передают особенности того или иного уральского района.

С самого начала работы над книгой она задумывалась двухтомной. В первом томе – история познания Уральских гор с изложением моих собственных позиций по некоторым историческим сюжетам. Во втором томе – рассказы о названиях уральских гор и рек, о семантике их.

Известны книги, рассказывающие о древних, и не очень древних, известиях об Урале. Прежде всего следует указать неоднократно переиздаваемый труд Архиповой Н.П. и Ястребова Е.В. с очерками по истории открытия и изучения природы Урала [1.1]. А также редкое издание – тираж всего 50 экземпляров – книгу Ястребова Е.В. по истории открытия и географического познания Урала до XVIII века [1.2]. Материал настоящей книги не является пересказом информации, изложенной в вышеупомянутых изданиях. По целому ряду вопросов у меня сложились иные точки зрения, иные оценки исторических событий. В ряде своих исследований я по-иному трактую некоторые исторические и географические факты. Зачастую отличные от мнений вышеназванных авторов.

При чтении книги следует иметь в виду, что некоторые уральские названия конкретных географических объектов изменялись со временем. Поэтому современные названия отличаются от используемых ранее. Когда в строках книги идет речь о нынешнем времени, то используется современное название. Когда же повествуется о давних событиях, то применяется древнее, традиционно используемое наименование. В некоторых случаях, когда приводится текст архивного документа, то используется написание наименования, применяемое в этом документе. Поэтому на разных страницах книги могут быть представлены названия в несколько отличающихся формах.

В приложении приведен обширный список литературы. Здесь представлены книги, практически прошедшие через мои руки. В любом городе, куда судьба приводила меня, я находил время для посещения библиотеки. И зачастую отыскивал интереснейшие издания. Особо отмечу четыре библиотеки. Российская государственная библиотека в Москве. В ней представлены практически все книги, изданные в советский период. Русская национальная библиотека в Петербурге, «салтыковка». Неиссякаемый источник дореволюционных изданий. Две екатеринбургских библиотеки – областная научная и краеведческого музея – с богатым набором книг с уральской тематикой. В областной библиотеке я впервые читал книги, когда библиотека находилась рядом с пожарным пунктом на улице К. Либкнехта. А в библиотеку краеведческого музея я впервые робко вошел, когда она находилась около «плотинки». С благодарностью вспоминаю ряд библиотек, кишиневскую, одесскую, киевскую, симферопольскую, вологодскую, пермскую, челябинскую, оренбургскую, тюменскую, новосибирскую, ташкентскую, карагандинскую, алма-атинскую, иркутскую и многие другие. Всем им спасибо: библиотека – источник новых знаний.

В приложении также даны списки сокращений и таблиц.

Особенно интересные факты мне удалось найти в архивах. Прежде всего, отмечу наш государственный архив Свердловской области, где хранятся документы начиная с времен императора, царя и великого князя Петра I (с начала XVIII века). Дополнительно довелось покопаться в Российском Государственном архиве древних актов в Москве, а также в тобольском архиве.

Материалы, связанные с венгерским путешественником А.Регули, посчастливилось найти в рукописном отделе библиотеки Академии наук в Будапеште, во время нескольких поездок в Венгрию. А документы, связанные с поездкой немецкого естествоиспытателя А. Гумбольдта, по России, я получил во время переписки с немецкими коллегами, совершавшими многолетнюю экспедицию «По следам А. Гумбольдта в России».

По поводу фотографий, уточняю следующее:

- различные карты и портреты взяты из книг и интернета,
- копии архивных материалов даны с указанием авторов дневников,
- часть видовых фотографий заимствованы из интернета с указанием веб-сайта,
- фотографии писаниц и части утюжков взяты из книг с указанием авторов,
- другие фотографии, без указания автора, сделаны автором книги. Особую благодарность высказываю Д.А.Артову за помощь в оформлении книги.

1. Старинные известия об Уральских горах

Зачастую Урал именуют как седые Уральские горы. Действительно, возраст их – весьма почтенный: сотни тысяч и миллионы лет. Поэтому сказ об Уральских горах приходится вести от глубокой старины. От времен, порою отстоящих от нас на 2500 – 3000 лет.

1.1 Миф об исседонах

Ряд исследователей на протяжении почти двух веков пытаются связать Уральские горы с информацией Аристия Проконесского о его путешествии из Греции в VII – VI веках до рождения Христа в скифские земли и далее в страну исседонов. Вернувшись из своего семилетнего путешествия Аристий написал поэму «Аримаспея», в которой имеются строки: «Иседоны... живут вверху, в соседстве с бореями, многочисленные и очень доблестные воины, богатые конями и стадами овец и быков... они носят косматые волосы и являются самыми могучими из всех мужей» [1.3]. «Отец истории» Геродот записал: «Сын Кастробия Аристий, уроженец Проконеса, говорил в своей поэме, что по вдохновению Аполлона он прибыл к исседонам, что над исседонами живут одноглазые люди, аримаспы, над аримаспами стерегущие золото грифы, а еще выше Гипербореи, простирающиеся до моря» [1.4]. Ряд авторов, используя созвучие слов иссе (от иссе + дон 'река') и Исеть (небольшая река на восточном склоне Среднего Урала), пытаются утверждать, что Аристий побывал на Уральских горах. Вероятно, впервые такую мысль высказал Мюллер Ф.Х. еще в 1837 г [1.5]. Это мнение поддержал знаменитый немецкий географ XIX века А. Гумбольдт, который, проанализировав информацию Геродота об исседонах, считал, что «можно открыть в бессмертном творении отца истории самое ясное указание на хребты Урала» и далее «в повествовании Геродота можно различить переход через Урал... с запада на восток» [1.6]. В другом месте своей монографии «Центральная Азия» Гумбольдт высказывает мнение о том, что можно «относить название исседонов к имени, прилагаемому в настоящее время к одной небольшой речке на Урале близ Екатеринбурга». И поясняет в примечании, что он имеет в виду реку Исеть. Такая точка зрения в дальнейшем, вплоть до начала XXI века, получила широкое распространение, как в зарубежных (Неуманн Ф.Х. [1.7], Хенниг Р. [1.3], Томсон Д. [1.8]) и так и в русско-язычных (Забелин [1.8], Шишкин Н.И. [1.9], Пьянков И.В. [1.10] и др.) публикациях. Большинство из этих авторов, поддерживающих такое мнение, однозначно считают, что исседоны проживали на уральской реке Исеть. Тем не менее Неуманн отводил исседонам для жительства «восточный склон Урала». Хенниг считал, что исседоны не жили постоянно на реке Исеть, но «вели здесь регулярную торговлю». Томсон размещал исседонов «недалеко от Уральского хребта». Однако, ряд других авторов помещали исседонов в районах, весьма удаленных от Урала. Так, например, Плиний Старший в своем труде «Естественная история» в I веке н.э. указывает, что исседоны живут «над Меотийским озером» (современное Азовское море). Клавдий Птолемей во II веке н.э. на своих географических картах поместил Исседон Серикский и Исседон Скифский в Восточном Туркестане. Рихтхофен Ф. искал исседонов в Центральной Азии [1.11], Томашек В. – в Тибете [1.12], а Болтон И. – в степях от реки Иртыш до реки Ишим [1.13]. При анализе выше изложенных данных проявляется определенная тенденция: чем в более позднее время жил автор, тем все далее на восток относил он место проживания исседонов (за немногим исключением). При таком огромном разбросе недостаточно убедительных мнений о месте обитания исседонов, вероятно, следует отдать предпочтение более древним сообщениям, размещающим исседонов (эсседонов) по соседству со скифами (Дамаст Сигейский) или «с колхами по вершинам гор» (Плиний Старший) [1.174]. Колхи в Колхиде, однозначно, проживали на Кавказе. Тогда и исседоны обитали на Кавказских горах. Именно в этих краях, между Каспийским и Черным морями показаны на Херфордской карте (1290 г) народы, упоминаемые у Геродота со ссылкой на Аристия Проконесского (исседоны, аримаспы) [1.14]. Аналогичного мнения придерживался Ельницкий Л.А., который считал, что местом нахождения исседонов был Кавказ [1.15]. Ястребов Е.В. был «не склонен отстаивать мысль о том, что Аристий добрался до реки Исеть, где, якобы жили исседоны», но и не отвергал её. Я же поддерживаю мнение Ельницкого Л.А. И в подтверждение приведу здесь дополнительные соображения. Аристия ещё не известно Каспийское море и р. Ра (Волга), информация о которых у греков появилась значительно позднее. Но ему известны горы, с которых «никогда не сходит снег» и которые расположены вблизи Черного моря. Скорее всего это есть Кавказские горы. Следовательно, место обитания исседонов Аристия находилось в предгорьях Кавказа. Отмечу также, что в древнейшие времена названия народов зачастую происходили от имени реки, на которой они проживали, например, борисфены жили на р. Борисфен (современный Днепр), танаиты находились на р. Тана (современный Дон), меоты обитали на берегу Меотийского моря. В названии народа исседоны во второй его части ясно просматривается значение потамонима Дон, где проживал народ иссе. Для Урала не характерно наличие дон в названиях рек. А вот на Кавказе детерминатив дон широко распространен. Аристия не известны крупные уральские реки – Кама, Белая, Урал. Не мог он побывать на небольшой речке Исеть, пройдя мимо крупных рек. Кстати, как сообщает Чупин Н.К., на Урале есть ещё одна речка Исеть, расположенная далеко от рассматриваемой р. Исети – в Осинском районе Пермского края [1.16]. Таким образом, попытки связать упоминание о народе исседонов с названием уральской р. Исеть не имеют под собой

никаких оснований. Здесь – простое созвучие двух слов, как случайное совпадение. С таким же успехом можно было бы сопоставлять Исседон с р. Исса и с городом Исса Псковской области. Или в порядке казуса с названием города Иссуден во Франции. В завершение обсуждаемой темы следует сделать заключение о том, что Аристей Проконовский Урал не посетил.

1.2 Урал на картах Птолемея

Судя по всему, по историческим архивным источникам, дошедшим до нашего времени, информация об Уральских горах впервые указана в географических трудах египетского ученого Клавдия Птолемея, создавшего их во II веке нашей эры. Родился он в Среднем Египте, в Птолемаиде Гермейской. Учился и затем трудился в Александрии Египетской, где провел всю свою жизнь практически неотлучно. По некоторым данным даты его жизни: 89-167 гг. н.э. Птолемей был разносторонним ученым и составил сочинения в ряде сфер знаний – математике, оптике, механике и даже музыке. Но основными направлениями его научной деятельности были астрономия и география. Он написал фундаментальный труд «Альмагест», который вплоть до начала XVII века во всем мире был основным учебником астрономии. Птолемей разработал принципы математической географии и стал фактическим основоположником современной географии и картографии. Он сформулировал принципы построения географической карты, ориентированной на север, на основе математически вычисленных координат, полученных путем астрономических наблюдений. Птолемей главной задачей географии считал создание карты земли в обобщенном виде, без деталей и частных. Главное требование к географической карте мира, по его мнению, состояло в том, чтобы были сопоставимы и соразмеримы друг с другом отдельные части земли. Во времена Птолемея отображение мелких деталей небольших участков земли считалось делом другой науки – хорографии. Птолемей написал фундаментальный труд под названием «Географическое руководство» (далее я буду именовать его «Географией»), представляющее собой лаконичный список картографических координат различных пунктов мира (населенные пункты, устья и истоки рек, центральные и крайние точки горных хребтов и т.п.), а также мест проживания племен и народов. В «Географии» приведены координаты (долготы и широты) примерно 8000 населенных пунктов [1.17]. Практически «География» – это описание карты ойкумены, известной в птолемеевское время, и руководство для начертания карты с использованием координатной сетки. Долгое время «География» существовала в рукописном виде. Она многократно переписывалась. И ныне известно 46 рукописей, имеющих существенные разночтения. По мнению современных исследователей рукописные варианты постоянно дополнялись и правились переписчиками как текста, так и карт [1.18]. При многократном копировании, особенно карт, неизбежно появлялись некоторые искажения в расположении географических объектов, на что обратил внимание Анучин Д.Н. [1.20]. Отдельные несоответствия в координатах интересующих нас гор просматриваются при сравнении различных изданий птолемеевских карт, приведенных в фундаментальном труде Норденшельда А.Е. [1.21]. Так, например, на карте мира в ульмском издании 1482 г крайние долготы гор Рымми составляют 98 и 108 градусов, а на карте Птолемея в издании Мюнстера С. – 94 и 100 градусов. В рукописях «География» существовала около 1300 лет. Первое печатное издание было осуществлено в 1475 г в Италии в латинском переводе, выполненном еще в 1406 г [1.17]. В течение XVI-XVII веков «География» Птолемея издавалась более 50 раз [1.18], но всегда по одной какой-либо другой рукописи.

Кроме текста к «Географии» прикладывался набор карт (общего мира и частных). Известно два набора с количеством карт 26 и 64. Птолемей располагал лишь единичными пунктами с географическими координатами, определенными на базе астрономических измерений (наблюдения затмений, проведенные в разные времена и точках ойкумены). Птолемей был знаком с трудами своих предшественников – географов: Марин Тирский, Дикеарх, Эратосфен и др. Но основными источниками для Птолемея стали литературные сочинения (Посидония, Полибия, Страбона, Тацита, Плиния) и деловые рукописи (периплы, периегесы, итинерарии, дорожные записи путешественников). Птолемей линейные меры этих источников пересчитывал в географические градусы и наносил их на карту. По мнению современных исследователей при таком пересчете были неизбежны значительные искажения реального положения пунктов [1.18]. При этом по уровню на то время точности расчета астрономического часа Птолемей наименьший интервал принимал равным пяти минутам.

Меня заинтересовал вопрос о том, были ли каким-то образом отражены Уральские горы на картах Птолемея. Очень краткую информацию по этому вопросу я нашел сначала в книге Архиповой Н.П. и Ястребова Е.В. «Как были открыты Уральские горы» [1.1], а позднее в монографии Ястребова Е.В. «Познание Урала до XVIII века» [1.2]. Оригинальные издания «Географии» Птолемея в уральских книгохранилищах отсутствовали. В одну из моих поездок в Москву я тщательно перебрал все бумажные карточки в каталоге в государственной российской библиотеке. Но и тут не удалось отыскать книгу Птолемея: в бумажном каталоге находились только труды исследователей, пишущих о «Географии» Птолемея. И только во время третьего или четвертого посещения этой библиотеки я узнал случайно, что в бумажном каталоге не отражены издания, хранящиеся в отделе редких книг. Отдел такой находится в отдельном помещении. Кругом охрана. Проходишь сначала через зал, где выставлены древние фолианты. И далее – небольшой читальный зал и отдельный каталог. Вот здесь-то я и нашел более десятка томов

птолемеевской «Географии», изданных ещё в XVI-XVII веках, информация из которых и помогла мне в попытках понять, изображены ли Уральские горы на картах Птолемея. И какие конкретно участки Урала представлены на этих картах.

«География» Птолемея состоит из восьми книг. Данные, относящиеся к району современных Уральских гор, представлены в VII книге, именуемой «Азия». При своей работе по обсуждаемому вопросу я использовал данные из двух (1561 и 1599 гг) венецианских и кельнского (1589 г) изданий текстов «Географии», а также факсимильного современного издания, осуществленного Скельтоном Р.А. в 1966 г в Амстердаме. Кроме того, я использовал данные карт Азии и мира по изданию карт Птолемея в «Географии» С. Мюнстера (1540 г). Со всеми указанными изданиями я познакомился в Российской государственной библиотеке в Москве.

Рассмотрим птолемеевскую карту Азии (см. рисунок 1.1). Истоки р. Даикс (р. Яик, современная р. Урал) с её притоками на карте располагаются в трех горных хребтах, не соединенных друг с другом. Следовательно, по Птолемею эти горные хребты не рассматривались как нечто целое, как единый горный массив. Наиболее западные горы – Рымми (Рыммики), а наиболее южные – Норосс (Нороссус). Здесь и далее я использую корневую форму названия гор – Рымми, Норосс. Следует согласиться с мнением, высказанным Ястребовым Е.В.: «...упоминание реки Даикс дает основание считать, что Норосские и Риммикайские горы не что иное как Южноуральские горы» [1.2]. Такого же мнения придерживаются и авторы работы [1.19]. Севернее указанных гор показан ещё один горный массив – Алри (мое прочтение на карте), к удивлению, не упоминаемый другими авторами. По поводу этого названия у меня была длительная, почти два года, дискуссия в форме переписки с коллегами из Германии. Ряд лет проводилась германо-российская экспедиция «По следам А. Гумбольдта по России». По результатам экспедиции создавался итоговый том – книга со статьями участников экспедиции. В своей статье «Гумбольдт и Урал» я, упоминая данные о горах в уральском районе, сказал и о птолемеевской горе Алри. (подробнее см. статью [1.455]). Мои немецкие коллеги сообщили, что на доступных им птолемеевских картах это название читается как Алани. Такая же форма оронима фигурирует и в печатных изданиях труда Птолемея. Однако, рукописных карт Птолемея известно большое количество. И при многократном копировании не могли не возникнуть искажения. Поэтому на карте, находящейся в обороте в русскоязычной литературе, появилось название Алри. А на других экземплярах такой же карты могло значиться Алани. В конце концов не имеет принципиального значения – Алри или Алани. Важно, что на птолемеевской карте в уральском районе показаны три горных массива. Из гор Алри вытекает река, несущая свои воды на север, до обреза карты, соответствующего 65 градусам северной широты. (в птолемеевской системе координат). Западнее гор Алри на карте показаны горы Гипербораи, из которых вытекает река, судя по всему, соответствующая современной р. Каме и являющаяся восточной составляющей р. Ра (р. Волга).

На птолемеевской карте значительно восточнее трех выше указанных горных массивов показан хребет Имаус. На карте Азия VII он размещен на восточном обрезе карты и имеет вытянутый вид в направлении юг-север. На карте Птолемея хребет Имаус доходит до северного обреза карты, до широты 65 градусов (в птолемеевской системе координат). И неизвестно, продолжают ли горы Имаус по Птолемею на север, за обреза карты. Брут А. считал, что хребет Имаус – это современный Алтай [1.22]. Ястребов Е.В. утверждал, что горы Имаус «можно считать прообразом Уральских гор» [1.2], даже несмотря на то, что Имаус размещен на карте значительно восточнее действительно уральских гор Рымми и Норосс.

Каким же современным горам соответствует птолемеевский комплекс гор – Рымми, Алри, Норосс и Имаус? Для ответа на этот вопрос я использовал следующий прием. Некоторые исследователи отмечают, что сетка долгот у Птолемея вытянута в восточном направлении [1.17, 1.19, 1.22], т.е. в одном градусе птолемеевской долготы содержится различное расстояние, увеличивающееся в восточном направлении. Тогда, естественно, для определения соответствия птолемеевских и современных долгот следует построить график взаимозависимости тех и других долгот для пунктов, расположенных на различных долготах. Так я и поступил. Из различных изданий «Географии» Птолемея я выбрал координаты надежно идентифицированных пунктов. Таких, например, как Лондон, Париж, Рим, Стамбул, Кабул, Тегеран, Самарканд и др. После построения выше указанного графика обнаружилось, что взаимозависимость современных и птолемеевских долгот имеет линейный вид (см. рисунок 1.2) и описывается линейным уравнением

$$D_{\text{совр.}} = 0,7077 \cdot D_{\text{птол.}} - 12,74$$

где $D_{\text{совр.}}$ и $D_{\text{птол.}}$ – современная и птолемеевская долгота одного и того же пункта, градусы (более подробно об этом смотри мою публикацию [1.23]).

Как видно из этой формулы, современная долгота пункта пропорциональна птолемеевской долготы, умноженной на коэффициент (0,7077) менее единицы, да к тому же должна быть уменьшена на постоянную величину (12,74). Таким образом, зная птолемеевскую долготу пункта, по приведенной формуле легко рассчитать современную долготу его. По этой же формуле легко можно определить птолемеевскую долготу современного нулевого меридиана. Принимаем $D_{\text{совр.}}=0$ и получаем $D_{\text{птол.}} = 18,00^{\circ}$.

Полученная величина практически совпадает с аналогичной ($18^{\circ}15'$) величиной, приведенной в работе [1.17].

Логично предположить, что подобное растягивание имело место и значений широты в картографической системе Птолемея. Проведя сопоставление птолемеевских и современных широт тех же различных пунктов, я получил подобный график (см. рисунок 1.3) и аналогичное линейное уравнение

$$Ш_{совр.} = 0,89 \cdot Ш_{птол.} + 3,6$$

где $Ш_{совр.}$ и $Ш_{птол.}$ – современная и птолемеевская широта одного и того же пункта, градусы.

Оказалось, что современная широта пункта пропорциональна птолемеевской широте, умноженной на коэффициент меньше единицы (0,89) и увеличенной на постоянную величину (3,6). Отсюда легко определяется широта современного экватора в птолемеевской системе координат. При $Ш_{совр.}=0$ получаем $Ш_{птол.} = -4,04^{\circ}$, т.е. птолемеевский экватор был смещен на $4,04^{\circ}$ на юг по отношению к современному экватору.

В итоге, зная координаты (широту и долготу) птолемеевских географических объектов, можно рассчитать их современные координаты и нанести на современную карту.

Выполним такие пересчеты для птолемеевского хребта Имаус, определив птолемеевские долготу и широту по карте для северного и южного пределов хребта. Для северного его предела птолемеевские координаты составляют - долгота 140° и широта 65° , что в пересчете на современные координаты дает – долготу $86,3^{\circ}$ и широту $61,5^{\circ}$. Аналогичные данные для южного предела: птолемеевские долгота – 140° , а широта – 35° , что соответствует современным – долгота $86,3^{\circ}$ и широта $34,8^{\circ}$. Наноса полосу птолемеевского хребта Имаус по пересчитанным долготе и широте на современную карту, получаем, что Имаус накладывается на Алтайские горы и продолжается на юг до восточной части хребта Тянь-Шань. При этом северная оконечность птолемеевского хребта Имаус на современной карте занимает положение несколько севернее Алтайских гор и хребта Кузнецкий Алатау (примерно на современной широте $60-61^{\circ}$ и долготе 86°). Изложенные соображения позволяют поддержать мнение Брута А., считавшего, что птолемеевский хребет Имаус не что иное, как Алтай. Только следует уточнить, что Алтайские горы представляют лишь срединную часть хребта Имаус. А южная его часть уходит на юг до гор Тянь-Шаня, а северная – в горах Кузнецкий Алатау.

Далее вернемся к «уральским» птолемеевским хребтам.

Пересчитав птолемеевские координаты горных массивов Алри, Рымми и Норосс на современные по выше приведенным формулам и нанеся положение этих гор на современную карту, я получил картину, изображенную на рисунке 1.4. Горы Алри располагаются по широте в районе верховьев рек Урал, Миасс и Ай, что соответствует положению горы Урал на картах Семена Ремезова, составленных в конце XVII – начале XVIII веков. А по долготе горы Алри смещены в восточном направлении, что можно объяснить следующим образом. Птолемей пересчитывал расстояния, пройденные путниками, в географические координаты. А в данном случае путь через Уральский хребет, скорее всего, проходил, по рекам, по искривленному маршруту: р.Белая – р.Уфа – р.Ай – р.Миасс. Такой удлиненный маршрут и привел к смещению гор Алри на восток. С другой стороны птолемеевские горы Алри имеют широтное направление. В то время как реальный уральский хребет протягивается вдоль меридиана. Это кажущееся противоречие можно объяснить таким способом. Древние путешественники пересекали Уральский хребет в широтном направлении, в котором ширина горного массива была значительной. Поэтому в сознании древних людей проходимость горы воспринимались как расположенные именно в широтном направлении. Им не было известно распространение гор к северу и югу от места пересечения Уральского хребта. И лишь значительно позднее Уральский хребет был осознан как меридиональный.

Как видно на рисунке 1.4, птолемеевский горный массив Рымми располагается на пространстве Общего Сырта и распространяется на северо-восток до гор, расположенных в большой излучине в верховьях р.Белой, т.е. в районе современного Южного Урала.

Птолемеевские горы Норосс по широте близки к современному хребту Мугоджары, а по долготе распространяются к западу и к востоку от последнего. Судя по широтному протяжению птолемеевских гор Норосс, их можно связать с наиболее вероятным древним маршрутом, проходящим по широтному участку р. Урал. Это позволяет идентифицировать горы Норосс, состоящими из двух географических участков: Губерлинские горы в западной части и невысокий водораздельный гребень, разделяющий бассейны рек Тобола (на севере) и Иргиза и Тургая (на юге) в восточной части, именуемой в наше время Казахским мелкосопочником. С другой стороны птолемеевские горы Норосс в определенной мере отражают и современный хребет Мугоджары (подробнее см. статью [1.478]).

Таким образом, уже во II веке н.э. Уральские горы частично были известны западному миру. Древние путники пересекали Уральские горы по двум маршрутам. Один из них пролегал примерно по широтному участку р.Урал. Другой проходил по рекам Белая, Уфа, Ай с перевалом в районе современных городов Златоуст и Миасс, около горного массива, именуемого ныне «Уральский хребет».

Не могу не остановиться на ещё одном моменте. Верховья восточного истока р.Ра (современная р. Волга) на карте Птолемея располагаются в горах Гипербораи, имеющих широтное направление.

Пересчитав птолемеевские координаты этого восточного истока на современные (широта 57,5⁰ и долгота 55,2⁰) и нанеся место истока на современную карту, действительно попадаем в район р. Камы вблизи города Перми (см квадратик на рисунке 1.4). Таким образом, древнейшее изображение р. Камы на географических картах можно отнести ко II веку н.э. В этом случае горы Гиперборай можно идентифицировать как возвышенный водораздел между бассейнами рек Волги и Северной Двины.

И, наконец, о северной окраине, изображенной на карте Азия VII Птолемея. Северный обрез его карты находится на 65⁰ северной широты (в птолемеевской системе координат), что соответствует 61,5⁰ в современных координатах. Тогда на современной карте Урала северный обрез карты Птолемея размещается примерно на верховьях рек Вишера – Печора.

1.3 Сведения об Урале в русских летописях

Уже на картах Г. Майницкого 1100 г имеется название Русия, находящееся к северу от устья р. Дунай. На карте 1154 г арабского картографа аль-Идриси показаны Башкирия, Причерноморье, Поднепровье и другие районы Руси. На глобусе М. Бейхама 1492 г имеется надпись о том, что «единственная страна в Европе, покрытая лесами, это – Московия». До середины XVI века в Европе было издано немалое количество карт, на которых показаны различные российские географические объекты. Но на них не были отмечены в полной мере Уральские горы.

Естественно, впервые, упоминания об Урале в той или иной мере, как географическом объекте, появились в русских документальных источниках.

1.3.1. «Горы, зайдучи луку моря»

Первые конкретные сведения, судя по всему, об Уральских горах зафиксированы в русских летописях. Наиболее ранней, из сохранившихся до нас, является летопись именуемая «Повестью временных лет» или «Несторовой летописью» по имени ее составителя Нестора, написавшего ее в Киево-Печорском монастыре в начале XII века. В этой летописи под 1096 г имеется запись, сделанная со слов новгородского боярина Гюраты Роговича, который послал своего отрока в поход с новгородскими ушкуйниками в северные земли, населенные народом Югра: «Послах отрок свой в Печору, люди, иже суть дань дающие Новугороду... Югра же люды есть язык нем, и соседят с Самоядью на полунощных странах. Югра же рекоша отроку моему: «Дивьно мы находим чюдо, его же весьма слышали прежде сих лет, се же третье лето поча быти: суть горы зайдучи в луку моря, им же высота ако до небесе, и в горах тех клич велик и говор... Есть же путь до гор тех непроходим пропастьми, снегом и лесом, тем же не доходим их всегда; есть же и поодаль на полуношии» [1.25].

Вероятно, первым обратил внимание в начале XVIII века на эту запись В.Н. Татищев [1.26], который высказал мысль о том, что здесь речь идет об Уральских горах. Историки по-разному оценивают обсуждаемую летописную запись. Беляев И.Д. полагал, что «у русских того времени географические сведения о глубоком севере Европы и Азии были обширнее и вернее, нежели у всех тогдашних европейцев, а новгородцы год от году, далее проникая в этот край, вероятно, в то же время имели уже сведения более полные, нежели какие сообщены здесь Нестором» [1.27]. Барсов Н.П. высказал противоположное мнение о том, что летописец «не знает ни одной из больших рек, пересекающих этот край, и первые сведения его об Уральском хребте, полученные им из Заволочья, от жившего там племени югры, имеют баснословный характер, и служат несомненным доказательством, что русские не доходили еще тогда до Урала, и знали о нем только по слухам» [1.28]. Ястребов Е.В. считал, что оба упомянутые авторы «перегнули палку, но в разные стороны». Беляев перехвалил достижения наших предков, Барсов недооценил их» [1.2]. Ястребов пришел к выводу о том, что «Летопись Нестора является самым ранним русским документом, в котором приводятся первые элементарные, но достоверные сведения о крайней северной части Уральского хребта» [1.2]. Поддерживая мнение Ястребова о «самом раннем русском документе», я должен высказать только свое соображение по поводу рисунка в книге Ястребова, отражающего обсуждаемый вопрос. На его рисунке 4 на странице 36 изображен предполагаемый путь летописных новгородцев, пролегающий по р. Усе и ее правому притоку р. Адзьве, и далее на северо-западную оконечность хребта Пай-Хой, которую, по мнению Ястребова Е.М. и посетили новгородцы. Однако, следует заметить, что на Пай-Хое отсутствуют горы «высотой до небес», а также «непроходимые пропасти и лес». Я путешествовал на Пай-Хое. И не видел там высоких гор и пропастей. А также там практически отсутствуют леса. Скорее всего новгородцы побывали в более южных районах. Лашук Л.П. считает, что отрок Гюраты Роговича скорее всего шел по р. Щугору через Уральский хребет в зауральскую Югру [1.34], т.е. в районе Приполярного Урала. Однако, исходя из текста летописной записи, трудно оценить район перехода отрока через Уральский хребет. Отрок мог подняться в верховья р. Усы и побывать на Заполярном Урале. Я побывал и в Заполярном и Приполярном Урале. И там, и там имеются высокие горные вершины и глубокие врезанные долины, в части которых находится и лесная растительность. Поэтому отрок мог посетить любой из этих районов. Какой именно? Ответ на этот вопрос навряд ли будет отыскан. Судя по упомянутому рисунку в книге, Ястребов считал, что именно Пай-Хой является горами «зайдучи луку моря», оставив такое мнение без текстового пояснения. Это его

соображение неоднозначно. Если «горы, заидучи моря» есть Пай-Хой, то это территория Югорского полуострова. Но, как указано выше, на Пай-Хое отсутствуют высокие «горы до небес». Скорее это – высокие остроконечные вершины Заполярного или Приполярного Урала.

1.3.2. Через Урал на сибирскую реку Обь

В летописях имеются краткие записи о различных приуральских районах. Так в Ипатьевской летописи под 1140 г записано: «Мстислав моужи свои посла загна половци за Дон и за Волгу за Гиикъ». Гиикъ – это южноуральская река Яик, ныне р. Урал. В Никоновской летописи под 1172 г: «Посла князь великий Андрей Юрьев сын Долгорукаго Боголюбский сына своего князя Мстислава на болгары Волжския и Камские». В московском летописном своде конца XV века под 1220 г: «Великий князь Юрий Всеволодович... посла полкы своя... с Устюга на верх Камы». В Новгородской четвертой летописи под 1364 г сообщается: «дети боярские и молодые люди, и воеводы Александр Абакумович, Степан Ляпа, воевавшие по Обе реки до моря, а другая половина рати на верх Оби воеваша». Это был первый поход русского войска с зафиксированным переходом через Уральский хребет. В Софийской первой летописи под 1396 г упоминаются уральские реки Кама и косвенно Чусовая (древнее название последней – Чюсва): «... река же третья Вятка потече в другую сторону Перми и вниде в Камоу реке, сея же река Кама обходяще всю землю Пермскоую... и потече на оуог в землю Татарскоую и паде в Волгоу ниже Казани 60 верст». И далее: «А се живоуще им около Прьми имен местом и странам и землям иноязычным: двиняне, оустюжане, вельжане, вычегжане, понежане, южане, сириане, галичане, вятчане, лопь, корела, югра, печера, вогуличи, самоедь, пертасы, пермь великая, гамаль чюсавая». В Устюжской летописи под 1465 г: «...велел князь великий Иван Васильевич Василью Скрыбе, устюжанину, Югорскую землю воеваты. А шли с ним охочие люди... Они же, шедше, Югорскую землю воивали, и полону много привели». Из этой краткой записи остается неясным – проходила ли русская рать через Уральский хребет или нет. Однако, в XV веке югры обитали и на восточном склоне Урала. Поэтому, возможно, что Василий Скрыба провел своих людей через Уральские горы. В московском летописном своде конца XV века под 1468 г: «... князь великий многих детей боярских, двор свои послал на Каму воевати мест Казаньских... и в Белую Волошку ходили воевати». В новгородской четвертой летописи под 1472 г: «... князь Пестрой землю Пермскую взял, а которые князю великому грубили, тех всех поимал да к великому князю прислал, а землю всю за великого князя привел». На этот раз русские воеводы ходили двумя отрядами. Один отряд под командой Федора Пестрого взял городок Искор, а другой под руководством Гаврилы Нелидова захватил городок Урос и Пермь Великую (Чердынь).

Царь Иван III настойчиво укреплял свое господство над восточными землями. В 1483 г он послал московскую рать на «великую реку Обь и в Югру». В устюжском летописном своде записано: «А воеводы были великого князя князь Федор Курбский Черной, да Иван Иванович Салтык Травин... а с ними устюжане и вологжане, вычегжане, вымичи, сысоличи, пермяки. И быть им бои с вогуличи на усть реки Пельны... А воеводы великого князя оттоле пошли вниз по Тавде реце мимо Тюмень в Сибирскую землю... А от Сибири шли по Иртышу реце вниз, воююча, на Обь реку великую в Югорскую землю, и князеи югорских воевали и в полон вели». Рать вышла в поход из Устюга 9 мая, а вернулась 9 ноября. Базилевич К.В. предположил, что отряд Ф. Курбского в 1483 г преодолел Уральский хребет по рекам Кама – Вишера и на реку Лозьву [1.44]. Такой же путь указывает и Каргалов В. [1.70], уточняя, что рать прошла по рекам Северная и Южная Кельтмы в Чердынь, а далее по Вишере и Велсу с перевалом в Кул и вниз по Вижаю. Каргалов приводит некоторые интересные детали. С. Курбскому во время похода было 45 лет. Дорогу с перевалом через Камень показал вогул Емельдаш. На обратном пути московитичи поднялись вверх по р. Ляпин и перевалили через Камень на р. Щугор. Лебедев Д.М. считал, что в 1483 г московская рать из верховьев р. Вычегды перешла на р. Мылву, приток р. Печоры, и из истоков последней попала сразу в р. Пелым [1.30]. Ястребов попытался учесть оба мнения, высказанных выше, о пути прохождения московитичей через Уральские горы в 1483 г [1.2].

По мнению Ястребова рать перевалила через Камень в верховья р. Лозьвы либо из верховьев р. Печора или от истоков р. Вишера. А далее вниз по рр. Лозьве и Тавде до устья р. Пелым, где и произошло сражение с вогуличами. Следует согласиться с первой частью мнения Ястребова: войска, перевалив через Камень, попали на р. Лозьву. А вот откуда они подошли к перевалу через Камень – из Печоры или из Вишеры – я однозначно поддерживаю мнение Каргалова. Такое решение подсказывает перечисление мест, откуда приходили участники рати: устюжане и вологжане (с р. Сухона), вычегжане (на р. Вычегда), вымичи (в устье р. Вымь), сысоличи (по р. Сысола) и пермяки (с верховьев р. Кама). От последней прямой путь в истоки р. Вишеры и к перевалу через Уральские горы по р. Велс. Именно участие пермяков позволяет идентифицировать путь войска через рр. Каму и Вишеру. На этот путь косвенно указывает следующий исторический факт. Позднее, немного более столетия, именно этот путь был избран для проложения маршрута через Уральские горы с заложением Лозьвинского городка на р. Лозьве в устье р. Ивдель. А на обратном пути войска пересекали Урал в более северном районе. После этого похода в титулатуре Ивана III появился термин «югорский».

В 1499 г Иван III отправил рать снова за Уральские горы, в Сибирь. Воеводами в этом походе были Семен Курбский (сын Федора Курбского, руководителя уральского похода в 1483 г), Петр Ушатый и

Василий Бражник Иванов сын Гаврилов. В устюжском летописном своде записано: «Они же, ходивше на лыжах пеши зиму всю, да Югорскую землю всю вывоевали и в полон вели». Более подробные сведения об этом походе имеются в Разрядной книге. «С оления броду на многие реки ходят, и пришли в Печору до Усташу града». На этот раз отряды шли разными путями и собрались на р. Печоре, где заложили Усташ-град. У историков существуют разные мнения по вопросу о месте расположения Усташ-града. Беляев И.Д. считал, что отряды соединились в устье р. Усы. Лерберг А.Х., Замысловский Е.Е. и др. помещают Усташ-град между устьями рек Щугор и Подчерем. На путь до Усташ-града ушло все летнее время. Переждав распутицу уже на лыжах отряды отправились через Уральский хребет. «От Печоры шли воеводы до Камени две недели; и тут развелись воеводы князь Петр да князь Семен Камень щелью, а Камени в оболочках не видать, коли ветрено ино оболочка раздирает, а длина его от моря до моря... А от Камени неделю, до первого городка Ляпина». В этой летописной записи весьма существенно два момента.

Горы, через которые перевалило войско, названы Камнем. Вероятно, это первое упоминание в летописях такого названия северной части Уральских гор. Можно полагать, что Камень – это не собственное, а нарицательное название. Камень есть в принципе гора, горный хребет. К такому мнению позволяет подойти ряд исторических записей. Так, например, более поздняя этнографическая карта Сибири, составленная С. Ремезовым и именуемая как «Чертеж и сходство наличие земель всей Сибири» [1.29]. На этой карте в виде светлых ленточек со штрихами показаны горные хребты на территории Сибири, от Урала до Камчатки. И на всех горах стоит одинаковый номер – 93 (в десяти местах), включая и Уральский хребет, изображенный в виде изогнутой дуги, от южного конца которой отходят горы, уходящие на восток. Ремезов расшифровывает этот номер 93 следующим образом: «Облежит границу жилья и земли околных сосед вечное основание превысокий КАМЕНЬ (выделено – КВГ) вокруг всю Сибирскую землю судьбами божими устроися, яко стена или град тверд, верхи имущи, выше облак досягающее до небес, отделяющее Сибирь от орд высотой и широтой и малопроездом степи и моря, неведомыми и непроходными путями». На этой карте [1.29] имеются записи:

- «... зимовье Якуцка, с Юдомы реки на Урал на вершину... а от Камени до Тугуру...»,

- «... река Витим, а на том Камени снег и все лето не сходит...»,

- «... Верхоянским Камнем... Камень Голец усть Лены выпал Столб каменной на устье Лены реки...»,

- «... река Яна, Камень и хребет Янской...»,

С. Дежнев, обследовавший северо-восток Сибири, в одной из своих отписок записал: «... той реке Анадыре чертеж с Онюя реки и за Камень на вершину Анадыру» [1.41].

В 1675 г Спафарий-Милеску в качестве русского посла ездил в Китай. В своем дневнике об этом путешествии он сделал несколько записей, интересных для рассматриваемой проблемы о Камени [1.42]:

- «... Река Иртыш... вершины ее истоков из Камени... Вершины реки Иртыша текут из Монгольских гор, которые по-русски именуются Камень... до самого китайского рубежа все Камень... И та речка Бешка течет из Камени и падает в реку Иртыш... течет речка невеликая, имя ей Карбуга, и течет та речка из Камени в Иртыш... по левую сторону до речки Енкуля ходу три дня, а выпала та речка из Камени в Иртыш...»;

- «... Другая вершина великая реки Амура есть река Аргуня, течет из великого озера Далая через хребты и Камени степные и впала в Шилку реку...».

Для сравнения приведу другую запись из книги Спафария: «... река Реж, да река Ирбит, да река Тишма, которые все из озера из Камени текут и впадают в Туру реку... А в той реке Исете, едучи вверх по ней, падут из Камени ж, из озера река Теча да река Мияс, с левой стороны также река Иртыш, также река Синара...».

Из приведенных примеров однозначно следует, что в XVII веке русские люди Камнем именовали любые горы, любой горный хребет. На всей территории Сибири, от Урала до Китая и Тихого океана горы по-русски именовались Камнем. На это обратил внимание также Ястребов [1.60]. И название это – Камень – было нарицательным. Камень и Гора (горы) были практически синонимами.

Примечательным является в летописной записи о походе русской рати в 1499-1500 гг в Югру через Камень упоминание о том, что длина Камня «от моря до моря». Вероятно, это первое известие о такой длине Камня. Можно полагать, что первое море – Северный Ледовитый океан. А второе море – Каспийское. И о том и о другом морях на Руси в конце XV века уже имелись известия.

Где же перешли русские отряды через Уральский хребет? Беляев И.Д. [1.27] и Лебедев Д.М. [1.30] считают, что войско преодолело Уральские горы по Собскому проходу между истоками рек Елец (приток р. Усы) и Соби. Ряд других авторов имеют другое мнение, считая, что войско перешло через Урал по Щугорскому проходу. Я присоединяюсь к мнению последних авторов с небольшими уточнениями. Прежде всего следует отметить решение о выборе пути в страну вогуличей. Маршрут военного похода русского войска в 1483 г на переднем пути проходил через реки Каму и Вишеру, а на восточном склоне Урала – по рекам Лозьеве, Тавде. Обратно же войско возвращалось где-то от низовьев р. Оби. Далее отмечу, что воеводой похода 1499 г был Семен Курбский, сын Федора Курбского, воеводы похода 1483 г. Можно полагать, что отец передал сыну информацию об удобном переходе через Урал с выходом на реку Печору. Но, вероятно, рассказал о многочисленных болотах, которые действительно располагаются на склонах гор. И посоветовал сыну пойти через Уральские горы зимой. По уже

известному пути отправился Семен на вогуличей. Поэтому и в 1499 г отряд Семена отправился сразу по Вычегде на Печору, а не на Каму. Кстати, в перечне воинских групп у Семена Курбского не числятся пермяки, на территорию которых отряд С. Курбского не заходил. А вот отряд Гаврилова шел на реку Печору через земли пермяков по маршруту: р. Волга – р. Кама – р. Колва – р. Печора. Отряд П. Ушатого добирался до Печоры дальним окружным путем: р. Северной Двина – р. Мезень – р. Цильма. Встретились все три отряда на реке Печоре в районе рек Щугор – Подчерем. В летописи указано, что при переходе через Уральский хребет на лыжах «развелись» воеводы Семен и Петр «Камень щелью», т.е. они преодолевали горы в разных местах. Об этом говорит и слово «щелью» в летописной записи. «Щелью» - это несколько искаженное мансийское слово ссэлье, означающее переход, перевал через хребты и горы. Это подтверждают и другие строки летописи: «Ляпин взяли и поимали 33 города, да взяли 1009 человек лучших людей, да 50 князей привели. Да Василий же Бражник взял 50 городов да 50 голов». Отсюда видно, что отряд Василия Бражника шел отдельным маршрутом. Отмечу также, что именно на Щугорском перевале, в районе гор Тельпос-из и Неройка располагаются высокие, крутосклонные вершины, производящие эффектное впечатление. А на Собском переходе окрестные горы чаще имеют мягкие очертания. Я побывал и на Собском и на Щугорском переходах. И чисто зрительно последний более подходит под эмоциональное восприятие москвитичей, преодолевших Урал в 1499 г. Несомненно их впечатление усиливалось с учетом зимнего пейзажа окрестных вершин.

Немного о Семене Федоровиче Курбском. Он был ярославским князем, прозванным по имени своей отчины – Курбы. Он – старший сын князя Федора. Участвовал во многих военных походах москвитичей: в 1495г –на Новгород; в 1499/1500 гг – на Югру; в 1506 г – в Казанском походе «стоял на Каме у перевоза»; в 1507 г – в походе на Литву возглавлял передовой полк; в 1513 г – в походе на Смоленск; в 1514 г – в походе на Полоцк возглавлял полк левой руки; в 1515 г – в очередном походе на Литву командовал передовым полком; в 1523 г – возглавлял передовой полк в походе на Нижний; в 1524 г – командовал передовым полком судовой рати в походе на Нижний Новгород, в котором находился и в 1528 г. Как видно из приведенного перечня, Семен Федорович прекрасно владел воинским делом. В 1510-1515 гг он был наместником во Пскове, а в 1519 г – в Стародубе. Однако, в конце жизни он попал в опалу, из-за негативного отношения ко второму браку Василия II [1.33]. Перечень походов, в которых участвовал Семен Федорович, характеризует его как опытного «военного путешественника». С. Герберштейн, австрийский дипломат, дважды – в 1517 и 1526 гг - побывавший в Московии в качестве посла австрийского императора Максимилиана и эрцгерцога Фердинанда, в 1549 г издал книгу под названием «Записки о Московии» [1.31]. В книге он записал, что в Москве он встретился с Семеном Курбским, который рассказывал ему о походе 1499 г. Семен Курбский сообщил, что «он потратил 17 дней на восхождение на гору и все-таки не смог одолеть ее вершины, называемой на его родном языке Столп». Здесь Герберштейн не совсем точно понял С Курбского. От Печоры до Камени, согласно летописной записи, войско шло две недели. Такой срок реален, например, для маршрута от устья р. Щугор до первых гор Уральского хребта (Камени). Затем ещё три дня воины шли в горах до перевала, что также вполне реально. Но при этом прошли мимо высоких вершин, не поднимаясь на них. Поэтому понятны слова С. Курбского о том, что за 17 дней они так и не поднялись на гору Столп. Они прошли мимо ее. Замысловский Е.Е. считал, что гора Столп соответствует современной вершине Тельпосиз [1.32]. С таким мнением трудно согласиться. В одном из моих путешествий я побывал у подножия горы Тельпосиз, вершина которой смотрится в виде высокого вытянутого гребня с несколькими поднятиями. А вот гора Сабля, которую хорошо видно даже от устья р. Щугор, представляет собою настоящий Столп в виде островершинного конуса. Поэтому я склонен за Столп Курбского принять именно гору Сабля.

Несомненно в военных походах русских ратей в Зауралье были составлены описания пройденных путей и схематические абрисы – карты посещенных районов Урала. Оригиналы таких описаний и карт не сохранились до нашего времени. Но они нашли отражение в русских летописях, из которых однозначно видно, что уже к концу XV века Уральский хребет воспринимался у русских людей в качестве протяженного горного хребта, вытянутого с севера на юг, от Северного Ледовитого океана до Каспийского моря.

1.4.Формирование представлений об Уральском хребте

Напоминаю, что на географической карте мира Г. Майницкого 1100 г к северу от устья р. Дунай нанесено название «Россия». На Эбстерфской карте мира 1235 г уже показаны 14 географических названий, относящихся к территории России. На карте венецианца Фра Мауро 1459 г пять раз нанесены надпись «Россия» и три раза – «Пермия». На ряде карт имеются обозначения части горных хребтов, относящихся к Южному Уралу, изображенных в птолемеевой традиции (карты аль-Идриси 1154 г, Андреа Бианко 1436 г, Ехана Шнитцера 1482 г, Шёнера 1515 г, Вадиана 1534 г и др.). Все эти изображения якобы современных на то время Уральских гор имели скорее мифические оттенки.

В конце XV- начале XVI веков в Московии начались активные работы по сбору информации о территории государства. С 1490 г расширились границы районов, в которых составлялись писцовые книги. С 1504 г начались межевые работы с составлением межевых грамот. С 1514 г стали составляться чертежи пограничных земель. В Москве собирали и сопоставляли различные дорожники. Полученные

данные обобщались. А накопленная информация рано или поздно должна была трансформироваться в составление чертежей (так в те времена называли географические карты). Известна «Опись царского архива XVI в» времени Ивана Грозного. В ней указаны пять росписей чертежей, в которых перечислено около 400 географических русских чертежей, собранных в Посольском, Разрядном и Тайном приказах. Более половины чертежей имелись в Разрядном, т.е. в военном приказе, что подчеркивает их воинское предназначение. Следует отметить, что в Тайном приказе имелось всего 8 чертежей. И среди них был чертеж «Городам по реке Яику», единственном по территории Уральского хребта. Благодаря кропотливому труду исследователей в российских архивах к началу 90-х гг XX века было выявлено около 1200 древних русских чертежей [1.35]. Пока древнейшим из них является «Чертеж земель по реке Солонице» 1536 г, фиксирующий правобережье р. Волги в Костромской области [1.35]. Характерными особенностями древних русских чертежей являются отсутствие строгих масштабных соотношений и координатной сетки.

В XIX и первой половине XX веков среди историков картографии было распространено мнение о том, что первые карты России (Московии) были изготовлены в Европе, со ссылками на карты Б. Аньезе 1525 г, А. Вида 1542 г, А. Дженкинсона 1562 г и др. Однако, некоторые из вышеуказанных составителей карт не скрывали факты использования русских карт и напрямую записали эти известия.

В 1525 г Дмитрий Герасимов ездил в посольство к римскому папе Климентию VII. Ему было поручено найти и привезти в Россию различных мастеров и инженеров. В длительных беседах с Герасимовым участвовал Павел Иовий Новокомский, который на основе расспросов о состоянии Московии написал книгу под длинным названием – «Книга о посольстве Василия, великого государя московского к папе Климентию VII, в которой с особой достоверностью описаны положение страны, неизвестное древним, религия и обычаи народа и причины посольства. Кроме того, указывается заблуждение Стробона, Птолемея и других, писавших о географии, там, где они упоминают про Рифейские горы, которые, как положительно известно, в настоящее время, нигде не существуют». В этой книге упоминаются «крутые горы», через которые надо добираться до югричей и вогуличей. Автор книги делает ссылку на прикладываемую карту Московии. Однако, в напечатанной книге карта отсутствовала. Позднее такую карту составил Баттиста Аньезе. Он записал, что карта эта составлена по сообщениям русского посла Дмитрий Герасимова, который показывал карту Московии.

В 1542 г карту Московии составил Антоний Вид, который сослался на информацию, предоставленную ему И.В. Ляцким, бежавшим в 1534 г из Московии. Карта А.Вида имеет южную ориентировку (вверху карты располагается юг). Именно такую ориентировку имели в то время русские карты. А европейские карты того времени имели северную ориентировку: на них север располагался вверху карты. В 1614 г Гессель Герритс изготовил карту Московии, которую, по его признанию, он выполнил по карте русского царевича Федора. На карте Г.Герритса цветная граница Московского государства соответствует ситуации 1514-1536 гг, т.е. на столетие ранее даты составления чертежа [1.36]. В 1706 г французский картограф Гийом Делиль выпустил карту Московии, которую он посвятил двинскому воеводе А.А. Матвееву, русскому послу, передавшему ему подробную информацию о двинской земле. В то же время ряд европейских картографов создавали карты Московии без каких-либо ссылок на русские источники. Во второй половине XX века советские историки-картографы сумели показать, что в основе практически всех европейских карт Московии использовались древние русские карты [1.36, 1.37]. Так на карте Антония Дженкинсона 1562 г вне границ Московии показаны земли, вошедшие в состав Московского государства значительно ранее года составления карты. По этому показателю карта Дженкинсона отображает ситуацию, относящуюся к 1497 г. Именно к этому году исследователи относят составление первой русской карты Московии, так называемого Старого чертежа. В 1523 г был составлен русский новый чертеж Московии, который был в распоряжении Д. Герасимова. Этот новый чертеж 1523 г стал прообразом чертежей Б. Агнеше 1525 г и А. Вида 1542 г. Здесь уместно вспомнить сообщение В.Н. Татищева, найденное им в сказании суздальского епископа Симеона, о том, что в 1552 г великий князь Иван «земли велел измерять и чертеж государства сделать». В итоге многотрудных работ была создана новая карта Московии. Но об этом – чуть позже пойдет речь.

1.4.1. Старые европейские карты с изображением Уральских гор

Как же изображались Уральские горы на старых европейских картах?

Со второй половины XV по первую половину XVI веков в Европе на издаваемых картах изображались горы, расположенные к северу от Каспийского моря. На картах обычно показана была река, вытекающая в южном направлении из таких гор и впадающая в Каспийское море. Сами же горы имели широтное распространение. Эту реку современные исследователи обычно считают р. Яик (р. Урал), а горы – южной частью современных Уральских гор. Такая картина приведена на большом количестве старых европейских карт, например: Е. Леардус (1448 г), П. Госканелли (1457 г), П. Мела (1482 г), Г. Мартеллус (1498 г), П. Аппиан (1520 г), О. Финнеус (1531 г), Г. Сидери (1552 г), Я. Гастальдо (1561 г) и др. Характерной особенностью названных карт является отсутствие названий гор, показанных на картах. Все эти карты в своей основе имели карту Птолемея. Поэтому в этот же период времени в Европе были

изданы карты птолемеевского типа, на которых были нанесены названия гор, заимствованные у Птолемея, например:

- Ф. Розелли (1508 г) – показаны горы Гипербораи;
- Рюйш (1508 г) – надписаны горы Риммики, Алани, Сиеби, Имаус;
- Шенер (1515 г) – обозначены горы Риммики и Имаус;
- Вальдземиллер (1516 г) – указаны горы Гипербораи и Норосс.

Из вышеизложенного следует однозначный вывод о том, что в конце XV – начале XVI веков европейские картографы не имели никакого представления об Уральских горах. При этом копировались данные Птолемея: в вариантах с птолемеевскими названиями гор или без таких названий.

Информационный прорыв в Европу произошел в 1525 г, когда российский посол Дмитрий Герасимов посетил римского папу Климентия VII и показал итальянцам русскую карту Московии. Данные этой русской карты использовал Б. Аньезе, который по «горячим следам» в том же 1525 г составил карту, сославшись на карту Д. Герасимова. На карте Б. Аньезе (см. рисунок 1.5) горы показаны холмиками в двух местах. Одни горы нанесены между Черным и Каспийским морями. Это, вероятно, - Кавказские горы. Вторые горы обозначены в северо-западном углу карты. Между Балтийским морем и Северным Ледовитым океаном. Около холмиков этих гор стоит нечитаемое название именно гор (monts). А у восточного конца гор нанесена и подписана р. Печора, впадающая на севере в океан. Здесь же стоит надпись – Югория. А несколько восточнее – область Пермия. Таким образом, показанные горы – Уральские. Но нанесены они на карте совсем не на своем месте. Там, где они должны располагаться, т.е. севернее Каспийского моря и восточнее верховьев показанной реки Камы, отсутствуют географические объекты. А нарисована группа шатров. Как же могло случиться, что Уральские горы оказались по соседству с Балтийским морем? Если учесть наличие русского оригинала карты, то это вдвойне удивительно. Объяснить такую ситуацию может только какой-то казус. Могу предложить следующий вариант. Русская карта, которую показывал Д. Герасимов, имела значительные размеры (судя по карте Б. Аньезе – 230x320 мм). Перевозить такую карту в несвернутом виде было неудобно. Поэтому карту, судя по всему, складывали. Так поступил и я, сложив копию карты Б. Аньезе дважды и по длине и по ширине. От частого сгибания и разгибания карта, без всякого сомнения, распалась по сгибам на несколько частей. Я же просто разрезал свою копию карты по сгибам на отдельные кусочки. И с удивлением обнаружил, что, если два северных соседних кусочка карты поменять местами, то река Печора и Уральские горы окажутся на своем нормальном месте, несколько севернее истоков р. Камы. Но для этого кусочек карты с Уральскими горами пришлось перевернуть на оборотную сторону. Тогда река Печора располагалась западнее Уральских гор, а не восточнее, как на карте Б. Аньезе. Такой «фокус» объясним при условии частого копирования русского оригинала карты, за счет чего на оборотной стороне прорисовались все линии. Когда Д. Герасимов показывал свою карту Московии, он, вероятно, складывал карту из отдельных кусочков. И нам уже никогда не узнать, случайно или сознательно он поменял два кусочка местами при показе своей карты. О «зеркальном» расположении северной части России на карте Б.Аньезе писал также Б.А. Рыбаков [1.115].

Около 1537 г А. Вида составил карту Московии, на которой Уральские горы показаны таким же образом, как и на карте Б. Аньезе. Вероятно, для обеих этих карт источником служил один и тот же оригинал. На карте А. Вида Уральские горы показаны на берегу Белого моря и вытянулись на восток вдоль океанского побережья (см. рисунок 1.6). На карте А.Вида р. Печора берет истоки в горах, но показана текущей на запад. И расположена она западнее р. Северной Двины. На карте А.Вида четко показано Белое море и Соловки, расположенные на острове (с надписью на карте). А на карте Б. Аньезе Белое море вообще не показано. На карте А.Вида надписи сделаны на двух языках: вначале на иностранном, а далее продублированы на русском языке (вероятно, уточнения делались по совету И.В. Ляцкого).

Судя по карте Московии Б.Аньезе и А.Вида в начале XVI века в Европе существовало явно ошибочное представление о местонахождении Уральских гор.

1.4.2. Карта в книге австрийского посла

Первая из известных европейская карта с реальным расположением северной части Уральских гор была составлена в 1546 г и приложена к книге «Записки о Московии» барона Сигизмунда Герберштейна. Родился он в Австрии в Випаве в 1486 г. Учился в Венском университете, где в 16-летнем возрасте получил звание бакалавра. Полтора десятка лет со шпагой в руках служил в австрийской армии. А затем продвинулся на дипломатическую службу. Герберштейн в качестве посла дважды – в 1517 и 1526 гг – побывал на Руси, где собрал обширную информацию о русской истории, культуре, быте и пр. Вскоре после возвращения из второй поездки в Россию Герберштейн создал первоначальный вариант труда, описывающего его восточные посольства. Но вернулся к окончанию книги о Руси только в начале 40-х гг XVI века. К 1544 г книга была завершена. В 1546 г был составлен первый вариант иллюстраций. И в 1549 г «Записки о Московии» Герберштейна увидели свет. Его книга стала в Европе основным источником сведений о Русском государстве. Первое издание «Записок о Московии» было осуществлено в Вене на латинском языке. Вскоре книга была переведена на итальянский (1550 г) и несколько раз на

немецкий (1557, 1560, 1567 гг) и другие языки, а позднее на английский (1577 г) и чешский (1590 г) языки. В течение XVI века книга Герберштейна претерпела 20 изданий. На русском языке «Записки о Московии» были впервые напечатаны в 1832 г в журнале «Воспоминания на 1832 г». На русском языке книга издавалась ещё несколько раз. Последнее издание было осуществлено издательством Московского университета в 1988 г [1.31].

«Записки о Московии» Герберштейна имели в Европе огромный успех. Известно выражение, сделанное Дж. Турбервилем: «Прибегни к книге Сигизмунда Герберштейна, который может рассказать всю правду». Однако, Герберштейн в своей книге допустил немалое количество ошибочных сведений, что позволило Ив. Иванову в 1894 г дать следующую оценку: «Этот Герберштейн исторический родоначальник европейских сказочников о нашем отечестве».

Меня же в «Записках о Московии» Герберштейна интересует не столько текст (за одним исключением), а карта Московии приложенная к книге. Надпись на карте гласит о том, что карта изготовлена для книги о Московии барона Герберштейна (см. рисунок 1.7). На карте, приложенной к книге, указан год – 1549. В этот год была опубликована книга. Но известна аналогичная карта, на которой указан иной год – 1546. В целом обе карты однотипны, различаясь только мелкими деталями: различное оформление герба Герберштейна в левом нижнем углу, иное оформление зарамочных рисунков, различие в рисунках Златой Бабы и др. На карте 1546 г в средней правой части под масштабной линейкой имеется надпись с упоминанием фамилии немецкого художника, картографа и гравера Августина Хиршфогеля. А на карте 1549 г такая надпись отсутствует. В ряде последующих изданий книги Герберштейна приложена карта 1549 г, с незначительными уточнениям, в основном касающимися зарамочных оформлений. На некоторых картах 1549г нанесено большое количество знаков леса, по наличию которых такие карты именуют «лесными». И только в одном, в венецианском итальянском переводе «Записок о Московии» Герберштейна, приложена совершенно иная карта Московии. Изготовил такую карту итальянский картограф Джакомо Гастальдо, о чем имеется надпись на карте (см. рисунок 1.8). Указан и год создания карты – 1550. Все другие карты, приложенные к «Запискам о Московии» Герберштейна, имеют прямоугольные рамки, и не имеют градусной меры. Карта Дж. Гастальдо имеет трапециевидные рамки, на которых нанесены градусы широты и долготы.

Не смотря на некоторые мелкие различия, на всех картах Московии, приложенных к книге Герберштейна, впервые правильно показано расположение северной части современных Уральских гор. Они находятся между реками Печора и Обь. Западнее гор показана река Печора, а восточнее – река Обь. На всех других картах горы показаны чередой холмиков. На карте Гастальдо Уральские горы нанесены полосой, вплоть до истоков р. Яик (современная р. Урал) с незначительным изгибом в средней части. На остальных же картах череда холмиков доходит только до истоков р. Речица (современная р. Чусовая). Характерным отличительным признаком карты Гастальдо являются горы, показанные дополнительно между Белым и Балтийским морями. Эти горы на всех других картах, приложенных к книге Герберштейна, отсутствуют. На таких картах место этих гор занимает рамка с надписью о том, что карта приложена к книге Герберштейна.

На карте, приложенной к итальянскому переводу «Записок о Московии» Герберштейна, однозначно указан ее автор – изготовитель. Им был Джакомо Гастальдо. А кто же изготовил карту, приложенную к первому, венскому, изданию книги?

На карте 1546 г в средней части у восточного края в рамке сделана запись на латинском языке, которая гласит: «Случайно полученная географическая карта завершенная Августином Хиршфогелем Вена Австрия. С помощью преимущественно простой обработки насколько это было возможно» (перевод КВГ). Зачастую исследователи рассматриваемую карту называют «картой Герберштейна». Однако, вышеприведенная надпись на карте 1546 г говорит об ином. Карту, как гравёр, исполнил Хиршфогель. Он чистосердечно записал, что карту он получил «случайно» и только «обработал» ее «насколько это было возможно». Если бы карту привез с собой из Московии Герберштейн и передал ее Хиршфогелю, то последний обязан был бы сообщить об этом. Но Хиршфогель говорит о том, что карта досталась ему по случаю, не называя источник. Хорошкевич А.Л., комментируя «Записки о Московии» Герберштейна московского издания 1988 г, со ссылкой на статью Харрауер сообщает, что Хиршфогель использовал карту Скандинавии Ливена Альдота, полученную Хиршфогелем в 1539 г от К. де Шепера, и карту И.В. Ляцкого, присланную в 1541 г из столицы Литовского княжества. Таким образом, не следует называть ни Герберштейна, ни Хиршфогеля авторами карты, приложенной к книге «Записки о Московии» Герберштейна.

Каков же источник рассматриваемой карты?

Харрауер упоминает карту И. Ляцкого, попавшую к Хиршфогелю в 1541 г. Но тогда такая карта должна быть близка к карте Московии Антона Вида, которую Б.А. Рыбаков датирует в широком диапазоне лет – 1542-1555 гг [1.36] и именует – «карта Московии Антона Вида – И.В. Ляцкого». На карте Вида изображена часть Скандинавии. Однако, на герберштейновской карте (будем далее так условно называть карту, приложенную к книге «Записки о Московии» Герберштейна) Скандинавия вообще не изображена. На карте Вида отсутствуют Каспийское море и Кавказские горы, которые изображены на герберштейновской карте. Наконец, и это самое главное, на карте Вида Уральские горы (со стекающей с них рекой Печорой) показаны ошибочно на побережье Белого моря. А вот на герберштейновской карте

северная часть Уральских гор расположена на своем реальном месте. Герберштейновская карта имеет большое сходство с картой Московии Б. Аньезе 1525 г. В левой верхней части этих карт одинаково расположено Балтийское море, а в нижней частях – Каспийское море и Кавказские горы. На картах Аньезе и герберштейновской однотипно, друг против друга, изображены большие излучины рек Волги и Дона. А на карте Вида показана только одна излучина на реке Дон. На герберштейновской карте изображена река Днепр, а на карте Вида эта река отсутствует. При этом на картах Вида и Аньезе Уральские горы нанесены на побережье Белого моря, а на герберштейновской карте они изображены на реальном месте – между реками Печорой и Обь. Ещё одна деталь: на герберштейновской карте сделаны надписи городов Клинов, Хлынов, Орлов и др. на реке Вятке (правда последняя ошибочно показана как левый, а не правый приток реки Камы), а на картах Аньезе и Вида указанные города отсутствуют. Отсюда можно сделать вывод о том, что источником герберштейновской карты была какая-то русская карта. По мнению Рыбакова Б.А. в Московии были изготовлены отечественные карты в 1497, 1523 и 1526 гг [1.36], которые не сохранились до нашего времени. Скорее всего, источником герберштейновской карты была именно одна из русских карт, составленная в 1523 или 1526 гг.

На герберштейновской карте Уральские горы нанесены чередой холмиков, вдоль которых идет надпись: «Montes dicti cingulus terrae» («Горы называемые земной пояс страны»). Любопытная деталь: в верховьях реки Печоры показан перерыв в череде гор (холмиков), от которого на восток в реку Соссу и Обь течет показанная на карте река Артавиша с притоком Сибут. Артавиша и Сибут! Реки с такими названиями ранее на картах нигде не упоминаются. Не встречаются они и в русских летописях. Как же они появились на герберштейновской карте? Некоторое глухое пояснение находится в тексте «Записок о Московии». Герберштейн записал: «Владения московского государя простираются далеко на восток и несколько к северу от нижеперечисленных мест. Мне достали одно их описание на русском языке, содержащее расчет пути. Я перевел его и вставил сюда, проверив расчеты». В книге на четырех страницах представлен дорожник «Путь к Печоре, Югре и до самой реки Оби». Часто этот дорожник называют Югорским и считают его самым ранним географическим описанием Северо-Востока Европейской России. Высказаны различные мнения о происхождении Югорского дорожника. Замысловский Е.Е. [1.32], а Мартюшев А.М. [1.43] и Базилевич К.В. [1.44] с оговорками, считали, что Югорский дорожник составили участники экспедиции, направленной из Москвы в Усть-Цильму и далее на Приполярный Тиман в 1491 г. Другую точку зрения высказали Дмитриев А.А. [1.45], Чожмор [1.46], считавшие, что Югорский дорожник составили купцы, торговавшие с Югрой. Плигузов А.И. [1.47] считал, что это были новгородские и псковские купцы, которые искали обходные северные пути торговли с северо-восточными народами, продававшими пушнину, минуя более южные торговые маршруты, контролируемые Москвой. Думается, подход к объяснению первоисточника Югорского дорожника, предлагаемый Плигузовым, верен, но требует уточнения в некоторых деталях, рассматриваемых мною ниже.

Согласно Югорскому дорожнику путь начинается из Москвы и идет через Вологду и далее по рекам Вологде и Сухоне мимо Устюга и вниз по реке Двине. Известно, что Вологда в 1481 г перешла из-под Новгородской власти к московскому князю Ивану III. Следовательно, этим путем новгородские и псковские купцы могли пользоваться только до 1481 г. В югорском дорожнике записано: «Хотя те, кто едет туда из Москвы, пользуются весьма торной кратчайшей дорогой от Устюга и Двины через Пермью». Поэтому были известны и другие торговые пути, кроме рекомендуемого Югорским дорожником.

Далее обратимся к маршрутам отрядов московской рати в военном походе за Камень в 1499-1500 гг. Отряд под предводительством В. Бражника Гаврилова от р. Вычегды ушел сначала в Пермью, откуда перебрался на р. Печору. Этот путь был хорошо известен москвитичам в середине XV века. Именно этим путем прошла московитская рать во главе с воеводами Ф. Курбским и И. Салтык Травином в 1483 г через р. Каму и далее через Камень в Сибирь. Отряд С. Курбского в 1499 г двигался также уже по известному маршруту по рекам Вычегда, Вымь и далее на р. Печору. Скорее всего, именно этим путем возвращался из Сибири отряд Ф. Курбского в 1483 г. Отряд П. Ушатого в 1499 г отправился по более северному маршруту. Ещё в Москве, при отправлении в поход, все три воеводы прекрасно знали, что они должны встретиться на р. Печере между устьями рек Щугор и Подчерем. В этих условиях, трудно себе представить, чтобы П. Ушатого отправили по совершенно неизвестному маршруту. Следует понимать, что северный отряд отправился в путь по маршруту Югорского дорожника, проложенному купцами на р. Печору ранее. Плигузов считал, что маршрут Югорского дорожника не соответствует маршруту, пройденному в 1499 г отрядом во главе с воеводой П. Ушатым [1.47]. Сравним эти два маршрута. Первый участок от Москвы до Вологды и далее вниз по рекам Вологда, Сухона, Двина и вверх по р. Пинега – одинаков. Третий участок от устья р. Пеза вверх по ней и далее волок судов в р. Чирку и вниз по последней и р. Цильме до р. Печоры – также одинаков. А вот второй, средний, участок на таких маршрутах разный. В Югорском дорожнике рекомендуется такой маршрут: из верховьев р. Пинеги – волок в верховья р. Кулой и спуск по ней до устья, а далее по морю вдоль берега до устья Мезенской губы и вверх по р. Мезень до устья р. Пезы. А отряд П.Ушатого прошел другим путем: из верховьев р. Пинеги – волок на срединный участок течения р. Мезень и спуск вниз по ней до устья р. Пезы. Прохождение отрядом П. Ушатого волока с р. Пинеги сразу на р. Мезень подтверждается архивным документом, приведенным Г.Ф. Миллером в «Истории Сибири»: «Послал великий князь князя Петра

Федоровича Ушатого до поддал ему детей боярских вологжан. А пошли до Пинежского волочку реками 2000 верст, да тут сожались с двиняны, да с пинажаны, да с важаны. А пошли с Ильина дня... на многих реки ходили и пришли в Печору реку» [1.53]. Отсюда видно, что москвитичи шли только по рекам. В документе не упоминается их выход на море. Различие срединных участков Югорского дорожника и маршрута, пройденного отрядом П. Ушатого, легко объясняется. Московская рать в 1499 г преодолела трудный, длинный и заболоченный волок между реками Пинега и Мезень. Именно этот путь, вероятно, был расписан в первой редакции Югорского дорожника, составленного торговыми людьми. Со временем, в начале XVI века, был обнаружен более простой волок из верховьев р. Пинеги в истоки р. Кулой. Длина этого волока была всего «полверсты». И путь от р. Пинеги до устья р. Пезы стал значительно легче, даже, не смотря на прохождение небольшого участка по морю. Поэтому этот кулойский маршрут вписали во вторую редакцию Югорского дорожника, которая и попала в руки Герберштейна. Отмечу, что герберштейновская редакция Югорского дорожника была позднейшей, т.е. второй, так как в нем упоминается 1518 г, когда крестили жителей Пустозерска. Таким образом, отряд П. Ушатого в 1499 г шел также заранее известным маршрутом, описанным в Югорском дорожнике. Все три отряда московской рати в 1499 г прошли уже хорошо известными путями. Этим и предопределялась высокая вероятность их встречи, происшедшей на р. Печоре.

В Югорском дорожнике упоминаются реки Артавише и Сибут. При этом топоним Артавише встречается дважды. Один раз – как река Артавише на восточном склоне Уральского хребта. А второй раз – в перечислении ряда мест на западном склоне гор при подъеме от устья к верховьям р. Щугор: Пояс, Артавише, Камень и Большой Пояс. В любом случае, названия Артавише и Сибут перешли на герберштейновскую карту из Югорского дорожника. Название северной части Уральских гор, записанное на герберштейновской карте – «Горы называемые земной пояс страны» - также появились на карте на основе упоминаний в Югорском дорожнике, где они записаны в виде – земной Пояс, Каменный Пояс, Большой Пояс, Пояс, Пояс мира и Пояс мира или земли.

Таким образом, судя по всему, прототипом герберштейновской карты была русская карта Московии, на которой дополнительно были нанесены топонимы, заимствованные из русского же Югорского дорожника.

После публикации карты Московии, приложенной к книге С. Герберштейна, более полувек на европейских картах русские земли, включая Уральские горы, отражались подобно «герберштейновской» карте (с некоторыми изменениями, но однотипными названиями гор):

- С. Мюнстер (1550 г) – горы «Пояс мира» показаны в северо-восточном углу карты;
- А. Дженкинсон (1562 г) – «горы Земной Пояс»;
- Г. Меркатор (1594 г) – горы: «Камень», «Большой Камень», «Каменный Пояс», а также названия гор, заимствованные из карт Птолемея: «Гипербораи», «Алани», «Риммики»;
- С. Нейгебауер (1612 г) – на карте Уральские горы показаны в виде точной копии карты Г. Меркатора, но без названий гор;
- Г. Герритс (1613 г) – «горы Земной Пояс».

Среди европейских карт Московии XVII века следует особо отметить карту С. Сансона 1674 г, отличительной особенностью которой является фантастическая линия показанных Уральских гор: от верховьев р. Тобола до побережья Ледовитого океана показаны три участка широтного направления, два – северного, и по одному – северо-восточного и северо-западного (см. рисунок 1.9). На карте С. Сансона имеются две надписи, расположенные вдоль изогнутой цепочки Уральских гор – «горы Земной Пояс» и «Югорские горы». Кроме того, нанесено «Верхотурье», а также несколько частично мифических населенных пунктов, заимствованных из книги С Герберштейна: Папингород, Щухогора, Струпили, Пояс, Артавише, Камень, Великий Пояс. Такой сансоновский тип изображения Уральского хребта был заимствован другими картографами (Данкерт и др.).

1.4.3. Первые русские карты Московии и «Книга Большому чертежу».

Вплоть до середины XX века исследователи считали, что первые карты Московии были изготовлены в Европе. Действительно, в XVI-XVII веках был издан ряд европейских карт Московии. К упомянутым выше картам Б. Аньезе, А. Вида и «герберштейновской» можно добавить карты А. Дженкинсона, Г. Герритса, Я. Гастальдо, Г. Меркатора и др. Однако, в середине XX века советские историки показали, что протооригиналами европейских карт Московии были оригинальные русские карты [1.36, 1.37]. Рыбаков Б.А., проанализировав границы русских земель, нанесенные на карте Московии А. Дженкинсона, изданную в 1562 г (см. рисунок 1.10), установил, что изображенные границы не соответствуют году составления карты. Граница существенно более ранняя. На карте Дженкинсона вне границ Московии показаны города и земли вошедшие в состав Московского государства ранее [1.36]. Так, например, под власть Московии вошли: Смоленск – в 1514 г, Стародуб – в 1503 г, Пермь – в 1505 г, Югра – в 1499-1500 гг, Ям и Орешек – в 1496-1498 гг. В итоге, по мнению Рыбакова дата русского протооригинала карты Дженкинсона соответствует 1497 г (в среднем). Таким образом, Дженкинсону дали старую русскую карту. Рыбаков приводит и другие примеры. На карте Г. Меркатора, изданной в

1594 г границы княжеств, показанных на карте, соответствуют времени 1508-1537 гг. На карте Г. Герритса, изданной в 1613 г (см. рисунок 1.11), цветная граница Руси соответствует 1514-1536 гг [1.37].

Б.А. Рыбаков и Л.А. Гольденберг считают, что в 1497 г была составлена первая русская карта Московии, которую указанные авторы именуют Старым чертежом. По мнению Рыбакова и Гольденберга в 1523 г был составлен новый русский чертеж Московии. Именно такой чертеж русский посол Д.Герасимов показывал в 1525 г в Риме, о чем упоминает Павел Иовий Новокомский в своей «Книге о посольстве Василия, великого государя московского...» [1.39]. А в 1526 г был составлен ещё один русский чертеж Московии, на котором были показаны границы княжеств и который носил не государственный, а частный характер.

Как изображались Уральские горы на этих картах?

На карте Дженкинсона Урал нанесен на своем реальном месте – между реками Печора и Обь (см. рисунок 1.10). Полоска холмиков показана с севера от истоков реки Кары до верховьев реки Печора. Вдоль гор нанесена надпись: «Orbis zona montes» («Горы земной пояс»). А на карте Герритса Уральские горы показаны западнее реки Печоры, название гор одинаково, как и на карте Дженкинсона. Такое, явно не реальное, расположение Уральских гор на карте Герритса вызывает удивление. Дело в том, что на карте Герритса имеется запись: «Карта России взятая с автографа начерченного Федором сыном царя Бориса доведенная на сколько было возможно до рек Двины и Сухоны и с великим тщанием во многих местах умноженная...». Сомнительно, чтобы на государственном чертеже царевича Федора Годунова было такое существенное искажение. К тому же эти горы по протяженности располагаются только на широте верхней половины течения р. Печоры (см. рисунок 1.11). Вероятно, Герритс имел какую-то информацию о КБЧ (Книга Большому Чертежу), в которой имелась запись о горах «Большой Камень», расположенных западнее р. Печоры. Поэтому, судя по всему, Герритс совместил эти два названия (Камень, как северная часть Уральских гор, и Большой Камень как горы современного Тиманского кряжа). Более того, р. Тура, как приток р. Тобол, показана таким несуразным образом, что верховья ее располагаются западнее Уральских гор и по широте доходит до среднего течения реки Печоры. Вероятно, Дженкинсон воспользовался каким-то русским оригиналом карты с заведомо искаженной информацией восточных земель Московии. Недаром Рыбаков высказал мнение о том, что русский чертеж Московского государства был секретной картой разрядного приказа, т.е. военного ведомства, и иностранцам не показывался.

Здесь не могу не сказать о том, что А.С. Пушкин в своей драме «Борис Годунов» упоминает карту царевича Федора в следующем диалоге [1.68]:

«Царь: - А ты, мой сын, чем занят?

Это что?

Федор: - Чертеж земли Московской, наше царство из края в край. Вот видишь: тут Москва, тут Новгород, тут Астрахань. Вот море, вот пермские дремучие леса, а вот Сибирь.

Царь: - А это что такое узором здесь виется?

Федор: - Это Волга.

Царь: - Как хорошо! Вот сладкий плод ученья! Как с облаков ты можешь обозреть все царство вдруг: границы, грады, реки...»

В 1552 г царь Иван «земли велел измерять и чертеж государства сделать [1.48]. Чертеж Российского государства был изготовлен. Но, к сожалению, он не сохранился до нашего времени. Этот Старый чертеж не имел росписи [1.50]. Он не был первым чертежом России, но был первым, в котором было представлено все Российское государство. В 70-е гг XVI века была составлена «старая разрядная» роспись Большого чертежа [1.50]. Именно о ней писал Татищев В.Н. в своей многотомной «Истории Российской»: «Токмо книга, именованная Большой чертеж, осталась, и, мною, Макарий оную чертеж разумеет. В ней описаны все реки, озера, горы и знатные селения с разстоянием, которая начата, мнится, при Иоанне I-м великом, а при внуке его царе Иоанне II-м и после при царе Алексие допалнивана... она как для географии русской весьма нужна и полезна, для того я оную изъяснил, пополнил и роспись алфавитную приложил» [1.49]. КБЧ была впервые введена в научный оборот Татищевым В.Н., когда он в 1745 г послал список ее в Российскую Академию наук. 3 мая 1626 г в Москве случился большой пожар, который унес множество картографических материалов. Однако, чудом уцелел от пожара Старый чертеж, сделанный «давно при прежних государях». Старый чертеж оказался «ветх, впредь по нем урочищ смотреть не мочно, избился весь и розвалился». Дьяки разрядного приказа Ф. Лихачев и М. Данилов распорядились изготовить новый обзорный чертеж Московского государства, с сохранением особенностей старого чертежа и используя его подробное описание с дополнением новых сведений. В 1626 – 1627 гг был составлен новый обзорный чертеж всего Российского государства «против старого чертежу, что в чертежу цело». Было изготовлено и описание Большого чертежа, так называемая КБЧ. Сам Большой чертеж не сохранился. А вот КБЧ дошла до нашего времени. Ныне, согласно данным Сербиной К.Н. известно 37 списков КБЧ [1.50]. Самый древний из них относится к 60-м гг XVII в. Историки обнаружили архивные сведения, из которых стало известно, что Большой чертеж 1627 г и КБЧ изготовил чертежник-картограф разрядного приказа Афанасий Мезенцов, который в челобитной от 12 сентября 1627 г сообщал, что он уже сделал «большой чертеж» и продолжает составлять роспись чертежа [1.51]. Картографической основой Большого чертежа была разветвленная речная сеть. Поэтому в

КБЧ описание идет по рекам. В описаниях указаны длина рек, их истоки и притоки, города, монастыри, погосты, расстояния между ними, сведения о городах, полезных ископаемых, размещение народов и др. В КБЧ приведены топонимы, расположенные практически на всей территории Урала. Ястребов первым провел «анализ Уральских гор» по КБЧ.

Уральский хребет усилиями многочисленных исследователей за промежуток времени более двух столетий ныне разделяется на 8 географических районов: Пай-Хой, Заполярный, Полярный, Приполярный, Северный, Средний, Южный и Мугоджары. Характеристика этих районов будет приведена ниже.

В таблице 1 представлены данные распределения географических объектов, упоминаемых в КБЧ, по районам Урала. При анализе данных приведенных в КБЧ встречались некоторые трудности по идентификации тех или иных географических объектов. Незначительная часть названий рек не обнаруживались на современных картах. Иногда было трудно отнести реку к конкретному району Урала, так как она (река) протекает по нескольким уральским районам. В таблице не учтены объекты, расположенные вне границ Урала, на восточном ответвлении гор в районе Южного Урала. Однако, указанные отклонения не вносят принципиальных изменений в общую картину распределения географических объектов на Урале на момент составления КБЧ.

Таблица 1

Распределение географических объектов, указанных в КБЧ, по районам Урала

Район	Реки	Населенные пункты	Горы		Прочие	Итого
			С названием	Без названия, от приписки «из горы»		
Пай-Хой	3	---	---	---	1	4
Заполярный Урал	3	---	---	---	---	3
Полярный Урал	1	---	1	2	---	4
Приполярный Урал	7	---	1	5	---	13
Северный Урал	12	5	1	3	---	21
Средний Урал	10	3	1	2	---	16
Южный Урал	6	1	1	---	---	8
Мугоджары	21	1	3	---	6	31
Всего	63	10	8	12	7	100

По моим оценкам общее количество топонимов, расположенных на территории Урала и зафиксированных в КБЧ составляет 100. Из них более половины представлены названиями рек (63). Наибольшее количество рек относится к Мугоджарам (21). Треть от общего числа топонимов также расположены в Мугоджарах. Это свидетельствует о том, что к моменту составления Большого Чертежа и КБЧ русские путешественники наиболее освоили самую южную часть Уральских гор – Мугоджары. Именно через Мугоджары проходили издревле пути как великих переселений, так и маршруты торговцев, следующих в Среднюю Азию и Китай. Наименее известны были северные районы Уральских гор. Так, например, всего по три реки указаны на Пай-Хое и Заполярном Урале. И только одна река упоминается для территории Полярного Урала. Характерным является наличие основного количества населенных пунктов, упомянутых в КБЧ, расположенных на Северном и Южном Урале. Через эти районы началось заселение Урала русскими людьми. Местное же население (ненцы, манси, ханты, коми и др.) проживало издревле практически на всей территории Уральских гор. В КБЧ удалось отыскать 8 собственных названий гор, из которых 3 находятся в Мугоджарах. Кроме того, 12 раз используется термин «гора(ы)» при упоминании места, откуда начинаются истоки некоторых уральских рек. Приведу некоторые примеры:

- «... а Вишера вытекла ис Камени, из гор».
- «А в Сысу пала река Гудырья, вытекла ис Камени от гор».
- «А Ловза река вытекла из горы...».
- «... вытекла из горы река Печора...».
- «Ис тоя же горы Урала вытекла река Иргыз и пала в озеро Акбашлы» и др.

С большим интересом я выбрал из КБЧ информацию об уральских оронимах (названиях гор). Результаты такого анализа представлены в таблице 2.

В районах Пай-Хой и Заполярный Урал горы не упоминаются. А вот на Полярном Урале зафиксирована в КБЧ гора Князькова. Её часто сопоставляют с вершиной Пайер, которая является самой высокой в районе Полярного Урала. Матвеев А.К. [1.54] и другие исследователи считают, что это название ненецкого происхождения и означает «Камень-Хозяин», «Хозяин Урала» или «Владыка гор» (от пэ «камень» и ерв «хозяин»). Тогда гора Князькова представляется переосмысленным переводом ненецкого оронима Пэ-ерв на русский язык [1.54]. Однако возможен вариант осмысления оронима Пайер на базе мансийского языка (см. статью [1.465]). На Полярном Урале в КБЧ упоминаются две реки – Саба (современное название – Собь) и Волочанка, которые вытекают «из гор».

По району Приполярного Урала дважды упоминается название «гора Камень»:
 - «А с правой стороны выше Усы реки 150 верст пала в Печору Счегур река, в Чугур реку пала Пыжнюц река; обе вытекли из одной горы, а промеж их верховей, горою Каменем 200 верст»;
 - «А в Сысву реку пала река Гудырья, вытекла из Камени от гор...».

Таблица 2

Названия Уральских гор, упомянутых в «Книге Большому Чертежу»

№ п/п	Район	Гора с названием	Река, вытекающая «из гор»
1	Пай-Хой	---	---
2	Заполярный Урал	---	---
3	Полярный Урал	гора Князькова	р. Саба – «из горы» р. Волочанка – «из горы»
4	Приполярный Урал	гора Камень (2) (р. Гудырья)	р. Печера – «из горы» р. Счегур – «из одной горы» р. Пыжнюц – «из одной горы» р. Сысвать – «ис той же горы» р. Кыртас – «из гор»
5	Северный Урал	гора Камень (р. Вишера)	р. Ловза – «из горы» р. Сосва – «из гор» р. Удьяль – «из гор»
6	Средний Урал	гора Камень (р. Тура)	р. Талга – «из гор» р. Серебряная – «в горах пала»
7	Южный Урал	Аралтова гора (4)	---
8	Мугоджары	гора Урук (7) (р. Вор, р. Иргыз, р. Гем, р. Илез); гора Тузтебе (2); гора Индер (2)	---

В обоих случаях термин Камень соотносится с реками, расположенными в одном и том же районе: река Счегур (современное название Щугор) на западном и река Гудырья на восточном склоне Уральского хребта. Именно между этими реками расположен легко проходимый перевал через хребет. Именно здесь, по данным русских летописей, московитская рать проходила для покорения Югры. Именно этот участок гор назван Каменем в русских летописях, сообщающих о военном походе русской рати в 1499 г. Именно на этом участке упоминается гора Камень в Югорском дорожнике, приведенном в «Записках о Московии» Герберштейна. Кроме того, в КБЧ для района Приполярного Урала для пяти рек (Печера, Счегур, Пыжнюц, Сысвать и Кыртас) указано, что они вытекают: «из горы», «из одной горы», «ис той же горы», «из гор».

По району Северного Урала один раз встречается название «Камень»: «А в реку в Каму пала река Вишера, а Вишера вытекла с Камени, из гор». И снова название Камень соотносится с районом, в котором, судя по всему, московитичи переваливали через Уральский водораздел в 1483 г. По Северному Уралу в КБЧ три реки (Ловза, Сосва и Удьяль) имеют свои истоки в горах, вытекают «из гор».

Для районов Среднего Урала ещё один раз встречается название Камень: «А в Табол реку, за 300 верст от устья Табола, пала Тура река; а река Тура течет из горы ис Камени против Усоля Камского». И вновь название Камень «привязано» к району, в котором в конце XVI века был проложен Бабиновский тракт через Урал. Две среднеуральские реки сочетаются с упоминанием гор:

- «В реку Туру пала река Талга (современное название Тагил – КВГ), вытекла из горы, от Усолья Камского...»;

- В Каму пала река Чюсовая, а в Чюсовую в горах пала речка Серебряная».

В более южных уральских районах название Камень в КБЧ не встречается.

Для Южного Урала в КБЧ пять раз встречается название Аралтова гора:

- «Река Яик вытекла поровень с Оралтовой горою против Табола реки»;

- «А сверху реки Яика пала в реку Яик река Юрюк Самар, по нашему Резвая... пала в Яик против Аралтовы горы с правой стороны»;

- «А река Белая Воложка вытекла от реки Юрюк-Сакмара, от Аральтовы горы, от реки Яика...»;

- «А усть реки Белыя Воложки вверх и по реке по Уфе, по обим сторонам и до Аральтовы горы и далее, все живут башкирцы...»;

- «А выше Изле реки, конец Оралтовы горы, пала в Яик река Вор из горы Урака».

Любопытен тот факт, что по территории Южного Урала не отмечена ни одна река, вытекающая «из гор», а также из Аралтовы горы.

В районе Мугоджар имеются названия трех гор. Гора Урук упоминается семь раз:

- «... пала в Яик река Вор из горы Урака»;

- «Ис тоя же горы Урака вытекла река Ирғыз и пала в озеро Акбашлы»;

- «А против тех рек и Хвалимского моря, з(а) горою Юрюком, да пески Каракум, да пески Бурсукукым; из тое же Урюка горы потекла река Гем»;

- «А Илез река вытекла з(а) горою Урук...»;

- «... а от Синего моря 300 верст Урук гора; вдоль Урук горы 90 верст. Из горы потекли 3 реки: река Вор течет в реку в Яик, в ночь; река Ирғыз в озеро Акбашлы, на восток. Река Гем течет на полдни к Хвалимскому морю...».

Кроме того, в районе Мугоджар упоминаются ещё две горы.

Гора Тузтебе:

- «... пала в Яик, с левой стороны Яика, Илез река, ниже горы Тузтеби, по нашему та гора Соляная, ломают в ней соль»;

- «... а против горы Тузтебе, выше Сунгурлука, вытекла река Оиль, и пала Оиль река, не дошед до Яика, в землю...».

Гора Индер – «А против Оиля реки 30 верст до Яика, гора Индер, под тою Индер горою озеро, а в нем соль как лед».

В тексте, описывающем Мугоджары, упоминается ещё одна гора, из которой вытекают два притока р. Яика – Аспуга и Кууеи. Однако «горе прозвище не описано, а по тои горе лес».

Наконец, упоминаются ещё горы, расположенные на возвышенном водоразделе, идущем на восток, как ответвление от Уральского хребта:

- «...а вышла Ишин река из гор...»;

- «Ис тое же горы вытекла река Тобол»;

- «А от тое горы 170 верст гора Улутова, по нашему Великая гора, а в ней олово».

Следует отметить, что большинство топонимов по району Мугоджар отмечено на карте С.У. Ремезова под названием «Еик Ыик пишется...» (см. рисунок 1.12).

Подавляющее большинство вышеприведенных топонимов легко идентифицируется. Так, например, гора Урук, из которой вытекают реки Вор (на север), Ирғыз (на восток), Гем (современное название Эмба) – на юг, и Илез (на запад), соответствует горе с современным названием Айрюк (635 м), расположенной в Мугоджарском хребте. Но два топонима следует подвергнуть специальному обсуждению.

Прежде всего рассмотрим топоним Камень.

Немалое количество исследователей кратко упоминают этот топоним – Камень. Но, пожалуй, наиболее обширно уделил внимание Камню Ястребов в своей монографии о «Познании Урала» [1.2]. Он построил следующую схему восприятия Уральского хребта авторами КБЧ. Он выделил три части Урала, не связанные друг с другом: Камень (наиболее северная), Аралтова гора и гора Урук. На рисунке 1.13 приведена схема расположения этих трех горных участков, составленная Ястребовым [1.2]. Как видно из текста его публикации, он принимает горы Камень в виде непрерывного горного хребта со следующими границами:

- на севере – от верховья р. Усы,

- на юге – в истоках рек Тура и Тагил.

Однако, в истоках р. Усы горы не названы Камнем, а именуются просто «горы». Кроме того, как мною показано выше, топоним Камень в КБЧ относится только к местам переходов русскими людьми через горный хребет. К таким местам относятся:

- переход из р. Шугор на р. Сосьву (в 1499 г),

- переход из р. Вишеры на р. Лозьву (в 1483 г),

- переход из р. Косьвы на р. Туру (Бабиновская дорога, в 1598 г).

А во всех промежутках между названными переходами через Урал горы именуется просто «горы». Отсюда следует вывод о том, что в представлениях русских составителей КБЧ первой четверти XVII века горный хребет с будущим названием Урал осознавался как непрерывная горная структура, не имеющая к

тому времени единого объединяющего названия. Оно – название Уральский хребет – появилось позднее. Даже спустя более полувека, в конце XVII века, Уральские горы в различных районах именовались Камнем, что прекрасно видно на чертежах в географических атласах С.У. Ремезова. Названия «Камень» на его чертежах помещены в верховьях рек Исеть, Реж и Тагил. Иногда с припиской «Из Камени пошла». И что особенно примечательно, на одном из ремезовских чертежей Камнем названа низкая по высоте гряда, идущая от верховьев р. Яик и поворачивающая на восток, разделяющая реки, текущие на север (в бассейн р. Тобол) и на юг. Но в это же время на ремезовских чертежах появился ороним «Камень Урал», которому будет суждено распространиться на весь горный хребет.

Нельзя не отметить ещё одно любопытное обстоятельство, хотя оно не имеет впрямую отношения к Камню, как к Уральским горам. При описании в КБЧ побережья северного Ледовитого океана несколько раз упоминается топоним Камень. В одном месте записано: «От устья реки Мезени морским берегом до конца горы Шамагодского камня 350 верст; а по концу того камня поворотить 130 верст, да поворотить з другой стороны тово же камня, а берег морской от того камня 50 верст». Не вызывает сомнения, что здесь идет речь о полуострове Канине, в северной части которого расположена возвышенность (современная высота 242 м), не доходящая до побережья океана. В другом месте при описании океанского побережья записано: «А в Пешу пала из горы из Большого Камени река Пояса. Большого Камени вдоль до моря 230 верст.. река Васильева; а на устье тое же реки гора Большой Камень, прилегла концом к морю. А по другой стороне того Камени пала в море речка...; от той речки 20 верст река Индега течет поперек Камени горы, Меньшого Камени...». И в этом случае не вызывает сомнения расположение Камени, о котором здесь идет речь. Имеется в виду Тиманский кряж (Большой Камень) и гряда холмов Малоземельской тундры (Меньшой Камень). Такие упоминания гор Камени, расположенные по текстам КБЧ на побережье северного Ледовитого океана, вероятно, могли послужить основанием для нанесения на некоторые европейские карты Московии в XVI-XVII веках гор Камени, связывая их с Камнем, как названием Уральских гор. На этих примерах ещё раз подтверждается факт, изложенный выше: в XV-XVI веках в географических представлениях русских людей словом Камень назывались любые горы и хребты, которые не имели собственного названия, не зависимо от их высоты.

В КБЧ неоднократно упоминается загадочный топоним – Аралтова (Оралтова) гора, о которой речь пойдет ниже.

В завершении разговора о КБЧ несколько слов о «приятной ошибке» в ней, которую обнаружил Ястребов [1.2]. В КБЧ имеется запись: «В Лозву из гор пала Удыль [современной название Ивдель - КВГ] река, а на устье Удыла реки город Ловзинской». Но Лозьвинский городок существовал в период с 1589 г (год основания) по 1598 г (когда он был ликвидирован по царскому приказу, а все имеющиеся в нем товары перенесены во вновь построенный городок Верхотурье на новой Бабиной дороге из Московии в Сибирь). Как же могло случиться, что Лозьвинский городок упоминается в КБЧ, а, следовательно, он был обозначен и на самом Большом Чертеже, спустя 27 лет после своей ликвидации? В КБЧ, составленной в 1627 г, упоминается, что старый Большой чертеж сделан «давно при прежних государях» и на момент составления КБЧ был «ветх, впредь по нем урочищ смотреть не мочно, избился весь и розвалился». Можно полагать, что Афанасий Мезенцов, создавая новый Большой чертеж и КБЧ в 1627 г, чисто механически переносил данные со старого на новый Большой чертеж, а затем и в КБЧ. Так Лозьвинский городок попал на новый Большой чертеж и в КБЧ. Мезенцов мог и не знать о том, что Лозьвинский городок уже ликвидирован. В КБЧ упоминается и город Верхотурье: «А от Тюмени 120 верст пала Тура в реку Табол, на реке на Туре город Верхотурье». Так получилось, что на новом Большом чертеже обозначены были одновременно и Верхотурье и Лозьвинский городок. По данным Сербиной К.Н. [1.50], во всех известных ей списках КБЧ, кроме одного, имеется запись о Верхотурье. И только в одном списке №1330 упоминание о Верхотурье отсутствует. Она высказала предположение о том, что этот список является копией более старого списка, сделанного непосредственно с чертежей [1.50]. Таким образом, получается, что на старом Большом чертеже Верхотурье не было обозначено. Но позднее Верхотурье было нанесено либо дополнительно на старый, либо сразу на новый Большой чертеж. По мнению Ястребова Е.В. на основе вышеизложенного можно считать, что старый Большой чертеж Московии был составлен «в 1598 г в начале царствования Бориса Годунова... и по его указанию» [1.2].

В конечном итоге необходимо констатировать, что КБЧ является важным культурным русским первоисточником. Она сохранила представление русских людей XVI-XVII веков об Уральском хребте, протянувшемся более 2500 километров с севера на юг.

1.4.4. «Годуновская» карта Сибири

После военного похода Ермака в Сибирь в 1582 г [1.62] началось интенсивное освоение русскими людьми ее западных районов. В то время Урал входил в состав Сибири. Освоение новых земель требовало для ориентировки в огромных территориях населенных «немирными народами», создание географических карт-чертежей. Поэтому, без сомнения, на осваиваемые территории были составлены чертежи «новоприобретенных земель». Сохранилась роспись чертежей Посольского приказа, датированная 1614 г, в которой упоминаются:
- «Чертеж дороге от Казани к Сибири»,

- «Чертеж Сибирской от Чердыни» [1.61].

Несомненно в этих чертежах были отражены некоторые уральские территории. Но названные чертежи не сохранились до нашего времени.

Массовое проникновение русских людей в Западную Сибирь позволило получить новую информацию об Уральских горах. Определенный информационный пласт сведений об Урале представлен в многочисленных вариантах Сибирских летописей [1.63]. Основными сибирскими летописями являются Есиповская и Строгановская. Есиповская летопись составлена в 1636 г Саввой Есиповым, дьяком архиепископского дома в Тобольске. Есиповская летопись написана на базе нескольких источников: какой-то более ранней краткой летописи («написах с писания, преж мене списавшего, нечто и стесняемо бе речью, аз же разпространих»), нескольких татарских летописцев, рассказов очевидцев («ино ж достоверных муж испытах, иже очима своими видеша и быша в той лета»). Но главным источником для летописи Саввы Есипова послужил Синодик Ермаковым казакам, который был написан в 1622 г по поручению тобольского архиепископа Киприана при участии казаков дружины Ермака. Есиповская летопись была официальной, но местного значения. Она изображает отряд Ермака «орудием бога» в борьбе «с неверными», отражая мысль о том, что казаки пришли в Сибирь сами по себе и не имели никакого отношения ни к строгановским вотчинам, ни к официальной государственной власти. Строгановская же летопись, основываясь на документах вотчинного архива Строгановых, отводит главную роль в деле присоединения Сибири к Русскому государству Строгановым.

Есиповская летопись входит в состав многих летописных сборников, в которых имеются и другие материалы. Большинство таких сборников исследователи датируют около середины XVII века. В них содержатся документы, в которых имеется информация об Урале:

- в собрании Попова: а) «От Москвы дорога в Сибирь», зимний и летний путь; б) «Описание Сибирского царства о дорогах по рекам и сухим путем, сколько куды ходу и езде и о верстах налично»;

- в Коркуновском списке – «Подлинное описание Сибирского государства городом и острогом и рекам, которая река ис которых мест вышла и которая река в которую реку устьем пала, и которые реки своими устьи впади в море, и по которым рекам стоят государевы города и остроги»;

- в Головинском списке – «Роспись чертежа Сибири » и др.

В Сычевском списке Есиповской летописи, записанным двумя писцами, одним из которых был Ивашка Андреев сын по реклу Сычев Соли Камской посадский человек, дана следующая характеристика Урала: «Сия убо Сибирская страна полунощная отстоит же от России царствующего града Москвы многое разстояние, яко до двою тысяч поприщ суть. Сих же царств, Российского и Сибирские земли, облежит Камень превысочайший зело, яко досязати инем холмом до облак небесных, так обо божиими судьбами устроишь, яко стена граду утверждена. На сем же Камени растяху дереве различное: кедра и прочая. В них же жителство имеют зверие различнии, ови подобии на снадение человеком, они же на украшение и на одяние риз. Да кии же на снадение, сия суть чиста, еже есть елень, лось, заяц, а иже на одяние и на украшение ризное, еже есть лисица, соболь, бобр, росомаха, белка и подобная сим. Много же и сладкопесневья птицы, паче же и много различные травные цветы. Из сего же Камени реки многия изтекоша, ови поидоша к Российскому царству, ови же в Сибирскую землю. Дивно убо есть, како божиими судбами реки тамо бысть: вода камень тверд разкопа, и быть реки пространья и прекрасныя зело, в них же воды сладчайший и рыбы различныя множество; на исходищех же сих рек дбрь плодovitая на жатву и скотопитательная места пространна зело. Первая река в Сибирскую землю изыде, глаголемая Тура. По сей же реце жителство имеют людие, рекомии вогуличи, глаголют же своим языком, поклоняются же идолом. В сию же реку Туру паки река вниде Тагил, ещё же вниде река Ница; и совокупишася три реки во един сонм, да ещё и совокупишася, но имянуецца Тура старейшества ради. Оттоле же идее река Тура внутрь Сибирские земли; по ней живут тотаровя. Река же Тура вниде в реку, глаголемую Тобол, Тобол же река вниде в реку, глаголемую Иртиш. Сия же река Иртиш вниде своим устием в великую реку, глаголемую Обь».

Из приведенного описания видно, что в летописи описан царский путь, идущий от Соли Камской через Урал до Верхотурья (не упоминаемого в летописи) и далее вниз по р. Туре. Непосредственно Уральские горы в приведенных выше летописных строках именуется Камнем. В других вариантах Есиповской летописи встречается ещё упоминание о Камени:

- в Румянцевском летописце, сообщая об уходе казаков в Москву после гибели Ермака: «И убо яшася житии во граде, и седше в струги, поплыша вниз по Иртишу до реки Оби, Обью же до реки Особи и до Березова, от Березова черес Камень побегоша к Руси»;

- в Коркуновском списке, в статье, предшествующей Есиповской летописи: «Первой город Верхотурье стоит на Камени вниз реки Туры на левой стороне. А под тем городом Верхотурьем река Тура вышла из Камени, и около того Верхотурского города леса многие, а по Туре реки вниз пашенные места и деревни многие»;

- в Погодинском летописце: «А в Сибири только остался во граде Иван Глухов, а только с ним Ермаковых казаков девяносто человек. И убо яшася тут житии и безопасны до конца, изыдоша из града Сибири и поплыша по Иртишу реке вниз и по великой Оби вниз же, и через Камень прошли Собою же рекою в Пустоозеро, тута ж казак Черкасс Александров. А куды ныне ходят черес Камень, тогда того пути не бывало. А ис Пустоозера пришли к Руси» и др.

Из приведенных летописных записей видно, что в первой половине XVII века Уральские горы в районе Верхотурья по-прежнему, как и ранее, именовались Камнем.

В 1626 г, когда начинались работы по составлению нового Большого чертежа и КБЧ, в Тобольск воеводе князю Андрею Хованскому была отправлена государева грамота, в которой «велено тобольскому городу и всех сибирских городов и острогов в Тобольску начертити чертеж, да распросити сибирских городов всяких людей, сколько недель и дней от которого города до которого ездят и сухим и зимним и водяным путем, и сколько от которого города до которого ездят зимним путем на собаках или лошадьми; и... государевы воеводы и приказные и всякие люди, как их посылают на ... государеву службу в дальние сибирские города из Тобольска, какие люди до которого города дают под них подводы или гребцов, и от которого города до которого города на сколько дорог какие люди гоняют и сколько в которую сторону недель и дней гоняют, и водяным путем ходу и в каких судах которую рекою ходят, и сколько от сибирского от ближайшего города от Верхотурья на Русь до которого городу или до яму и до Москвы верст или днищ водяным путем; и как из Мангазеи или из иных сибирских городов ездят, не занимая Тобольска через Камень, что до которого города и до Москвы порознь верст или днищ сухим и водяным путем и волоками ходу; и которую рекою до которого города ходят, и которыми реками от Тобольска и от иных сибирских городов ходят на Казань, и одною ль дорогою или не одною, и сколько порознь верст и днищ которую рекою на Казань ходят и на низ ли или вверх все те дороги ото всех сибирских городов до Москвы на все стороны» (цитируя по работе Андреева А.И. [1.52]). Все запрашиваемые сведения «по выпросу» собрать, «написать на роспись, да тот чертеж и росписи... прислати в Москву». Получив такой указ тобольский воевода «писал... во все сибирские города и остроги, и велел им тем городам и острогам и около тех городов и острогов рекам и урочищам начертити чертежи и написать на росписи против... государева указы, и прислать в Тобольск...» Андреев предполагал, что требуемый чертеж с росписью был составлен в 1629 г, когда Сибирь была поделена на два разряда – Тобольский и Томский [1.52]. Однако, как убедительно показал Лимонов Ю.А., такой первый чертеж Сибири был составлен только в 1633 г [1.64]. Сам чертеж до нашего времени не сохранился. А роспись его нашлась. Приведу одну фразу из этой росписи: «Да з Березова.. посылают ко государю к Москве государеву ясачную казну мяхкую рухледь через Камень, а ходу от Березова до Руси Обью рекою вверх воды в стругах до Камени 4 дни; а от Камени сухим путем волоками две недели; а от волоков Усою рекою вниз воды до Печоры реки 10 дней» [1.65]. Анализируя эту фразу из Росписи, можно прийти к выводу о том, что государева казна возилась из Березова по следующему маршруту. Из Березова вниз по р. Оби, а не вверх, как записано в Росписи. А далее до Камени по р. Сось действительно «вверх воды». Затем волок через Камень и спуск вниз по р. Усе. Замечу, что, если в КБЧ район Собского перевала и истоков р. Усы именовался просто «горами», то в рассматриваемой росписи горы именуются Камнем. Ещё одно подтверждение существования первого чертежа Сибири, изготовленного по государеву указу, проводит Андреев А.И. [1.52]. В 1660 г В.Б. Лихачев ездил с посольством к флорентийскому герцогу Фердинанду, который, расспрашивая посла, рассматривал и «Чертеж Сибирского государства» [1.52]. Таким образом, государев указ о составлении чертежа Сибири был выполнен со значительным запозданием. Из Росписи 1633 г видно, что подробно описана Западная Сибирь. А о восточной части Сибири приведены малые сведения.

В 1667 г в Тобольске был составлен новый чертеж Сибири. Оригинал чертежа не сохранился. Я смог отыскать шесть копий: три шведских, одну немецкую и две русских. В русской историко-географической литературе впервые Годуновский чертеж (так здесь и далее буду именовать чертеж Сибири 1667 г, в соответствии с общепринятым наименованием) был опубликован А.Норденшельдом [1.69], который в шведских архивах нашел две копии карты Сибири 1667 г. В 1668 г подполковник Фриц Кронеман ездил в шведском посольстве к царю Алексею Михайловичу в Москву, где он сделал копию карты Сибири. В письме к шведскому королю Карлу XI Кронеман сделал следующую запись: «Карту всех этих стран и Сибири до Китая, которую прислал недавно по указу его величества тобольский воевода Годунов, показали мне, и я, получив позволение продержать целую ночь, снял копию» [1.69]. Карта в шведском переводе имеет следующий заголовок: «В 1667 г по повелению Великого государя царя и Великого князя Алексея Михайловича Великой, Малой и Белой Руси самодержца и пр. и пр. снимок на сей картине учинен в Тобольске под наблюдением стольника и воеводы Петра Ивановича Годунова им и его товарищами». Карта Кронемана найдена в шведском государственном архиве. А в стокгольмской королевской библиотеке обнаружена вторая карта, аналогичная первой. Вторую карту составил участник посольства Кронемана кондуктор фортификации Клас Иогансен Прютц. Он учился в Упсальском университете. В 1668 г поступил мушкетером в гарнизонный полк в Нарве, а затем служил кондуктором фортификации в Риге. В Москве он составил рукопись о поездке в Россию, к которой и приложена карта Сибири. В рукописи Прютц записал: «Приложенную ландкарту Сибири и пограничных с нею стран я скопировал 8 января 1669 г в Москве настолько хорошо, насколько возможно было это сделать с плохо сохранившимся оригиналом, данного мне лишь на несколько часов князем Иваном Алексеевичем Воротынским, но с тем, чтобы я только просмотрел ее и отнюдь не счертил». Обе карты сходны между собой. На обеих картах имеется масштабная линейка. Но, к удивлению, с разным масштабом. На рисунке 1.14 представлена карта Кронемана, а на рисунке 1.15 – карта Прютца.

Норденшельд считал годуновскую карту первой, которая была основана на «действительных наблюдениях». Посылая в ИРГО (Императорское Русское Географическое общество) свою статью о годуновской карте и ее копию, Норденшельд в письме от 10 декабря 1885 г записал: «Она [карта - КВГ] мне кажется очень интересной и даже важной для старинной картографии Сибири. Похожа ли она на карту имеющуюся в России?» [1.71]. Но в то время в России годуновская карта была еще не известна.

В Швеции был найден ещё один экземпляр годуновской карты. В 1673-74 гг в Москву ездило шведское посольство, в котором военным (тайным) агентом был Эрик Пальмквист. Он в то время был молодым человеком восемнадцати лет. Он составил описание России, которое по возвращении посольства было представлено шведскому королю Карлу XI. Рукопись Пальмквиста имела название: «Несколько замечаний о России, ее дорогах, укреплениях, крепостях и границах во время последнего королевского посольства к московскому царю, собранных Эриком Пальмквистом» [1.72]. В труде Пальмквиста находится 53 рисунка и 16 карт и планов, в том числе две карты Сибири, из которых одна – копия годуновской карты [1.73] (см. рисунок 1.16). В 1898 г труд Пальмквиста «Московия» был издан факсимиле в Швеции, в составе которого впервые была опубликована копия годуновского чертежа, исполненная Пальмквистом [1.77].

В посвящении своего труда Пальмквист сделал запись о том, как он собирал материалы в Москве: «... Я сам в разных местах тайно наблюдал и рисовал, рискуя собою, а также получил за деньги некоторые сведения от русских подданных». Готье оценил эти строки Пальмквиста как факт подкупа: только им «можно объяснить появление в рукописи снимков и карт, которые, по собственным словам Пальмквиста, были изготовлены по повелению царя. Зная, что иностранца, да ещё члена посольства, ни в коем случае не могли допустить к копированию государственных чертежей, остается предположить, что какой-нибудь подъячий осмелился рискнуть головой, чтобы заработать деньги от шведского военного агента» [1.73].

Еще одна копия годуновской карты обнаружилась в книгах немца Георга Адама Шлейзинга, характеристика которого представлена сначала Корфом М [1.74], а затем Алексеевым М.П. [1.75]. Шлейзинг родился в Германии, в Дрездене около 1660 г. Обучался в университете. Затем странствовал по Европе и весной 1684 г попал в Москву, где пробыл около трех лет. В России он «не вышел в люди и не нажился». Вернувшись в Германию, он стал писать книги о России, переписывая одно и то же в различных вариантах. В 1690 г он издал книгу «Новооткрытая Сибирь в ее современном состоянии, с ее городами и местечками». Ко второму изданию этой книги, вышедшему через два года после первого, он приложил карту Сибири. Шлейзинг объяснил, что карта была составлена «на русский лад, по указу царей, при содействии опытных немецких офицеров» и что он добыл подлинник в Москве и переделал его, насколько было возможно, на немецкий лад. Эта карта оказалась копией годуновского чертежа, но в некоторой степени переработанной. В основном это касается ориентировки карты: если шведские копии годуновского чертежа ориентированы на юг (он расположен как и в русских копиях вверху карты), то карта Шлейзинга ориентирована на север, расположенный вверху карты (см. рисунок 1.17). На карте Шлейзинга появилась нелепица: вместо гряды Уральского хребта надпись говорит о том, что это река «Вобшти» (это название напоминает топоним «Общий Сырт»). Происхождение карты Шлейзинга остается неясным.

Гольденберг Л.А. в своей публикации росписи годуновского чертежа сообщает ещё об одной его копии, изготовленной А. Мюллерусом [1.78]. К сожалению, я не знаком с копией Мюллеруса и не могу ничего сказать о ней.

В 1882 г была издана ЧК («Чертежная книга Сибири...») С.У. Ремезова [1.29]. В предисловии к ней, Тимофеев А. написал, что «ныне, однако неизвестно ни одного оттиска этой печатной карты [Годуновской карты -КВГ], равно как не уцелели и рукописные чертежи, которые могли ей служить оригиналом». Вероятно, как реакцию на высказывание Тимофеева об отсутствии рукописных копий годуновского чертежа можно рассматривать статью Норденшельда с приложением копии этого чертежа. Норденшельд в своем сопроводительном письме спрашивал: Похожа ли она [копия годуновской карты - КВГ] на карту, имеющуюся в России? Ответ на норденшельдовский вопрос был получен в России только спустя три десятка лет.

Историк русской картографии Багров Л.С. в собрании архивных материалов Воронцовых-Дашковых в составе рукописной ХЧК (Хорографической чертежной книги) С.У. Ремезова нашел первую русскую копию годуновского чертежа Сибири 1667 г и опубликовал её в 1914 г [1.66]. Позднее эта копия неоднократно воспроизводилась в публикациях исследователей, например, Берга Л.С., Лебедева Д.М., Салищева К.А. и др., а также во втором издании Большой Советской Энциклопедии (т. 11, с. 583). Ремезовская копия годуновского чертежа Сибири из ХЧК представлена на рисунке 1.18. Багров в 1927 г удалил годуновский чертеж из атласа ХЧК, в виду того, что он (чертеж) «портился в сложном виде», и поместил его в отдельной папке. Об этом Багров сделал запись на л.3^{об} ХЧК. Поэтому и в тобольском издании ХЧК в 2011 г годуновский чертеж приведен отдельно.

Второй русский экземпляр годуновского чертежа Сибири в составе рукописной СЧК (Служебной чертежной книге) Ремезова обнаружил Андреев [1.81]. СЧК была закончена составлением в 1730 г сыновьями Семена Ульяновича Ремезова. А в 1764 г она появилась в личной библиотеке Екатерины II. После 1775 г СЧК была передана в иностранную библиотеку Эрмитажа, где хранились и русские

рукописные книги, а в 1852 – в Публичную библиотеку в Петербурге, где она находится и поныне в Русской национальной библиотеке [1.82]. Ремезовская копия годуновского чертежа Сибири в СЧК представлена на рисунке 1.19.

Кроме ХЧК и СЧК Семен Ульянович Ремезов создал ещё и ЧКС (Чертежную Книгу Сибири), изготовленную по указу Петра Алексеевича. В ней не представлен годуновский чертеж Сибири, но собраны карты-чертежи, представляющие интерес для его характеристики.

Публикации копий годуновского чертежа Сибири 1667 г, а также анализ трех ремезовских атласов – ЧКС, ХЧК и СЧК – привели к значительной дискуссии среди советских историков картографии, в ходе которой были выявлены новые архивные данные, проливающие свет на историю создания годуновского чертежа. Значительным вкладом в ход дискуссии стала публикация «Подлинной Росписи чертежа Сибири 1667 г», осуществленная Гольденбергом Л.А. [1.78], которая уточнила и прояснила ряд неясных вопросов в историографии годуновского чертежа.

Широко обсуждался вопрос об авторстве чертежа Сибири 1667 г. Багров считал, что автором этого чертежа был Ульян Моисеевич Ремезов, отец Семена Ульяновича Ремезова [1.84]. В работе [1.153] было высказано мнение о том, что авторами чертежа Сибири 1667 г были П. Годунов и Ульян Ремезов. Гольденберг Л.А. справедливо посчитал такие мнения бездоказательными [1.78].

В большом числе архивных документов, связанных с чертежом Сибири 1667 г, упоминается Петр Иванович Годунов, который был в Тобольске стольником и воеводой в 1667-1670 гг:

- В обеих ремезовских копиях годуновского чертежа в районе левого нижнего угла имеется надпись, записанная в виде вертикального ромба: «176 году по указу великого государя всея Великая и Малыя и Белья России самодержца збиран сей чертеж на лист в тоболску тщанием стольника и воеводы Петра Ивановича Годунова с товарищи». О товарищах Годунова легко узнать в сибирских летописях: ими были – князь Федор Федорович Белской, дьяки Григорий Жданов, Михайло Постников, письменной голова Иван Селиверстов [1.63]. Кстати отмечу, что копии годуновского чертежа из ХЧК и СЧК легко отличить друг от друга именно по такой надписи: в ХЧК она обведена ромбовидной рамкой, а в СЧК текст не имеет рамки.

- На ремезовской копии годуновского чертежа из ХЧК над верхней и ниже нижней рамками чертежа рукою Ремезова С.У. записана легенда: «Список печатного подлинного чертежа. В лето 176 по указу великого государя по грамоте в Тоболску учинен сей чертеж снисканием и самотрудем и герографством стольника и воеводы Петра Ивановича Годунова печатным тиснением граду Тоболску и окрестным сибирским градам, странам и землям и селению по рекам и между ими расстояние пути кратким делом и мало прозвано писцами и старожилцами. И прежде сего печатного чертежа в Сибири граду Тоболску и Сибирской стране чертежу не бывало. И пребывает сей первоначальный Годуновский печатный чертеж со 176-го году и по нынешний 205-й год без прилогов селищ и волостей и немирных землиц». Отмечу, что в этой записи Ремезов первым назвал чертеж Сибири 1667 г «Годуновским».

- В «Росписи чертежа Сибири 1667 г» во вводной статье записано: «Роспись против чертежу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя и белья России самодержца... вотчины Сибирской земле городом и острогам, и слободам, и где меж слобод Тобольского и Верхотурского уездов построить какие крепости, и реки, и озера, и сколько где у крепостей, по высмотру стольника и воеводы Петра Ивановича Годунова с товарищи, посадить драгун, и к Китайскому государству ход, и китайские города и рубеж, и азбука, по чему знать города и остроги, и слободы, и реки, и озера, и волости, и зимовья, и кочевья; и сколько по которой реке ходу дней и недель, и степью и водами ж до Китай за свидетельством всяких чинов людей и иноземцев тобольских и приезжих бухарцов и татар, которые в сибирских и во всех городах и острогах хто где бывал, и города, и остроги, и урочища, и дороги, и земли знают подлинно и что, где угодей» [1.78].

Во всех приведенных выписках подчеркивается роль тобольского стольника и воеводы Петра Ивановича Годунова: чертеж был сделан его «тщанием», его «снисканием и самотрудем и герографством», по его «высмотру» и пр. Отсюда видно, что Годунов был руководителем работ по подготовке и оформлению чертежа Сибири 1667 г. Однако, конкретная личная степень участия Годунова в составлении чертежа Сибири 1667 г разными авторами оценивается по-разному: от «наблюдения» (Норденшельд А. [1.69]) и «по высмотру» (Боднарский М.С. [1.85]), а также «осторожнее не настаивать на авторстве П.И. Годунова» (Андреев А.И. [1.52]) и «личное участие П.И. Годунова..... маловероятно» (Гольденберг Л.А. [1.78]), до «непосредственным участником его [чертежа - КВГ] составления; возможно Годунов сам помогал «писать» общий сводный схематический чертеж Сибири» (Полевой Б.П. [1.86]). Думается, в обсуждаемом вопросе слишком мала источниковая база, поэтому можно признать мнение большинства авторов субъективными, а сам вопрос по существу пока не решенным.

В ходе дискуссии неожиданные соображения высказал Полевой Б.П. [1.86-1.88]. Он предложил считать, что:

- существовал большой чертеж Сибири 1667 г, на основе которого был создан малый чертеж Сибири 1667 г, копии которого и сохранились;
- известный по сохранившимся копиям годуновский чертеж Сибири 1667 г был не однолистным, а многолистным атласом, в составе которого находились маршрутные региональные чертежи;

- «печатным» годуновский чертеж называли потому, что Годунов на обрамлении чертежа сделал ряд тиснений своей гербовой печатью.

Однако, такие соображения Полевого встретили резкие возражения у других исследователей. Так, например, Шибанов Ф.А. оценил эту идею Полевого Б.П. как «построенную на голом песке и являющейся чистейшей фантазией», а также не имеющей «под собой никакой реальной почвы, достоверных фактов» [1.89]. Гольденберг назвал идеи Полевого «бездоказательными домыслами», «мифическими» и «дилетантскими» [1.57].

Тем не менее дискуссия была полезной. В ее ходе удалось отыскать и опубликовать ряд новых архивных фактов, касающихся годуновского чертежа.

В мае 1667 г Годунов приехал в Тобольск. Перед ним была поставлена задача обезопасить южные рубежи Тобольского края от набегов «воинских людей из немирных земель». Оказалось, что обычно башкирцы проникали в Западную Сибирь через верховья р. Исети. Тогда Годунов уже 5 июля 1667 г принял решение о сборе подробных сведений о долине р. Исети. В одном из тобольских документов записано: «А по чертежу и по сказке знатцов мочно от Катайского острогу до Тоболу реки ездю на трех днищах построить засеки и вал и острожки и проходу де воинским на слободы Тобольского, Тюменского и Верхотурского уездов отнюдь не будет и ис тех деревень, где солдаты были от слобод в разных местах, поселить драгунов меж слобод и деревень крепости. И тех мест послано высмотреть и сметить и описать...» [1.90]. Из этого документа видно, что в середине 1667 г Годунов уже имел какой-то чертеж р. Исети и он послал служилых людей «высмотреть» «угожие места» для новых крепостей. Задание безусловно было выполнено. И в «Росписи чертежа Сибири 1667 г» в параграфах 4 и 5 указаны точные места расположения новых и старых поселений, в которых должны были разместиться драгуны:

- в Ялutorовской слободе... «быть драгуном полроты»;
- в Исетском остроге – «быть драгуном роте»;
- в устье речки Терсюка – «тут быть острожку, а в нем быть драгуном роте, тут всегдашний проход воинским людям»;
- в Куринской слободе – «быть драгуном роте»;
- в устье Маслянки реки – «тут быть острожку, а в нем быть драгуном роте»;
- в Шадринской слободе – «быть драгуном роте»;
- в Катайском остроге – быть драгуном полроты»;
- в устье Синары реки – «тут быть острожку, а быть драгуном полроты»;
- в устье верхней речки Каменки – «тут быть острогу, а в нем быть драгуном 2 роты, а тут самой пущей приход воинским людям»;
- у озера Исети – «тут быть острогу, а в нем быть драгуном роте»;
- через Камень на вершине Чюсовой – «тут быть острогу, а в нем быть драгуном пол-2 роте, и туды самой пущей же приход воинским людям с тех мест, как башкирцы великим государям изменили».

В итоге, Годунов предложил на Исетской линии в 11 населенных пунктах поселить драгун, в том числе построить 6 новых острожков. К 15 ноября 1667 г чертеж Сибири был изготовлен, а 26 ноября тобольский сын боярский Давыд Бурцев повез с собою в Москву чертеж, роспись и сопроводительную отписку [1.91]. 31 декабря 1667 г Бурцев прибыл в Москву, а 3 января передал документы в Сибирский приказ. Годунов неоднократно посылал царю сообщения об укреплении Исетской линии, уточняя, что драгун он собирается разместить согласно «выписке и чертежу», «где быть крепостям от приходу воинских людей чертеж к Вам, великим государям с тобольским сыном боярским з Давыдом Бурцевым» выслан [1.92].

Таким образом, главная задача, поставленная перед Годуновым и записанная в вводной статье «Росписи чертежа Сибири 1667 г» - «где меж слобод Тобольского и Верхотурского уездов построить новые крепости... и сколько где у крепостей... посадить драгун» - была выполнена.

Но перед Годуновым стояла и вторая задача, также фигурирующая во вводной статье к «Росписи чертежа Сибири 1667 г»: «... к Китайскому государству ход, и китайские города и рубеж, и азбука, по чему знать города и остроги, и слободы, и реки, и озера, и волости, и зимовья, и кочевья; и сколько по которой реке ходу дней и недель, и степью и водами ж до Китай за свидетельством всяких чинов людей и иноземцев тобольских и приезжих бухарцов и татар, которые в сибирских и во всех городах и острогах хто где бывал, и города, и остроги, и урочища, и дороги, и земли знают подлинно и что, где, каких угодей...» [1.78].

Если для решения первой задачи у Годунова был новейший на то время чертеж реки Исети, то для решения второй задачи у него была минимальная информация. Если для решения первой задачи Годунов послал служилых людей для «высмотря мест», то вторую задачу он мог решать только опросом «бывальцов и знатцов». В результате «высмотря» он получил чертеж р. Исети с относительно крупным (по тем временам) масштабом. Но в итоге при решении второй задачи он получил чертеж с масштабом совершенно несопоставимым по сравнению с чертежом р. Исети. По каким-то причинам Годунов решил не делать два чертежа. Он принял решение изготовить один мелкомасштабный чертеж Сибири, а на нем «околь того чертежу» в клеймах дать текстовые поясняющие материалы, из которых было бы видно, где он собирается построить новые крепости на р. Исети, а также привести по сказкам знающих людей словесные характеристики некоторых участков дорог ведущих в Китай. Кроме того, он приложил к

такому чертежу Сибири ещё и отдельную «Роспись чертежа Сибири», в которой были отдельно записаны тексты, фигурирующие в клеймах чертежа. В итоге, «Роспись...» дублировала и одновременно облегчала понимание собственно чертежа Сибири. На карте была показана р. Исеть. А около чертежа на клеймах текстовая информация уточняла места расположения крепостей в долине р. Исети. Упомянув Китай следует напомнить, что уже в следующем 1668 г Годунов послал в Москву «Ведомость о Китайском государстве». Получив новую информацию о Китае, Годунов поспешил отправить ее в столицу. Эта «Ведомость...» стала известна Ремезову. И он снял список с нее, записав его в СЧК (лл. 111-114 об).

А сейчас сопоставим копии годуновского чертежа Сибири и рассмотрим, как на нем изображались Уральские горы.

Итак, мне известны шесть копий годуновского чертежа Сибири:

- ремезовская копия из ХЧК (буду называть ее – ремезовская – ХЧК);
- ремезовская копия из СЧК (буду именовать ее – ремезовская – СЧК);
- шведская копия Прютца (шведская – Прютца);
- шведская копия Кронемана (шведская – Кронемана);
- шведская копия Пальмквиста (шведская – Пальмквиста);
- немецкая копия Шлейзинга (немецкая – Шлейзинга).

Сначала сравню между собой две ремезовские копии (см. рисунки 1.18 и 1.19).

Прежде всего, следует утвердительно отметить, что общее географическое содержание обеих копий одинаково. Однообразна общая структура речной сети и взаиморасположение на чертеже соседних рек. Одинаково показана граница суши вдоль северной, восточной и южной рамок копий. Одинакова ориентировка карт: юг - вверху, север - внизу. Одинаково оформлен западный обрез карты. В левом нижнем углу чертежа одинаково, в виде вертикального ромба, размещена легенда одинакового текста. Одинаково показана Новая Земля: не как остров в море, а как часть суши. В левом верхнем углу одинаково показан Китай, опоясанный двумя рядами стен. Одинаково место расположения гор и др. Из сопоставления двух ремезовских копий можно сделать однозначный вывод: они имеют один и тот же протограф.

Однако, при всей схожести между собой ремезовские копии годуновского чертежа имеют большое количество различий в ряде технических деталей изображения объектов на чертежах.

Прежде всего отмечу, что копия ремезовская–ХЧК выше верхней и ниже нижней рамок имеет легенду, а на копии ремезовской–СЧК такая легенда отсутствует. Полный текст этой легенды приведен выше. Но я обращаю внимание на часть текста легенды: «... И прежде сего печатного чертежа в Сибири граду Тобольску и Сибирской стране чертежу не бывало. И пребывает сей первоначальный Годуновский печатный чертеж со 176-го году и по нынешний 205-й год без прилогов селищ и волостей и немирных земель». Упоминание «нынешний 205-й год» указывает на тот факт, что вероятно в 205-м году (в 1696/1697 гт от рождества Христова) была сделана эта ремезовская -ХЧК копия годуновского чертежа. Полевой в своей статье «О «печатном чертеже Сибири 1667 г» заявил, что С.У. Ремезов видел годуновский чертеж в Москве и так как он (чертеж) был изготовлен «только в одном экземпляре ему [Ремезову - КВГ] и пришлось его скопировать в Москве» [1.87]. Вторая поездка Ремезова в Москву, во время которой он занимался изготовлением и копированием чертежей, состоялась в 1698 г. А как видно из вышеприведенной записи Ремезова на копии годуновской-ХЧК эта копия была скорее изготовлена в 1696/1697 гт, т.е. до поездки в Москву. К такому же выводу пришел и Гольденберг [1.57].

В 1697 г Семен Ремезов по царским указам и наказам тобольского воеводы изготовил три чертежа. В марте 1697 г он сделал на белой бязи размером 3 x 2 аршина «Чертеж Казачьи орды» (по допросу Скибина). Чертеж был отправлен в Москву. Оригинал на холсте не сохранился, но уменьшенная копия его находится в ХЧК. В первой половине 1697 г Ремезов изготовил чертеж «степи» - южной части Западной Сибири с прилегающими районами Казахстана и Средней Азии. Этот чертеж имел название «Чертеж всех вершин с камней потока рек имени наличия снискательно бывальцы и уроженцы», который сохранился в копии в СЧК (л. 51 об – 52) под измененным названием «Чертеж земли всей безводной и малопроездной каменной степи». К 1 сентября 1697 г Ремезов закончил чертеж Тобольской земли (разряда) размером 3 x 2 аршин под названием «Часть Сибири . Тщательное изображение наличие Тобольского чертежа рек и озер и селидб русских и ясашных туземцов в гранех с прилежащими грады и немирных рода Казачьи орды. В пример ходу длины 900, а ширины 563 версты 800 сажень», который 18 сентября 1697 г был отправлен в Москву. Оригинал этого чертежа не сохранился. Но уменьшенные копии его сохранились: одна – в СЧК (л. 28 об) с пометой «писан в Тобольске августа 15 день», а другая в ЧКС (л. 2) с пометой «против прежнего в пример». Третья утрачена, но упоминается в оглавлении ХЧК (л. 6) с пометой «А в пример в Тобольску таков оставлен в приказе в 206-м году». Таким образом, Семен Ремезов в 1697 г интенсивно занимался изготовлением чертежей – карт. При этом он провел ряд дополнительных работ и сделал промежуточные чертежи: «Вершина Ишиму. Степь написана с урочищи» (ХЧК, л. 112), «Степь Казачья орда, Бухарей» (ХЧК, л. 113), «Вершина реки Иртыша» (ХЧК, л. 99), «Степь написана с урочищи» (ХЧК, л. 100). Надписи на копии годуновской-ХЧК карты сделаны рукою Семена Ульяновича, с чем единодушно согласны все исследователи, изучавшие годуновский чертеж Сибири. Судя по всему, именно в ходе работы по оставлению комплекта чертежей Сибири в 1697

г Семен Ремезов и сделал в Тобольске копию годуновского-ХЧК чертежа Сибири. Следует отметить ещё один момент, проливающий свет на изготовление Семеном Ульяновичем годуновского-ХЧК чертежа Сибири в 1697 г. В ХЧК перечислены чертежи, которые он изготавливал. В списке имеется запись: «Во 192-м и 3-м годах [1683-1685 гг - КВГ] чертеж в пополнок прежнему, кои писан во 176-м году [1667 г - КВГ]». Следовательно, Ремезов был уже в начале восьмидесятых годов XVII в знаком с годуновским чертежом Сибири 1667 г, увидеть который он мог только в Тобольске. Поэтому годуновский чертеж был изготовлен не в одном экземпляре, как ошибочно считал Полевой: годуновский чертеж был отправлен в Москву, а его копия осталась в Тобольске.

Укажу некоторые различия в двух ремезовских копиях годуновского чертежа:

- легенда, помещенная в левом нижнем углу чертежа, на ремезовской-ХЧК обведена ромбовидной рамкой, на ремезовской-СЧК такая рамка отсутствует;
- в нескольких местах легенды концы строк записаны по разному;
- в центре чертежа на обеих копиях нанесен компас, но с некоторыми различающимися деталями;
- на ремезовской-ХЧК реки нанесены двойными линиями, а на ремезовской-СЧК – одинарной линией;
- Уральские горы на ремезовской-ХЧК нанесены в виде двойной линии с незаполненным пространством между ними, а на ремезовской-СЧК в виде полосы затушеванных мелких фигур, напоминающих холмики;
- на обеих копиях имеется надпись, расположенная между р. Енисей и Уральскими горами («Земля Сибирская по Верхотурский Камень»), записанная по разным частям, расположенным на различных участках копий;
- около полосы Уральских гор на ремезовской-ХЧК имеется надпись «Камен», а на ремезовской-СЧК эта надпись отсутствует;
- в ряде случаев на ремезовской-ХЧК нанесено сокращение Р., а на ремезовской-СЧК – слово «река» записано полностью (например, р. Енисей и река Енисей; р. Обь и река Обь; р. Лена и река Лена);
- в ряде случаев на ремезовской-ХЧК используется сокращенное Г., а на ремезовской-СЧК фигурирует полное «град» (например, Г и град Березов, Г и град Верхотурье, Г и град Тюмень, Г и град Якуцкой, Г и град Енисейский и др.);
- в ремезовской-ХЧК широко используются выносные надстрочные буквы, а на ремезовской-СЧК они единичны;
- в ремезовской-ХЧК буква Й записана в форме надстрочного знака в виде двух косых черточек, а в ремезовской-СЧК в виде Й;
- на ремезовской-СЧК имеются надписи рек «Обь» и «Иртыш», а на ремезовской-ХЧК такие названия отсутствуют.

Особенно примечательным является различие двух копий годуновского чертежа, касающееся названия р. Камчатки: на ремезовской-СЧК такое название отсутствует, а на ремезовской-ХЧК вместо надписи «Колыма» стоит название «Камчатка». В 1648 г Семен Дежнев «со товарищи» обогнул Чукотский полуостров и дошел по морю в кочах до р. Анадырь. В 1656 г Михаил Стадухин обогнул полуостров Камчатку и вышел в Охотское море. Однако эти русские географические открытия не упоминаются в годуновском чертеже 1667 г. В 1672 г был сделан новый чертеж Сибири, оригинал которого не сохранился. Но известен его «Список с чертежа Сибирския земли» [1.65]. В этом списке упоминается р. Камчатка. В 1683-1685 гг Семен Ремезов изготовил «Чертеж в пополнок прежнему кои писан в 176-м [1667 г - КВГ] году про знание жилья». На такой карте Ремезов сделал надпись «Камчатка». Следовательно, уже в 1680-ых гг Ремезов имел какую-то информацию о вновь открытой р. Камчатке. Поэтому, изготавливая копию годуновского чертежа 1667 г, Ремезов название р. Колыма заменил на «Камчатка», так как точно ещё не знал, где находится такая р. Камчатка.

Выше было указано, что копию годуновского чертежа Сибири 1667 г, находящуюся в ХЧК изготовил Семен Ульянович Ремезов (это копия ремезовская-ХЧК), что убедительно доказал Гольденберг Л.А. [1.57]. Он же показал, что бумага, на которой выполнена копия годуновского чертежа ремезовская-СЧК, имеющая филигранный герб Амстердама и владельческие буквы АГ, относится ко времени после 1702 г. Почерк ремезовской-СЧК копии принадлежит Леонтию Ремезову, сыну Семена Ульяновича Ремезова. Таким образом, получается следующее:

- копия годуновского чертежа 1667 г ремезовская-ХЧК изготовлена Семеном Ремезовым в Тобольске в 1697 г;

- копия такого же чертежа ремезовская-СЧК выполнена Леонтием Ремезовым в Тобольске после 1702 г.

Форма изображения Уральских гор на ремезовских копиях годуновского чертежа Сибири 1667 г практически однотипна. На этих копиях Уральские горы показаны в виде дуги. Южная ее часть изогнута и близка к прямолинейной. А вот северная часть горной дуги изгибается к востоку практически на 90⁰ и протягивается до устья р. Оби. Южное окончание Уральских гор на годуновском чертеже заканчивается на широте верховьев рек Тобол, Яик и Белая. Таким образом, русские люди в Тобольске в середине XVII века имели представление о протяжении Уральских гор в виде непрерывного горного хребта от устья р. Оби до средней части современного Южного Урала. Южная часть Южного Урала, расположенная на широте р. Яик, а также горы Мугоджары были не нанесены на годуновскую карту, что указывает на недостаточную информацию об этих районах Урала. Однако, тобольчане уже в это время знали, что реки

Яик и Волга впадают в одно и то же море. Устья названных рек показаны на годуновской карте, хотя название моря не было нанесено.

Остановлюсь ещё на одном любопытном моменте. На обеих ремезовских копиях годуновского чертежа имеется надпись: «Земля Сибирская по Верхотурской Камень». Следовательно, уже в середине XVII века часть Уральских гор в верховьях р. Туры имела собственное название – «Верхотурский Камень», по имени административного центра района – городу Верхотурью. А восточный склон Уральских гор от горного хребта и до р. Оби назывался в то время Сибирью, «землей Сибирской».

Далее сопоставим между собой шведские копии годуновского чертежа Сибири: Прютца, Кронемана и Пальмквиста.

Копия годуновского чертежа шведская-Прютца опубликована в труде Титова А.А. [1.65]. Авторство копии зафиксировано записью расположенной в левом углу под нижней рамкой: «копия в Москве в 1669 году карты Годунова сделанная К.И.Прютцом» (см. рисунок 1.15). Копия шведская-Кронемана имеется в работе В. Кордта [1.76] (см. рисунок 1.14). Копия шведская-Пальмквиста опубликована в альбоме Пальмквиста [1.77], а затем и Багровым [1.105] (см. рисунок 1.16).

Достаточно беглого взгляда, чтобы прийти к выводу о том, что копии годуновского чертежа Прютца и Кронемана однотипны. Расположение на них основных географических объектов (рек, гор, населенных пунктов) одинаково. На обеих копиях север находится внизу карты, а юг – в верхней части. На обеих картах реки показаны двойными линиями. На обеих картах однотипно сделана надпись: «Земля Сибирская Поверхо-турской Камень» (записана по частям на трех разных участках карты, при этом «Поверхо» записано слитно). Тем не менее эти копии отличаются друг от друга рядом деталей, а именно:

- шведская-Прютца имеет однолинейную рамку, а шведская-Кронемана обведена двухлинейной рамкой;
- на шведской-Прютца на четырех сторонах рамки записаны стороны света (юг, запад, север и восток), а на шведской-Кронемана такие надписи отсутствуют;
- на шведской-Прютца под нижней рамкой слева сделана запись об авторстве копии (Прютц), а на шведской-Кронемана за пределами рамок записи отсутствуют;
- на шведской-Прютца на трех сторонах карты показана извилистая береговая линия, без обозначения знаков водного пространства за линией суши, а на шведской-Кронемана на северной, восточной и небольшой части южной береговой линии показан знак океана в виде коротких горизонтальных штрихов, при этом на южной стороне карты на большей части показаны горы и только в правом углу (в районе устьев рек Яик и Волга) снова показано водное пространство в виде узкой полоски вдоль рамки (так отражено Каспийское море);
- при однотипном расположении на картах населенных пунктов места надписей названий их несколько различаются;
- при одинаковом изображении рек на картах надписи названий их размещаются в разных местах;
- границы проживания народов на шведской-Прютца показаны в виде линий, а на шведской-Кронемана около линий в виде обрамления нанесены полоски коротких горизонтальных отрезков;
- в средней части карт изображен компас, выполненный с различными деталями;
- на шведской-Кронемана между реками Обь и Енисей показано три волока, а на шведской-Прютца – только два;
- на картах по-разному изображены знаки Китая и стен вокруг него;
- на шведской-Прютца изображены два маршрута от русских границ в Китай, а на шведской-Кронемана эти пути не показаны;
- на обеих картах на восточном побережье севернее р. Амуре показаны пять рек, из них самая южная на шведской-Кронемана имеет название «р. Колыма», а на шведской-Прютца такое название отсутствует;
- в восточной части карты шведской-Кронемана имеется надпись «От моря-крайленской», а на шведской-Прютца сохранилась только вторая часть этой надписи – «Крайленской»;
- в левом нижнем углу обеих карт размещен картуш одинаковой эллипсоидной формы с рисуночным обрамлением, внутри которой расположен текст; различие между ними состоит в том, что на шведской-Кронемана обрамление картуша частично заполнено сеткой линий, а на шведской-Прютца обрамление представляет собою чистое место;
- на обеих копиях в нижней части картуша изображена примерно одинаковой длины масштабная линейка с указанием масштаба московских миль. Такая линейка содержит 100 миль на копии Кронемана и всего 60 миль – на копии Прютца;
- судя по русским копиям годуновского чертежа масштабная линейка на оригинальном чертеже отсутствовала, что позволяет сделать заключение о том, что на шведских копиях Кронемана и Прютца масштабная линейка появилась по прихоти самих шведских копиистов.

В целом, шведская-Кронемана копия годуновской карты Сибири выполнена более четко и аккуратно по сравнению со шведской-Прютца копией. Это различие вполне объяснимо. Прютцу князь Воротынский дал карту всего на несколько часов, и Прютц торопливо сделал свою копию. Кронеману дали карту на «целую ночь» и он делал свою копию без особой спешки.

На обеих шведских копиях годуновского чертежа Сибири однотипно изображены Уральские горы – в виде полосы, вытянутой в направлении север-юг, но имеющей изогнутую форму с выпуклой стороной обращенной в сторону запада. При этом самая северная часть горной гряды имеет резкий поворот на

восток. Северная оконечность горной гряды доходит до устья р. Оби, а южная находится на широте верховьев рек Тобол, Яик и Белая. На обеих шведских копиях в районе верховий р. Исеть стоит надпись «Камен», относящаяся к горной гряде Урала. Однако, изображение горного Уральского хребта на шведских копиях различно. На шведской-Прютца копии Урал изображен в виде полосы, состоящей из двух линий, между которыми нанесены знаки в виде упрощенных по форме холмиков. А на шведской-Кронемана копии Уральские горы представлены в виде череды холмиков, имеющей на большей части протяженности обрамление из горизонтальных коротких линий.

При работе над годуновским чертежом Сибири я столкнулся с затруднением при определении шведской копии этого чертежа, исполненной Пальмквистом. В работе Ефимова А.В. «Из истории великих русских географических открытий...» [1.67] приведена шведская копия чертежа Сибири 1667 г. Под рисунком было записано, что эта копия «опубликована в 1888 г в Швеции в атласе Эрика Пальмквиста». В «Атласе географических открытий...» [1.106], опубликованном под редакцией Ефимова А.В., представлена точно такая же копия годуновского чертежа Сибири и также указано, что она была опубликована в атласе Пальмквиста. Однако, при сравнении этой копии с чертежом годуновской карты, выполненной Кронеманом, оказалось, что они абсолютно одинаковы, как две капли воды. Недоразумение прояснилось, когда я познакомился с действительной копией годуновского чертежа Сибири, сделанной Пальмквистом, которая находится в фундаментальной монографии Багрова Л. «История русской картографии» [1.105] (см. рисунок 1.16). Оказалось, что Ефимов А.В. допустил ошибку, приняв копию Кронемана за копию Пальмквиста.

Все три шведские копии годуновского чертежа имеют одинаковое географическое содержание. На них Сибирь изображена в виде прямоугольника, окруженного с севера, востока и юга морским пространством. Однако, копия шведская-Пальмквиста имеет ряд заметных отличий от копий Прютца и Кронемана, а именно:

- на шведской-Пальмквиста картуш с легендой изображен в виде ромба, очерченного линиями (как и на русской копии Семена Ремезова), а на копиях Прютца и Кронемана картуш имеет форму овала;
- в верхней части картуша на копии Пальмквиста указан год, записанный по новому и старому летоисчислению (1668/7176), а на копиях Прютца и Кронемана указан год только по старому летоисчислению;
- в верхней части копии Пальмквиста сделана надпись с названием карты, а на копиях Прютца и Кронемана такая надпись отсутствует;
- на копии Пальмквиста компас имеет форму, отличающуюся от компасов Прютца и Кронемана, и расположен в ином месте (не в середине чертежа, как на копиях Прютца и Кронемана, а на восточном морском пространстве);
- по иному Пальмквист сделал надпись «Земля Сибирская – Турской камень» (исчезла часть фразы – «по Верхо»);
- на копии Пальмквиста не названа часть рек, стекающих с восточного склона Урала, в то время как на копиях Прютца и Кронемана такие названия рек присутствуют;
- на копиях Прютца и Кронемана все реки показаны двойными линиями, а на копии Пальмквиста крупные реки в нижней части течения показаны двойными, а верховьях – одинарными линиями; мелкие же реки на копии Пальмквиста показаны только одинарными линиями;
- на копии Пальмквиста Уральские горы показаны в виде череды холмиков, протянувшейся от устья р. Оби до широты верховьев рек Тобол, Белая и Яик, а на копиях Прютца и Кронемана Уральские горы показаны в виде непрерывной полосы.

Сравнивая русские и шведские копии годуновского чертежа Сибири 1667 г, можно отметить следующее:

На четырех из пяти копий реки показаны двойными линиями. И только на ремезовской-СЧК, выполненной Леонтием Ремезовым, реки изображены в виде одинарной линии. Отсюда можно сделать вывод о том, что на оригинальном годуновском чертеже реки были представлены двойными линиями.

На четырех копиях (две русских и шведских Прютца и Пальмквиста) между верхней рамкой и южной береговой линией показано морское пространство. А на копии Кронемана на этом месте показаны горы. Поэтому можно считать, что на оригинале годуновского чертежа вдоль верхней рамки горы не были показаны.

Надпись реки «Камчатка» имеется только на одной русской-ХЧК копии, выполненной самим Семеном Ремезовым. На остальных копиях, включая и копию Шлейзинга, эта река имеет название «Колыма». Об этом упоминает и Греков В.И. [1.107]. Поэтому можно считать, что на оригинале годуновского чертежа Сибири топоним «Камчатка» не фигурировал. Почему же Семен Ремезов на своей копии годуновского чертежа вместо названия реки «Колыма», записанного на всех других копиях, заменил это название на «Камчатка»? Семен Ремезов имел информацию о реке Камчатке из нескольких источников. Он был знаком с чертежом Сибири, выполненном в 1684-1685 гг, на котором была показана и подписана р. Камчатка. Находясь в Москве, он скопировал «Чертеж земли Якутцкого города», на котором были изображены и полуостров Камчатка и река Камчатка. Поэтому не удивительно, что Семен Ремезов, делая копию годуновского чертежа, вместо названия «Колыма» записал «Камчатка». И тем не менее, на

оригинале годуновского чертежа Сибири топоним «Камчатка» отсутствовал. К такому же выводу пришел и Гольденберг Л.А. [1.57].

На русских копиях, а также на копии Пальмквиста, картуш с легендой имеет вид ромба. На копиях Прютца и Кронемана картуш имеет овальную форму. Можно полагать, что на оригинале годуновского чертежа Сибири картуш имел форму ромба. А овальный картуш на копиях Прютца и Кронемана, включая и масштабную линейку на всех шведских копиях, является творчеством шведских копиистов.

Если русские и шведские копии годуновской карты имеют много общего, то копия Шлейзинга значительно отличается. Тем не менее Кордт В.А. дал положительную оценку копии Шлейзинга, отметив, что она «имеет для нас громадный интерес, так как она является точной копией с карты Сибири П.И. Годунова» [1.76]. Однако, копия Шлейзинга имеет немало неудачных отличий (см. рисунок 1.17):

- картуш с надписью на шведских копиях расположен в районе нижнего левого угла, а Шлейзинг перенес его в правый верхний угол, изменив при этом рисуночное обрамление;
- на шведских копиях северное побережье показано в виде слабо волнистой линии, а Шлейзинг выделил моря Албум и Вайгатс;
- на шведских копиях город Китай окружен двумя стенами, а у Шлейзинга показана одна стена;
- на копии Шлейзинга север находится сверху карты, а на всех других копиях годуновского чертежа север размещается внизу карты;
- на шведских копиях надпись «Земля Сибирь» нанесена в одном месте, а Шлейзинг топоним «Сибиря» написал в пяти разных местах;
- на шведских копиях названия морей отсутствуют, а Шлейзинг нанес названия морских пространств: «море Каспийское» и «море Леавнум» вдоль южной рамки карты; «Океанус» у восточной кромки карты; «море Албум» и «море Вайгатс» около северной кромки карты;
- на шведских копиях показаны реки Яик и Белая Воложка, а на карте Шлейзинга эти реки отсутствуют;
- на карте Шлейзинга ошибочно на реке Иртыш нанесено название «р. Обь»;
- на карте Шлейзинга холмиками показана гряда гор, протягивающаяся примерно в северо-восточном направлении от среднего течения р. Оби до среднего течения р. Енисей и далее до северной береговой морской линии материка, при этом в двух местах вдоль этой горной гряды стоит надпись «Земной Пояс», в то время как на всех других копиях годуновского чертежа эти мифические горы, естественно, отсутствуют и др.

Самым эффектным недоразумением копии Шлейзинга, как показано выше, стало превращение Уральского хребта, изображенного на всех остальных копиях годуновского чертежа, в реку Вобшти. На основании выше перечисленных негативных особенностей копии Шлейзинга трудно назвать её [копию - КВГ] «точной копией с карты Сибири П.И. Годунова», как назвал копию Шлейзинга Кордт В.А.

В целом годуновский чертеж Сибири 1667 г весьма интересен как первый чертеж Сибири, сохранившийся до нашего времени. Он представляет самый ранний образец картографии Сибири. Несомненно наиболее точными копиями чертежа Сибири 1667 г являются русские копии, выполненные Семеном и Леонтием Ремезовыми. И ещё одна мысль, нашедшая отражение на годуновском чертеже Сибири, представляет интерес: на карте отражена возможность сквозного морского пути вдоль северного побережья Евразии и, обогнув северо-восточную оконечность Азии, проплыть в Китай. Такой географической информацией отражено открытие Семеном Дежневым прохода из Северного Ледовитого океана в южный Тихий океан. В 1648 г. Дежнев на пути из Якутска в Москву в июле 1663 г побывал в Тобольске [1.104], где и мог передать сведения о морском проходе, которые и отразились на годуновском чертеже Сибири. Годуновский чертеж 1667 г имеет значительное историческое значение, состоящее в том, что на нем впервые в мировой картографии дано общее представление о всей Сибири, от Уральского хребта до Тихого океана. Годуновский чертеж свидетельствовал о реальном вхождении Сибири в состав России. В то время как на западно-европейских картах отражались мифические сведения о Сибири, основанные на древних материалах Плиния, Страбона и др., на годуновском чертеже были отражены достоверные картографические показатели. Годуновский чертеж оказал значительное влияние на русскую, так и на европейскую картографию. Годуновский чертеж использовал Виниус при составлении своей карты восточной части Московского государства. Николай Витсен, бургомистр в Амстердаме, имел годуновский чертеж и пользовался им при составлении своей карты Сибири в 1687 г. По мнению Ефимова А.В. годуновский чертеж оказал влияние и на карту Избранта Идеса, который в 1692-1695 гг в качестве русского посланника ездил в Китай [1.67].

1.4.5. Восточная «ветвь» Уральских гор

Спустя всего пять лет после составления годуновского чертежа Сибирский приказ повелел составить новый чертеж Сибири. Такой чертеж был составлен. Однако оригинал его до сих пор не найден. Известны три его копии. Одна – русская, которая хранится в Центральном Военно-историческом архиве и была опубликована Багровым [1.66]. Ещё две шведских: одна сделана Э. Пальмквистом на немецком языке и опубликована в его альбоме 1673 г [1.77], другая выполнена А. Спарвенфельдом в 1688 г на шведском языке и имеется в статье Багрова [1.108]. На чертеже не зафиксирована дата его составления.

Исследователи называют по-разному год его изготовления – 1672 или 1673. Я склоняюсь к 1673 г, основываясь на записи Семена Ремезова, сделанной им в «Писании до ласкового читателя» в его ЧКС, где он, перечисляя Сибирские чертежи, указал 192, т.е. 1673 год: «многие чертежи в Тобольске по грамотам великих государей писаны быша со 176 году: во 177 м, во 192...» и т.д. Обычно этот чертеж называют по надписи, сделанной в верхнем правом углу русской копии: «Чертеж всей Сибири до Китайского царства и Никаского». Исследователи сходятся в едином мнении, считая все три копии чертежа 1673 г сходными между собой, за исключением некоторых технических деталей. Одинаковы очертания морских берегов, расположение рек и озер и пр.

Известен «Список с чертежа Сибирские земли», датированный 1673 г [1.65], который находится в составе рукописи №313 собрания Санкт-Петербургской духовной академии академического списка Есиповской сибирской летописи [1.63]. Ученые мужи высказывают различные точки зрения по вопросу о взаимоотношении чертежа Сибири 1673 г и «Списка с чертежа Сибирские земли». Багров считал, что чертеж Сибири 1673 г и указанный «Список...» взаимосвязаны, аналогично Годуновскому чертежу Сибири 1667 г и его описанию [1.66]. Но, основываясь на том, что в чертеже Сибири 1673 г имеется много наименований и надписей, не встречающихся в соответствующем списке, Греков В.И. пришел к выводу о их самостоятельности и несвязанности [1.109].

К большому сожалению, на чертеже Сибири 1673 г не изображены Уральские горы, ни на русской (см. рисунок 1.20), ни на шведской (см. рисунок 1.21) копиях. Крайним западным топографическим элементом на чертеже является р. Тобол с притоками. И тем не менее этот чертеж Сибири 1673 г весьма интересен. На нем, начиная от истоков р. Тобол, показана горная гряда, протянувшаяся в восточном направлении вплоть до Китая. Эта горная гряда на шведской копии показана в виде четко выраженной двойной череды холмиков, разделяющей реки, текущие с таких гор на север, от рек, направляющихся на юг (см. рисунок 1.21). На русской копии (см. рисунок 1.20) такая горная гряда изображена в виде затушеванной линии. Таким образом, русские люди во второй половине XVII века воспринимали и отразили на карте низковисотный водораздел в верховьях рек Тобол, Ишим, Иртыш, как горный хребет, разделяющий северные и южные реки. В более восточных районах такой горный хребет отражал реальные горные районы Алтая, Саян и др.

Отмечу ещё одну любопытную деталь чертежа Сибири 1673 г: на карте нанесена и подписана река «Камчатка». Но она показана протекающей по материковой земле и впадающей в Амурский залив.

В том же 1673 г был создан этнографический чертеж Сибири. В виде копии он сохранился в составе ЧКС, составленной в 1701 г Семеном Ульяновичем Ремезовым [1.83]. Этот чертеж представлен на листе 23 в ЧКС и имеет название «Чертеж и сходство наличие земель всей Сибири Тобольского города и всех розных градов и жилищ и степи». На чертеже различными красками показаны места проживания разных народов (см. рисунок 1.22). Этнографический чертеж Сибири 1673 г имеет южную ориентировку как и рассмотренный выше чертеж Сибири 1673. Сам Ремезов сделал обширное надписание этнографического чертежа Сибири: «Сей чертеж наличие земель написася между рек и урочищ, грани и межы сосед всех сибирских городов сходство, по рекам городов и иноземных волостей и кочевых орд коемуждо роду и языку по кое урочище со соседями владение земли своей, впредки они бо из своих жилищ с родных границ не выступают и в соседские не вступаются. А буде ис которого языка орды в которую землю вступят скотом или на промысла какова будя зверя уловит придут и о сем меж ими чинитца межусобье и грабление. И о сем в Тобольску по свидетельству преосвященного Корнилия митрополита Сибирского и Тобольского во 181-м году июня в 8 число первее по допросам и пословно и хлебосольно во исполнение Сибирскому чертежу, испытуя о всем ведомцов, бывальцовы и старожилов коя земля на ветрех в коих местах у орд в соседи в урочищах сходна. И сему по допросам в различии шаров и цветов учинен сей в наличии Сибирский чертеж сходство всей Сибири города Тобольска и всех розных городов, жилищ и степи и иноземных орд родов и язык вокруг облегающих сосед. О них нам повести и чертежи в подсвоение ясаку належат». Из надписания видно, что этнографический чертеж был составлен в 1673 г. Однако, Андреев посчитал, что этнографический чертеж Сибири был составлен С. Ремезовым в 1698 г [1.81]. Полемизуя с Андреевым, Полевой убедительно доказал, что все-таки этнографический чертеж Сибири был составлен в 1673 г [1.110]. На ряде деталей он показал, что этнографический чертеж Сибири более соответствует географическим представлениям русских людей 60-70-х гг, нежели конца XVII века. Среди исследователей велись споры об авторстве этнографического чертежа Сибири. Одни считали автором С. Ремезова. Другие отрицали его авторство. Полевой показал, что С. Ремезов только скопировал этнографический чертеж 1673 г, слегка его модернизировав. В основу своего доказательства Полевой положил соображения о том, что С. Ремезов не использовал на этнографическом чертеже Сибири свои собственные этнографические сведения, собранные в 1697-1699 гг. Таким образом, можно принять, что этнографический чертеж Сибири был составлен в 1673 г, а автор его остается пока неизвестным. Позднее, составляя ЧКС, Семен Ремезов скопировал этнографический чертеж Сибири, несколько усовершенствовал общее изображение Сибири на карте.

Так как Семен Ремезов связал этнографический чертеж Сибири 1673 г с именем митрополита Корнилия, то Брук С.И., а вслед за ним и Полевой, предложили называть этот чертеж «Корнильевским», аналогично тому, как чертеж Сибири 1667 г называют «Годуновским».

Как указано выше, этнографический чертеж Сибири 1673 г вошел в состав ЧКС Семена Ульяновича Ремезова. Этот ремезовский атлас в Москве был в руках у дьяка Сибирского приказа Винууса А.А. и планировался к типографскому изданию, для чего на картах атласа были сделаны многочисленные дублирующие надписи на голландском языке. На листе с этнографическим чертежом надписаны названия земель, проживающих на них народов. В подавляющем большинстве случаев слово «земля» заменено согласной буквой «З.» с двумя точками (например, «З.Вогульсва в ней город Верхотурье и Пельымь», «З.Пермь Великаиа», «З.Чюкчей», «З.Камчадальска» и др.). Но в нескольких случаях название «Земля» записано полностью, например, «Земля Богдойска», «Земли Китайского царства», «Земля Казачьи орды» и др. Хотя карта именуется как «Чертеж Сибири», однако, на ней показаны и земли народов, проживающих в европейской части России, например, «З.Чувашска», «З.Поморска», «З.Корелска», «Земля Великия Московии» и др. На чертеже нанесена даже иностранная «З.Швитская». Около названий земель проставлены цифры – от 1 до 93. Полевой подметил, что цифры нанесены той же рукою, которая сделала перевод с русского на голландский язык ремезовского надписания на чертеже. Можно полагать, что цифры должны были облегчить понимание содержания чертежа при его типографическом издании. Не известное лицо, наносившее на этнографический чертеж номера, было недостаточно внимательно. Так, например, он нанес цифру 1 на остров, находившийся напротив Кореи, а название острова отсутствовало на карте. С другой стороны, некоторые надписи на карте оказались не пронумерованы, например, «З.Арбутска», «Новая земля галанец», «Остров Соловецкой», «Море Хвалынское» и др.

Для нашего рассмотрения наиболее интересным географическим показателем этнографического чертежа Сибири 1673 г является система горных хребтов, опоясывающая обширным полукольцом большую часть Сибири. Все горные хребты на этнографической карте не имеют названий, но пронумерованы одинаковой цифрой – 93. На карте показаны Уральские горы. На севере они начинаются от устья р. Оби. И продолжают в виде дуги до верховьев рек Тобол и Яик на юге, что соответствует положению Уральских гор на годуновском чертеже Сибири 1667 г. На этнографическом чертеже Сибири южное окончание Уральских гор примыкает к северной грани «Земли Каратальцев», занимающей узкую полосу, вытянутую в направлении запад-восток (см. рисунок 1.21). А вдоль южной границы «Земли Каратальцев» проходит горный хребет, продолжающийся далеко на восток, достигая «Земли Китайского царства». Этот горный хребет разделяет северные и южные реки и показан на чертеже Сибири 1673 г (см. рисунок 1.21). Скорее всего, разрыв горного хребта на «Земле Каратальцев» образовался случайно вследствие затушевки этой земли (на этом участке проглядываются следы изображения чередующихся холмиков). В районе «Земли Китайского царства» ветвь горного хребта уходит далеко на север, вплоть до «Моря Ледовитого», далеко вдаваясь в него и доходя до северного обреза карты. На этом выступающем в море участке горного хребта имеется надпись: «Камен конца не имат». Уральские горы на этнографическом чертеже Сибири 1673 г не имеют собственного названия. Но прекрасно известно, что в это время Уральский хребет имел название «Камень». И оказывается такое же название «Камень» имел горный хребет на восточной окраине Сибири. Это приводит к мысли о том, что в середине XVII века любые горы, не имеющие собственного имени, назывались «Камнем» (об этом см. выше).

Таким образом, на этнографическом чертеже Сибири 1673 г была отражена мысль о ветви Уральских гор, уходящей от верховьев рек Тобол и Яик далеко в восточном направлении.

Идея восточного продолжения Уральских гор однозначно оформилась на чертеже Сибири 1678 г, именуемым «Чертеж Сибири Спафария».

Николай Гаврилович Спафарий Милеску (1636-1708 гг) родился в Милештах (Валсуй) в Запрутской Молдавии в боярской семье [1.111]. Первоначальное образование получил в Ясской славяно-греко-латинской школе (академии), а затем в высшей греческой патриаршей школе в Константинополе [1.112]. Знал несколько языков – греческий, латинский, турецкий, арабский. По возвращению на родину был командующим войсками (поэтому в России его именовали Спафарием – от Спатар 'командующий'). После захвата родины турками долго был в изгнании в Европе. Но всегда мечтал об освобождении родины от турецкого ига. В 1671 г он приехал в Россию, ставшую ему второй Родиной. Служил переводчиком в Сибирском приказе, где быстро выдвинулся благодаря своим незаурядным способностям. Написал несколько книг: Арифмологион, Хрисмологион, Василиологион, О сивиллах, Муссы или семь свободных учений, Родословная царей русских и др.

В 1675-1678 гг Спафарий ездил российским послом в Китай. 23 февраля 1675 г Спафарию была вручена «наказная память». В ней ему поручалось определить «сколько от которого города и до которого города или улуса до улуса, верст или милей или дниц... и от Тобольска по дороге до порубежного китайского города изобразить все землицы, города и путь на чертеже... А на Москве явиться и всему тому статейный список и описание Китайского государства и дорог, на которые места из Москвы в Китай и из Китая к Москве ехал подать чертеж в Посольском приказе...» Для составления чертежей планировалось послать в составе посольства «чертешика», которого в последний момент было принято решение «для той посылки» не посылать. 10 мая 1675 г Спафарий в отписке царю из Самаровского яма написал: «А всем рекам и урочищам учиню я, холоп твой, подлинный чертеж и роспись (хотя со мною и чертешика нет)». И с этим же письмом он послал первый чертеж – реке Иртышу. Этот чертеж был

получен в Москве и на нем была сделана помета: «И под тою отпискою прислан чертеж и тот чертеж вклеен в столп» [1.111]. Известно и описание р. Иртыш, записанное Спафарием и включенное в его книгу о путешествии в Сибирь и Китай под заголовком «Описание славной реки Иртыша». В этой записи дается описание р. Иртыша от устья до истоков, расположенных в горах, «которые по-русски именуется Камень». Посольство Спафария проплыло по нижней части р. Иртыша – от Тобольска до р. Оби. А в верховьях р. Иртыша Спафарий не был. В то же время он дает весьма детальное описание не только верховий самого Иртыша, но и многих его притоков. Поэтому можно полагать, что и чертеж и описание реки Иртыша Спафарий позаимствовал в Тобольске, где они были составлены местными служилыми людьми. Проезжая по Сибири Спафарий и его спутники составляли чертежи и других рек и районов. В конце второй главы «Описание первой части вселенной, именуемой Азией» Спафарий указал, что он и его спутники «для лучшего уразумения не токмо писали в книге, какие люди живут около Китая и около большой стены, но и чертежи начертили, до Китая какие люди живут и какие реки и места суть, и все именно и подлинно писанию предали, как в чертеже объявлено будет». По возвращении в Москву Спафарий подал в 1678 г в Посольский приказ чертеж, а также описание к нему: «А рекам и горам, и островам, и протокам, и городам, и острогам, и юртам татарским и остяцким, и всем знатым местам, и урочищам царства Сибирского от стольного города Тобольска даже до стольного Китайского города Камбалыка подал особую книгу» [1.113]. Широко известны описания, составленные Спафарием:

- Книга, а в ней писано путешествие через царство Сибирское от города Тобольска и до самого рубежа государства Китайского;

- Статейный список (официальный отчет о выполнении миссии посольства);

- Описание первой части вселенной, именуемой Азией, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городами и провинциями (здесь описаны морские и сухопутные дороги в Китай).

А чертеж посольства Спафария долгое время не был известен. Только спустя более двух с половиной столетий Багров опубликовал карту, которую он назвал «Чертежом Н.Г. Спафария 1682 г», не приводя каких-либо объяснений (см. рисунок 1.23). На карте нанесены районы, в которых Спафарий не бывал, в том числе и европейская часть Московского государства и даже устье р. Нил, впадающей в Средиземное море. Это позволило Полевому предположить, что чертеж, найденный Багровым, был изготовлен позднее и не Спафарием [1.113]. Тем не менее, по мнению Андреева А.И. этот чертеж по своему содержанию, по упоминанию географических объектов, близок к книге Спафария [1.81].

Для меня сейчас не важно, кто изготовил карту Спафария. Интересно другое: как на этом чертеже были изображены Уральские горы.

Чертеж Сибири Спафария ориентирован в традиционной русской манере: север расположен внизу карты (см. рисунок 1.23). А вот Уральские горы на этом чертеже показаны в необычной форме, отдаленно напоминающую цифру семь. В северной части Уральский хребет начинается от р. Сось. И с очень небольшим изгибом тянется до истоков р. Тобол, где под углом 90° поворачивает на восток, продолжаясь до Алтая. На чертеже Спафария Уральские горы имеют четко выраженных два колена: одно имеет направление север-юг, а другое – запад-восток. На чертеже Спафария около восточного колена горного хребта стоит надпись «Камень». Таким именем «Камень» называли Уральские горы русские люди и северное колено горного хребта. В «Описании славной реки Иртыша», входящем в состав книги Спафария, многократно упоминаются горы «Камень». Приведу некоторые примеры [1.111]:

- «Вершины реки Иртыша текут из Монгольских гор, которые по-русски именуются Камень»;

- «И та река Бешка течет из Камени и падает в реку Иртыш»;

- «... течет речка невеликая, имя ей Карбуга, и течет та речка из Камени в Иртыш»;

- «... подле реки Иртыша по левую стороны до речки Енкуля ходу 3 дня, а выпала та речка из Камени в Иртыш» и др.

Отсюда можно сделать вывод о том, что восточное колено горного хребта на карте Спафария русские люди устойчиво именовали Каменем. При этом Каменем именовалось и северное колено этого горного хребта:

- «...а вершины реки Тобола текут из Верхотурской горы, которая по-русски слывет Каменный пояс...»;

- «А Тура река течет из Верхотурского Камени мимо Верхотурского города»;

- «... с правой же стороны падут в ту же реку Туру река Тишма, которые все из озера, из Камени текут и впадут в Туру реку»;

- «... впадет в Тобол реку немалая Исеть, которая течет из озера из Верхотурского Камени» и др.

В итоге, горный хребет (Уральские горы), протянувшийся с севера до верховьев р. Тобол и повернувший затем на восток, русскими во второй половине XVII века воспринимался как единый горный массив. Южное продолжение Уральского горного хребта (современные Мугоджары) на карте Спафария не зафиксировано. Хотя, косвенно, этот горный участок находит отражение в записи Спафария: «... а от верха Тобол реки от востока под западную сторону, потекла река Яик подле Аралтовой горы, а на низ плывучи, Аралтова гора на левой руке». Обычно, современные исследователи считают, что в XVII веке упоминание об Аралтовой горе кроме как в «Книге Большому чертежу» больше нигде не встречается. Однако, в записях Спафария, судя по всему заимствованных у тобольских «бывальцов и знатцов», Аралтова гора не только упоминается, но и четко зафиксировано ее местонахождение (см. ниже).

Семен Ульянович Ремезов в «Писании до ласкового читателя» в своей ЧКС, перечисляя сибирские чертежи, которые были изготовлены в Тобольске ранее его занятий по составлению карт, упоминает и чертеж Сибири, составленный в 192-м году, т.е. в 1684-1685 г (в «Атласе географических открытий в Сибири и в северо-западной Америке XVII-XVIII вв» [1.106], изданном под редакцией Ефимова А.В., указан 1684-1685 гг, а Гольденберг Л.А. [1.57] для этого чертежа дает 1687 г). Этот чертеж сохранился в копии, изготовленной С.Ремезовым и представленной в его ХЧК, л. 162об. На копии С. Ремезов сверху карты сделал надпись о том, что этот «чертеж в пополнок прежнего кои писан в 176 году про знание жилья». На этом чертеже в виде круто изгибающейся дуги изображены Уральские горы, которые от верховьев р. Тобол поворачивают к востоку и уходят туда вплоть до Китая (см. рисунок 1.24). На севере Уральские горы показаны начинающимися в районе устья р. Оби. Чертеж имеет южную ориентировку. Около восточного колена Уральских гор стоит надпись «гора Аралтова», но записанная не вдоль, а поперек горного хребта. Таким образом, на этой ремезовской копии чертежа восточное колено Уральского хребта именуется Аральтовой горой.

Интересно следующее мнение Татищева В.Н. о восточном колене Уральских гор, записанное в его «Истории Российской: «... Горы же Иперборейские не иначе разуметь надлежит как от нас, так у татар, Поясные или Урал и Алтайские имянованы... Горы сии начались на севере от самого Вайгача меж рек Оби и Печоры и продолжаются до вершин Яика; у русских имянуются Поясные и Великий Камень, у татар – Урал, оба едино значат, и сии разделяют Азию с Европою, Сибирь с Печерою и Пермиею, от вершин Яика поворотившие к востоку до вершин Тобола – Киштык или Счербинные, от Тобола до Оби – Алтай, далее – Саян...» [1.79]. И далее он уточняет: «... часть Урала, татары имянуют Киштык, т.е. Гребенные или Счербинные, оттого, что сквозь оные много рек прошло...». Отсюда видно, что в начале XVIII века Татищев также воспринимал Уральские горы состоящими из двух колен – северного, до истока рек Яика, и восточного, до гор Алтайских и Саянских.

1.4.6. Урал в трудах С.У. Ремезова

Во второй половине XVII и начале XVIII века наибольшей полноты в познании Урала и изображения его на чертежах (так назывались в то время географические карты) добился Семен Ульянович Ремезов, тобольский дворянин по выбору (1642-1720 гг). Подробную информацию о жизни и трудах С. Ремезова – см. монографию Л.А. Гольденберга [1.57], а также мои публикации [1.93-1.97].

На тобольской кремлевской стене около Софийского собора был помещен мозаичный портрет Семена Ремезова, жившего в сибирской столице. Рядом с портретом = две памятные доски с текстами: «Славному сыну земли русской» и «Зодчему художнику, картографу, летописцу – благодарные потомки» (см. рисунок 1.25). Недалеко установлен и памятник Семёну Ремезову (см. рисунок 1.25). Именем Ремезова в Тобольске названы площадь и улица.

Долгое время не была известна точная дата рождения Семена Ульяновича. Андреев А.И. называл 1664 г [1.81], что вызывало возражения у других исследователей. Копылов А.Н. в одной из книг Сибирского приказа нашел послужной список С. Ремезова, составленный в 1689 г [1.98]. На год составления списка Ремезову было 47 лет. Следовательно, он родился в 1642 г. Не известен и год смерти Семена Ульяновича. Андреев А.И. считал, что С. Ремезов умер в 1715 г [1.81]. Однако, Гольденберг Л.А. нашел запись в тобольской переписной книге, датированной 1720 г: «Во дворе тобольской дворянин Семен Ульянов сын Ремезов сказал себе от роду семьдесят осми лет. У него сын Петр двадцати семи лет. У Семена внучата: Алексей пятнадцати, Никифор семи, Яков шести лет... Дворянин Семен Ульянов сын Ремезов сказал и руку приложил» [1.99]. Интересные сведения находятся в книге Страленберга [1.100], изданной в Стокгольме в 1730 г. Страленберг известный в России под именем Филиппа Табберта был шведским пленным, жившим в Тобольске более десяти лет. Он интересовался географией и картографией Сибири и встречался с С.У. Ремезовым. В своей книге Страленберг записал: «Я могу свидетельствовать, что нашел в Тобольске старого художника, который изготовил партикулярные карты всех провинций Сибири и пограничных с ними земель; но он был настолько скрытен и недоверчив, что я получил от него разрешение только посмотреть на карты. И этого оказалось мне достаточным убедиться в том, что он не был географом, а только художником, между тем, он все же по своему разумению чертил города, земли и реки». В другом месте своей книги Страленберг сообщает о том, что старый художник по фамилии Ремезов, проживающий в Тобольске, в присутствии Мессершмидта и Страленберга сообщил о находке целого скелета мамонта, обнаруженного им вблизи озера Чаны в Барабинской степи между Тарой и Томском. О размерах мамонта Ремезов сказал, что «стоя внутри скелета и имея в руках длинную секиру, не смог все же достать верхнюю часть скелета над своей головой». Такая встреча С. Ремезова с Мессершмидтом могла произойти во время пребывания последнего в Тобольске либо между 24 декабря 1719 г и 26 июня 1720 г или между 30 декабря 1720 г и 1 марта 1721 г. Софронова М.Н., без каких-либо пояснений, указывает год смерти С.У.Ремезова – «ок. 1722 г» [1.438].

Семен Ульянович родился в Тобольске в семье государева служилого человека, сына боярского, Ульяна Моисеевича Ремезова. Род Ремезовых в Тобольске начался от Моисея Лукьяновича Ремезова, который в 1628 г был из Москвы сослан в Сибирь, где стал заметной фигурой в тобольской служилой

знати. В 1640-41 гг он ездил с посольством к джунгарскому князю Батуру-Хунтайджи. Выполняя очередную государеву службу, умер Моисей Лукьянович в Москве не позднее 1 сентября 1647 г. В год смерти отца поступил на государеву службу его сын Ульян Моисеевич, который долгие годы исполнял «всякие городовые и степные, станичные, лыжные и нартенные службы». В 1660 г он, выполняя дипломатическое поручение, ездил «в степь к Девлет-Кирею царевичу и к Лаузану-тайше с выговором о мирном поставлении и к Аблаю-тайше с государевым жалованием с сукны и с Ермаковым пансырем». Ульян Моисеевич занимал высокую должность стрелецкого сотника и получил доверие воеводы Годунова, сделав несколько предложений по досмотрам и освоению новых земель. Получив одобрение воеводы, Ульян Моисеевич руководил основанием слобод на реках Ик и Ишим. Однако, в 1670 г Годунов был отстранен от воеводства. А Ульян Моисеевич, как сподвижник Годунова, был сослан в Березов, откуда вернулся в Тобольск в середине 70-х гг. Умер он 1 марта 1689 г.

Семен Ульянович был старшим сыном Ульяна Моисеевича. На государственную службу поступил в 1682 г в возрасте уже 40 лет. Выполнял разнообразные «посылки» в поисках прибылей для казны, взыскания хлеба и денег с тяглого населения, сбором ясака, транспортировкой хлеба и пр. Он проявил себя и как опытный чертежник. И в «разборной» книге 1689 г записано, что он «многие чертежи по грамотам городу Тобольску, слободам и сибирским городам в разных годах писал». В 80-х гг XVII века он занимался «описными земляными делами».

На своем чертеже Тобольска 1701 г Семен Ремезов сделал «роспись», в которой перечислил проведенные им с 1683 г 8 измерений и описаний города Тобольска и уезда, указав в том числе:

- 28 ноября 1683 г – смета острогов и слобод, драгун, казаков, крестьян и «колко ружья и ход верстами»;
- 8 февраля 1684 г – смечено в 32 острогах Тобольского уезда, сколько в них всяких чинов и ружья;
- 5 июля 1686 г – «город и от города на все стороны дороги» и др.

Все эти записи подтверждаются копиями чертежей в ХЧК, собранной несколько позднее Семеном Ремезовым.

В 1690 г Семен Ремезов ездил в Москву с «тобольскою ясачною казною». А в 1696 г он участвовал в военном походе «за изменники казачьи орды на береговой службе».

8 марта 1696 г из Москвы во все сибирские города был разослан боярский приговор, которым повелевалось на местах составить уездные чертежи размером 3x2 аршин. В Тобольске такие чертежи было поручено сделать Семену Ремезову. Позднее, он так описывает поставленные перед ним задачи: «... сделать в Тобольску чертеж на холстине... городу Тобольску со всяким городовым строением и острогам и Тобольского уезду ясашным волостям и русским селам и деревням, и рекам, и озерам, и немирных и иных владельцев землям, и сколь далеко от города Тобольска и Тобольского уезду ясашные волости, и села, и деревни, и неприятельские немирные и иных владельцев земли. И до них что сухим путем верст или дней ходу, также и водяным путем, и на том чертеже подписать все имянно», а также «учинить наличной чертеж... написать степи от Тобольска до Казачьи Орды, до Бухареи большей, и до Хивы, и до Еика, и до Астрахани, куды ближе и сколь далеко днями в ход пути сухим и водяным, летом и зимою, и реки числом и величиною, и корм людям и скоту бескуден бы, и переправы преходны б, и каменные горы проходны б и урочища ведомы б...».

30 сентября 1696 г Семен Ремезов вернулся в Тобольск из военного похода. И получил воеводскую наказную память: «И ему, Семену, приехав Тобольского уезду в остроги и слободы по Исети и по Ницце, и по Пышме, и по Тоболу, и по Миясу, и по Туре, и по Тавде рекам те остроги и слободы, и деревни, и ясашные волости описать со всякими урочищи и с малыми реками и озера; и написать все на чертеже...» [1.80, л.6 об]. 28 октября 1696 г он поехал выполнять это поручение особой важности.

Как видно из наказной памяти Семену Ремезову поручалось обследовать большой участок восточного склона Уральского хребта: от верховьев рек Тавды и Туры на севере и до истоков рек Мияса и Тобола на юге. Семен Ремезов, выполняя поручение, «вверх по Тоболу рекам ездил и описал, а дальние степи по допросу написал» [1.80, л.1]. Чертежи рек, составленные им, сохранились в его ХЧК. Таким образом, Семен Ремезов составил первые карты районов части Северного, всего Среднего и части Южного Урала.

Выше я уже упоминал, что Ремезов в 1697 г проводил обширные картографические работы и написал несколько чертежей, отправленных в Москву, где особый успех имел его чертеж «Часть Сибири...». Значение этого чертежа сам Семен Ремезов описывал следующим образом: «И о сем тогда всем сибирским жителям первое вново Сибирский чертеж великое удивление, яко много лет при житии их проидоша и неведомы орды сосед жилища и урочища беша. И о сем древле неверием слуха одержимы беша, еже им малопроходно быша, еже нынешнее урочище пять попрощ имущее, они же тогда сто верст мнеше. А иде же день ходу, ту им неделя ездю. И тогда им сосед жилища и урочища открылся, зане в вопросах неискусни беша». Эти чертежи, а особенно последний из них, закрепили за С. Ремезовым славу выдающегося сибирского картографа. Оригинал чертежа «Часть Сибири...» был раскрашен и в столице получил высокую оценку. Семен Ремезов сделал следующую запись об этом чертеже: «... на Москве свидетельствован... и явился похвален паче иных протчих в полностью мастерства чертежей». В Москве узнали, что в Тобольске имеется искусный картограф. А в итоге, Ремезов получил увеличение денежного оклада с 8 до 11 рублей, а также добавку и к хлебному жалованью.

Деревянный Тобольск горел неоднократно. В 1697 г было получено разрешение строить в Тобольске «каменное строение». Семену Ремезову поручили составить чертеж и смету «каменному городовому строению» в Тобольске. С составленным проектом Семен Ремезов со своим сыном Семеном 28 июня 1698 г выезжает в Москву. Ещё 20 сентября 1697 г в Тобольске был получен из Сибирского приказа указ с требованием «написать на Москве бывши, всей Сибири 2 чертежа: на белой китайке, другой на лощеной бязи». Такой чертеж Семен Ремезов мог написать только в Москве, собрав новую информацию о сибирских уездах, направленную в Сибирский приказ, в Москву, минуя Тобольск. В Москве ему было повелено «выбрать с привезенных к Москве со всех сибирских городских чертежей, писанных по парчам, на одном полотне вместить все сибирские города, остроги...». Поэтому Ремезовы сначала сделали в одном масштабе все имеющиеся в Сибирском приказе городские чертежи, а затем к 8 ноября 1698 г изготовили два общих чертежа Сибири (на китайке и на белой бязи). Позднее Семен Ремезов в СЧК (л. 21об) записал: «И живучи в Москве, списал по указу со всех городских чертежей сибирских образцы 24 листа и написал на александрийской бумаге. И с тех чертежей выбрал и написал на белой китайке длины 4 аршин, поперег 2 аршина... и другой в Верх в дубовую палату на белой бязи длины 6 аршин, поперег 4 аршина». Карта на бязи не дошла до наших дней. А карта на китайке сохранилась. До 1907 г она висела в Екатерингофском дворце. Общеизвестна легенда о том, что якобы Петр I ради шутки по этой карте проводил экзамены по географии. Ныне такая карта хранится в архиве Русского географического общества и экспонируется в государственном Эрмитаже. За изготовление карты Сибири Ремезову «дан корм и выход, сукном и кумачом... государева милость, 5 рублей денег». В Москве Семен Ремезов прошел обучение в городском строении и был назначен руководителем всех архитектурно-строительных каменных работ в Тобольске.

По возвращении в Тобольск Семен Ремезов ряд лет занимался «каменным городовым строением». По его чертежам были построены: каменная и приказная палаты, гостиный двор, Вознесенская церковь, палата на Прямском взвозе, кремлевская стена и др. [1.437].

Неоднократно посещая Тобольск, я каждый раз преклонялся перед сооружениями, построенными триста с лишним лет тому назад под руководством Семена Ульяновича. До сих пор крепко стоит гостиный двор, в котором ныне размещается и архив. Проходишь через массивные деревянные ворота. По древним ступеням – на второй этаж. В комнатах – концентрированное время уложено на длинных столах. В тобольских архивных материалах мне удалось откопать немало интересных исторических фактов.

Но особое впечатление возымела на меня Дмитриевская башня, построенная Семеном Ульяновичем на Базарном взвозе. История башни весьма любопытна [1.95, 1.97].

Град Тобольск был впервые построен в 1587 г. 3 июня, в день Троицы – поэтому и мыс, на котором он возник, назвали Троицким – острог был заложен на высоком яре, недалеко от впадения Тобола в Иртыш. В «Книге записной» сохранилась запись, повествующая о том, что первый город был построен «на том же месте и мысу, где ныне колокольня Софийская», т.е. на восточном бугре Троицкого мыса. В 1600 г город перенесли на западный бугор этого мыса. Между буграми – естественный лог, который стал транспортным путем от реки в верхний город. В разные времена взвоз называли Прямским, Базарным, Торговым, Софийским. Поперек взвоза, в средней его части по высоте, стоит ныне двухярусное каменное сооружение (см. рисунок 1.27). О его постройке сохранилась запись в «Книге записной»: «Того 1713-го году месяца июня в день заложен во рву на Взвозе против соборные и апостольской каменной церкви каменная башня проезжая к базару» [1.63]. Построили башню по проекту Семена Ульяновича Ремезова. Но эта башня на Взвозе была далеко не первой. Первая оборонительная башня на Взвозе упоминается уже в описании Тобольска, составленном в 20-е годы XVII века. Вместе с общегородскими пожарами башня неоднократно сгорала – в 1643, 1677, 1680 гг. Но ее отстраивали вновь и вновь. Пришла пора приобретать каменное обличье. Проект каменной стройки составлял Семен Ульянович. Он же и руководил сооружением каменных строений. У него было особенно любовное отношение к башне, которую он задумал построить на Взвозе. Он именовал башню Дмитриевской, в честь святого Дмитрия Салунского, в день памяти которого Ермак одержал решающую победу под Чувашским мысом. В ХЧК сохранилось пять вариантов каменного строения города, в которых положение Дмитриевской башни было различным: от места в самом верху Взвоза, где когда-то стояла самая первая оборонительная башня, до места на уровне южных стен города и Софийского двора. Семен Ульянович задумал Дмитриевскую башню как фундаментальное архитектурное сооружение – «вновь на вратах церковь», имеющее триумфально-мемориальное значение, увековечивающее покорение Сибири Ермаком. Семен Ульянович придал Дмитриевской башне прямоугольную форму в плане и многоярусный вид (см. рисунок 1.28). В нижней части, в подклете, располагались две арки проходных ворот. На втором ярусе – ряд палат. На третьем – также, вероятно, палаты. На четвертом – одноклетный барабан или купол. И на пятом – острый шпиль, увенчанный двуглавым орлом. Строили Дмитриевскую башню пленные шведы. Но архитектором был русский человек Ремезов, который использовал типично древнерусские детали декоративного убранства здания: межклетные лопатки, карнизы с кронштейнами, оконные наличники с декоративными кокошниками на тонких колонках и др. Все эти элементы Ремезов видел в Москве и воспроизвел в Тобольске. В Сибирском летописном своде по этому поводу сохранилась запись: «А образцом та башня такова же, коя в Москве на Устретенской улице на Земляном валу зовомая Сухарева». Башню начали

сооружать. Построили два яруса. Но в 1714 г вышел царский указ о прекращении каменного строительства по всей России, кроме Петербурга. Поэтому Дмитриевскую башню не достроили. Осталась она «недопетой архитектурной песнью» Ремезова.

Дмитриевская башня хранит загадки. На ярусе палат в плане она имеет вид трапеции: восточная торцевая стена ее на 1,4 м больше, чем западная. В результате северная и южная стены получились не параллельными. Кириллов В.В. пытался объяснить такой факт тем, что Ремезов, якобы хотел продольную ось башни поставить параллельно Софийскому собору [1.116]. Мне удалось заполучить аэрофотоснимок Тобольска. В этом мне поспособствовал мой однокашник Виктор Андреев, светлой памяти, окончивший географический факультет Уральского государственного университета и много лет трудившийся в картографическом учреждении. На аэрофотоснимке прекрасно видно, что продольные оси упомянутых сооружений отнюдь не параллельны, а располагаются под углом около 20°. На втором ярусе башни расположено 6 палат. Крайние из них по фасаду имеют больший размер по сравнению с четырьмя средними. Кириллов видит в этом «осмысленный прием» архитектора. Однако, с таким выводом трудно согласиться. Действительно, по проекту Ремезова длина башни вдоль южного фасада составляла 7 сажен. А в настоящее время она почти в 2 раза длиннее. При этом внутренняя ширина средних палат точно соответствует проектным данным торца башни – 6 сажен. Лемм И., командир шведской строительной команды, сделал зарисовку построенной Дмитриевской башни. На рисунке показано 8 окон, по два в четырех палатах. Ныне же башня имеет 12 окон и 6 палат, разделенных перегородками с дверными проемами. Таким образом, башню со временем «удлиннили», достроив по торцам по одной палате. Можно полагать, что такое «удлинение» башни было сделано с целью увеличения устойчивости её. Башня расположена на крутом склоне горы. За счет дополнительных палат удалось «врезать» башню в склоны лога. Этому же способствуют и упорные откосы, выложенные дополнительно вдоль южного фасада башни. Отличие крайних палат от средних прекрасно просматривается внутри башни. В один из моих приездов в Тобольск благодаря любезности хранительницы археологической коллекции музея Любови Николаевны Сладковой мне удалось осмотреть палаты Дмитриевской башни. Оказалось, что окна в крайних палатах имеют больший угол раскрытия в стенке по сравнению со средними палатами. Этот факт подтверждает более позднюю пристройку крайних палат.

И ещё одна загадка Дмитриевской башни связана с кладовыми. На плане 1746 г имеется запись: «внизу кладовые». Во время посещения палат мне не удалось отыскать даже намека на вход в кладовые башни. Позднее Любовь Николаевна сообщила мне, что вход в кладовые был найден. Кладовые были абсолютно пусты.

Несмотря на занятость строительными работами Семен Ремезов продолжал заниматься составлением различных картографических материалов.

Вершиной картографического творчества С.У.Ремезова, несомненно, стали три атласа Сибири, являющиеся, по выражению Гольденберга, «по сути геокартографической энциклопедией Сибири XVII века». Ещё в Москве по приказу А.А. Винюса ему предлагалось «написать вновь в Тобольску на александрийской бумаге с привезенных к Москве с сибирских городовых чертежей 24 листа, подобно привозным образцам в 206-м году», а также составить новую карту по допросам на северную часть европейской России. Это задание в конце концов вылилось в создание атласа Сибири. В течение двух лет Семен Ремезов написал «Чертежную книгу Сибири», о которой он записал следующее: «... с городовых сибирских чертежей по указу написал в Сибирский приказ книгу на александрийской бумаге 23 листа всех по именом сибирских городов, земель, рек и озер, и урочищ, степи, Китайской и Бухарской земли и Казачьи орды. И послана книга из Тобольска к Москве в Сибирский приказ». ЧКС была начата 30 января 1699 г и закончена к 1 января 1701 г. А после «отделки» 10 ноября 1701 г ЧКС была послана в Москву. Оригинал ЧКС сохранился и ныне находится в Москве в «Российской государственной библиотеке» [1.83]. В ЧКС имеется 17 чертежей уездных земель, которые были получены в Москве и 6 оригинальных чертежей, выполненных Семеном Ремезовым, в том числе «Чертеж Великопермские и Поморье Печерские и Двинские страны до Соловецкия проливы со окрестными жилищи». В 1882 г «Чертежная книга Сибири» Семена Ремезова была издана в Петербурге типографским способом в черно-белом варианте [1.29]. В нулевые годы XXI века резко возрос интерес к картографическому творчеству Семена Ремезова. Начали проводиться научно-практические конференции «Ремезовские чтения» [1.436].

В 2003 г в Москве ЧКС была издана в двух томах: том I – Факсимильное издание, том II – Исследования. Перевод. Комментарии. Указатели [1.134]. Во втором томе представлены три исследовательские статьи. Постников А.В. в статье «Картографирование Сибири в XVII – начале XVIII века. Семен Ульянович Ремезов и его рукописные атласы» отмечает, что основным достоинством чертежей С.Ремезова является «богатое географическое содержание», включающее густую сеть рек и дорог, а также передающее информацию о растительности, животных и людях [1.134, с. 7-19]. В статье Молчанова В.Ф. «Чертежная книга Сибири С.У.Ремезова из коллекции графа Н.П.Румянцева» в подавляющей части сообщаются сведения о жизни и деятельности российского канцлера графа Н.П.Румянцева, который приобрел ЧКС в свой личный музей [1.134, с.26-42]. Наибольший интерес представляет третья статья – «Перевод. Комментарии. Указатели» (авторы Зинчук Л.Н., Котельникова Н.Е., Устименко Ж.Ф., Левочкин И.В.), в которой приведены списки топонимов, зафиксированных на

каждой карте ремезовского атласа [1.134, с.41-144], чем вводятся в научный оборот ремезовские топонимы. Можно отметить только один недостаток этих списков топонимов: не указаны места расположения топонимов на картах, что затрудняет их нахождение на чертежах.

В 2006 г в Тобольске фонд «Возрождение Тобольска», председателем правления которого является Аркадий Григорьевич Елфимов, осуществил уникальное издание – «Сочинения С.У.Ремезова в 4-х томах», включая факсимильное издание «Ремезовской летописи» и СЧК [1.135]. А в 2007 г этот же фонд издал в двух томах «Чертежную книгу Сибири» С.У.Ремезова [1.117]. К сожалению, в исследовательском томе тобольского издания ЧКС практически повторяется содержание второго тома московского издания. Некоторые незначительные изменения названий статей не привели практически к каким-либо новым соображениям и выводам – получился простой повтор уже опубликованной информации. Кроме того, отдельно, были опубликованы статьи о ЧКС [1.136, 1.137].

ЧКС представляет собой рукописный атлас, чертежи которого имеют раскраску: гидрография – голубовато-серого, рельеф – желтого, лес – зеленого цвета. На титульном листе в орнаментированном овале помещено название атласа: «Чертежная книга учиненная по указу великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, всей Сибири народов и земель налично описанием с прилежащими жительство...». В этой надписи любопытен тот факт, что слова «Чертежная книга» и «всей Сибири» находятся в разных местах текста. Поэтому современное название атласа – «Чертежная книга Сибири» - появилось позднее авторского названия атласа. На оборотной стороне заглавного листа размещены «Надписание чертежей», «Оглавление книги сея» и «Каталог». В «Надписании» С.Ремезов дает характеристику своего труда: «Снискательное изображение наличие всей Сибирской стране 23-чертежей градов и сел русских и волостей ясашных тоземцев, всяких урочищ, рек и озер, и лесов, и степи калмыков, и немирных родов кочевых орд, с прилежащими землями соседских жилищ и городов внутренней Сибири и украин, яко в зеркале в книге сей ясно видим и пространно чтем, о них же zde писание надлежит». На большинстве чертежей атласа имеются надписи на голландском языке, дублирующие русские названия, что указывает на подготовку атласа к изданию, вероятно в Голландии.

На ряде карт ЧКС представлены уральские земли. Рассмотрим эти карты.

На карте №2 представлен «Чертеж земель Тобольского города». Этот чертеж является уменьшенной копией чертежа, изготовленного С.Ремезовым на холсте размером 3х2 аршина по боярскому приговору от 10 января 1696 г, полученному 17 апреля в Тобольске. По этому же боярскому приговору С.Ремезову было поручено сделать «большой» чертеж всей Сибири размером 3х4 аршина. «Чертеж земли Тобольского города» размером 3х2 аршина «на холстине» был изготовлен С.Ремезовым «з детьми» к 1 сентября 1697 г и 18 сентября был отправлен в Москву. А «Чертеж земли Тобольского города», представленный в ЧКС стал уменьшенной копией аналогичного чертежа «на холстине». Другая уменьшенная копия этого чертежа находится в СЧК, но имеет несколько другое название: «Часть Сибири. Тщательное изображение наличие Тобольского чертежа рек и озер и селидб русских и ясашных туземцов в гранях с прилежающими грады и немирных рода Казачьи орды. В пример ходу длины 900, а ширины 563 версты 800 сажен» [1.82. л.28об-29].

Чертеж земли Тобольского города ориентирован на юг (север расположен внизу карты, а юг – вверху её). В западной части чертежа, вблизи правого обреза, нанесена цепочка горной гряды, в виде большой дуги. На севере она показана от истоков р. Печоры. А на юге разделяет истоки рек Тобола и Яика и уходит к востоку до верховьев р. Ишим. Название этого горного хребта отсутствует. Но в верховьях рек Теча и Мияс над одним из холмиков горной гряды стоит надпись «Камен Урал». Этим и подтверждается тот факт, что гора Урал была хорошо известна уже в конце XVII века. С восточного склона горного (Уральского) хребта берут истоки многочисленные реки – Уй, Мияс, Теча, Синара, Исеть, Пышма, Тагил, Павда и др. На западном склоне в основном показаны реки Чюсва, Уфа и Белая. Всего на «Чертеже земли Тобольского города» указано более 900 топонимов.

На карте №6 представлен «Чертеж земли Верхотурского города». Карта сориентирована на запад: вверху листа расположен запад, внизу – восток, справа – север, слева – «полден». В соответствии с этим Уральский хребет расположен в верхней части карты и показан чередой холмиков, протянувшейся с севера на юг от истоков р. Лозьвы (на севере) до верховьев р. Пышма (на юге). На чертеже нанесены все крупные реки на восточном склоне гор и их многочисленные притоки. На западном склоне изображена р. Чюсовая с притоками. Пунктирными линиями показаны два пути с переходами через водораздельный хребет. Один из них ведет из Невьянской в Аяцкую слободу и далее мимо озера Таватуй и через горы и р. Большой Шишим в Чюсовскую слободу на р. Чюсовой. Второй пролегал от той же Невьянской слободы в град Верхотурье и далее через верховья р. Павды и через горы на р. Косву и затем в град Соль Камскую (на чертеже не показан). В нескольких местах вдоль Уральского горного хребта надписаны названия следующих вершин:

- К. Павдинской (в трех местах),
- К. Вилвенской (в истоках р. Охтай),
- К. Подляинской (в истоках р. Ляля),
- Камен Косвинской (в истоках р. Косва),
- К. Тылайской (в истоках р. Вагран),

- Камен Ослянской (западнее Уральского хребта),
- «Камен» (в истоках р. Тагил),

Всего на «Чертеже земли Верхотурского города» обозначено более 900 топонимов. Но среди них на этом чертеже отсутствует ороним Урал.

На карте №22 «Чертеж вновь Великопермские и Поморие Печерские и Двинские страны со соловецкие проливы со окрестными жилища» представлены земли, расположенные на западном склоне Уральского хребта и далее на запад. Карта сориентирована на запад (вверху карты – запад, внизу – восток, справа – север, слева – юг). Вдоль верхней кромки карты нанесены Москва и Великий Новгород, а также Белое море и град Архангельский. Вдоль северного обреза карты показана береговая линия побережья Северного Океана от Кольского полуострова до устьев р. Печоры. Вдоль восточной рамки карты чередой холмиков нанесен Уральский хребет, почти примыкая к рамке карты. На западном склоне хребта показаны реки: Печора, Вишера, Косва, Усва, Чюсовая, Уфа и Белая (с большим количеством притоков). Вдоль хребта нанесены названия нескольких вершин: Камен Голец, Камен Тысянской, К. Павдинской, К. Подляинской, К. Косвинской, К. Вилвенской; а в южной части хребта – Слюдные горы, гора Караташ, горы Башкирские, горы Аралтовы. А вот орониму «Камень Урал» на этой карте места не нашлось.

Урал Камень обозначен на карте №21 «Чертеж всех сибирских городов рек и земель...». Нанесен Урал Камень в истоках верхних правых притоков реки Исеть.

Большой интерес представляет карта №20 «Чертеж всей безводной и малопроездной каменной степи» (см. рисунок 1.29). Карта ориентирована на юг, который расположен вверху карты. Северный обрез карты проходит по среднему течению рек Ишим, Иртыш, Обь и Енисей. Восточный – по землям Калмыков. Южный – по землям Казачьей орды и до моря Хвалынского (Каспийского). Западный обрез чертежа проходит по р. Яик и верховьям р. Тобол. Собственно Уральский хребет на чертеже не показан: он остался западнее. Но на широте истоков рек Тобола и Яика показан типичной чередой холмиков горный массив, протягивающийся на восток до истоков рек Ишим и Торгай. А в двух местах, вдоль гор, стоят надписи «Оураль Камень» и «Камень Оураль». Таким образом, Семен Ульянович представлял Уральский хребет таким, что он (хребет) имел конечный южный участок загибающийся в восточном направлении. Именно таким воспринимали русские люди Уральский хребет с середины XVII века, начиная с «годуновского» чертежа Сибири. Особенно любопытен тот факт, что Ремезов этот восточный участок Уральского хребта называет «Оураль», в отличии от Камня Урал, обозначенного на нескольких других ремезовских чертежах (пояснение этому см. ниже). Следует отметить, что авторы описания чертежей и указателей, как в московском [1.134], так и в тобольском [1.135] изданиях ЧКС в начале XXI века в комментариях приводят искаженное название: «Урал Камень» вместо «Оурал Камень». Ещё одной характерной особенностью рассматриваемого ремезовского чертежа «... каменной степи...» является многократное написание топонимов со словом «Камень». На этом чертеже нахожу: Камен великий Алтай, Камень Аюташ, Камень Булаган, Камень Илтяш, Камень Иремель, Камень Орхон, Камень Круглой, Камень Алтын Кадмун и др. При этом дважды обозначены горы как просто «Камень». В нескольких случаях слово «Камень» записано в сокращенном виде – буква К вписана в круг: К.Иртыш, К.Каратау, К.Кекитентау и др. Кроме того, на этом же ремезовском чертеже отыскиваю оронимы «Гора Аркан», «Гора Иорюк». Из изложенного видно, что Семен Ульянович использовал три различных варианта написания названий горных вершин. И нам остается только гадать – вкладывал ли он какие-то смысловые различия в такие варианты.

Уральские земли представлены ещё на трех картах в составе ремезовской ЧКС:

- «Чертеж земли Туринского острога», №5,
- «Чертеж земли Пелымского города», №6,
- «Чертеж земли Березовского города», №7.

На последней из них, в верховьях р. Сось имеет надпись «Волоковка к Руси ход через Камень Сосью». Отсюда видно, что самая северная часть Уральского хребта в ремезовское время также именовалась Камнем.

Среди историков во второй половине XX века возникла дискуссия по вопросу количества чертежей, входящих в состав ЧКС. Согласно царскому указу и приказу А.А.Винюса от 18 ноября 1698 г было повелено «написать вновь в Тобольску на александрийской бумаге... 24 листа» [1.83, с.3]. А сам Семен Ульянович в «Надписании» ЧКС записал: «Снискательное изображение наличие всей Сибирской стране 23-х чертежей градов и сел русских и волостей ясашных тоземец, всяких урочищ, рек и озер, и лесов, и степи калмыков, и немирных родов кочевых орд, с прилежащими землями соседних жилищ и городов внутренней Сибири и украшен, яко в зеркале в книге сей ясно видим, и пространно чтем...» [1.83, л.2]. Согласно «Оглавлению книги сея» в ЧКС помещено именно 23 чертежа. Андреев А.И. считал, что 24-ой картой был чертеж Кунгурского уезда [1.81]. Однако, кунгурский чертеж был изготовлен Ремезовым только в 1703 г. Отправляя кунгурский чертеж в Москву, Ремезов сделал запись в своей СЧК: «Написан сей лист в чертежную книгу к прочим двадцати трем чертежам, которая книга зделана к Москве...» [1.82, л.67]. На основании такой записи А.И.Андреев 24-ой картой ЧКС считал именно чертеж кунгурского уезда. Ему резонно возразил Л.А. Гольденберг [1.57] указав, что в подлинной ЧКС чертеж Кунгурского уезда отсутствует и о нем не упоминается в «Оглавлении.» книги, составленном

одновременно с «книгой...». Л.А.Гольденберг считал, что 24-ой картой был первоначально чертеж Кетского уезда. Но при составлении ЧКС Ремезов сделал объединенный чертеж Нарымского уезда совместно с Кетским (последний в то время был административно присоединен к Нарымскому уезду). В подтверждение своего мнения Л.А.Гольденберг указывает, что в оглавлении СЧК значится «Чертеж земли Нарымского и Кецкого города», а сам чертеж, представленный на л.77об-78 этой книги [1.82], идентичен «Чертежу земли Нарымского города» из ЧКС [1.83, л.10]. Доказательство Л.А.Гольденберга вполне убедительно.

Коль зашел разговор о Кунгурской земле, то рассмотрим ремезовский чертеж Кунгурского уезда, так как, судя по всему, это была первая русская карта Кунгурского района, на которой была с большим количеством деталей представлена р. Чюсова (Чусовая).

Царь Петр I вступил в длительную северную войну со Швецией, в начале которой под Нарвой русские войска потеряли почти всю свою артиллерию. Восполнение пушечного арсенала было связано с «умножением сибирских заводов» - Каменским и Невьянским, начавшим в 1702г производство пушек и ядер. Однако, доставка артиллерии в Москву по существующему Бабиновскому-Верхотурскому тракту была затруднительна. В январе 1703 г Кунгурский уезд был передан из Новгородской чети в Сибирский приказ и подчинен Верхотурью. Верхотурскому воеводе А.И.Калитину предлагалось немедленно организовать в Кунгурском уезде разведочные работы и заводское строительство, чтобы «в московском государстве железом и медью, и селитрою, и серою горючею удовольствоваться без постороннего привозу из иных стран». Затем Сибирский приказ потребовал организовать речную перевозку готовой продукции. 11 февраля 1703 г в Тобольск и Тюмень из Москвы были посланы грамоты «о высылке на Верхотурье детей боярских тобольского Семена Ремезова и тюменского Ивана Текутьева». Зная умение Семена Ремезова составлять чертежи, 15 февраля Сибирский приказ выслал наказную память, «по которой велено ему ехать на Кунгур для письма того города и уезда чертежа» и предписывалось: «И ехать тебе в Кунгурский уезд и сделать всему Кунгурскому уезду, селам и деревням и рекам чертеж исправной с размером подлинным для удобного железу и иным статьям к Каме-реке провозу и описать, как тот Кунгурский уезд с Сибирским и Уфимским сошлись, и которая река отколь взялась, и в которую сторону и куды впала, и мочно ль какими судами по ней ходить и суды на ней делать, и много ль которою рекою будет ходу легкими и тяжелыми судами, и где какие пороги» [1.138].

12 апреля 1703 г Ремезов с сыном выехали из Тобольска в Верхотурье «по последнему самому вешнему пути со льдом и многажды был при смерти и тонул» [1.82, л.38]. 27 апреля они прибыли в Верхотурье и, получив наказ и деньги, на следующий день 28 апреля выехали в Кунгур. Два месяца собирали они информацию для составления чертежа Кунгурской земли. Изготовили два чертежа: город Кунгур и Кунгурский уезд. 8 июля 1703 г они вернулись в Тобольск и в тот же день передали чертежи, а также описные книги кунгурского населения. 11 июля 1703г все эти ремезовские материалы были отправлены в Москву «через почту». В отписке Семена Ульяновича о выполнении наказа о работе в Кунгуре записано: «В нынешнем 1703 году июля в 8 день. По указу и по грамоте великого государя и по наказу из Москвы из Сибирского приказу велено для удобных з заводу перевозу припасов учинить чертеж сходство вершин сибирских рек и сколь по близости Верхотурского городу и уезду Кунгурской уезд, села и деревни, и реки, и которою рекою... ходу до Камы реки, и какие пороги, и в коих местах суды делать пристойно. И по вышеописанному указу зделал на Кунгуре наличной чертеж и переписные книги городу Кунгуру с посадом и что в нем строения; и другой же – городской с уездами наличие рек и урочищ для удобного провозу всяких припасов и сходство многих рек и меж ими гор, и которые реки впали в Сибирску сторону и вокруг устьем в Каму реку, и на них жилья сел и деревни и татарские юрты мордвы и черемис, и с окольными к Кунгурскому городу принадлежащими соседи, и которые кунгурские жители всяких чинов люди между соседы грани и межи и урочища почитают с Верхотурьем, с Уфою, с Осою, со Строгановым селы вокруг свой уезд, и что почему кунгурской земли писцовых книг, и до которого места длиннику и поперешинику по смете верст налично и подлинно на чертеже написал и послал к вам книги и чертеж за рукою моею...» (цитирую по работе [1.57]).

Чертеж Кунгурского уезда сохранился в составе СЧК Ремезова (см. рисунок 1.30) [1.82, лл.67об-68]. Карта ориентирована на юг, расположенный вверху карты. Южный обрез карты проходит по рекам Белая и Уфа, а западный ограничен р. Камою. Восточный край карты проходит по средним течениям рек восточного склона Уральского хребта. Пространство с севера на юг показано от верховий р. Лозьвы до истоков рек Белая и Яик. В восточной части чертежа в виде череды тройных каменных останцев, поперек всей карты, показан Уральский хребет. Центральное место на карте занимает р. Чюсовая (так она надписана на карте Ремезова) с многочисленными притоками.

В правом нижнем углу чертежа помещено надписание: «Изящное вновь начертание граду Кунгуру и всему Кунгурскому уезду опись размером чертежа грани и межи по рекам с Верхотурьем и Уфою и с осинцами и со Строгановыми селы и подчинки в Кунгурском городе сделал чертеж граду и всему уезду селам и деревням, и рекам к татарским улусам, кочевьям и волостям юртов. По дозору урочищ и по скаскам кунгурских всяких чинов русских людей, старожилцов, ведомцов и бывальцов и лучших ясашных людей, сотников и старых четвертных татар, мордвы, черемис и вотяков и против прежних писцовых книг по смете и по почету чюмкасов да по мере верст и видом компаса ветров. На чертеже и дороги в блискости на Чюсовую реку для удобного железу и иным статьям к Каме реке провозу и как тот

Кунгурский уезд с сибирским и уфимским сошелся и которая река от которой взялася на которую сторону по ветром и куды пала и на какой реке плотбище судам и ход днями и верстами и где ходу коею рекою мелкими или тяжелыми судами и на коих местах пороги, и где какие дороги и сколько проездом от селитб в яких жители имети реками и в пустых местах какие прослытием места камение островерхое и горы, и пещеры, урочища и признаки по наказу тобольские дети боярские Семен Ремезов с сыном Леонтием написал и зделал с радением всему Кунгурскому уезду сей чертеж розмером подлинным лета ... 1703 году июля в 8 день».

Как видно из этой записи, Ремезов для составления своего чертежа использовал два информационных источника. Во-первых, он сам осматривал некоторые местности – «по дозору урочищ». Во-вторых, он опрашивал «кунгурских всяких чинов русских людей, старожилцов, ведомцов и бывальцов и лучших ясашных людей, сотников и старых четвертных татар, мордвы, черемис и вотяков». Учитывая большую площадь местностей, представленных на чертеже Кунгурского уезда, можно предположить, что основным источником информации были сказки опрашиваемых людей. Известий о местах, в которых Ремезов побывал в 1703 г, он не оставил. На переднем пути в Кунгур Ремезов приехал из Верхотурья. Обрато же из Кунгура в Тобольск он проехал, судя по всему, иным маршрутом. Об этом «говорят» следующие факты. В 1703 г он побывал в Каменском заводе, где сделал серию зарисовок, ныне представленных в СЧК [1.82, лл.155об-162]. В этой же СЧК на листах 69-70об приведены зарисовки «чюдского неведомого письма», сделанные с камени Ремезовым «над рекою Ирбит... 1703 году месяца июня в ... день». Напомню, что через несколько дней, 8 июля, он вернулся в Тобольск. Наконец, Ремезов послал чертеж Кунгурского чертежа в Верхотурье, так как он обязан был отчитаться о царском приказе, врученном ему верхотурским воеводой. Следовательно, Ремезов возвращался из Кунгура в Тобольск не через Верхотурье. Скорее всего, он проехал из Кунгура по «Большой московской дороге», проложенной по долине р. Сылвы и пересекающей р. Чюсовую в ее верховьях, до Уггуса (так записано на карте) и Арамиля и далее на Каменские заводы (нанесены на ремезовском чертеже) и в Ирбит. Из сказанного следует, что Ремезов вдоль по р. Чюсовой не проезжал, а изобразил ее на чертеже только по расспросам «ведомцов и бывальцов».

На ремезовском чертеже Кунгурского уезда нанесены названия пяти административных районов: Верхотурья, Кунгурия, Оуфинска, Осинска и Строгановых.

На Уральском хребте нанесены названия нескольких вершин (с юга на север):

- «слудны горы», в истоках рек Мияс и Ай;
- «пади с Камени», в районе озера Увелги;
- «Ка.. Урал», в верховьях р. Тасма;
- «Камень Волчей горы, в ней магнит и сера горячая, в Камени берут руду», на р. Чюсовой, между устьями рек Половинной и Билимбаихой;
- «К.Ктайской», в верховьях р. Тагил;
- «Камен непроходной...» в истоках р. Сулеи;
- «К.Павдинской», от верховьев р. Туры до истоков р. Кырьи (записан в четырех местах, символизируя горный хребет, а не отдельную вершину);
- «К. Октай», в верховьях р. Усвы;
- «К. Косвинской» и «К. Молчан» в верховьях р. Молчан;
- «К. Вилинский», в верховьях р. Косвы.

Из перечисленных вершин видно, что русские люди уже в начале XVIII века были достаточно хорошо знакомы с Уральским хребтом, который в целом ещё именуется Камнем. Но уже немало вершин имеют свои собственные названия. Присутствует и топоним Урал. Но он относится к конкретной горе, расположенной в верховьях реки Тасма.

Ремезовский чертеж Кунгурского уезда стал первой картой р. Чюсовой со значительной конкретной информацией, касающейся притоков и особенно Камней-бойцов на Чюсовой. Сравнение ремезовской карты с современной показало, что в основном местонахождение притоков реки Чюсовой Ремезов отметил правильно, за некоторым исключением. Так, например, устье р. Илим на ремезовской карте показано ниже по течению устья р.Сулем, в то время как на современной карте оно расположено выше последней. Или р.Кашка на ремезовском чертеже показана как приток р.Межевой Утки, а на современной карте она является левым притоком р.Чюсовой. Или р.Лисва у Ремезова обозначена как правый приток р.Чюсовой, а на современных картах она является левым притоком р.Чюсовой.

Особый интерес ремезовский чертеж Кунгурского уезда представляет потому, что на нем, судя по всему, впервые на карте обозначен ряд камней-бойцов по берегам р.Чюсовой. Рассмотрим их в порядке сверху вниз по течению.

В верховьях р.Чюсовой обозначены горы в составе Уральского хребта, но они не имеют названия на ремезовском чертеже. Между устьями рек Исток Половинный и Билимбаиха имеется надпись: «Камен Волчей горы. В нем магнит и сера горячая». Эта надпись сделана на левом берегу р.Чюсовой. А на правом ее берегу имеется вторая надпись: «В Камени берут руду». Название «Камен Волчей горы» сохранилось в современном орониме «Гора Волчиха». Рудные характеристики в этих ремезовских записях также соответствуют конкретным современным условиям. «Сера горячая» характеризует ныне уже практически отработанное сульфидное Дегтярское месторождение (на левой стороне р.Чюсовой). А

упоминание магнита в ремезовской записи характеризует современную гору Магнитную с её железорудными рудниками (на правой стороне р.Чюсовой). Между устьями рек Шишим и Трёка на ремезовской карте показаны два Камня. Около верхнего (по течению) из них находится надпись «Пещера Егорина» (мое прочтение). Этот Камень идентифицируется как современные Георгиевские скалы, в которых находится несколько пещер. Мой давнишний знакомец, Рудольф Кашин, автор современного путеводителя по р.Чюсовой [1.139], сообщает, что в старину местные крестьяне называли этот камень «Егорьевским». Когда-то на краю камня стояла часовня с иконой Великомученика Святого Георгия Победоносца, именуемого в народе Святым Егорием, который был покровителем рыбаков, охотников, воинов и путешественников. Несколько ниже по течению Егорина Камня на ремезовском чертеже указан «Камень Каменский», который сохранил свое название и поныне. Однако, необходимо учесть одну поправку: ремезовский «Камень Каменский» помечен на правом берегу р.Чюсовой, а в наше время такое название носит камень, расположенный на левом берегу.

Далее, на ремезовском чертеже обозначены семь камней (см. рисунок 1.31). самый верхний (по течению) из них на карте именован как Молоков. Несколько ниже обозначен безымянный камень. Скорее всего, это камень Разбойник, название которого Ремезов, вероятно, не захотел нанести на карту. Оба эти камня на ремезовском чертеже нанесены несколько выше (по течению) устья р.Сулем. Между устьями рек Межевой Уткой и Еквой Ремезов показал «К.Ермаков» на правом берегу р.Чюсовой, а на левом берегу – три камня, называемых «К.Три брата». В более поздних документах количество скал – «братьев» увеличилось. Так на карте р.Чюсовой, составленной в 1732 г гитенфорвалтером Костянтином Гордеевым, Камень именуется как «К.4 брата» [1.140]. А на «Генеральной карте реке Чюсовой от Усть-Уткинской пристани до р.Камы», составленной в 1852 г Камень называется «5 братьев» [1.141]. Между устьями рек Еквой и Серебряной на правом берегу р.Чюсовой показан К. Отметыш, а на том же правом берегу напротив устья р.Серебряной показан Камень, название которого трудночитается. Но судя по последнему слогу ...кой и нескольким предыдущим буквам это – К.Глаткой. Все Камни, указанные на ремезовском чертеже прекрасно известны и в наше время, как участок наиболее опасный при сплаве по р.Чюсовой. Именно здесь при сплаве караванов чаще всего разбивались барки, груженные железными изделиями, и гибли люди. В 1877 году о Камень Разбойник за один день разбились 23 барки и погибло более 100 человек [1.139]. На современных картах камни-бойцы, названные на ремезовском чертеже, располагаются в такой же последовательности между собой, но совершенно в других местах, а именно:

- Камень Молоков находится на левом берегу р.Чюсовой в 4 км ниже по течению устья р.Кумыш, а не р.Илим по Ремезову. Своеобразное имя Камень Молоков получил потому, что вода, взбегая по наклонному ребру скалы сначала вверх, а затем, скатываясь, вниз превращалась в белую пену, воспринимаемую глазом как молочную.

- Ремезовский безымянный камень, ныне именуемый Разбойником, ниже (по течению) Камня Молокова в 2 км, но на правом берегу, а не на левом, как у Ремезова. Камень неоднократно взрывали и ныне его разбойничий нрав в значительной мере укрощен.

- «Камень 4 брата» размещается ещё ниже (по течению) в 2 км от Камня Разбойника, но на правом берегу, а не на левом, как у Ремезова.

- Ещё в 5 км ниже (по течению) стоит «Камень Отметыш» и также на правом берегу, а не на левом как у Ремезова. Название свое Камень получил в следствие того, что около скалы находится водяной круговорот, входя в который, барка ударялась (отметывалась) о скалу кормой.

- «Камень Гладкий» находится также на правом берегу р. Чюсовой, а не левом, как у Ремезова, в 18 км ниже (по течению) устья р. Койва.

- «Камень Ермак» в соответствии с ремезовским чертежом расположен на правом берегу р.Чюсовой, но в другом месте – в 10 км выше (против течения) устья р.Свадебной.

Таким образом, чюсовские камни-бойцы, показанные на ремезовском чертеже Кунгурского уезда, оказались смещенными на 100-150 км выше по течению р.Чюсовой по сравнению с современным их расположением. Вероятно, информанты, от которых Ремезов получал сведения о расположении камней-бойцов, не имели четкого представления о размещении этих камней относительно устьев рек-притоков Чюсовой. Ремезов поместил камни-бойцы на своей карте там, где ему указывали информанты. Вины Ремезова здесь нет.

Не взирая на некоторые неточности в деталях, ремезовский чертеж Кунгурского уезда давал реальное представление о взаиморасположении рек – «Какая река с какой сошлась». В этом и состоит её главное достоинство.

Из вышеприведенных ремезовских записей видно, что он весной и в начале лета трудился на р. Чюсовой и в Кунгурском уезде. Весной этого же года по р.Чюсовой сплавился первый «железный» караван. Заранее, под присмотром прикащика Нефедьева была построена Уткинская казенная пристань [1.101]. 16 марта из Тобольска были посланы на Уткинскую пристань Семен Резанов и Иван Станикеев. Под их началом было построено 40 судов. На них погрузили 23 пушки, 12 мартир, 14 гаубиц, изготовленных на первых уральских железных заводах. 27 апреля караван отплыл в Москву. Вызывает удивление утверждение А.Иванова о том, что командовал караваном Семен Ульянович Ремезов. Сначала Иванов высказал такое мнение предположительно – «... может быть, это был Семен Ульянович Ремезов, тобольский дяк?» [1.102]. Но затем, уже в утвердительной форме – «А «Рязанов», «Резанов» и

«Ремизов» - просто искажение фамилии» и «тобольский воевода послал не просто абы какого дьяка, а ... - Семена Ремезова» [1.103]. Однако, Иванов явно ошибается. Семен Ульянович 12 апреля выехал из Тобольска и только 28 апреля отправился из Верхотурья в Кунгур, где провел весь май и июнь. И возвратился в Тобольск 8 июля, о чем видно из вышеприведенных его личных записей. Поэтому он никак не мог участвовать в первом сплаве «железного» каравана по р.Чюсове, несмотря на бездоказательные домыслы Иванова заставить Семена Ульяновича успеть до 8 июля доплыть с караваном до Москвы и вернуться в Тобольск или сойти на полпути. Кстати, Иванов ошибочно называет Семена Ремезова дьяком. На самом деле он был сыном боярским, служилым человеком, а позднее – дворянином по выбору.

Таким образом, имя Семена Ульяновича Ремезова связано с освоением р.Чюсвы. Он составил первую карту этой реки с обозначением на ней наиболее опасных при сплаве камней-бойцов. На берегу Чюсвы уже обустроена памятная плита, посвященная англичанину Мурчисону. Пришла пора благодарным потомкам отметить память Семена Ремезова установкой мемориальной плиты, непосредственно на реке, карту которой он составил впервые.

В этом же 1703 г Семен Ремезов по приказу тобольского воеводы занимался работами, связанными с военным производством. В «Служебной чертежной ниге» имеется запись о том, что он к концу года сдал «на Каменные заводы для железного излития 15 штук разных преводов пушкам и мортирам по размеру ядер и против порохового весу пушечных разноличных образцов аршина по два и по три с ядрами против порохового содержания, тако ж мортирных 6 разноличных длиною по аршину и по полтора по мере ядра и против порохового весу». Семен Ульянович побывал на Каменском заводе и составил несколько чертежей, планов и рисунков Каменского завода.

В последующие годы Семен Ремезов выполнял многие воеводские поручения: изыскивал «селитряные земли», участвовал в доездах для завода «порохового дела», составлял планы тобольских слобод, составил планы тобольских верхнего и нижнего посадов, занимался «перепиской людям» в нескольких слободах и др.

Уникальным творением Семена Ремезова стал атлас, известный под названием ХЧК (Хорографическая чертежная книга), которая является жемчужиной первой величины в русской картографии. Римляне различали термины география и хорография. Под первым понималась карта мира. Под вторым – описания и карты отдельных стран и районов. В соответствии с названием «Хорографическая...» ремезовский атлас представляет собою чертежи-карты отдельных районов и областей Сибири, в том пространстве, как ее воспринимали русские люди на стыке XVII-XVIII веков. Кроме карт в ХЧК включены и различные текстовые материалы. Над чертежами, первыми вошедшими в атлас, Семен Ульянович начал работать в 1696 г, когда, вернувшись из похода «к вершине Миясу», он приступил к выполнению царского приказа по сбору хорографической информации для составления чертежа Сибири, который он изготовил к 1 сентября 1697 г. Однако, состав карт ХЧК свидетельствует о том, что атлас собирался длительное время. В него включены копии карт, которые удавалось Ремезову заполучить различными путями. Так в атласе находятся копии чертежей 60-90-х гг XVII века, например, копия Годуновского чертежа Сибири 1667 г, чертеж всей Сибири 1687 г, чертеж Исецких слобод И.Полозова 1695 г, чертеж Казачьей орды 1697 г, чертежи Тобольского и Верхотурского уездов тюменского иконника Максима Стрекаловского 1697 г и др.

В начале ХЧК помещена «память послушная» и описания «доездов по грамотам великого государя в розных летах и числах», в которых перечисляются задания, полученные Семеном Ремезовым, и результаты их выполнения. В предисловии изложены принципы и приемы составления чертежей. В одной из статей излагаются используемые картографические приемы: «Матка по знакам ветров» - компасные направления; «Миллиарии розмер» - сведения о масштабе; «знаки урочищам» - перечень условных обозначений и др. Ремезов не использовал метод картографической сетки – параллели и меридианы. В его чертежах опорной сетью служила речная система, дополненная указаниями о расстояниях между различными пунктами, выраженными в днях пути или в мерах длины (верстах). Ремезовские чертежи рек имеют характерную особенность: каждый лист, за редким исключением, разграфлен на 25 прямоугольников, в которые планировалось вместить «по пятидесяти верст на всяком листу длины и ширины». Однако, из-за разных масштабов рек такой план не удалось реализовать. В итоге, сетка прямоугольников получила вспомогательное значение – удобство при копировании чертежей. В большинстве чертежи рек ориентированы на юг. Затем помещено авторское оглавление, в котором числится 175 листов, сгруппированных в 92 главы и разделенных на две части. В конце 61 главы (листы 1-158) находится помета: «Конец оглавлению рек». Во второй части числится копии различных чертежей (листы 159-175), в том числе изготовленных по царским грамотам в различные годы. Сравнение перечня чертежей в оглавлении с картами, имеющимися в атласе, показывает, что 26 чертежей названы в оглавлении, но в атласе отсутствуют, в том числе «Лист чертежной греческой печати», «Лист с немецкого преводу» и др. Фактически в первой части атласа имеется 150 чертежей рек Сибири с вклейками и вставками, что свидетельствует о продолжающемся сборе новых картографических материалов в дополнение к уже имеющимся. Во второй части атласа помещено 16 чертежей. Первая, основная, часть атласа носит сугубо справочный характер, в которой все «выдуманно подлинно и написано подробну». Содержание всего атласа сформулировал сам Семен Ульянович,

записав в атласе: «и сие тщательное изображение свидетельствовано по дозору, в дальное ведомцами по допросам, начертание налично подкреплено многими описании градов и рек длиною с устия и до вершины, и в них озер и источин, и на них слобод, сел и с насельники, яшашные волости иноземцов многие земли, и древние жилья, грани и межи, и малопроходные пути, камень и степь, и всякой путь и дороги». В первой части атласа приведены чертежи более четырех десятков рек, в том числе Тобол, Иртыш, Ишим, Обь, Томь, Енисей, Ангара, Селенга, Лена, Алдан, Колыма и др. Во второй части представлены однолистные чертежи отдельных районов: «Степь. Казачья орда, Бухарья», «Море Мангазейское с урочищи самоедских жилья», «Море Байкал с урочищи», «Китайское царство с грады и с урочищи» и др.

В первой части ремезовской ХЧК находятся чертежи ряда уральских рек, которые представляют значительный интерес, как первые из относительно подробных известных карт уральских районов. В атласе помещены чертежи следующих уральских рек (в скобках указано количество листов, на которых изображена данная река): Мияс (4), Синара (1), Ницца (2), Исеть (8), Пышма (9), Тура (8), Тавда (8), Конда (4), Яик (1). Перечисленные уральские реки считались в то время расположенными в Сибири, границы которой Ремезов образно обрисовал в статье «О грани и межах всей Сибири»: «Почитается же славная сибирь грань с соседями от захождения средняго запада вокруг нас по обходу солнца от вершин рек Тобола и Еика, от земель Дюрбетской, Копчашской, Нагайской впрямь с Уфою и Кунгуром, на Каму-реку и Камою вверх по пределом Вятки, Хлынова, Кай-Городка и Чердыни на океан-море, и акианом правого берега до Новой земли голанец и Ледовитым морем, минуя устия Оби, Енисее, Лены и Колымы, севером всем до восточных Камчадальских рек и Восточным морем до усть Амур-реки, и Амуром вверх до Китайского рубежа степных рек до средняго востока с Мунгальскою землею по вершинам рек Аргуни, Селенги, Енисея, Июсов, Бии и Катуня, вершина Парабели и Оми на великие озера Барабинские и Туралинские, з Калмыцкою землею на полдень з Бушухту-ханом, тайшами и степными их реками до Абраева городка, каменной заимки, и к Гюртинскому морю на вершину Казачьи орды Дарьи-реки и чрез пески Бурлуки на ту же Копчажскую и Нагайскую землю». В представлении Ремезова таким был образ Сибири. Тогда в Сибирь включались и земли западного склона Уральского хребта, вплоть до Уфы, Кунгура, Камы-реки и Чердыни. Однако, в ХЧК Ремезов включил чертежи рек только восточного склона Уральских гор, а земли, расположенные на западном склоне хребта, он не представил.

Рассмотрим чертежи некоторых уральских рек, вошедших в ХЧК.

При этом основное внимание будем уделять местам, на которых изображены верховья рек с показанными горами.

Лист 23. «Вершина Тобола реки» (см. рисунок 1.32). На чертеже в правом верхнем углу изображены верховья рек Тобол, Яик, Белая, Уфа, Ай, Мияс и Уй. Между истоками этих рек холмиками показана цепочка гор, идущая с северной части чертежа до верховьев реки Яик, откуда поворачивающая на восток (вдоль южного края листа). В отдельных местах стоят надписи гор:

- «Камень Урал» - в верховьях реки Сороки, правого притока р.Тасмы;
- «Г. Урал. Серебряные руды» - при слиянии рек Сорока и Тасма;
- «Слюдные горы» - между истоками рек Ай, Сорока и Уй;
- «Горы Арменские» - в верховьях рек Яик и Белая;
- «Камень Аримоефских гор» - вдоль цепочки гор, протягивающейся в восточном направлении.

Топоним «Камень Урал» неоднократно фигурирует на ряде ремезовских чертежей, примерно в таком же географическом месте. «Гора Урал» в районе р.Тасма, связана с неоднократными поисками серебряной руды. В 1669 г здесь вела поиски экспедиция под руководством тобольского воеводы П.И.Годунова при участии саксонского рудознатного мастера Христиана Дробыша. В 1670 г здесь же работала поисковая экспедиция по руководством Федора Фефилова и Михаила Селина при участии того же Х.Дробыша. Но самая большая серебряная экспедиция у горы Урал была проведена в 1672-73 гг под руководством Я.Т.Хитрово. В сибирских летописях имеется запись: «Того же 180 году приехал с Москвы в Сибирь от великих государей думной дворянин Яков Тимофеевич Хитрово. А в товарищах с ним сын его Венедикт Яковлевич Хитрово да подъячий с приписью от Тайных дел Еремей Леонтьев сын Полянской. И велено им на Уральских горах город поставить над Тасмами реками в Камени... И искали на тех местах два года по 182-й серебряной руды» [1.63]. В горах был построен Новый уральский острожек (место его постройки ныне находится на окраине города Златоуста). В отдельные периоды в экспедиции Я.Т.Хитрово участвовало до 1000 человек. Однако, несмотря на значительные усилия обнаружить серебряную руду так и не удалось. Неудачный исход серебряных экспедиций в горах Уральских подвел летописец: «ничего не найдено, а государевой казне великая тщета и гибель учинилась» [1.63]. История этих серебряных экспедиций в Уральских горах детально изложена в работе [1.119]. «Слюдные горы», зафиксированные на ремезовском чертеже, не были найдены вышеуказанной серебряной экспедицией. Таким образом, топонимы «Гора Урал» и «Слюдные горы» свидетельствуют о том, что Семен Ремезов был достаточно осведомлен о действиях уральских серебряных экспедиций и правильно указал на своих чертежах место поисков серебряной руды.

Во многочисленных архивных документах, связанных с поисками серебряных руд на Урале, неоднократно фигурирует топоним «Урал-Камень» [1.120]. Из этих материалов видно, что в те времена Уралом именовали и горный массив достаточно большой протяженности и отдельную гору (гора Урал и

Урал-Камень). Такое понимание Урала подтверждают также материалы дела по прошению крестьянина сибирской губернии Крутихинской слободы села Уксанского Степана Ильина сына Кузнецова, о постройке крепости близ озера Чебаркуль [1.121]. К своему прошению С.И.Кузнецов приложил чертеж: «А оному всему, где надлежит вновь крепости и слободы построить и при каких местах Урал Камень и по коликое число между жительством расстояние верст имеетца, и о том к рассмотрению при сем прошении прилагаю чертеж». На этом чертеже (см. рисунок 1.33) Камень Урал показан в виде вытянутого горного массива. «От того Камня Урала реки пошли»: на восток – Синара, Теча, Мияс, Уй, а в «полуденную» сторону – Еик, Кизил, Второй Кизил. Здесь уже проявляется расширение понятия Урал: из кузнецовского Камня Урал вытекают две реки Кизил, расположенные в более южном горном районе, в наше время называемом Уралтау. Таким образом, географическое понятие Урал уже в начале XVIII века включало в себя весь горный Южный Урал.

На чертеже «Вершина Тобола реки» записаны ещё два оронима – «Горы Армения» и «Камень Аримифейских гор», - идентифицировать которые в настоящее время затруднительно.

Лист 26. «Вершина Миясу реки». На чертеже показаны верховья рек Мияса и Течи. В их истоках нанесена небольшая цепочка холмиков, не имеющих названия. На чертеже показан ряд озер: Увелга, Иртяш, Теренкуль и др.

Лист 27. «Река Синара с урочищи». На карте изображена р.Синара с притоком р.Багаряк и многочисленными озерами. Вдоль правой боковой кромки карты показана цепочка холмиков, не имеющих названия. А в правом нижнем углу изображено озеро, из которого вытекает р.Чюсовая. При этом озеро показано восточнее гряды гор, а р.Чюсовая затем пересекает эти горы и уходит к западу, чем и зафиксировано пересечение р.Чюсовой Уральского хребта.

Лист 29. «Вершина Ницы». На чертеже показана р.Ница и две ее составляющих – реки Реж и Нейва. В истоках р.Аят нанесено озеро Аят. А рядом стоит надпись «Камень Аят», который трудно сопоставить с какой-либо современной вершиной.

На листах 30-37 изображена «Исеть река. Написана с урочищи от устья и до вершины речки и озера и с селитбами». В низовьях реки обозначено большое количество населенных пунктов и мельниц на притоках р.Исети. Нанесены дороги. На л. 37 нанесен чертеж «Исети вершина», на котором изображен район будущего города Екатеринбурга (см. рисунок 1.34). Город возникнет здесь только через четверть века [1.142]. В наше время широко известен географический факт: р.Исеть вытекает из озера Исетского. А на ремезовской карте показаны два озера: одно – Исетское, а другое – Ысецкое. Эти озера на карте показаны соединенными между собой протокой. В более верхнее впадает р.Черная, вытекающая из третьего озера – Глухого. В последнее впадают два истока, каждый из которых вытекает из озер – Дикое и Половинное. Ныне Исетское озеро подпружено в районе истока из него р.Исеть. И вместо двух водных чаш образовалось единое Исетское озеро. А верховья озера, показанные на ремезовской карте, превратились в болота и торфяник. Некогда ремезовское озеро Глухое, из которого вытекала р.Черная, располагалось на месте современного Аятского торфяника. Ремезовское озеро Дикое сохранилось в виде современного Черновского болота, расположенного в истоках р.Полуденки, правого притока р.Малая Черная. Ремезовское озеро Половинное в наше время просматривается в системе небольших озер в верховьях р.Большой Черной. Выходит всего триста лет тому назад в верховьях р.Черной находились значительные озера, а ныне они практически исчезли. И информацию об экологических изменениях за последние три века нам сохранила карта Семена Ремезова. Обращает на себя внимание тот факт, что названия некоторых озер, записанные на ремезовском чертеже (Глухое, Половинное), сохранились и поныне. Но эти озера расположены в наше время в другом месте.

На ремезовском чертеже «Исети вершина» нанесено озеро Мелкое, через которое протекает р.Исеть. А несколько ниже по течению – ее правые притоки Решета и Светла. Ниже их обозначен брод Татарский. Следующий правый приток – р.Иптуз. Именно – Иптуз, а не современное Уктус. Ремезовское название Иптуз встречается и на других его картах. Между реками Светла и Иптуз на левом берегу р.Исети показаны на карте два баярака (низинные, густо заросшие деревьями и кустарниками места), соответствующие современным районам кинотеатра Космос и центрального парка культуры и отдыха. В верховьях левого притока р.Мостовки показаны без названия два озера, соответствующие современным Большому и Малому Шарташам. Далее справа впадает приток (название отсутствует), на котором показаны три деревни – Баляшнина, Уптуз и Нижней Уптуз (и опять в названиях – согласная буква П). Далее – правый приток р.Арамилка, на котором показаны шесть поселений – Темна, Омелина, Седелникова, Лугова и два без названия. В устье р.Арамилки показана слобода Арамилска. И ещё одна любопытная деталь: между реками Уптуз и Арамилка нанесен «Крутой Лог», который можно назвать первым орографическим элементом, нанесенным на карты на территории современного города Екатеринбурга. «Крутой Лог» и поныне так именуется. В целом, ремезовский чертеж достаточно реалистично отражает верховья р.Исети. И передает некоторые характерные детали.

В правом верхнем углу чертежа «Вершина Исети» показаны истоки р.Чюсовой с притоками Медведка и Утка. Также обозначены два населенных пункта – Тихонова и Чюсовая. А в правом нижнем углу карты нанесены озера Шиты и Вашты. Из последнего вытекает речка Язевка, ныне именуемая Шитовским Истоком и впадающая в озеро Исетское. Рядом размещено озеро Балтым, из которого вытекает река Пышма. Тут же показано озеро Аят и озеро Таватуй, из которого берет начало река Нейва.

На левой грани чертежа показана р.Верхняя Каменка, соответствующая современной Каменке, на которой стоит город Каменск-Уральский. На соседнем чертеже №36 нанесена Нижняя Каменка, ниже которой показан населенный пункт Колчедан. А вот существовавшая уже в то время в устье р. Верхней Каменки заимка Долматовского монастыря, где функционировали две сыродутные доменки, производящие металлическую продукцию, почему-то на ремезовском чертеже отсутствует. Причиной этого, скорей всего, стало ошибочное «перемещение» на р.Верхнюю Каменку деревень, в действительности расположенных на р.Сысерти в другом месте.

Можно полагать, что карта «Исети вершина» составлялась скорее по расспросам местных жителей. Об этом говорит странное расположение р.Сысерти как притока р.Каменки, с показанием на ней деревень Чердынцевой и Кадниковой. Эти деревни действительно располагаются на р.Сысерти. Но последняя является правым притоком р. Исеть. На ремезовской карте современная р.Сысерть названа Сытярной. Вероятно, информант, рассказывающий Ремезову о притоках р.Исеть, недостаточно ясно передал сведения о р.Сысерти.

Отметить следует и тот факт, что на ремезовской карте несколько выше устья р.Каменки на р.Исеть отмечен «порог», который ныне именуется Ревуном и является излюбленным местом проведения соревнований туристов-водников.

На девяти ремезовских чертежах в ХЧК представлена р.Пышма, с истоков до устья. На листе 46 «Вершина Пышмы» приведены ее истоки. Река Пышма показана вытекающей из двух озер «Балтым» и «Шавакиш», объединенных в общее водное пространство. В верхнем правом углу чертежа показаны верховья р.Исети с деревнями Арамилской, Брусаянка и Камышенская.

На вклейке к чертежу №53 «Тура» представлена р.Тагил. Вдоль верхней кромки вклейки холмиками показана цепочка горного хребта. Между истоками рек Тагила и Утки один из холмиков имеет название – «К.Деснец». На ремезовском чертеже р.Баранча обозначена как правый приток р.Тагил, хотя в наше время р.Баранча является левым притоком р.Тагил. На этой вклейке Семен Ульянович сделал интригующую для нас надпись: «Суды Ермаковы», расположенную в истоках р.Волоковки, относящейся уже к бассейну Западного склона Уральских гор. От истоков р.Волоковки на чертеже показана пунктиром дорога, пересекающая горы и выходящая в долину р.Серебренки, показанную на ремезовском чертеже как левый приток р.Тагил. Пунктирная дорога показана только между верховьями рек Волоковки и Серебренки. Может быть, она (дорога) указывает перевальный путь отряда Ермака, направляющегося в Сибирь?

Лист №54. «Тура». На чертеже показаны верховья р.Туры. В правом верхнем углу карты нанесена холмиками цепочка гор. В верховьях р.Павда стоит обозначение вершины «К.Павдинской». В правом верхнем углу изображен отрезок р.Камы и обозначен город Соль Камская. А в правом нижнем углу представлены верховья притоков р.Тавда.

Лист №114. «Еик, ыик пишется...» (см. рисунок 1.12). На чертеже представлена р.Еик (современное название Урал). Трудно определить ориентировку этого чертежа. С одной стороны, вдоль нижней кромки чертежа тянется гряда гор. В правом нижнем углу чертежа, на конце указанной горной цепочки, в верховьях рек Еик, Тобол, Мияс над одним из холмиков стоит надпись «К.Урал». Параллельно этой цепочке гор показаны верховья р.Вор (современное название р.Орь), которая «течет в ночь». На основании этих двух доводов можно принять, что этот чертеж имеет западную ориентировку (вверху – запад, внизу – восток, справа – север, слева – юг). Но с такой трактовкой не увязывается общее направление течения р.Еик – на чертеже оно имеет направление на юго-запад. Такое же не реальное направление течения имеет р.Гем (современное название р.Эмба) – на чертеже она показана текущей почти на запад. Хвалыньское (Каспийское море) на чертеже показано расположенным к западу по отношению к гряде гор, имеющей направление север-юг. Однако, не смотря на такие несоответствия, условно, примем западную ориентировку этого ремезовского чертежа. Тогда цепь гор, идущая в южном направлении от «К.Урал» и не имеющая никаких изгибов, условно может быть принята за южную часть современных Уральских гор. Эта цепь гор соединяется с «горой Юрюк» (современное название Айрюк), протягивающейся в том же направлении. На чертеже имеется надпись о том, что из нее (горы Айрюк) «вытекли три реки», которые показаны на чертеже с надписями: «р.Иргыз на восток», «река Вор течет в ночь», «р. Гем на полдень». Такая информация, скорей всего, взята из «Книги Большому Чертежу» (см. выше). Кроме того, показана река Излей, которая «течет с Юрюком горою». Такое взаиморасположение рек однозначно говорит о том, что ремезовская «гора Юрюк» является современных хребтом Мугоджары, самой южной частью Уральского хребта. От горы Юрюк на ремезовской карте нанесено горное ответвление, протягивающееся параллельно «р.Иргыз», т.е. примерно в восточном направлении. А в месте западной точки этого горного ответвления стоит надпись – «Конец Аральтовой горы». А непосредственно Аральтова гора представляет собою восточное ответвление гряды низких холмистых вершин, ныне именуемой водораздельным Казахским мелкосопочником, отделяющая истоки рек Тобола и Ишима от рек, текущих в южном направлении (см. выше).

Лист №115 «река Обь». На чертеже показан участок р.Оби с левым притоком, именуемым «рекой Сыня», в истоках которой нанесен знак горы (холмик), с надписью «Камень».

Лист №117. «река Обь». На этом чертеже также показан участок р.Обь с левым притоком – р.Собь. Напротив истока р.Соби расположено верховье р.Черна, притока р.Усы, уже на западном склоне

Уральских гор. Между верховьями рек Сось и Черна пунктиром показан переход через горы. А около пунктирной дороги записан знак камня – буква К в кружочке. Рядом в верховьях речки Елец, притока р.Усы, нанесена гора (холмик) с надписью «Камен Голец». Можно предполагать, что этой горе, как наиболее высокой в этой районе, соответствует современная вершина Пайер, представляющая собою типичную скальную «голую» гору, видимую издали и являющуюся хорошим ориентиром для путников. Рядом, в верховьях р.Ох, стоит надпись «Камен». Ещё одна такая же надпись «Камен» записана в истоках р. «Войкар», левого притока р.Оби. Отмечу также, что в низовьях р.Соби на ремезовском чертеже отмечена «Застава Обдорская».

Лист №119 «река Обь». На вклейке к этому чертежу, сверху ее, показана холмиками горная цепь, представляющая Уральские горы в верховьях рек Сыгвы, Сосвы (на восточном склоне) и р. «Печора» (на западном склоне) в истоках р.Ляпин (современное название Хулга). На одной из вершин Уральских гор стоит надпись «К.Ляпинской».

Сначала Багров, а затем Гольденберг в Российском архиве древних актов нашли три рулона длиной от двух до пяти метров, на которых представлены «неточные и увеличенные копии» 22 чертежей рек из ХЧК [1.155]. Было установлено, что эти рулоны изготовлены не ранее 40-50 гг XVIII века и представляют чертежи рек Иртыша, Тобола и Вагая. К сожалению, мне пока не удалось ознакомиться с этими рулонами: дважды на мои заявки в архиве я получал ответ – «не найдены».

Ссылаясь на запись в одном из начальных текстов ХЧК – «с великим поклоном тьматысяшной слуга твой тобольский сын боярской Сенька Ульянов сын Ремезов зограф» [1.80, л.8] – Гольденберг Л.А. считал, что Ремезов намеревался поднести царю ХЧК. Однако, атлас не был вручен царю. Об этом свидетельствуют вклейки к чертежам, относящиеся к 1703-1711 гг. Следовательно какое-то время ХЧК хранилась в Тобольске как семейная реликвия, что и подтверждает Гольденберг [1.57].

В архиве историка XVIII века Миллера Г.Ф., в его так называемых «портфелях», найдены копии текстов географического содержания, относящиеся к работам С.Ремезова. Оказалось, что эти тексты представляют собою несколько дословных статей из ХЧК. Такие же статьи оказались в сборнике «малороссийского письма», переданного в 1767 г историком Шлецером в библиотеку российской академии наук. Таким образом, Миллер и Шлецер знали о существовании ХЧК С.Ремезова. Но видели ли они непосредственно чертежи ХЧК, остается загадкой. Несколько позднее атлас обнаружился в коллекции Воронцовых, что зафиксировано на обороте последнего его листа овальным штампом «Главной конторы по именным графини Е.А.Воронцовой-Дашковой». Затем атлас оказался в Археологической комиссии академии наук. А в 1914 г был взят в Переселенческое управление при подготовке к изданию «Атласа Азиатской России», автором предисловия которого был Багров Л.С. [1.143], позднее эмигрировавший в Германию, а затем в Швецию. Он увез с собой оригинал ХЧК, незаконно присвоив, уникальный памятник русской науки и культуры, по праву принадлежащий государству Российскому. Багров основал международный журнал «Imago Mundi» («Лик Земли») по истории старинных карт. Впервые он упомянул о ХЧК Семёна Ремезова на страницах этого журнала в двух своих статьях [1.156 и 1.157]. В этих статьях Багров указывает на труд С.Ремезова в составе своей коллекции карт, которая затем вместе с ХЧК была продана в США и ныне хранится в Гуфтоновской библиотеке Гарвардского университета. В 1958 г ХЧК была издана в Голландии в черно-белом варианте. Вводная статья в этом издании была написана Багровым на английском языке. Как справедливо отметил Л.А.Гольденберг [1.57] значительным недостатком голландского издания ХЧК является отсутствие научно-справочного аппарата, указателей и транскрибированного текста.

Долгое время ХЧК была для массового российского исследователя недоступна. Но в 2011 г ХЧК была издана фондом «Возрождение Тобольска» [1.432] в двух томах. Один том представляет собою атлас, в котором представлены все карты ХЧК. В другом томе приведены результаты исследований карт, научно-справочный аппарат, расшифровка надписей и топонимов по каждой карте, список всех топонимов, указанных в атласе и научный комментарий. Кроме того, в приложении дан полный текст докторской диссертации Гольденберга Л.А. «С.У.Ремезов и картографическое источниковедение Сибири второй половины XVII-начала XVIII вв». «Слово от издателя» написано президентом фонда А.Елфимовым и озаглавлено: Единственный в своем роде. О ремезовских изданиях фонда «Возрождение Тобольска» переговоры с американцами о возможности издания ХЧК длились несколько лет. Пришлось заплатить полмиллиона рублей за реставрацию ХЧК и только тогда американцы согласились передать сканированный вариант для печати.

Предисловие написал Булатов В.Э., заведующий отделом картографии исторического музея в Москве. Он составил перевод текстов ХЧК на современный язык и научный комментарий. Характеризуя ХЧК, он отметил следующие моменты:

- Ремезов имел переводы текстов из европейских атласов Ортелия, Меркатора, Блау. Но в своих чертежах не использовал масштаб и астрономические определения мест.
- Морские береговые линии рисовались условно.
- Ремезовские чертежи служили для определения пути. При этом расстояние между населенными пунктами и длина волоков характеризовались текстовыми записями о расстоянии, определяемом верстами и саженьями, а продолжительность – количеством дней или недель.

- Главным достоинством ремезовских чертежей была богатая географическая и топонимическая информация, которая была во многом утеряна на картах петровских геодезистов.

- Картографическое творчество С.У.Ремезова оказало влияние на карты, издаваемые в Европе (Идес, Витсен, Страленберг).

Кроме того, Булатов В.Э. в отдельной статье [1.433] дал взвешенную характеристику ХЧК, отметив ее положительные и отрицательные стороны.

ХЧК – ценный источник разнообразной информации о географии Сибири и Урала конца XVII века. Наиболее подробно на ремезовских чертежах представлена гидрография, являющаяся основным базисом изображаемого района. На чертежах показаны: большие и малые реки, города, слободы, остроги, монастыри, села, деревни, летние и зимние кочевые юрты, пашни, пастбища, звериные промыслы, места ловли рыбы и птицы, рудники. Приведены этнографические записи и на специальном чертеже указаны места проживания различных народов. Указаны сухопутные транспортные пути с подписями о расстояниях между слободами и острогами, длины рек и волоков. Протяженность путей указывалась либо в верстах, либо в днях и неделях передвижения от одного пункта до другого.

Не могу обойти молчанием вопрос о названии ХЧК. Андреев А.И. этот атлас называл «Описание Сибири» [1.81], а Багров Л.С. – «Атлас Сибири» [1.80]. Тобольское издание атласа 2011 г имеет название «Хорографическая чертежная книга Сибири» [1.432]. Наиболее обосновано называл атлас Гольденберг Л.А. – «Хорографическая чертежная книга» [1.57]. Я однозначно присоединяюсь к последнему мнению. В первой части ХЧК представлены чертежи рек. Среди них находится 11 рек, представляющих район Сибири (Томь, Енисей, Амур, Лена и др.) и ровно столько же – 11 – уральских рек (Пышма, Исеть, Миасс, Тура, Тавда и др.). Если сибирские реки представлены на 32 чертежах, то уральские реки – на 64. С этой точки зрения атлас характеризует в большей мере уральские районы, нежели сибирские. Но тем не менее следует отдать предпочтение самоназванию атласа – «Хорографическая чертежная книга».

Третьим атласом С.У.Ремезова является СЧК (Служебная чертежная книга). По сути она представляет собою сборник различных материалов служебного и личного характера, в который вошли копии чертежей, карт, планов, рисунков и описаний. В начале атласа помещены оглавление и вводные статьи (характеристики картографических приемов, исторические справки о церковных и светских властях и др.). Затем помещены чертежи, планы и тексты по городу Тобольску, Сибири и ее частям. СЧК состоит из 167 листов, разделенных на две части. К первой части следует отнести 116 листов, которые фигурируют в оглавлении. Во второй части находятся различные материалы, характеризующие занятия Семена Ульяновича в 1699-1704 гг (строительство Тобольска, железное и пороховое дело и пр.). Так как материалы второй части не перечислены в оглавлении, то можно считать, что они были присоединены к атласу уже после формирования первой части атласа.

В первой части СЧК помещено 46 чертежей, среди которых находятся:

- 9 чертежей всей Сибири и пограничных земель, в том числе копия «чертежа греческого переводу» Московского княжества; копия Годуновского чертежа Сибири 1667 г (см. рисунок 1.19); копия сибирского чертежа А.А.Виниуса (см. рисунок 1.39); три карты Китая с ведомостью о китайском государстве «1668 г»; копия карты А.Ортелиа «Татария или великого хана повелительство» и др.;

- 4 чертежа Камчатки;

- 20 «городовых» чертежей, в том числе Кунгурского уезда и города;

- 6 планов города Тобольска и его окрестностей;

- 6 чертежей, составленных в связи с военными походами тобольчан по охране пограничных земель под командованием Леонтия Иванова сына Парфеньева, Ивана Полозова и драгунского полковника Давыда Яковлевича Меина и др.

Некоторые из этих чертежей являются уникальными, так как нигде больше не повторяются (кунгурские, камчатские и А.А.Виниуса).

Сравнение перечня чертежей в оглавлении с картами, имеющимися ныне в атласе, показывает, что 15 чертежей по каким-то неизвестным причинам не оказалось в составе атласа. 10 карт из недостающих находятся в ХЧК и ЧКС.

Среди текстовых материалов СЧК следует особо выделить «Выписку служб Семена Ремезова деда и отца...», записанную на лл.36-39 рукою Семена Ульяновича, с небольшой вставкой написанной его сыном Леонтием, а также Челобитную Семена Ремезова. Из перечня служб его вырисовываются районы, где Семен Ульянович побывал, выполняя различные поручения:

- «по Сураням на лужах в зимнее время, руки и ноги познобил»;

- «в Демьянских и Назымских волостях прибрал остяков Вису озера»;

- «послан в степь к Давлет Кирею царевичу»;

- «в Пельымском уезде, в Таборах и на Гарях учинил о хлебе прибыли»;

- «в Тарском уезде в острожках» и на Ишиме реке прибрал «таможенной всякой рухляди збор»;

- «вверх по Ишиму реке» на Соленых озерах «тутошних татары старожил»;

- в Киргизскую степь «не щадя головы своей»;

- «в вешнее водополье со служилыми по хлебные запасы на Верхотурье, во многом изтоплении суды при смерти и на мелях Туры реки в трудности»;

- «вверх Тобола реки... описанных земляных дел»;

- «вниз Иртыша на ирвовые плеса для рыбных ловли»;
- «за Ишим реку за изменники Казачьи орды и в погоне конми пал»;
- «под Воскресенское митрополье село на поимке казаков Казачьей орды»;
- «послан с Верхотурья на Кунгур... для описки и учинения чертежа и уездов сел и деревень»;
- «описал Тобольского розряду верх и низ Иртыша реки и вверх Тобола всяких чинов людей» и др.

Как видно из этих выписок Семен Ремезов за свою долгую жизнь объехал множество сибирских и уральских районов и смежных с ними местностей.

Служебные выписки Ремезова сообщают и о трудах его при тобольском градоустройстве:

- «был в Тобольске у порохового селитряного дела»;
- «сработал сшил и написал мастерски и конным и пешим полкам семь камчатых знамен»;
- «по розмеру земли городского каменного строения розметные городские росписи и писма к строению описи чертежа обнадежен»;
- «построил... пять обжигальных больших печей»;
- «обложена каменная палата» и др.

В служебных выписках приводится многочисленная информация о сочинении различных чертежей, о чем рассказано выше.

В конце СЧК на листах 155об-161об приведены семь рисунков металлургического оборудования и планов Каменского завода с текстами на трех листах, в том числе «чертеж заводов железного дела...», «чертеж доменного и молотового дела» и др. Каменские зарисовки Ремезов сделал в 1703 г, когда на заводе действовала одна доменная печь. Особенно интересен рисунок, показывающий забивку свай в грунт (л.157). Ремезовские уникальные рисунки сохранили для нас образ первого Каменского завода.

Рассмотрим ремезовские чертежи, в которых показаны Уральские земли и которые вошли в сохранившийся вариант СЧК. Прежде всего укажу чертежи, которые являются копиями карт, ранее вошедших в состав ЧКС.

На лл.28об-29 представлен чертеж «Часть Сибири...», который соответствует «Чертежу земли Тобольского города», входящему в состав ЧКС (карта №2). На обоих чертежах имеются надписи гор – «Камень» (в верховьях рек Синара и Теча) и «Камен Урал» (в районе озера Оувелги). Но на чертеже из СЧК (л.28об-29) дополнительно указаны еще две уральские вершины – «К.Косвинской» и «Камен Павдинской». Известно, что чертеж «Часть Сибири...» С.Ремезов изготовил к 15 августа 1697 г. Если принять, что надписи «Камен Павдинской» и «К.Косвинской» были нанесены на оригинал чертежа «Часть Сибири...», составленного в 1697 г, то возникает вопрос: «Почему, позднее, в 1700 г на «Чертеже земли Тобольского города» в составе ЧКС Ремезов решил не указывать оронимы «Камен Павдинской» и «К.Косвинской». Скорее всего, на оригинале чертежа «Часть Сибири...» двух этих названий гор не было. Поэтому они не показаны на «Чертеже земли Тобольского города». Но одновременно с последним в составе ЧКС находится «Чертеж земли Верхотурского города», на котором эти же два названия гор фигурируют. Как показал Гольденберг копии городских чертежей, вошедших в состав СЧК были изготовлены в 1703-1704 гг на александрийской бумаге с филигранью не ранее 1702 г, то есть через 3-4 года после составления ЧКС [1.57]. Тогда при составлении копии чертежа «Часть Сибири» для СЧК Ремезов дополнительно нанес два новых названия вершин, уже известных ему из других его же чертежей.

«Чертежу всех с камней потоки рек имены наличия снискательно бывальцы и уроженцы», вошедшему в состав СЧК (л.51об-52) соответствует «Чертеж всей безводной и малопроездной каменной степи» (см. рисунок 1.29), включенный в ЧКС (№20). Оба эти чертежа изготовлены в 1697 г. И на них фигурируют одинаковые названия – «Оурал Камень» и «Камень Оурал», записанные дважды на каждом чертеже вдоль цепочки гор, ответвляющейся в восточном направлении от Уральского хребта.

На лл.63об-64 в СЧК приведен чертеж «Град Верхотурье», которому соответствует «Чертеж земли Верхотурского города» в ЧКС. Последний чертеж описан выше. В принципе оронимы приведенные на обоих чертежах, однотипны. Но есть одна любопытная деталь. И на том и на другом чертежах топоним «Камен Павдинской» нанесен в трех местах, расположенных вдоль Уральского хребта (от верховий реки Туры до истоков реки Павды). Это свидетельствует о том, что в конце XVII – начале XVIII веков русские люди «Камень Павдинской» начали воспринимать как вытянутый горный хребет, а не в виде отдельной горы.

На лл.71об-72 в СЧК представлен чертеж «Пермь Великая», которому соответствует «Чертеж вновь Великопермские...» (№22) в ЧКС. Названия оронимов на чертеже №22 представлены выше. На чертеже «Пермь Великая...» приведены практически все такие же названия гор, за одним исключением. Вместо «горы Башкирские» фигурируют «горы Арменские». На обоих картах нанесены одинаковые по содержанию две надписи, расположенные вдоль цепочки Уральских гор:

- «С Камени переход из Сибири через Березов» (в районе к северу от истоков р.Печоры);
- «Чрез Камен большой переволока» (в истоках р.Собь).

На лл.73об-74 СЧК приведен чертеж «Град Березов», который идентичен «Чертежу земли Березовского города» (№8) в ЧКС. На том и на другом чертежах имеется надпись: «Воловка к Русе ход через Камень Собью».

В СЧК приведен ряд оригинальных чертежей, представляющих собой копии карт, изготовленных другими авторами. На лл.44об-45 представлен чертеж «Степь отуду приход бывает под слободы

воинских людей на три дороги», выполненный по доезду Леонтия Иванова сына Парфеньева в 1710 г. На карте в двух местах (в истоках рек Исеть и Тагил) стоят надписи «Камень». А в истоках р.Теча обозначен «Камен Урал». На лл.55об-56 находится «Чертеж слободам по доезду драгунского полковника» Д.Я.Меина, изготовленный в 1700 г тюменским иконником М.Ф.Стрекаловским. На чертеже сделаны две надписи: «Камен Верхотурской и Павдинской чрез него дорога московская» (между верховьями рек Пышма и Ницца) и «Степь к Камени» (между верховьями рек Тобол и Мияс). На лл.49об-50 помещен «Чертеж межевой башкирской земли слободам...», составленный в 1695 г по доезду дворянина Ивана Полозова. На чертеже показаны следующие оронимы: «Горы Арменские» между верховьями рек Белая и Ай), «гора Караташ» и «Слюдные горы» (между верховьями рек Мияс и Увелка). Семен Ремезов в своих чертежах использовал информацию из карт, составленных другими картографами.

Обычно считают началом формирования СЧК 1699 год, а окончанием оформления ее можно принять 1730 год, когда один из сыновей Ремезова изготовил последний лист-клеймо генеалогического древа тобольских воевод. В 1764 г атлас оказался в личной библиотеке Екатерины II и после 1775 г был передан в иностранную библиотеку Эрмитажа, в которой хранились и русские рукописные книги. В 1852 г в составе Эрмитажного собрания СЧК поступила в Публичную библиотеку и ныне хранится в рукописном отделе Русской национальной библиотеки [1.82].

Из приведенных кратких описаний чертежей С.У.Ремезова видно, что ему было известно немалое количество гор, расположенных на уральском хребте, вдоль водораздельного (в основном) гребня. На рисунке 1.35, взяв за основу современную географическую карту Урала, с некоторым уточнением в южной части, нанес я на традиционную линию водораздела Уральского хребта названия горных вершин, упомянутых на ремезовских чертежах. Удалось отыскать 31 ороним. Но допускаю мысль о том, что вследствие трудности прочтения некоторых названий число таких вершин может быть несколько большим. Посмотрев на составленный мною первый вариант рисунка 1.35, мне показалось, что я нечто подобное уже делал. В своем обширном архиве я отыскал карту своих уральских путешествий (см. рисунок 1.36). Карта эта такого же размера. Также показан водораздельный гребень Уральского хребта. Только вместо отдельных вершин на карте моих путешествий вдоль Уральского хребта показаны их маршруты. В итоге, получилась сплошная линия от побережья Карского моря до южной оконечности Мугоджар. Но с большим количеством «завитушек» - подходов и уходов от Уральского водораздела. Карта моих уральских путешествий была опубликована в сборнике, рассказывающем об истории туризма в Уральском Политехническом институте (ныне Уральский федеральный университет) [1.159, между с.96-97]. На рисунке 1.36 в принципе отражена идея прохождения траверса Уральского хребта. Эта идея изложена в моей статье [1.145], а итоги реализации этой идеи – в моей работе [1.146]. Ниже при характеристике уральских ремезовских гор, сопоставляя карту моих уральских путешествий (рисунок 1.36) со схемой ремезовских уральских вершин, я буду добавлять и некоторые свои впечатления от посещения таких вершин.

Самая северная гора на ремезовских картах указана на Заполярном Урале в верховьях р.Сартюган (1 – здесь и далее номер соответствует позиции горы в обозначениях к рисунку 1.35). На ремезовском чертеже (ХЧК, л.110) вершина показана южнее истока р.Сартюган, которая в наше время называется Щучьей. Но вот незадача. На ремезовском чертеже и слева и справа от р.Сартюган нанесены ещё две реки. И обе имеют надписи – Щучья и Щучья. Судя по всему, С.Ремезов по рассматриваемому району имел весьма туманную информацию. Далее, я буду считать рекой Щучьей ту, которая на ремезовском чертеже названа Сартюганом, а две другие не рассматриваю. Р.Щучья издревле пользуется у местного населения популярностью как удобная для перехода через Уральский хребет. Уже в горах она имеет правый приток – р.Большая Хадыта, которая в своем истоке вытекает из озера, из которых берет начало речка Изьяшор, несущая свои воды уже на западном склоне уральских гор, в р.Усу. Водораздел между реками Хадыта и Изьяшор представляет собою ровное заболоченное пространство. Поэтому, в целом, этот перевальный участок является наипростейшим, не имеющим никакой высотной преграды. Именно поэтому с древних пор этот путь стал «дорогой» для перехода через Уральские горы.

Район верховий реки Хадыта исключительно красив и интересен. В глубокой межгорной поперечной долине расположено проточное озеро Хадытаеганлор. Общая длина озера – около 10 км и оно имеет два разнонаправленных участка: нижний (по течению) участок имеет направление восток-запад, а верхний – близкий к север-юг. В районе изгиба озера в него впадают три левые притока. Самый верхний из них ведет к красивейшему леднику Заполярного Урала - леднику Обручева, расположенному в живописном полукруговом каре, над которым громоздятся многочисленные остроконечные гребневые скалы. Одна из них отличается особой высотой и крутосклонностью, придавая всему виду ледникового каре особенную колоритность. Моя попытка подняться на эту скалу не увенчалась успехом. Внизу ледника Обручева находится озеро. Если от него подняться в северо-восточном направлении на скалистый гребень, то открывается красивый вид на огромных размеров кар, в котором расположен ледник Ковальского. Каровый гребень над этим ледником изрезан скалами со значительными понижениями между отдельными массивами, особенно в северо-восточной части кара.

Следующая ремезовская вершина – Камен Голец (2). Я могу только присоединиться к единодушному мнению многочисленных авторов, считающих, что Камен Голец соответствует

современной вершине Пайер, расположенной примерно в 35 км южнее знаменитого Собского прохода через Уральский хребет. Собский переход успешно использовался как югричами, местным населением, так и новгородскими ушкуйниками в походах за сибирской мягкой рухлядь уже во второй половине XVI века. А уже в начале XVII века на реке Соби была устроена русская застава для сбора пошлин с провозимых товаров. Для путников, поднимающихся вверх по реке Усе, Камен Голец служил прекрасным ориентиром, так как он по высоте значительно превышал все окружающие его горы и был виден издали. «Поравнялся с Гольцом – пора сворачивать с Усы в Елец-реку». А один из истоков р.Елец практически вытекает из того же озера, из которого течет приток р.Собь, ведущей на Обь, в Сибирь. В наше время по Собскому проходу проложена железная дорога на Лабитнанги (на р.Обь), как ответвление от маршрута Москва-Воркута.

Следующая ремезовская вершина на чертеже ХЧК, л.117 не имеет собственного названия – просто Камень (3). Расположен этот Камень (3) в верховьях р.Ох. Такой гидроним не находится на современных картах. Учитывая, что две предыдущие ремезовские вершины, как и две последующие после обсуждаемой, располагаются около удобных переходов через Уральский хребет, я считаю логичным принять за ремезовский Камень (3) в верховьях р.Ох безумянную вершину около Хойлинского перевала. На этом перевале расположено небольшое озеро, вода из которого вытекает в двух прямопротивоположных направлениях. Р.Хойла несет свои воды на восток. А р.Большая Хойла устремляется на запад. К верховьям этим рек примыкает безымянная вершина. Уникальной географической характеристикой ее является точка пересечения линии Главного Уральского водораздела и Северного Полярного круга.

Следующий ремезовский Камень (4) показан в верховьях р.Войкар (ХЧК, л.117). Выше уже было отмечено, что ремезовские Камни обычно приурочивались к местам удобных переходов через Уральский хребет. А реки, стекающие в таких местах на восток и на запад, имеют одинаковые названия в основной их части. Современная р.Войкар получает свое название только после слияния рек Лагорта и Погурей. А в целом бассейн р.Войкар охватывает вдоль по Уральскому хребту участок длиной более сотни километров. И на этом участке имеется два древних перехода через Урал. Более северный, Лагортинской, проходит по рекам Большая Лагорта (восточная) и Лагорта (западная). И здесь вздымается скалистый массив Хордьюс. Более южный, Кокпельский переход, проходит по рекам, которые называются одинаково – Кокпела – как на восточном, так и на западном склонах хребта. В районе Кокпельского перехода все горы имеют небольшие высоты и отсутствует какая-то ярко выделяющаяся вершина. Пожалуй единственным надежным ориентиром для путника, поднимающегося вверх по реке Кокпеле (восточной), может служить одноименная гора Кокпела (764 м), расположенная при входе реки в горы. В одном из своих путешествий побывал я на этой вершине. На этот раз мы двинулись с севера на юг. Из долины р.Кокпела мы с полной походной выкладкой поднялись на гору Кокпела без каких-либо проблем. С вершины видны верховья р.Кокпелы (восточной), где она разделяется на несколько небольших речек, каждая из которых ведет к самостоятельному перевалу через Уральский хребет. Сориентироваться и найти нужный Кокпельский перевал – задача не из легких. Поэтому, думается, что в старину Кокпельский переход не пользовался большой популярностью. Побывал я и в районе Лагортинского перехода. Здесь ситуация намного проще. В верховьях р.Большая Лагорта делает резкий поворот и меняет направление течения с северо-восточного на южное. В этом районе в нее слева впадает из гор приток, текущий на юго-восток. Долина этого притока и образует сквозной проход через горы в р.Лагорта на западном склоне хребта. При этом сам перевальный участок имеет ярко выположенный вид. К югу от этого прохода поднимается горный массив Хордьюс. Так как он прекрасно выделяется среди соседних гор при взгляде с запада, из тундры, то, думается, он является хорошим репером при определении горного перевала. Поэтому, скорее всего под именем Камень 4 в верховьях р.Войкар имелся в виду именно Хордьюс.

Следующий ремезовский Камень (5) показан в верховьях реки Сыня. Истоки её с многочисленными притоками расположены вдоль Уральского хребта на расстоянии более 100 километров, от стремнин Лаптапая до бурлящей Колокольни. Здесь имеется две пары рек с одинаковыми названиями на восточном и западном склонах Уральского хребта, а именно:

- Чигим-Харута (восточная) и Чигим-Харута (западная);
- Колокольня (восточная) и Колокольня (западная).

Побывал я в верховьях этих рек. И там и там – узкие долины, смотрящиеся как пропилены в горах. В обоих местах – пологие перевальные участки в истоках. Название р.Колокольня русифицировано. А в имени р.Чигим-Харута угадывается хартум 'волок' из мансийского языка. Однако, в истоках р.Чигим-Харута не видно какой-то выдающейся по высоте вершины. В то же время в истоках р.Колокольня по обе стороны долины возвышаются две ярко выраженные на местности вершины с отметками высоты 1435 (южная) и 1365 (северная). Вероятно, обе эти реки служили указателями для переходов через Уральский хребет. Но каждая из них имела какую-то свою особенность.

На ремезовском чертеже ХЧК л.119 на вклейке в истоках р.Хулга обозначен «К.Ляпинский» (6). В истоках р.Хулги имеется единственная пара одноименных рек: Хайма (восточная, приток Хулги) и Большая Хайма (западная). Между ними – перевал Хайма, который при посещении мною оказался пологим и вытянутым с восточной стороны. Мы заночевали на перевале Хайма. Осмотр окрестностей

перевала показал, что в этом районе Уральский хребет уменьшается по высоте и образует пониженную местность длиной около 10 км с юга на север. В районе перевала выделяется, пожалуй, единственная вершина – гора Хайма (1030), которая расположена уже на западном склоне хребта. Она находится к западу от перевала в 7-8 км. Предположительно, только она может претендовать на ремезовский Ляпинский Камень (6).

В более южном, ныне именуемом, Приполярном Урале, на ремезовских чертежах не отмечены горные вершины. В верховьях р.Печоры нанесен «К.Тыслянской» (7), но на современных картах оронима с таким или подобным названием не удалось отыскать. Следующие оронимы на ремезовских чертежах зафиксированы на Северном Урале в районе Бабиновской дороги, соединяющей Верхотурье и Соль Камскую. Один из них – Косвинский Камень (8) – возвышается над красивой Кытлымской котловиной, с протекающей по ней р.Лобвой.

На Косвинский Камень я поднимался по двум разным маршрутам. Один из них проходил из поселка Кытлым сначала вверх по речке Северный Кытлыменок (ранее называлась р.Кытлым) до перевала в речку Логвинку, а затем – на юг на громаду Косвинского Камня. На вершине – плато, в западной части которого каменная сопка с высшей точкой горы. По второму маршруту по дороге из Кытлыма в Сосновку мы поднимались на плечо Косвинского Камня и далее на север на вершину.

Другая ремезовская вершина – Павдинский Камень (9) – расположена недалеко от поселка Кытлым. Если от последнего подняться до истока р.Лобвы (это примерно 15 км), то через простенький перевал попадаешь в верховья р.Павда. И в 7 км от перевальной точки на левом борту долины расположен Павдинский Камень (941 м). Собственно сама вершина ничем не примечательна. Мы прошли по ее подошве, не заинтересовавшись ее высшей точкой. Тем не менее в истории Урала топоним Павдинский Камень сыграл значительную роль. Дело в том, что в 1598 г была проложена новая государева дорога (Бабиновская) из Сибири в Москву, из Верхотурья в Соль Камскую. И эта дорога пересекала Уральский хребет в верховьях р.Павда. Несколько позднее появился поселок Павда. Из него прекрасно просматривается вершина Павдинского Камня. По имени горы стал называться и весь участок гор Уральского хребта в этом районе. Со временем даже далеко отстоящие от р.Павды горы в Уральском хребте стали именоваться Павдинским Камнем. Так. Например, в ремезовской СЧК на листах 71об-72 «Пермь Великая...» первая надпись «Павдинский Камень» нанесена в истоках р.Исеть, а вторая такая же надпись стоит в верховьях р.Косва. На другом ремезовском чертеже «Град Верхотурье» (СЧК, л.63об-64) топоним «Павдинский Камень» обозначен в трех местах: в истоках рек Туры, Каменки (Туринская) и Косвы. Таким приемом Семен Ремезов подчеркивал свое мнение о том, что большой отрезок Уральского хребта имеет обобщенное название – Павдинские горы. В итоге топоним «Павдинский Камень» в XVII-XVIII веках выступал конкурентом орониму «Камень Урал». Пространство Урал-Камня распространялось в южном направлении, а территория Павдинского Камня – в северном. Влияние последнего отразилось на картах. Так, например, на карте Тобольского наместничества, составленной в 1784 г, вдоль гор, показанных цепочкой холмиков, стоит надпись: «Поесовый Павдинский Камень называемый Урал» [1.154]. В конечном итоге, в этом противостоянии всеобщее признание получило название «Урал», «Уральские горы». А топоним «Павдинский Камень» сохранился за вершиной, расположенной в верховьях р.Павда, на Северном Урале.

Одной из ближайших вершин, расположенных южнее Павдинского Камня, является Ляпинский Камень, который упоминается на ремезовских чертежах (СЧК, лл.63об-64, 71об-72; ЧКС, №22) под именем «Подляпинский Камень» (11). Гора представляет собою относительно невысокую вершину, вытянутую по направлению близкому к север-юг. Гора имеет две вершинки: южная более высокая (851 м), а северная – более низкая (814 м). Расстояние между ними – около 2,5 км. Склоны Ляпинского Камня ныне несут следы многочисленных лесоразработок. Я не поднимался на Ляпинский Камень. Но он стал предметом обсуждения в моих статьях [1.148, 1.149]. Копаюсь в книгах, рассказывающих об истории и географии Урала, я обнаружил публикацию Алексева М.П., в которой он представил перевод дневника неизвестного автора, совершившего в 1666 г путешествие из Москвы в Сибирь, в том числе проехавшему в зимних условиях по Соликамскому тракту [1.150]. «Описание путешествия в Сибирь и далее внутрь страны» составил немецкий офицер, который в составе 46 иностранных офицеров, поступивших на русскую службу, под началом какого-то полковника, проехали к месту службы из Москвы до Тобольска. Имя офицера, составившего описание пути в Сибирь, пока остается неизвестным. Оригинал рукописи хранится в Копенгагене, в Дании, в «старом королевском собрании» в королевской библиотеке. Анализируя текст дневника немецкого офицера, я обратил внимание на необычное описание участка переезда путешественника через Уральский хребет. 16 февраля 1666 г конный караван выехал из деревеньки Верхняя Кырья, расположенной на западном склоне гор, вблизи перевала в Сибирь. Неизвестный офицер сделал об этом участке пути следующую запись: «... за три часа до зари, двинулись мы в путь через большой и густой лес, с одной горы на другую. Мы спустились по одной из них, по дороге, вплоть до земли и реки Ляля, которая тянулась на пять верст (что составляет одну милю), дорога сделана была по склонам горы, так как с нее нельзя было спуститься непосредственно вниз: с левой стороны была ужасно глубокая пропасть, и дорога шла прямо рядом с ней. С другой стороны этой долины стоит могучая высокая скалистая гора, слева же опять нет ничего, кроме гор и скал, которые,

благодаря тому, что они обросли лесом, похожи на черные тучи. Так приехали мы на упомянутую выше реку Лялю и ехали вдоль по ней около часу до четырех татарских юрт, которые расположены возле реки... через густой и очень холмистый лес, выбрались из него к вечеру в деревушку, состоящую из четырех дворов и называемую Мелехина...»

В этом описании ни разу не упоминается р.Павда. Получается, что в середине XVII века Бабиновская дорога пересекала Уральскую водораздельную линию в верховьях р.Ляля, а не р.Павды, куда путь был проложен позднее. Подтверждение сказанному имеются в дневнике немецкого офицера. Свои записи в тетради он делал в виде трех колонок. В средней колонке расположен текст описания. В левой колонке указываются названия характерных мест (городов, поселков, рек, гор), а также в ряде случаев, направления движения пути. В третьей колонке указаны расстояния между отдельными пунктами. В рукописи, напротив вышеприведенного текста, в левой колонке, сделаны пометы: «река Ляля» и «на юг». Эти пометы помещены напротив текста, рассказывающего о первом участке реки, в долину которой происходил спуск. Напротив текста, повествующего о втором участке описываемой реки, стоит помета «на восток». Следовательно, спуск с перевала проходил в реку, у которой начальный участок имел южное направление, а конечный участок – восточное. Такие пометы соответствуют реке с современным названием Полуденная Ляля, которая в верховьях течет на юг, а затем резко поворачивает на восток (местами даже на северо-восток). Рекой, описанной немецким офицером, не может быть р.Колодничная Ляля, так как она не имеет участка с восточным направлением. Тем более описанной рекой не может быть р.Павда, так как после перевала она сразу же имеет восточное направление. Кроме того, в левой колонке напротив рассматриваемого текста автор рукописи сделал ещё одну помету: «Глубокая долина». Эта помета соответствует записи в тексте описания: «с левой стороны была ужасно глубокая пропасть», и «дорога... тянулась на пять верст». Такие детали описания соответствуют реалиям только одной реки в этом районе – горе Лялинский Камень и р.Полуденная Ляля. Именно Лялинский Камень имеет длинный восточный склон, вдоль которого проходила описываемая дорога. Именно р.Полуденная Ляля в своих верховьях имеет долину, с направлением север-юг, а затем резко поворачивает на восток. Южное направление течения реки в истоках отражено даже в имени реки – Полуденная, то есть текущая на полдень (на юг). Таким образом, рассказ очевидца в середине XVII века сохранил информацию о том, что в то далекое от нас время государева дорога из Москвы в Сибирь пересекала Уральский хребет от истоков р.Кырья (на западном склоне) в верховья р.Полуденная Ляля. И только позднее тракт был перенесен на новое место – с выходом на р.Павда. Дневник немецкого офицера зафиксировал первое описание Лялинского Камня, записанное в 1666 г.

Ремезовский Ослянский Камень (10) нанесен на чертеж значительно западнее Уральской водораздельной линии, что соответствует реальности. Современная гора Ослянка (1119 м) располагается примерно в 30 км западнее Лялинского Камня, находясь примерно на одной широте с последним. Ослянский Камень вытянут с севера на юг примерно на 10 км, и ограничен притоками реки Косьвы, с севера рекою Большая Ослянка, а с юга – рекою Сухая. Мне не удалось побывать на Ослянском Камне. Но его я хорошо видел с горы Северный Басег (951 м), находящейся несколько южнее за рекой Усьвой. Оттуда Ослянский Камень смотрелся массивным куполом, резко возвышающимся над окружающим морем таежного леса.

Ремезовский Вилвенский Камень (12) оказался весьма загадочным. Сколько я ни пытался отыскать такой ороним на современных картах, но найти его так и не смог. На всех ремезовских чертежах, где указан Вилвенский Камень, название его записано одинаково. Но ни на одном чертеже не показана р.Вилва. Истоки современной р.Вильвы расположены значительно западнее Уральского водораздела и отделены от последнего широкой долиной р.Койва. Все мои попытки отыскать на современных картах Вилвинский Камень, пока, оказались безуспешными.

На роль ремезовского Камня Октай (13) могли претендовать вершины, расположенные в верховьях двух уральских рек. Одна – р.Актай – впадает в р.Туру около города Верхотурья. А истоки р.Актай расположены на восточном склоне Уральского хребта на расстоянии около 50 км от Главного Уральского водораздела. Другая – р.Ак-тай – является правым притоком р.Баранчи. Истоки р.Ак-тай находятся на линии Главного Уральского водораздела, разделяющего реки Ак-тай (восточная) и Кокуй (западная). При этом верховья р.Ак-тай «окружают» вершину, имеющую современное название «Кудрявый Камень» (565 м). Сопоставляя положение рек Актай и Ак-тай, я склонен считать, что ремезовский Камень Октай находится в верховьях современной р.Ак-тай и называется ныне – гора «Кудрявый Камень». Дополнительные соображения для подкрепления такого мнения изложены во второй части книги.

На нескольких своих чертежах С.Ремезов в верховьях р.Тагил записал слово Камень (14). Думается, что, скорей всего, ему соответствует современный Старик-Камень (755 м), входящий в вытянутый с севера на юг горный массив, состоящий из пяти вершин и расположенный недалеко от поселков Левиха и Карпушиха. Среди них Старик-Камень – наивысший. В северной части этого горного массива расположено болото, из которого воды текут в двух прямо противоположных направлениях: на восток – в р.Дикая Шайтанка, на запад – в р.Шайтанку. Поэтому, в старину, пересечение Уральского хребта по двум рекам Шайтанкам было удобно. Об этом говорит само за себя и название реки Шайтанка – это река удобная для перевального пути через горный хребет (об этом подробнее см. статью 1.454). А Старик-

Камень служил определенным ориентиром на таком пути. На Старике-Камне я бывал неоднократно, и зимой, и летом. Особенно вспоминаются студенческие походы на Старик-Камень, куда «упята» (так называли тогда туристов УПИ – Уральского Политехнического института) приходили на майские праздники по несколько групп от всех факультетов, в том числе и моего физико-технического. Около скал Старика-Камня разбивался палаточный лагерь. Проводились небольшие спортивные соревнования. А вечером – большой костер, песни, пляски. И эффектные прыжки через костер. Впечатления от пребывания на Старик-Камне – самые теплые и яркие, даже спустя десятки лет.

На ремезовском чертеже в верховьях р.Тагил указан «К.Деснец» (15). Однако, такое название на современных картах я не смог отыскать.

В истоках р.Нейвы Семен Ремезов на одном из своих чертежей сделал надпись «Камен» (16). В этом районе исток р.Нейвы сближается с многочисленными верховьями р.Шишим, образуя простенький перевальный участок в районе поселка Тарасково. Здесь между верховым ручьем, образующим далее р.Нейву, и озерами в верховьях р.Восточный Шишим находится равнинный участок длиной всего около 2 км. Далее вниз по р.Восточный Шишим следует путь до р.Чюсвы, на западный склон Уральского хребта. Традиционно, около удобного перевального пути через Главный Уральский водораздел должен быть горный ориентир – «Камен». Предположительно, таким горным знаком могла быть гора Караульная (462 м), у подножия которой и располагается поселок Тарасково.

На л.29 ХЧК С.Ремезов изобразил «Вершину Ницы». На этом чертеже западнее озера Аятского он обозначил «Камень Аят» (17). На современных географических картах не удастся отыскать ороним с таким названием. Какую вершину в старину именовали Аятom остается неизвестным.

Весьма интересна ситуация вокруг названия «Камен» в истоках реки Исети. На л.44об-45 в СЧК вдоль правой боковой кромки чертежа «Степь оттуда приход бывает под слободы воинских людей» показана череда холмиков от истоков р.Тобол до верховья р.Туры. Около холмика, изображенного в верховьях р.Исети, стоит надпись «Камен». Кроме того, в вершине р.Течи имеется надпись «Камен Урал», а истоках р.Тагил – «Камен». При этом все эти три надписи изображены поперек цепочки холмиков. Глядя на этот чертеж, может сложиться впечатление, что словом «Камен» обозначены три различных горных вершины. Однако, на другом ремезовском «Чертеже Тобольского и Верхотурского уездов...» (ХЧК, л.165 об) аналогичной цепочкой холмиков изображен примерно такой же участок гор – от Мияса до Тагила. И, что любопытно, название «Камень» записано вдоль цепочки холмиков. Именно этот факт свидетельствует о том, что здесь под названием «Камень» понимается сравнительно длинный участок гор, а не отдельные горные вершины. На чертеже в верховьях р.Исети стоит надпись: «Река Исеть течет из Камени из многих озер и болот». Таким образом, не стоит пытаться в верховьях р.Исети отыскивать гору, соответствующую ремезовскому «Камени». «Камень» в рассматриваемом районе представляет собою горный хребет, а не отдельную гору.

На л.67об-68 СЧК приведен чертеж «Изящное вновь начертание граду Кунгуру и всему Кунгурскому уезду», на котором имеются оригинальные записи: «Камен Волчей горы, в нем магнит и сера горячая» (19) и «В Камени берут руду». Первая запись помещена на левом берегу р.Чюсвы напротив устьев правых притоков «Исток Половинный» и «Билимбаиха», а вторая – на правом берегу р.Чюсвы между указанными ее притоками. Однако, около указанных надписей не имеется знаков горы – холмика. Но в излучине р.Чюсвы, выше (против течения) рассматриваемых надписей, нанесены на чертеже три холмика, у которых нет названий. Думается, что надписи относятся к этим холмикам, но надписи смещены на свободное место чертежа, так как около холмиков надписи не могли разместиться. Здесь, несомненно, идет речь о современной горе Волчихе. Действительно, на одном склоне ее находится железорудное месторождение и стоит современный поселок Магнитка. А на южных отрогах, по другую сторону р.Чюсвы имеется медное месторождение, ныне практически полностью отработанное, в районе города Дегтярска. На вершине горы Волчихи имеются скалы, на которых я неоднократно участвовал в соревнованиях по скалолазанию. Под южным отрогом горы Волчихи ныне проложен туннель, по которому грохочут железнодорожные составы. Таким образом, гора Волчиха известна с начала XVIII века и впервые ее нанес на карту Семен Ульянович Ремезов.

На нескольких ремезовских чертежах имеется надпись «Слюдные горы» (20). Но места расположения на чертеже этого оронима оказались различными. Интересно было проследить как изменялось положение «Слюдных гор» в представлении Семена Ремезова в зависимости от времени получения информации о «Слюдных горах». С.Ремезов изобразил на своих чертежах информацию о «Слюдных горах», полученную из двух чертежей, составленных по доезду И.Полозова в 1695 г. На одном из них «Чертеж мера Исецким слободам» (ХЧК, л.165) «Слюдные горы» нанесены в верховьях р.Уй. А на другом «Чертеже межевой башкирской земли слободам» (СЧК, л.49об-50) «Слюдные горы» обозначены около верховьев р.Мияс в районе озера Чебаркуль. Составляя в 1696 г свой чертеж «Вершина Тобола реки» (ХЧК, л.23) Ремезов, вероятно, не решив отдать предпочтение ни тому, ни другому положению Слюдных гор на полученных им чертежах по доезду И.Полозова, нанес «Слюдные горы» в двух местах: и в истоках р.Уй («Слюдные горы») и в районе верховьев р.Мияс («Избы у слюдяного промысла. Слюдные признаки в горах»). Кроме того, Ремезов, вероятно, был знаком с документами о слюдных промыслах, проведенных в 1690-1691 гг. Известен документ, в котором записано, что «посланы из Тобольска за Чюмляцкую слободу к Слюдной каменной горе для слюдного

промысла тобольской сын боярской Яков Тутолмин да приказные палаты подъячей Федор Михеев и велено тем Якову и подъячему взять в Шадринской слободе прежнего кузнеца, который был в прошлом во 198 [1690 – КВГ] году у слюдного промыслу, Афонку Подкорытова с кузнечною снастью...» [1.148]. Составляя в 1699 г «Чертеж вновь Великопермские...» в составе ЧКС, Ремезов уточнил положение «Слюдных гор» и показал их в районе верховьев р.Теча и озера Увелга (современное название Увильды), расположив «Слюдные горы» в истоках трех речек впадающих в озеро Увелги (ЧКС, №22 и СЧК, л.71об-72). Позднее, в 1703 г, составляя Кунгурский чертеж, Ремезов подтвердил расположение Слюдных гор к западу от озера Увелги (ХЧК, л.67об-68), сделав на своем чертеже надпись: «Слюдные горы. Имеются слюдные признаки». Любопытно, что название этого оронима (Слюдные горы) сохранилось до нашего времени в имени поселка «Слюдорудник», расположенного в верховьях р.Кыштым, примерно в 10 км к юго-западу от города Кыштыма. Моя профессиональная деятельность однажды прикоснулась к ремезовским Слюдным горам. На окраине города Кыштыма стоит маленький заводик, который был построен для производства мелкозернистого пьезокварца. А сырьевая база для этого производства находится на одной ныне безымянной вершине в районе современного поселка Слюдорудник. Неоднократно ползал я по склонам этой вершины, выбирая образцы породы для исследований в своей лаборатории.

Более десятка раз ороним «Камень Урал» (21 и 22) встречается на ремезовских чертежах. Но место их расположения на картах не одинаково. Анализ мест их нахождения привел меня к любопытным результатам. Два наиболее ранних ремезовских чертежа выполнены в 1696 г во время сбора Ремезовым данных для составления общего чертежа Сибири, в период его поездок по разным районам Урала. На чертеже «Вершина Тобола реки» (ХЧК, л.23) ороним «Камен Урал» нанесен между верховьями рек Мияс и Уй. На этом же чертеже, но в другом месте, около слияния рек Тасма и Сорока, уже на западном склоне хребта, стоит надпись – «Урал. Серебряные руды». Несомненно, такая информация была получена Ремезовым из документов, связанных с поисками серебряной руды командой во главе с Хитрово (об этом см. выше). Здесь следует видеть различие в содержании этих двух названий на одном и том же ремезовском чертеже. «Камен Урал» - это конкретная уральская вершина. А «Урал. Серебряные руды» - это некий обобщенный участок Уральских гор, в котором были проведены поиски серебряной руды. При этом Ремезов четко и точно отобразил на своем чертеже документальную информацию: «Урал», как район, где совершены были поиски серебряной руды, находился «за» «Каменем Урал», т.е. на западном склоне гор, что и отображено на ремезовском чертеже. Но на другом чертеже «Еик бик пишется...» (ХЧК, л.114), изготовленном в том же 1696 г, судя по всему, по расспросам бывальцов и знатцов», топоним «К.Урал» показан значительно южнее, по сравнению с предыдущим чертежом: в верховьях рек Тобол, Еик и Белая. Вероятно понимая возникшее противоречие по месту нахождения «Камня Урал», Ремезов продолжил опрос знающих людей и уже в начале 1697 г пришел к третьему оригинальному решению, отображенному на трех своих картах. Предварительно напомним, что в то время Уральские горы в целом на картах изображались в виде изогнутой дуги, отрезок которой, начинаясь в южной части от верховьев рек Тобол и Еик, уходит примерно в восточном направлении. На чертеже «Таков написан и послан к Москве...» (ХЧК, л.163), изготовленном в марте 1697 г, топоним «Камен Урал» нанесен именно на этой восточной ветви гор, между истоками р.Иргиз, текущей уже в юго-восточную сторону. Такое новое местоположение «Камня Урал» Семен Ульянович подтверждает еще на двух своих картах. На «Чертеже всей безводной и малопроходной каменной степи», изготовленном 20 марта 1697 г и вошедшем в состав ЧКС (№20), вдоль восточной ветви гор стоят две надписи: «Оурал Камень» и «Камень Оурал». Наконец, на третьем «Чертеже всех с камней потоки рек...» (СЧК, л.51об-52), выполненном в первой половине 1697 г, аналогично предыдущему чертежу, вдоль восточной ветви гор стоят такие же надписи: «Камень Оурал» и «Оурал Камень». Тем не менее, Ремезов продолжал сбор информации о «Камне Урал» и, получив новые сведения, уже в августе того же 1697 г он на двух своих картах обозначает «Камен Урал» в другом месте. На чертеже «Часть Сибири тщательное изображении...» (СЧК, л.28об-29), выполненном 15 августа 1697 г, «Камен Урал» нанесен между верховьями рек Мияса и Течи в районе озера Увелги. На другом «Чертеже Тобольского города...», вошедшем в состав «Чертежной книги Сибири» (№2) и составленном в августе 1697 г, «Камен Урал» показан также в верховьях р.Течи. Наконец, находясь в Москве, Семен Ульянович изготовил «Чертеж всех сибирских городов, и рек, и земель...» (ЧКС, №21), который был «писан на Москве в Сибирском приказе со всех свозных городовых чертежей в 207-м (1698) году сентября 18 день». На этом чертеже «Камен Урал» показан также в районе верховий р.Течи с некоторым смещением к северу, в районе истоков правых верхних притоков р.Исеть. Отмечу ещё одну характерную деталь. На этом московском чертеже Ремезов вдоль восточной ветви гор не преминул все же написать слово «бугры», как бы, вспоминая тот факт, что на нескольких своих предыдущих чертежах он именно здесь показывал «Камень Оурал». В более поздних ремезовских чертежах положение «Камня Урал» устойчиво показано именно в верховьях р.Течи в районе озера Увелги. Располагая обсуждаемый Камень Урал на восточной ветви гор, Семен Ульянович чаще писал топоним с буквосочетанием Оу вместо буквы У. Такое написание было характерно для ремезовских чертежей. Аналогично форме Оурал записаны: Оуй вместо Уй, Оуфа вместо Уфа, Оутка вместо Утка и др. Но может быть в форме «Оурал Камень» скрыт какой-то особый смысл?

Ремезовский топоним «Камень Урал» сохранился до нашего времени и на современных географических картах он называется «Уральский хребет». Расположен он между городами Златоуст и Миасс и представляет собою небольшой хребет, вытянутый в направлении примерно север-юг на длину около 20 км. Хребет имеет несколько возвышений. С запада он долиной р.Малая Тесьма отделен от Таганайских хребтов (Малый, Средний и Большой), а с востока его отделяет от хребта Малый Урал долина р.Куштурма с левым притоком Сухокаменки. В южной части Уральского хребта находится «Уральская сопка», а северная вершина его носит название «Острая». В районе южной оконечности «Уральского хребта» проходит железная дорога, пересекающая горы. А севернее к «Уральскому хребту» примыкает хребет Ицыл. Побывал я на «Уральском хребте» в его северной части. Наш маршрут проходил через хребет Большой Таганай и гору Ицыл и далее на «Уральский хребет». Особенно запомнился длинный и крутой спуск по восточному склону «Уральского хребта» в долину р.Сухокаменки. А далее – к одной из жемчужин Южного Урала – к озеру Тургояк. Есть совсем ближний путь – железнодорожная станция Уржум расположена практически на южных отрогах «Уральского хребта». От нее, на север, можно совершить траверс всего этого «Уральского хребта».

Бывал я и на других географических объектах, упомянутых на ремезовских чертежах в районе Камня Урал. На озере Увелги (Увильды) неоднократно отдыхал я, увлекаясь рыбалкой и удивляясь прозрачностью озерной воды. В Златоусте посетил краеведческий музей. Удивлялся расположению домов в этом городе, поднимающихся ступенями по крутым склонам долины р.Ай. Запомнилось, как зимой, на крутом южном выезде из города в сторону уфимской трассы, пришлось вытаскивать автомашину. В районе озера Чебаркуль неоднократно участвовал в соревнованиях по спортивному ориентированию.

На трех ремезовских чертежах показана гора Караташ (23). На двух ранних чертежах 1695 г взаимоотношение «Горы Караташ» и «Слюдных гор» показано по-разному. На «Чертеже межевой башкирской земли слободам...» (СЧК, л.49об-50) «Гора Караташ» расположена южнее «Слюдных гор». А на «Чертеже мера Исецким слободам...» (ХЧК, л.165), наоборот, «Слюдные гор» оказались южнее «Горы Караташ». Позднее, Семен Ремезов уточнил расположение «Горы Караташ» и на всех последующих его чертежах «Гора Караташ» размещается южнее «Слюдных гор» (например чертеж «Пермь Великая», СЧК, л.71об-72), тяготея к истокам рек Уй и Еик. В Башкирии ныне имеется несколько вершин с названием «Караташ». Даже известен хребет Каратау. Учитывая, что ремезовская «Гора Караташ» расположена по соседству с истоками Уй и Еик, следует ее («Гору Караташ») ассоциировать с современной горой Караташ, расположенной в хребте Уреньга. С восточных склонов этой горы Караташ стекают притоки верховий реки Ай. А в 20 км восточнее горы Караташ расположены истоки рек Урал (Еик) и Уй. Как-то, в хорошей компании спутников, я совершил траверс хребта Уреньга, от города Златоуста до широты озера Зюраткуль. Но на горе Караташ мне побывать не довелось.

На четырех ремезовских чертежах имеется ороним «Горы Арменские» (24). И во всех случаях эти Арменские горы показаны в верховьях реки Белой. На современных географических картах мне не удалось найти название таких гор. Может быть это какой-то фантомный топоним? Об этом можно говорить учитывая тот факт, что на более позднем Кунгурском чертеже Ремезов не показал Арменские горы. В порядке предположения смею высказать мысль о том, что «Арменские горы» могут быть искажением от реальной горы Ирмель, расположенной действительно в верховьях реки Белой.

На ремезовском чертеже «Еик ык пишется...» (ХЧК, л.114) нанесена гора Юрюк (25) с дополнительными надписями: Из нея вытекли 3 реки; р.Иргыз на восток; р.Гем на полдень; река Вор «течет в ночь». На карте имеется ещё одна запись: «Течет с Юрюком горы». Она надписана в верховьях реки Излей. Первая часть трех надписей – «Гора Юрюк. Из нее вытекли 3 реки» - написана вдоль гряды холмиков, вытянутой в направлении север-юг. А остальные три надписаны вдоль показанных на чертеже реках. Горе Юрюк, без сомнения, соответствует на современных географических картах гора Айрюк, расположенная в Мугоджарах, являющихся самым южным участком всего Уральского хребта. Упоминание горы Юрюк на ремезовских чертежах встречается только однажды – на указанном чертеже. Отмечу, что на этом чертеже указаны еще три горы:

«Гора Тузтебе соль ломают» расположена ниже впадения реки Сунгурлук в реку Излей, к западу от последней.

«Гора без прозвания».

«Горы...» (название нечитаемо)

Побывал я на горе Айрюк весной. Сама гора имеет две куполообразных вершины. Вверху склоны горы покрыты мелкими камешками. А внизу – травянистая растительность с яркими и сочными цветами.

Наконец, рассмотрим головоломку, связанную с оронимом «Аральтова гора» (27). Это название широко обсуждалось на протяжении почти четырех столетий. Однако, в немалом числе опубликованных работ до сих пор не удалось представить убедительное определение места расположения этой легендарной горы (а может быть не горы, а хребта?).

Топоним Аральтова гора пять раз упоминается в тексте КБЧ. Вот эти пять фраз [1.50]:
-«А река Белая Воложка вытекла от реки Юрюк Самар, от Аральтовы горы от реки Яика».

-«А усть реки Белья Воложки и по реке по Уфе, по обим сторонам и до Оральной горы и далее все живут башкирцы».

-«А выше Изле реки, конец Оральной горы, пала в Яик река Вор из горы Урака».

-«Река Яика вытекла поровень с Оральной горою против верховьев Табола реки».

-«А сверху реки Яика пала в реку Яик река Юрюк-Самар, по нашему Резвая, протоку 350 верст, пала в Яик против Оральной горы с правые стороны».

Исходя из этих текстов, на первый взгляд, трудно однозначно определить место расположения Оральной горы. Район размещения ее каким-то образом связан со следующими географическими точками:

- истоки рек Белой Воложки и Уфы (предположительно);

- устье реки Вор (современное название р.Орь);

- верховья рек Табол (современное название р.Тобол) и Изле (современное название р.Илек);

- устье реки Юрюк-Самар (современное название р.Сакмары).

Такая информация не позволяет объективно сопоставить Оральную гору с каким-либо современным оронимом. Поэтому неудивительно, что авторы, рассматривающие проблему Оральной горы, высказывали различные мнения о месте ее расположения. Татищев В.Н. в своей «Истории Российской» в первой половине XVIII века записал, что Оральная гора «из татарского Уралтау испорчено». И далее: «...Поясные горы или Урал...разделяют Азию с Европой, Сибирь с Печорою и Пермью, от вершин Яика поворотившие к востоку до вершин Тобола – Киштык или Счербинные, от Тобола до Оби – Алтай, далее Саян». [1.49]. В другой своей работе «Россия или как ныне зовут Россия» Татищев подтверждает свое вышеизложенное мнение, записав: «...горы Пояс земляной, татарский Урал то же значит... Сими до вершин Яика и Самары, где они на двое разделились: одни пошли на восток, окружая Сибирь до Китая... другая часть пошла по Самаре и Яику... до моря Каспийского». И в другом месте этого географического труда: «...горы, по древним Рифейские, татарской Урал, по русски Пояс именуемые... до вершины реки Самара продолжаются, откуда они прямо на восток к морю Японскому поворотили» [1.48]. Аналогичное мнение, с некоторыми уточнениями, во второй половине XVIII века высказал П.И.Рычков в своем труде «Топография Оренбургской губернии»: «... Уральские горы... не вступая ещё в пределы Оренбургской губернии разделились они на три части. Первая лежит на вершине Белой и Яика рек и чрез всю Башкирию, между рек Яика и Самары... Вторая часть Уральских гор пошла от вершин Яика реки к Полудню... Третье и наибольшее оных гор ответвление есть к востоку чрез Киргизскую степь... прямо к Иртышу... и соединяется в Зюнгорском владении с Алтайскими горами» [1.122]. При этом Рычков сообщает, что различные участки восточного горного ответвления имеют разные названия:

- от вершины Яика на восток называются Кичик или Малые;

- кряж гор, начинающийся между Яицких и Тобольских верховий рек и простирающийся до истоков рек Ишим и Сарасу, именуется Алгынским или Алгыдын-Жано;

- горы, из которых вышла река Ишим названы Эремейскими;

- горы между реками Ишим и Иртыш носят название Кукчинские;

- горы, расположенные в верховьях реки Иртыш – Алтай.

Спасский Г.И., публикуя в 1849 г КБЧ, считал, что «Оральная гора то же, что и Арал-тау, горный хребет, простирающийся к Аральскому морю» [1.55]. Макшеев А. в своей статье «Географические сведения Книги Большого чертежа о киргизских степях и Туркестанском крае», опубликованной в 1878 г, принимал, что Оральная гора представляет собою часть Уральского хребта, которая тянется вдоль правого берега р.Урал и оканчивается Губерлинскими горами [1.56]. Идею Макшеева развили современные исследователи, внося некоторые уточнения. Так, например, Абзалов Р.М. и Фаткуллин Р.А. Оральной горой считали участок современного Уральского хребта от параллели города Верхнего Уфалея на севере до нижнего течения р.Сакмары [1.59]. Ястребов Е.В. считал, что Оральная гора входит в орографическую структуру Уральского хребта, но является отдельной его частью, обособленной от Камени (см. рисунок 1.11). Крайними пунктами Оральной горы он считал: северный – истоки р.Яик, южный – устье р.Орь. В итоге, Ястребов пришел к выводу о том, что Оральная гора «(точнее, большая ее часть) территориально совпадает с хребтом Уралтау» [1.2].

Все выше поименные авторы дружно размещают Оральную гору по правую (по течению) сторону р.Урал. Я же смею в этом усомниться.

В 1675-1678 гг Спафарий Н.Г. ездил в качестве российского посла в Китай. По возвращению в Москву он в порядке отчета о посольстве составил несколько обширных описаний, а также чертеж Сибирского царства от Тобольска до Китая. В одном из своих описаний он записал: «... а от верха Тобол реки от востока под западную сторону потекла река Яик подле Оральной горы, а на низ плывучи, Оральная гора на левой руке» [1.42]. Сам Спафарий по р.Яик не плывал. Он сделал эту запись либо со слов тобольских знатцов, либо по документу, составленному ими. Сибирские служилые люди во второй половине XVII века уже владели достоверной информацией о верховьях рек Яик и Тобол и перепутать левую и правую сторону на р.Яик вряд ли могли.

Таким образом, возникает явное противоречие между вышеуказанными исследователями и тобольскими бывальцами. Для устранения такого противоречия требуются дополнительные данные о месте расположения Аралтовой горы.

Прежде всего, я обратил внимание на тот факт, что все авторы, обсуждающие вопрос об Аралтовой горе, оставили без внимания географические труды С.У.Ремезова. А именно в его чертежах (картах) удалось найти недостающую информацию о месте расположения Аралтовой горы.

Сначала рассмотрим вопрос – был ли знаком Ремезов с КБЧ? Он составил три уникальных географических труда: ЧКС, ХЧК и СЧК. Они представляли собою сборники чертежей-карт того времени, с дополнительными текстами. В их названиях слово «книга» в определенной мере перекликается с названием «Книга Большому чертежу». Гольденберг Л.А. в своей монографии о С.Ремезове [1.57], перечисляя материалы и источники, использованные Ремезовым для составления чертежей и карт, входящих в его географические атласы, напрямую не упоминает КБЧ. Но в другом месте монографии он вспоминает мнение, высказанное Федчиной В.Н. [1.58]. Она по району Средней Азии установила удивительное совпадение наименований географических объектов и расстояний между ними на ремезовской копии чертежа Сибири, созданном в 1687 г, и в тексте КБЧ. На основании установленного сходства указанных названий Федчина сделала вывод о том, что Средняя Азия была изображена на Большом Чертеже так же как она показана на ремезовском чертеже Сибири 1687 г. Считая такой вывод ошибочным Гольденберг пишет, что «И Ремезов и Спафарий для показа на своих чертежах территории Средней Азии использовали текст КБЧ. По «Книге...» же достоверно известно только в какой последовательности и какие географические показатели описаны в 1627 г, но никто пока ещё не мог увидеть или доказать, как и в какой географической манере они были показаны в том же году на Большом чертеже.» То есть Гольденберг считает указанное мнение Федчиной ошибочным, но в то же время, не приводя каких-либо обоснований, допускает мысль о том, что Ремезов на своих чертежах использовал текст КБЧ.

Подобную ситуацию мне удалось установить при анализе чертежа «Еик ыик пишется...», находящегося в составе ремезовской ХЧК на л.114 (см. рисунок 1.12). Сопоставляя названия топонимов, записанных на этом ремезовском чертеже р.Еик с текстом описания р.Яик в КБЧ, невозможно не прийти к выводу о том, что они совпадают на 90 % (по моей оценке). Совпадают названия и последовательность притоков, а также длина ряда последних. Приведу примеры. На чертеже строго соблюдается последовательность правых притоков: Юрюк Самар, Трюгун Самар, Салмыш (на чертеже Камыш) Самар, три реки Дюдгил, три реки Ишсурклы (на чертеже Шуралы), три реки Дусчи и др. Создается впечатление, что смотришь на Большой чертеж и перемещаешься вниз по р.Еик, отмечая притоки. Указаны одинаково длины рек, в верстах: Юрюк Самар – 350, Трюгун Самар – 100, верхний Дюдгил – 70, нижний Дюдгил – 190. Одинаковы расстояния между устьями рек, Трюгун Самар и Салмыш-Сакмар – 60 (верст). Одинаково показаны длины рек: Салмыш Сакмар и Средний Дюдгил. Одинаковы следующие записи: «гора Тюзтебе... ломают в ней соль», «гора без прозвища», «гора Юрюк длина 90 верст, из нее вытекли 3 реки, река Вор течет в ночь, р.Гем на полдень, р.Иргыз на восток» и др. Одинаково упоминаются пески Барсукум и Каракум. Вышеперечисленные совпадения информации в КБЧ и на ремезовском чертеже убедительно позволяют считать, что С.Ремезов был знаком с КБЧ. При этом на чертеже Ремезова указаны и дополнительные географические показатели: два левых притока р.Яик, расположенных выше р.Вор, названных Малый и Большой Кизил (эти названия на современных картах относятся к правым притокам р.Урал); показан город Гурьев, отсутствующий в разделе р.Яик в КБЧ; нанесена р.Узень, не упоминаемая в КБЧ в разделе «река Яик» и др. Любопытная деталь: на чертеже имеется надпись «гора Юрюк от Синего моря...», но на самом чертеже море именуется Аральским.

Напомню, что Гольденберг отрицал возможность изображения Средней Азии на ремезовском чертеже Сибири 1687 г в таком же виде, как она была изображена на Большом чертеже. Такое его мнение можно было бы перенести и на ремезовский чертеж «Еик, ыик пишется...». Однако, здесь у меня возникают сомнения. В КБЧ указаны длины большинства рек, но отсутствуют данные о направлениях течения. В КБЧ упоминаются горные хребты. Но остается не ясным в каких направлениях они протягиваются. То есть, используя только тексты КБЧ нельзя показать направления течения рек. Нельзя изобразить взаимоотношения рек и горных хребтов. Поэтому Ремезов для изображения своего чертежа «Еик, ыик пишется...» должен был иметь перед собой какой-то образец. Вероятно, Ремезов пользовался каким-то чертежом, на котором были показаны места основных географических пунктов и их взаиморасположение между собой. Об этом же косвенно говорит и прямоугольная сетка линий, имеющаяся на ремезовском чертеже, которую обычно в старину использовали для создания копий чертежей «по клеточкам». Учитывая многократное совпадение названий на ремезовском чертеже «Еик, ыик пишется» с таковыми же в КБЧ, думается, что Ремезов этот свой чертеж выполнил по какой-то копии участка Большого чертежа. Судя по всему, такая копия была архаичной. У Ремезова имелись карта Сибири 1667 г (так называемый годуновский чертеж) и карта Спафария (его поездки в Китай) от 1678 г, на которых однозначно течение р.Еик показано в южном направлении. На ремезовском же чертеже «Еик, ыик пишется» р. Еик показана текущей на юго-запад. Думается, это противоречие можно объяснить единственным способом: Ремезов для района р.Еик использовал какую-то копию карты этого района, генетически связанную с Большим чертежом и по содержанию с более древним временем, чем время

создания Ремезовым своих чертежей. При этом в старые чертежи Ремезов вносил отдельные новые данные. Так например, на чертеже «Еик, ыик пишется» он в верховьях р.Еик обозначил «Камень Урал», о котором нет ни слова в КБЧ.

Таким образом, с большой вероятностью можно сделать вывод о том, что Ремезов:

- был знаком с текстом КБЧ;

- имел какую-то копию чертежа участка района верховьев рек Яик, Тобол, Ирғиз, отражающего непосредственно этот же район на самом «Большом чертеже».

Анализ ремезовских чертежей, на которых был представлен Уральский хребет, показал, что он (хребет) изображался повсеместно одинаково, с однозначной характерной деталью – хребет в верховьях р.Яик имел крутой поворот и изменял направление с юг-север на восточное. Эта характерная деталь соответствовала представлению о хребте, изображенном на карте Спафария. Однако, на разных ремезовских чертежах такая восточная ветвь горного хребта именовалась по-разному. На чертеже «Изящное вновь начертание граду Кунгуру» (СЧК, л.67об-68) истоки р.Тобол показаны расположенными в восточной горной ветви. И в верховьях р.Тобол стоит надпись: «С Камени чрез три озера прошел», чем фиксируется название этой восточной ветви в форме «Камень». Можно предположить, что название восточной гряды гор в виде «Камень» Ремезов на некоторой стадии своих картографических работ заимствовал из текстов, составленных Спафарием, который, описывая верховья р.Иртыш и его верхних левых притоков, размещал их в восточной горной ветви, именуемой «Камень». Тогда будущий Уральский хребет, как на участке с направлением север-юг, так и на восточной ветви именовался одинаково: тот и другой имели название Камень.

На л.1 ХЧК, характеризуя пути по р.Тобол в Средняя Азию, Ремезов записал: «...И вверх по Тоболу слободами, и башкирскою дорогою по вершинам речек Абуга, Караталов и Торгаев чрез Камень, Каменем и степью до Казачьи орды на Сырт реку до города Тефтиханова именуется также Каменем».

В КБЧ не упоминается «Камень Урал». А на ремезовских чертежах ороним «Камень Урал» упоминается многократно и в основном он размещается в районе верховий рек Мияса и Течи. С другой стороны ороним «Камень Урал» на нескольких ремезовских чертежах записан на восточной горной ветви, упомянутой выше. Так на чертеже «Таков послан к Москве...» (ХЧК, л.163) на восточной ветви стоит надпись «Камень Урал». На «Чертеже всех с камней потоки рек имены наличия снискательно бывалцы и уроженцы» (СЧК, л.51об-52) и «Чертеж всей безводной и малопроездной каменной степи» (ЧКС, №20) однотипно вдоль восточной гряды гор имеются две надписи- «Оурал Камень» и «Камень Оурал». Ещё на одном ремезовском чертеже «Еик, ыик пишется...» (ХЧК, л.114) на западной окраине восточной ветви гор стоит надпись – «К.Урал». В результате, Ремезов на каком-то этапе своих картографических трудов горный хребет от широты городов Златоуст-Миасс до истоков рек Яик и Тобол и далее по восточной ветви представлял единым горным хребтом, именуемым «Камень Урал».

А далее – что весьма любопытно – именно эта восточная горная ветвь на нескольких ремезовских картах поименована «Аралтовою горой». На двух ремезовских чертежах – «Пермь Великая...» (СЧК, л.71-72) и «Чертеж в пополнок прежнему...» (ХЧК, л.146) – Ремезов в верховьях рек Еик и Тобол поставил однотипные надписи – «Горы Аральтовы» и «Гора Аральтова». Еще на одном чертеже «Еик, ыик пишется...» (ХЧК, л.114) стоит надпись «конец Аральтовы горы», написанная в истоках левых притоков р.Иртыш, значительно восточнее верховьев р.Тобол.

Все указанные чертежи были созданы в один и тот же период времени – последняя четверть XVII века. Таким образом, восточная ветвь гор на различных ремезовских картах именовалась по-разному – Аралтовы горы, Камень Урал и Камень. В чем же тут дело?

Топоним Аралтова гора Ремезов несомненно заимствовал из КБЧ, в которой отсутствовал ороним «Камень Урал». Последний, Ремезов, вероятно, воспринял из рассказов «бывальцов и уроженцев» тех мест. Получая разнородные сведения о названии восточной горной ветви – то «Камень», то «Камень Урал», то «Аральтова гора» - Ремезов попытался даже объединить эти названия. На л.10 в ХЧК, характеризуя р.Тобол, он записал: «Река Тобол пала устьем в Иртыш прямо против Тобольска со среднего западу... вытекла верховием с Камени Уральтовых гор, сквозь многие озера зачала тещи...». Здесь Ремезов в названии «Аральтова гора» начальную букву А заменил на букву У (от слова Урал). Такую замену можно расценивать как попытку объединения разных названий одних и тех же гор.

После некоторых продумываний такой ситуации нашлась ниточка-зацепочка. Оказалось, что на ремезовских чертежах истоки рек Еик (Урал) и Тобол размещаются примерно на одной широте. А в реальности истоки этих рек по широте отстоят друг от друга на 350 км. Поэтому на ремезовских картах верхний меридиональный участок р.Еик вместе с сопутствующими ему горами, как бы выпадал из рассмотрения и не фиксировался на картах. По рассказам знатцов Камень Урал находился по соседству с истоками р.Еик. Поэтому название Камень Урал на ремезовских чертежах было отнесено и к горам, уходящим на восток. В этот же период времени, на других ремезовских чертежах, получив более достоверные сведения, Семен Ульянович «Камень Урал» разместил значительно севернее. Так, например, на чертеже «Вершина Тобола реки» - в истоках р.Тасма; на «Чертеже земель Тобольского города» - в верховьях рек Мияса и Течи; на «Чертеже всех Сибирских городов» - в истоках правых верхних притоков р.Исети и др. Такое противоречие можно объяснить тем, что географическая информация поступающая к Ремезову о районе истоков рек Тобол, Еик, Уй, Мияс была ненадежной и

противоречивой, что и отражалось на его картах. Но, что весьма любопытно, в реальности от Камня Урал (современное название «Уральский хребет») в южном направлении отходит два хребта (см. рисунок 1.37). Один – относительно высокий – формируется хребтами, ныне именуемыми – Уреньга, Уралтау и Ирландык. Все они располагаются западнее верхнего меридионального участка р.Еик (р.Урал). Эти три горных кряжа нигде не фигурируют в ремезовских чертежах. О них Ремезов, вероятно, не имел известий. Второй хребет – относительно низкий – образует водораздел между бассейнами рек. Еик (Урал) и Тобол в верхних частях их течений. Этот хребет располагается восточнее верхнего участка р.Урал (вспомним, что о таком взаиморасположении писал Спафарий!). Именно этот хребет, протянувшийся до истоков р.Тобол, затем поворачивает на восток, ограничивая бассейн р.Тобол с юга. Именно такую картину отражали русские карты конца XVII- начала XVIII веков, включая и ремезовские чертежи, фиксируя весь горный хребет, именуемый Камнем, в виде дуги с восточной ветвью в южной части хребта. Именно этот Урало-Тобольский водораздельный низкогорный участок рассматривался в то время как часть основного хребта Камня (будущего Уральского хребта). Именно этот хребтик именовали в то время «Урал-Камнем» и «Аралтовой горою». Именно эту горную ветвь Татищев принимал за основное продолжение хребта Камень (Уральского хребта). Напомню, что именно эти горы Рычков именовал «Кичик или Малые» (по высоте). На ремезовском чертеже «Еик, ыик пишется...» в западной части восточной горной ветви обозначен «Камень Урал». А на этом же чертеже в районе верховий р.Иргиз стоит надпись: «Конец Аралтовы горы». Тогда западный конец Аралтовой горы находится в истоках р.Еик (в КБЧ записано: «Река Яик вытекла поровень Оралтовой горою против верховья Тобола реки»), а восточный ее конец расположен в верховьях р.Иргиз (судя по надписи на ремезовском чертеже). Таким образом, Аралтова гора располагалась к востоку от верхней части долины р.Еик.

Принимая указанное расположение Аралтовой горы, можно пояснить и понять упоминания Аралтовой горы в текстах КБЧ. В КБЧ Аралтова гора связана с р.Белой Воложкой: «А усть реки Белья Воложка и по реке по Уфе, по обеим сторонам и до Оралтовы горы и далее все живут башкирцы...». Здесь Оралтовы горы располагаются поблизости от верховьев рек Белая Воложка и Уфа, т.е. в современном понимании один участок Оралтовы горы расположен в районе современного оронима «Уральский хребет» (между истоками рек Белой и Уфой). Другая фраза из текста КБЧ: «А выше Изле реки, конец Оралтовой горы...». Здесь слово «выше» следует понимать как «в верховьях» реки Изле. Именно таково взаиморасположение р.Изле и Оралтовой горы на чертеже Ремезова «Еик, ыик пишется...». Ещё в одном месте КБЧ записано: «Река Яик вытекла поровень с Оралтовой горою против верховья Табола реки». В этой записи слово «поровень» можно понимать как расположение истока р.Еик и Оралтовой горы на одном уровне по географической широте при взгляде на Большой чертеж, а слово «против» - как расположение истоков рек Еик и Табола друг на против друга, но разделенных третьим географическим объектом – в данном случае Оралтовой горою. Такая трактовка слов «против» и «поровень» подтверждается дополнительными примерами из текста КБЧ. Например, в тексте КБЧ записано: «А в Илез реку, за 60 верст от устья с левые стороны, пала Сунгурлук река, а против горы Тузтебе, выше Сунгурлука, вытекла река Оиль». Составитель КБЧ Афанасий Мезенцов смотрел на Большой чертеж и взаиморасположение географических объектов на карте описывал так, как они воспринимались глазами. Действительно, на ремезовском чертеже «Еик, ыик пишется...» р.Оиль располагается «против» горы Тузтебе (они отделены друг от друга долинами ещё двух рек), а исток ее находится «выше» (на карте) вершины р.Сунгурлук. Ещё один пример: «...а река Тура течет из горы ис Камени, против Усоля Камского». Эту запись можно трактовать следующим образом: истоки р.Туры находятся в горах Камени на одной широте с Усолем Камским, «против» друг друга, но они разделены горою Камнем. И, пожалуй самым убедительным аргументом является другая запись в КБЧ: «А с веру реки Яика пала в реку Яик река Юрюк-Самар, по нашему Резвая, протоку 350 верст, пала в Яик против Аралтовы горы с правые стороны». Эта запись четко фиксирует расположение Аралтовой горы. Она находится «против» р.Юрюк-Самар. И они разделены друг от друга рекою Яик. В итоге, эта запись однозначно определяет расположение Аралтовой горы восточнее верховий долины р.Яик. Об этом же писал и Спафарий, указав, что «потекла река Яик подле Аралтовой горы, а на низ пльвучи, Аралтова гора на левой руке».

Таким образом, обобщая сказанное, можно сделать следующий вывод. В XVII веке, а может быть и несколько ранее, под Аралтовой горой понимали низковывсотный хребет, состоящий из двух участков: - первый представлял собою Урало-Тобольский водораздел, от Камня Урал (современный «Уральский хребет») до истоков р.Тобол, протянувшийся примерно в направлении с севера на юг; - второй служил водоразделом между реками, текущими на север (Тобол, Ишим и др.) и реками, текущими на юг (Иргиз с притоками), имеющим восточное направление. В итоге, древняя Аралтова гора имела вид горного поворота, изгибалась практически под углом 90 градусов.

Несомненно, название «Аралтова гора» - более древнее, чем ороним «Камень Урал»: первая известна из текстов КБЧ, а второй появился только спустя около сотни лет. На первых порах, вследствие не достаточно четких географических представлений топоним «Камень Урал» распространяли и на восточную ветвь низких гор в верховьях рек Еик, Тобол и Иргиз. Затем по мере увеличения топографической информации о горах Южного Урала появились на старинных картах новые

географические названия отдельных горных участков. И, со временем, название «Аральтова гора» перестало употребляться.

В 1832 г Левшин А. опубликовал книгу «Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей», в которой указанный Урало-Тобольский водораздельный хребет назвал Джабуви-Карагай [1.144]. На карте, составленной Левшиным, этот хребет тянется от верховьев р.Урал до истоков р.Тобол и, поворачивая на восток, продолжается до верховьев р.Иргиз. От хребта Джабуви-Карагай отделяется в юго-западном направлении горная ветвь, названная Левшиным «горы Кара-Адыр», которая соединяется с Мугоджарскими горами. Кроме того, на восточной горной ветви Левшин ещё указывает горы Тополан, Коттор и Теке-Турмас. Аналогичную схему горных хребтов дает и Зуев Н. в своем Атласе [1.151], изданном в 1853 г. На карте Зуева эти хребты названы – горы Джабык-Карагай и Кара-Адыр-тау. На современных картах следы вышеназванных гор сохранились в ряде топонимов: поселок Карагай, поселок Джабык, р.Карагайка, поселок Айдырлинский и др.

Можно предположить, что в конце XVII века русские люди Аралтову гору считали водоразделом между реками, текущими на восток и запад. По мере того как у них появилась информация о высоких горах, расположенных западнее долины р.Еик (Урал), горный Уральский хребет стали проводить по горам Уреньга, Уралтау, Ирендык и далее к югу по Мугоджарским горам. А название Аралтова гора постепенно исчезло из употребления.

В своих многочисленных автомобильных поездках по Уралу я неоднократно пересекал Урало-Тобольский водораздел. Как правило, он представляет собою цепи невысоких холмов, мягко очерченных. Изредка на них имеются небольшие скалы, как, например, в заповеднике Аркаим. В верховьях р.Тобол водораздельные холмы имеют малые перепады высоты. А в более восточных районах Иргиз-Тобольского водораздела мне побывать не удалось.

В итоге, как видно на рисунке 1.35, Ремезову были известны практически все участки Уральского хребта, каким представлялся последний русским людям в конце XVII века – в виде гигантской дуги, южная часть которой отклонялась в восточном направлении. Ремезов не владел информацией только по самому северному (Пай-Хой) участку Уральского хребта. В географических трудах Семена Ремезова ещё не употребляется обобщенное название гор – Уральский хребет. В целом, в ремезовских чертежах южная половина Уральского хребта впервые обрисована весьма подробно.

Семен Ульянович Ремезов был разносторонним самобытным человеком. Он создал уникальные картографические шедевры – три сибирских атласа. Все они в начале XXI века изданы фондом «Возрождение Тобольска». В шикарных, с кожаным переплетом, и чрезмерно дорогих раритетных фолиантах. К тому же маленькими тиражами. Но этот недостаток частично устраняется, так как часть атласов появилась в интернете, тем самым стала доступна для рядовых исследователей, особенно в небольших удаленных населенных пунктах. По подсчетам Гольденберга Л.А. Ремезов стал автором около 160 чертежей и планов, а также изготовил 22 крупногабаритных чертежа на холсте. Он создал более 200 рисунков, сохранивших для потомков реализм Сибири и Урала ремезовского времени. Разработал планы и руководил каменным строительством в Тобольске. Составил оригинальную «Историю Сибирскую» - летопись, в которую ввел материалы, не встречающиеся ни в одной из официальных летописей. Вполне заслуженно его «Историю Сибирскую» называют «северной Шехерезадой». Любая из сторон его многогранной деятельности была подчинена идее прославления Сибири. Практически все его работы, имевшие в начале главным образом справочно-служебное назначение, с веками заслуженно приобрели славу выдающихся исторических и духовных памятников русской науки и культуры, мирового масштаба. Как признание больших заслуг Семена Ремезова его фамилия внесена в хронологические таблицы важнейших работ по картографии всех стран и народов мира за период с 600 г до н.э. и до 1930 г [1.152]. Обычно авторы, пишущие о Семене Ульяновиче, представляют его как исследователя Сибири. Однако, выше представленные материалы позволяют вполне обоснованно считать его и первым исследователем Урала. В его картографических чертежах представлен Урал полномасштабно от «моря акиана северного» до прикаспийских пустынь. Речная сеть в его атласах отразила реальность, особенно по восточному склону Уральских гор. Поэтому, думается, что Семена Ульяновича следует считать первым исследователем – картографом Уральского горного хребта по протяженности в масштабах, соответствующих современным понятиям.

Отдавая дань уважительной памяти Семени Ульяновичу Ремезову, создавшего первые информативные карты всего Уральского хребта, свердловский отдел Русского географического общества ходатайствовал о присвоении имени Ремезова горе с отметкой 1729 м, расположенной на Приполярном Урале. И 2 июля 1996 г межведомственная комиссия по географическим названиям приняла решение дать название «гора Ремезова» вершине на Приполярном Урале (письмо №МВК-1597). Гора Ремезова расположена в верховьях рек Повсян-шор, Ломесь-вож и Моренный.

Гольденберг Л.А. в своей монографии о Семени Ремезове высказал сожаление о практически неизвестности потомков знаменитого картографа и историка [1.57]. Отдельные сведения, относящиеся к первой половине XVIII века, о Петре, младшем сыне Семени Ульяновича, Гольденберг нашел в исторических архивах. В 20-е годы XVIII века Д.Г.Мессершмидт путешествовал по Сибири и в своем дневнике за 1721 г во время пребывания в Томске записал: «11 мая. Капитан Табберт ходил сегодня с корнетом Иористом к одному художнику по фамилии Ремезов, у которого видел раскрашенную

масляными красками карту Томского уезда. Он просмотрел карту, но не нашел ее выполненной правильно. Кроме того, художник владел ценными сведениями о живущих здесь народах, почему капитан Табберт просил его сообщить некоторые из них на что он согласился» [1.200]. Гольденберг предположил, что этим художником был Леонтий или Семен, сыновья Семена Ульяновича. Выше упоминалось о том, что Табберт, позднее именуемый Страленбергом, встречался в Тобольске с Семеном Ульяновичем [1.100]. Поэтому неудивительно, что в Томске он отправился к «художнику Ремезову». Какие-либо другие достоверные сведения о потомках Семена Ульяновича мне были долго не известные. Однако в екатеринбургском архиве мне удалось раскопать данные об одном уральском потомке Семена Ульяновича.

Обследуя архивные дела XVIII века, в одном из томов я обнаружил список рекрутов, датированный 1 июня 1737 г, находящихся в Каменском заводе (ныне г. Каменск-Уральский). В этом списке числится Иван Ремезов [1.201]. Такие имя и фамилия привлекли мое внимание. У Семена Ульяновича был сын Иван, который родился в 1681 г. Поэтому он не подходит под разряд рекрутов. Но у Семена Ульяновича еще был внук Иван, сын Леонтия, старшего сына Семена Ульяновича. Внук Иван родился в 1715 г и в 1737 г ему было 22 года. И он вполне мог быть взят в рекруты. Но на начальной стадии моих поисков это было только предположение.

При последующих архивных разысканиях удалось найти документ, в котором указано, что в 1745 г на Каменском заводе в числе доменных работников числился Иван Леонтьев сын Ремезов [1.202]. Сообщалось в этом документе, что он был «из рекрутов». В те времена использование рекрутов на производственных работах было общепринято. Так обнаружилось первое звено родовой ветви – доменный работник Иван был сыном Леонтия, что соответствовало реальному родству их в семье Семена Ульяновича. Другой архивный документ, датированный тем же 1745 г, еще более укрепил меня в своем предположении. В этом документе указано, что Ивану Ремезову в этом году было 30 лет [1.203], т.е. он родился в 1715 г. Такая информация соответствует данным записанным в тобольской переписной книге 1720 г: «Во дворе тобольского дворянина Семена Ремезова, а в нем живет сноха ево, Варвара Васильевна [жена Леонтия Семеновича - КВГ], у нея сын Леонтий шестнадцати лет, Федор десяти, Иван четырех лет» [1.57]. Несовпадение на один год даты рождения Ивана Леонтьева сына в указанных документах объясняется, судя по всему, тем, что каменский документ составлялся по календарю после, а тобольский документ до дня рождения Ивана Леонтьева сына. В каменском документе указано также, что Иван Ремезов взят в рекруты в 1736 г, а родом он «из дворянских семей». Последнее также подтверждает его происхождение «из дворянской семьи» Семена Ульяновича Ремезова, который получил дворянский чин «по выбору».

Итак, имеем следующие факты, подтвержденные архивными документами:

В Каменском заводе жил рекрут Иван.

Иван имел фамилию – Ремезов.

Родился Иван в 1715 г.

Отца Ивана звали Леонтием.

Иван был выходцем из дворянской семьи.

Иван был взят в рекруты в Тобольске.

Перечисленный фактологический материал полностью соответствует архивным сообщениям о семействе Семена Ульяновича Ремезова. Сказанное приводит к убедительному выводу о том, что рекрут Иван Леонтьев сын Ремезов, работавший в 30-40-е годы XVIII века на Каменском заводе, был внуком Семена Ульяновича Ремезова.

Имя Ивана Леонтьева сына Ремезова в архивных материалах после 1745 г мне не встретилось. Но род каменских Ремезовых, судя по архивным данным, просматривается и в конце XVII, и в XIX веках, и даже в начале XX века [1.204]. Вполне вероятно, что и поныне в уральском городе Каменск-Уральский и живут и трудятся потомки Семена Ульяновича Ремезова. Порукой этому служит исторически подтвержденная информация о том, что в современном граде Каменск-Уральский и в наши дни живут и здравствуют древние фамильные роды, корни которых уходят в начало XVIII века: Корелины, Шамарины, Чемезовы, Надеины, Медведевы, Мальцевы, Ефтефеевы, Фадеевы, Тупикины, Бякишевы, Аврамовы и др. [1.205-1.207].

1.4.7. Южное окончание Урала

На выше рассмотренных чертежах Сибири, как правило, южная часть Уральского хребта изображалась до верховьев р. Яика и далее следовал поворот гор на восток. А в конце XVII века появились чертежи, на которых Уральский хребет показан продолжающимся на юг, далее истоков р.Яик. К таким чертежам прежде всего следует отнести карты, составленные А.А.Виниусом и Н.Витсенем.

Андрей Андреевич Виниус (1641-1717гг), из обрусевшей голландской семьи (см. рисунок 1.38). Отец его построил под Тулой первую в Московском государстве железодельную мануфактуру. Андрей Андреевич родился в Москве. В 14 лет его вместе с отцом патриарх Никон крестил в православную веру [1.114]. Виниус владел несколькими языками, в том числе латинским языком, которому обучал Петра I,

после чего вошел в узкий круг доверенных лиц Петра I [1.126]. В 1664 г Андрей Андреевич начал свою российскую службу в посольском приказе переводчиком с голландского языка. Можно полагать, что он участвовал в мероприятиях по приему голландского посольства в Москве в 1665 г. В составе посольства находился Н.Витсен, с которым у Андрей Андреевича установилась долговременная переписка и дружба. В сентябре 1672 г его впервые отправили в Европу (Англию, Францию, Испанию) «просить дабы оные дворы сделали польскому королю противу турок помощь, дав зная, где, сколько и когда оная помощь явится в поле» [1.81]. После возвращения из европейской поездки он был пожалован дворянством, а в 1675 г стал думным дьяком Посольского приказа. В том же 1675 г он возглавил почтовое ведомство и руководил им до 1701 г. Он значительно улучшил почтовую связь как внутри России, так и зарубежную. Более 10 лет он был дьяком Аптекарского приказа. В 1693 г он возглавлял посольство к Мазепе. В 1689-1695 гг снова служил дьяком Посольского приказа. Но особенно эффективна была его служба в Сибирском приказе в 1697-1703 гг. В 1700 г он возглавил Артиллерийский приказ. Он не стал покупать пушки в Голландии, а организовал их производство в России, на Урале, в результате чего он стал курировать развитие металлургии в России.

В 1703 г «за должностные упущения и халатность» он был лишен всех своих постов. На него наложили большой штраф и описали большую часть имущества. Тем не менее в 1704 г его назначили начальником московского пушечного двора и поставщиком провианта для армии. В 1705 г он поехал в армию в Гродно, где попал в засаду и бежал в Голландию, в которой прожил почти три года. Но в 1708 г он, получив прощение Петра I, вернулся в Россию, где уже больше не занимал руководящих должностей, занимаясь, в основном, переводом книг на русский язык.

По отзывам современников Андрей Андреевич был «умен и энергичен». Он был разносторонне развитым человеком. В 1667 г он составил «Изъяснение вкратце божественных и человеческих вещей, коими человек причаствует Богу и Ангелом и прочей твари видетися могущей», в котором представил генеалогическое дерево, показывающее все человеческие добродетели и пороки. Вторым его литературным трудом стала антология «Избрания от святых, божественных и церковных книг...», в которой были собраны систематизированные выписки, как образцы моралистики, из священного писания, Библейской истории, церковных сказаний, хронографов, в том числе нравоучительная беседа отца с сыном, сведения из российской истории середины XVI века.

Виниус в 1674 г создал своеобразное наставление молодежи – сборник «Зрелище бытия человеческого...», представляющий собою свободное переложение с голландского на русский язык 133 песен Эзопа с приложением к каждой исторического анекдота. Он писал стихи, например, сохранился его стих ко дню торжественной встречи в Москве героев Азовского похода 1696 г. Его перу принадлежит перевод на русский язык ряда книг, например, «Описание артиллерии» Бринка Т.Н., «Книга ордера или во флоте морских прав». Он составил «Перевод книги, именуемой Водный мир, сиречь краткое описание о обретении первого морского корабельного ходу и новых неизвестных земель, також и описание о всех государствах», в составе которой имеется статья «Краткое описание объявление о образе свойствах земного круга». Интерес к географии привел его к написанию труда с длинным названием – «Описание расстоянию столиц, нарочитых градов, славных государств и земель, также и знатных островов и проливов, водным и сухим путем, по размеру книги, именуемые Водный мир, и иных принадлежащих к тому описаний Российского государства от первопрестольного его царского величества града Москвы, сколько до которого города и проливы верст, по алфавиту яко предлежащей лист предъявляет. Росписано переводчиком Андреем Андреевым сынов Виниусовым». Он собирал коллекцию географических карт, атласов и планов городов. Известна «Книга Виниуса», представляющая альбом западно-европейской и русской графики XVI-XVII веков, на 300 листах, привезенная им из поездки по Европе в 70-е гг XVII века. Виниус имел обширную для того времени библиотеку – более 400 книг, в том числе труды Геродота, Герберштейна, Олеария. Ныне эти книги находятся в библиотеке Российской Академии Наук.

По линии воинских дел в судьбе Виниуса была и уральская страничка, связанная с первыми уральскими государственными заводами – Каменским и Невьянским.

Решение Виниуса организовать производство пушек на Урале было основано на опробовании железных руд, найденных на Урале. Так, каменская руда оказалась «зело вельми доброй для пушечного дела». Кроме того, на реке Каменке, недалеко от ее устья, уже почти двадцать лет эксплуатировались сыродутные печи для плавки руды. В 1679-1680-х гг здесь построили заимку и соорудили домницы монахи Успенского Далматовского монастыря. В 1682 г монахам удалось получить царское разрешение на владение землей на р.Каменке, которую они называли Железенкою. В ответ на челобитную монахам был выдан царский указ: «...велеть им на речке Железенке тою железною рудою и лесом той речки по обе стороны владеть, и о том дать им нашу, великого государя, грамоту» (цитирую по [1.123]). Когда обнаружилось, что каменская железная руда хороша для литья пушек, то 28 сентября 1699 г Каменская слобода вместе с заводиком были изъяты из монастырского владения и переданы по царскому указу в государственную собственность. А на этом месте было приказано построить государев железный завод. Завод построили и именовать его стали Каменским. 15 октября 1701 г на Каменском заводе был получен первый чугун. Через несколько месяцев был запущен и второй государев завод на Урале – Невьянский.

Для ознакомления с работой новых уральских заводов Виниус 28 июля 1702 г отправился на Урал. Прибыв на Каменский завод Виниус присутствовал при испытаниях изготовленных пушек. Стрельбы

велись из 47 пушек, мишени для которых были установлены на расстоянии 114 сажень. В ходе стрельбы три пушки разорвало [1.124-1.125]. Не успел Виниус вернуться в Москву, как ранее, туда 1 января 1703 г прибыл первый обоз с двумя пушками из Каменского завода. 22 января 1703 г в Москву пришел второй обоз, в котором привезли 33 орудия, 66 ядер и 200 пудов разного железа [1.126]. Затем последовало еще три обоза с уральскими пушками. А в период с 27 июля по 27 августа 1703 г за 12 недель без одного дня привезли 323 орудия по речному пути на дощаниках «железным караваном». В этой поставке также были мортиры и гаубицы [1.199]. Так заработал «конвейер» поставки для русской армии отечественных пушек, к реализации которого приложил усилия Виниус.

Для рассмотрения нашей темы большой интерес представляет деятельность Виниуса как картографа. Ряд лет он трудился в Посольском и Сибирском приказах, в которых было собрано большое количество географических карт. Виниус имел к ним доступ. Он собирал свою картографическую коллекцию. Написал труды географического содержания. Поэтому не удивительно, что он сам составил карту Сибири и европейской части России (см. рисунок 1.39).

Оригинал карты Виниуса до сих пор не найден. Сохранилась единственная копия, в составе СЧК С.У.Ремезова [1.82, лл.32об-33]. Карта Виниуса по русской традиции ориентирована на юг. В верхней части карты располагаются: на востоке – китайское царство с изображенной китайской стеной, а на западе – восточное побережье Черного моря. В нижней части карты показано побережье Акиана Ледовитого и моря Акиана Северного, вплоть до Свейской (шведской) земли. Западная кромка карты проходит по верховьям рек Волги, Оки, Дона и Донца. На востоке морское побережье не показано, но нанесены верхние течения рек Колымы, Анабары, Анадыря, Амура. И что особенно интересно – р. Камчатка. На карте нанесены параллели (40, 50 и 60 градусов – в виде дугообразных линий) и меридианы (от 30 до 210 градусов – в виде расходящегося пучка прямых линий). По мнению Андреева А.И. такая «картографическая сетка на карте Виниуса скорее носит декоративный характер, чем действительной математической основы», так как она сжата по широте и вытянута по долготе [1.81]. На карте Виниус записал имена ряда народов: лопари, самоеды, пермяки, зыряне, болгары (на Волге), калмыки, черкасы, татары, киргизы, тунгуты, тунгусы, якуты, ламуты и др. Дата создания карты Виниуса не имеет единодушного мнения у исследователей: одни называют 1678-1683гг, другие – 1680-1683гг, третьи – 1689г. По своему содержанию, по технике исполнения карта Виниуса выполнена неизмеримо лучше и полнее по сравнению со многими русскими чертежами Сибири того времени. Имея доступ к чертежам, хранящимся в собраниях Посольского и Сибирского приказов, Виниус собрал в свой чертеж наиболее достоверные данные, значительные по объему информации. А склонность к художественному изображению позволила ему исполнить свою карту четко и ясно.

На карте Виниуса Уральский хребет нанесен в виде цепочки бесформенных разнообразных пятен, напоминающих холмики. Цепочка эта имеет несколько извилин, но в целом тянется с севера на юг в пределах двух соседних меридианов с обозначениями на карте 100 и 110 градусов. На севере Уральские горы показаны отклоняющимися к устью р.Оби. Цепь гор проходит мимо верховьев рек, расположенных на восточных склонах гор – Сось, Тура, Тагил, Невья, Пышма, Исеть (вытекающая из озера Исецкого), Багаряк, Теча, Тобол. А далее, не делает поворота на восток, как показывались Уральские горы на многих предыдущих русских чертежах, а продолжается на юг, причем восточнее верховий р.Яик, протягиваясь до Синего, т.е. до Аральского моря. Таким образом, Виниус, вероятно, одним из первых изобразил Уральский хребет в нынешних географических пределах – от побережья Ледовитого океана до широты Аральского моря. На карте Виниуса Уральские горы не имеют названия. Но на южном участке Уральского хребта, южнее верховья р.Яик, нанесена надпись «Соляны горы». Виниус, несомненно, был знаком с картой Спафария, на которой Уральский хребет был обозначен поворачивающим на восток от верховьев рек Тобол и Яик. Но по более поздним и достоверным сведениям Виниус показал южную часть Уральских гор, идущей на юг и после верховьев указанных рек. На карте Виниуса показано восточное ответвление от Уральских гор, но оно отходит в восточном направлении значительно южнее верховьев рек Тобол и Яик, в районе упомянутых выше соляных гор. Таким образом, Виниус нанес на карту самую южную часть Уральских гор (район современного хребта Мугоджары), но оставил восточное ответвление гор, хотя и сместил его в южном направлении. Такую географическую идею Виниуса заимствовал Николас Витсен, что неудивительно, учитывая тесные их контакты.

Николас Витсен (1641-1717 гг) более четверти века был бургомистром Амстердама (см. рисунок 1.40). Картограф, писатель, политик, предприниматель – разносторонняя личность, увлеченно занимающаяся познанием Московии во второй половине XVII века [1.127]. Он получил блестящее образование. Учился в прославленной школе Атеней в Амстердаме. Обучался в специальной школе рисовальщиков и граверов. В Лейденском университете изучал философию и юриспруденцию. В 1664 г защитил диссертацию по правоведению и получил диплом доктора права. В 1664-1665 гг посетил Москву в составе свиты голландского посольства в качестве рисовальщика и официально «благородного деятеля государства» Голландии. Во время пребывания в Московии он вел дневник, делал заметки, зарисовки Москвы, Новгорода, Пскова и др. Его московский дневник был напечатан только через триста лет, сначала в Голландии [1.128], а еще через 30 лет был переведен на русский язык и опубликован в 1996 г в России [1.129]. В Москве он познакомился с Виниусом А.А., с которым на протяжении более 40 лет поддерживал дружеские контакты и от которого получал интересующие его материалы по географии

Московии. Интерес к Московии Витсен сохранил на долгие годы. Практически он возглавлял прорусское лобби в Нидерландах.

Витсен много путешествовал. В 1666-1667 гг он побывал во Франции и Италии. В 1670-1671 гг он ездил в Индию. А затем долгие годы был постоянным членом совета Ост-индской компании. В 1671 г он написал книгу «Древнее и современное судостроение и судовождение», которая была переведена на русский язык спустя только триста лет [1.130]. В этой книге Витсен привел многочисленные рисунки не только голландских, но и различных московитских судов. В 1693 г Витсен начал вести собственную торговлю с Россией. По просьбе Петра Великого он закупил для России военное судно – фрегат «Святое пророчество» 21 июля 1694 г прибыл в Архангельск.

Во время поездки Петра I в 1697 г в Европу Витсен встречался с русским царем. Витсен немного знал русский язык и вел беседы с Петром Великим, который останавливался в доме Витсена. Когда Петр I под именем Петра Михайлова пожелал брать уроки мореплавания, навигации и черчения кораблей, то Витсен выбрал для Петра I лучших преподавателей. При отъезде из Голландии Петр I подарил Витсену три пары превосходных соболей.

Витсен имел обширную библиотеку – более 2000 книг. Кроме того, он собирал гравюры, манускрипты, географические карты. В его коллекции антиквариата были монеты, картины, античные скульптуры, гербарии, минералы, математические инструменты и др. У Витсена не было прямых наследников и весь архив его попал в частные коллекции после распродаж на аукционах.

Главной заслугой Витсена россияне могут считать составление им карты Московии, названной «Новая географическая карта северной и восточной части Азии и Европы, простирающаяся от Новой Земли и до Китая». А также написание им книги «Северная и Восточная Татария» [1.131], которая фактически была обширным комментарием к этой карте. Первое издание этой книги вышло в свет в 1692 г, второе в 1705 г, а третье, уже без участия Витсена – в 1785 г. Витсен свою карту Московии посвятил российским царям Иоанну и Петру Алексеевичам, которые совместно правили в то время Россией. Витсен отправил карту царствующим персонам вместе со своим проектом развития российской торговли с Персией через Каспийское море и с Китаем через Сибирь. Самодержцы приняли подношение карты и в ответ наградили Витсена благодарственной грамотой, скрепленной печатью.

До Витсена в Европе единственной авторитетной картой, отражающей Сибирь, считалась карта Герарда Меркатора, составленная в 1569 г, на которой сохранились топонимы, записанные от Птолемея, т.е. еще во II веке от рождения Христова. Карта Витсена стала первой в европейской истории подробной картой с изображением русских владений в Азии, основанной на реальной информации. Президент лондонского королевского общества сэръ Роберт Саутвела сравнил Витсена с Колумбом. Колумб открыл Америку. А Витсен «открыл» европейцам московитскую Азию. В Европе карту Витсена оценивали как «открытие нового мира», ранее практически неизвестного.

Для своей карты Витсен собирал информацию более двух десятков лет. Он опрашивал людей лично. Задавал вопросы в письмах и получал ответы. Поручал разным людям что-то узнать. Собирал дорожники, описания областей и народов, географические карты и их печатные доски. В основном его интересовали русские источники и особенно по Сибири. Витсен высоко ценил информацию, полученную именно из русских источников. В своем письме, опубликованном в лондонском научном журнале «Philosophical Transaction» в 1691 г Витсен записал: «Прошло почти 28 лет с тех пор как я совершил путешествие в Россию... Там я получил первую информацию не только о положении частей Московии, но и о странах, находившихся весьма далеко. С тех пор я не прекращал получать сведения из самых северных и северо-восточных стран мира. Я постоянно переписывался с Москвой, Астраханью, Грузией, Исфаганом, Польшей и Константинополем... Я собирал целые тома дневников и росписей, которые содержат названия гор, городов со многими зарисовками, сделанными по моим указаниям. На основании материалов этого фонда, которые я собирал в течение многих лет, сравнивал между собой и приводил в порядок упорно и непрерывно, и была сделана моя карта» (цитирую по работе [1.81], с.93-94).

Большинство полученных русских материалов Витсен представил в текстах своей книги «Nord en oost Tartarye» («Северная и Восточная Татария») [1.131], которая была переведена на русский язык и издана только в 2010 г. В книгу Витсен приложил большое количество карт: Черного и Азовского морей (составлена самим Витсеном в 1697г), Крыма (составлена также Витсеном в 1685г), северного морского побережья от Печоры до устья р.Двины (1680г), Азии Г.Меркатора (1587г), Тартарии Н.Сансона (1659г), Тартарии И.Блеу (1663г) и др. Витсен приложил в свою книгу много рисунков русских городов: Перекоп, Албазин (на р.Амур), Астрахань, Тобольск и др. На авантитуле книги изображена группа путешественников, рассматривающих географическую карту, на которой написаны слова: Россия, Тартария и Китай. Витсен приложил к своей книге карты Московского государства, изданные до его карты, вероятно, с той целью, чтобы было возможно сравнить их со своею собственной картою, которая выгодно отличалась от всех предыдущих карт других авторов тем, что она основывалась на русских источниках, отражающих реалии Московского государства.

Витсен получил из Москвы карту, которую ему прислал художник Лопуцкий. Об этом Витсен написал в письме в марте 1674 г издателю «Филосовского журнала» в Лондоне: «Настоящим посылаю Вам, полученную мною из Москвы, новую карту Новой Земли и Вайгача. Последняя выполнена по точному приказу великого князя и была срисована живописцем по имени Лопуцкий, который любезно

препроводил ее мне» [1.132]. В своей книге Витсен сообщает, что он имел чертеж Сибири, «сделанный по приказу Салтыкова, который является высшей властью в Тобольске». Боярин Степан Иванович Салтыков был воеводой в Тобольске в 1690-1692 гг. В распоряжении Витсена находилась ещё одна карта Сибири, которая произвела на него большое впечатление. Известие об этой карте напечатано только во втором издании книги Витсена: «Мне прислали из Сибири – я не уверен, сделана она в Тобольске или в Енисейске – очень любопытную доску из одного куска дерева, шириной в три слишком пяди, а длиной в семь, на которой нарисована не только вся область Сибири, но и весь Татарский край до крайнего востока и севера, вплоть до главного города Китая – Пекина. Эта доска охвачена рамой в три дюйма, красиво зарисована цветами той страны, в том числе тюльпанами, розами и другими, мне не известными цветами, каждый в своей окраске. Сама доска гладкая и блестящая, как зеркало. Она, очевидно, покрыта каким-то туземным желтоватым лаком, несколько похожим на китайский лак, с очень сильным блеском. Под этим прозрачным блестящим лаком изображена карта упомянутых областей. На ней естественно изображены горы, реки, леса, болота, животные, люди, города и деревни. На ней очень хорошо нарисованы животные, лошади, коровы, собаки и верблюды... Показана и форма зимних саночек с грузом, запряженных собаками или оленями. Горы, идущие по этим областям, там, очевидно, изображены с натуры... При сравнении с этим, т.е. нашим трудом, она подтверждает его правильность. Долгота или широта здесь не указаны, так как люди в этих пустынных местностях об этом не имеют ни малейшего понятия... На самом севере восточного края Азии на этой доске изображен лед... в знак того, что там, должно быть, всегда находится масса льда... Этим, очевидно, и показывают, что в конце этого мыса находится вода, и, следовательно, он не соединен с Америкой...» [1.158]. К сожалению, пока эта карта, описанная Витсеном не отыскана. Витсен был знаком с русской КБЧ. В своей книге он опубликовал отрывок из нее – роспись нижней части реки Оби. Кроме того, Витсен в основу изображения на карте реки Яик положил описание ее из КБЧ. Витсен в своей книге упоминает о том, что он имел годуновскую карту Сибири 1667 г, а также чертеж реки Исети. Они, вероятно, были теми чертежами, которые были изготовлены по приказу Петра Ивановича Годунова в 1667 г и были посланы в Москву (см. выше 1.4.4). Витсен сожалел о том, что на своей карте из-за недостатка места не смог показать на ней многие подробности с чертежа реки Исети.

Исследователи картографии по-разному указывают дату составления Витсеном своей карты – от 1680 до 1689 гг. Своеобразный итог этой дискуссии подвел Полевой Б.П. [1.27]. Сам Витсен утверждал, что идея создания такой карты возникла у него в 1665 г во время пребывания в Москве. 19 января 1706 г в письме к Лейбницу Г.В. он писал, что ещё в Москве он «набросал ее план». В 1680 г он послал А.Мюллера на отзыв черновой вариант своей карты. Витсен получил разрешение поместить на своей карте изображение короны русских царей в 17196 г, т.е. в период с 1 сентября 1687 г по 31 августа 1688 г. В соответствии с этим он для карты изготовил картуш с указанием 1687 г. В своем дневнике Гюйгенс записал: «25 мая 1689 г. В полдень меня познакомил г.Витсен со своей новой картой Татарии, которой он занимался двадцать лет. Она все ещё полностью не закончена». А 3 ноября 1689 г Гюйгенс записал: «Был занят тем, что клеил карту Витсена». Следовательно, только к концу 1689 г Витсен завершил работу над своей картой. А первые оттиски этой карты Витсен отправил осенью 1690 г французским и английским ученым. В Россию карта Витсена попала в начале 1691 г и 2 апреля этого года о ней доложили царям Ивану и Петру I. А 27 мая 1691 г от имени царей была составлена благодарственная грамота Витсену. Таким образом, на первом варианте карты Сибири Витсена в картуше было посвящение двум русским царям и указана дата – 1687 г. В этом картуше была изображена и московская корона. Но после того, как Петр I стал единовластным царем России, Витсен изготовил другой картуш с посвящением одному Петру I, но сохранил год выпуска карты – 1687 г. К тому времени Витсен несколько переработал и свою карту Татарии, о чем он сделал запись в предисловии ко второму изданию своей книги: «Я в известной мере переработал свою большую карту Тартарии и уделил больше места городам, рекам, горам и укрепленным местам, чем это было уже сделано мною прежде, и все это в соответствии с более поздними известиями, полученными мною, отвечающими истинному положению дела». Ко второму изданию книги Витсен приложил уточненный первый вариант своей общей карты Тартарии. Но и далее Витсен продолжал получать новые материалы от своих информантов, что заставило его работать над вторым вариантом карты. Он трудился над ней до конца жизни. Но так и не успел оформить новый вариант карты.

На рисунке 1.41 представлена часть карты Н. Витсена. Карта посвящена Петру Алексеевичу, что зафиксировано в левом верхнем картуше. В правом верхнем картуше приведено название карты: «Новая ландкарта Северной и Восточной Азии и Европы...». На карте Витсена изображена территория России от реки Волги до Восточного (Тихого) океана и от Северного океана до широты Каспийского моря. На карте нанесена градусная сетка широт и долгот. Холмиками показан Уральский хребет, располагающийся примерно в пределах 82-87⁰ долготы. Горы показаны в виде горизонтальных цепочек холмиков (от двух до семи в отдельных цепочках), располагающихся друг над другом и не связанных между собой. Между цепочками в ряде мест показаны реки, текущие как в восточном, так и в западном направлениях. В Северном океане показан остров Новая Земля, но только с западной береговой линией. Устье реки Оби показано в пределах уральской полосы долготы. Самая северная горизонтальная цепочка холмиков гор расположена несколько южнее побережья Ледовитого океана и не отклоняется на

восток, к устью реки Оби. Около одной цепочки холмиков стоит надпись «Гиперборейские горы», а около другой – «Верхотурские горы» и «Поверхотурской». Последняя запись подтверждает мнение о том, что Витсен имел в своем распоряжении годуновский чертеж Сибири, на котором имеется фраза «Земля Сибирская ПО ВЕРХОТУРСКОЙ Камень». Ещё около другой цепочки холмиков стоит надпись: «Пояс» и «Рифей». Находится и упоминание птолемеевского названия – «Горы Риммики». Наконец, от верховья р.Яик вдоль восточной стороны ее показаны холмики с надписью – «Алатев горы», что можно принять как искаженное название «Аралтовы горы». Витсен, вслед за Виниусом, обозначил на карте южную оконечность Уральских гор – современные Мугоджары. Положение «Алатев горы» вдоль восточной стороны р.Яик Витсен мог заимствовать из текста материалов Спафария, с которыми он был знаком. Возможно, у Витсена была карта Сибири 1684-1685 гг, на которой «гора Аралтова» показана именно вдоль восточной стороны верховьев р.Яик. Как видно на карте Витсена названия Уральских гор заимствованы из различных источников, включая карты Птолемея, Герберштейна, а также и русской годуновской карты Сибири. При всем при том, на карте Витсена мне не удалось отыскать ороним «Урал». В целом абрис Уральского хребта на карте Тартарии Витсена можно охарактеризовать следующим образом. Горы протягиваются от побережья Северного Ледовитого океана до широты Аральского моря, являясь водоразделом между бассейнами р.Оби на востоке и рр. Печоры и Волги на западе. При этом от верховьев р.Яик хребет показан с восточной стороны последней. А далее южнее соединяется с Мугоджарскими горами. При этом имеется ответвление гор в восточном направлении, разделяющее бассейны р.Тобол (на севере) и р.Иргиз (на юге). Примечателен тот факт, что горы западнее р.Яика не показаны. Характерной деталью карты Витсена является расположение истоков рек Яик и Тобол примерно на одной широте, что, вероятно, заимствовано с карты Виниуса. Кроме того, явно устаревшим является нанесение на карте Витсена мифических названий гор из древних карт – Гиперборейские горы, Пояс, Рифей, горы Риммики.

В итоге южное окончание Уральского хребта, ныне именуемое Мугоджары, закрепилось на «Генеральной карте Российской империи...», напечатанной Иваном Кирилловичем Кириловым в 1734 г. Historики до сих пор ведут дебаты по вопросу о годе рождения И.Кирилова. Так Ф.Ф.Веселаго считал, что Иван Кирилов родился в 1689 г и в 1706 г числился в списках учеников математико-навигационной школы [1.160]. Однако, Новлянская М.Г. высказывает сомнение как по годе рождения Ивана Кирилова, так и о том, обучался ли он в навигационной школе [1.161]. Дело в том, что фамилия Кирилов была весьма распространенной. А один из выпускников навигационной школы И.Кирилов, обучавшийся там в начале XVIII века, оказался Иваном Акимовичем Кириловым. А вот в вопросе о семейном происхождении Ивана Кирилова историки высказывают единодушное мнение: он был сыном подьячего. В 1712 г он начал службу в Москве в сенатской канцелярии. В 1715 г сенат переехал в Петербург. И вместе с ним уехал туда и Кирилов. Быстро продвигался по служебной лестнице и в 1727 г он был обер-секретарем сената, а также секретарем комиссии о коммерции. С 1720 г в сенате он возглавлял астрономические, топографические и картографические работы. Его горячей страстью было увлечение географией, которую он пронес до конца дней своих. Поэтому историк Миллер Г.Ф. по праву называл его «любителем географических и статистических сведений». По приказу царя Петра с 1719 г в России начались геодезические работы по составлению карт различных районов страны. Карты, составленные геодезистами, направлялись в сенат и поступали в распоряжение Ивана Кирилловича. В 1723 г он составил инструкцию «Реэстр, что при сочинении в пополнку описывать и примечать надлежит, то, чего в присланных картах не находится». Каждому вновь посылаемому геодезисту он составлял и вручал собственную инструкцию. Сохранилось известие о том, что Петр, будучи в сенате, потребовал ландкарты Сибирским землям. Но таких карт в сенате не оказалось. Тогда Иван Кириллович предложил царю воспользоваться китайскими картами, на которых была показана восточная часть Сибири. Кроме того, он напомнил царю о карте Камчатки, выполненной Иваном Евреиновым. Петр приказал И.Кирилову «соединяя камчатскую и китайские карты на один лист положить». И Иван Кириллович «через одну ночь своеручно нарисовал» объединенную карту и на следующий день передал ее царю.

Используя материалы геодезистов, Кирилов сохранял содержание и самостоятельно выполнял окончательное оформление карт: составлял легенды, писал посвящения, рисовал виньетки и картуши. Титулы карты он записывал на русском и латинском языках. Обычно он указывал на картах имена геодезистов и гравиров. А свое имя записывал как издателя [1.162]. 5 июня 1726 г Кирилов преподнес царице Екатерине I две печатные карты, составленные геодезистом А.Ф.Клешниным и напечатанные «тщанием и иждивением» Ивана Кирилловича Кирилова: «земли между Россией и Швецией» и «карту Выборгского уезда». Карты И.Кирилов печатал за свои собственные деньги.

По материалам, над которыми он работал в комиссии о коммерции, И.Кирилов в 1727 г написал двухтомный труд «Цветущее состояние Всероссийского государства, в каковое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий». Издана эта книга была только в 1831 г, а до этого она распространялась в рукописях [1.161].

Но все таки основным в творчестве Кирилова была картография. В 1731 г он получил разрешение на издание собственного атласа. Сохранилась запись, сделанная рукою И.Кирилова, проливающая свет на его интерес к составлению атласа: «Вкратце приношу, что меня принудило впервые зачать географические российские карты в один атлас собрав: тот недостаток, который в чужестранных картах

терпеть не мог, ибо многим несходством и более жилые места пустою землею опоясывают и в карты кладут». В этой записи четко обозначен основной недостаток европейских карт России – их «несходство» с реальными местностями и значительные пустоты на картах.

Создавая свой Атлас, Кирилов хотел реализовать царское намерение Петра – создать Генеральную карту Российской империи и Российский атлас. Иван Кириллович задумал создать уникальное произведение – атлас, состоящий из трех томов, с количеством в каждом томе – 120 карт. При этом он планировал в будущем создавать исторические и экономические карты России. Однако, вскоре он понял, что реализация его обширных планов может растянуться на многие годы. Поэтому он решил выпускать атлас по мере готовности карт. В настоящее время известны четыре экземпляра Атласа Кирилова с разным количеством карт в них (от 10 до 16). Атлас имел громоздкое название: «Атлас Всероссийской империи, в котором все ее царства, губернии, уезды и границы, сколько возмогли российские геодезисты описать оныя и в ландкарты положить по длине и широте, точно изъясляются и города, пригороды, монастыри, слободы, села, деревни, заводы, мельницы, реки, моря, озера, знатныя горы, леса, болота, большие дороги и прочая со всяким прилежанием исследованные российскими и латинскими именами подписаны имеются трудом и тщанием Ивана Кирилова...». Таким образом, карты в Атласе Кирилова были основаны на инструментальных геодезических измерениях, что и выгодно отличало его карты от подобных, изданных в Европе. Историки подсчитали, что Иван Кириллович изготовил 37 карт. Практически в известных Атласах Кирилова оказались случайные собрания карт, которые к тому времени поступили в правительствующий сенат. В известных Атласах Кирилова отсутствует даже «Генеральная карта России». Хотя она была изготовлена Кириловым и продавалась отдельно «расцвеченную по 1 рублю, а нерасцвеченную по 75 копеек». Из этого факта можно считать, что известные в наше время Атласы Кирилова были, вероятно, изготовлены до составления «Генеральной карты Российской империи». Такой объем Атласов Кирилова позволил Красниковой О.А. высказать мнение о том, что по сути Атласа Кирилова вообще «не было» [1.162]. «Генеральную карту Российской империи» Кирилов оформил в 1733 г. А напечатал ее – в следующем 1734 году. Как раз перед отъездом в Оренбургскую экспедицию. Проект этой экспедиции был составлен И.Кириловым и 18 мая 1734 г он был назначен командиром Оренбургской экспедиции. Задачи Оренбургской экспедиции Кирилов сформулировал в следующем виде: «Требуется укрепить юго-восточные границы государства, построить великий город-крепость и сделать его главным опорным пунктом края. А от него по Яику, Самаре и Сакмаре строить крепости, редуты и форпосты, которые составят Оренбургскую пограничную линию». Иван Кириллович сумел реализовать основную часть своего плана. В конце 1734 г он основал Верхнеяицкую крепость, а в августе 1735г – крепость Оренбург, в устье р.Орь. Из экспедиции он уже не вернулся и закончил свой жизненный путь в Самаре в 1737 г. Некоторые его современники, в том числе В.Н.Татищев, сменивший его на посту руководителя Оренбургской экспедиции, критиковали карты Кирилова. Но, несмотря на некоторые огрехи, его карты были близки к реальности с топографической точки зрения, так как включали конкретные измерения геодезистов. В то же время с точки зрения географической они имели недостатки, связанные с малым количеством определений, главным образом долгот изображенных на карте объектов, в результате чего карта получилась растянутой по параллелям. В 2008 г издательство «Альфарет» совместно с библиотекой российской академии наук издало «Атлас Российской империи. Собрание карт И.К.Кирилова» [1.163] Том Атласа издан в переплете из натуральной кожи и с золотым тиснением. Но тираж удивляет – всего 25 экземпляров. Красникова О.А. во вступительной статье к Атласу оценивает роль Атласа в том, что он впервые дал наглядное представление о России в целом и ее частях. В Атласе Кирилова, изданном в наше время, находятся 31 печатная и 3 рукописных карты, а также 4 вводных листа (титульный лист, фронтиспис, посвящение царице Анне Иоанновне и ее портрет).

Несомненно, венцом картографических трудов И.Кирилова является генеральная карта России со следующим названием: «Генеральная карта Российской империи сколько возможно было исправно сочиненная трудом Ивана Кирилова обер-секретаря правительствующего сената Санкт-Петербург, 1734» (см. рисунок 1.42). Карта охватывает районы: по долготе – от Черного моря до тихоокеанского побережья, а по широте – от Средней Азии и Китая до береговой линии Северного океана. На карте имеется сетка долгот и широт.

Уральские горы на карте Ивана Кирилловича показаны сплошной чередой холмиков, протягивающейся от побережья Ледовитого океана на севере до Каспийского моря на юге. В отношении Уральских гор, пожалуй, самым главным достоинством карты Кирилова стало разнесение истоков рек Яик (Урал) и Тобол по широте. Если, практически, на всех предыдущих, как русских, так и европейских картах, истоки указанных рек располагались примерно на одной параллели, то на карте Кирилова их разделяет около 350 км по широте, что соответствует реалиям местности. Такое изображение на карте было результатом конкретных измерений геодезистов. На севере цепочка холмиков начинается от побережья Северного океана. На широте около 65⁰ она делает небольшой изгиб и далее продолжается в южном направлении до верховьев рек Белой и Яика. Здесь цепочка гор разветвляется. Одна ветвь продолжается на юг, но расположена западнее верхней части р.Яика. А другая ветвь гор показана восточнее верхней части долины р.Яика и уходит в юго-восточном направлении. Западная ветвь гор находит свое продолжение к югу и после широтного участка р.Яик и тянется в виде современных

Мугоджар до Аральского моря. Этим самым карта Кирилова подтверждает продолжение Уральского хребта к югу от широтного участка р.Яик. С другой стороны на карте Кирилова сохранена и восточная цепь гор, разделяющая бассейны рек Яик, Tobол и Иргиз и продолжающаяся в юго-восточном направлении, уходя в степи. Удивительной особенностью карты Кирилова является полное отсутствие названий участков или отдельных вершин на всем протяжении Уральского хребта, от севера до юга. В начале XVIII века топонимы Урал и Павдинский Камень широко использовались не только в быту, у местного населения, но и фигурировали широко в административной переписке. Создается впечатление, что И.К.Кирилов не был знаком с трудами С.У.Ремезова.

Примерно такая же ситуация с показанием на картах гор, расположенных южнее истоков р.Яика (Урала), отражалась ещё около полувека. В 1745 г в Петербурге был напечатан Атлас под следующим названием: «Атлас Российской, состоящий из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями, сочиненный по правилам географическим и новейшим наблюдениям, с приложением при том Генеральной картою великая сия империи, старанием и трудами императорской академии наук» [1.164]. Работа над Атласом началась по указу Петра I и длилась около 20 лет. План Атласа составил Г.Делиль. Но затем в 1740 г этот план был улучшен и изменен Л.Эйлером, который в 1739 г стал во главе географического департамента академии наук. Атлас состоял из 19 карт всех районов Российской империи и Генеральной карты России. В начале Атласа представлены вводные материалы:

- краткое показание о сочинении ландкарт,

- содержание,

- долгота и широта знатнейших мест Российской империи. В этом списке по территории Урала приведено три пункта: Соль Камская, Уфа и Екатеринбург,

- толкование знаков, употребленных в Российском атласе.

На л.19 Атласа представлена «Уфимская провинция с прилежащими местами», охватывающая пространство от верховьев рек Уфа и Мияс до р.Уиль по широте. Аналогично данным карт Кирилова, горный хребет на этой карте в верховьях р.Яик разделяется на две ветви. Одна протягивается западнее р.Яика до ее широтного участка и уходит на юг. Другая ветвь показана восточнее верхней части р.Яика и тянется сначала по направлению север-юг, а затем, обогнув истоки р.Тобол уходит на восток. Таким образом, самая южная часть Уральского хребта – современные Мугоджары – прочно закрепилась на русских картах XVIII века. На «Генеральной карте Российской империи» этого Атласа горы показаны от побережья Северного океана до Аральского моря. Но, к удивлению, горы показаны с несколькими перерывами, а не в виде непрерывной цепи. Холмики на карте показаны только в отдельных местах: от океана до широты города Березово, в верховьях рек Печора и Тавда, между верховьями рек Вишеры и Туры, в истоках рек Уфа и Мияс, между реками Яик и Tobол (восточная ветвь), от широтного участка р.Яика на юг до Каспийского и Аральского морей. Этим «Генеральная карта» Атласа 1745 г в худшую сторону отличается от карты Кирилова. При обзоре Академической карты создается впечатление, что Уральский хребет имеет вид отдельных «островов» гор и не представляет собой непрерывного горного хребта. А на карте Кирилова отражена именно идея непрерывности гор, протягивающихся сплошной цепочкой. На всем протяжении Уральского хребта ни на Генеральной карте Атласа 1745 г, ни на картах провинций с уральскими районами не фигурируют названия гор. Основное достоинство карт Атласа 1745 г состоит в том, что они основываются на большом количестве астрономических измерений большой группы геодезистов. После И.К.Кирилова было получено большое количество новых географических данных. Это позволило Эйлеру оценить свой труд в следующей фразе: «Я уверен, что география российская через мои и г.профессора Гейнзиуса (помощника Эйлера – КВГ) труды приведена гораздо в исправнейшее состояние нежели география немецкой земли». Действительно, при составлении карты количество астрономически точно определенных пунктов было существенно больше, чем на германской карте того времени. Такое мнение подтвердил и А.Миллер (русский историк и географ середины XVIII века), который писал, что картография России «приведена к такому совершенству, что почти уже мало к ней прибавлений потребно, ибо и в чужестранных государствах, где науки уже через несколько сот лет процветают, чуть могут похвалиться таким прилежным рачением в сочинении своих ландкарт».

Атлас 1745 г издавался в спешке, в результате чего часть географических сведений присланных геодезистами, не была использована при составлении некоторых карт. Поэтому были высказаны и негативные мнения в адрес Атласа. Например, М.В.Ломоносов отметил: «Посмотрев на тогдашнюю географическую архиву и на созданный атлас, легко понять, коль много мог бы он быть исправнее и достаточнее. И чтобы как-нибудь скорее издать Атлас, пропущены и без употребления оставлены многие тогда же имевшиеся в Академии географические известия».

В 1755 г был издан Иваном Красильниковым атлас под следующим названием «Ландкарты или чертежи географические, на которых представляется Оренбургская губерния с смежными к ней местами. Сочинены в Оренбурге по определению губернской канцелярии декабря дня 1752 года при оренбургских географических делах на разных прежних и новых описаний чрез геодезии прапорщика Красильникова с товарищи». В его составе помещена «Карта генеральная Оренбургской губернии и смежных к ней мест». На этой карте самая южная часть Уральских гор изображена с небольшой деталью, которая отличалась

от карт Кирилова и Атласа 1745 г. Как и на предыдущих упомянутых картах Уральский хребет показан разделяющимся на две ветви – западную и восточную – в верховьях р.Яика (см. рисунок 1.43). Западная ветвь вначале протягивается в южном направлении до истоков р.Сакмары, располагаясь западнее р.Яика, но далее поворачивает и уходит на запад. Горный хребет идущий к повороту р.Яика на запад и далее через её на юг, на карте не показан. Восточная ветвь, располагаясь к востоку от р.Яик, идет в направлении север-юг, разделяя бассейны рек Яика и Тобола. Далее, эта восточная ветвь в свою очередь разделяется на два хребта. Один уходит на восток в истоки р.Ишим. Второй протягивается в юго-западном направлении вплоть до Каспийского моря, являясь, по-сути, прообразом современных Мугоджар. Таким образом, бифуркация Уральского хребта в верховьях р. Яика в середине XVIII века устойчиво осознавалась русскими картографами.

В 90-е годы XVIII века в России было издано несколько Атласов Российской империи. В принципе, в основе всех изданий лежал «Российский атлас из сорока четырех карт состоящий и на сорок два наместничества Империю разделяющий», изданный в 1792 г. В Атласе 1792 г находилось 44 карты. Сочинителем Атласа был А.Вильбрехт, а издан Атлас географическим департаментом кабинета ея императорского величества. Карты в атласе располагались в порядке, обусловленном их географическим положением в трех полосах: северная, средняя и южная. Интересующая нас самая южная часть Уральского хребта представлена на двух картах. На карте №37 изображено Уфимское наместничество. Здесь показаны две ветви гор по сторонам верховий р.Урал. Западная ветвь, имеющая направление север-юг, протягивается от истоков р.Урала до поворота реки на запад. А южнее широтного отрезка реки горы не показаны. Восточная ветвь гор показана только в верхней части меридионального участка р.Урала. Любопытен тот факт, что восточная ветвь не имеет восточного ответвления. При этом около одного из холмиков в южной части ветви, расположенного по широте севернее крепости Магнитной (современное название – город Магнитогорск), стоит название – гора Аурурук, что напоминает гору Айрюк в современных Мугоджарах. На одной из карт представлена «Киргиз-кайсацкая степь». На этой карте в верховьях р.Урала показана одна западная ветвь гор, которая тянется и южнее широтного участка р.Урала. А восточная ветвь в верховьях р.Урал вообще не фигурирует. Сопоставление рассматриваемых двух карт указывает на то, что Мугоджарские горы (без названия на карте) окончательно утвердились, как орографический объект, но конкретизация их географического местоположения еще была неустоявшейся. На ряде карт с уральскими районами в Атласе 1792 г появилась новая, по сравнению с Атласом 1745 г, информация о названиях гор. На фрагменте карты на которой приведен район от верховьев р.Вильвы на севере до р.Чюсвы на юге, стоят надписи гор: Кнесь Павдинская, Конжакова, Павдинская, Благодать, Синя, Жеребцова, Медведь, Волочья. На карте «Пермское наместничество» указана гора Колтнера (современное название – гора Денежкин Камень). На карте «Вологодского наместничества» между верховьями рек Щугор и Подчерем обозначен «Кам.Толпас» (современная вершина Тельпосиз). На карте «Архангельского наместничества» нанесена «г.Сабля». Такая информация говорит о том, что русские геодезисты побывали к концу XVIII века в отдаленных северных уральских районах. На рисунке 1.44 представлена «Генеральная карта Российской империи» из Атласа 1792 г. Отмечу два важнейших обстоятельства этой «Генеральной карты...». Вдоль цепочки холмиков гор стоит надпись «Уральские горы». Следовательно, к концу XVIII века название гор – Урал – распространилось на весь Уральский хребет. И такое название окончательно закрепилось за горным хребтом, разделяющим Европу и Азию. Хотя в этом же Атласе на карте №16 «Тобольское наместничество» вдоль цепочки гор стоит надпись «Поясовый Павдинский Камень, называемый Урал», которая свидетельствует о завершающей стадии противоборства топонимов «Урал» и «Павдинский Камень». Наконец, ещё один весьма существенный момент. На всех русских картах начала XVIII века и до примерно, 80-х годов, Уральский хребет изображался в виде прямолинейной цепочки холмиков в направлении север-юг на большей части своей протяженности. Русские геодезисты в конце XVIII века определили, что на широте около 65 градусов Уральский хребет изменяет свое направление простирания – с северного на северо-восточное. Такой факт полностью соответствует реальности. И на всех последующих картах России Уральский хребет стал показываться с этим перегибом.

Изменение направления простирания Уральского хребта происходит на Приполярном Урале, в районе высшей уральской вершины – горы Народной (мансийское название – Поэнг-Ур). Неоднократно, зимой и летом, путешествовал я в этом районе. Однажды, с друзьями, мы прошли по водоразделу именно этот изгиб. Он находится в верховьях рек Народная (на восточном склоне) и Кожим (на западном склоне). Оказалось, что водораздельная линия здесь делает локальный поворот почти на 180 градусов. Подходя к горе Поэнг-Ур с юга, затем от этой горы водораздел резко поворачивает сначала на восток. А на отрезке около 15 километров даже на юг. Но затем снова разворачивается на восток и далее уходит в устойчивом северо-восточном направлении. Мы назвали такой участок хребта Уральским Интегралом. Уникальное место на всем Урале. Идешь по водоразделу на север. А вскоре после горы Поэнг Урр обнаруживаешь, что, продолжая движение по водоразделу, ты идешь на юг! Такую картину геологи объясняют сдвигом двух соседних блоков земной коры вдоль глубинного разлома северо-западного (юго-восточного) направления по линии рек Кожим – Малая Тынагота. Гипотетически, таким сдвигом уральских блоков можно объяснить и образование высшей уральской вершины Поэнг-Ур именно в этом месте. Северный блок изогнул прауральский хребет. И в месте изгиба вздыбилась и самая высокая гора на Урале.

1.4.8. Северный отрожек Уральских гор

Последним участком Уральских гор, нанесенным на карту, стало северо-западное ответвление, ныне именуемое хребтом Пай-Хой.

В XVI-XVII веках на ряде европейских карт Московии вдоль береговой линии Ледовитого океана от р.Оби на запад до Белого моря показывался горный хребет (Г.Меркатор, 1594г; С.Нейгебауер, 1612г и др.). Но это были изображения мифических, реально не существующих гор, никак не связанных с Уральским хребтом. Такие приморские горы были показаны на картах Витсена (1689г), и Избранта Идеса (1706г). Затем европейские картографы осознали нереальность прибрежных гор под влиянием русских карт и перестали наносить на свои карты такие приморские горы. Так. Например, Ж.Делиль, который был знаком с многочисленными русскими картами, на своей карте Тартарии (1706г) уже не показал северные прибрежные горы. Северную часть Уральских гор он повернул на восток, к устью р.Оби, что соответствовало изображению этого участка Уральских гор на русской годуновской карте Сибири 1667 г (см. выше). Однако, и на русских картах северо-западное ответвление Урала на Югорском полуострове долгое время не фигурировало. На «Генеральной карте географической, представляющей Архангелогородскую губернию на свои провинции разделенную», которую в 1773 г сочинил адъютант Российской академии наук Я.Ф.Шмидт, Уральский хребет показан без северо-западного ответвления на Югорский полуостров. На «Генеральной карте Тобольского наместничества», изготовленной в 1784г, Уральский хребет оканчивается в верховьях р.Кара, без северо-западного ответвления. Таким же образом показаны Уральские горы и на общей карте Российской империи в составе Атласа России в 1792 г. И даже в 1804г на «Генеральной карте Тобольской губернии», которая была сочинена в Тобольске, Уральский хребет проведен только до Карского залива. По данным, имеющимся в моем распоряжении, первая опубликованная информация о горах на Югорском полуострове появилась в 1786 г. В «Новых ежемесячных сочинениях» была напечатана статья В.Крестинина о самоедах, обитающих в тундре и по побережью Северного моря вплоть до Сибирских (Уральских) гор [1.170]. Он кратко упоминает о горах, идущих к северо-западу от верховий р.Кара. В 1825-1830 гг в Большеземельской тундре архимандрит Вениамин крестил самоедов, приводя их к вере христианской. В «Архангельских губернских ведомостях» позднее он опубликовал большое описание мезенских самоедов [1.171]. В своей статье он пишет о том, что каменный хребет «от вершины реки Кары пошел отдельною ветвию, по левой стороне сей реки (по ея течению), сперва на северо-запад, а потом на запад к реке Оио или Великой... до самого Югорского Шара». Этот каменный хребет, который он именует самоедовским, имеет длину около 300 и ширину около 40 верст и «вдался в море особым мысом, называемым Манесале». На горах этих имеются «разнообразные утесы, на вершинах коих инде показывается голый камень, то острыми, то тупыми скалами». Он составил карту «на самих местах» и отправил ее в Русское географическое общество. К моему сожалению, я не мог разыскать такую карту.

Более подробные сведения об Югорском полуострове собрал Александр Иванович Шренк, русский немец, родившийся в 1816 г в России. В 1837 г он окончил Дерптский университет и получил степень кандидата философии. Сразу после окончания университета он поступил на службу в Ботанический сад в Петербурге. И весной этого года по высочайшему повелению царя отправился в свое первое путешествие через тундру самоедов к северной части Уральских гор. Его поездка по северной тундре длилась семь месяцев. В молодые годы он совершил ещё два значительных путешествия. В 1839 г ездил в отдаленные районы Финляндии. А в 1842 г он путешествовал по Джунгарии и киргизской степи. Во время этой поездки его сопровождали вооруженные казаки, от которых он записал тексты и ноты большого количества казачьих песен. В 1848 г он защитил в Дерптском университете диссертацию «Орографогеогностическое обозрение Уральских гор в дальнем Севере» и получил степень приват-доцента. В Дерптском университете он преподавал палеонтологию, минералогию и геологию. В 1852 г он защитил вторую диссертацию «Обозрение верхне-силурийской системы Лифляндии и Эстонии...» и получил степень магистра. Однако, в следующем году его не утвердили в профессорском звании, так как он к этому времени не сумел оформить материалы о всех своих путешествиях. Поэтому он уединился в своем родовом поместье в Лифляндии. Там он увлекся поэзией и написал немалое количество стихов, опубликовав их в двух сборниках.

О своем северном путешествии по тундре Шренк написал книгу. В начале труд этот был опубликован в двух томах на немецком языке: том I – в 1848г, том II – в 1854г [1.172]. И только в 1855 г книга в одном томе была переведена и издана на русском языке [1.173]. Свою поездку он начал через Архангельск и Мезень. Этим же путем он и закончил свой вояж на далекий север. Маршрут его пролегал через Большеземельскую возвышенность на р.Коротайху и далее до Югорского пролива, который он перешел на лодке и посетил южную часть острова Вайгач. Вернувшись на материк, он отправился на восток вдоль Пай-Хоя к Уральским горам. Переправившись через р.Кару, он поднялся на ближайшую уральскую вершину Гатоумбай. А затем по такому же пути отправился обратно – Пустозерск, Мезень, Холмогоры и Петербург.

Шренк описал на Югорском полуострове большое количество вершин, входящих в две цепи гор Падающей, которые «берут свое начало с хребта Уральского... в виде ветвей». В пути он сделал более 50 барометрических определений вершин, устьев рек и пр. Основным средством его передвижения были олени упряжки. Контактируя с самоедами он собрал самоедско-русский словарь включающий 905 слов.

У Шренка была «подробная карта» всего района путешествия. Можно полагать, что это была карта, составленная архимандритом Вениамином. В своей книге Шренк однозначно сообщает, что главная цепь гор Падающей «берет свое начало с хребта Уральского», примыкая к нему «в виде ветвей», уходящих в северо-западном направлении. В итоге, результаты поездки Шренка убедительно показали, что в своей северной части Уральские горы имеют северо-западное ответвление, доходящее до северной оконечности Югорского полуострова. Шренк ни разу не упоминает в своей книге о том, что он составлял собственную карту района своего путешествия. Тем не менее он в северной части Урала выделил четыре района:

- Северный или вогульский Урал он поместил на территории, ограниченной от 61 до 65 градусов северной широты (примерно от верховьев р.Вишеры до истоков р.Кожим);
- Полярный или остяцкий Урал, в пределах 65-68 градусов (примерно до истоков р.Кары);
- Арктический или самоедский Урал, расположенный между 68 и немного севернее 69 градуса (до пролива Югорский шар);
- Гиперборейский или морской, ненаселенный Урал, протянувшийся до 76 градуса северной широты, включающий острова Вайгач и Новая Земля.

Не успел выйти в свет русский перевод книги Шренка, как хребет Пай-Хой, в виде северо-западного ответвления Уральских гор, окончательно утвердился на географических картах, что произошло благодаря заслугам двум экспедиций: единоличного путешествия по Уралу венгра и трехгодичной северо-уральской экспедиции ИРГО.

В замке Святого Ангела в папском архиве Ватикана хранятся две пергаментные рукописи XVIII века. В них записан рассказ о двух путешествиях венгерского миссионера доминиканского монаха брата Юлиана, совершенных им в 1235-1237 гг в Восточную Европу в поисках Прародины венгров – Magna Hungary (Великой Венгрии). Кроме того, в нескольких средневековых венгерских хрониках имеются сведения о том, что венгры-мадьяры поселились в Среднем Подунавье в 896 г н.э. А пришли они сюда с востока. Предки венгерского народа принадлежат к угорской ветви финно-угорских народностей. Ближайшими их языковыми родственниками являются манси и ханты, которые и поныне живут в приуральских районах. В наше время эти сведения подтверждены главным образом многочисленными лингвистическими данными. Впервые после ухода семи мадьярских родов на запад своих древних сородичей отыскал брат Юлиан на Урале, на большой реке Этиль, что ныне зовется Белой. С тех пор усилиями нескольких поколений венгерских и других, в том числе и русских, исследователей показана языковая общность венгров и манси-хантов. Успех этих доказательств был предопределен, главным образом, применением методов сравнительного языкознания. Сам же рабочий процесс шел, как правило, в кабинетной тиши, в поисках истины на кончике пера. В этой когорте мыслителей особо выделяется венгр Антал Регули. Он был первым из тех, кто самостоятельно собирал научный материал о манси и хантах в местах их современного обитания на Урале.

Родился А.Регули (см. рисунок 1.45) 11 июля 1819г в семье адвоката в городке Зирц недалеко от Будапешта. Учился в будапештском университете. В студенческие годы большой интерес у него вызвала история венгерского народа. Тогда же проявилась страсть к путешествиям. Он посетил ряд городов Центральной Европы, а после окончания учебы совершил продолжительную поездку по Северной Европе. Именно там, в Стокгольме, он заинтересовался проблемой происхождения венгров и их родства с финно-угорскими народами. Это предопределило весь его дальнейший жизненный путь и привело в Россию.

В 1841г он приезжает в Петербург. Здесь под влиянием главным образом академика К.Бэра, взяв у него деньги в долг, он принимает решение совершить поездку на Северный Урал в места обитания манси и хантов.

29 сентября 1843 г (по старому стилю) Регули выехал из Петербурга. Проехал через Москву, Нижний Новгород. И поздним воскресным вечером 7 ноября прибыл в Пермь. Отсюда начались его уральские странствования [1.175]. Регули проехал на лошадях и оленях и проплыл на лодке по рекам вдоль Уральского хребта от широты Перми и Екатеринбурга до побережья Северного Ледовитого океана (туда и обратно). Почти полтора года путешествовал он по Уралу. И закончил свое уральское путешествие 12 марта 1845 г также в Перми. Общая протяженность маршрута по собственным его подсчетам, приведенным в его Дневнике, составила около 10000 км.

Миновал Соликамск, он 23 ноября переехал через Уральский хребет и на следующий день прибыл в Верхотурье, откуда отправился в село Всеволодо-Благодатское, расположенное в 20 км от горы Денежкин Камень. Здесь он жил почти до конца февраля 1844 г. Записал мансийские тексты и песни, в том числе три с нотами. Начал составлять мансийский и хантыйский словари. Записал мансийские мифы и предания. Вел лингвистические записи по грамматике и синтаксису мансийского языка. Составил этнографическое описание быта и нравов манси и хантов. Провел краниологические измерения у

местных жителей. Сделал гипсовые слепки головы нескольких манси. По устным рассказам манси составил несколько рукописных карт уральских районов, куда предполагал отправиться далее.

Посетив знаменитую Ирбитскую ярмарку и Тобольск, Регули проехал в городок Пелым, где и провел почти три месяца, переживая весеннюю распутицу. Провел лексические и этнографические работы. 12 июня, когда установилась теплая летняя погода, он на лодке поднялся до верховьев р.Пелым и пешком «через ужасные болота» перебрался на р.Тапсуй, где отдыхал три недели. Это был физический отдых, а интенсивная умственная работа не прекращалась. Он «писал слова», пополняя языковые словари. Собирал сведения об Уральских горах. Затем на лодке он проплыл до устья р.Тапсуй и далее по рекам Северной Сосьве и Ляпин проехал в село Щекуринское, расположенное в предгорьях Уральского хребта.

Ещё в самом начале своего уральского путешествия Регули получил от манси информацию о том, что в верховьях рек Манья и Норэти находятся «высшие Уральские горы». Находясь во Всеволодо-Благодатске ещё в январе 1844 г Регули со слов манси Касимова составил рукописную «Карту речной области северной Сосьвы» [1.176]. На этой карте нанесена цепочка гор в Уральском хребте по линии Главного Уральского водораздела с названиями гор и рек на обоих склонах хребта (см. рисунок 1.46). На карте горы показаны от истоков р.Хулги (на севере) до верховьев р.Лозьвы (на юге). На карте между верховьями рек Пуйва и Норэти (современная р.Народа) стоит продольная скобка, вдоль которой имеется запись: «Hier ist der Ural am höchsten» («Здесь Урал есть наивысший»). Работа Регули по составлению им карты с нанесенным на ней местоположением «района высших уральских вершин» отвечает и удовлетворяет всем признакам географического открытия. Он впервые записал сведения о месте расположения «района высших уральских вершин» в своих рукописных материалах, которые ныне хранятся в рукописном отделе библиотеки венгерской академии наук в Будапеште. В отчете о второй части своего уральского путешествия, отправленном в мае 1845 г из-под Казани секретарю венгерской академии наук Ф.Толди, Регули записал: «... на истоках Маньи, где Урал на всем своем протяжении от Яика до Ледовитого моря достигает наибольшую высоту...» [1.177]. В тексте сообщения, сделанного Регули 30 ноября 1856 г в венгерской академии наук, он записал: «...Однако, внезапно повышается он [Уральский хребет - КВГ] также после Пуйвы и развивается до Поэнг урр (в истоках Норэти) по длине на 9 миль в такую громаду масс, по высоте возрастающую, что она в общей цепи Урала как наивыдающаяся должна быть принята...» [1.178]. Регули впервые и правильно нанес на карту «район высших уральских вершин», что однозначно зафиксировано наличием такой карты в архивах Петербурга и Будапешта [1.179].

Добравшись до села Щекуринского, из которого прекрасно видны громады Уральских гор, и имея уже информацию о том, что в этом районе «Урал есть наивысший», Регули уже не мог не посетить эти горы. Около месяца он готовился к поездке к высочайшим вершинам Урала. 30 августа он отправился в горы. Сначала плыл два дня на лодке по рекам Ляпин и Манья. Далее поехал на нартах, которые везла четверка оленей. События того времени Регули описал в своем «Дневнике» [1.180]. За четыре дня Регули добрался до верховий р.Мань-Хобею. После дня отдыха он приступил к осмотру Главного Уральского водораздела и составлению карты исследуемого района. Приведу некоторые записи из «Дневника» Регули:

- «5 сентября... Я описываю Урал»;
- «7 сентября... Я ходил к верховьям долины Тьонд-Косье-я»;
- «8 сентября... мы рисовали наконец понятным способом Урал»;
- «9 сентября ... Я ходил с Тьобинг через горные вершины в долину Порне, вечером назад»;
- «10 сентября... Я писал самоедский Урал».

Как видно из приведенных записей Регули составил карту «района высших уральских вершин». Это была первая относительно крупномасштабная карта региона Приполярного Урала. К сожалению, эту черновую карту, выполненную им непосредственно в горах, среди его рукописных материалов пока найти не удалось.

Но карту Урала Регули исполнил.

На обратном пути домой он задержался в Петербурге, где ИРГО предложило ему оформить карту Северного Урала [1.184]. Такая карта нужна была обществу, поскольку оно планировало в следующем году провести на Северном Урале собственную большую экспедицию. Регули изготовил такую карту. На рукописном экземпляре карты Регули имеется вставка, где представлен район Приполярного Урала. Эта вставка и является чистовым вариантом карты, составленной Регули непосредственно в горах.

На вставке Регули записал около 70 названий гор и рек. Все они имеют мансийское происхождение. Все названия рек на вставке практически соответствуют современным. Около десяти названий гор сохранили свои названия и поныне (Манарага, Неройка, Пуйва и др.). Ещё около десяти оронимов на современных картах имеют другие названия, появившиеся на картах в советский период. Основная же масса гор на вставке к карте Регули до сих пор не фигурирует на современных картах. Эти названия гор нигде больше не встречаются и никем, кроме Регули, больше не записаны. Регули впервые нанес на карту эти названия гор, письменно и географически закрепив их. В этом плане такие названия гор на вставке к карте Регули можно рассматривать как топонимические первоисточники.

Одна из гор на карте – вставка Регули, опубликованной в журнале Венгерского Географического общества в 1906г[1.181], кроме названия помечена крестиком. Анализ расположения этой вершины позволяет сделать однозначный вывод – это современная гора Народная, высшая уральская вершина. Из картографических и других рукописных материалов Регули следует, что она имеет первичное мансийское название Поэнг- Ур . В рукописях Регули мне удалось найти более десяти записей названия этой горы, имеющей обобщенный смысл – верхушка, макушка, голова, т.е. вершина, выделяющаяся среди всех окружающих ее гор, или вершина, находящаяся выше всех других, т.е. высшая вершина [1.182]. Таким образом, Регули сделал на Урале свое второе географическое открытие – впервые нанес на карту высшую вершину Урала – гору Поэнг- Ур .

В своем повествовании я задержался на событиях, когда Регули обследовал район высших уральских вершин. Как же продолжалось путешествие неугомонного венгра?

11 сентября 1844 г Регули оставил свой лагерь в долине р.Мань-Хобею и отправился на север вдоль восточного склона Уральского хребта. Ехал на оленях, «на перекладных», от чума к чуму. Ночевал в верховьях р.Народы, всего в 15 км от высшей уральской горы. Переправляясь через р.Сыню, он «в реку опрокинулся». И 27 сентября, перебравшись в бурю через р.Обь, он приехал в Обдорск (современный город Салехард). Наступила осень. Шли дожди со снегом. До побережья северного Ледовитого океана было недалеко – всего каких-то 300 км. Закупив зимнее снаряжение, он только со второй попытки смог переправиться через р.Обь, медленно покрывающуюся льдом. Регули проехал по восточному склону Уральского хребта, обогнув его северную оконечность, круто обрывающуюся к тундре.

Далее его путь пролегал по хребту Пай-Хой, северо-западному ответвлению Уральских гор. Здесь он составлял свою карту, нанося на нее со слов своих проводников все крупные вершины хребта. 21 октября он достиг Югорский Шар – пролив между материком и островом Вайгач. Скорее всего, Регули был первым венгром, нога которого ступила на берег Югорского Шара, дойдя сюда от берегов Дуная. С побережья океана он проехал затем в город Березово, куда прибыл 12 ноября 1844 г. Здесь он провел три с половиной месяца, собирая мифы и предания манси и ханты, а также различные лингвистические и этнографические материалы.

19 февраля 1845 г Регули покинул Березово и отправился в обратный путь, который растянулся по времени. Побывал он и в Екатеринбурге. А затем долго находился в Казани и ее окрестностях, собирая различные материалы по языкам коми, удмуртов, черемисов, чувашей.

Заканчивая рассказ об уральском путешествии Регули, отмечу, что заслуги его в ураловедении в наше время не забыты. Два его географических открытия на Урале – нанесение на карту высшего района Уральских гор и высочайшей вершины Урала горы Поэнг- Ур – введены в научный и общественный оборот. Отдавая дань уважения уникальному венгру, в 1990 г проведена советско-венгерская экспедиция, в ходе которой безымянной вершине присвоено имя «гора Регули». Ныне у вершины с отметкой 1711 м, расположенной в верховьях р.Мань-Хобею, на ее предвершине лежат две мемориальные плиты. На одной из них на венгерском, а на другой – на русском языке, находятся следующие однотипные тексты: «Эту вершину в июле 1990 года назвали именем венгра Регули Антала (1819-1858 гг). Регули заслужил уважение финно-угорских народов изучением обь-угорских языков, их этнографии. Результатом его исследований (1843-1845 гг) было изготовление первой географической карты Северного Урала. Этот мемориал, названный в его честь, Венгерская Академия Наук и венгерское научное общество доверили возложить участникам советско-венгерской экспедиции «Регули».

Выше уже упоминалось о том, что Регули на обратном пути домой с Урала, находясь в Петербурге, составил карту Северного Урала по просьбе ИРГО. На этой карте [1.179] нанесено большое количество топонимов. Регули в письме к академику Кеппену [1.184] писал: «... что касается до имен и названий мест, то они обозначены со всею полнотой там, где живут вогулы. Нет ни одной деревушки, ни одной вогульской жилой лачуги, которая не была бы показана на карте...». И далее: «Обозначения названий горных возвышенностей покажется, может быть, в некоторых местах слишком подробным, но полагаю, что для путешественника, желающего путешествовать в этих местах, оно должно казаться скорее недостаточным, нежели слишком полным». Карта Регули с большим количеством оро- и гидронимов сослужила добрую службу североуральской экспедиции ИРГО в 1847-1850 гг. Гофманн Э., руководитель этой экспедиции, с большой теплотой отзывался о Регули [1.185]: «Но особенным счастьем для нашей экспедиции было то, что в это время г.Антон Регули, на возвратном пути из северного своего путешествия, увиделся с нами в Петербурге... Дневник его, кроме виденного им самим, заключает в себе драгоценное собрание сведений обо всем Северном Урале». По оценке Гофманна карта Регули «принесла экспедиции величайшую пользу в том отношении, что на ней было означено множество гор и рек». И далее Гофманн делает существенное признание: «... без этих названий мы не могли бы растолковать нашим вожатым, куда они должны вести нас». Рукописная карта Северного Урала, составленная Регули, ныне хранится в Петербурге, в библиотеке ИРГО [1.179]. Эта карта была литографирована для членов экспедиции ИРГО. Один экземпляр такой литографированной карты был послан Регули и ныне хранится в рукописном отделе библиотеки Венгерской академии наук в Будапеште [1.179]. Позднее с этого будапештского экземпляра была опубликована карта в приложении к статье Папаи Д. [1.181] (в размере уменьшенном на одну треть). С этого литографированного экземпляра карты опубликован перечень топонимов [1.186], в котором указано 606 наименований. Однако, по моим

подсчетам на рукописной карте Северного Урала имеется более 1500 названий. Список названий гор, записанных на рукописной карте Северного Урала Регули, составлен мною и опубликован в работе [1.187]. На рукописной карте Регули имеется вставка, на которой представлены окрестности высшей уральской вершины Поэнг- Ур . Список оронимов на этой вставке опубликован в работе [1.188].

На карте Северного Урала, составленной Регули, судя по всему, впервые был изображен хребет Пай-Хой, соединяющийся с основным Уральским хребтом. На большей части своей протяженности Пай-Хой изображен в виде двух параллельных горных хребтов, вытянувшихся от верховьев р.Кары до пролива Югорский Шар вдоль всего Югорского полуострова (см. рисунок 1.48). На этой части карты Регули записаны 53 названий гор и приморских мысов. Подавляющее большинство их происходит из ненецкого языка. В целом, изображение хребта Пай-Хой на карте Регули вполне соответствует реальности. Отмечу только одну существенную деталь. На карте Регули отсутствует название этого хребта (Пай-Хой).

В 1847-1850 гг ИРГО провело свою североуральскую экспедицию, отряды которой работали в основном три летних сезона на местности. Формально руководителем экспедиции числился Гофманн Э. Но два летних сезона отдельно работали два самостоятельных отряда: одним руководил Гофманн Э. (см. рисунок 1.49), профессор, заведующий кафедрой минералогии физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета [1.189], а другим – Стражевский Н., горный инженер, капитан корпуса горных инженеров [1.190]. Кроме того, в экспедиции в большей мере самостоятельно, в том числе и в зимнее время, работал астроном и геодезист Ковальский М. (см. рисунок 1.50), в будущем профессор Казанского университета [1.191].

После сборов в Перми экспедиция начала свои работы с Чердыни. Отряд Стражевского поднимался вверх по долине р.Вишере, обследуя вершины, расположенные в Главном Уральском водоразделе. В 1830-е гг Стражевский неоднократно руководил многолетней горной экспедицией, проводимой Уральским горным правлением, пути которой пролегли в основном по восточным склонам Уральского хребта. В тех походах Стражевский продвинулся на север до верховьев р.Щугор. Но тогда у него не было никаких приборов для определения высоты гор. На сей раз он имел соответствующее оборудование и с завидной последовательностью поднимался на все встречающиеся вершины, определяя отметки их высот. Отряд Стражевского от истоков р.Вишеры далее продвинулся вдоль Уральского хребта до района горы Тельпосиз, которая расположена в месте выхода р.Щугор из гор на равнины западного склона Урала. Здесь отряд Стражевского повстречался с Гофманном.

Отряд Гофманна добирался до места встречи в основном по рекам, на лодках. Из Чердыни, вверх по р.Колве. Далее через волок в р.Печору, где был сделан выход в горы. Затем вниз по р.Печоре до устья р.Щугор и вверх по последней.

После встречи на р.Щугор оба отряда, но разными маршрутами, спустились по восточному склону Урала до р.Северная Сосьва и по ней и р.Оби добрались до Тобольска.

На следующий летний сезон 1848 г экспедиция собралась в Тобольске и вниз по р.Оби сплыла до устья р.Войкар, по которой поднялись в верховья ее, где на р.Кокпела снова экспедиция разделилась на два отряда.

Отряд Стражевского отправился на юг вдоль по водоразделу Уральского хребта. Целью отряда было достижение точки, до которой дошла экспедиция в предыдущий сезон. Продвигаясь на юг, отряд попал в район, где свирепствовала «оленья язва» - болезнь оленей, превратившаяся в эпидемию. Все олени отряда погибли. Олени окрестных местных жителей гибли тысячами. В этой критической ситуации Стражевский принял единственное правильное решение – прекратить экспедиционную работу и пешком уходить на р.Обь. Целый месяц отряд пешком шел на восток в населенные места. Кончились сухари. Питались грибами. И вышли в село Мужы [1.192]. Стражевский провел свой голодающий отряд по болотным топям и переправы через бурные реки, воодушевляя их в самые критические моменты.

В целом, фигура Никифора Стражевского – уникальна. Выпускник петербургского кадетского корпуса, где дважды награждался золотыми медалями. Владел иностранными языками – французским, немецким и латинским. Горным инженером трудился на разных должностях в округе Богословских заводов. Четырежды участвовал и руководил экспедициями, исследовавшими Северный Урал, результаты которых опубликовал в Горном журнале [1.193]. Его известия об уральском районе на севере вплоть до р.Щугор были первыми, опубликованными в научном мире. На Стражевского ссылался А.Гумбольдт. Регули А. получил информацию о Северном Урале от Стражевского. Пожалуй, ни одно из описаний истории познания севера Урала не обходится без упоминания имени Стражевского. В 1830-е гг он исследовал северные уральские районы, но не имея барометра, только фиксировал горы на своих картах. В североуральской экспедиции Русского Географического общества он держал в руках барометр. И с удивительной настойчивостью и большим умением раз за разом поднимался на уральские горы, определяя их высоты. До него в этом районе не была известной высота ни одной из гор. Его определения были первыми. Заслуга его была уже в том, что он в 1847 г определил высоты 83 уральских вершин, из 109 измерений, проведенных всеми участниками этой экспедиции. В 1848 г местом его службы стал Екатеринбург, где он занял должность управляющего «чертежной» Уральского горного правления. В 1851 г он был уволен от службы «за болезнь – полковником с мундиром и пенсионом по положению».

В 1848 г отряд Гофманна по Кокпельскому перевалу перебрался на западный склон Урала и по тундре, не заходя непосредственно в горы, прошел до верховьев р.Кары, откуда добрался до конечных

гор, круто обрывающихся в тундру. Затем по северным склонам Пай-Хоя отряд прошел до пролива Югорский Шар, отделяющий остров Вайгач от материка. Здесь путешественники вышли на морской берег. По пути поднялись на две вершины Пай-Хоя: Море-из и Сиве-пай. От пролива Югорский Шар отряд вернулся на р.Кару, откуда прошли на р.Усу, по которой сначала на плоту, а затем в лодках проплыли до р.Печоры. И далее через Ижму, Мезень и Архангельск прибыли в Петербург.

Небезынтересно отметить, что в составе экспедиции участвовали горнорабочие, прикомандированные от уральских горных заводов. В 1847 г под руководством штейгера Трофима Лишенко работали: Лукьян Ларионов, Илья Герасимов, Симон Ильин, Николай Васильев. А в 1848 г в экспедиции трудились Павел Ванников и Григорий Валуев.

В результате двухсезонных летних работ остался необследованный участок Уральских гор: от верховьев р.Щекурьи и до истоков р.Синьи. С этим районом Гофманн познакомился в 1850 г. Через Пермь и Чердынь отряд пробрался на р.Печору и по ней сплыл на лодке до устья р.Щугор. Далее вверх по рекам Щугор и Большой Паток до горы Сабли. По мнению Гофманна «высочайший шпиг Сабли похож на острый гвоздь и не представляет никакой возможности для восхождения». Отсюда проехали на оленях сначала в долину р.Косью, мимо горы Манараги, и через два перевала попали на р.Хай-Яга (современное название – р.Балбанью Западная). На этом участке Гофманн проехал всего в четырех километрах от высшей уральской вершины. Её местоположение и название Поэнг-Ур Гофманн должен был знать из карты Регули А. Однако, либо Гофманн не разобрался с картой венгра, либо у него вообще не было интереса и желания к восхождениям на уральские горы. Поэтому он проехал по подножию горы Поэнг-Ур и не обратил на нее никакого внимания. Скорее второе: не хотел он лазать по каменным кручам. В своем отчете об экспедиции, оригинал которого он написал на немецком языке и только позднее был переведен на русский язык, он привел сводную таблицу с данными о высотах гор, определенным разными участниками путешествий. Анализ этой таблицы показал, что Гофманн лично сам сделал барометрические определения высоты следующего количества гор (поднимаясь на них): в 1847 г – 20, в 1848 г – 10 и в 1850 г – 5. При этом все вершины, точнее, горушки, на которые он поднимался, были незначительной высоты и просты для восхождения на них. Для сравнения еще раз приведу данные о том, что только один Стражевский и только в одном 1847 г определил высоты 83 уральских вершин. Из района высших уральских вершин Гофманн по западным предгорьям хребта проехал на север до р.Харуты, по которой сплавился на плоту, а затем по рекам Лемве и Усе на лодке. Окончание маршрута этого года прошло знакомым путем – по р.Печоре, с перевалом на р.Колву и в Чердынь.

В завершение рассказа в целом о североуральской экспедиции ИРГО немного о работах, выполненных М.Ковальским. Он выполнил измерения земного магнетизма в пяти точках – Чердынь, Оранец, Пустозерск, Березов и Обдорск. Провел ряд астрономических наблюдений, в том числе солнечного затмения. Определил долготы и широты ряда уральских мест, что позволило более правильно изобразить на карте территорию Северного Урала. Определил высоты ряда уральских гор, в том числе Сабли и Тельпосиза (тригонометрическими расчетами).

Следует также отметить, что Гофманн за проведение североуральской экспедиции получил от ИРГО золотую Большую Константиновскую медаль. Это была первая такая медаль, выданная обществом своему сотруднику и она имела №1. Кроме того, Гофманн и Ковальский от Российской академии наук получили половинные Демидовские премии.

Одним из главных итогов экспедиции явилась карта обследованного района Урала, составленная топографами корпуса топографов В.Брагиным и Д.Юрьевым. Карта имеет название, помещенное в нижнем правом углу: «Карта Северного Урала и берегового хребта Пай-Хоя, составленная с топографических съемок и астрономических определений, произведенных Уральскою экспедицею, снаряженной императорским русским географическим обществом в 1847, 1848 и 1850 годах». Карта выполнена на двух отдельных листах и охватывает пространство между реками Печора и Обь: по широте – от 67° до 70° и от 51° до 67° по долготе, отсчитываемой от гринвичского меридиана. На карте нанесена также вторая градусная шкала долготы, определяемая от нулевого меридиана Ферро. Карта имеет координатную сетку, составленную полковником Ф.О.Максимовым. Линии широты нанесены через 0,5 градуса, а гринвичская долгота через 1,0 градус. При этом каждый градус долготы на координатных линиях, нанесенных вверху и внизу каждого листа карты, разбит на 12 черных или белых прямоугольничков. В самой южной части карты показан город Чердынь и р.Вишера, а на севере – побережье Карского моря и южная часть острова Вайгач. Карта была издана на двух языках – русском и немецком. Масштаб карты – 25 верст в дюйме.

Информацию о географическом построении карты сообщает Ковальский М. [1.194]. Были использованы следующие астрономические определения, сделанные предыдущими исследователями:

- данные описи берегов Ледовитого моря на протяжении от устья Печоры до Обской губы, проведенной штурманами Ивановым и Бережным в период 1821-1828гг;
- астрономические определения положения городов Обдорска и Березова, проведенные А.Эрманов в 1828 г;
- пункты, определенные астрономическими наблюдениями, произведенными капитан-лейтенантом Крузенштерном в 1843 г во время путешествия по р.Печоре.

В горах базовые астрономические пункты, около 40 точек, определил Ковальский. Топографическую маршрутную съемку, использованную на карте, провели топографы корпуса военных топографов Брагин Г. и Юрьев Д., а также частично Ковальский. Любопытен тот факт, что рассматриваемая карта была составлена топографами Юрьевым и Брагиным в 1852 г, т.е. на год ранее по сравнению с книгой Ковальского и на четыре года - с трудом Гофманна.

Не могу не отметить ещё одну деталь рассматриваемой карты. В правом нижнем углу ее, под обширным названием, изображен продольный профиль Северного Урала (см. рисунок 1.51). От горы Ишерим на юге, до Константинова Камня и тундры на севере. На линии главного Уральского водораздела отмечен ряд гор: Ялпинг-Ньер, Пасс-Ньер, Пай-ер, Константинов Камень и др. Кроме того, в затушеванном виде показаны пики гор, не находящиеся на главном водоразделе: Ишерим. Койп, Тельпос, Сабля и др. Этим самым подчеркивался тот факт, что в некоторых случаях горы, не находящиеся на главном водоразделе, превышают по высоте вершины этого водораздела на такой же широте. Например, горы Сабля и Тельпос по высоте превышают водораздельную линию этого района. На рассматриваемом профиле отразилось противоречие между Гофманном и Ковальским. Гофманн считал, что наивысшей вершиной Уральского хребта является гора Тельпос (1689 м), в то время как вершину Сабля он оценивает по высоте всего в 1567 м. Ковальский же, наоборот, отдавал предпочтение горе Сабля (1648м), оставляя на втором месте вершину Тельпос (1582 м). Судя по рисунку на профильной шкале топографы поддержали мнение Ковальского: зуб горы Сабля показан несколько выше вершины Тельпос. Современные высотные отметки этих двух гор, м: Тельпос – 1617, Сабля – 1497. На профиле Северного Урала в двух местах резкие и узкие понижения профиля можно воспринимать как сквозные поперечные долины. Одна из них на профиле расположена между горами Шадмага и Тельпос и ее можно идентифицировать с широтным отрезком р.Щугор, прорезающим высокие горные массивы, расположенные не на главном водоразделе. В другом случае резкое понижение расположено южнее горы Константинов Камень. На профиле нанесена также граница леса вдоль Уральского хребта. На севере, как показано на профиле, леса исчезают на широте около 67,5 градусов. А в районе горы Ишерим граница леса поднимается до 2500 футов.

В целом, карта составленная североуральской экспедицией ИРГО, представляет собой весьма ценный источник в истории познания и картографии Уральского хребта.

Однако, оказывается, ранее рассмотренной большой карты, Юрьевым была составлена ещё одна карта Северного Урала, о чем он сообщает в своей публикации [1.217]. Он уже не участвовал в экспедиции в 1850 г и поэтому имел время для обработки полевых наблюдений за предыдущие два маршрутных года. В своей статье он записал: «... Приложенная к сему описанию карта Северного Урала, составлена мною в малом масштабе, с тою целью, чтобы показать только главное направление и положение Уральского хребта и примечательных рек обоих склонов его на всем пространстве снятом маршрутами и осмотренном экспедицею, для того же, чтобы эта карта, как отчетная, могла бы с удобностью служить для общего обозрения путешествия экспедиции и мест ею обследованных...». И далее: «... Приложить карту в большем масштабе для этой цели я счел излишним, потому, что ныне уже составлена нами по поручению русского географического общества подробная карта Урала, из всех астрономических определений Г. Ковальского и со съемок моих и прапорщика Брагина, на которой будут все подробности, входящие в описание мое...». Эту свою карту он назвал – «Отчетная карта астрономических определений и маршрутной глазомерной съемки Северного Урала, произведенных в Уральской экспедиции 1847 и 1848 г. Составлена корпуса топографов прапорщиком Д.Юрьевым» (см. рисунок 1.52). В этой, назову её малой, карте изображен Уральский хребет от широты города Чердынь на юге до Карской губы и острова Вайгач. На карте маленькими кружочками показаны астрономические пункты – всего 178 штук. Самый южный – город Чердынь. Самый северный – устье р.Кары. На Пай-Хое стоит надпись – «Хребет Пай-Хой». При этом на Пай-Хое не отмечено ни одного астрономического пункта. На карте нанесен путь экспедиции. При этом в правом нижнем углу карты имеется надпись о том, что «Плавания по рекам и зимние поездки не означены на карте». В этом просматривается некоторое негативное отношение Юрьева к начальнику экспедиции Гофману, который именно в лодке по рекам совершил значительную часть пути. Сказанное подтверждается также и тем, что показанный на карте маршрут Гофманна 1850 г своими начальной и конечной точками не сочетается с конечными пунктами 1847 и 1848 гг. Тем самым, вероятно, Юрьев хотел подчеркнуть незамкнутость экспедиционных маршрутов, т.е. существование не обследованных некоторых участков Уральского хребта. Эти необследованные участки зафиксированы и на большой карте Северного Урала. На малой карте названий гор записано всего около 20 штук. Среди них дважды фигурирует одно и то же название Пайер, но в разных местах. Кроме того трижды записано название гор Ялпинг- Нер: в верховьях р.Вижай – Ялпинг- Нер, в верховьях р.Няйс – Няйс Ялпинг- Нер и в истоках р.Толья – Госса Ялпинг- Нер.

Юрьев описал методику проведенных им топографических наблюдений. Для определения расстояний «... считались собственные шаги, которые по замеченному времени равнялись обыкновенному ходу оленей, ибо проводники с обозом шли также пешком. Все это испытывалось по снятой предварительно местности и по вымерянным в некоторых местах линиям, из нескольких таких наблюдений составлены таблицы для откладывания линейной меры по масштабу...». Маршрут снимался глазомерно в масштабе 3 версты в английском дюйме. На всем протяжении пути велись полевые

топографические журналы, которые по сообщению Юрьева переданы в ИРГО. Я несколько раз пытался найти эти полевые журналы топографов Североуральской экспедиции, в архиве географического общества в Петербурге. Но все усилия мои были тщетны.

Таким образом, после проведения Североуральской экспедиции Русского географического общества в 1847-1850 гг. были изготовлены две карты Северного Урала. Одна в мелком масштабе – отчетная, которую составил Д.Юрьев. Вторая – в более крупном масштабе – была составлена Д.Юрьевым и Г.Брагинным, которая и была приложена к книге Гофманна.

1.4.9. Итоговый русский образ Уральского хребта

Выше изложенная информация о познании Уральских гор и их изображении на географических картах позволяет сделать некоторые выводы. На рисунке 1.53 представлены обобщенные данные о распределении во времени карт России (Московии) по типам изображения на них Уральских гор. Самым древним является птолемевский тип, когда на картах изображались только горы Южного Урала с вытекающей из них рекой Даикс (р.Урал). На части таких карт были указаны птолемеевские названия южно-уральских гор – Рыммики, Норосси, Алри. Ко второму типу можно отнести европейские карты, которые в той или иной мере использовали данные русских оригинальных карт. И хотя общее содержание таких европейских карт в этот период времени было существенно различным, но их объединяет принцип заимствования изображения Уральских гор из русских источников. К такому типу относятся карты Б.Аньезе (1525г), А.Вида (1542г), Г.Герритса (1614г) и даже Г.Делиля (1706г). В середине XVI века была опубликована книга о Московии, написанная С.Герберштейном. К книге приложена карта Московии, на которой показана северная часть Уральских гор, называемая Большой Пояс. Такой «герберштейновский» тип изображения Урала широко использовался на европейских картах около века. Во второй половине XVII века использовался сансоновский тип представления Уральского хребта на европейских картах в виде сильно изогнутого хребта с несколькими коленами. Однако, наиболее реальными и устойчивыми во времени были русские типы изображения Уральских гор на отечественных картах. Русские карты XVI- первой половины XVII веков, к сожалению, не сохранились до нашего времени. Но, начиная со второй половины XVII века, Уральский хребет на русских картах около века устойчиво изображался в виде дуги с восточным гребнем в южной части Урала. Такой тип можно назвать «годуновским», по карте 1667 г, изготовленной в Тобольске «тщанием стольника и воеводы». П.Годунова. С первой половины XVIII века Уральский хребет на русских картах изображался с самым южным участком – Мугоджарскими горами. Наконец, с начала XIX века Уральские горы на русских картах были представлены и с северо-западным участком гор – Пай-Хоем. На этом, практически, Уральские горы в общем виде на картах приобрели окончательную форму с меридиальным направлением основной части, с северо-восточным поворотом в районе северной части Приполярного Урала и с двумя низкогорными участками – Пай-Хоем северо-западного направления в северной части и Мугоджарами южного направления в южной части Уральского хребта.

С большим удовлетворением и гордостью за успехи российских первопроходцев я отмечаю, что познание Уральских гор – это заслуга русских естествоиспытателей и пытливых людей. Судя по всему, первым картографом Урала следует считать Семена Ульяновича Ремезова. За ним последовали петровские геодезисты, уральские землемеры, горные инженеры, военные топографы и др. Благодаря их трудам и исследованиям создана итоговая русская карта Уральского хребта.

В середине XX века были созданы карты Урала мелкого масштаба. Вспоминаю как мы в 50-60-е годы прошлого века путешествовали по Уралу, имея только примитивные схемы уральских районов. А ныне мы имеем возможность пользоваться самыми крупномасштабными картами и даже космическими снимками.

Урал – горная страна, имеющая в целом простирание близкое к меридиональному и протянувшаяся более 2500 км от прикаспийских районов на север до побережья Северного Ледовитого океана. В некоторых местах наблюдаются отклонения от господствующего простирания, которые объясняются особенностями геологических структур. Одно из них – пайхойское- расположено в северной части Уральского хребта и имеет северо-западное направление. Другое находится на стыке Приполярного и Полярного Урала, где хребет имеет северо-восточное направление. Третье приурочено к Уфимскому горному амфитеатру, в котором целый ряд хребтов и увалов образуют своеобразный веер – дугообразный изгиб. На всем протяжении Уральского хребта прослеживается его осевая зона, характеризующаяся среднегорным рельефом. Урал обладает ярко-выраженной высотной поясностью с различной структурой в разных районах. По вопросу о северной границе Уральского хребта географы высказывали различные мнения. Шренк А. считал Пай-Хой продолжением Уральского хребта [1.173]. Гофманн Э. отрицал связь Пай-Хоя с Уралом [1.185]. После Гофманна долгое время традиционно принимали северную границу Урала по горе Константинов Камень. Однако, Осадчев Б.Я. и Иванов А.М. убедительно показали, что Пай-Хой в структурном отношении является непосредственным продолжением Урала [1.167]. В.И.Прокаев относил острова Вайгач и Новая Земля к единой Урало-Новоземельской стране [1.166]. А.А.Макунина северную границу Урала проводила по побережью пролива Югорский шар [1.168]. Я присоединяюсь к последней точке зрения и принимаю северную

границу Урала проходящей по побережью Северного Ледовитого океана в пределах долгот, соответствующих распространению уральских геологических структур. Южная граница Уральского хребта расположена ныне уже на территории Казахстана, на южном конце Мугоджарских гор. Там, где коренные герцинские породы уходят под дневную поверхность. Восточная граница Урала единодушно проводится географами по контакту древних палеозойских горных пород с четвертичными молодыми отложениями Западной Сибири. На большей своей части эта граница ярко выражена на местности тектоническим уступом. Западная граница Урала выражена менее четко. Её проводят по восточным окраинам серии Предуральских краевых прогибов Русской равнины.

В Уральской горной стране выделяют три меридиальных участка: Предуралье (западные склоны гор), Зауралье (восточные склоны гор) и центральную возвышенную зону – собственно Уральский хребет. Широкая поясность Предуралья и Зауралья не совпадает с осевым горным Уралом. Поэтому далее, говоря о районах Урала, я буду иметь в виду только среднегорную осевую зону.

Среднегорный осевой Уральский хребет подразделяют на 8 районов, которые географы именуют провинциями или областями [1.169]. Названия первых уральских районов – Северный, Средний и Южный – появились почти два с половиной века тому назад, в трудах академических экспедиционных отрядов под руководством П.С.Палласа, И.П.Фалька, И.Г.Георги. Название Полярный Урал было зафиксировано в работе А.Шренка, совершившего свое северное путешествие в середине XIX века. Топоним Мугоджары утвердился в работах географов после ряда экспедиций русских горных инженеров в южные уральские области в первой половине XIX века. В середине этого же века появилось название хребта Пай-Хой. Сначала на карте Северного Урала, составленной Д.Юрьевым. А через два года на титульном листе книги, описывающей итоги Североуральской экспедиции ИРГО, а также на большой карте Северного Урала, приложенной к этой книге. Названия ещё двух уральских районов – Приполярный и Заполярный – утвердились уже в XX веке. Зачастую считают, что термин «Приполярный Урал» в 1929 г ввел в оборот А.Н.Алешков [1.183]. Однако, ещё в 1909 г А.В.Журавский добрался до среднего течения р.Кожим и видимые им высокие горы назвал «Приполярным Уралом» [1.197]. Термин «Заполярный Урал» предложил Л.Д.Долгушин [1.443]. Таким образом, потребовалось более двух с половиной веков для того, чтобы сформировались названия всех уральских физико-географических районов. Примерно столько же времени длится мало продуктивная дискуссия по вопросу границ между уральскими районами. Не вдаваясь в подробности, отмечу, что в ряде случаев границы между двумя соседними районами разными авторами размещались на расстоянии более сотни километров друг от друга. В большинстве случаев исследователи указывали границы между уральскими районами на интуитивном уровне, особо не утруждая себя полновесными научными доказательствами. Большой вклад в научную разработку географического районирования внесли Прокаев В.И. [1.166] и Макунина А.А. [1.168]. Именно их работы приняты мною за основу дальнейших рассуждений.

Анализируя и обобщая соображения многих авторов по вопросу о физико-географическом районировании горной части Урала, я пришел к выводу о том, что ведущим фактором при районировании наиболее логично принять тектонический фактор с учетом глубинных разломов, пересекающих Урал в северо-западном направлении (см. статью [1.461]) . Исследователи (1.446-1.450) убедительно показали, что Урал представляет собою систему подвижных блоков, разделенных глубинными разломами в сиалической оболочке земли. Каждый блок движется самостоятельно. Между блоками располагаются шовные зоны с глубинными разломами, которые являются наиболее древними и охватывают всю толщу земной коры. Такие шовные зоны – это полосы шириной 100-150 км, в центре которых располагаются глубинные магмоподводящие разломы. Весьма примечательной особенностью таких глубинных разломов является их направление – с юго-востока на северо-запад. Таким образом, глубинные разломы являются кососекущими по отношению к основному в целом меридиональному направлению Урала.

Исследователи установили семь таких глубинных разломов, косо пересекающих Урал:

- Усть-Обский,
- Березовский,
- Печорский,
- Серовский,
- Златоустовский,
- Северокаспийский,
- Южнокаспийский.

В местах пересечения глубинных разломов с уральскими структурами наблюдаются изменения некоторых морфоструктур рельефа.

В районе пересечения уральских структур с Усть-Обским глубинным разломом проявляется тенденция изменения направления уральских структур с северо-восточного на северное. С юга к Усть-Обскому глубинному разлому примыкает Собское поднятие. Можно предполагать, что и образование поднятия Пай-Хоя было обусловлено влиянием Усть-Обского глубинного разлома.

В районе пересечения уральских структур с Березовским глубинным разломом произошло резкое изменение направления уральских структур с северного на северо-восточное. Кроме того, на западном склоне Урала, примыкая с юга к Березовскому глубинному разлому, образовалось обширное Кожимское

поднятия в виде ряда параллельных хребтов: Обе, Западные и Восточные Саледы, Ябтикнырд, Малдынырд, Росомаха. За счет Кожимского поднятия Урал на этой географической широте расширяется до 150 км. Судя по всему, Березовский разлом послужил причиной образования в этом районе наивысших уральских вершин, включая горы Поэнг-Ур (Народная), Карпинского и Защита.

При пересечении уральских структур Печорским глубинным разломом наблюдается Тимаизское поднятие, примыкающее к разлому с юга. Подобная картина наблюдается с Серовским глубинным разломом, к которому с севера примыкает поднятие Поллюдова кряжа.

В районе пересечения Уральских структур со Златоустовским глубинным разломом произошел резкий изгиб основной части уральских структур с образованием целого ряда хребтов, образующих своеобразный «веер», выдвинутый в западном направлении. Некоторые исследователи считают, что Златоустовский глубинный разлом разделяет Средний и Южный Урал [1.449].

Следующий, более южный, глубинный разлом – Северокаспийский, который пересекает уральские структуры несколько севернее широтного участка р.Урал, примерно по широтному участку р.Сакмара. Некоторые исследователи считают, что Северокаспийский глубинный разлом уходит далеко в юго-восточном направлении и достигает Тянь-Шаня [1.447].

Наконец, самый южный из этой серии глубинных разломов северо-западного направления – Южнокаспийский, проходящий вблизи северного побережья Каспийского моря, севернее северных чинков Устюрта.

Таким образом, кососекущие уральские глубинные разломы разделяют уральские структуры на блоки, границы которых удивительным образом соответствуют границам уральских районов, выделенных при физико-географическом районировании Урала. Поэтому целесообразно для уточнения границ физико-географических районов Урала использовать данные о положении глубинных уральских разломов. Уточнению указанных границ способствует характерная особенность: к глубинным разломам приурочены продольные долины рек, расположенных на западном и восточном склонах Урала, примерно параллельных направлению глубинного разлома (подробнее см. статью [1.461]).

С учетом выше изложенной идеи о блоковой структуре Урала, предопределенной глубинными разломами северо-западного направления, я принимаю следующее распределение границ между физико-географическими районами Урала:

1. Пай-Хой, от пролива Югорский Шар до долины р.Кары.
2. Заполярный Урал, от горы Константинов Камень до Собского прохода.
3. Полярный Урал, от Собского прохода до района верховий рек Кожим и Малая Тынагота.
4. Приполярный Урал, от верховий рек Кожим и Малая Тынагота до истоков рек Укью и Няйс (хр.Маньхамбо).
5. Северный Урал, от хр.Маньхабо до верховий рек Усьва – Ис.
6. Средний Урал, от верховьев рек Усьва – Ис до широтного отрезка р.Уфы в верхнем течении.
7. Южный Урал, от широтного отрезка р.Уфы в верхнем течении до широтного участка р.Сакмары.
8. Мугоджары, от широтного участка р.Сакмары до г.Ямантау.

В таком списке районов горной части Уральского хребта указаны широтные границы районов. А восточная и западная границы пояснены выше.

Предполагаемое мною положение границ между физико-географическими районами Уральского хребта является результатом моего анализа, основанного на опубликованных данных в первую очередь в области тектоники и геологии Урала, а также геоморфологии (подробнее см. статью [1.461]).

Следует также упомянуть неудачное на мой взгляд предположение Чибилёва А.А., высказанное о разделении Южного Урала на две самостоятельные области:

- северную низко- и среднегорную Южноуральскую,
- южную предгорно-возвышенную равнинную Приюжноуральскую [1.443].

По мнению Чибилёва разделение Южного Урала на две области связано «с обширностью территории и сложностью ландшафтной структуры Южного Урала». Оба эти довода представляются странными, так как не связаны с какими-либо физико-географическими параметрами или показателями, а носят некоторый общеутилитарный, не научный характер. В свете блоковой структуры Урала обе области, предполагаемые Чибилёвым, находятся на одном и том же блоке, расположенном между Златоустовским и Северокаспийским глубинными разломами, что и предопределяет невозможность его разделения на две области. Но внутри области Южного Урала на другом уровне (ранге) можно выделить даже не две, а несколько подобластей, среди которых Чибилёв пока обозначил только две возможные. В свете изложенного трудно согласиться с предложением Чибилёва выделить среди уральских физико-географических областей Приюжноуральскую структурную единицу (см. статью [1.456]).

2. Уральские районы

Мне посчастливилось побывать во всех уральских районах и подняться на высшие вершины каждого района. Поэтому далее привожу краткие характеристики районов Уральского хребта, сопровождая их своими впечатлениями о пройденных маршрутах (как поется в широко известной туристской песне – «о местах, где мы бывали»). Для любознательных укажу, что подробная характеристика регионов Урала приведена в академическом издании [1.169].

2.1. Пай-Хой

По информации, имеющейся в моем распоряжении, первые описания Пай-Хоя приведены в опубликованных работах В. Крестинина [1.170] и архимандрита Вениамина [1.171]. Весьма подробное описание Пай-Хоя дал А.И. Шренк, совершивший поездку на Югорский полуостров в 1837 г [1.172]. Термин «Пай-Хой» утвердился на картах, составленных в северо-уральской экспедиции Русского географического общества [1.185].

Югорский полуостров массивным выступом материковой земли выдается в Северный Ледовитый океан. В средней части полуострова в виде двух параллельных ветвей протягивается невысокий хребет Пай-Хой, имеющий северо-западное простирание. Некоторые авторы называют его возвышенностью, так как он сложен грядами и увалами, имеющими небольшую абсолютную высоту. Высшая гора Пай-Хоя – Море-из – имеет высотную отметку всего 467 м. В целом, Пай-Хой представляет собой сложную систему в виде двух значительных по длине низкотерных цепей, состоящих из мелкосопочника с округлыми вершинами, а также большого количества отдельных поднятий, между которыми в широких понижениях со слабоволнистой поверхностью расположены болота и тундровые участки.

На Пай-Хое широко распространены тундровые ландшафты: типичные тундры с мохово-лишайниковым покровом или кустарниковые тундры. Вегетативный период развития растительности в тундрах весьма короткий (всего около 3 месяцев). Осадков на Пай-Хое выпадает немного – 300-350 мм в год. На выраженных водоразделах и пологих склонах формируются торфянистые почвы, на которых размещаются болота. Здесь господствуют мхи и лишайники с примесью травянистой растительности и кустарников. На побережье Карского моря распространены заболоченные моховые тундры с редкими зарослями кустарниковых ив. На вершинах и склонах гор, сложенных твердыми породами, развиваются горно-тундровые почвы, на которых образуются кустарниково-моховые тундры, менее заболоченные. Многие вершины лишены почвы и покрыты скоплениями щебня и камня, иногда имеют небольшие скалы.

Реки Пай-Хоя четко приурочены к четырем направлениям. Между двумя параллельными грядами Пай-Хоя лежит продольная долина, по которой протекает в северо-западном направлении р. Ою или Великая. С более северного хребта стекают короткие речки в Карское море, а с более южного хребта – притоки р. Коротаихи. В юго-восточной части Пай-Хоя расположены реки бассейна р. Кары. На всей территории Пай-Хоя имеется большое количество тундровых озер, вокруг которых обычно располагаются кустарники.

Пай-Хой имеет богатый животный мир. Многочисленные лемминги и охотящиеся на них хищники – песец, полярная сова, канюк. Большое количество птиц, особенно перелетных – утки, гуси и др.

На Пай-Хое находятся месторождения каменного угля:

- на р. Ярей-ю, в нескольких километрах от устья;
- на р. Нямо-вис, также в нескольких километрах от устья;
- на р. Янгарей, в верховьях реки, в районе поворота долины реки на запад.

Известны два месторождения флюорита: на р. Буредан и в районе Амдермы, единственного на Пай-Хое крупного населенного пункта, в котором имеется аэродром и морской порт. Аэродром в Амдерме – оригинальный. Разбежавшись по взлетной полосе самолет как бы спрыгивает с обрыва, у подножия которого плещется море: прямая аналогия с палубой авианосца – раз, и вниз – морская ширь.

Мое путешествие на Пай-Хой оставило несколько приятных впечатлений. Мы шли вдоль каменистых гряд Пай-Хоя в летний период (см. рисунок 2.1). Сюда туристы заглядывают обычно зимой. А о летних туристских походах информация – минимальна. Мы там путешествовали в июле месяце. Жара. Холоднющая вода в реках и озерах. Мягкие моховые «перинки» на привалах. Побывали мы и на высшей вершине Пай-Хоя – горе Море-из. Название вершины – весьма спорное. Но об этом пойдет речь позднее. Впервые макушку горы Море-из мы увидели с расстояния около 20 км. С каждым часом нашего приближения к вершине она как бы вырастала из тундры. Постепенно на ней стали вырисовываться крупные детали. Большой широкий снежник, нависающий в виде полосы над восточным склоном горы. Лагерь перед вершиной поставили в 5 км от горы. На правом берегу р. Талота-Яха. Две палаточки наши запрятались на плоском днище небольшого распадка на краю крутого травянистого спуска к реке. Прямо перед нами, как на ладони, гора Море-из. Низшая – среди высших вершин в других уральских районах.

Высшая – среди низких гор Пай-Хоя. Засыпая, накануне подъема на вершину, я мечтал увидеть с горы далекое море...

Наутро меня разбудило пофыркивание примуса в соседней палатке: дежурные готовили традиционный супчик и чай. Сразу после завтрака – в путь. Подъем на вершину совершали налегке, без рюкзаков. По мохово-травянистой тундре прошли до подножия горы, по пути обогнув несколько небольших озер. Сразу от подошвы горы начинаются крупнокаменистые осыпи. Ползем по ним вверх, как букашки, перелезая с валуна на валун, прыгая с камня на камень. Склон крутой. Перепад высоты от подошвы до вершинной плоскости - 300 м. После небольшого отдыха поднимаемся на край вершинного плато, около южного конца бокового снежника. Наверху – ровная площадь, сплошь усыпанная каменюками. Одни – плоские. По ним хорошо шагать, как по плитам. Другие, как зубья, торчат, задрав кверху острые края. Через такие «пальцы» перешагиваешь, если их немного. А то вдруг – целое поле таких зубастых камней. Приходится, балансируя, пробираться по ним, как по выступам. Вспомнилось скромное описание вершины у А. Шренка: «... мы поднялись на гору, скаты которой до половины покрыты скудным ягелем; остальное же пространство занято голыми обломками кварца, представляющим собой нередко глыбы значительной величины, которые возвышаются до самой вершины, расстилающейся в виде голой покатой со всех сторон плоскости, усыпанной обломками» [1.173]. В таком же духе делает описание вершины и Э. Гофманн: «... От ее подошвы, которая на уровне 398 футов над уровнем моря начинается на тундре, до хребта горной цепи поднимаются сперва очень постепенно склоны, поросшие муравой и мохом, а потом уже начинается собственно шапка горы. Бока ее большею частью покрыты каменными валунами, но между ними также показываются пятнами мох и мурава. Вершина представляет ровное каменное поле, на высоте 1312 футов над поверхностью моря» [1.185]. Вершинное каменистое плато имеет форму квадрата, со сторонами около 700 м со слегка закругленными углами. Осматриваем открывшиеся с горы дали. И опять из книги Шренка: «Равнина тундры простирается от северо-северо-запада на север и до востоко-северо-востока; на отдаленнейшей кайме ее виднеются синеватые воды Карского моря; за ними глаз путешественника открывает светлую полосу, обозначающую верхушки ледяных гор, над седыми головами которых вечно висят темно-синие облака...». О своем пребывании на вершине Гофманн записал: «С этой высоты открывается обширный кругозор на ЮЮЗ и ЮВ через горы, а на В, СВ и С через однообразную плоскость тундра, за которою к СЗ простирается седое и туманное море». Вглядываюсь в северный горизонт и скорее угадываю, чем высматриваю, светлую полосу моря. Цвет ее определить трудно, так как море сливается в обзоре с небосводом. А ледяных гор, сколько ни смотри, не разглядишь.

Снова А. Шренк: «...На юго-юго-востоке возвышается вершина Хоимбай, а далее, по направлению от юго-юго-востока до юго-юго-запада, тянутся отдельные высоты Маалагая, Хаардарапая и Падеи, горный кряж которых соединяется с главной цепью посредством менее высокой горы Хоимбая, служащей продолжением Маалагая. Этот кряж мы назовем Падайским хребтом, так как вершина Падаи выше всех других, его составляющих...». Смотрю на юг. Вот гора Хоимбай. На склоне ее виден чум оленеводов, у которых мы вчера были гостями. Хорошо просматривается весь Падайский хребет.

Разбредаемся по вершинному плато. Прыгаем с камня на камень. И через камни. Глазами отыскиваем высшую точку горы. Замечаем тур, сложенный из больших камней. Собираемся около него. Осматриваем. Заглядываем под каждый камень. Ага! Что-то есть. Поржавевшая металлическая консервная банка. В ней записка, чуть влажный, сложенный вчетверо листок бумаги. Осторожно разворачиваем. Читаем:

«Поднялись 9 августа
1958 года

Коми писатели

Серафим Попов

Владимир Шаряев

Художник

Пантелеймон Митюшев».

Записка пролежала здесь, в туре, четверть века! Неужели здесь никто не бывал за это время. После осмотра всего вершинного плато появилась догадка о причине долгого пребывания записки в этом туре. Дело в том, что каменный тур с запиской сложен не на самой высшей точке плато, а примерно в 200 м в стороне. На самой же высшей точке, превышающей тур с запиской всего-то на каких-то три метра по высоте, установлена триангуляционная металлическая вышка. Но ни на ней, ни около нее мы не обнаружили больше записок. Вероятно, вышку установили позднее, чем на вершине побывали коми писатели. Может быть, и после 1958 года на вершине бывали люди. Но они, наверняка, подходили к металлической вышке и не обращали внимания на каменный тур, стоящий в стороне. Наш фотограф, ученый муж, Володя Суриков, фотографирует сначала записку, а затем и всю группу около вышки (см. рисунок 2.2). Вечером, после ужина, мы долго обсуждали вопрос о том, по какому пути поднимались на гору Море-из Шренк и Гофманн. После бурных дебатов пришли к следующим выводам. Шренк поднимался на вершину с северо-запада, а Гофманн – с севера. Мы же взойшли на высшую вершину Пай-Хоя по ее южным склонам, наиболее усыпанных крупными каменюками.

Найденная записка заинтересовала нас. Впереди еще были пешеходный переход до Амдермы, перелет на самолете в Нарьян-Мар и водный путь вверх по р. Печоре. Впереди еще было напряженное возвращение домой. И все это время донимала одна и та же мысль: «Сможем ли мы отыскать людей, оставивших записку на высшей горе Пай-Хоя, четверть века назад?».

В найденной записке не было указано никакого адреса. Вернувшись домой, мы написали письмо в Сыктывкар в Союз писателей Коми республики. И вскоре получили ответ от ... Серафима Попова.

Серафим Алексеевич Попов (см. рисунок 2.3) Коми народный поэт, заслуженный деятель литературы и искусства. Родился в 1914 г в семье крестьянина в с. Жешарт, расположенном на берегу Нижней Вычегды. С 1928 г началась его трудовая биография: был лесорубом, сплавщиком, смолокурором, журналистом. И всегда оставался Поэтом. В годы Великой Отечественной войны прошел длинный боевой путь. Воевал в лыжном батальоне в Подмоскowie. Участвовал в боях на Воронежском и Юго-западном фронтах и в Курской битве. За освобождение Харькова награжден орденом Красной звезды. Был ранен и после лечения в 1944 г был демобилизован из армии в звании гвардии капитана. В послевоенное время работал журналистом в республиканских газетах и журналах. Стал членом Союза писателей СССР.

В библиотеке я отыскал сборники его стихов, опубликованных в русском переводе. В его стихах легко узнаются черты Урала.

В сборнике «После дождя» Серафим Попов писал [1.195]:

«... Здесь то дождь струится,

То мороз большой.

В полутьме таетя

Сумрачный Пай-Хой...»

И вспомнился мне последний день путешествия по Пай-Хою. Несколько часов кряду шел дождь. Над тундрой висели низкие тучи, придававшие ей весьма сумрачный вид. И вдруг, далеко впереди, в разрыве туч, мы увидели строения Амдермы. Домики, стоящие на вершине холма, резко осветились солнцем, выглянувшим в окошечко среди туч. Это было ясное виденье в полутьме. Как мираж. Чистенькая, беленькая, почти лубочная, картинка. А вокруг – мрак. После этого даже чавканье болотных сапогов в болотинках стало приятным.

В другом сборнике «Вечный огонь» Серафим Алексеевич писал [1.196]:

«...Ты отойди от диких гор Урала:

Великого вблизи не различишь...

Стеснится грудь восторгом небывалым –

Какая красота, какая тишь!»

И эти строки понятны и дороги. Пай-Хой и сейчас ярко и сочно вспоминается мне. Тундровые озера, каньоны рек, обзорная вершина Море-из и снежники на притоках р. Тарипатяха. Тишина вечерней тундры, когда ухо различает голоса цветов. Там я впервые услышал, о чем шепчутся полярные маки.

Вот так, записка, найденная на северной вершине и пролежавшая в каменном туре четверть века, проложила мостик между двумя поколениями, от коми к русским. Вот так, короткие и скупые строки записки донесли через много лет тепло людей, путешествующих по родному краю. Познающих свою Родину не только мыслью на расстоянии, но и собственными ножками в обходе родных мест по тропинкам и бездорожью. Кто любит Отчизну, тот путешествует.

Еще с детства, из школьных учебников географии, тундровые реки представлялись мне все, как на подбор, с заболоченными пологими берегами. Действительно, на Пай-Хое много таких речек. Но есть там такие реки, каких я и представить себе ранее не мог. Даже в буйном пылу фантазии не предполагал я встретить здесь такое, что никак не вписывалось в шаблонные рамки и стереотипы. В тундре есть типичные скалистые ущелья! А в них протекают типичные горные реки!

Мы подходили к реке Сибирчатаяха. Путь пролегал по мохово-кустарниковой тундре, слегка всхолмленной небольшими складками. Судя по карте, за очередным холмом должна быть река. Поднялись на взгорок. Впереди угадывалось небольшое понижение. Но реки-то не видно. Идем дальше. И вдруг останавливаемся с удивлением на лицах. В пяти метрах перед нами разверзлась земля. Глубокое ущелье с почти вертикальными скальными стенками. А в нем-то и запряталась река. Не увидишь ущелья этого до тех пор, пока не подойдешь к нему вплотную. Поражают размеры каньона. Скальные борта его громоздятся отвесами на 120 м (см. рисунок 2.4). А ширина внизу – едва тридцать. Каньон просматривается далеко и вверх и вниз по течению реки. А нам необходимо перебраться через ущелье. Найти спуск на дно ущелья оказалось не просто. В районе места нашего выхода к реке мы около двух часов искали путь преодоления теснины. Борта ущелья обрывисты. Боковые ложбинки крутосклонны. Ручьи в них прыгают к реке водопадами. Только после долгих поисков отыскали мы расщелину, засыпанную каменной осыпью. А в нижней части – снежник. По нему-то и скатились на дно каньона. Обследование его оказалось весьма интересным. Ущелье р. Сибирчатаяха тянется на двадцать с лишним километров. Оно имеет большое количество коленчатых участков, зачастую расположенных под прямым углом друг к другу. Смотришь вдоль одного такого колена и кажется, что там, в конце его – тупик. Скальная стена. И не ясно, куда повернет река. Вправо? Влево? Или она нырнет под скалу? Не узнаешь, пока не подойдешь вплотную к повороту. По возвращении домой, рассказали мы географам об этом

уникальном тундровом объекте. Первая их реакция: «Не может быть такого на Пай-Хое!». И только после просмотра слайдов профессионалам поневоле пришлось признать существование тундрового ущелья. Выбрались из каньона мы по крутосклонной каменистой ложбине между скал. А дальше – снова ровная тундра.

На красноватой скале ущелья разместилась колония чаек – около сорока пар. До моря, по прямому полету примерно сотня километров. Но чайки почему-то обосновались здесь, в тундре. Что привлекло их сюда? Удобное защищенное место? Действительно к гнездам не подобрется ни один зверь. Обилие пищи? Ее много! Несколько часов мы наблюдали за птичьей колонией. Красива речная рыбалка птиц. Чайка камнем срывается вниз со скалы. Затем набирает высоту. Делает круг. И резко падает вниз. С первого же захода выхватывает из воды рыбку.

2.2 Заполярный Урал

Заполярный Урал – горная область, рельеф которой представляет собой сложную систему хребтов и массивов различной длины и направлений. Рельеф имеет сильную расчлененность сквозными поперечными долинами, образующими перевалы с незначительной абсолютной высотой. Большинство перевалов через главный водораздел не превышает 300 м над уровнем моря. При этом характерной особенностью Заполярного Урала является значительная (до 1000 м) относительная высота хребтов, возвышающихся над низкими перевалами. Заполярный Урал представляет собой типичную низкоргорную область с шириной, увеличивающейся с севера на юг. Ширина ее на севере в районе горы Константинов Камень составляет 5 – 7 км, а на юге на широте хребта Енганэ-пэ достигает 125 км. Для Заполярного Урала характерно различие западных и восточных склонов. Западные склоны более круто обрываются к предгорным понижениям с протекающими по ним полноводными реками Кара и Уса. Восточные же склоны постепенно понижаются к Западно-Сибирской низменности, образуя широкую полосу предгорных увалов. В высотной поясности Заполярного Урала выделяются горная тундра и гольцы. Каменистые тундры имеют разреженный моховой и лишайниковый покров с преобладающими по площади выходами обломочного каменного материала. Почвенный покров в каменистой тундре весьма малой мощности. На вершинах гор – ландшафт гольцовых пустынь. Повсеместно встречается многолетняя мерзлота. За счет мерзлотных процессов разрушаются каменные породы любого состава, образуя каменные глыбы различной формы, группирующиеся в обширные поля и потоки, именуемые курумами. На многих горных вершинах располагаются скальные выходы коренных пород, образующих стены, башни, руины.

Заполярный Урал характеризуется широким распространением ледниковых форм и многолетних снежников. По данным А. Кеммериха на Урале имеется 143 ледника [1.198]. Из них 69 % размещаются в Заполярном Урале, в районе Хадатинских и Щучьих озер и на хребте Оче-Нырды. Типы ледников различные: присклоновые, висячие, каровые, карово-долинные. Ледники в основном питаются навевными снегами. На поверхности ледников хорошо просматривается полосчатость, отражающая слоистое строение льда. Ледники двигаются со скоростью 4 – 6 м в год, создавая мощные конечные и боковые каменные морены. В настоящее время уральские ледники отступают. Самый крупный ледник – имени Института географии Академии Наук (ИГАН) – расположен в хребте Изья-Хой на восточном склоне горы Хар-Наурды-Кеу.

Заполярный Урал изрезан густой сетью рек, стекающих в различных направлениях: на запад – в р. Печору, на восток – в р. Обь, и на север – в Байдарацкую губу. В горах реки имеют большую водоносность и характеризуются бурным течением через пороги и перекаты. При выходе из гор реки текут спокойно в широких долинах, образуя многочисленные извилины.

В Заполярном Урале имеется большое количество озер. Самое большое – озеро Большое Щучье. Оно имеет длину 12,7 км при площади около 12 кв. км. Озеро имеет глубину 136 м и является самым глубоким на Урале. Озеро питают 12 ручьев. Из озера вытекает р. Щучья. Большинство озер Заполярного Урала имеют ледниковое происхождение. Каровые озера располагаются в глубоких карах и цирках (Восьмерка, Очки, Подкова и др.). Плотинные озера образовались в результате подпруживания реки мореной или конусами выноса боковых притоков (Большое Хадата-Юган-Лор). Реки и озера – рыбные (хариус, голец, кумжа и др.).

Заполярный Урал имеет бедную растительность. Таежных лесов – нет. Редкие лиственные и березовые лески встречаются в долинах рек Пайпудыны, в верховьях р. Соби, в низовьях Харбея и Большой Хадаты. Верхние участки рек Кары и Усы – безлесны. Но там растут кустики ивы, полярной березки, много трав и цветов.

На Заполярном Урале имеется вольфрам-молибденовое месторождение в районе горы Харбей, которое разрабатывалось, но добыча была прекращена.

В районе Заполярного Урала имеется небольшое количество вездеходных дорог (в основном в южной части района).

Вспоминая свое путешествие по Заполярному Уралу, прежде всего, хочу отметить побережье Северного Ледовитого океана. На «кукурузнике» из Воркуты мы прилетели в поселок Усть-Кару, от которого аэродром расположен в 8 км. Нам посоветовали далее пойти на восток по кромке морских волн.

Прислушавшись к совету, под вечер вышли на морскую кромку, оставив коренной, возвышенный берег в южной стороне. Забрели в воду. Побрызгались. Вот он Северный океан! Двинулись в путь по линии морского прибоя. Но вскоре уперлись в широкий лиман, преградивший нам путь. Наши многочисленные попытки найти проход через воды залива к коренному берегу были безуспешны. Собирались было уже возвращаться к аэропорту. Но тут заметили, что галечная отмель освобождается от воды – начался морской отлив. Решили подождать. На берегу – много дров: бревна, ветки, доски, ящики и прочая мелочь, вынесенная прибоем на берег морской. Развели большой костер. А через пару часов уровень воды понизился, и мы перебрали по грязевому водянистому месиву к коренному берегу. Вся эта морская процедура закончилась около трех часов утра. Сразу же поставили палатки. Отсыпались до полдня.

Вдоль океанского побережья прошагали мы еще около 20 км. По плотной песочной полосе идешь как по асфальтовой дороге. Даже следов от наших болотных сапогов не остается (см. рисунок 2.5). Коренной берег – местами высотой до 5 м – в основном земляной. Но иногда выступает скальными стенками.

Пришла пора попрощаться с океаном. Еще раз попробовали на вкус морскую воду и далее по тундре направились к Уральским горам, расстояние до которых было около семи десятков километров.

Тундра – холмиста. На буграх, как правило – норы песцов. Между холмиками – озера и речки. Стоит жаркая погода. Поэтому в наиболее крупных озерах купаемся. У озер – один недостаток: чтобы вода была хотя бы до пояса, необходимо далеко заходить от берега. С большого холмистого массива увидели Уральские горы (см. рисунок 2.6): левая вершина – Большой Минисей, средняя – Малый Минисей, а правая – вытянутой формы – гора Константинов Камень (для сравнения на рисунке 2.7 приведена аналогичная фотография со стороны тундры, сделанная в 1909 г частной экспедицией братьев Кузнецовых под руководством Баклунда О.О. [1.209]). Наш последний бивак в тундре расположился у северо-западного подножия горы Константинов Камень. Подъем на вершину – элементарный, по некрутому каменистому склону. Вот мы и на вершине (см. рисунок 2.8.), которую традиционно считают самой северной горой в Уральском хребте.

Вершина имеет форму, вытянутую с юго-востока на северо-запад, длиной около 5 км. На относительно ровной ее поверхности имеется два поднятия. Из них наивысшее – западное, куда мы и поднялись. Более века тому назад именно сюда «вскарабкался» Гофманн. Он-то и дал название горе, которое она носит и в наше время.

В своей книге с отчетом о североуральской экспедиции ИРГО Гофманн записал [1.185]: «Карабкась по огромным глыбам зернистого красного кварцита, мы достигли через час вершины. Перед нами открылся вид поразительный. Это была действительно самая северная гора Уральского хребта, круто падающая в тундру. С высоты ее взор беспрепятственно достигает через непрерывную равнину до моря... Только изредка блистало оно перед нами минутным светом, когда порыв ветра расторгал висящую над нами туманную завесу... Восхождение на эту гору было для всех нас приятным событием: оно дало нам возможность решить задачу нашего путешествия – определение протяжения Уральского хребта. Цель, от которой часто препятствия угрожали нас отклонить, была теперь, можно сказать, достигнута и все что мы вытерпели, было забыто. В таком восторженном состоянии духа, решились мы дать название безымянной горе. Служа сторожевым пунктом, с которого взор далеко углублялся в Ледовитое море, славное поприще деятельности наших смелых плователей, рискующих жизнью по любви к истине – эта пограничная твердыня двух частей света, большею частью которых обладает Россия, показалось нам достойною носить имя генерала-адмирала, царственного президента нашего географического общества. Громко раздалось, при взбрасывании кверху наших шапок, имя Константинов Камень, в тишине этой высоты; затем последовали троекратное Ура и залп из всех орудий и винтовок. Потом мы поставили в знак нашего здесь пребывания пирамиду из трех каменных плит, взяли каждый на память по камню и воротились к своим нартам».

Замечу, что мы также взяли по камню на память с вершины «Константинов Камень». А вот собственно о таком названии стоит порассуждать.

Гофманн считал, что рассматриваемая вершина в момент его восхождения была безымянной: «решились мы дать название безымянной горе» – записал он. Две соседние вершины Гофманн именовал Минисеем и Арко-Паем. Думается, Гофманн, лукавил, считая безымянной вершину, которой он дал название «Константинов Камень».

Гофманн и его соратники имели карту Северного Урала, которую составил венгр А. Регули и передал ее географическому обществу (см. главу 1.4.8). На этой карте были нанесены три вершины, расположенные в северной оконечности Уральского хребта. И все эти три горы имели местные ненецкие названия (см. рисунок 2.9.):

- одна – Мениси – гора «конечный пункт»;
- вторая – Менисенти – гора, которая протянулась к конечному пункту»;
- третья – Лапчембаи – гора «плоская длинная».

Названия всех трех вершин в ненецком языке отражают физико-географические особенности гор. Гору Мениси ненцы воспринимали как вершину, расположенную на оконечности Уральского хребта – «конечная» гора. Со стороны тундры гора смотрится круто вздымающейся пирамидой. Особенно крут юго-западный склон ее, верхняя треть которого представляет собой почти вертикальную стену, имеющую вблизи вершины фантастические скальные зубцы. На фоне невысокого, выравненного

Константинова Камня, гора Минисей (на последних картах она именуется Малым Манясеом) выглядела необычной. Именно поэтому ее ненцы в старину посчитали «Конечной горой» среди всех других скальных вершин в этом районе и выбрали ее местом для размещения своих идолов во множестве находящихся на вершине и ее склонах еще в начале XX века. Вторая гора – Менисенти – расположена по соседству с первой: Менисенти «протягивается» к Минисею. А третья гора – Лапчембаи (по данным Регули) – имеет именно «плоскую и длинную» форму. Название Лапчембаи дает реальную характеристику горе (см. рисунок 2.6 и статью [1.462]).

Однако Гофманн, то ли не разобрался с названиями гор на карте Регули, скорее слукавил. Он пренебрег ненским названием и вершине, уже имеющей местное название Лапчембаи дал имя князя Константина – брата царствующей особы. Гофманн тонко рассчитал, что великий князь Константин одарит его в будущем. И он не ошибся. Через несколько лет Гофманн получил высшую награду ИРГО – золотую Константиновскую медаль, а также Демидовскую премию от Российской Академии наук.

В названиях гор на северной окраине Уральского хребта Гофманн совершил еще одну топонимическую вольность. Вершину, расположенную по южному соседству с горой Минисей, он на своей карте именовал как Арка-паи (см. рисунок 2.10). В действительности на ненском языке это название звучит несколько иначе, а именно – Нгарка-пэ, что в переводе на русский язык означает «Большой Камень». При этом под топонимом Нгарка-пэ ненцы понимают весь горный массив северной оконечности Уральского хребта. На такую ошибку Гофманна справедливо указал Баклунд О.О. [1.208,1.209]. При этом он пошел по следам Гофманна, и вершине, которая имела ненское название Менисенти (по Регули), дал имя – гора «братьев Кузнецовых», которые финансировали уральскую экспедицию Баклунда (см. рисунок 2.11). Однако, такое название вершины не прижилось и более нигде не упоминается. На последних современных картах эта вершина именуется как «Большой Манясей». Однако, такой топоним не соответствует ненскому названию вершины (Менисенти) и к тому же в нем искажен корень ненского топонима (Менис). Учитывая вышеизложенную путаницу в названиях самых северных вершин Уральского хребта, весьма желательно вернуть этим горам их первоначальные ненские названия: гора Лапчембаи, гора Мениси и гора Менисенти.

Весьма любопытны два рисунка, приведенные Баклундом в его отчете об экспедиции. На рисунках представлены эскизы северной части Уральских гор, выполненные проводниками экспедиции [1.209] – зырянником В.И. Коневым (см. рисунок 2.12) и остяком Толей (см. рисунок 2.13). Из рисунков видно, что в начале XX века данные представители местного населения имели лишь общее представление о северных Уральских горах. Они знали основные реки и пути пересечения Уральского хребта и обладали малой информацией о названиях гор в районе.

Одной из привлекательнейших особенностей Заполярного Урала является наличие ледников. Число их в этом районе – более семи десятков [1.210]. Расположены они на четырех участках: 1) хребет Оче-нырд, 2) озера Большое и Малое Щучье, 3) озера Большое и Малое Хадата-Юган-Лор, 4) бассейн рек Лонгот-Юган и Харбей. Ледники в наше время отступают и площадь их уменьшается. Самый крупный – ледник ИГАН (имени института географии Академии наук), площадь его – 1,4 км². Самый длинный – ледник МГУ (имени Московского государственного университета), длина его – 2200 м. В последнее время он почти полностью растаял. Ледники Заполярного Урала были открыты и обследованы главным образом московскими исследователями. Поэтому названия ряда заполярных ледников носят имена с неуральским оттенком (Алешков, Боч, Долгушин, Тушинский, Троицкий, Хабаков, Берг, Обручев, Шумской, Авсюк, Анучин, Кеммерих и др.). На мой взгляд, самым красивым является ледник имени Обручева, расположенный в районе озера Большое Хадата-Юган-Лор. Особый эффект леднику придает большая скала в виде остроконечной башни, венчающей огромный кар, в котором расположен ледник. Я совершил траверс ледника по верховой линии снегов, у основания скал. Но подняться на этот «зуб» мне не удалось. Поднявшись на понижение скального кара в его средней части, я увидел эффектную картину. На другой стороне гребня к скалам примыкает другой кар, в котором лежит ледник Чернова. У его языка, ниже конечной морены, расположено большое продолговатое озеро. Края кара ледника Чернова просматривались в слабом тумане. А в центре контраст белого цвета ледника и темно-синего оттенка озера создавал эффектный вид. Вниз по леднику Обручева мы скатились быстро. Недалеко от языка ледника во время нашего его посещения функционировал ледяной штрек (см. рисунок 2.15). Гляциологи пробили во льду почти горизонтальный туннель длиной около 20 м. По нему возможно было передвигаться в полный рост. На стенах штрека прикреплены умные приборы, которые фиксировали даже малейшее шевеление льда и напряжения, возникающие при этом.

Не менее интересны ледники хребта Оче-нырд, расположенного в верховьях р. Бол. Кары. Хребет имеет длину около 20 км и протягивается в общем направлении с юго-запада на северо-восток. Вдоль извилистого водораздельного гребня хребта расположено около десятка каров, имеющих общую южную экспозицию, в части которых находятся ледники. Пожалуй, самый красивый из них – ледник имени Долгушина (см. рисунок 2.16). Этот ледник лежит в каре, из которого вытекает самая западная (из трех) водная составляющая ручья Озерный, правого притока р. Бол. Кары. На этом ручье имеется несколько водопадов. В верховьях ручья находятся два высоких моренных вала и несколько озер (Очки, Восьмерка, Подкова и др.). Конец языка ледника 20-метровым уступом обрывается к водам приледникового озера. Склоны кара усеяны зубчатыми боковыми гребешками с многочисленными

скальными башнями. А непосредственно на гребне кара торчат более десятка остроконечных пиков, создавая эффект зубчатой короны. В двух карах южной экспозиции хребта Оче-нырд лежат соседние ледники – Боча, МГГ (международного геофизического года), МИИГАИК (московский институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии) и Терентьева. Кроме того, еще один ледник – Парус – расположен на северном склоне хребта (подробнее см. статью [1.476]). Крайние вершины хребта имеют названия. Северо-восточная именуется Нэтемпэ. Самая юго-западная вершина – гора Гнетью, на которую впервые поднялся А. Шренк в 1837 г [1.173].

Наша туристская группа, вероятно, впервые совершила траверс хребта Оче-нырд. На гору Нэтемпэ, (на новейших современных картах ее высотная отметка – 1338 м), мы по легкопроходимой каменной осыпи поднялись от озера Оче-ты по восточному отрогу горы. С вершины прекрасно просматриваются как северные горы в районе Константинова Камня, так и южные вершины. На траверсе хребта Оче-нырд были пройдены девять скалистых вершин с одной ночевкой в районе ледника Парус. Крайняя западная гора Гнетью имеет плоскую вершину, на которой установлен металлический триангуляционный пункт.

Самый большой по площади уральский ледник – ИГАН (институт географии Академии наук) – расположен на восточном склоне горы Харнаурдыкев, в районе Хадатинских озер. Гляциологи определили, что полный оборот вещества в этом леднике происходит за 350 – 400 лет [1.210]. В эстетическом плане ледник мало примечателен (см. рисунок 2.17). Наибольший интерес представляет подъем на гору Харнаурдыкев, с которой открывается чудесный вид на огромный массив гор, на все четыре стороны света (см. рисунок 2.18).

Дюжина небольших безымянных ледников расположена в районе гор Харбей и Ханмей. Ледники эти не представляют интереса. А горы Харбей и Ханмей имеют непосредственное отношение к истории заполярных вершин.

Немецкий физик и путешественник Георг-Адольф Эрман (1806-1877) в 1828 – 1830 гг совершил кругосветное путешествие, во время которого он посетил населенную часть Северного Урала и, не смотря на зимние условия, добрался до Обдорска (современный город Салехард), где произвел определения высот пяти вершин Заполярного Урала, видимых из Обдорска. Вернувшись из своего длительного путешествия, Эрман в 1833 г опубликовал в Берлине книгу «Путешествие вокруг земли через Северную Азию и оба океана в 1828, 1829 и 1830 годах...» [1.211]. Эта его книга до сих пор не переведена полностью на русский язык. Но две небольших части из его книги опубликованы в русском переводе: о пребывании в Екатеринбурге [1.212] и в Обдорске [1.213]. Приехав в Обдорск, Эрман, к своему большому удивлению, над одним из домишек увидел развевающийся флаг русского военного флота. Оказалось, что здесь находилась команда моряков, под руководством штурмана Ивана Никифоровича Иванова, который по приказу гидрографического департамента морского министерства, начиная с 1821 г, проводил подробную топографическую съемку берегов Северного Ледовитого океана, от устья р. Печоры до Обской губы. Иванов несколько раз переезжал на оленях от Обдорска до Карской губы, через Уральские горы. Иванов рассказал Эрману о высоких горах, расположенных в трех днях езды на оленях от Обдорска. Такое сообщение заинтересовало Эрмана и он решил измерить высоту некоторых гор, видимых из Обдорска.

28 декабря 1828 г Эрман на оленях выехал из Обдорска на северо-запад, где примерно в 75,5 верстах виднелись горы. На третий день пути он с проводниками поднялся на гору Ханами (современное название Ханмей). У него не было барометра. Поэтому он для измерения высоты вершины использовал метод, позволяющий определять высоту горы по температуре закипания воды. На вершину взяли с собой дрова и развели костер. Вскипятили воду и Эрман измерил ее температуру в момент закипания. После этого он просто вылил воду из котелка, чем крайне удивил своих проводников, которые, вероятно, приняли его за шамана. Такой метод дает только приблизительную оценку высоты вершины. Но у Эрмана иного варианта просто не было. Позднее он провел соответствующие расчеты и получил высоту горы Ханами (Ханмей) равной 1521 м. Кроме того, Эрман из Обдорска определил азимуты пяти вершин, включая и гору Ханами, которая была самой высокой из них, а также и угловое превышение этих гор над Обдорском. В таблице 3 приведены данные азимутов, определенных Эрманом, в сравнении с величинами, взятыми на современной карте с точностью 0,5 градуса, а также разности азимутов между соседними вершинами. Эти разности азимутов по данным Эрмана я сопоставил с современной картой, что позволило четко привязать горы, азимуты которых определял Эрман, к вершинам на современной карте [1.214]. Гора № 1 – современная вершина Ханмей. Эрман значительно завысил высоту ее (1521 м против современной высоты 1333 м). Гора № 2 – современная гора с отметкой 1222 м, что достаточно близко к высоте, определенной Эрманом (1212 м). Гора № 3 соответствует современной вершине с отметкой 921 м, что значительно превышает результат, полученный Эрманом (728 м). Гора № 4 – современная вершина Райиз, высотная отметка которой (1097 м) в полтора раза превышает результат Эрмана (всего 680 м). Гора № 5 – плечо современной вершины Черной, высота которой более чем в два раза превышает данные Эрмана (392 м). Однако, не следует излишне строго оценивать результаты Эрмана по определению высоты нескольких вершин на Заполярном Урале. Эрман свои измерения делал в зимних условиях, при которых заснеженные очертания вершин сливаются с горизонтом. Кроме того расстояния от Обдорска до измеряемых вершин, сообщенные Эрману, были весьма приблизительными. Заслуга

Эрмана состоит в другом. Он впервые, хотя и ориентировочно, показал, что Уральский хребет в северной своей части на широте Обдорска имеет значительную высоту, сопоставимую с горами Южного Урала. Он впервые провел измерения высоты нескольких вершин на Заполярном Урале. Он подтвердил факт простираения Уральского хребта в северной его части в направлении (юго-запад) – (северо-восток). Опубликовав свои измерения в книге, он довел эту информацию до европейских географов. Так, например, А. Гумбольдт использовал данные Эрмана по высотным отметкам заполярных вершин в монографии «Центральная Азия» [1.215]. Данные Эрмана использовал и Гофманн [1.185].

Таблица 3

Результаты измерений Эрмана высоты гор в Заполярном Урале (в сравнении с современными данными)

№ горы (по Эрману)	Данные Эрмана		Современные данные		Высота вершин, м	
	азимут	разность азимутов между соседними вершинами	азимут	разность азимутов между соседними вершинами	по Эрману	современные
1	9°5' NO	-	19° NW	-	1521	1333, г. Ханмей
2	2°44' NO	6°21'	25°30' NW	6°30'	1212	1222
3	7°20' NW	10°04'	7°20' NW	10°	728	921
4	18°43' NW	11°23'	18°43' NW	11°30'	680	1097, г. Райз
5	28°53' NW	10°10'	57° NW	10°30'	392	900, плечо г. Черной

2.3. Полярный Урал

Характерной особенностью Полярного Урала является его незначительное расстояние по широте. Ширина его составляет всего 15 – 20 км, что в несколько раз меньше по сравнению с соседними регионами Заполярного и Приполярного районов. Полярный Урал имеет простое орографическое строение. Он не широкий, но достаточно высокий (с высотами 900 – 1400 м) и хорошо выражен, единым водораздельным хребтом, который поперечными долинами разделен на отдельные массивы (Рай-из, Пай-Ер, Войкар-Сыньинский массив, Народоитынский кряж). С востока и запада центральный горный хребет окаймляется узкими полосами низкогорных увалистых предгорий.

Другой особенностью Полярного Урала является широкое распространение плоских поверхностей (плато) горных вершин с гольцовым ландшафтом с мощным покровом крупнообломочного каменного материала. Вершинные плато расчленяются глубокими ущельями, долинами рек и карами с небольшими ледничками. Глубина расчленения достигает 400 – 800 м. На ряде вершин имеются скальные выходы коренных пород в виде стен, руин, башен и т.п.

На Полярном Урале расположено три десятка ледников, расположенных во всех вышеназванных его горных массивах [1.210]. Количество ледничков в каждом районе уменьшается в направлении с севера на юг: хребет Рай-из – 12, массив Пай-ер – 9, Войкар-Сыньинский массив – 6 и Народоитынский кряж – 3. Наибольший из них каровый ледник имени Падалки – находится в верховьях р. Левая Пай-ера и имеет площадь 0,47 км² при длине 650 м.

Климат Полярного Урала резко-континентальный, с короткими осенью и весной. Уже в начале сентября вершины гор покрываются снегом, и только в июне в горах начинает сходить снег. Зима характеризуется сильными метелями и буранами и в горах она продолжается до 8-9 месяцев. Осадков в горах Полярного Урала выпадает много – 800 – 1200 мм в год. При этом на западном склоне количество осадков в 2 – 3 раза больше, чем на восточном склоне.

Полярный Урал изрезан густой сетью рек и речек. На западных склонах реки несут свои воды в р. Печору, а на восточных – в р. Обь. В горах реки имеют бурное и стремительное течение с порогами и перекатами. В местах прорыва рек через гряды и увалы наблюдаются большие перепады русла (до нескольких десятков метров на километр), на которых скорость течения достигает 15 – 20 км/ч (в межень). По выходе из гор на Печорскую и Западно-Сибирскую низменности реки становятся спокойными, протекая в широких долинах, образуя многочисленные извилины, острова и старицы. Особенно крутое падение имеют на восточном склоне Народо-Итынского кряжа реки Большая и Малая Тыкотлово. По их долинам лес поднимается далеко в горы. И в верховьях эти реки имеют особенно крутое падение. В сочетании с большой площадью водозабора р. Тыкотлово (Большая и Малая) имеют большую водоносность.

Растительность Полярного Урала характеризуется высотной дифференциацией, состоящей из трех поясов [1.216]. На наибольших высотах располагаются холодные гольцовые пустыни и горные тундры. Ниже по высоте находится подгольцовый пояс с редкостойными участками березового

криволесья, пихтовых и еловых лесков. Еще ниже по высоте в глубоких долинах рек имеется лесная растительность.

В горах Полярного Урала имеется эксплуатируемое марганцевое Парнокское месторождение, расположенное в верховьях р. Лемвы. Из Инты на разработки проложена дорога.

Уникальной географической особенностью Полярного Урала является пересечение его Северным Полярным кругом. Находится это место около Хойлинского перехода, который разрезает центральный водораздельный хребет глубоким прорывом р. Хойла. На нешироком перевале расположено озеро, из которого вода вытекает в две стороны – на запад и на восток. По обеим сторонам перевала возвышаются каменистые осыпные склоны. А наверху, севернее и южнее перевала, расположены платообразные поверхности, которые мы во время их посещения называли попросту – «столы». Забравшись с южной стороны на «стол», который, судя по весьма приблизительным картам, имеющимся в то время в нашем распоряжении, пересекается северным Полярным кругом, мы долго искали место, где должен проходить этот Полярный круг. Западный край плато крутыми обрывами обращен в озерную долину левого притока р. Большая Хойлаю. После долгих поисков нашли пупырек высотой 2 – 3 м, расположенный примерно в середине плато. На нем остатки автоматической метеорологической станции. Рядом – геодезический керн. Это и есть точка пересечения Полярного круга с главным Уральским водоразделом. В своей записке, оставленной на этом месте, мы поблагодарили метеорологов за то, что они помогли нам отыскать уникальное географическое место (см. рисунок 2.19). Невдалеке, на этом же «столе» мы заночевали. От небольшого снежника течет ручеек. Место под палатку выложили каменными плиточками. В итоге, получилась холодная ночевка, но в памятном местечке. А поутру совершили головокружительный спуск к восточному озеру Ыджидхойла-ты по узенькой заснеженной крутосклонной ложбинке (см. рисунок 2.20). Вниз по снежнику – как в детстве на санках с ледовой горки на берегу р. Каменки в родных местах. Дух захватывает. Затем залезли на соседний «стол», который вел нас до горы Пай-Ер. Восточный край этого стола круто обрывается в долину р. Левая Пайера, представляющую собой широкое ущелье с отвесными боковыми стенами (см. рисунок 2.21). На днище его находятся несколько моренных гряд и озер. С обоих бортов долины спрыгивают водопады с высотой падения до 60 м. В верховьях долины лежит большой снежник и ледничок, на склонах горы Пай-Ер. В целом – весьма живописная картина, которую венчает вдали мощный контур Пай-Ера (см. рисунок 2.22).

До Пай-Ера легче всего добраться от ближайшей железнодорожной станции Елецкий – всего 35 км. Вдоль ручья Ворга-Шор в разветвленную долину р. Кечпель. На пути – болотистые места и кустарники. Пай-Ер занимает положение между верховьями пяти рек. Три из них текут в Европу – Правый Кечпель, Харота и Харота-шор. А две – Левая Пайера и Лек-Хойла – несут свои воды в Азию. Каждая из этих рек в своих истоках вытекает из мощных крутосклонных каров, в которых размещаются моренные озера. Три гребня ведут к высшей точке Пай-Ера. Короткий восточный, который разделяется на восточный и северо-восточный. Короткий южный, разделяющийся на юго-восточный и юго-западный гребни. И западный, который, загибаясь внизу к северо-западу, заходит далеко в тундру. Южный и восточный гребни – крутопадающие, с высокими скалами (подробности см. статью [1.465]). Мне неизвестны случаи восхождения на Пай-Ер по южному и восточному гребням. Обычно на гору поднимаются по западному гребню.

Наша палаточка стояла на левом борту долины р. Правый Кечпель около небольшого озерца, в одном километре ниже озера Кечпельто. Перейдя речку, легко поднялись по каменистому склону на западный гребень и далее по нему. Гребень сужается и принимает скалистый характер. Проходим боковой небольшой кар. Вот и первый большой зуб, от которого к озеру Кечпельто спускается боковой гребень. Выше снова скалистый гребень, на котором обходим по склонам многочисленные скальные останцы. Вот и второй большой зуб. От него по каменистой осыпи выходим на вершинное плато Пай-Ера. В средней части вершинного стола – остатки триангуляционного знака (см. рисунок 2.23). Обзор – чудесный. Красиво смотрятся верховья р. Левая Пайера, имеющие вид узкого каньона с обрывистыми скальными бортами, с которых в нескольких местах низвергаются водопадами потоки воды. На днище каньона речка протекает через несколько озер, подпруженных моренными грядами. В целом, Пай-Ер – прекрасная вершина.

Не менее интересен и горный узел Хордьюс, расположенный в верховьях р. Лагорты. Массив Хордьюс имеет вытянутый вид и состоит из нескольких вершин, соединенных перемычками. На одной из этих вершин я побывал. Эта вершина является южной соседкой по отношению к высшей вершине массива. Поднимались мы из долины р. Малая Лагорта. По снежникам, осыпям и скалам на гребне, разделяющим верховья рек Малая и Большая Лагорты, взойти на гору 1157 м, специально для того, чтобы сфотографировать красавец Хордьюс с южной стороны (см. рисунок 2.24). Необычен вид с покоренной нами вершины на запад: круто обрывающиеся скалы, от подножия которых начинается бесконечная тундра.

2.4. Приполярный Урал

Термин «Приполярный Урал» стал использоваться в начале XX века. Первым такое название употребил А.В. Журавский, посетивший в 1907 – 1908 гг отроги гор, расположенных между долинами рек Косью и Кожим в их среднем течении [1.197,1.218]. На востоке он увидел высокие горные пики, которые и назвал Приполярным Уралом. Затем такое название района применил Алешков А.Н. [1.183], после чего оно укоренилось как географическое понятие.

Судя по всему, информация о горах Приполярного Урала у русских людей появилась в 1483 г, когда отряд московитичей побывал на р. Обь. И на обратном пути, поднявшись вверх по рекам Северной Сосьве и Ляпину, перевалил через горы и спустился вниз по р. Щугор. Однако, сведения о горах сохранились в документах этого похода в весьма скудном объеме. Затем в 1499 – 1500 гг царь Иван III отправил рать в зауральскую Югру в новый поход. На этот раз отряд переходил горы в районе р. Щугор на притоки р. Ляпин (см. выше п. 1.3.2). Горы московитичи называли Камнем, «а Камени в оболочках не видать». После завоевания Сибири Ермаком, был построен городок Березово. А от него установился традиционный путь по рекам Ляпин и Щугор с переходом через горы Приполярного Урала.

В «Атласе Российской империи», изданном в 1792 г., на карте Вологодского наместничества между верховьями рек Щугор и Подчерем обозначен «Кам. Толпас» (современное название Тельпосиз). А на карте Архангельского наместничества нанесена «г. Сабля». Такая информация указывает на то, что русские геодезисты в конце XVIII века побывали в горах Приполярного Урала.

Первое описание гор в районе верховьев р. Щугор сумел составить горный инженер Н. Стражевский. Он несколько лет руководил отрядом летних походов северо-уральской горной экспедиции в 1830-е годы [1.193]. В основном, по восточному склону Уральских гор Стражевский пробрался до верховьев р. Щугор и первым дал описание горы Тельпосиз [1.190]. В 1847 г в составе уже другой экспедиции ИРГО он прошел по водоразделу от истоков р. Вишера до среднего течения р. Щугор и на этом пути впервые определил высоты нескольких десятков уральских вершин.

В 1883 – 1884 гг в горах Приполярного Урала побывал К.Д. Носилов (см. рисунок 2.25). Родился он в семье священника в селе Масляном Шадринского уезда в 1858 г. Учился в Пермской духовной семинарии, но выбрал дальнейший жизненный путь по гражданской линии [1.224]. Много путешествовал. Побывал в Палестине, Египте, Турции. Поколесил по Европе – Франция, Швеция, Норвегия. Но самым любимым районом странствий своих всегда считал Уральский Север. На Приполярном Урале он путешествовал несколько лет. В зимних условиях на оленях проехал из Саранпауля на восточном склоне через Щекурьинский перевал, расположенный в районе горы Неройки, и мимо горы Сабли добрался до села Оранец на р. Печоре [1.221]. Этим же путем вернулся в Саранпауль. А летом 1884 г еще раз совершил путешествие через горы Приполярного Урала. На этот раз на оленях он добрался до р. Щугор и в одиночку, только с собакой, сплавился вниз до села Оранец. Об этих своих поездках рассказал в журнальных статьях [1.221] и книгах [1.222,1.223]. Позднее совершил путешествия на полуостров Ямал и Новую Землю, где на последней провел трижды зимовки.

В 1890 г по маршруту Носилова на Приполярном Урале проехал французский путешественник Шарль Рабо. Но его книга с описанием уральского вояжа до сих пор остается для меня недоступной.

В 1885 г тобольский купец А.А. Сыромятников организовал экспедицию в далекие северные края Урала [1.225]. Руководил экспедицией Кольштедт. Цель поездки – поиски полезных ископаемых – золото, медь. Начальный пункт – устье р. Войкар. На р. Большая Харута, на западном склоне Уральского хребта, нашли медное месторождение. Вдоль западного склона гор отряд прошел до верховьев р. Кожим, откуда перевалил в долину р. Народа и сплавился по ней до Саранпауля. Интересен тот факт, что Кольштедт прошел всего в 10 км от высшей уральской вершины Поэнг- Ур (Народная).

В 1899 г в районе горы Тельпосиз побывал Е.С. Федоров (см. рисунок 2.26). Родился он в 1853 г в Оренбурге. Понемногу учился в разных учебных заведениях, последним из которых был горный институт в Петербурге. Здесь-то и определился его дальнейший жизненный путь – геология и минералогия стали творческой сферой его плодотворной научной деятельности [1.236]. В течении шести лет он руководил геологической партией горного департамента геологического комитета, обследовал районы Северного Урала [1.219] и составил геологическую карту этого района [1.220]. В последний год проведения работ на Урале Федоров обследовал южную часть Приполярного Урала. С верховьев р. Подчерем он перебрался на р. Щугор и сплавился по ней, мимо горы Тельпосиз до устья р. Большой Паток. Затем по этой реке поднялся вверх до Уральских гор. И обратно вниз по течению до р. Печоры. Позднее, в 1894 – 1896 гг Федоров руководил геологическими исследованиями Богословского горного округа и организовал в Турьинских рудниках первый в России геологический музей практического назначения, который функционирует и поныне. Я неоднократно бывал в этом музее. Листал страницы в дореволюционных томах, в которых отыскивал немалое число любопытных фактов, установленных Федоровым на уральской земле. Федоров все свои трудовые годы глубоко занимался минералогией и создал учение о симметрии и структуре кристаллов. Итогом этих его работ стала монография «Симметрия правильных систем фигур», вышедшая в свет в 1890 г, которая содержала вывод 230

пространственных групп симметрии. Этот его труд и поныне является основой современной кристаллографии.

Наконец, отмечу первую советскую экспедицию на Приполярный Урал. Североуральская экспедиция Уралплана и Академии наук начала свою работу в 1924 г, когда ознакомилась с районом верховий р. Соби. В последующие годы экспедиция обследовала более южные районы Уральского хребта. И в 1927 г экспедиционный отряд исследовал район верховий рек Кожим и Народа [1.183]. Именно здесь экспедиция впервые инструментальным способом определила, что высшей уральской вершиной является гора, которой участники экспедиции дали название – Народная. Этим самым были подтверждены данные А. Регули о том, что эта гора с мансийским названием Поэнг- Ур является наивысшей на всем Урале. Дополнительные сведения по истории открытия Приполярного Урала – см. статьи [1.229,1.230].

В орографическом отношении Приполярный Урал представляет собой сложную систему хребтов и хребтиков различных направлений, тяготеющих к северному протяжению, а также отдельных горных массивов. Характерной особенностью такой горной системы является расположение Главного Уральского водораздела на восточной окраине гор. Начинаясь на юге Приполярного Урала хребтом Маньхамбо, водораздельная линия проходит далее на север через горы Яны-Янкеч, хребет Хосанер, хребет Сумахнер. И далее – через длинный Исследовательский хребет, доходящий до южной грани Полярного Урала. Исследовательский хребет – это сокращенное название, а полное – кряж Исследователей Северного Урала в XIX столетии. К западу от Главного Уральского водораздела размещается ряд хребтов. В северной части Приполярного Урала расположено примерно параллельно друг другу несколько хребтов: Обе, Западные и Восточные Саледы, Ябтикнырд, Малдынырд, Росомаха. За счет их ширина горной полосы Приполярного Урала в северной его части достигает 150 км. Отличительной чертой орографии региона является тот факт, что в ряде случаев горные массивы, расположенные западнее главного водораздела, имеют высотные отметки, превышающие высоты вершин, находящихся непосредственно на главной водораздельной линии на одинаковой географической широте. К таким западным горным массивам можно отнести: Кожим-из, Тельпосиз, Лорцем-пея, Сабля и др.

Высшей вершиной Приполярного Урала, как и всего Уральского хребта, является гора Народная (1895 м), имеющая местное мансийское название – Поэнг- Ур [1.227,1.228]. Особенно оригинальная черта рельефа Приполярного Урала состоит в том, что в районе высшей вершины Поэнг- Ур Уральский хребет изменяет свое общее направление с севера на северо-восточное. В районе верховий рек Народа и Хальмерью (на восточном склоне) и Кожим (на западном склоне) линия Главного Уральского водораздела делает двойной изгиб. От гор Поэнг- Ур и Карпинского она поворачивает на восток. Затем в верховьях р. Северная Народа на небольшом отрезке (длиной около 20 км) идет практически на юг! А далее от верховьев р. Кожим принимает северо-восточное направление, по которому протягивается Народо-Итйинский кряж, самая южная часть которого располагается также в пределах Приполярного Урала. Этот искривленный участок водораздельной линии в среде туристов именуется Приполярным Интегралом.

Пожалуй, самой эффектной высокогорной частью Исследовательского кряжа является участок, расположенный между верховьями рек Парнук и Народа (на восточном склоне). Здесь находятся три наиболее высокие вершины Урала: Поэнг- Ур (1895 м), Защита (1808 м) и Карпинского (1803 м), а также несколько вершин, высотная отметка которых превышает 1700 м (Янченко – 1741 м, Мансиньер – 1779 м, Регули – 1711 м, Ремезова – 1729 м и др.). В целом, Приполярный Урал является самым высоким районом всего Уральского хребта. При этом для рельефа Приполярного Урала характерен тот факт, что практически все перевалы, расположенные на линии Главного Уральского водораздела, имеют безлесный характер. Исключение составляют два участка, расположенные в районе р. Щугор: в истоках ее и там, где она, прорываясь через горы, имеет широтный участок течения (севернее г. Тельпосиз). Для Приполярного Урала характерно наличие большого количества сквозных поперечных долин, соединяющих реки восточного и западного склонов хребта: Манья – Бол. Паток, Щекурья – Бол. Паток, Пуйва – Торговая, Волья – Волоковка, Толья – Щугор, Маньяйс – Укью и др.

Приполярный Урал является районом самым богатым осадками на всем Уральском хребте [1.226,1.231]. Наибольшее количество осадков выпадает на возвышенных участках западного склона – до 1500 мм в год. На восточных склонах количество осадков почти в два раза меньше. Более половины осадков выпадают летом. Для Приполярного Урала весьма характерна резкая смена погоды в летнее время. За несколько часов сухая и теплая погода может смениться на дождливую и холодную, подчас даже с выпадением снега. Такая смена погодных условий обычно происходит при западных и северо-западных ветрах. Сухой и теплой погоде сопутствуют восточные и юго-восточные ветры. Особенно резкое изменение погоды наблюдается в центральной горной части. Помню, как в одном из летних путешествий нас промочил холодный дождь и обильный снегопад в верховьях р. Ломесь-вож. Но стоило нам спуститься в верховья р. Хобею, как через 5 – 6 км уже на восточном склоне, устойчиво сияло солнце на ясном небе и мы быстро отогрелись. А позади по-прежнему висели мрачные тучи.

Приполярный Урал имеет самую большую густоту речной сети на всем Уральском хребте [1.232]. Водоносность рек на западном склоне в 2 – 3 раза больше, по сравнению с реками восточного

склона. Это объясняется значительно большими осадками, выпадающими именно на западных склонах. Реки западного склона несут свои воды в Печору, а восточного – в Обь. В летних условиях на горных участках рек, особенно на восточных склонах, имеют место дождевые паводки, когда при интенсивных ливнях резко увеличивается уровень воды в реках, поднимаясь на 2 – 3 м. при этом поток воды несет крупные камни, валуны и гальку, превращаясь в сель. Вспоминается случай, когда мы установили палаточку на слегка покатоном береговом склоне. Вечером выпал снег. А ночью резко потеплело. Появилась масса водяных потоков, часть которых потекла прямо через палатку, которую едва не смыло вместе с нами. Помогли быстрые действия по отведению водотоков мимо палатки: ледорубами прорубили обводняющие канавки в почве.

На Приполярном Урале – большое количество озер (по данным работы [1.231] только в горной части – 821). Как правило, размеры озер не велики – по площади до одного квадратного километра. Но при этом в каровых озерах глубина достигает десятков метров (Манси, Голубое и др.). В горах на западном склоне озер в 5 раз больше, чем на восточном. В троговых долинах располагаются плотинные озера, образовавшиеся в результате подпруживания реки мореной, что обуславливает продолговатую форму таких озер. Самое большое озеро Приполярного Урала – Торговое, расположенное в истоках р. Торговой (правый приток р. Щугор), длина озера – 2,2 км, а глубина 28 м. Самым глубоким (49 м) озером на Приполярном Урале является озеро Тельпос, расположенное на высоте 1140 м на склоне г. Тельпосиз.

На Приполярном Урале находится 49 ледников. Основное количество их являются каровыми (Югра, Хобе, Мань-Хобе, Гофманна и др.). Имеются также карово-висячие (Городкова, Парнук) и присклоновые (Лимбеко, Конус и др.) ледники. Самый большой ледник с площадью 0,75 квадратных километров – Манси, расположенный в восточном каре горы Мансиньер. Ледники Приполярного Урала сосредоточены в пяти районах: в верховьях р. Народа, на хребтах Западные и Восточные Саледы, в верховьях р. Косью с притоками, на хребте Сабля и на горе Тельпосиз.

Первые ледники на Приполярном Урале, как и на всем Уральском хребте, обнаружил А.Н. Алешков [1.233,1.234] в 1927 г (см. рисунок 2.27). Большинство приполярных ледников разыскал Л.Д. Долгушин (см. рисунок 2.28 и [1.226,1.235]).

На верховых горных участках Приполярного Урала находятся гольцовые пустыни и небольшие участки горных тундр. На последних растут низкорослые кустарники, травы, мхи и лишайники. Изредка встречаются арктическо-альпийские цветочки, которые эффектно смотрятся на фоне каменистых пустынь. По мере спуска в речные долины располагается пояс субальпийских лугов с коврами цветастого разнотравья. Этот пояс занимает узкие полоски на склонах гор, но весьма ласкает взор, когда проходишь по благоухающим лугам. Еще ниже, и на днищах речных долин – лесное таежное царство. На европейском склоне древостой представлен в основном елями и пихтами с примесью березы. На азиатском склоне леса состоят из ели, кедра, лиственницы и березы.

Приполярный Урал богат двумя полезными ископаемыми, добыча которых ведется там уже столетие. Горный хрусталь добывается в районах горы Неройки и в долине р. Балбанью. Интенсивно добывается золото: на верхних притоках р. Кожим, в долинах рек Манья и Хальмерью. В верховьях р. Кожим имеется аметистовое месторождение.

На Приполярном Урале функционирует национальный парк «Югд Ва», включенный в список мирового наследия ЮНЕСКО.

Когда в 50-е гг XX века мы совершали свои первые путешествия на Приполярном Урале, то там практически не было никаких дорог и троп (за исключением кожимской дороги). Лишь изредка встречались следы от вездеходов. Да и те едва угадывались. Но со временем антропогенная нагрузка на местность стала значительно увеличиваться, что сразу же отразилось в следах пребывания человека, в появлении троп и, со временем, дорог. Летом 1954 г в долине р. Косью в районе устья р. Юнко-вож была абсолютно девственная местность – никаких следов пребывания человека. В начале 60-х гг появилась тропа на левом берегу р. Косью. Через 4 – 5 лет набили тропу и на правом берегу реки. В конце 70-х гг на левом берегу реки параллельно друг другу пролегалo уже 2 – 3 тропы, глубиной местами до 30 – 40 см. А в конце 80-х гг объявилась наезженная дорога. Думается, новые тропы и дороги будут появляться и в будущем. Нынешнее состояние путей сообщения на Приполярном Урале предопределено хозяйственным освоением района. В настоящее время используются следующие грунтовые дороги:

- Интинская дорога: Инта – р. Кожим – р. Балбанью – база «Желанная» (130 км), эксплуатируемая круглогодично;
 - Кожимская дорога: железнодорожная станция Кожим-рудник – Интинская дорога и далее до базы «Желанная»;
 - Вангырская дорога: от 11 км Кожимской дороги – р. Косью – верховья р. Вангыр.
- Более обширную характеристику дорог и троп, а также вершин и перевалов на Приполярном Урале – см. работы 1.237 – 1.239.

В южной части Приполярного Урала в истоках р. Щугор, через Уральский хребет проложено несколько ниток газопровода, по которым природный газ направляется из Западной Сибири в европейские районы. Вдоль газопровода из Вуктыла (на р. Печере) проложена дорога до поселка Приполярный, на котором находится компрессорная станция. По этой дороге регулярно ходят специализированные автомашины.

Горы Приполярного Урала – классический туристский полигон, на котором можно приобрести горные навыки и опыт, а потом отправляться в путешествие в более высокие и сложные горы. Именно вершины являются главной привлекательной особенностью Приполярного Урала. Без малого десятков походов совершил я на Приполярном Урале. И поднялся на более двух десятков приполярных гор. Не могу выделить среди них какие-то особенные. Все они, включая невысокие «горушки», по-своему интересны. Традиционно, на приполярных маршрутах главными целями определяются восхождения на вершины. К ним прокладываются маршруты. После покоренных вершин можно отправляться в обратный путь, домой.

Впервые на Приполярном Урале я побывал в морозном январе 1957 г. От железнодорожной станции Кожим-рудник мы прошли через хребты Обе и Западные Саледы и по р. Косью поднялись до подножия горы Манараги. Предприняли попытку забраться на эту зубастую вершину. Но она не подпустила нас к своим верховым скалам. Впрочем, мы сами были виноваты. В то время мы еще не имели надежной информации о трудностях различных маршрутов на эту горную красавицу. Мы пошли вверх по южному гребню. Светового времени нам на подъем не хватило. Пришлось вернуться, не обняв скалы на гребне непокорной горы. От тех дней осталось еще одно острое ощущение – мороз, мороз, мороз... Термометр зашкаливал за 40 градусов. А печки у нас не было. Морозные ночи в трехместных спальнях мешках с дрожью вспоминаются даже спустя полвека. Тот поход без печки был последним в моей зимней туристской практике. Во всех последующих зимних путешествиях печка была абсолютно необходимым инвентарем.

Зимнее путешествие в 1968 г на Приполярном Урале было весьма интересным. На вертолете из города Печора мы забросились в верховья р. Косью и построили ... избу (см. рисунок 2.29). Выбрали площадку между шестью елями, которые использовали как столбы. Между ними сделали обрешетку из жердей. Обложили по периметру слоем веток около полуметра. Снаружи закрыли пленкой и завалили сначала снежными блоками, а потом засыпали снегом. Примерно также устроили потолок. В одной стене смонтировали дверь, а в другой окно, обтянутое прозрачной пленкой. Внутри – нары, стол, скамейки и ... большая печка. В итоге получилось прекрасное теплое жилище. И из такого базового домика мы совершали различные маршруты с восхождениями на вершины.

Для восхождения на вершины Народной и Карпинского мы сделали радиальный выход. Взяв палатки с малыми печками, прошли в верховья р. Манараги до границы леса. От этого места пошли на гору Народная (см. рисунок 2.30), которая является самой высокой вершиной на всем Уральском хребте.

История обнаружения высшей Уральской вершины длилась во времени около века. Вероятно, впервые попытался ответить на этот вопрос И. Лепехин, руководитель одного из академических экспедиционных отрядов, исследовавших Россию в третьей четверти XVIII века. Лепехин путешествовал по Уралу и побывал в районах от Оренбургских степей до Конжаковского Камня [1.240]. В 1770 г он побывал в районе гор Яман-тау и Иремель на Южном Урале, который именовался тогда Оренбургским Уралом. В следующем 1771 г он посетил район Конжаковского Камня на Северном Урале. Лепехин не производил инструментальных измерений высот посещаемых вершин. Но чисто качественно он пришел к выводу о том, что из всех вершин, на которых он побывал, самой высокой является гора Косвинский Камень – он «вышиной все прежде описанные превосходил». Инструментальное определение высотных отметок уральских вершин началось практически в начале XIX века. Одними из первых высоты гор в 1828 – 1829 гг на Южном Урале определили молодые геологи Г. Гельмерсен (см. рисунок 2.31) и Э. Гофманн (см. рисунок 1.49), выпускники Дерптского (Тартуского) университета. В 1829 г немецкий естествоиспытатель А. Гумбольдт (см. рисунок 2.32) вместе с Гельмерсеном и Гофманном проехали по Южному Уралу. Позднее, по ходатайству Гумбольдта оба российских геолога были командированы в Европу для совершенствования знаний под руководством Гумбольдта. В Германии они обработали свои полевые материалы и опубликовали их там, а на русском языке они были напечатаны четыре года спустя в «Горном журнале» [1.241]. Гофманн и Гельмерсен определили высотные отметки ряда вершин: Юрма, Таганай, Ирендик и др. По их измерениям наиболее высокой на Южном Урале была гора Иремель, высота которой по их данным составила 1469 м. В 1828 г немецкий путешественник А. Эрман побывал в Обдорске (современный Салехард), откуда совершил поездку на оленях в Уральские горы. Он провел измерения высоты пяти вершин [1.213]. Это были первые измерения высоты гор на Заполярном Урале. И все они оказались ниже высот уже известных вершин Южного Урала. Таким образом, в то время пальму высотного первенства на Урале отдавали горе Иремель.

В конце июня 1829 г, совершая поездку по Уралу, Гумбольдт приехал в Богословск. С вершины холма на территории Богословска взору его открылась горная цепь вершин. Высоту самой высокой из них – Конжаковский Камень – он определил с помощью круга Катера [1.242]. Позднее, в своем труде «Центральная Азия» Гумбольдт записал, что расстояние до измеряемой вершины, равное 48 верстам, он взял из рукописной карты горного округа [1.215]. В письме Гельмерсену от 9 апреля 1837 г Гумбольдт писал: «Я измерил в Богословске ... вертикальный угол Конжаковского Камня ... я получаю ... взяв половину угла, учитывая кривизну земли, 1/10 на рефракцию, 670 туазов [1306 м – КВГ] возвышения над Богословском или же только 820 туазов [1598 м – КВГ] ... над уровнем моря ... Я видел самую высокую вершину отчетливо, при ясной погоде и безоблачном небе» [1.243]. Гумбольдт считал гору

Конжаковский Камень самой высокой вершиной, из измеренных, в пределах известного на то время Урала.

В своем письме к П. Шиллингу в 1832 г он записал: «Иремель – 722 туаза [1407 м – КВГ]. На северном же конце Урала к западу от Богословска, согласно моим измерениям: Конжаковский Камень – 820 туазов [1598 м – КВГ], Денежкин Камень на меридиане предыдущего и в 75 верстах к северу, – еще выше, но не измерен» [1.244].

1830-е годы – время детективных событий в исторической географии Урала. В июне 1833 г русский астроном В. Федоров тригонометрическим методом измерил высоты вершин, расположенных в Уральском хребте и прекрасно видных из района Богословска, в том числе и Конжаковский камень [1.245], высоту которого ранее определил Гумбольдт. Сам Федоров результаты этих измерений не опубликовал. Однако, они, результаты измерений, стали каким-то образом известны Гофманну и Гельмерсену, которые сообщили их в своих печатных работах [1.246,1.247]. Кроме того, Гельмерсен 28 марта 1835 г написал об этом в письме к Гумбольдту [1.248]. Во всех этих сообщениях фигурировала высота Конжаковского Камня равная 8000 футов [2600 м – КВГ] и даже более (до 9000 футов), что почти в два раза превышало величину, определенную Гумбольдтом. Он, тем не менее, высоко оценивал Федорова как естествоиспытателя. Так в письме к Гельмерсену от 9 апреля 1837 г он сообщает, что ему «известна большая аккуратность» Федорова и его опытность [1.243]. В другом письме к Якоби от 13 марта 1840 г он характеризует Федорова как «исключительно аккуратного астронома» [1.249]. В письме к Гебелю Ф. от 26 апреля 1838 г. Гумбольдт назвал Федорова «прекрасным ученым» [1.250]. Гумбольдт полностью доверял измерениям Федорова и считал, что ошибка в измерениях была у него, Гумбольдта. В письме к Гельмерсену он писал: «Мне было бы весьма интересно выяснить причину моей ошибки ... ибо ошибка, конечно, получилась у меня» [1.243]. Гумбольдт написал несколько писем российским адресатам (Гельмерсену Г., Гебелю Ф., Купферу А.) с просьбами сообщить ему точные результаты измерений Федорова высоты Конжаковского Камня. В течение пяти лет Гумбольдт не мог получить уточняющую информацию о высоте Конжаковского Камня. Наконец, в конце 1839 г или в начале 1840 г Гумбольдт получает письмо от Федорова, в котором ситуация проясняется. О действительном положении вещей Гумбольдт сообщает в письме к Якоби Б. от 13 марта 1840 г [1.249], а также детально пишет в своем труде «Центральная Азия» [1.215], где помещает специальную «Гипсометрическую заметку относительно измерений г. Федорова». Эта ситуация разъясняется также в специальной главе «Высота Северного Урала» во втором томе «Путешествие на Урал, Алтай...», опубликованном в Берлине Г. Розе в 1842 г [1.251]. В действительности оказалось, что Федоров определил высоты четырех вершин. Превышение самой высокой вершины над точкой замеров Федоров определил в 764 туаза [1490 м – КВГ]. Название этой вершины Федоров не установил. И Гумбольдт вначале сомневался в том, что они определили с Федоровым высоту одной и той же вершины [1.215]. Сомнения Гумбольдта рассеял Гельмерсен, который в своей работе [1.252] показал, что безымянная вершина Федорова и есть Конжаковский Камень, высоту которого Гельмерсен рассчитал следующим образом: к превышению Конжаковского Камня в 764 туаза [1490 м – КВГ] (по Федорову) он прибавил абсолютную высоту Богословска, равную по Купферу 116 туазов [226 м – КВГ] и получил абсолютную высоту Конжаковского Камня, равную 880 туазов [1718 м – КВГ]. Примерно также поступил и Розе, который принял высоту Богословска равной 80 туазов [156 м – КВГ] и получил высоту Конжаковского Камня – 844 туаза [1646 м – КВГ]. Именно последнюю отметку Конжаковского Камня Гумбольдт нанес на карту Уральского хребта, приложенную к своей книге «Центральная Азия». На этой же карте указана высотная отметка горы Иремель – 793 туаза [1546 м – КВГ]. Таким образом, в итоге Гумбольдт считал Конжаковский Камень выше горы Иремель (подробности см. в статье [1.455]). В 1841 г в Москве была напечатана книга Г. Щуровского «Уральский хребет в физико-географическом, геогностическом и минералогическом отношениях». В примечаниях к первому отделению книги приведена записка Федорова об измерении высоты Конжаковского Камня [1.253], которая составила 764,33 туаза [1490 м – КВГ]. Щуровский также подтвердил, что безымянной вершиной Федорова является Конжаковский Камень. Спустя несколько лет на Конжаковский Камень поднялся Гофманн и барометрическим методом определил высоту – 1701 м [1.254]. Для сравнения приведу современные высоты двух вершин, соперничающих между собой за высотное первенство на Урале в первой половине XIX века: гора Иремель – 1586 м, Конжаковский Камень – 1569 м.

Гумбольдт в 1830-е годы не исключал того, что на Урале возможно будет обнаружена вершина, высота которой может превысить отметку Конжаковского Камня, так как значительная часть Уральского хребта в то время еще не была обследована. Уже следующее десятилетие подтвердило предположение Гумбольдта.

Венгр А. Регули в 1843 – 1845 г во время своего уральского путешествия (см. выше) составил несколько рукописных карт различных уральских районов. Напомню, что на одной из них, составленной со слов местного манси Алексея Касимова, в районе между верховьями рек Пуйва и Норэти (р. Народа) стоит надпись «Здесь Урал есть наивысший». Таким образом, Регули установил, что район высших уральских вершин находится около 65 ° северной широты. Такое свое мнение он зафиксировал дополнительно в нескольких своих рукописях [1.177,1.178]. На своей большой карте Северного Урала [1.179] Регули сделал вставку, на которой изобразил именно этот район высших вершин. На этой карте,

изданной в Венгрии позднее, одна из гор помечена крестиком. Эта вершина соответствует современной горе Народной и имеет мансийское название Поэнг- Ур , что в переводе означает – «высшая, главная вершина».

Мнения о высшей горе в Уральском хребте изменялись по мере накопления знаний и пополнения географических сведений об Уральских горах. С конца XVIII и до середины XIX веков высшей вершиной считали сначала гору Ирмель, на Южном Урале, а затем – в южной части Северного Урала -гору Конжаковский Камень .

В 1847 – 1850 гг североуральская экспедиция ИРГО установила, что в северной части Уральского хребта имеются более высокие вершины. Гофманн Э., формальный руководитель этой экспедиции, уже в год окончания экспедиционных работ опубликовал статью [1.256], в которой высказал свои соображения о самой высокой горе Урала. В этой своей работе он принял следующие высоты наиболее высоких известных ранее гор: Ирмель – 1521 м, Конжаковский Камень – 1615 м. Но самой высокой уральской горой он считал Тельпосиз, мимо которой он проплыл на лодке по р. Шугор в 1850 г. Однако, в этой своей работе Гофманн не привел отметку высоты горы Телпосиз, так как к тому времени еще не были обработаны все экспедиционные материалы. Ковальский М., участник этой экспедиции, проводивший астрономические и тригонометрические исследования, определил высоту гор Тельпосиз и Сабля. Высоту горы Тельпосиз он определил в летних условиях с двух соседних вершин, высоты которых были установлены барометрическим способом. А высоту горы Сабля он определил зимой из деревни Оранец, расположенной на берегу .р. Печоры. По измерениям Ковальского гора Сабля имела высоту 1648 м, а гора Тельпосиз – 1582 м. В итоге, Ковальский высшей уральской вершиной считал гору Сабля. Гофманн же внес корректировки в расчеты Ковальского, связанные с высотными отметками базисных точек – городов Чердынь и Березов, по отношению к которым в экспедиции брались все последующие отсчеты. В результате Гофманн считал, что высшей уральской вершиной является гора Тельпосиз (1689 м). А гора Сабля по расчетам Гофманна имела высоту 1567 м. Для сравнения приведу современные высоты обсуждаемых вершин: Тельпосиз – 1617 м, Сабля – 1497 м. В 1858 г. Гофманн в берлинском журнале опубликовал большую работу «О гипсометрических отношениях Уральского хребта» [1.257], в которой привел свою объемную сводку высот уральских вершин. Здесь он повторил свое мнение о том, что гора Тельпосиз является высшей вершиной Уральского хребта. Гофманн проехал по подножию истинной высшей вершины – горы Поэнг- Ур (Народной). И не смог различить ее. Не смог разобраться в карте, составленной Регули, на которой высшая уральская вершина была не только обозначена, но и названа как самая высокая. Гофманн полностью игнорировал мнение Регули о высшей горе Урала. И только в 1927 г северо-уральская экспедиция Уралплана и Академии наук [1.183], работавшая в течение пяти лет в северных районах Урала, инструментально установила ряд вершин, высота которых оказалось значительно выше, чем у горы Тельпосиз. В экспедиционном отчете записано: «В верховьях Народы находятся самые значительные высоты Уральского хребта – «Народная» (1870 м), «Карпинского» (1780 м) и «Дидковского» (1750 м), с открытием которых прекращается высотное первенство г.г. Сабля (1680 м) и Тельпоса (1550 м)» [1.183]. Среди вновь открытых вершин наивысшей оказалась гора, которой дали название «Народная». Высоту тогда ее определили в 1870 м, а современная ее высота – 1895 м. Вершина эта расположена в верховьях рек Народа, Карпиншор, Балбанью и Манарага.

Именно эту вершину Регули впервые нанес на карту и со слов манси записал ее название – гора Поэнг- Ур . Таким образом, можно считать, что высшая уральская гора Поэнг- Ур (Народная) была открыта трижды. В XVI – XVIII веках, а может быть и ранее, безвестный манси глазомерно определил высшую вершину и дал ей название Поэнг- Ур («высшая, главная гора»). Но у манси тогда не было своей письменности. Это знание из уст в уста передавалось из рода в род. В середине XIX века этот факт со слов манси зафиксировал Регули. Он письменно записал эту информацию и впервые нанес высшую уральскую вершину на карту. И, наконец, в 1927 г С. Янченко геодезическими инструментальными измерениями научно доказал приоритет высоты Поэнг- Ур (Народной), подтвердив правоту Регули и неизвестного манси (подробнее см. мою книгу [1.470]).

Бывая на горе Поэнг- Ур , я, без тени сомнения, признал правоту безвестного манси: эта вершина, глазомерно существенно выше всех окружающих ее гор. Соседняя гора Карпинского, хотя имеет отметку несколько более 1800 м, но смотрится значительно ниже Поэнг- Ур . Конусообразная гора Защита – также ниже. А о высоте красавицы – Манараги и говорить нечего: с высшей горы Манарага смотрится совсем малюткой. Поэтому абсолютно прав неизвестный манси: поднимись на гору Поэнг- Ур и сам, на глаз, убедишься, что она самая высокая на всю округу, которая на протяжении всего Уральского хребта превалирует по высоте.

На основании изложенного выше можно отметить, что по мере обследования новых уральских районов высшая уральская гора условно как бы перемещалась на север. Сначала высшей уральской вершиной считали гору Ирмель, на Южном Урале. Затем первенство перешло к горе Конжаковский Камень, на Северном Урале. Позднее высшей вершиной долго считали гору Тельпосиз. И, наконец, в первой четверти XX века действительно высшей вершиной стала гора Поэнг- Ур (Народная), расположенная на Приполярном Урале. Поиски высшей уральской горы длились около века. И над решением проблемы в разные времена трудилась интернациональная группа исследователей – венгр

Регули, поляк Ковальский, немцы Гумбольдт и Гофманн, украинец – Янченко, русские – Стражевский, Федоров, Щуровский, Алешков и др.

Ночью, накануне зимнего восхождения на гору Поэнг- Ур , во время дежурства у печки, мне вспомнилась череда людей, трудами которых была определена высшая уральская вершина. А на утро мы начали подъем на эту гору. Есть несколько маршрутов подъема на вершину(подробнее см. мою книгу- Поэнг-Ур– высшая уральская гора[1.470]). Мы выбрали нетрадиционный путь. По правому, достаточно крутому, снежному склону р. Манараги (см. рисунок 2.33) на лыжах мы поднялись до всячего кара, за скальной стенкой которого находятся верховья левого истока р. Балбанью. Дойдя до скал восточного края этого кара, мы сняли лыжи. Затем, с лыжами на плечах, по скалам поднялись на северное плато вершины. Снова надели лыжи и прошли до взлетного подъема. Здесь оставили лыжи. Погода была прекрасная. Ярко светило солнце. Температура – около нуля градусов. Тепло. Мы это место назвали – Плато Отдыха. А далее пеший подъем на высшую точку горы. И вот мы – на самой высшей горе Урала, исконное имя которой – Поэнг- Ур .

Здесь я перву фонтан моих эмоций, обуявших меня в первый момент нахождения на макушке Урала. Мне захотелось вспомнить тех людей, которые поднимались сюда впервые. В наше время на высшую гору Урала ежегодно поднимается одна – две сотни любопытствующих путешественников. Ныне проводятся даже массовые забеги на гору Поэнг-Ур (подробнее см. мою книгу[1.470]). А кто же был самым первым восходителем?

Думается, что первейшим покорителем горы был безвестный манси (см. таблицу 4). Почему манси? Потому что на всем районе Приполярного Урала манси издревле пасли оленей. На карте, составленной Регули, северная граница расселения манси показана существенно севернее Приполярного Урала. Поднялся манси-первопроходец на гору и увидел, что она выше всех других вершин, ее окружающих. И дал он горе название Поэнг- Ур , точно отражающее основной признак горы: она – высшая вершина.

Таблица 4

Первые восхождения на гору Поэнг- Ур

№ п/п	Восходители	Дата	Маршрут восхождения
1.	Безвестный манси	XVI – XIX вв?	Скорее всего из долины р. Балбанью
2.	Янченко С.А., Сочава В.Б. (предположительно)	1927 г	Из долины р. Народы (?)
3.	Алешков А.Н.	1 июля 1929 г	Неизвестно
4.	Боч С.Г., Трифонов Ф.Г.	июль 1933 г	Из долины р. Народы
5.	Туристская группа студентов (8 человек) Свердловского горного института (руководитель Филипп Груздев)	10 августа 1936 г	Из верховьев р. Карпин-шор
6.	Топограф Д.С. Канин с тремя рабочими	лето 1937 г	Из верховьев р. Народы
7.	Геоморфолог Долгушин Л.Д. с сотрудниками	28 июля 1939 г	Не известно
8.	Топограф А.Ф. Северцов с тремя рабочими	31 августа 1941 г	Из верховьев р. Народа
9.	Туристская группа (10 человек) из г. Свердловска (руководитель Евгений Масленников)	29 июля 1954 г	Из верховьев р. Манараги
10.	Экспедиционный отряд Свердловского лесотехнического института (руководитель П.Л. Горчаковский)	8 июля 1955 г	Из верховьев р. Балбанью
11.	Туристская группа Ленинградского политехнического института (руководитель Щербинин О.Н.)	17 июля 1955 г	Из верховьев р.Балбанью
12.	Туристская группа из г. Москва (руководитель Козулицын)	25 июля 1955 г	Неизвестно
13.	Туристская группа Ленинградского института точной механики и оптики (руководитель Приходько Ю.П.)	июль – август 1955 г	Из верховьев р. Манараги
14.	Туристская группа МГУ (г. Москва), руководитель Днестровский	август 1955 г	Неизвестно

15.	Туристская группа Уральского политехнического института, г. Свердловск (руководитель Королев В.И.)	9 февраля 1956 г	Из верховьев р. Манараги
-----	--	---------------------	--------------------------

Думается, что в 1927 г на гору Поэнг- Ур поднялись (предположительно) топограф Янченко С.А. и ботаник Сочава В.Б., участники североуральской экспедиции Уралплана и Академии наук. Я не располагаю каким-либо официальным письменным источником, фиксирующим такое восхождение. Но логический анализ действий отрядов экспедиции в тот год указывает на вероятность такого восхождения. В отчете о проведенной экспедиции [1.183] ее руководитель Алешков не упоминает о подъеме на гору Поэнг- Ур (Народная). Хотя именно данный отряд исследователей дал современное название горе – Народная. К отчету приложена «Карта района работ североуральской экспедиции в 1927 г». На ней нанесены маршруты экспедиционных отрядов. При продвижении каравана на север, на переднем пути, экспедиционники торопились найти точку, которую они достигли в предыдущем году. На обратном пути, от р. Сарынздеда Алешков отделился от основного отряда и поехал обследовать район горы Сабля. При этом точно повторил путь, проделанный Гофманном в середине XIX века, только в обратном направлении. Алешков, как и Гофманн, проехал всего в 4 км от высшей уральской вершины и не предпринял усилий к подъему на вершину. Если бы он совершил такое восхождение, то он, несомненно, об этом упомянул бы в своем отчете. А вот Янченко и Сочава, молодые и азартные люди, возвращались по маршруту, проходящему через верховья р. Народа. Путь этот был им уже хорошо известен. Но они затратили на обратном пути налегке большее количество дней, чем на переднем, когда передвигались с груженым караваном. Поэтому можно предполагать, что они задержались на р. Народа на парочку дней и поднялись на высшую уральскую гору. Но еще раз подчеркну: это только мои предположения. Где-то в питерских архивах хранятся полевые тетради Янченко, которые могут дать положительный или отрицательный ответ на вопрос о восхождении Янченко и Сочавы на гору Поэнг- Ур .

В 1929 г на гору Поэнг- Ур поднялся Алешков (см. рисунок 2.27). В своей статье [1.234] «О первых ледниках Северного Урала» он записал: «При восхождении 1 июля на гору Народная и во время пребывания там мне представился случай, благодаря открывшемуся с этой наивысшей (1885 м) вершины Урала обширному виду, наблюдать состояние снега в горах в это время».

В 1933 г несомненно побывал Боч С.Г. (см. рисунок 2.34) на вершине Поэнг- Ур. В своей статье «Геоморфологический очерк района горы Народной» [1.258] он детально описывает все основные структурные элементы вершины (кары, гребни, плато, террасы, снежники, останцы, почвы и пр.). В статье приведены фотографии различных участков путей на вершину. К статье приложена карта, составленная на основании мензульной и глазомерной съемки (см. рисунок 2.35). На этой карте гора Поэнг- Ур расположена в центральной части и со всех сторон обрисована с большой точностью. Пунктуально, с мелкими деталями описаны в статье восточное (современное Плато Руин) и северное (современное Плато Отдыха) нагорные плато горы Поэнг- Ур . Все эти факты указывают на то, что Боч непосредственно был на обоих плато горы Поэнг- Ур . А с этих плато до макушки горы «рукой подать» простого хода. Поэтому, без сомнения, Боч поднимался на вершину Поэнг- Ур . Судя по всему, вместе с ним на горе побывал топограф Трифонов Ф.Г., участвовавший в составлении карты района горы Поэнг- Ур .

Сергей Геннадиевич Боч учился в ленинградском лесном институте. Основное направление его научной деятельности – геоморфология. В 1933 г он участвовал в Уральской ледниковой экспедиции, исследовавшей область современного оледенения на Приполярном Урале, в частности в районе горы Поэнг- Ур . Был участником Великой Отечественной войны. После войны работал в институте геологии. Неоднократно участвовал в экспедициях по изучению четвертичных отложений на Полярном и Приполярном Урале [1.272].

Летом 1936 г туристская группа Свердловского горного института совершила путешествие вдоль Уральского хребта от Салехарда до Ивделя [1.259 – 1.262]. В составе экспедиционного отряда были: Груздев Филипп (руководитель), Полубарьев Н.П. (аспирант) и студенты Опарин Федор, Иванов Константин, Сахаревский Николай, Гиршгорн Моисей, Гиршгорн И., Карелин. В ходе своего маршрута, совершенного с лошадьми, туристы 10 августа 1936 г поднялись на гору Поэнг- Ур . Восхождение описано скупыми словами: «И снова восемь серых фигур упорно карабкаются по камням. Облака спустились ниже и плотным туманом окутали цепочку людей. Ветер беснуется, откидывает капюшоны, заворачивает полы плащей и пытается сорвать в бездну упорных людей. Но цепкие руки держат крепко. Начался снег. Острые льдинки впиваются в руки, лицо. Нельзя надевать перчатки: можно сорваться, цепляясь за камень... Наконец, крутые скалы выводят на площадку вершины. Высота 1885 м. Быстро складываем тур. Восхождение посвящаем героям родины – храбрым соколам Чкалову, Байдукову и Белякову» [1.261]. В другой статье записано: «С горы открывается величественный и дикий пейзаж. В нескольких километрах видны вершины гор имени Карпинского, имени Дидковского и Сабля. Сплошной серой массой подымается хребет Соледы. Узкие долины прорываются между гор и уходят на север» [1.262]. Восходители сложили тур и оставили записку в бутылке.

Сведения о следующих трех восхождениях удалось отыскать в личном дневнике Е.П. Масленникова и в его статье «По Приполярному Уралу» [1.263]. Когда Евгений Масленников в 1954 г

поднялся с группой свердловских туристов на гору Поэнг- Ур , то они нашли там разбитую бутылку с полуистлевшими записками. Женя, я могу его так называть, так как он был моим хорошим другом, в своем дневнике сделал запись о том, что переписывая для себя тексты записок, он многие строки не смог разобрать. И поэтому записывал коротко только то, что можно было ясно прочитать.

В первой записке: «Летом 1937 г на гору Народная поднялся сотрудник ПУЭ ГУСТП старший топограф Канин Д.С. с тремя рабочими. Подъем совершили с юга от реки Народа».

Во второй записке: «28 июля 1939 г в 20 часов на вершину Народная совершили восхождение сотрудники ПУЭ [Полярно-уральской экспедиции – КВГ], Академии наук СССР и Уральского геологического управления геоморфолог Долгушин Л.Д. и др.». Однажды я встречался с Леонидом Дмитриевичем (см. рисунок 2.28) в его московской квартире. Он много рассказывал мне о своих уральских маршрутах, пройденных им не только у горы Поэнг- Ур на Приполярном Урале, но и в ледниковом районе Заполярного Урала. Показывал мне свои фотографии, сделанные на Урале и в других районах мира. Леонид Дмитриевич в 1937 г окончил географический факультет Московского областного педагогического института, а в 1940 – аспирантуру научно-исследовательского института географии при Московском государственном университете. Участвовал в батальях во время Великой Отечественной войны. После войны вернулся к своей любимой географии, и долгое время работал в институте географии Академии наук. В экспедициях работал на Урале, в Сибири и Памире, на островах Новая Земля и Франца – Иосифа. Участвовал в исследовании Антарктиды и в горах Китая. В сфере его географических заслуг отмечаются:

- открытие очага оледенения на Заполярном Урале;
- первое исследование снежного покрова в Восточной Антарктиде;
- первое описание оледенения китайских областей Нян-Шаня и Восточного Тянь-Шаня;
- анализ пульсирующих ледников на Памире;
- впервые составленный справочник очагов оледенения планеты Земля и др.

Третья записка: «31 августа 1941 г на гору Народная поднимался топограф Северцов А.Ф. для установки центра и вехи триангуляционного пункта. Подъем совершен с юга, с рабочими (три фамилии неразборчивы)».

После Великой Отечественной войны первой на гору Поэнг-Ур поднялась туристская группа из города Свердловска (10 человек, руководитель Е.П. Масленников) [1.263]. 29 июля 1954 г группа поднялась на вершину по гребню, идущему от перевала Центральный (между верховьями рек Манараги и Народы). Подъем на указанный перевал из истоков р. Манараги занял всего полчаса. Далее восхождение описано в статье [1.263] следующими строками: «К концу второго перехода на высоте 1450 м нас густо окутали облака. На высоте 1670 м они немного рассеялись, и мы увидели внизу белую точку нашего шатра, а по другую сторону – истоки реки Народы, два ледника и несколько мутно-зеленых озер с неподвижной водой на кашеобразном плато. Гребень, по которому мы поднимаемся, в этом месте сужается и в обе стороны почти отвесными стенками уходит на сотни метров вниз. Отсюда хорошо видны на севере невысокие, плоские гряды гор, на больших пространствах покрытые снегом. Зато на юге все окутано туманом, хотя небо над головой радуется изумительной голубизной. Различаем впереди вершину... За три часа поднялись на 900 метров. Но за каждым гребнем, который кажется последним, открывается новый. На протяжении всего пути приходится преодолевать большие камни. Некоторые из них больше двухэтажного дома и колеблются при нашем движении. Среди множества каменных громад мы кажемся песчинками. Несколько раз страховались репшнуром. В два часа дня впереди увидели вышку. По огромным плоским валунам-песчаникам совершенно белого цвета, которыми природа на несколько километров выложила все подходы, благоговейно приближаемся к вершине. Ура, Народная взята! Вышка метра четыре высотой, из тонких жердей, отполированных ветром и дождем. Тура нет, но под одним из камней находим бутылку. Собравшись над ней тесным кружком, извлекаем содержимое – пожелтевшие немногословные бумажки тех, кто был здесь до нас. Их оказалось три...».

И далее: «Итак, люди были здесь еще до войны, и ни один турист и альпинист не поднимался до нас на высшую вершину Урала! На ровной площадке, возле вышки, строим солидный, в рост человека, тур. Водружаем большой шест с вымпелом из разрезанного красного гетра. Складываем все найденные записки в банку, оставляем памятку и о нас».

Здесь я обращаю внимание читателя на тот факт, что Масленников не обнаружил на вершине записки свердловских же туристов из горного института от 1936 года. Горняки оставили записку в бутылке. Масленников нашел бутылку, но не обнаружил в ней записки горняков. Остается полагать, что записка горняков-студентов просто истлела. Бутылка, вероятно, была в плохом состоянии, потому что Масленников оставил все записки, в том числе и свою, в банке. И последующие восходители извлекали записки именно из банки.

Летом 1955 г на гору Поэнг- Ур поднялись пять групп, о чем сообщает М. Аксельрод в газетной заметке [1.264].

«8 июля 1955 г на гору Народная поднялась научная экспедиция Уральского лесотехнического института в составе: профессор Горчаковский П.Л., студенты Шиятов С.Г. и Бирюков В.Н.; в 20 ч 45 мин. Температура воздуха была 7,5 °С, давление 602 мм, температура анероида 18,5 °С. Поднимались по реке Косью и реке Манарага». Записку с таким текстом оставила группа ботаников, руководителем которой

был будущий академик Российской академии наук Павел Леонидович Горчаковский (см. рисунок 2.36). Он учился в Сибирском лесотехническом институте. Но научные его труды главным образом связаны с Уралом. Он исследовал структуру и закономерности пространственного размещения растительного покрова. Провел теоретические и методические разработки основ экологического мониторинга Урала и прилегающих районов. Профессор, доктор биологических наук, академик, заслуженный деятель науки Российской Федерации. Провел экспедиционные исследования флоры различных районов Урала. Я неоднократно беседовал с Павлом Леонидовичем, расспрашивая его о путешествиях по Уралу. Он побывал в Заполярном и Полярном Урале. Восходил на многие вершины Приполярного, Северного и Южного Урала. Он, вероятно, единственный из российских академиков, который взшел на высшую уральскую вершину – гору Поэнг-Ур. На Северном Урале он поднялся на горы Чистоп и Яллингьер. На Южном Урале он взшел на гору Ирмель. Растительность покоренных гор описана в его статьях [1.265,1.266]. Классическими стали схемы, составленные им, распространения растительности по высотным поясам вдоль всего Уральского хребта.

17 июля 1955 г на г. Поэнг-Ур поднялась группа туристов Ленинградского политехнического института, руководил которой Щербинин О.Н. В этой группе был Б.П. Полоскин, с которым судьба свела меня на Дальнем Востоке в совместном трудном путешествии по нехоженому краю от пос. Найхин на р. Амур, через горы Сихоте-Алиня, до Совгавани на побережье Тихого океана. Борис стал известным песенным бардом, создавшим немалое количество туристских и других песен.

25 июля 1955 г на г. Поэнг-Ур поднялась группа московских туристов (руководитель Козулицын). А в августе того же года туристы Московского государственного университета (руководитель Днестровский) также покорили высшую вершину Урала.

В июле или в августе 1955 г на г. Поэнг-Ур побывала группа туристов Ленинградского института точной механики и оптики (руководитель Приходько Ю.П.). Группа прошла от поселка Аранец на р. Печоре до р. Манараги, откуда сделали восхождение на г. Поэнг-Ур, и далее ушла вниз по р. Кожим [1.273].

9 февраля 1956 г на г. Поэнг-Ур впервые в зимних условиях поднялась группа студентов Уральского политехнического института, под руководством В.И. Королева (см. рисунок 2.37). Участник восхождения М. Аксельрод так описывает покорение зимней высшей уральской вершины [1.264]: «Совсем налегке идем на лыжах к подножию Народной. Дует сильный ветер. При особо сильных порывах приходится останавливаться. Больше часа потратили на то, чтобы пройти немногим более двух километров. Оставляем лыжи и дальше идем пешком, имея на «вооружении» ледорубы, лыжные палки и альпинистские кошки. Взять вершину в лоб нет никакой возможности. Перед нами 200-метровая скальная стена. Приходится обходить ее. Ветер совсем разыгрался, швыряет в лицо сотнями снежинок, сбивает с ног. Под ногами отвердевший наст, еле-еле удается рантом ботинок вырубить маленькую полочку. В ход идут ледорубы. Медленно набирая высоту, выходим на плато. Больно глазам. Плато покрыто снегом, а оно, утрамбованное ветром, блестит как зеркало. Долог и утомителен был путь к вершине. Наконец, выходим на небольшую площадку. На ней триангуляционный знак, небольшой тур с консервной банкой, а в ней записки. Цель достигнута! На весь Урал смотрим сверху вниз. Ради этих минут стоило выдержать сколько угодно испытаний. По старой традиции начальник группы читает записки. Мы считали, что наша группа на Народной будет второй. Это не так. Летом 1955 г на вершине побывало пять групп. Уже одно это говорит о том, как широко и быстро развивается у нас туризм. Но все таки мы первые, кто побывал на Народной зимой!». В тот морозный и ветрообильный день на вершину поднялись: Королев Василий (руководитель), Будрин Алексей, Дмитриев Леонид, Григорьев Анатолий, Аксельрод Моисей, Карасев Валентин, Штуц Вадим, Согрин Сергей, Цуканов Евгений. Василий Иванович уже тогда был в туризме легендарной личностью. В те годы он учился в аспирантуре физико-технического факультета Уральского политехнического института. Защитил кандидатскую диссертацию и преподавал в институте. Он был организатором ряда сложнейших спортивных походов, в том числе по Восточным и Западным Саянам. Это о нем сложили шуточную песенку с таким запевом:

«Раз в Большом Урале мы сидели.

Васька Королев нас угощал.

И когда порядком окосели,

Он нас на Саян завербовал.

В края далекие, гольцы высокие...»

В те годы Васька был сильнейшим туристом города Свердловска. Был чемпионом города на туристских соревнованиях. Интересен его жизненный путь. Сначала уехал преподавать ядерную физику в Севастополь. А затем много лет читал лекции по физике в университетах ряда стран Африки и Юго-Восточной Азии. Возвращаясь из длительных зарубежных поездок, Василий Иванович заезжал обычно в Свердловск. Он долго рассказывал нам о своих поездках по миру, показывал фотографии. Как-то понаслушавшись его красочных словесей о дальних странах, кто-то из нас заметил: «Васька, ты стал специалистом по революциям. Побывал в Мали – вскоре там переворот. Съездил во Вьетнам – там произошла смена правительства». Он на эти реплики только улыбался: мол читаю физику, а к переворотам не причастен. С Васей я был в одном совместном путешествии – по Алтаю и Западному

Саяну. В этом походе Василий был образцовым руководителем: предусмотрительным, рассудительным, с большим объемом туристских знаний и умений, спокойным и мудрым.

Здесь я, после исторического отступления, мысленно возвращаюсь на вершинную площадку Поэнг- Ур . По всему кругозору – горы, горы, горы. Мы стояли как зачарованные (см. рисунок 2.38). На севере – за глубоким провалом, где в долине р. Карпин-шор расположено озеро Голубое, видна плоская вершина горы Карпинского (1803,4 м), третья по высоте вершина Урала. Ближайшая южная соседка – гора Янченко – названная в честь топографа, впервые инструментально определившего высоту горы Поэнг- Ур . Далее, на юг, по линии Главного уральского водораздела, высятся: Югра, Мансиньер и мощный конус горы Защиты. Вдали, несколько восточнее, поднимается пик Регули. А к западу тянется хребет с вершиной Колокольня. На юго-западе видна гора Манарага. Но какая-то она маленькая по высоте! На западе сплошное горное месиво, разобраться в котором весьма трудно. И только на востоке видны невысокие междолинные увалы, уходящие в леса Западной Сибири. Стоя на макушке Поэнг- Ур , ты ощущаешь себя в центре огромной и типичной горной местности. Здесь ты получаешь огромный горный духовный заряд. И даже спустя десятки лет у меня в памяти всплывают многие мгновения пребывания на высшей уральской горе. Гора Поэнг- Ур красиво смотрится как с севера (см. рисунок 2.29), так и особенно с юга (см. рисунок 2.40).

Спустившись с вершушки к своим лыжам, наша группа разделилась на две команды. Трое покатались на лыжах в долину р. Балбанью в разведку: узнать есть ли там помещение для ночевки. Я не ошибся, сказав, что разведчики непосредственно с плато Отдыха покатались на лыжах. С плато примерно в северном направлении уходит неширокая лощина с относительно плавным спуском, без крутых перегибов, без камней и скал. По ней спокойно можно скатиться на лыжах до озера, расположенного в верховьях р. Балбанью. Этот путь – наиболее простой маршрут подъема и спуска с горы Поэнг- Ур . Позднее нам рассказали, что один отчаянный тракторист на своем тракторе по этой ложбине наспор заехал до самой макушки горы. Недаром позднее именно эта ложбина стала магистралью для многих путников. По ней завезли и установили на плато Отдыха большой православный крест (см. рисунок 2.41). По ней к кресту заезжают даже на автомашинах, на специально оборудованных (см. рисунок 2.42) мягкими шинами.

А наша вторая группа спустилась к палаткам в долину р. Манараги. Так как разведка к ночи не объявилась, то стало ясно, балок находится в нормальном состоянии. Поэтому наутро мы через перевал, именуемый Кар-Кар, из р. Манараги перешли в верховья р. Балбанью и нашли наших разведчиков, млеющих в теплом помещении. А на следующий день, в непогоду, мы прямо в лоб поднялись на гору Карпинского, вершушка которой имеет плоский вид. На вершине установлена памятная плита, посвященная Карпинскому А.П. Ее принесли, и смонтировали школьники-туристы города Карпинска (Свердловская область) под руководством А.С. Шумкова (см. рисунок 2.43). Анатолий Семенович окончил географический факультет Свердловского педагогического института и всю жизнь учительствовал в городе Карпинске. Организовал городской клуб туристов. И летом и зимой водил группы школьников на Приполярный Урал. И многократно поднимался на гору Поэнг- Ур . В те годы его можно было назвать чемпионом восхождений на высшую вершину Урала.

Несколько слов о Карпинском А.П. Родился он в Турьинских Рудниках (современный город Краснотурьинск) в семье горного инженера. Пошел по стопам отца и стал геологом. Неоднократно совершал экспедиционные поездки по различным районам Урала. В советское время был первым президентом академии наук СССР (см. рисунок 2.44).

Вернувшись в нашу снежную избу, мы совершили от нее еще несколько восхождений на приполярные вершины.

На гору Янченко наш подъем был неудачен. Из верховий р. Косью-вож мы поднялись на Главный Уральский водораздел и по нему пошли на север к вершине. Но, не доходя каких-то 50 метров по высоте, вынуждены были вернуться. Шквальный ветер и мощные снеговые заряды едва не сбросили нас с гребня. Не повезло нам. Вершина эта названа именем Янченко (см. рисунок 2.45), топографа североуральской экспедиции Уралплана и Академии наук, который своими инструментальными замерами впервые определил высотную отметку горы Поэнг- Ур . Инициатором присвоения горе имени Янченко, судя по всему, был Боч С.Г. В сборнике «Урал. Приполярные районы» [1.258] приведено несколько карт района горы Поэнг- Ур . На картах, составленных Алешковым А.Н., надпись о горе Янченко отсутствует. А вот на картах, составленных Бочем и даже в соавторстве с Алешковым, имеется надпись «г. Янченко». Таким образом, гора Янченко получила имя в 1935 г. Степан Алексеевич Янченко (1894 – 1952 гг) родился в крестьянской семье на Брянщине. После окончания церковно-приходской школы самостоятельно подготовился и экстерном сдал экзамены за гимназический курс. Попытался учиться в Киевском университете, но из-за необеспеченности финансами вынужден был поехать работать в Мурманск. Затем учился в Петербурге и, будучи еще студентом, был приглашен в североуральскую экспедицию Уралплана и Академии наук для выполнения топографических работ. На экспедиционном маршруте проявил себя первоклассным топографом. Работать приходилось в сложных условиях. В дни смены мест лагеря он уходил на съемку местности, и место следующего лагеря определялось с проводниками ориентировочно и весьма условно. Однажды он провел целую ночь в поисках лагеря. И только в середине следующего дня отыскал новое место лагеря. В верховьях р. Народа

он впервые измерил высоты трех вершин (Народная, Карпинского и Дидковского), которые по высоте своей стали, на то время, самыми высокими горами всего Урала. Алешков в своей статье об экспедиции 1927 г так охарактеризовал работу Янченко: «Размер площади, покрытой мензульным ходом, и высокое качество съемки наилучшим образом рекомендуют топографа С.А. Янченко как специалиста и работника» [1.183]. Позднее, как топограф, Янченко работал в разных районах страны: от Таджикистана до Арктики. Был участником уникальной зимовки на ледоколе «Г. Седов». Оказавшись в блокадном Ленинграде во время Великой Отечественной войны, работал на посту начальника гидрографического управления Главсевморпути. Именем Степана Алексеевича Янченко, кроме горы на Приполярном Урале, назван мыс на юге острова «Земля Георга» в архипелаге «Земля Франца-Иосифа». Гора Янченко особенно эффектно смотрится из верховьев р. Манараги, а также с горы Поэнг- Ур (см. рисунок 2.46). А из верховьев р. Косью гора Янченко выглядит как человек с широко расставленными в сторону руками – двумя гребнями: южным и западным (см. рисунок 2.47). Кажется, что гора хочет обнять каждого восходителя.

Весьма интересным было восхождение на гору Защита. Из верховьев р. Косью мы поднимались на лыжах по длинному (около 6 км) и не крутому северо-западному гребню горы. Дойдя до небольшого выположенного участка, оставили лыжи. Дальше по заснеженным камням путь шел вверх с небольшим (50 – 70 м) набором высоты. Вот и макушка горы. Погода – неблагоприятная: тучи укрыли большинство гор. Но зато спуск был увлекательным. Встали на лыжи и катились вниз вдоль по всему гребню, по которому поднимались. Устанут ноги – остановишься, отдохнешь. И снова катишься вниз. И так – почти до самой речки Косью. Гора Защита имеет эффектную остроконечную форму (см. рисунок 2.48), макушка которой представляет из себя трехгранную пирамиду. Вершина имеет два кара. Северный расположен в верховьях р. Косью, а южный – в истоках левого притока р. Хобею. В центральных частях оба кара сходятся и образуют узенькую горизонтальную перемычку, ведущую к восточному гребню, сложенному из огромных каменных глыб, уложенных одна на другую. Подъем по этому восточному гребню чрезвычайно сложен. Мне известен единственный случай прохождения этого восточного гребня – в июле 1976 г его прошла сверху вниз группа свердловских туристов под руководством Давыдова В.Н. Но природа устроила легкий обходной путь. От западного края выше упомянутой узкой перемычки поперек южной грани горы расположен карниз, шириной 1 – 3 метра (см. рисунок 2.49), по которому можно перебраться на юго-западный гребень, уходящий вниз далеко к истокам р. Хобею. А вверх по юго-западному гребню идет несложный путь на вершину (подробности см. статью [1.473]). Красивая гора Защита посещается туристами редко. Обычно, добравшись до верховьев рек Косью и Манараги, туристы идут на горы Манарагу и Поэнг- Ур , а вершина Защита остается немного в стороне. В таблице 5 приведены сведения о первых восхождениях на гору Защита.

Первыми гору Защита покорили студенты Свердловского горного института, которые поднялись на вершину 25 августа 1936 г. Вот как описано восхождение [1.261]: «Гребень полукольцом замкнул большой цирк, в котором, как в берлоге, залег фирновый ледник, тянущийся своими языками к подножью пирамидальной вершины горы – незнакомки. Гребень уходит все выше и выше ... гребень, немного спускаясь, огибает ледник и подходит к отвесному обрыву скал неизвестной вершины. Гребень стал узок. Наклонные слои сланцев круто скатываются вправо и отвесно обрываются влево к леднику. Пользуясь расщелинами, а местами ползком по наклонным слоям, держась руками за вершину гребня, медленно продвигаемся к цели. Гребень привел к подножию вершины. Сама вершина покрыта пирамидальной шапкой кварцитов, разделенных горизонтальными и вертикальными трещинами на громадные монолиты. Между сланцами и кварцитами идет карниз шириной не более метра. Подъем на вершину по северному гребню оказался невозможным, так как его прерывали глубокие вертикальные расщелины. Единственный путь на вершину лежал по карнизу, а затем по южному гребню. Над головой двухсотметровая отвесная стена кварцитов. Под ногами отполированные полоски сланцев и осыпи камней уходят под ледник. Длина карниза около полукилометра ... Начали подъем на неизвестную вершину по южному гребню. Он оказался относительно легким. Только громадные монолиты кварцита затрудняли путь. На вершине убедились, что эта гора выше горы Дидковского».

Таблица 5

Первые восхождения на гору Защита

№ п/п	Восходители	Дата	Маршрут восхождения
1.	Студенты Свердловского горного института, руководитель Ф. Груздев	25 августа 1936 г	Через карниз и по юго-западному гребню
2.	Группа туристов г. Минска	12 июля 1958 г	Из долины р. Косью
3.	Группа геодезистов	18 августа 1958 г	Из верховьев р. Хобею
4.	Группа геологов, руководитель Дэви М.Н.	15 июля 1963 г	Из верховьев р. Хобею
5.	Студент-практикант геологической партии Дрофа В.Т.	22 августа 1963	Из верховьев р.

		г	Хобею
6.	Группа геологов, руководитель Дэви М.Н.	12 июля 1964 г	Из верховьев р. Хобею
7.	Группа туристов г. Свердловска, руководитель Карелин В.Г.	24 марта 1968 г	По северо-западному гребню

Более двух десятков лет на гору Защиту после свердловских студентов больше никто не поднимался. 12 июля 1958 г на гору поднялись туристы из города Минска, считая, что они взойшли на гору Народная, о чем они и сделали запись в своей записке. А 18 августа 1958 г на гору поднялась группа геологов. Спустя пять лет на гору снова поднялись геологи: «15 июля 1963 г на этой вершине (Защита) были Дэви М.Н. начальник Парнукской геологоразведочной партии Тюменского геологического управления и Кононов А.В. радиометрист той же партии. Привет всем кто будет на вершине». А в том же году 22 августа «на этой вершине побывал в ходе геологического маршрута Дрофа В.Т. студент Старооскольского Г.Р.Т., проходящий практику в Парнукской ПСП. Привет покорителям горных вершин». Вот был смелый юноша – в одиночку поднялся на вершину. Через год Дэви М.Н. снова побывал на горе защита: «12 июля 1964 г. в ходе геологического маршрута на этой вершине побывал Дэви М.Н. начальник Парнукской поисково-съёмочной партии Тюменского геологического управления, Дэви В.Т. – старший техник геолог, Чекмазов В.Н. – радиометрист, студент из Воронежского университета, проходивший практику в этой партии. Желаем удачи всем восходителям на гору Защита». Дальше опять затишье. Следующим было наше восхождение. Оно оказалось первым, совершенным в зимних условиях. Нам гора Защита запомнилась своей длинной «катушкой», по которой мы скатились вниз.

Редкий человек, попавший в красивейшее место, где р. Манарага по каменистому ложе вливает свои воды в р. Косью, не совершит восхождение на гору Манарагу (см. рисунок 2.50). Мы тоже не могли не покорить горную красавицу. От своей снежной избы быстро скатились к р. Манараге и сразу же полезли вверх на лыжах. Поднялись выше границы леса, где оставили лыжи. Пешком вышли на восточный гребень вершины и по нему взойшли на вершину. Побывали на первом и втором зубцах горы. Эта вторая скала была покрыта плотным слоем наста, на котором местами проглядывал лед. Погода была замечательной. И мы с упоением разглядывали все окрестные горы.

Впервые информация о горе Манараге была опубликована в отчетном фолианте, повествующем о североуральской экспедиции ИРГО в 1850 г, руководителем которой был Гофманн [1.185]. Экспедиционный отряд проехал вверх по р. Манараге и на гору никто не пожелал подняться. В отряде был живописец Бермелеев, который и зарисовал вершину, как с восточной стороны, из долины р. Манараги (см. рисунок 2.51), так и с южной стороны (с. Рисунок 2.52). Для сравнения приведу современные фотографии горы Манараги (см. рисунки 2.53 и 2.54). У меня имеется слайд-фильм, своеобразное эссе о горе Манараге. На трех десятках слайдов горная красавица представлена в различных образах: сияющая, хмурая, в белой фате тумана, покоренная, далекая, задумчивая, веселая, заснеженная и т.п. Больше всего мне нравится фотография горы Манараги, сделанная с юга зимой. На фотографии вершина смотрится сказочным замком, одетым в снежную изморось: при резком похолодании до минус 50 градусов скалы покрылись панцирем из снежных кристаллов, искрящихся на солнце.

Когда группа свердловских туристов под руководством Масленникова в 1954 г поднялась на четыре зубца горы Манараги, то нигде не обнаружила записок о восхождении. Не было и следов триангуляционных пунктов. В итоге, это восхождение оказалось первым покорением Манараги. В зимних условиях первовосхождение на Манарагу совершили казанские туристы в 1958 г. Ныне на гору поднимались регулярно и летом и зимой, вероятно, уже не одна тысяча туристов. Покорить Манарагу – престижно.

Отдохнув в своей снежной избе, мы совершили еще одно восхождение. На гору, связанную с именем Дидковского Б.В. Имя горы с таким названием перемещалось в пространстве.

Сначала о том, кто такой был Дидковский Борис Владимирович (см. рисунок 2.55). Родился он на Украине, в городе Житомире, в семье военного офицера [1.267]. Учился в Киевском кадетском корпусе. Но не пошел далее по воинской стезе отца. Поступил сначала в Петербурге в электротехнический институт, а затем в университет на физико-математический факультет. Но за революционную деятельность был отчислен и там и там. Из-за угрозы ареста уехал за границу. Учился в Женевском университете и получил звание бакалавра математических и геологических наук. Вместе с французским ученым геологом Дюпарком вернулся на Урал, где работал геологом-поисковиком в Павдинском районе. Активно участвовал в становлении советской власти в Верхотурском округе. А затем, как член президиума областного совета Урала, участвовал в национализации промышленных уральских предприятий. Участвовал в боях во время гражданской войны на севере Урала (Ляля, Павда, Кытлым). Был ректором Уральского университета. Ряд лет работал в Уралплане, где занимался вопросами районирования и исследования Урала. По его инициативе пять лет работала североуральская экспедиция Уралплана и Академии наук. Оценивая заслуги Дидковского в организации этой экспедиции ее участники одной из вновь обнаруженной вершине на Приполярном Урале дали название «гора

Дидковского» [1.183] (см. рисунок 2.56). Был организатором и первым руководителем Уральского геологического управления. В 1938 г Дидковский был арестован и расстрелян. После этого его имя на географических картах исчезло. А гору переименовали, дав ей новое название – «гора Мансиньер».

По ходатайству министра геологии РСФСР С. Горюнова расширенное бюро междуведомственной комиссии по географическим названиям при Главном управлении геодезии и картографии при Совете Министров СССР от 16 февраля 1968 г восстановила название «гора Дидковского» в Приполярном Урале.

После бесед с Марией Николаевной Букиной, вдовой Дидковского, свердловским городским клубом туристов была организована и проведена экспедиция, посвященная памяти Дидковского. На первом этапе был проведен поход в январе 1968 г в районе Кытлым-Растес, где во время гражданской войны действовал отряд Дидковского. Мы отыскивали несколько участников тех событий и записали их воспоминания. Второй этап экспедиции проходил на Приполярном Урале в марте – апреле 1968 г. Мы тогда еще не знали о восстановлении названия «гора Дидковского». Поэтому решили установить памятную плиту на вершине, которая получила такое название еще в 1927 г, а позднее стала называться «гора Мансиньер». От своей снежной избы мы прошли вверх по р. Косью до верхнего левого ее притока. Подъем, сначала на лыжах, а потом пешком, начали по левому борту этого притока. Поднялись на куполообразную вершину с отметкой 1680 м и установили на ней памятную плиту, посвященную Блюхеру В.К., герою гражданской войны на Урале (см. рисунок 2.57). Далее спустились на плато, расположенное южнее горы Мансиньер. И поднялись на гору Мансиньер, которую мы считали тогда горой Дидковского. Макушка вершины представляет собой башню своеобразной формы близкой к кубической (см. рисунок 2.58). На вершину башни приходится подниматься лазаньем по скалам. Гора Мансиньер на восточных склонах имеет два кара. В одном лежит большое озеро. А в другом расположен ледник Манси. С вершины в оба кара скальные склоны обрываются очень круто. А к леднику Манси – почти отвесно. Западные склоны сложены мелко – и крупнокаменистыми осыпями, а в верхней части – скалы. Спустились мы по пути подъема.

Мария Николаевна Букина попросила нас установить на вершине фотографию Дидковского. Это мы сделали летом 1968 г на третьем экспедиционном этапе (см. рисунок 2.59). И только в конце 1968 г мы достоверно узнали, что комиссия по географическим названиям восстановила название «гора Дидковского», но не на прежнем месте, а на соседней к северу вершине. Члены комиссии сочли неудобным убрать название горы, включающее слово «Манси». Поэтому, как бы, виртуально, передвинули гору Дидковского к северу на 1,0 км. В связи с таким перемещением названия «гора Дидковского» в 1970 г мы провели четвертый экспедиционный этап. К тому времени свердловский скульптор Матужная изготовила бюст Дидковского, который мы решили установить на вновь названной вершине. На этот раз мы залетели на вертолете из Саранпауля в верховья р. Народа. Вертолет маленький – МИ-1. Берет только двух пассажиров. Вдвоем с Виктором Крыловым высадились из вертолета в верховьях р. Народы около границы леса. Следующих участников группы так и не дождалось – не дали больше вертолета. Так получилось, что я с Виктором, вдвоем, должны установить бюст Дидковского на вершине. У нас был маленький кусочек крупномасштабной карты с указанием горы Дидковского – 1628 м. Сначала мы сделали разведку. Подняться на гору Дидковского от ледника Манси оказалось невозможно. Не нашли хорошего пути и с севера. Оставался единственный путь – с юга, через гору Мансиньер. Из долины р. Мансишор нашли удобный путь по снежникам левого притока, который мы назвали ручей Глубокий, протекающего по узкой и глубокой ложбине, с выходом на плато, расположенное к югу от горы Мансиньер. В начале под вершинную башню горы Дидковского занесли весь необходимый груз: бюст, цемент, краску и др. Оказалось, что путь от подножия башни Мансиньера до подножия вершинной скалы на горе Дидковского вполне проходим – участками по гребню, а участками по каменистому западному склону гребня, обходя скалы. Поднялись под вершинный монолит горы Дидковского и отыскивали площадочку для установки бюста. И спустились с вершины в верховья р. Народы. После дня отдыха в большие пластиковые мешки залили по 12 литров воды в каждый и снова пошли наверх из лагеря в долине р. Мансишор. При выходе на плато вдруг мою спину облило водой – лопнул мешок. Запас воды у нас уменьшился в два раза. Воду оставили под башней горы Мансиньер. За 35 минут прошли вдоль гребня к подножию вершинного скального массива горы Дидковского. Находим путь наверх по расщелине между скалами. Наверху маленькая площадка. Над ней возвышается монолитная скала, высотой около 5 м. На нее не нашли возможного подъема. Да наверху и площадки-то не видно. Решили ставить бюст у основания вершинного монолита. Сходили за водой к горе Мансиньер. В два приема затащили весь наш груз на вершинную площадку, где и установили бюст Дидковского на вершине его имени (см. рисунок 2.60). Погода весь этот день была плохой, выпало много снега (подробнее см. статью [1.468]). Спустившись вниз, уже в теплой палатке, отогретой монотонно шумящим примусом, нам пришла мысль: а ведь мы дважды совершили первовосхождения на гору Дидковского. До нас тут никто не бывал. А после приятного ужина мы еще долго сравнивали эти две вершины – Мансиньер и Дидковского. Оказалось, что они во многом похожи друг на друга. У обеих макушки гор представляют собой вид массивных скальных башен. На обеих требуется не простое скалолазание. Обе мощными обрывами смотрят в кар с ледником Манси. И если Мансиньер немного

повыше, то к горе Дидковского требуется преодолеть более сложный путь. Обе они соответствуют друг другу.

Если на нынешней горе Дидковского мы были первыми, то о первых восхождениях на вершину Мансиньер (бывшая гора Дидковского) рассказывает таблица 6.

Таблица 6

Первые восхождения на гору Мансиньер (Дидковского)

№ п/п	Восходители	Дата	Маршрут восхождения
1.	Группа Свердловского горного института: Груздев Ф.М., Иванов К.А., Опарин Ф.П.	25 августа 1936 г	По восточному гребню
2.	Топографический отряд Полярно-Уральской экспедиции в составе: Прокопьева М.А., Сакутин А.С., Герасименко Я.М., Леньков Г.Г.	3 августа 1941 г	По южному гребню
3.	Туристы из Московского государственного университета: Серебряков В.В., Фролова Г.И., Челина А.А., Гинзбург И.Ф.	8 и 11 августа 1959 г	По восточному гребню
4.	Группа туристов (8 человек) ?	30 марта 1960 г	По западному гребню

Поднимался ли кто-нибудь из сотрудников экспедиции в конце 20-х или начале 30-х годов XX века на эту вершину, мне не известно. По крайней мере, записок об этом не обнаружено. В этой ситуации первыми на вершине Мансиньер (тогда еще Дидковского) были туристы Свердловского горного института: «25 августа 1936 г на эту вершину, приняв за г. Дидковского отм. 1740 взойшли участники Северной Уральской экспедиции – студенты Свердловского горного института: 1. Груздев Ф.М., 2. Иванов К.А., 3. Опарин Ф.П. Поднялись по восточному гребню». Из другой записки стало известно, что «3 августа 1941 г был топоотряд Северцова ТУЭ трест № 19 в составе: 1. Прокопьева М.А., 2. Сакутин А.С., 3. Герасименко Я.М., 4. Леньков Г.Г. Поднялись по южному гребню». И только через 18 лет на горе Мансиньер побывали туристы Московского государственного университета: 8 августа 1959 г сюда поднялся В.В. Серебряков, а 11 августа 1959 г он же с Фроловой Г.И., Челиной А.А. и Гинзбургом И.Ф.. Поднялись по восточному гребню. Зимнее первовосхождение на гору Мансиньер совершили какие-то туристы, записка которых плохо сохранилась: «30 марта 1960 г группа туристов из 8 человек поднялась сюда под руководством мастера спорта СССР... Поднялись по западному гребню».

Вспоминая наше зимнее путешествие 1968 г, я говорю СПАСИБО нашей снежной избе, которая помогла нам в одном маршруте покорить ряд приполярных вершин, а именно горы:

- Народная,
- Защита,
- Карпинского,
- Мансиньер (Дидковского),
- Манарага,
- Свердловских туристов.

Последняя из вышеперечисленных вершин – гора Свердловских туристов – расположена в верховьях рек Профиль Манараги (наше название) и Ягуней. Тогда зимой мы поднялись просто на безымянную гору. И только через десяток с лишним лет летом 1979 г на этой вершине была установлена памятная плита.

С горой Колокольней связаны любопытные события. При выходе р. Косью из гор вдоль ее левого берега расположен хребет, в котором находится полтора десятка вершин значительной высоты. Хребет этот тянется с севера на юг около 30 км, до хребта Непроступного (см. рисунок 2.61). В 50-е – 60-е гг прошлого века обычно туристы стремились попасть на Народную и Манарагу и проходили мимо Колокольни. И только позднее стали интересоваться этими горами. При этом вдруг обнаружилась какая-то неразбериха. Одни поднимались на одну вершину, считая ее горой Колокольней. Другие покоряли другую вершину и тоже считали ее горой Колокольней. Дело в том, что на расстоянии около пяти километров в хребте расположено около десятка вершин, близких по высоте. На склонах этих гор, обращенных к долине р. Косью, имеется тоже около десятка взаимосвязанных каров, часть из которых висячие, а другая часть не имеет стоков. Такие кары образуют сложную горную структуру, поднятую на 400 – 500 м над руслом р. Косью. От реки видны только макушки гор. Поднявшись в район каров, трудно сообразить – где какая вершина. Интерес туристов подогревался тем, что на картах того времени примерно в середине хребта была обозначена вершина с отметкой 1721 м. Шел поиск именно этой высокой вершины. Начало этой путаницы было заложено еще в 30-е годы XX века, когда в этот район впервые добрались геологи [1.268]. Один из них, Чернов Г., поднялся на самую северную высокую вершину в этом хребте [1.269]. Он сделал зарисовку размещения гор, расположенных в этом хребте в южном направлении. Однако его интерпретация вершин отличается от современной карты. Чернов не уточнил, кто дал название Колокольня вершине, на которую он поднимался. Можно предположить, что такое название дано им. При этом такое название относится именно к горе, а не к хребту, который

начинался на севере и распространялся в южном направлении. Позднее, в другой работе, Чернов, повторил описание северной горы Колокольни и показал ее положение на схеме [1.270, с.98] – примерно напротив устья р. Капкан-вож (правый приток р. Косью). Вершина с отметкой 1721 м также показана на схеме Чернова и оставалась безымянной. Для сравнения отмечу, что на этой схеме Чернова хребет Курсомбай, расположенный по соседству с горой Колокольня, поименован как «гора Курсомбай». В другой однотипной работе [1.271, с.90 и 91] Чернов привел две схемы. На одной в виде продолговатого контура обозначен хребет, на котором стоит надпись «г. Колокольня», т.е. «хребет» поименован как «гора». А на другой схеме обозначена северная гора, названная «г. Колокольня», а сам хребет не показан, хотя отмечена отдельная вершина с отметкой 1721 м (без названия). Через два десятка лет в этот район р. Косью добрались туристы из г. Свердловска под руководством Масленникова Е.Н. Они имели карту, на которой была обозначена гора с отметкой 1721 м. Они поднялись на две вершины, расположенные в северном борту р. Юнко-вож [1.274], ошибочно принимая одну из них, на которой стояла триангуляционная вышка, за гору Колокольня. В результате как бы проявились три вершины Колокольни: северная – по Чернову, южная – по Масленникову, а между ними – гора с отметкой 1721 м [1.275,1.276]. Попытку разобраться с вершинами Колоколен в 1964 г предприняла свердловская группа «Факел» под руководством В. Богомолова. Вместе с ним в далеком 1957 г я пытался безуспешно подняться на гору Манарагу. На этот раз Виктор с друзьями сначала поднялись на северную Колокольню (Черновскую). С нее увидели на юге высокую вершину, приняв ее за гору с отметкой 1721 м. Виктор попытался взойти на эту вершину. Но в условиях плохой видимости взошел на более южную гору, расположенную в верховьях р. Профиль Манараги. Летом 1968 г я с Сан Санычем (Александр Александрович Кокин – видный физик-теоретик) поднялся на истинную Колокольню. Так как стенки восточных каров на склонах горы обрывисты, то мы решили подниматься по западному склону вершины, со стороны р. Ягуней. Перед восхождением гора непогодой испытывала нас. Почти три дня – то дождь, то снег; то снег, то дождь. Отсиживались в палатке. В один из этих дней я отметил свой день рождения, под монотонный стукоток дождя о тент над палаткой и лежебокковое пребывание в горизонтальном положении. Испытание мы выдержали. И как только погода улучшилась, пошли на восхождение. Основной путь проходил по «каменной лестнице» (порядка 600 ступеней, усыпанных мелкой осыпью). Склон оказался ступенчатым. Ступени высотой около полуметра идут почти до верховых скал [1.277]. Перед выходом на гребень преодолели скальный участок. Далее по гребню вышли на вершину. Вот она истинная гора Колокольня, указанная на современных картах. Однако, оказалось, что по уточненным данным высота ее составляет всего 1640 м, как это показано, например, на туристской схеме «Северный и Приполярный Урал» [1.278]. На вершине мы обнаружили металлический куб со стороны около 400 мм. На двух его сторонах надписи: «Ленинскому комсомолу посвящается», и «от тагильчан». На третьей стороне – рисунок: три руки, держащие факела. А на четвертой стороне – дверца для укладывания записок внутрь куба. Ныне мне не известно – находится ли этот куб на вершине Колокольни. Этот куб установили туристы города Нижний Тагил (руководитель Бельков В), всего за пару недель ранее нашего восхождения на вершину. До тагильчан на вершине побывали:

- 28 августа 1959 г – геологи,

- 25 июля 1961 г – туристы Ленинградского института точной механики и оптики (руководитель Разумовская).

Таким образом, гора Колокольня обосновалась на картах. А две более южные вершины хребта получили новые имена. Вершина, расположенная в верховьях р. Профиль Манараги стала называться «горой Свердловских туристов». В 1979 г экспедиционный отряд свердловских туристов (руководитель Карелин В.Г.) установил здесь памятную плиту. Любопытен тот факт, что эта гора имеет отметку 1646 м, то есть она на шесть метров выше официальной горы Колокольни. Многие авторы топоним Колокольня относят к хребту, в котором находятся эти вершины. Однако ороним Колокольня является искаженным мансийским названием не хребта, а горы Хол -Хульне (подробнее см. статью [1.460]). Одна из двух вершин, расположенных в водораздельном гребешке между реками Юнко-вож и Профиль Манараги, на которые в 1954 г поднимались свердловские туристы, получила название «Урал» (1542 м), данное, вероятно, геодезистами, установившими на ней триангуляционный пункт. А вторая гора с отметкой 1584 м получила название «гора Масленникова», присвоенное в 1979 г нашей очередной экспедицией на Приполярном Урале.

Из долины р. Косью в районе горы Манараги гора Масленникова смотрится эффектной остроугольной пирамидой (см. рисунок 2.63). Впервые эта вершина образно стала известной, оставаясь безымянной, по рисунку художника Бермелеева, путешествующего в отряде Гофманна в 1850 г (см. рисунок 2.64). Художник совершенно правильно изобразил внешний остроугольный облик горы. А название вершине мы дали в память Евгения Поликарповича Масленникова (см. рисунок 2.62), первого мастера спорта по туризму на Урале [1.279]. Учился он в Уральском политехническом институте, где получил диплом инженера-механика. В первое же послевоенное лето 1945 г с группой студентов совершил первое свое путешествие – по р. Чусовой. На Верх-Исетском металлургическом заводе в Свердловске работал мастером, старшим технологом, начальником отдела механизации, заместителем главного механика завода. Ряд лет был на партийной работе – заместитель парторга завода, секретарь Верх-Исетского райкома КПСС. Был председателем свердловской городской секции туризма,

инициатором и первым председателем свердловского областного клуба туристов, созданного в 1958 г. Позднее перешел на научную работу. Получил ученое звание кандидата экономических наук. Активно занимался издательской деятельностью, будучи ведущим соавтором нескольких туристских путеводителей по Уралу, а также составителем нескольких туристских сборников («Тебе турист Урала», «Зовут дороги дальние», «Зимой по Уралу» и др.). Туристская группа под его руководством летом 1954 г впервые в послевоенные годы поднялась на гору Народная (Поэнг- Ур).

Восхождение на гору Масленникова мы совершили из долины р. Профиль Манараги, куда залетели на вертолете. Отсюда, прекрасно видна мощная башня горы Манараги (см. рисунок 2.65). Сначала на г. Масленникова идет подъем по осыпям на правый борт долины. Затем, к подножию вершинного взлета (см. рисунок 2.66). Наверху – несложные скалы, на высшей из которых (см. рисунок 2.67) установили памятную плиту (см. рисунок 2.68) со следующим текстом: «Памяти Е.П. Масленникова первого мастера спорта по туризму на Урале. 1924 – 1978». В итоге, на хребте, расположенном на входном участке р. Косью в горы, на левой ее стороне, имеют названия вершины:

- гора Масленникова (1584 м),
- гора Свердловских туристов (1646 м),
- гора Колокольня (1640 м),
- гора Северная Колокольня (1620 м).

В этом хребте имеется еще несколько безымянных вершин. В целом, хребет смотрится красиво своею чередой высоких вершин (см. рисунок 2.69). Но что весьма существенно – сам этот хребет не имеет собственного названия. В некоторых печатных изданиях его именуют как «хребет Колокольня», но это явно ошибочное представление. Есть гора Колокольня, но нет хребта Колокольня.

В самой южной части этого хребта расположена гора, склоны которой обрываются в долины рек Повсян-шор, Правый Вангыр и Правый Парнук. Этой вершине мы дали название «гора Уральский следопыт» в честь одноименного журнала, издаваемого в Екатеринбурге. Гора эта имеет четыре цирка, два из которых смотрят на р. Повсян-шор (см. рисунок 2.70). Из долины этой реки мы и совершили восхождение на вершину. Сначала взобрались по морене в боковой кар с красивым озером с плавающим льдом. Набрали высоту по снежнику. А затем лазаньем по скалам выбрались на вершинный гребень. Далее простой путь на вершину. В этот раз с нами шел журналист Юрий Борисихин, сотрудник редакции журнала «Уральский следопыт». Ему мы и предоставили возможность первым взойти на вершину [1.280]. Спуск с горы прошли иным путем. По скалам восточного гребня спустились на перевальное седло, до которого поднимается снежник. И по нему быстро скатились до самой р. Повсян-шор, в нескольких местах обходя каменные сбросы скал (подробнее см. статью [1.459]). Позднее на вершине «Уральский следопыт» была установлена памятная плита.

В 5 км восточнее вершины «Уральский следопыт» расположен «Хребет Непрístupный». Собственно это не хребет, а плоская продолговатая вершина с двумя небольшими поднятиями. Расположена она между двумя истоками р. Парнук. Склоны горы в эти истоки – обрывисты и имеют большой перепад высот (около 800 м). Склоны эти кажутся совершенно недоступными, что и послужило основанием к выбору названия: хребет видится «Непрístupным». Мне не известно, кто дал горе такое название. В одном из своих путешествий мы нашли путь подъема на вершину. Он оказался возможным из верховьев р. Правый Парнук, которая на входе в кар падает почти непрерывным каскадом небольших водопадиков. Сначала поднимались по осыпному гребню, расположенному в глубине кара. Боковые гребешки образуют в месте примыкания к основному гребню сбросы в виде узеньких полок. Несколько таких «бритв» обошли с другой стороны основного гребня. А последнее «лезвие» преодолели со страховкой. Наверху – южное плато длиной около 200 м. Высшая точка его имеет отметку 1639,3 м. Севернее расположено второе плато с отметкой 1663,7 м. Между этими плато находится изорванный по высоте гребень, борта которого почти вертикально обрываются вниз. Можно ли преодолеть эту «пилу» - остается неизвестно.

Особенно эффектно смотрятся восточные обрывы хребта Непрístupного с Парнукского плато, на котором я побывал неоднократно. Расположено плато на стыке скальных обрывов трех каров, принадлежащих верховьям рек Повсян-шор, Левый Парнук и Мань-Хобею. Плато широко известно благодаря имеющемуся здесь месторождению горного хрусталя и встречающихся «волосатиков» (кристаллы с включениями сочно окрашенных тончайших волосовидных включений рутила и гетита). Один раз мы залетели сюда на вертолете из Инты. Это была российско-венгерская экспедиция «Регули 1990». Выше я рассказывал о том, что в 1844 г в районе Приполярного Урала побывал венгерский путешественник Антал Регули [см.1.175 – 1.181]. Регули поднялся именно на Парнукское плато, где «рисовал» расположение горных вершин, а позднее составил карту района высших уральских вершин [1.179]. Регули сделал два географических открытия на Урале: показал, что район Приполярного Урала – самый высокий на Уральском хребте, а высшей вершиной Урала является гора Поэнг- Ур (Народная). Отдавая дань уважения и памяти Регули, в 1990 г мы провели совместную советско-венгерскую экспедицию на Приполярный Урал. В экспедиции с венгерской стороны участвовали географы и путешественники (10 человек) под руководством доцента кафедры физической географии Будапештского университета Габриеша Дьюла. С российской стороны участвовали туристы города Свердловска под моим научным руководством. Наш лагерь расположился на Парнукском плато (см.

рисунок 2.71). Отсюда хорошо видна наша цель – гора 1711 м, на которую мы должны подняться и присвоить ей имя «гора Регули». С плато по осыпному склону спустились в верховья р. Мань-Хобею и по левому борту долины прошли до третьего левого притоčka. Отсюда по осыпям поднялись на южное ребро вершины. И далее по нему – вверх до предвершины. Непогода не пустила на вершинный бастион. Установили памятные плиты с текстами на венгерском и русском языках (см. рисунки 2.72 и 2.73). Гора Регули имеет четыре кара, в которых расположены небольшие леднички. Два из них обращены в долину р. Мань-Хобею, а по одному – в верховья рек Ломесь-вож и Хобею. Стенки всех каров – крутые, особенно в р. Хобею. Путь на вершину по южному гребню, по которому мы поднялись, наиболее простой. Затем был день отдыха. Поднялись мы еще на гору Граничный, примыкающей к Парнукскому плато. Затем ушли на р. Косью и совершили восхождение на гору Манарагу. Улетая из гор на вертолете, сделали круг над этой вершиной и помахали ей руками с высоты.

Вспоминаются мне три события, связанные с верховьями р. Повсян-шор. В одном из походов нам предстоял спуск с Парнукского плато в долину р. Повсян-шор. Тогда еще не был известен относительно не сложный путь спуска от крайней западной точки кара, от места выхода на плато северных скал хребта Неприступного. Мы тогда не смогли найти этот путь вниз с плато. Решили спускаться по одному из нескольких скальных кулуаров, расположенных в средней части кара (см. рисунок 2.74). Кулуар занимает только верхнюю треть всей высоты склона. Прошли кулуар по веревке. От конца скал начинается крутосклонный снежник, который внизу выполаживается около озера. Нас было трое. Я пошел первым. Меня поболтало, но я спокойно скатился с самого крутого участка снежника. Затем пошел Сан Саныч. Его развернуло. Рюкзак полетел отдельно. Он распластался на снегу и скользил по снегу вниз головой. На меня катились Саня и его рюк. Саню я принял в свои объятия, а рюкзак укатился почти до самого озера. Третья наша спутница Нина Ивановна Трубина, глядя на наши приключения, сверху кричит: «Вниз не пойду. Я отправлюсь обратно, кверху». Наши уговоры не помогали. Пришлось мне подняться вверх по снежнику до скал. И вдвоем с Ниной мы все-таки благополучно спустились вниз. Этот эмоциональный спуск мы регулярно вспоминаем до сих пор при встречах.

Второе событие отдалено от первого на десяток лет. Наша группа поднялась до верхнего озера на р. Повсян-шор. Вот он кар, где мы когда-то спускались с Парнукского плато. Сейчас нам предстояло найти перевал для перехода в верховья р. Ломесь-вож. Здесь еще ни одна туристская группа не проходила. Мы нашли новый перевал и прошли его. Он расположен около весьма характерной скалы в вершинном гребне кара на склоне горы Граничный (см. рисунок 2.76). Подъем по крутосклонной осыпи, далее по снегу, по расщелине со льдом и снова по снежнику. Спуск – простой. Мы чувствовали тогда себя первопроходцами. В наше время на Приполярном Урале найти еще ни кем не пройденный перевал – задача весьма не простая. Но мы нашли такой перевал. И прошли его. На нем мы были первыми!

Третье, скорее не событие, а наблюдение. Когда мы первый раз спускались с Парнукского плато в долину р. Повсян-шор, то в верхней части кара видели несколько боковых скалистых гребешков, а внизу – большая часть кара была заснеженной (см. рисунок 2.74). Через десяток лет этот кар имел совершенно другой вид (см. рисунок 2.75). Верховые боковые гребешки большей частью исчезли. На их месте появились крутые наклонные огромные плиты. А снежник внизу почти весь оказался засыпан камнями. Произошло обрушение верховых скальных гребней по наклонным плитам и обломки скал засыпали снежник. Так мы узнали, что горы Приполярного Урала «живут», изменяются во времени. Что было причиной такого процесса? Сказать трудно. Могу только напомнить, что именно в северной части Приполярного Урала проходит глубинный разлом. На нем, предположительно, и могли произойти небольшие подвижки двух соседних блоков земной коры, что и могло отразиться в виде толчков, спровоцировавших обрушение гребешков в верховом каре р. Повсян-шор. Никому не пожелаю в такой момент находиться на каменистом склоне. Сам же я, однажды, почувствовал наяву нечто подобное. Дело было в Средней Азии на Западном Тянь-Шане, на Чаткальском хребте. Я пошел в разведку, чтобы отыскать удобный перевал. Поднялся на гребень. И вдруг ... со всех окружающих склонов посыпались камни. Мощные камнепады. Оказалось район тот – сейсмичен и произошло микроземлетрясение. Толчка я не почувствовал. А вот камни повсюду посыпались. Удача мне сопутствовала: в этот момент я находился на гребне, а не на склоне.

В южной части Приполярного Урала находится несколько вершин, также заслуживающих внимание. Среди них, прежде всего, отмечу гору Сабля.

Гора Сабля была известна с давних времен. В «Российском атласе из 44 карт состоящем...», изданном в 1792 г [1.165], под номером 10 приведена «Карта Архангельского наместничества», сочинителем которой указан Ал. Вильдбрехт. На этой карте на р. Печоре обозначен населенный пункт Аранец и р. Вертний, впадающий в р. Печору около села. Но самый интересный топоним этой карты – гора Сабля, обозначенная в верховьях указанной речки. Гора Сабля указана также на «Геометрической карте Вологодской губернии...», составленной губернским землемером Антоном Точняевым и уездным землемером подпоручиком Данилой Воиновым (Волковым?) [1.281]. Но самым ранним, из известных мне, картографическим источником, на котором показана гора Сабля, является «План губернской границы между Вологодского наместничества Усть-Сысольской округи и Тобольского наместничества Березовской округи, пройденной по хребту Поясового Павдинского Камня одними землемерами октября

дня 1784 года» [1.282]. На карте указаны имена первопроходцев, прошедших по водоразделу Урала. Ими были – «Губернскую межу проходили: Вологодского наместничества уездной землемер Матвей Каелкин, Вологодского наместничества уездной землемер Петр Меншев, с натурою сверял Тобольского наместничества уездной землемер прапорщик Иван Остафьев». На этой карте показана «Каменная гора Сабля», изображенная в виде западного ответвления гор от Уральского водораздела, именуемого на карте «Хребет Поясового Павдинского Камня». По информации, имеющейся в моем распоряжении, это, вероятно, первое упоминание горы Сабли на географических картах. Таким образом, уже в конце XVIII века гора Сабля была известна не только местному населению, но и в столице.

В 1843 г около горы Сабли побывал А. Кейзерлинг [1.283]. Он не смог добраться по болотам до подножия горы и видел ее с расстояния около 35 км. Он дал описание нескольких образцов пород, найденных им на холмах среди огромных болот. Он отметил на Сабле наличие альпийских форм рельефа и вечных снегов в ущельях.

В 1850 г около Сабли проехал Гофманн [1.185], в отряде которого был художник Бермелеев, зарисовавший гору Саблю (см. рисунок 2.77). В советское время в районе Сабли большие поисковые работы проводили геологи, обзор по итогам обследований которых приведен в монографии М.В. Фишмана [1.284]. В книге отмечены: А. Алешков, обнаруживший на Сабле 7 ледников [1.233]; А.А. Чернов, обследовавший северную часть Сабли; Т.А. Добролюбова, В.А. Котович, Л.М. Дмитриев и др., проводившие геологическую съемку района Сабли.

Гора Сабля является престижным объектом для туристов, которые облюбовали ее для своих путешествий в начале 50-х годов XX века. Восхождение на главный пик Сабли (1497 м) – дело не простое. Западный склон горы имеет уклон до 30°, а восточный – до 50 – 60°, а местами – почти совершенно отвесный. Поэтому не удивительно, что восхождения на Саблю проходят по ее западному склону. Мне не доводилось подниматься на Саблю. Но неоднократно я рассматривал вершину с борта вертолета. Картина – прекрасная! Особенно эффектно выглядят восточные скальные стены (см. рисунок 2.78). В таблице 7 приведены сведения о первых восхождениях на гору Саблю. По сведениям, которые мне удалось собрать, первое покорение пика Сабли совершили геологи, которые оставили на вершине записку: «21 июля 1938 г в 20 часов посетили главный пик Сабли сотрудники ЦНИГРИ (центральный научно-исследовательский геолого-разведочный институт), г. Ленинград, Васильевский остров, д. 726, Печорско-Большеземельская партия ЦНИГРИ, Краснов Иван Иванович, Чернуха Касьян Андреевич, 21.VII.1938». В июле 1952 г на Саблю поднялись туристы Московского электротехнического института связи. А летом 1954 г на вершине побывали туристы из Москвы, Свердловска и Ленинграда. Первое зимнее восхождение на Саблю совершили туристы Уральского политехнического института из Свердловска. В сложных условиях тогда на Саблю поднялись С. Согрин (руководитель), В. В. Плышевский и Б. Мартюшев. Они обнаружили на вершине тетрадку с записями восходителей, в которой были указаны только летние даты восхождений. Оказалось, что их восхождение было зимним первопокорением красавицы Сабли. В итоге, мнение Гофманна, о том, что восхождение на гору Сабля «не представляет никакой возможности» оказалось ошибочным. Ныне на Саблю регулярно почти каждое лето и зиму поднимаются группы туристов.

Таблица 7

Первые восхождения на гору Сабля

№ п/п	Восходители	Дата
1.	Геологи: Краснов И.И., Чернуха К.А.	21 июля 1938 г
2.	Группа туристов Московского электротехнического института связи	июль 1952 г
3.	Группа туристов Московского института тонкой химической технологии	16 июля 1954 г
4.	Группа свердловских туристов (руководитель Масленников Е.)	19 июля 1954 г
5.	Группа ленинградских туристов ДСО «Искра» (руководитель Игнатович Д.В.)	16 сентября 1954 г
6.	Группа туристов Уральского политехнического института, г. Свердловск (руководитель Согрин С.)	6 февраля 1959 г

Весьма интересна и гора Неройка (точнее Ньер-Ойка) по двум обстоятельствам. Во-первых, она стала первой на Приполярном Урале, которая стала служить хозяйственно-экономическим интересам страны. В 30-е годы XX века А. Алешков на склоне горы Неройки открыл месторождение пьезокарца, которое в то время начало разрабатываться. Рабочий поселок Неройка, расположенный в верховьях р. Щекурья, стал первым населенным пунктом в горах Приполярного Урала. А поблизости на склоне горы обосновалась база Додо. Здесь со временем обустроили небольшую шахту, где и добывали горный хрусталь. Геологи рассказывали мне, что иногда в шахте находят кристаллы величиной более метра и весом одна-две тонны. Поднять из шахты такой кристалл невозможно. Поэтому приходится разделять его на части.

На гору Неройку я поднимался по южному ее гребню (см. рисунок 2.79), из долины реки с необычным названием Кобыляю. Путь наш проходил по длинному крутосклонному снежнику, а затем по

каменистому гребню до самой высшей точки вершины. Запомнился эффектный спуск на обратном пути. В верховьях р. Кобылаю необычным было проползание по снежно-ледовой щели.

Кроме того, гора Неройка любопытна в топонимическом отношении. Южнее этой вершины, уже на Северном Урале, имеются еще две горы с аналогичными названиями. Только у них две части слова поменялись местами: Ойканер – в верховьях рек Яны-Манья и Сысья, а также Ойканер – в верховьях р. Няйс-Манья. Любопытен тот факт, что гора Неройка расположена на Главном Уральском водоразделе, а вершины Ойканер находятся на восточном склоне Уральского хребта, на расстоянии 20 – 25 км восточнее Главного водораздела. Интригу закручивают сообщения ряда авторов, рассказывающих о том, что ороним Неройка (Ойканер) тождественен названию горы Яллингнер. А последних на Урале – еще три: в верховьях рек Северная Сосьва, Вижай и Балбанью Восточная. Если допустить такое тождество, то шесть гор на Приполярном и Северном Урале имеют одинаковые названия. Чем же обусловлено такое совпадение названий шести гор? Разгадку смотри во втором томе.

Гора Тельпосиз расположена в южной части Приполярного Урала. Северные отроги ее проходят по южному берегу р. Щугор, которая прорывается через западную ветвь Уральских гор, имея отрезок течения широтного направления. В верховьях р. Щугор протекает в долине северо-южного направления. По горам, расположенным восточнее р. Щугор, проходит линия Главного Уральского водораздела. А западнее р. Щугор, на этом участке, находится горная гряда, высшей вершиной которой и является гора Тельпосиз.

Гора Тельпосиз, вероятно, является вершиной ранее других гор Приполярного Урала и более часто упоминаемой в письменных источниках. Еще в 1483 г московитская рать под начальством князя Федора Курбского, возвращаясь с р. Оби в Московию и пересекая Уральский хребет, прошла по р. Щугор. Вполне возможно, московиты прошли по северному подножию горы Тельпосиз. Через 17 лет, сын Федора, Семен Курбский, во главе московских отрядов дважды в этом же районе переходил Уральские горы. Самую высокую гору русичи именовали Столпом. Практически все современные авторы считают, что гора Столп того времени является вершиной Тельпосиз. Как указано выше, я склонюсь к мысли о том, что летописной горе Столп скорее соответствует гора Сабля. Но учитывая, что московитские отряды пересекали Уральские горы по раздельным маршрутам, вполне возможно прохождение одного из отрядов около горы Тельпосиз. Самым ранним картографическим источником, из известных мне, на котором показан Камень Толпас, является упоминаемая выше карта границы между Вологодским и Тобольским наместничествами, изготовленная в 1784 г [1.282]. Ороним «Камень Толпас» помечен на карте Вологодского наместничества, помещенной в «Российском атласе из 44 карт состоящего...». [1.165]. В 1834 году в район горы Тельпосиз проник отряд северной горной экспедиции под руководством Н. Стражевского. Он не упоминает название Толпас, но говорит о снежных горах: «Другая часть гористая и центром ей служит кряж Урала, имеющий общее направление на север. Эта часть ограничивается на западе, позади продольной долины, по которой текут вершины Саккура [р. Щугор – КВГ], снежною грядою гор, кои тянутся по европейской стороне кряжа, верстах в 20 от оно, имея с ним параллельное направление...» [1.193]. Стражевский только видел издали горы, над которыми возвышался заснеженный Тельпосиз. В 1847 г отряды североуральской экспедиции ИРГО побывали в верховьях р. Щугор. Отряд Стражевского прошел по Главному водоразделу. Один из лагерей этого отряда располагался строго к востоку от горы Тельпосиз. Место лагеря рекой Щугор отделялось от горы Тельпосиз. Начальник другого отряда Гофманн поднялся на лодке вверх по р. Щугор до лагеря Стражевского. Время клонилось к осени. Экспедиционники спешили до распутицы добраться в населенные края. Поэтому от восхождения на гору Тельпосиз пришлось отказаться.

В 1883 – 1884 гг на Приполярном Урале путешествовал Носилов К.Д. [1.285]. Он неоднократно проезжал на оленьих упряжках через Уральский хребет с восточных склонов (из Саранпауля) на западные (село Аранец на р. Печоре), туда и обратно. Посетил он и более северные районы [1.286]. А однажды он сплавился в одиночку на плоту по р. Щугор [1.287]. Лицезрел он северные склоны горы Тельпос. Видел и гору Саблю. Но в своих публикациях он нигде не высказал даже малейшего намека на желание подняться на эти горы.

В конце XIX века в районе горы Тельпосиз проложил геологические маршруты Е.С. Федоров [1.219,1.220]. Из верховьев р. Подчерем он пробрался в долину р. Щугор и спустился вниз по течению последней, пройдя мимо горы Тельпосиз. На эту гору он не поднимался.

В 1890 году Тельпосиз увидел, вероятно, первый иностранец. Французский журналист Шарль Рабо совершил путешествие от р. Печоры вверх по р. Щугор, с перевалом на восточный склон Уральского хребта, вплоть до Саранпауля. Свои приключения на севере России он описал в книге [1.288]. Но мне до сих пор не удалось познакомиться с этим трудом француза.

В начале XX века в районе горы Тельпосиз путешествовал лесовед Поле Р. [1.289,1.290]. Он поднялся по р. Щугор до подножия горы Тельпосиз. И даже сделал фотографию этой вершины. Но не предпринимал попытки подняться на гору.

13 августа 1926 г попытку подняться на гору Тельпосиз предприняла геологиня Е. Сошкина [1.293]. Она так описывает свое восхождение: «Достигнув Родник-июля, на высоте 220 м над уровнем Щугора, мы сделали привал, оставили необходимые для ночлега вещи и совсем налегке начали подниматься по пологому болотистому склону к вершине Тельпоз-иза... Наконец, часа через полтора мы

добрались до почти отвесного юго-восточного склона вершины и, цепляясь за огромные глыбы россыпи темно-красного и фиолетового кварцита с большим напряжением поднялись еще м. на 200... на запад, постепенно повышаясь, тянулся зубчатый, изборожденный рытвинами потоков, одетый ледяной коркой, гребень вершины Тельпоз-иза. Мы двинулись вдоль него по россыпи, то поднимаясь на вершины зубцов гребня, то спускаясь в понижения между ними, преодолевая нагромождения гигантских глыб темно-красных кварцитовых россыпей... зубчатый гребень оказался очень длинным. Приблизился вечер... и мы принуждены были подумать о возвращении... и до наивысшей точки нам не удалось добраться...» [1.293].

На следующий год Е. Сошкина снова предприняла попытку покорить Тельпосиз. На этот раз – по северному маршруту, из истоков р. Дурной-иоль. «...Взобравшись на крутой склон, мы еще долго шли по обширному пологому полю, покрытому россыпью колоссальных кварцитовых глыб, и, наконец, достигли отвесно падающей громадной мрачной зубчатой стены. У подножия ее лежит яркое, голубо-синее с радужными переливами, горное озеро... Мы обошли озеро с северной стороны, южная – недоступна, так как над ней поднимается отвесная стена вершины... Стена разбита многочисленными диаклазами (вертикальными трещинами), отчего верхняя граница имеет причудливые зубчатые очертания... [решили] попробовать обойти вершину с запада, выйти на южный склон, исследовать его и, если окажется возможным, оттуда подняться до верхней точки. К сожалению, эта попытка не увенчалась успехом...» [1.293]. Неуступчивый Тельпосиз отбил две атаки геологов.

В 1928 г на гору Тельпосиз поднимался естествоиспытатель Портенко Л.А. [1.295]. Он взошел на предвершину по восточному склону. Предвершина отделена от высшей точки горы глубокой выемкой, которая и остановила его. Он сделал серию фотографий горы Тельпосиз, одна из которых приведена на рисунке 2.80.

Зимой 1933 г целенаправленную попытку покорить Тельпосиз предприняли уральские туристы [1.291,1.292]. Это была экспедиция общества пролетарского туризма, организованная свердловскими туристами. В составе экспедиционной группы были:

- Горбунов В., инструктор свердловского областного комитета физкультуры;
- Ярогов Б., инструктор Уральского областного совета общества пролетарского туризма и экскурсий в городе Свердловске;
- Назаров, слесарь златоустовского инструментального завода;
- Черепов И., москвич, инструктор горнолыжного туризма, который уже имел опыт руководства лыжными экспедициями на Алтае и Кавказе.

Туристы из города Свердловска проехали на железной дороге до станции Вагран, которая на то время была конечной на железнодорожной магистрали. Затем на подводах с лошадьми проехали через Ивдель, вверх по р. Лозье, по рекам Лепля, Аспия и Сосьва добрались до села Няксимволь. Здесь пересели на оленей упряжки. И по рекам Няйс, Манья, Толья проехали до верховьев р. Щугор. 28 марта они разбили лагерь в истоках р. Дурной-ель, у подножия Тельпосиза. «Маршрут восхождения был намечен следующий: подняться на перевал [расположенный южнее вершинного гребня – КВГ], пройти вдоль склона Тельпос-иза 200 – 300 метров на северо-восток и затем уже начать подъем с таким расчетом, чтобы выйти на вершину между четвертым и пятым пиком, который стоит ниже высшей точки на 100 – 150 метров... Путь к вершине с юго-запада из-за отвесных скал в верхней части совершенно непреодолим...». 28 марта на лыжах группа начала подъем на перевал. Далее я привожу отдельные места из описания этого восхождения.

«Взяли перевал без труда и подошли к склону вершины. Он имел примерно 45° крутизны и был усеян выступами камней. Втыкаем лыжи в снег у начала склона: дальше пойдем без них... Прошли первые 100 метров. Склон становится круче... снег уже не поддается ударам ботинка... Начинаем рубить ступени... Прошли еще 100 метров, после которых сделали продолжительную остановку. Порывы ветра заставляют иногда приникать к склону всем телом, чтобы не потерять равновесия... По мере подъема вверх и увеличения крутизны склона, пришлось вырубать [топором – КВГ] более основательные ступени... вершины все нет и нет. Может быть она уже близко, но облака и непогода не дают возможности увидеть ее... Вдруг из тумана прямо перед нами вырастают на пути отвесные скалы. Прежде чем начинать обход, мы под прикрытием сели немного отдохнуть... Снова подъем. Вот в тумане бледным силуэтом встает четвертый пик. Мы на уровне седловины между четвертым и пятым пиком. Порывы ветра теперь уже не сдерживаются склонами вершины. Они налетают с особой силой, как бы стремясь сбросить нас вниз. Невольно смотрим туда, где скрывается сорокапятиградусный склон, усеянный торчащими острями камней. Он напоминает терку, длиною в полкилометра... Времени 4 часа. Дальше идти рискованно... Предлагаю спускаться, все молча соглашаются...». В итоге, Тельпосиз смельчакам не покорился.

Далее туристы на оленях проехали на р. Подчерем, откуда на лыжах и на подводах добрались до р. Печоры и затем вверх по ней до Троицка-Печорска, где переждали распутицу. На пароходе проплыли до поселка Якша, откуда на подводах проехали на р. Колву. И от села Карепино плыли на лодке до села Нырб. Затем через Чердынь уехали в Свердловск. Экспедиция длилась 3 месяца и 4 дня. Однако, Тельпосиз остался непокоренным.

В течение ряда лет я разыскивал информацию об участниках этого лыжного путешествия на гору Тельпосиз. Удалось разыскать вдову Бориса Александровича Ярогова, которая жила в прибалтийском Калининграде. Она передала краткую биографию Бориса Александровича, его дневники, которые он вел во время зимней уральской экспедиции, и фотоальбом этого путешествия. Родился Борис Александрович в Перми в семье железнодорожника. Детство его прошло в Кизеле, где он пристрастился к путешествиям, что его привело в Свердловск, где он начал трудиться инструктором Уральского областного совета «Урал ОПТЭ». В предвоенные годы работал в редакции свердловской газеты «На смену». С самого начала Великой Отечественной войны был на фронте. Награжден боевыми орденами. В послевоенные годы учился на географическом факультете Уральского государственного университета. Затем работа в Мурманске в Полярном научно-исследовательском институте рыбного хозяйства и океанографии. Участвовал в ряде морских экспедиций в Баренцевом, Норвежском и Гренландском морях. В 1959 г переходит работать в аналогичный институт в Калининграде. В 1961 г был руководителем научно-поисковой экспедиции в антарктические воды. Все эти годы, начиная со школьных лет, занимался парусным спортом. Неоднократно плывал на самостоятельно построенной яхте на север по р. Оби. Совершил три морских похода под парусами. Сплавлялся по рекам на байдарке, в том числе по уральской реке Нугуш.

Во время зимнего путешествия на гору Тельпосиз Борис Александрович основные записи дневника вел в общей тетради, карандашом. В отдельной записной книжке он приводил результаты своих магнитометрических замеров. Во второй записной книжке – отдельные записи и схематические зарисовки. На рисунке 2.81 - абрис горы Тельпосиз, сделанный им на отдельном листочке. В небольшом фотоальбоме находится маленькая фотография трех участников этой экспедиции (см. рисунок 2.82), Ярогов – крайний справа. А рядом с этой фотографией помещена малюсенькая фотография Черепова. Вероятно он и фотографировал этих троих. Тогда на рисунке 2.82 слева стоят Горбунов и Назаров. На рисунке 2.83 – фотография самого высокого пика горы Тельпосиз, сделанная Горбуновым (он был фотографом) с того места, откуда группа решила прекратить восхождение и начать спуск вниз.

Со временем мне удалось собрать некоторые сведения и о Черепове. И даже разыскать его в Москве. Иван Александрович был известным советским альпинистом, горнолыжником. Мастер спорта по альпинизму. Неоднократный чемпион Советского Союза по горнолыжному спорту. В первые дни Великой Отечественной войны пошел добровольцем в московскую отдельную мотострелковую бригаду особого назначения в составе войск НКВД. В отрядах этой бригады были собраны многие известные спортсмены. Вскоре был вызван в школу военного альпинизма, в Бакуриани, где был заместителем начальника учебной части и занимался альпинистской подготовкой участников отрядов регулярных войск Закавказского фронта. На рисунке 2.84 среди преподавателей этой школы воентехник 1-го ранга И.А. Черепов – второй слева. После войны работал в комитете физкультуры и спорта и вел преподавательскую деятельность в институте физкультуры. Он написал целый ряд книг, в том числе: Памятка альпиниста – бойца, Обучение альпинистов, Методика обучения альпинистов, Горнолыжный спорт, Загадки Тянь-Шаня и др. В своей московской квартире Иван Александрович показал мне стопку фотографий из уральской экспедиции 1933 г. К сожалению, они были все малогабаритные и в значительной мере выцвели, стали белесыми. С улыбкой он вспоминал, как пришлось на склоне Тельпосиза рубить ступени в фирновом снегу... топором: взять в экспедицию ледоруб как то и в голову им не пришло. Тогда они еще не представляли, что в северных уральских краях можно встретиться с типично альпийскими горами.

Пока шла речь о неудачных попытках восхождений на гору Тельпосиз. Пора перейти к реальным покорителям этой вершины. В таблице 8 приведен коротенький список первых восходителей на гору Тельпосиз.

Таблица 8

Первые восхождения на гору Тельпосиз

№ п/п	Восходители	Дата	Маршрут восхождения
1.	Военные топографы (предположительно)	Не известна	Не известен
2.	Добролюбова Т.А.	1927 г	По западному гребню
3.	Портенко Л.А. (на предвершину)	1928 г	По восточному склону
4.	Группа туристов г. Свердловска: Грозный Б., Ужegov И., Светлов О.	8 июня 1938 г	По южному гребню

Сошкина Е. [1.293] предполагает, что отряд военных топографов, составлявших в конце XIX века 10-верстную топографическую карту 123 листа, на которой показана гора Тельпосиз, поднимался на эту гору, так как в точке вершины на карте стоит отметка абсолютной высоты в 5190 футов. Ни Сошкиной, ни мне не известна публикация о таком восхождении военных топографов на гору Тельпосиз. По мнению Сошкиной в отряде Е. Федорова во время его путешествий на Северном Урале, в том числе в районе верховий рек Щугор и Подчерем, находился военный топограф. Достоверно известно, что с

Федоровым работал топограф П.П. Иванов, который проводил мензульную съемку и составил карту. Но Иванов не поднимался на гору Тельпосиз. В 1894 г Федоров самостоятельно составил «Гипсометрическую карту Вологодского Урала и бассейна р. Сосьвы». На этой карте не указана высотная отметка горы Тельпосиз. Но в тексте своего труда об исследовании Северного Урала Федоров приводит высоту горы Тельпосиз – 5560 футов [1.219]. Но тогда отметка 5190 футов соответствует высоте, определенной Ковальским еще в 1848 году, а величина 5560 футов отвечает данным, полученным Гофманном для этой же горы Тельпосиз. И эти факты ставят под сомнение восхождение военных топографов на вершину Тельпосиз. Однако, возможен вариант: результат военных топографов просто подтвердил данные Ковальского. Во всяком случае, восхождение военных специалистов на гору Тельпосиз можно, пока, считать только на уровне предположения.

Сошкина Е. в своей статье о горе Тельпосиз [1.293] сообщает о том, что в 1927 г геологический отряд под начальством Т.А. Добролюбовой, пробираясь на р. Щугор с р. Подчерем через р. Тельпосиз совершил попутно восхождение на высшую точку горы Тельпосиз. «Т.А. Добролюбова совершила подъем на Тельпосиз сначала по северному склону, между долинами Филипп-июля и Дурного-июля, затем выше озера по крутому западному склону. Преодолевая большие трудности, ее отряд достиг этим путем наивысшей точки благодаря большой настойчивости». По информации, имеющейся в моем распоряжении, отряд Добролюбовой Т.А. совершил первовосхождение на гору Тельпосиз в летних условиях.

В 1938 г группа свердловских туристов также совершила восхождение на высший пик горы Тельпосиз [1.294]. В составе группы были: Грозный Б., Ужegov И., Светлов О. Подъем на вершину совершили они по южному гребню горы, т.е. по маршруту, которым в 1933 г пытались покорить гору в зимних условиях свердловские туристы (см. выше).

Что касается первого покорения горы Тельпосиз в зимних условиях, то я ничего, пока, не могу сказать за неимением достоверных сведений. Буду рад, если кто-нибудь сообщит мне информацию о зимних восхождениях на Тельпосиз в 50 – 60 – 70 гг XX века.

Заканчивая рассказ о горах Приполярного Урала, скажу, что восхождения на приполярные вершины вспоминаются мне, даже спустя несколько десятков лет, ярко и красочно. В свое время мы предложили за восхождения на самые высокие вершины Урала вручать специальный памятный знак (см. рисунок 2.85). Но тогда не удалось реализовать эту идею. Может быть в XXI веке мысль о знаке «Высшие вершины Урала» сможет оформить, например, коми национальный парк «Югыд Ва».

Возможный вариант списка десяти «Высших вершин Урала»:

- Поэнг- Ур (Народная) – 1895 м,
- Защита – 1808 м,
- Карпинского – 1803 м,
- Янченко – 1741 м,
- Мансиньер – 1779 м,
- Ремезова – 1729 м,
- Регули – 1711 м,
- гора Хобею, на юго-западном гребне горы Защиты – 1745 м,
- гора с отметкой 1711 м, расположена в 0,5 км западнее горы Ремезова,
- Манарага (для ровного десятка) – 1663 м.

2.5 Северный Урал

С исторической точки зрения освоение Северного Урала можно разделить на две фазы, из которых вторая частично накладывается на первую. На восточных склонах Уральских гор с незапамятных времен проживали манси и ханты. А вторая фаза освоения североуральских земель начинается после проникновения в Зауралье русских людей. С построения первого города Верхотурья началось русское заселение края. При этом в ряде регионов сохранилось до определенного времени и уральское местное население – манси и ханты.

На Северном Урале основными рельефообразующими элементами являются три параллельных друг другу горных цепочки, протягивающихся почти по меридиональным направлениям. Центральная горная ветвь в основном соответствует Главному водоразделу, представляющему собой практически непрерывную цепь гор, разделенную перевальными понижениями на отдельные хребты и кряжи. Характерной чертой Центрального водораздела является наличие лесной растительности на большинстве перевалов. Отдельные участки центральной ветви имеют свои наименования (с севера на юг): хребты Яныквотнер, Маньквотнер, Поясовый Камень, Молебный Камень, Хозатумп, Уральский хребет и др. Высота вершин, расположенных на Главном водоразделе, составляет 700 – 900 м. Отдельные вершины поднимаются на высоту более 1000 м: Яныквотнер – 1096 м, Отортен – 1182 м, Ойкачхл – 1322 м, Молебный Камень – 1290 м, одна из вершин в Уральском хребте – 1410 м. Западная горная ветвь представляет собой череду небольших хребтов и гор, разделенных значительными понижениями, в которых протекают реки западного склона Урала, пересекающие эту западную ветвь. Высота основного числа вершин Западной цепи составляет 700 – 1000 м. Но ряд вершин поднимаются на большую высоту

(с севера на юг), м: Койп – 1087, Муравьиный камень – 1351, Тулымский камень – 1469, Ослянка – 1119 и др. Восточная горная ветвь имеет такой же характер, как и Западная. Среди вершин высотой 700 – 900 м поднимаются отдельные более высокие горы (с севера на юг), м: хребет Чистоп – 1292, Денежкин Камень – 1492, Буртым – 1148, Конжаковский Камень – 1569, Косьвинский Камень – 1519 м. В целом, суммарная ширина этих трех горных уральских ветвей на Северном Урале составляет 20 – 50 км. Характерной особенностью этой системы гор является тот факт, что на отдельных участках высота Центральной ветви на одной и той же широте меньше, чем Западной или Восточной, например:

- гора Листовка-Ель (1095 м) на Западной ветви и гора Яны-Хапхартуйтумп (652 м) в Центральной ветви;

- Тулымский Камень (1469 м) на Западной ветви и хребет Молебный Камень (1290 м) в Центральной ветви;

- Денежкин Камень (1492 м) на Восточной ветви и Уральский хребет (1410 м) в Центральной ветви;

- Конжаковский Камень (1569 м) на Восточной ветви и горы Кедровый Спой (812 м) в Центральной ветви.

В целом, для Северного Урала характерна значительная выравненность рельефных структур, как на перевальных, так и на некоторых вершинных участках. На ряде вершин, сложенных трудноразрушаемыми горными породами, имеются скалистые останцы, например, Торре-Порре-из, Маньпупуньер и др.

Характерной особенностью ряда рек Северного Урала является их коленчатая структура. Протекая в верховьях между двумя горными ветвями, река затем делает крутой поворот и уходит на запад или на восток. Приведу некоторые примеры. Река Тылай протекает между Центральной и Восточной горными ветвями. Но после впадения в р. Косьву последняя резко уходит на запад. Река Малая Сосьва в верховьях протекает между Центральной и Восточной горными ветвями и несколько южнее горы Денежкин Камень делает поворот на 90° и уходит на восток. Река Печора в верхней своей части протекает с севера на юг между Центральной и Западной горными ветвями, но от устья р. Маньская Волосница резко поворачивает и уходит на запад. И еще одна река такого же типа: р. Лоутынья в верховьях плавно несет свои воды с юга на север между Центральной и Восточной горными грядями. А затем поворачивает на восток и, прорываясь между хребтами Паснер и Яныквотнер, бурно мчит по порогам.

Северный Урал – типично лесной район. Северная и средняя тайга, широко распространенная на равнинных территориях, примыкающих к горам, по долинам рек заходит в горы и местами поднимается до перевальных участков. На Северном Урале прекрасно выражена высотная поясность. Внизу повсеместно господствует горная тайга. Верхняя граница леса располагается от 600 м в северной и до 900 м в южной части. Выше расположены субальпийские луга с богатым разнообразием, создающие красочные картины. А еще выше находится гольцовый пояс с горными тундрами и каменными россыпями.

Северный Урал богат полезными ископаемыми. В населенной его части уже много лет добываются бокситы (в Североуральском районе), бурые угли (в районе Карпинска и Волчанки). Огромные запасы углей залегают в Северососьвинском районе и еще ждут своих добытчиков. Весьма перспективные месторождения меди находятся на хребте Шемур и на р. Северной Сосьве. В Ивдельском районе имеются марганцевые месторождения.

В горах Северного Урала я немало побродил и летом и зимой.

Среди гор Северного Урала особенно памятна одна, на внешний взгляд, неприметная вершинка. Округлый купол. С простыми для прохождения склонами. Но имя ее стало широко известно по всему миру. О событиях, произошедших на ее восточном склоне, написаны сотни статей, более десятка книг. Сняты кинофильмы не только в России, но и в Англии, США и др. Интернет переполнен информацией, связанной с этой горюшкой. Создан музыкальный альбом с психоакустическим уклоном. Имя этой горы – Хола-Сяхл (см. рисунок 2.86). Не Холатчахль, что ошибочно, а именно – Хола- Сяхл (подробнее см. статью [1.458]). Судя по всему, 1 или 2 февраля 1959 г на склоне этой горы, выше границы леса, установили палатку для ночевки туристы Уральского политехнического института из города, тогда, Свердловска. В какой-то момент, разрезав палатку ножом изнутри, все они, девятером, выскочили из палатки. Без обуви, без теплой верхней одежды. И сбегали вниз по склону горы до леса. В небольшой ложбине развели костерок. Но все замерзли. Произошедшая трагедия вот уже более полувека остается таинственной и до сих пор не объяснимой. Что заставило туристов срочно вылезти из палатки? Что вынудило их убежать от палатки, на верную гибель? Ответов на эти вопросы до сих пор нет. Напоминание об этой трагедии – пирамидка и памятная плита (см. рисунок 2.87), установленные на каменном останце, находящемся на перевале вблизи места произошедшей трагедии (см. рисунок 2.87). На доске фамилии:

- Дятлов Игорь
- Колмогорова Зина
- Дорошенко Юрий
- Слободин Рустан

- Кривонищенко Георгий
- Колеватов Александр
- Дубинина Людмила
- Тибо-Бриньоль Николай
- Золотарев Семен

С трепетным чувством и волнительными воспоминаниями отношусь я к этой загадочной трагедии. В памятном феврале 1959 г наша группа под моим руководством также совершала сложное лыжное путешествие на Северном Урале. В том же районе, где произошла упомянутая трагедия. Всего-то на полсотни километров южнее места, где погибла группа Дятлова. С Госей, так звали мы Игоря Дятлова, мы могли встретиться на уральских горах. Они должны были заканчивать свой маршрут. А мы – только начинать свой путь. Местом встречи могла быть гора Ойка-Чакур. Когда мы поднялись на эту гору, то не обнаружили там дятловской записки. Решили, что дятловцы не дошли до горы Ойка-Чакур, свернув с основного маршрута по запасному варианту. Закончили наш маршрут в Покровск-Уральске. В Серове к нам подошел незнакомый человек и стал расспрашивать – не нас ли разыскивают на севере области. И тогда нам стало понятно, что с группой Дятлова что-то случилось. Позвонили в Свердловск. Узнали, что идут поисковые работы. Разыскивают группу Дятлова. Нам предложили, не возвращаясь домой, проследовать в Ивдель и подключиться к поисковым группам. Так 24 февраля 1959 г мы оказались на ивдельском аэродроме, который стал местом штаба поисков. Еще утром 26 февраля я вместе с Е. Масленниковым облетали на самолете район поисков. А вечером того же дня была получена радиограмма с сообщением об обнаружении пустой, без людей, палатки дятловцев на склоне горы Хола-Сяхл, которая с этого дня черным пятном стала в истории советского туризма.

На следующий день, утром 27 февраля наша группа первым вертолетом высадилась на перевале, ближайшем к востоку от купола горы Хола-Сяхл. Оглядевшись, мы увидели, что к нам, на перевал, поднимаются два человека на лыжах. Это были участники из поисковой группы Слобцова. Они показали нам, где расположена палатка, а также кедр, под которым лежат два замерзших тела. Осмотрев оба печальных места, мы вернулись на перевал, где к тому времени высадилась другая поисковая группа. Лагерь решили организовать в долине р. Ауспии, чтобы не оставлять дополнительных следов на месте трагедии.

С 27 февраля по 10 марта я участвовал в поисковых работах. Здесь не место рассказывать, анализировать факты, делать предположения о деталях и событиях трагедии. Для этого нужна другая, специальная книга. О печальных событиях я опубликовал единственную маленькую статейку [1.296]. Тем не менее, некоторые моменты я хочу вспомнить.

На поисковых работах жили мы в большой армейской палатке. Обычно по вечерам, после ужина, велись долгие обсуждения трагедии. Кто-нибудь делал какое-нибудь предположение и обсуждали его все сообща. Каждый день, поутру, мы поднимались пешком, без лыж, на перевал. А под вечер спускались с перевала к палатке, в долине р. Ауспии. Однажды мне пришла в голову мысль: поднимаясь вверх, на перевал, осознавал ли Дятлов, что они прошли через перевал и уже начали спускаться в долину притока р. Лозьвы. Вечернее общее обсуждение этого вопроса среди поисковиков подтвердило вероятность ошибки Дятлова. Наутро мы провели эксперимент. Немного отклонились к западу от своего обычного пути на перевал. В результате мы прошли мимо перевала и, продолжая подъем, вышли уже по восточному склону горы Хола-Сяхл прямехонько к месту дятловской палатки. Стало понятно, что, скорее всего, группа Дятлова прошла мимо перевала, не заметив его в условиях непогоды при плохой видимости. Устанавливая палатку, они, судя по всему, думали, что до перевала они еще не дошли. Поэтому им не хотелось терять высоту и возвращаться снова в долину р. Ауспии. Это была первая ошибка Дятлова и ее признали все поисковики, которые находились в то время в большой армейской палатке. Вторая ошибка Дятлова состояла в том, что он принял решение ночевать выше границы леса. В ситуации некоторой неопределенности места своего нахождения и плохой видимости (было не видно лес, находящийся всего в одном километре вниз по склону) ни в коем случае нельзя было устанавливать палатку там, где они ее поставили для ночевки. Если бы они спустились к лесу и там заночевали, то, даже при той страшной ситуации, в которой они оказались в действительности, возможно, они бы смогли остаться живыми: ведь бежать от палатки в лесу им просто было некуда. Впрочем, эти мои рассуждения – *post factum*. Реально произошло то, что свершилось. Какая причина, какая сила заставила туристов беспрекословно и незамедлительно покинуть палатку и убежать от нее? Этого мы не знаем до сих пор. И, возможно, вообще не узнаем никогда. Ясно одно: создались такие условия, когда промедление грозило секундной неотвратимой гибелью. Останься в палатке – моментально погибнешь. Убежишь от палатки – может быть еще и выживешь. Иванов Л.Н., следователь, расследовавший дело о гибели туристов на горе Хола-Сяхл, назвал юридическим языком эту силу – «непреодолимой, стихийной», тем самым оставив практически не решаемую проблему для следующих поколений. Более полувека я предпринимаю попытки решить эту проблемочку. Но не слишком далеко продвинулся к финальному ответу. Тем не менее я хочу отметить два фундаментальных факта. Во время поисковых работ мы видели сохранившиеся ледяные следы туристов, убегающих от палатки. Эти следы приводили к трем ледово-каменным грядам, вытянувшимся поперек склона. На грядах камни выступали из ледяной поверхности. А во все последующие годы никто и никогда не видел в этом месте таких ледово-каменных структур. В последующие годы склон всегда был покрыт снегом. И камни никогда не выступали над снегом. А лед

никогда не был зафиксирован на этом участке склона. Объяснение наличию ледово-каменных участков на склоне горы Хола-Сяхл в 1959г, на мой взгляд, может быть единственное : в 1959г на этом склоне имело место мощное локальное техногенное тепловое воздействие. А вот причина такого теплового воздействия – остается загадочной (подробнее см. статью [1.469]).

Вспоминаются еще два момента из нашей поисковой жизни. По радию мы запросили прислать продуктов, с их перечислением. На следующий день из вертолета выгрузили один хлеб – вероятно, килограмм 500. Спускаясь с перевала вниз в лагерь, мы несколько дней забирали с собой замороженные буханки хлеба. Кто-то предложил использовать эти хлебные кирпичи в качестве ступеней на наиболее крутых участках склона. Реализовали это предложение. А когда хлеб на перевале закончился, мы стали выковыривать булки на склоне. При этом качество булок-ступеней нисколько не ухудшилось. Запомнились еще анекдотные «сражения» в вечерней палатке. Уже перед засыпанием иногда начинались рассказы-анекдоты. В этом соперничали Жора Атманаки из Первоуральска и Сема Баскин из Москвы. Один за другим они выдавали по байке. И так это соперничанье длилось долго. Они переставали выдавать анекдоты только после того, как дружный смех после каждого рассказа становился тихим и разрозненным, так как большинство слушателей уже засыпало.

В целом, же событие, связанное с трагической гибелью группы студентов под руководством Дятлова, сделало гору Хола-Сяхл уникальной в многочисленной череде вершин уральских.

Группа Дятлова хотела покорить гору Отортен. Они не дошли до нее каких-то полтора десятка километров. Вершина эта представляет собой каменистое плато с двумя возвышениями, на которых разбросано немалое количество небольших останцев (см. рисунок 2.88). Гора имеет почти вертикальную стенку кара, с расположенным в нем озере, из которого берет исток р. Лозьва.

Значительно более эффектно скалы-останцы на вершинах с изящными названиями – Торре-Порре-из (см. рисунок 2.89) и Мань-Пупу-Ньер (см. рисунок 2.90). На первой, на большом плато – целый каменистый город массивных останцев. А на второй – семь столбообразных высоких каменистых великанов. Известна мансийская легенда [1.297]:

«В далекие-далекие времена в густых лесах, подступивших к самым Уральским горам, жило могущественное племя манси. Мужчины племени были такими сильными, что один на один побеждали медведя, и такими быстрыми, что могли догнать бегущего оленя... Добрые духи, жившие на священной горе Ялпинг-ньер, помогли манси, потому что во главе племени стоял мудрый вождь – Куушай, друживший с духами... Были у вождя дочь, красавица Аим, и сын Пыгрычум. Далеко за хребтом разнеслась весть о красоте юной Аим. Она была стройна, как сосна, выросшая в густом лесу, и пела так хорошо, что послушать ее сбегались олени из долины Ыджет-Ляги... Услышал о красоте дочери вождя и великан Торев, чей род охотился на горах Хораиз. Потребовал он, чтобы Куушай отдал ему свою дочь Аим, иначе грозился уничтожить народ манси. Но отказалась, смеясь, Аим и от этого предложения, потому что не хотела быть женой страшно, обросшего шерстью великана. Разгневанный Торев позвал своих братьев-великанов и во главе огромного войска двинулся к вершине Торре-Порре-из, чтобы силой схватить Аим.

Неожиданно, в то время когда Пыгрычум и его друзья были на охоте, появились они перед воротами каменного города. Целый день шла жаркая битва у стен крепости. Могучие великаны огромными вырванными из земли деревьями прокладывали себе путь к дворцу вождя. Все меньше и меньше оставалось воинов-манси... Под тучами стрел пробежала Аим по крепостной стене, поднялась на высокую башню и крикнула: «О, добрые духи, спасите нас от гибели, пошлите домой Пыгрычума». В тот же миг в горах засверкала молния, грянул гром, и черные тучи густой пеленой закрыли город. «Коварная!» – зарычал Торев, увидев на башне Аим. Он ринулся вперед... Аим с горсткой воинов скрылась под покровом темноты в горах. Под утро они слышали шум погони. Собрав последние силы, несчастные бросились вперед и выбежали на ровную вершину горы. И вдруг, когда уже великаны готовы были схватить их, они увидели в лучах восходящего солнца воинов, спешивших им навстречу. Впереди шел Пыгрычум с блестящим щитом и острым мечом, которые дали ему добрые духи.

Как вкопанные, остановились великаны, увидев ровные ряды мансийских воинов. Но вот самый страшный из них – Хайтнут – шагнул вперед и ударил в бубен, висевший у него на поясе. Братья, взмахнув палицами, бросились на Пыгрычума.

В этот миг Пыгрычум повернул щит в сторону солнца, и огненный сноп света ударил в глаза великану. Хайтнут отбросил в сторону бубен и закрыл лицо руками. На глазах изумленных братьев великан и его бубен стали медленно каменеть. В ужасе бросились они назад, но их достиг луч Пыгрычума, и они превратились в камень.

С тех пор тысячи лет стоят они на горе, которую народ называл Мань-Пупу-Ньер (то есть Гора Каменных Идолов), а недалеко от нее возвышается величественная вершина Койп (барабан, бубен)...».

Эту древнюю легенду духовно прочувствовали мы, обходя каменные столбы на плато Мань-Пупу-Ньер. Останцы, по легенде, - окаменевшие злые великаны. Солнце восходит на востоке, в истоках р. Печоры. Следовательно, Пыгрычум подходил с запада, по не крутому склону. Жаль только, что мы не смогли увидеть утренние лучи солнца, так как подошли к каменным столбам уже в послеобеденное время. Вспоминается мне, как по соседству с останцами мы руками ловили куропаток. Бегали, прыгали,

ползали между участками карликовой березки. А вечером, уже в истоках р. Печоры смаковали наваристый супчик, от которого потом долго грызли вкусные птички косточки.

Ежегодно, летом и зимой, к болванам Мань-Пупу-Ньер приходят десятки туристских групп. Екатеринбургские скалолазы сумели забраться на вершинки каждого каменного столба. Даже умудрились устроить навесную переправу с одного столба на другой, зафиксировав свою переправу на киноплёнке. В 2008 г газета «Известия» проводила конкурс российского масштаба по определению чудесных мест России. В этом конкурсе уральские останцы Мань-Пупу-Ньер заняли почетное четвертое место (из семи призеров) после Собора Василия Блаженного в Москве, Комплекса памяти на Мамаевом Кургане в Волгограде и Петергофского дворца в Петербурге.

Гора Торре-Порре-из по эффективности каменных останцев, конечно, уступает столбам Мань-Пупу-Ньера. Но зато по количеству останцев первая многократно превышает вторую. На Торре-Порре-изе можно долго блуждать между многочисленными массивными блоками, выискивая неожиданные ракурсы каменных абрисов. Недаром эту вершину называют «городом духов камней».

Севернее горы Торре-Порре-из по Главному Уральскому водоразделу тянется непрерывная цепочка гор с загадочными мансийскими названиями: Нейлентумп, Атертумп, Янгтумп, Сатензи, Яны-Хапхартуйтумп и др. Вершины их поднимаются на высоту всего 700 – 800 м и, как правило, на верховых площадках таких гор имеется либо невысокая древесная растительность (см. рисунок 2.91), либо травянистый покров (см. рисунок 2.92), либо каменистые поля (см. рисунок 2.93). Перепады высот от перевальных понижений до макушек гор составляют 50 – 100 м. Практически на всех перевалах растёт лес. Вспоминается, как мы однажды устроили ночевку на перевале около хребта Маньхамбо. На небольшой полянке среди больших елей. Рядом озерко, с вытекающим из него ручейком. Прекрасное местечко. С таких вершин открывается широкий обзор Уральских гор (см. рисунок 2.94). Умиротворяющая тишина. Обширная панорама. В мыслях – единение с природой. Благодарить!

Далее обратим свои взоры на южную часть Северного Урала.

В верховьях р. Вижай расположен горный узел, в котором в Главном Уральском водоразделе выделяется гора Ялпинг-Ньер. В некоторых публикациях ее именуют Молебным Камнем. Острроверхая вершина горы смотрится красиво (см рисунок 2.95). В одном из моих зимних путешествий мы остановились на ночевку у подножия этой горы, на перевальном участке из р. Вижай в р. Велс. Сразу от нашей палаточки начинался крутой подъем на вершину. Плотный снежный наст. Много торчащих камней. А на поверхности снежного склона ... ярко красные ягодки клюквы. Подъем на гору замедлился. Каждый из нас лакомился неожиданным подарком горы. Выколупываешь ягоду из плотного снега и отправляешь в рот. Смакуешь. Далее – следующая ягода. Вершина горы сложена из крупных камней. На них установлена деревянная триангуляционная вышка. В банке среди записок – весточка от группы под руководством Игоря Дятлова, группа которого летом 1958 г совершила поход на Северном Урале и поднималась на гору Ялпинг-Ньер. Это было одно из последних путешествий Игоря. Через полгода зимний поход дятловцев закончился трагично.

Гора Денежкин Камень расположена уже в населенном районе, в 40 км от города Североуральска. Вершина эта находится не на Главном Уральском водоразделе, а восточнее его примерно на 15 километров. Между ними – долина р. Сольвы. С юга и востока гора смотрится массивным вытянутым куполом (см. рисунок 2.96) и видна на расстоянии до 100 километров. В настоящее время гора Денежкин Камень и ее окрестности входят в состав заповедника «Денежкин Камень». Информация об этой вершине появилась во второй половине XVIII века [1.298] и связана с деятельностью верхотурского купца Максима Походяшина, который в 50 – 60-е года начал промышленное освоение рудных богатств Северного Урала, построив металлургические заводы (Турьинский, Петропавловский и др.). Для устройства заводов и использования окрестных лесов Походяшин покупал у ясашных вогул (манси) их вотчинные собственные земли. К оформляемым купчим прикладывались планы покупаемых земель. Такие планы сохранились в архиве канцелярии главного уральских заводов правления. На планах и появились обозначения местоживания вогулов Денешкиных на р. Сосьве. На одной карте, датированной 1769 г, обозначена «Юрта Авраама Денешкина» [1.299]. В другом документе, от того же года, сделана запись о том, что «от Петропавловского завода Максима Походяшина расчищена дорога до юрты Петра Денешкина» [1.300]. Еще на одной карте того же времени «вновь обысканным рудным медного содержания приискаем в ограниченных лесах к Петропавловскому и Турьинскому заводчика Максима Походяшина заводам» обозначена «юрта Андрея Денешкина» [1.301]. В архиве отыскан интересный документ, датированный 29 ноября 1796 г – купчая крепость «от вогул на владение лесов и санных покосов» по р. Сосьве, данная Максиму Походяшину [1.302]. В ней указано, что «крепость Сосьвинской волости ясашных вогул Андрея Семенова Денешкина с детьми, с племянниками и родственниками» дана верхотурскому купцу Максиму Походяшину «на уступленные ими в вечно-потомственное владение природные свои места с вершины реки Сосьвы по обе стороны течения оной до Поесового Камня и до устья речки Канты и по впадающей в тое речкам же с устья и до вершины». Цена этой купчей составляла всего 150 рублей. В указанном документе упоминается Поесовый Камень. Так в то время назывался современный Главный Уральский водораздельный хребет. Но ни в указанной купчей, ни в других перечисленных документах не отмечена гора, расположенная к северу вблизи от среднего течения р. Сосьвы, у южного подножия

которой проживал род Денешкиных, т.е. вершина, в наше время именуемая Денежкин Камень. В 1768 – 1772 гг во главе одной из пяти академических экспедиций П.С. Паллас совершил длительное путешествие на Урал и в Сибирь [1.303]. Летом 1770 г он посетил Северный Урал и побывал на заводах и рудниках Максима Походяшина, описанию которых в многотомном отчете об экспедиции Паллас посвятил около двадцати страниц. С водораздела между реками Вагран и Колонга он видел «высочайшие снегом покрытые верховья Северного Уральского Пояса». В своем описании он дважды упоминал фамилию вогульца Денешкина, юрты которого расположены над рекою Сосьвою. Хотя Паллас и не упоминает о вершине, которой позднее присвоили имя – Денежкин Камень, но он, тем не менее, сопоставил имя вогула Денешкина с Уральскими горами в верховьях р. Сосьвы. Думается, с его «легкой записи» фамилия Денежкина перенесена была на вершину, у подножия которой стояли его юрты.

На планах начала XIX века уже фигурирует «гора Денешкина». Так, например, землемер подпоручик Алексей Пушкарев в 1803 г составил план в части Верхотурского уезда в дачах ясашных вогул [1.304]. На плане трижды фигурирует слово «Денешкин» в районе р. Сосьвы: «пауль Денешкин», «пауль пустой Денешкина» и ... «гора Денешкина». Известен другой план, составленный в 1817 г землемером Чекановым, опорной дачи Верхотурского уезда, «присвояемой господином камергером Всеволодом Андреевичем Всеволожским к вновь назначенному заводу» [1.305]. На этом плане, на левобережье р. Сосьвы нанесена вершина под названием «гора Денежкин Камень».

Летом 1829 г немецкий естествоиспытатель Александр фон Гумбольдт совершил поездку по России, по ходу которой он посетил Богословский завод (современный город Карпинск). Во время своего путешествия он вел «Дневник», который ныне хранится в Берлине в немецкой государственной библиотеке. Находясь в Богословске, Гумбольдт измерил азимуты и провел «определение позиций по углу возвышения гор, видимых из Богословска». В списке гор, которые он измерял, числится и «Денежкин Камень». На одной из страниц своего «Дневника» он записал расстояние от Богословска до «Денежкина Камня» - 75,5 верст, определенное им по карте, полученной в горном начальстве. На другой странице Гумбольдт записал результаты определений азимутов направлений на видимые концы абриса «Денежкина Камня» и на третьей странице зарисовал форму массива этой горы (см. рисунок 2.97). Таким образом, на карте, которой пользовался Гумбольдт, была обозначена вершина с названием «Денежкин Камень». Место положения ее знали местные горные инженеры, которые и показали Гумбольдту на местности эту вершину. Следовательно, уже к 20-м годам XIX века за этой вершиной прочно укрепилось ее название – «Денежкин Камень».

На макушке Денежкина Камня я побывал и летом и зимой. В летнюю пору мы поднимались из верховьев р. Шарп через Сорокинские ворота. А в снежную метель шли наверх из поселка Сольва через Желтую Сопку. Оба эти маршрута не имеют больших технических сложностей. Но из-за достаточно крутых склонов требуют усиленных усилий. Наверху – каменистое плато, в середине которого находится возвышение, являющееся высшей точкой. С вершины – отличный вид на горы Уральского хребта. На Денежкином Камне имеется весьма опасное место – верховья р. Щегульта, в которую с макушки горы обрывается почти вертикальный каменистый склон.

Конжаковский камень (1569 м) пользуется особой популярностью у туристов (см. рисунок 2.98). Вершина расположена в верховьях р. Лобвы. Горы с трех сторон окружают долину реки. С юга поднимается хребет с красивыми горами: Семичеловечья, Казанский Камень, Васильевский Камень. Долину замыкает Косьвинский Камень. А с севера громоздится массив Конжаковского Камня. К Конжаку с юго-запада примыкает Тылайский Камень, а с северо-востока – Серебрянский Камень. Среди всех этих гор, в долине р. Лобва расположен поселок Кытлым. От него, поблизости, целый «букет» гор. Можно остановиться в поселке в туристском приюте и каждый день подниматься на любую из гор, окружающих поселок. Неоднократно мы устраивали зимние вояжи на Конжак. Иногда останавливались в когда-то функционирующем поселке Катышер: в пустующем доме или даже в поселковой бане. На Конжаковский Камень поднимались различными маршрутами. А однажды на лыжах взобрались из верховьев р. Катышер непосредственно до вершинных скал. Особое удовольствие доставляли спуски с гор. И с ветерком прокатиться. И в снегу побарахтаешься при падении на крутых поворотах. Летом Конжак на один день превращается в спортивный стадион. Ежегодно здесь проводится горный марафон, маршрут которого проходит по Серебрянскому Камню и включает забегание на вершинные скалы Конжака.

Конжаковский Камень имеет интересную историю, связанную с добычей медных руд еще в первой половине XVIII века [1.306]. В 20-е годы XVIII века на Урале начали действовать несколько медных заводов (Екатеринбургский, Пыскорский, Полевской, Егошихинский). В их числе был и Лялинский медный завод, сырьевой базой которого стало Лялинское медное месторождение, открытое крестьянином Власом Коптяковым [1.307]. Он был главой многочисленной семьи, проживающей в деревне Коптяковой на р. Лобве в 25 верстах от Лялинского завода. У Власа было пять сыновей – Софрон, Федор, Сидор, Ерофей, Семен. Еще ранее Влас приискал медные руды на р. Лобве, которые начал добывать компанейщик Трофим Замошиков. Кроме того, в июне 1722 г Влас Коптяков нашел медную руду на горе Нееловой на р. Лобве и за этот прииск из казны было дано ему 4 рубля. Лялинский завод построили в 1723 – 1724 годах. Уже через три года добыча медной руды на Лялинском месторождении резко сократилась. 14 июня 1727 г Влас Коптяков подал доношение в Лялинскую

заводскую контору, в котором сообщил, что он со своими сыновьями «обыскали де оне по Лобве реке вверх от Лялинского завода расстоянием, например, верст с полтораставерху оной реки по правую сторону на речке Конжаковке и на левой стороне в горе медную руду» [1.308]. Управитель Лялинского завода Алексей Калачев и штейгер Ланг срочно отправились на заявленное место. По их осмотру «оное место весьма явилось достойно работы, понеже в гору идет руда жилою, широтою оная жила рудю на аршин» [1.308]. Кроме заявленного места Коптяковы обнаружили признаки медной руды еще в четырех местах. Уже 5 июля эта информация дошла до Екатеринбурга. Геннин, начальник уральских горных заводов, приказал начать работы на «новосысканном» Павдинском месторождении. Свое название месторождение получило по месту расположения – в Павдинском кряже (так в то время именовался этот участок Уральского хребта). В Екатеринбурге опробовали медную руду Павдинского месторождения. Присланная руда по содержанию меди оказалась весьма богатой. И уже 27 июля, через полтора месяца после того, как Влас Коптяков сообщил о находке, на Павдинском руднике начали добывать медную руду. Добыча руды была остановлена только 27 сентября по причине «великого снегу и стужи». По просьбе Власа Коптякова сын его Ерофей, взятый по рекрутскому набору в плавильные ученики, был освобожден от рекрутства. А всей семье Коптяковых велено было «приискывать руды со всеусердным тщанием». В 1728 г работы на Павдинском прииске были продолжены. Однако, вскоре жила медной руды, которая «шла изрядно, на которую была надежна, пресеклась и впредь на оную надежды быть не уповаемо» [1.309]. Продолжение работ по плавке медной руды на Лялинском заводе снова оказалось под угрозой. В июне 1729 г Сидор, средний сын Власа Коптякова, подал в Лялинскую заводскую контору доношение о том, что он нашел медной руды признак «в верху реки Лобвы... по речке Конжаковке по левой стороне выше прежнего называемого Павдинского рудника версты с четыре по оной же горе» [1.310]. Опробование руды показало, что она «работы достойна». Срочно начали добычу, и в 1729 г было добыто 14840 пудов медной руды. Новый Конжаковский рудник обеспечил сырьем Лялинский завод. А первооткрывателю рудника Сидору Коптякову было выдано вознаграждение 10 рублей.

Добыча руды велась на нескольких жилах, в разных местах, в том числе одну из них разрабатывали непосредственно на макушке Конжака. А для спуска руды с горы построили специальное устройство в виде желоба. В начале 30-х годов лялинский разночинец горный ученик Дмитрий Ершев в Конжаковских горах сыскал новых четыре месторождения медной руды и еще один прииск на р. Серебрянке [1.311]. Работы на Конжаке по добыче медных руд велись вплоть до 1743 г, который стал последним годом разработки Конжаковских рудников.

Выше я уже рассказывал о большом интересе Гумбольдта А. по отношению к Конжаковскому Камню, который он считал на то время высшей вершиной Уральского хребта. Гумбольдт составил список гор, видимых из Богословска, и определил их высоты (см. рисунок 2.100). Он также зарисовал абрис этих гор (см. рисунок 2.99).

2.6 Средний Урал

Средний Урал – густо заселенный район. Здесь издревле проживали исконно уральские народы – манси и ханты. Русские поселенцы пришли сюда в XVII веке. При этом было два направления переселения. Одно – по долине р. Чюсвы и через Уральский хребет на его восточные склоны. Другое – из долины рек Туры и Тобола, с севера от Верхотурья и с востока, вверх по рекам Мияс, Исеть, Пышма, Нейва. В начале XVIII века на Среднем Урале началось промышленное строительство. Были сооружены и запущены в эксплуатацию железорудные заводы – Каменский, Невьянский, Алапаевский, Уктусский, чему способствовали природные ресурсы – железные и медные руды. Позднее железорудное и медное производства распространились на районы Северного и Южного Урала. Средний Урал и поныне является крупным промышленным металлургическим и машиностроительным районом России.

В орографическом отношении Средний Урал слабо выражен и представляет собой понижение между более высокими Северным и Южным Уралом. Западный склон Среднего Урала – это полоса увалистого рельефа с выровненными водоразделами и с возвышающимися над ними редкими одиночными горами и хребтиками. На восточном склоне Среднего Урала расположена широкая холмистая равнина.

Высотные отметки гор, расположенных на Главном Уральском водоразделе в районе Среднего Урала, незначительны – 400 – 850 м: Качканар (высшая вершина Среднего Урала) – 878, Кедровка – 541, Белая – 712, Старик Камень – 755, Рыжанкова – 450, Азов – 589, Красный Камень – 601. На ряде вершин имеются скальные останцы – Качканар, Синяя гора, Старик Камень, Азов и др. Практически все горы Среднего Урала покрыты лесом. В северной части Среднего Урала на наиболее высоких вершинах расположен небольшой пояс высокогорных лугов. А в горнолесном поясе по всему Среднему Уралу господствуют средне- и южнотаежные темнохвойные леса (ель, пихта). Местами встречаются сосновые боры и березовые леса, особенно на местах массовых вырубок.

Реки западного склона являются в основном правыми (восточными) притоками р. Чюсвы. А, в целом, система этих рек представляет собой гребенку, ручкой которой служит р. Чюсва, а ее правые притоки являются разнонаправленными зубьями такой гребенки (Усьва, Койва, Серебрянка, Межевая Утка, Шишим и др.). Реки восточного склона Среднего Урала также образуют гребенку, ручку которой

составляет река Тобол, а притоки (Тура, Тагил, Нейва, Реж, Пышма, Исеть и др.) представляют зубья гребенки, расходящиеся веерообразно.

Средний Урал богат полезными ископаемыми: уголь (Кизеловское, Егоршинское, Буланашское и др. месторождения), железные руды (Качканарское, Высокогорское и др.), медные колчеданы (Красноуральск, Кировград, Ревда) в основном уже отработанные, хромиты Сараны, асбест (Баженовское месторождение). Территория Среднего Урала хорошо освоена и имеет густую сеть автомобильных дорог. Проложена развитая сеть железных дорог. Средний Урал заселен, с резким преобладанием городского населения. Наиболее крупные городские агломерации – Екатеринбург, Нижний Тагил, Первоуральск, Каменск – Уральский.

На Среднем Урале отсутствуют высокие горы с технически сложными маршрутами восхождений. Все среднеуральские вершины поросли лесной растительностью. На такие горушки не «восходят», а «заходят». Но наиболее Средний Урал известен скалами, расположенными по берегам рек. Широко известны скалы на реке Чюсве. О них написаны сотни статей. Они фигурируют в событиях, описанных в десятках книг. На мой взгляд, из всех чюсовских публикаций наиболее полно скалы на реке представлены в книге Р. Кашина [1.139]. Чюсовские скалы, без всякого сомнения, интересны и привлекательны. Но я считаю, что на Среднем Урале наибольшую ценность в историческом и общекультурном плане представляют невзрачные на вид, но уникальные скалы с древними различными изображениями, сделанными на каменных плоскостях скал, на берегах ряда среднеуральских рек. Такие изображения в простом обиходе называют писаницами. Найдены они на реках Среднего Урала – Исеть, Нейва, Реж, Тагил, Салда, Тура. Писаницы также обнаружены и на Южном Урале.

В фундаментальном труде о культовых памятниках горнолесного Урала в разделе «Уральские писаницы» представлена сводка уральских писаниц с краткими их характеристиками и указанием их местонахождения, составленная известнейшим специалистом по уральским писаницам В.Н. Широковым [1.312]. В этом списке числится 73 писаницы, в том числе – 53, расположенных на Среднем Урале. Уральским писаницам посвящены монографии В.Н. Чернецова [1.313]. В последние два десятка лет творческий коллектив уральских археологов под руководством В.Н. Широкова опубликовал в серии «Уральские писаницы» сводные материалы по писаницам, расположенным на отдельных реках, с подробными описаниями, зарисовками и фотографиями [1.314 – 1.317]. Кроме того, изданы два обобщающих труда по Уральским писаницам. В одном [1.318] обобщены особенности писаниц Северного и Среднего Урала. В другом [1.319] писаницы на прибрежных речных скалах Урала и в уральских пещерах (Капова, Игнатьевская, Сергиевская, Старо-Мурадымовская) сопоставлены с аналогичными изображениями Европы и Азии.

Исследователи единодушны в вопросе о датировке уральских писаниц. Изображения были нанесены на скалы в периоды позднего неолита – энеолита и эпоху бронзы, т.е. в конце III – начале II тысячелетия до н. э. Практически все среднеуральские писаницы – монохромны: выполнены охристой краской на основе бурого железняка. Трудно поверить, что рисунки сохранились на протяжении четырех – пяти тысяч лет. Но это факт! И в наше время мы можем рассматривать на прибрежных скалах рисунки древнего уральца. Время не стерло их с каменных плит. Хотя немалое число рисунков сохранилось не полностью. А в ряде случаев ныне видны только мутные пятна. Единое мнение высказывают археологи, историки, этнографы по вопросу о том, кто делал наскальные рисунки. Викторова В.Д. считает, что заселение Урала началось в эпоху раннего палеолита, около 300 тыс. лет назад [1.385]. По мнению Ларичева В.Е. древнейшие люди пришли в предгорья Среднего Урала не меньше, чем 40000 лет назад [1.322]. Виноградов Н. утверждает, что в конце каменного века (7 – 6 тысяч лет назад) на Южном Урале «жили люди, говорившие на языках, похожих на язык хантов и манси» [1.323]. В начале XIX века Н.С. Попов в обширном описании Пермской губернии высказал мнение о том, что надписи на Писаном Камне «суть тамги вогульского или другого какова народа» [1.320]. Позднее это мнение поддержал Булычев Н.П. [1.321]. В середине XX века В.Н. Чернецов считал, что писаницы создавались «хотя бы на поздних этапах угорским населением, и, конкретно, предками манси» [1.313]. В XXI веке эти доводы Чернецова были дополнительно подтверждены. Ражев Д.И., изучая погребения доандроновского времени, пришел к выводу о том, что на территории горнолесного Урала, включая и Южный Урал, обитало население древнеуральского типа уральской расы [1.324]. Моисеев В.Г., проводя краниологические исследования из уральских погребений, установил, что центр концентрации «уральских признаков» соответствует среднеобским хантам и манси [1.325]. Широков В.Н. и Чаиркин С.Е. показали, что обнаруженные на территории распространения уральских писаниц археологические материалы близки между собой, а наиболее ранние из них относятся к позднему неолиту и энеолиту, т.е. ко времени функционирования писаниц, и поэтому наскальные рисунки Урала связаны «с угорской этнической линией» [1.318].

Различные мнения высказаны по вопросу о цели нанесения рисунков на скалы. Одни авторы полагали, что «рисунки на скалах делали просто так, для развлечения и забавы» [1.326]. Другие, и их большинство, писаницы считают святилищами. Однако, Чаиркина Н.М. справедливо подметила «факт практически полного отсутствия рядом с изображениями культурного слоя, крупных стоянок и поселений в непосредственной близости к писаницам» [1.327]. Последнее утверждение заставляет осторожнее отнестись к высказываниям апологетов священности писаниц. С этой точки зрения еще в

XIX веке Савенков И.Т. предостерегал археологов от увлечения религией при объяснении писаниц [1.328]. А вслед за ним в середине XX века Иванов С.В. категорически заявил, что «нет никаких оснований утверждать, что истоки изобразительного искусства восходят к религии» [1.329]. Мнения западноевропейских исследователей наскального и пещерного искусства обобщены в работе [1.396]. Де Мортилье считал, что палеолитический человек был дикарем с весьма ограниченным кругом интересов, своеобразным «интеллектуальным примитивом» или с «первородной глупостью» [1.398]. Еще в середине XIX века Ларте А. и Кристи Г. высказали соображение о том, что человек древнекаменной эпохи украшал пещеры ради получения положительных эмоций от искусства. Позднее была высказана мысль о том, что искусство «рисования» было своеобразной игрой, привлечением женщины рисующим мужчиной. В итоге, в XX веке среди западноевропейских специалистов сложилась «религиозная концепция функционирования искусства, связанной с тотемизмом и магией охоты и плодородия» [1.396]. Такое мнение поддерживают большинство и отечественных исследователей. Например, Асеев В. считает, что «наскальные рисунки носят сакральный характер и создавались в магических целях в местах святилищ» [1.397]. Клягин Н. высказал мнение о том, что палеолитическое искусство было сакральным и мифологическим [1.399]. Во второй половине XX века французский исследователь Леруа-Гуран А. в ряде своих фундаментальных работ по палеолитическому пещерному искусству пришел к выводу о том, что система изображений в подземных залах и ходах, скорее всего, представляет некую семиотическую систему, предназначенную для коммуникации между людьми [1.400]. Он рассматривал изображения в пещерах как хорошо разработанную религиозную традицию с охотничьей магией, выделяя женские и мужские знаки и считая их «абстрактными мистическими изображениями». В последнее время результаты исследований Леруа-Гурана были пересмотрены. Но, тем не менее, семантика пещерного и наскального искусства остается до сих пор не ясной. Российские ученые сложившуюся ситуацию оценивают следующим образом: «К сожалению, пока мы все же не ушли дальше предположений» [1.401] или возможность только «догадываться, что результаты творчества художников древнекаменного века заключают в себе исключительно ценную информацию, по всей вероятности неоднозначную и многоплановую» [1.398].

Анализ мнений различных исследователей по вопросу о целях появления в каменном веке наскальных и пещерных изображений привел меня к мысли о том, что возможность их проявления на базе религии, магии охоты, сакральности и мифологии – маловероятна. Но мысль, высказанную многими учеными, о том, что древние изображения служили для целей коммуникации между людьми, я полностью поддерживаю. Думается, что целью создания изображений была значительная практическая необходимость. Древний человек реализовал в изображениях то, что ему было крайне необходимо для выполнения важных практических действий. Учитывая, что в каменном веке человек осваивал огромные пространства, у меня появилась гипотеза о том, что такими практическими действиями была необходимость надежной ориентировки в пространстве, при перемещениях на местности. С этой точки зрения мне показалось интересным посмотреть на писаницы под новым, нетрадиционным углом зрения, отражающим реальные потребности древнего уральца с учетом конкретной географо-гидрографической картины Среднего Зауралья.

В мезолите появляется морская навигация, начинают использоваться лодки и деревянные весла [1.330]. По мнению Шилова Ю. лодки широко используются от Египта до Алтая с IV тысячелетия до н. э. [1.331]. Поэтому можно полагать, что человек рисовавший уральские писаницы в более позднее время, в периоды энеолит – бронза, умело передвигался по уральским рекам на лодке. Он освоил все реки Среднего Зауралья и получил представление об общей гидрографии района.

При рассмотрении современной карты Среднего Урала ясно видны две особенности речных систем на западном и восточном склонах Уральского хребта. Река Чюсва протекает по направлению на северо-запад и все ее правые притоки, истоки которых располагаются на Уральском хребте, имеют длину не более 130 км. На восточном склоне хребта р. Тобол протекает на северо-северо-восток, а левые ее притоки имеют переменное направление долин и длину до 1000 км. Поэтому древнему уральцу чтобы добраться «по воде», например, от истоков р. Исети в верховья р. Туры приходилось спуститься на восток до устья р. Исети и по Тоболу, а затем подняться вверх по Туре на северо-запад, преодолев при этом расстояние «по воде» почти в восемь раз больше, чем «по суше» по прямой на север, вдоль Уральского хребта. Несомненно, древний уралец рано или поздно осознал такую водную ситуацию. И начал поиски более коротких путей из южных в северные районы Среднего Зауралья. Для решения такой задачи логично было отыскание легких переходов из долины одной крупной реки в другую, в районах истоков или среднего течения их, не спускаясь до устья рек. Естественно, место такого перехода должно находиться там, где крупные реки сближаются. Не вызывает сомнения тот факт, что после длительных поисков древний человек определил места таких удобных переходов. И тогда возникла следующая глобальная потребность: как передать другим людям информацию о месте конкретного удобного пути перехода из долины одной крупной реки в другую, расположенную севернее или южнее первой? Думается, вот тогда то и появилась у древнего уральца мысль обозначить место такого перехода каким-то знаком. И знак этот расположить на характерном приметном месте. Как обозначить знак? Нарисовать его краской! Благо в рассматриваемом районе в большом количестве имеется природная краска – бурый железняк использовался в южноуральских пещерах еще со времен палеолита. Рисунки на

стенах пещер Каповой и Игнатьевской подтверждают знания и умения древнего уральца в зарисовках на пещерных каменных стенах [1.332 – 1.334]. На чем нарисовать знак? Естественно, на прибрежных скалах, которые на среднеуральских реках имеются в достаточном количестве. Думается, что примерно по такой логической цепочке продвигался древний уралец, приняв решение об использовании рисованных знаков на прибрежных скалах для передачи информации о месте перехода из долины одной реки в другую. Почему древние уральцы использовали прибрежные скалы крупных рек? Да потому что по этим рекам они в основном и передвигались на большие расстояния на лодках. Скалы имеются в верховьях, и в низовьях крупных рек. Но основное количество писаниц появилось только на тех скалах, которые располагались в местах переходов из долины одной крупной реки в другую. Таким образом, среднеуральские писаницы стали результатом реализации потребности бесконтактной передачи информации от одного человека к другому с указанием удобного пути при передвижении в крупномасштабном геопространстве (подробнее см. мою книгу [1.471]).

Итак, писаницы на скалах уральских рек рисовались для того, чтобы обозначить удобные места переходов из долины одной крупной реки в другую. Писаницы играли своеобразную информативную роль в «каменной книге путей».

Далее рассмотрим конкретные ситуации расположения уральских писаниц [1.335, 1.336] и попытаемся найти среди них признаки, которые могли бы подтвердить сказанное выше. При этом, будем привлекать в отдельных случаях данные не только писаниц Среднего, но и Южного Урала.

Писаницы на р. Нейва располагаются компактной группой несколько выше по течению города Алапаевска. Место это было выбрано целенаправленно. Именно в этом районе реки Нейва и Реж сближаются, а ниже по течению снова отдаляются друг от друга, чтобы далее, сливаясь, образовать р. Ницу. Расстояние в указанном районе сближения этих рек между писаницей Двуглазого Камня на р. Нейва и Исаковскими писаницами на р. Реж – минимальное на их среднем течении, и составляет всего 10 км. Именно здесь и выбрал древний человек место для перехода из долины р. Нейва в долину р. Реж, отметив это «переходное (перевальное)» место на приречных скалах писаницами, которые несли информацию о том, что именно здесь можно удобно перейти из долины одной реки в соседнюю и обратно. Аналогичная ситуация наблюдается и на Южном Урале. Там, где в средних течениях сближаются реки Ай и Юрюзань, находятся на этих реках писаницы, «говорящие» о том, что именно здесь можно наиболее удобно перейти из долины р. Ай в долину р. Юрюзань и обратно.

Места переходов из долины одной реки в другую маркируют еще и древние названия рек. В моей книге «Философия букв» [1.24] показано, что в глубокой древности человек изобрел для номинации рек знаки-буквы, каждая из которых отражала вполне конкретную топографическую особенность реки. Повторяясь, приведу семантические значения некоторых букв. Например, буква В «говорила» о том, что данная река имеет большое количество петель, извивов, меандров. Буква Г отражала большой загиб реки в верхнем течении, а буква Л – плавный изгиб реки в нижнем течении и т.п. Гласные же буквы отражали обобщенное направление долины реки (от истока к устью – вектор реки) по отношению к сторонам света, начальным направлением среди которых служило направление на восход солнца (на самой ранней стадии изобретения такой системы номинации рек). Позднее, эти «речные знаки-буквы» стали использоваться во всех других сферах бытия человека и послужили основой письменности как таковой.

Для нашего рассмотрения особое значение имеет согласная буква М. Она обладала следующим обширным семантическим содержанием: по такой реке можно удобно подняться до истоков, преодолеть простой перевал через водораздел и легко плыть по другой реке, расположенной на противоположном склоне водораздела. Короче: древнее название реки, включающее букву М, указывает на место удобного перехода из долины одной реки в другую, соседнюю. Условно, две такие реки с перевальным участком, расположенным между их истоками, можно назвать «переходной (перевальной) триадой». Такие триады рек имеются в большом количестве в районе среднеуральских писаниц. Информация о среднеуральских триадах приведена в статье [1.337]. Например, между бассейнами рек Тагила и Нейвы: р. Кулымка – перевал – р. Мугай. В районе нахождения писаниц на восточных склонах Среднего Урала имеется около полутора десятков водных путей, образующих такие «переходные (перевальные) триады». Характерным является тот факт, что в основном эти водные перевальные пути имеют направления, приближающиеся к направлению север-юг, то есть тяготеют к переходам из долины одной крупной реки в другую (реки Реж, Нейва, Тагил, Салда, Тура). Именно в этих местах названных рек и располагаются скальные писаницы.

В моей статье «Эта загадочная Шайтанка» [1.454] показано, что уральские реки Шайтанки по семантическому содержанию близки к названиям рек с согласной буквой М. Дело в том, что потамоним Шайтанка – это искаженное при переходе в русский язык мансийское слово сайт-танк-а, которое можно перевести как «толковое желание» или «толковая и желаемая» река (от сайт «толк, толковый» + танк «желание, хотение» + добавление а «хорошая река»). Тогда Шайтанка (Сайттанка) является «толковой» и «желаемой» для продолжения пути по ней. Приведу среднеуральские примеры:

- р. Межевая Утка – р. Шайтанка – перевал через Уральский хребет – р. Шайтанка – р. Тагил;
- р. Тагил – р. Салда – р. Шайтанка – перевал – р. Сусанка (старинное название р. Шайтанка);
- р. Нейва – р. Ямбарка – перевал – р. Воронина (старинное название р. Шайтанка).

Отмечу также еще одну особенность большей части выявленных «переходных (перевальных) путей» - расположение значительных заболоченных площадей на перевальных участках. Так, например, болотистые перевалы находятся на следующих «переходных путях»:

- между р. Тагил и р. Кавма находится болото Камбаихское;
- между р. Тагил и р. Камбаиха лежит болото Камбаихское;
- в верховьях рек Ямная и Сусанка (Шайтанка) расположено болото Сусанское;
- между р. Шайтанка и р. Салда находится болото Шайтанское;
- между реками Шайтанка и Тагил раскинулось обширное болото Юконово;
- между реками Черная и Салда расположено большое болото Косолманское.

Из вышеприведенных примеров видно, что древний уралец для «переходных путей» между соседними долинами крупных рек отдавал предпочтение таким, которые пролегали по заболоченным перевальным участкам, так как по ним можно было проще перетащить лодку.

Далее, рассматривая сущность уральских писаниц, логично прийти к выводу о том, что писаницы, элементы их, должны отражать реальности окружающего мира, «переходных путей», которые следует отыскать в фигурах, знаках, изображаемых на писаницах, найти их символическое содержание, детали которого в той или иной мере отражали бы элементы конкретной ситуации перехода из одной долины реки в другую.

Прежде всего, на писаницах должен быть знак, который бы «говорил» о том, что от данного места, от конкретной скалы, следует направляться к перевалу. И удобно преодолев его, перейти в соседнюю речную долину. На многих уральских писаницах имеются знаки, которые можно идентифицировать как обозначающие «перевал». Ряд авторов треугольник, а также острый угол или несколько вписанных друг в друга углов, трактуя как понятие «гора» [1.339 – 1.341]. Тогда вполне логично два треугольника, стоящие рядом друг с другом и имеющие общее основание, рассматривать как две соседствующие горы, между которыми находится перевал. Выше упоминалось, что согласная буква М в названиях древних рек имела семантическое содержание, точно соответствующее рассматриваемой ситуации: она (буква) отражала удобный переход через перевал из долины одной реки в другую. В древнейших языках форма знака – буквы М отражала именно понижение между двумя горами (два соседних треугольника), то есть перевал. Со временем графема М несколько видоизменялась. Но основной ее признак – понижение между двумя горами – сохранялся. Изменение графемы буквы М наглядно видно на примере минойского языка: произошла трансформация – от двух соседствующих треугольников через поднятие сверху места их соединения, затем замена общего основания на короткую черту. Последняя в старогреческом языке исчезла, а вся графема превратилась в традиционную и ныне форму буквы М. В палестинском языке буква М стала похожей на зубчатую пилообразную линию.

Подобные знаки, производные от буквы М, встречаются на среднеуральских писаницах (см. рисунок 2.101). Знак треугольник с дополнительными линиями: на р. Реж – Шайтан камень (12,13; здесь и далее указан номер позиции знака на рисунке 2.101); на р. Тагил – Змиев Камень (25). Два треугольника, расположенные рядом: на р. Реж – Шайтан Камень (10 – перевернутые два треугольника). Углообразный знак с дополнительными линиями или без них: на р. Реж – Бородинская (1, 2, 3), Маскальская (26); на р. Тагил – Писаный камень (28, 29, 31). Вложенные друг в друга углообразные знаки с дополнительными линиями или без них: на р. Реж – Бородинская (4,6); на р. Тагил – Шайтан Камень (11), Кислый Камень (19), Зенковская (20), Змиев Камень (23), Писаный Камень (30), Соколинские утесы (33 - 35). Ромб, как вариант двух треугольников, с непоказанными совмещенными основаниями, с дополнительными линиями или без них: на р. Реж – Бородинская (7 - 9), Раскатихинская (15); на р. Тагил – Балакинская (16), Соколий камень (17), Кваршинская (18), Балабанский утес (22), Маскальская (27). Знак в виде вписанных друг в друга ромбов: на р. Реж – Першинская (14); на р. Тагил – Змиев Камень (24). Знак в виде двух ромбов, соединенных углами: на р. Тагил – Балабанский утес (21). Как видно из рисунка 2.101, все эти знаки в основе имеют элемент в виде треугольника, символизирующего гору, т.е. подъем на перевал, расположенный около этой горы, подъем в гору на перевал. Треугольник может быть без одной из сторон, и дополнен различными другими линиями. Однако, все разновидности знака-треугольника имеют одинаковую семантику. Увидев такие знаки, древний уралец осознавал, что в районе этого знака следует уходить на перевал. Таким образом, все такие знаки передавали «перевальную информацию». Еще отмечу, что на среднеуральских писаницах встречается знак в виде схематической «гребенки», у которой треугольники передаются в форме соединенных друг с другом боковых линий треугольников с отсутствующими основаниями (см. например знак 5 на Бородинской писанице на р. Реж). Такую зигзагообразную линию В.Т. Петрин [1.342] и В.Н. Широков [1.343] трактуют как изображение змеи. Чернецов В.Н. такой мотив считал изображением засек – охотничьих сооружений из поваленных деревьев для добычи копытных [1.313]. С.В. Хабарова придавала зигзагу значение движения, перемещения в пространстве [1.344]. Думается, что зигзагообразную линию можно рассматривать как знак, символизирующий «реку» (см. далее).

Таким образом, на подавляющем числе среднеуральских писаниц имеются «перевальные» знаки, рекомендуемые из района данной скалы отправиться на перевал, ведущий в соседнюю долину крупной реки. В какую сторону от скалы, на которой нанесен «перевальный» знак, следовало двигаться? Судя по всему, для приблизительного указания направления движения на перевал древний человек использовал

солярные знаки. Большинство исследователей круг считают символом солнца (В.Н. Чернецов, Н.П. Комарова, А.П. Окладников и др.). Т.И. Кашина [1.345] и А. Голан [1.346] круг рассматривают как изображение небосвода. М.Ф. Косарев [1.347] считает, что небосвод изображается дугообразной линией. Таким образом, мысль о том, что круги и дуги, изображенные на писаницах, являются солярными знаками, поддерживается подавляющим количеством исследователей. С этим мнением я безоговорочно соглашаюсь.

Один из этих знаков – дуга – представляет осредненную половину второго знака – круга. Используя замечание М. Элиаде [1.348] о логике символов «отличающихся последовательностью и систематичностью», можно считать, что солярный знак «дуга», изогнутая вверх, в мировосприятии древнего уральца ассоциировалась с видимой дугой движения солнца в дневное время. Тогда такая дуга могла иметь семантическое значение рекомендации двигаться к перевалу в сторону видимой солнечной дуги, т.е. в современном понимании – в южном направлении. По условию бинарной оппозиции дуга, изогнутая вниз, имела значение рекомендации двигаться в направлении, противоположном южному, то есть – в северную сторону. Со временем две такие дуги могли трансформироваться в круг, который обозначал движения и на юг, и на север. Таким образом, вероятно, солярные знаки в виде круга или дуги имели семантику, связанную с указанием обобщенного направления в южную или северную сторону. Следует особо отметить, что эти два направления (южное и северное) отвечают особенностям гидрографии среднеуральских рек восточного склона Урала. При переходе из одной крупной реки в другую, имеющих направление течения близкое к восточному, необходимо передвигаться именно или на юг, или на север.

На рисунке 2.102 представлены солярные знаки обобщенного направления движения, изображенные на среднеуральских писаницах. Прежде всего, следует отметить, что подавляющее большинство среднеуральских солярных знаков имеет различные дополнительные линии. Так, например, знак в виде дуги, изогнутой в верхней части, имеет на левом конце дуги две черточки, образующие угол (10 – Зенковская скала на р. Тагил; здесь и далее в скобках указан номер знака на рисунке 2.102). Одинарная дуга (17 – Змиев Камень, 29 – Соколынинские Утесы на р. Тагил) и две таких дуги, вложенные одна в другую (26 – Писаный Камень; 27, 28, 30 – Соколынинские Утесы на р. Тагил) имеют обрамления в виде маленьких боковых черточек. И в то же время на Писаном Камне (24 – на р. Тагил) солярная дуга не имеет такого обрамления. При этом все такие солярные знаки имеют одинаковую семантику: предлагают начать движение к перевалу в южную сторону. Знак 16 в виде трех дуг, имеющих изгиб в нижней части знака и вложенных друг в друга, изображенный на Змиевом Камне на р. Тагил, рекомендует отправляться на перевал в северном направлении. На среднеуральских писаницах имеются солярные знаки в виде окружности с обрамлением коротких черточек, расположенных на верхней части окружности (12, 13 – Балабанский Утес; 14 – Змиев Камень – на р. Тагил), а также на нижней части окружности (11 – Балабанский Утес, 25 – Писаный Камень на р. Тагил). Первые символизируют южное направление, а вторые – северное. Кроме того, имеются солярные окружности, обрамленные короткими линиями по всему периметру. (1 – Бородинская на р. Реж; 4 – Двуглазый Камень на р. Нейва; 6 – Балабан, 8 и 9 – Зенковская, 19 и 20 – Маскальская, 31 – Соколынинские Утесы – на р. Тагил). В этом случае, можно полагать, что такие солярные знаки допускают возможность движения в южном и (или) в северном направлении в зависимости от направления движения древнего уральца. На среднеуральских писаницах изображены также круговые солярные знаки, внутри которых размещены один или несколько крестообразных знаков (3 – Исаковская на р. Реж; 12 – Балабанский Утес, 22 – Писаный Камень на р. Тагил). Один солярный знак изображен в виде двух окружностей, вписанных друг в друга и соединенных между собой радиальными линиями (18 – Кирьяшевская на р. Тагил). И совсем оригинальный вид имеет солярный знак в виде двух вписанных окружностей, а внутри меньшей из них изображено животное, от спины которого нанесена вертикальная линия. При всем разнообразии второстепенных признаков все эти солярные круги и дуги передают информацию о том, в какую обобщенную сторону следует двигаться древнему уральцу – в северную или южную. Такая информация носит общий характер.

Задаю себе вопрос: на основании каких соображений древний человек наносил изображения именно на конкретную скальную поверхность? Рядом в отдалении находится множество других скал. А он выбирал именно ту, на которой и поныне красуются плоды его творений. Авторы работы [1.349] отметили тот факт, что выбор скальной поверхности на Старичной писанице на р. Нейве «показывает намеренность выделения участка пространства для создания писаницы... Рисунки Старичного Камня нанесены не на самых удобных для выполнения плоскостях, так как справа и слева есть более ровные и обширные участки». Следовательно, та плоскость, на которую древний уралец наносил знаки, была более предпочтительной по сравнению с другими, соседними. Указанное замечание археологов послужило отправной точкой для следующего моего предположения: азимут скальной поверхности писаницы определяет конкретное, более точное направление движения на перевал, ведущий в соседнюю долину. Древний уралец целенаправленно выбирал такую каменную плоскость, которая и указывала нужное направление. А последнее он мог фиксировать по углу относительно направления на восход солнца, которое, хотя и изменялось по временам года, но было относительно постоянно в течение непродолжительного времени. Фиксирование вышеуказанного угла древний человек мог производить визуально. Но, вероятно, он использовал и какие-то примитивные инструменты. Например, треугольник,

выполненный из камня или глины. Археологи находят большое количество таких архефактов. Если основание такого треугольника направить на точку восхода солнца, то линия, соединяющая середину основания и вершину противоположного угла, укажет направление движения. Именно такая логическая структура знака зафиксирована на среднеуральских писаницах. Так, например, на Шайтанской писанице на р. Реж изображен треугольник, на котором показана именно такая линия движения (12 на рисунке 2.101), а на другом треугольнике на этой же писанице такая линия движения нанесена чертой в нижней части треугольника. На Бородинской II писанице изображены два угла (треугольники без оснований) вписанных друг в друга, а на острой вершине внешнего угла нанесена стрелка, которая, судя по всему, указывает направление движения (6 на рисунке 2.101). На Писаном Камне на р. Тагил изображен знак в виде угла (треугольник без основания), а от вершины угла показана вертикальная линия (31 на рисунке 2.101). Благодаря скрупулезной и обширной работе уральских археологов (Широков В.Н., Чаиркин С.Е., Широкова Н.А., Чемякин Ю.П.) определены азимуты всех скальных поверхностей, на которых нанесены уральские писаницы. Поэтому можно на конкретных примерах проследить направления движения, задаваемых писаницами, азимуты скальных плоскостей которых известны. В последующих примерах я не вводил поправку на магнитное склонение, так как не известна его величина во время создания писаниц.

На Исаковской писанице на р. Реж изображен солярный знак в виде круга с вписанным в него крестом. Этот знак можно рассматривать как рекомендацию двигаться и в северном направлении. Азимуты двух скальных поверхностей с изображениями на этой писанице составляют 285 и 295 градусов. Такое направление приводит на р. Нейву, несколько выше района нейвинских писаниц.

На Шайтанской писанице на р. Реж среди многочисленных изображений ныне не удается обнаружить типовые солярные знаки. Вероятно, они не сохранились до нашего времени. Но на писанице имеются «перевальные знаки в виде треугольников и пилообразных линий, в том числе и виде двух треугольников, расположенных на общем основании (изображены на теле именуемой археологами «уточка»). Рисунки нанесены на 16 каменных блоках, азимуты которых изменяются в пределах 300 – 325 градусов. Такое направление соответствует долине р. Воронина, старинное название которой – р. Шайтанка, имеющей семантику – «толковая, желаемая», удобная для подхода к перевалу в соседнюю р. Нейва.

На Змиевом Камне на р. Тагил имеются солярные знаки в виде круга и дуги, выгнутой вниз, рекомендующей двигаться в северном направлении. Азимуты скальных поверхностей с такими знаками составляют 335 и 349 градусов. Такое направление приводит в Камбайхское болото и далее по рекам Камбайха, Пия и Салда – в р. Туру.

Таким образом, на среднеуральских писаницах обнаружен комплекс изобразительных элементов, укладывающихся в единую взаимосвязанную логическую цепочку, указывающую на наличие семантической системы знаков, несущей информацию с рекомендациями о передвижении в пространстве, из долины одной реки в другую. Выше показано, что такими информативными элементами являются «перевальные» и солярные знаки, а также азимуты скальных поверхностей, на которые были нанесены указанные знаки.

Итак, первый советский идеолог пояснений семантики уральских писаниц В.Н. Чернецов считал, что писаницы отражают коллективность мероприятий древних уральцев в области промысла (привлечение добычи в ловушки) и культа, связанного с обрядами календарного характера, весенним оживлением природы и идеей размножения. Среди современных исследователей, развивающих идеи В.Н. Чернецова, утвердилось единодушное мнение о том, что среднеуральские писаницы являются святилищами. При этом писаницы считаются «графической трактовкой мифов» с расширительным «религиозно-мифологическим толкованием и обрядом и культом». В целом, современные исследователи в качестве основы при осмыслении среднеуральских писаниц находят на духовно-религиозной платформе.

Как показано выше, в качестве альтернативы может быть дано иное семантическое объяснение, отражающее реальные и практические потребности древних уральцев. Суть объяснения заключается в том, что изображения на писаницах были информативными, а используемые знаки сообщали знания и рекомендации о путях передвижения через перевальные участки для перехода из одной реки в другую, соседнюю. В обобщенном виде среднеуральские писаницы были рукотворными указателями путей при перемещении в пространстве. В целом, весь комплекс среднеуральских писаниц, условно представляет некую своеобразную гигантскую древнейшую природную «географическую карту», на которой писаницы можно рассматривать в качестве реперных знаков, указывающих пути передвижения по региону.

Здесь я обязан высказать благодарность уральским археологам, исследующим среднеуральские писаницы, собравшим и опубликовавшим подробные описания писаниц. Без их материалов я бы не смог получить результаты по среднеуральским писаницам, изложенные выше.

Писаницы увлекли меня в мир наскальных изображений, распространенных практически по всему миру. Пришлось погрузиться в «океан» публикаций, рассказывающих о рисунках на скалах и отдельных камнях. Ознакомление с публикациями оказалось не простым. Название статьи и ее автора отыскать просто – по ссылкам в опубликованных работах. А отыскание текста статьи бывает нерешимой

проблемой. Дело в том, что обычно такие статьи опубликованы в узкоспециализированных малотиражных изданиях, которые отсутствуют даже в столичных библиотеках. Не помогает и интернет: там отыскиваются чаще всего только названия статей. Но, тем не менее, мой информационный багаж по писаницам постепенно увеличивался. Моя мысль о том, что писаницы были информативными указателями путей для наилучшего передвижения в обширных пространствах степей, лесов и гор, нашла подтверждение и в других районах России и Евразии в целом.

На среднеуральских писаницах значительное большинство изображений представлено одиночными фигурами, знаками и пр. Однако, на ряде писаниц (Коптелов Камень на р. Нейва; Шайтан Камень, Бородинская П, Раскатихинская, Сохаревская на р. Реж; Писаный Камень, Змиев Камень, Соколиный Камень на р. Тагил) имеются комплексные изображения (преимущественно знаки), состоящие из нескольких простых мотивов, соединенных между собой и имеющих вид своеобразных «цепочек». Среди таких фигур меня особенно заинтересовала писаница на «Двуглазом Камне», расположенном на р. Нейва, недалеко от города Алапаевска (см. рисунок 2.103, представленная по зарисовке Широкова В.Н. в работе [1.314]). Многие часы провел я за рассмотрением этого рисунка, пытаясь понять, что же хотел на камне изобразить древний уралец. Наконец, мое внимание привлекла «цепочка» знаков, представленная на рисунке 2.104 (по зарисовке Широкова В.Н.). Этот комплекс состоит из нескольких фигур [1.350]. В целом, изображение имеет вертикальную структуру. В верхней части расположена сдвоенная дуга, на концах которой имеются небольшие линейные отростки. Ниже находится подпрямоугольная фигура с несохранившейся левой частью, от которой также отходит несколько различных линий. Внутри этой фигуры находятся пятна вертикальной формы. Еще ниже расположен сдвоенный зигзаг с пятью коленами, в части углов которого имеются отростки.

Чернецов В.Н. [1.313] следующим образом интерпретировал рассматриваемое комплексное изображение. За основу своего пояснения он принял подпрямоугольную фигуру, считая ее изображением «оленья или косули». Двойные зигзаги он считал символом загоронок. А дугообразную фигуру, расположенную над животным, он трактовал как возможное изображение сторожевого лука. В целом, он рассматриваемый комплекс представлял как «в загородку вписанное изображение» животного, с идеей культа привлечения животного в ловушку.

Продолжая развивать идеи В.Н. Чернецова, авторы работы [1.314] зигзаги рассматривают в качестве водной стихии, символизирующей небесную реку, отождествляемую с Млечным Путем. Я разделяю мнение о том, что зигзаги отражают водную стихию (реку), но не могу согласиться с идеей переноса субстанции «реки» на космический уровень – на Млечный Путь. Ниже я принимаю, что зигзаг на среднеуральских писаницах в основном является обобщенным символом реки.

Мне известно шесть вариантов зарисовок рассматриваемого комплекса на «Двуглазом Камне». Три из них (Литуева, Д.Н. Эдингга и В.Н. Чернецова) приведены в фундаментальной работе последнего [1.313]. Еще две (Ю.П. Чемякина и В.Н. Широкова) приведены в работе [1.314]. И одна фотография находится в работе [1.319]. На всех шести рисунках общий вид изображаемой «цепочки» примерно одинаков, за исключением мелких деталей. Тем не менее, отмечу, что на более раннем рисунке Литуева в средней части изображена фигура, которую трудно отождествить с образом какого-либо животного. На всех других рисунках средняя фигура именуется копытным животным.

Однажды, может быть уже в сотый раз рассматривая рисунок 2.104, в голове мелькнула следующая мысль. Если зигзагообразная линия на рисунке – это река, то в каком же направлении она протекает. Учитывая вертикальную структуру изображения, можно принять, что истоки реки расположены в верхней части рисунка. С большой вероятностью возможно считать, что река – эта та самая река, на которой расположена скала с писаницей. Тогда, может быть, рисунок своеобразным способом отображает р. Нейву на участке выше скалы «Двуглазый Камень»? Так я пришел к мысли о сопоставлении рисунка с современным абрисом верховьев р. Нейвы. На рисунке 2.105 представлена современная схема р. Нейвы от истоков до писаницы «Двуглазый Камень» [1.351, с. 82 – 85, 104 – 105, 125]. Можно однозначно полагать, что древние люди, которые «написали» уральские писаницы не имели представлений о понятиях масштаба, измерении длины рек и азимуте. Для них опорными были некоторые характерные (реперные) участки реки. Скорее всего, среди них наиболее простым для восприятия и обозначения были резкие и значительные изменения направления русла реки или петли, в двух частях которых направления течения были близки к прямо-противоположным. Древние люди, скорее всего, на писаницах такие места отображали в виде одинарных или двойных зигзагов, по своей структурной логике отражающих именно разнонаправленное течение реки. Поэтому на рисунке 2.105, опирающемся на современную топографическую карту, прежде всего, отметим цифрами значительные и резкие изгибы реки. А затем, сопоставляя рисунки 2.104 и 2.105, последуем на них сходные места на рисунке писаницы. Точка 1 соответствует району нейвинских писаниц, расположенных компактно. Точка 2 располагается на значительной излучине реки, на которой отсутствует приток р. Нейвы, в соответствии с рисунком писаницы. Точка 3 приходится на устье р. Большая Леневка. Точка 4 накладывается на большую излучину, в районе которой расположены устья рек Березовка и Сусанка (старинное название Шайтанка), что на рисунке писаницы отражено двумя боковыми линиями. Точка 5 располагается в устье р. Ямбарка, что отражено боковой линией на рисунке писаницы. Точка 6 соответствует крутой излучине, в районе которой расположено устье р. Шайтанки, на рисунке писаницы

отраженной боковой линией. Точка 7 находится в устье р. Шуралки, в верховьях которой расположена точка 12, соответствующая развилкам в верховьях этой реки. Между точками 7 и 8 р. Нейва протекает по заболоченной местности, обозначенной пятнами, расположенными в подпрямоугольном контуре на рисунке писаницы. Практически все исследователи принимают этот контур за фигуру копытного животного. Думается, что этот контур с точками условно ограничивает район болот. «Брюхо» животного, о котором пишут некоторые авторы, скорее всего соответствует на современной карте знаку Шайтанского озера, которое через протоку и р. Шайтанку в этом месте соединяется с р. Нейвой. Прямолинейный участок р. Нейвы между точками 8 и 9 соответствует линии, соединяющей подпрямоугольный контур с дугообразной двойной линией на рисунке писаницы. Точка 9 находится в устье реки, вытекающей из озера Чигирского (так оно именовано в современном атласе Свердловской области, а в многочисленных публикациях называется Шигирским). Правая ветвь двойной дугообразной линии на рисунке писаницы соответствует долине озера Чигирского (между точками 9 и 11) с двумя притоками, а левая ее часть – верховьям р. Нейвы (между точками 9 и 10) с двумя истоками, имеющимися на местности.

Таким образом, сравнение комплексной «цепочки», изображенной на «Двуглазом Камне» на р. Нейве, с современной географической схемой этой реки на участке от скалы «Двуглазого Камня» до верховьев р. Нейвы показало, что рисунок писаницы с большой долей соответствия может быть назван древней схемой (картой) верховьев р. Нейвы. Взаимоотношение основных реперных участков нанесено на писанице достаточно правильно. Исключение составляет только участок между точками 6 и 7, на котором реально имеются два прямоугольных участка, расположенных почти под прямым углом друг к другу. А на рисунке писаницы участок между точками 6 и 7 показан прямолинейным.

На основе проведенного анализа сопоставления рисунка «цепочки» знаков на писанице и современной географической карты верховьев р. Нейвы можно сделать интересные выводы о том, как древний уралец воспринимал местность с протекающими по ней реками. Собственно реку он на писаницах изображал в виде двойной или одинарной линии. Реку с крутыми поворотами он рисовал в виде зигзагообразной линии. Сколько поворотов реки, столько и изгибов на зигзагообразной линии. В рассматриваемом случае, изображенном на писанице, пять резких поворотов реки соответствуют пяти изгибам зигзагообразной линии на писанице (точки 2 – 6). Потому можно предположить, что древний уралец владел основами счета.

Весьма своеобразно воспринимал древний уралец район болот (точки 7,8 и 12) на р. Нейве. Контур болотной местности он отобразил подпрямоугольной фигурой, на которой точки (пятна) символизировали собственно болото. Объединив подпрямоугольную фигуру с долиной р. Шуралки, древний человек отобразил всю такую местность контурным рисунком в виде животного (лося?), обозначив в виде двух рогов (точка 12) два истока р. Шуралки. Таким образом, древний уралец воспринимал и изобразил на писанице местность (в данном случае болотистую) в виде контура хорошо известного ему животного, т.е. болотистый участок местности он отобразил фигурой животного. Поэтому можно полагать, что мозг древнего уральца обладал способностью абстрагироваться и делать логические мыслительные операции, близкие к современному человеку.

В районе т. 8 древний уралец показал, что участок реки 8 – 9 связан с серединой спины фигуры животного, что абсолютно правильно отражает реалии местности: река входит в область большого болота, расположенного по обоим берегам реки, т.е. в середине болотистого участка.

Ситуация в районе точек 9, 10 и 11 также корректно изображена на рисунке писаницы: верховья р. Нейвы с долиной Чигирского озера образуют своеобразную дугу.

В целом, проведенный анализ «цепочки» знаков, изображенной на писанице «Двуглазый Камень» на р. Нейве позволяет сделать вывод о том, что древний уралец обладал развитым мышлением и использовал специальную систему знаков для передачи информации своим сородичам о характеристиках речных долин в виде своеобразной каменной «карты».

Писаницы – рубиновые жемчужины среднеуральских гор. Под стать им еще одна уникальная горная древняя особенность Среднего Урала – утюжки.

Археологи находят на Урале небольшие по размерам мобильные артефакты в виде изделий, имеющих плоское основание и чаще округленную или плоскую верхнюю поверхность. В плане они имеют в большинстве случаев подромбическую или близкую к прямоугольной плитчатую форму. Такие изделия изготовлены из мягкого каменного материала (тальковых, сланцевых, песчаниковых пород) или из глины. Все такие материалы легко обрабатываются, что и предопределило их использование для изготовления таких артефактов. Характерным признаком таких изделий является наличие на верхней поверхности поперечного (реже продольного) желобка-канавки.

Авторы статей по-разному именуют такие изделия: специфические каменные вещи [1.352], човники [1.326], челноки [1.353, 1.354], камень с желобком [1.355, 1.356, 1.357], гладилки [1.355], поделки из камня [1.357], плитка с канавкой посередине [1.358], изделие из камня или глины [1.359-1.362], точильный камень [1.363], брусок мыльного камня [1.364]. Но чаще всего их называют утюжками [1.354, 1.365-1.372]. В дальнейшем такие артефакты я буду именовать условно утюжками, вслед за основной массой современных исследователей.

По данным И.В.Усачевой [1.377] древнейшим центром изготовления утюжков был Ближний Восток (Северный Ирак, Западные области Ирана, юго-восточная Турция, Палестина, Иордания), откуда они широко распространились. Утюжки найдены на северо-восточном и южном побережье Африки, в Южной Европе и на обширных пространствах Евразии, от Молдавии до Монголии, включая Украину, Урал, Западную Сибирь, Алтай, Казахстан и Среднюю Азию. Временной интервал функционирования утюжков по мнению Усачевой – от протонеолита (мезолита) до эпохи бронзы (от X-IX до середины II тыс. до н.э.). Проблема утюжков давно интересует исследователей. На эту тему написано немало статей. Особо отмечу здесь работы Ирины Витальевны Усачевой [1.373-1.376], которая защитила диссертацию «Утюжки Евразии как исторический источник» [1.377].

По вопросу целевого предназначения утюжков исследователи высказывают различные мнения. Ряд авторов считают, что утюжки служили для выпрямления стрел, их калибровки и полирования [1.358, 1.380, 1.379]. Другие предполагают, что утюжки служили грузиками для металок копий и дротиков [1.326, 1.380, 1.381]. Существует мнение о том, что утюжки служили рыболовными грузилами [1.382]. Высказано соображение о возможном использовании утюжков в качестве маховичков лучковых сверл, применяемых для добывания огня путем сверления [1.354]. Предложено считать, что утюжки могли использоваться для растягивания ремней и изготовления веревок [1.379]. Известно предположение об использовании утюжков для разглаживания швов, неровностей и складок кожаных изделий [1.355]. Все выше изложенные мнения укладываются в сферу утилитарного использования утюжков.

Ряд других авторов считают утюжки предметами, связанными с культом и обрядами в духовной сфере. Высказаны соображения о том, что утюжки были символом женского начала. Соединение желобка утюжка со стрелой, как мужским символом, являлось ритуальным действием с идеей плодovitости [1.383, 1.384]. Высказано также соображение о том, что утюжки были знаками антропоморфной фигуры, где желобок маркировал сакральную границу в горизонтальной плоскости между верхом и низом [1.366]. При таком рассмотрении утюжки трактуются как схематические человеческие фигурки, часть которых можно определить как женские. Именно поэтому утюжки предложено рассматривать в виде знака матери/земли [1.385]. Высказано также мнение о том, что утюжки могли использоваться в ритуале приготовления сомы (по данным текстов Ригведы), фиксируя трансформацию культа плодородия по мере усложнения хозяйства [1.386]. Высказано мнение о том, что насечки, нанесенные на утюжках, являлись своеобразным календарем [1/479]. Сделано предположение о том, что утюжки могли являться специальным приспособлением для наблюдения за небесными телами [1.480], когда желобок утюжка использовался в качестве своеобразной направляющей, в которую укладывалась трубочка для наблюдения за небесными телами.

Наконец, высказано мнение и том, что утюжки выполняли две функции – и утилитарную и ритуальную [1.366, 1.387].

По данным Усачевой [1.377] к настоящему времени в мире найдено около 450 утюжков, в том числе на Ближнем Востоке – около 70, на Украине – 80, а на Урале – более 100. Массовые находки утюжков сделаны в горно-лесном Зауралье. При рассмотрении карты Урала с нанесенными на ней пунктами находок утюжков видно, что места их находок располагаются компактными группами. В верховьях р.Исеть и ближайших к ней реках обнаружено более полусотни утюжков. В примагнитогорском районе в верховьях р.Янгельки – 25 штук. В районе примиясских озер Аргази и Чебаркуль – около 30 штук. И ещё одна группа (10 штук) найдена на Андреевском озере в Зауралье. Обращает на себя внимание тот факт, что первые три (из перечисленных) группы утюжков тяготеют к горным участкам Главного Уральского водораздела, что может косвенно указывать на какой-то «горный» признак, присущий утюжкам. Я решил пойти по этой «горной тропинке» и посмотреть на утюжки с нетрадиционной точки зрения, приняв за основу гипотезу о том, что утюжки были какими-то материальными путеводными символами, облегчающими передвижение древнего человека по Уральским горам.

На Урале наиболее распространены утюжки ладьевидной и ромбовидной формы (см. рисунок 2.106, по данным Усачевой). Количество желобков на утюжке может быть различным – 1, 2 или даже 3. Глубина желобка и его профиль – также различны. Если рассматривать продольное сечение утюжка с одним желобком, то в обобщенном виде, не обращая внимания на относительную глубину желобка, оно (продольное сечение) соответствует графеме древнейшей согласной буквы М, сохранившей такое начертание до нашего времени в ряде современных языков, в том числе и в русском языке. В древних языках треугольник был символом горы. Некоторые современные исследователи поддерживают такое символическое значение треугольника [1.383, 1.385] Выше, а также в статьях [1.335, 1.336] показано, что на среднеуральских писаницах треугольник был «перевальным» знаком, символом рекомендуемым двигаться от писаницы к перевалу. На писаницах аналогичным символическим значением обладал и знак в виде ромба, представляющий собой два треугольника древнейшей графемы буквы М, но с совмещенными основаниями и с одним из треугольников, повернутым на 180 градусов. Ромбовидный знак на писаницах служил символом пути на перевал. Поэтому ромбовидная (в плане) форма утюжка также могла иметь перевальное значение. В продольном сечении типовой утюжок имеет стилизованную форму, подобную букве М, но только с наклоненными в разные стороны боковыми линиями.

В моей книге «Философия букв» [1.24] показано, что древняя согласная буква М в сфере речной номинации имела следующую семантику: река, по которой возможно удобно подняться до истоков, преодолеть перевал и надежно спуститься вниз по соседней реке. Или в иной форме: согласная буква М отражала «горный перевальный участок с прилегающими к нему верховьями двух соседних рек». Из сказанного следует, что М-образная форма утюжка, вероятно, была символически связана некоторым образом с идеей перехода по горному участку (хребет, цепь гор и т.п.). Ведь именно в районах горных хребтов и найдено большинство уральских утюжков. Тогда желобок (канавка) утюжка является символом перевала. А два боковых поднятия утюжка отражают две горы, между которыми и находится перевал. В итоге, в целом, утюжок, вероятно, был символом, знаком перехода на некотором отрезке пути.

Как же функционировали утюжки?

Думается, на том месте, от которого нужно было направиться в путь, должен был находиться какой-то знак. На писаницах такими знаками были треугольники и ромбы. В других случаях мог быть знак подобный утюжку. На Среднем Зауралье имеется большое количество скальных гранитных останцев. Они резко выделяются в ландшафте и просто отыскиваются. Поэтому, скорее всего, древний уралец решил именно на таких скальных останцах наносить знаки в виде утюжка. Можно полагать, что при этом древний уралец поступал следующим образом. Он находил продолговатый каменный останец, продольная ось которого соответствовала рекомендуемому направлению движения. И на таком камне вырубал поперечную канавку (желобок), имитируя тем самым утюжок. Два таких природных утюжка представлены на рисунках 2.107 и 2.108. Расположены они на северном краю скального массива в районе археологического памятника Вершина I на острове Каменные Палатки, находящегося на левом берегу р.Исети в районе озера Мелкого в 3 километрах от поселка Палкино. Более восточный из них археологи называют «Камнем с чашей». Однако, не требуется никакой фантазии, чтобы оценить этот каменный блок совсем в другом свете. Длина его – 2,4 м. Верхняя поверхность слегка поката к длинным боковым торцам, имеющим поперечные размеры 1,0 и 0,6 м. В средней части камня высечена «чаша» глубиной 0,2 м, которая практически пересекает камень поперек по всей верхней поверхности. По сути «чаша» является широкой канавкой. Тогда в целом весь каменный блок – это типичный утюжок, но больших размеров. Скорее его следует именовать большим утюгом или даже утюжищем. Второй, более западный, каменный блок также имитирует утюжок. Длина его 5,6 м. В средней части его (по длине) имеется поперечное углубление. И этот западный каменный блок имеет все основные признаки утюжка. На верхней поверхности его выдолблены три коротких (длиною 20-50 см) канавки, ориентированных по его длине. Учитывая вытянутую форму утюгов, а также продольные канавки, можно принять продольные оси утюгов за рекомендуемое направление движения. Азимут продольных осей рассматриваемых больших утюгов составляет 212-32 градуса. По близости от этих больших утюгов в юго-западном направлении находится большой валун (см. рисунок 2.109) длиною 4,3 м и шириною 2,3-2,9 м (в плане). На его верхней плоской поверхности имеется две чаши. Одна – большая: с размерами 0,7х1,5 м и глубиною 0,15-0,20 м. Другая – поменьше: с размерами 0,9х1,1 м и примерно такой же глубиною. Между чашами выбит углообразный знак. А сбоку малой чаши выбита канавка шириною 30-50 мм и длиною 0,7 м. Направление этой канавки, как и продольной оси всего валуна, составляет 212-32 градуса. В принципе такой валун аналогичен двум большим утюгам, описанным выше. Отличие состоит только в том, что валун имеет две чаши, которые продольными осями ориентированы поперек общей длины валуна. В этом случае можно считать, что чаши играют роль поперечных канавок типового утюжка. Вероятно, со временем, изображение поперечной канавки утюжка упростилось и трансформировалось в образ чаши. При этом сохранилось символическое содержание природного утюжка: продольная ось его указывает направление движения. Сказанное прекрасно подтверждается на местности. Если двигаться по азимуту 212 градусов, задаваемому продольной осью рассматриваемого валуна-утюга с двумя чашами, то, переправясь на правый берег р.Исети и преодолев небольшой болотистый участок, выходишь на каменные гряды так называемого Елового Мыса. Восточные концы гряд на Еловом Мысе заходят в заболоченный правый берег р.Исети. Таких гряд здесь – пять. Но вот удивительное совпадение! Азимут 212 градусов приводит именно к той гряде, на которой находится известный археологический памятник под названием Еловый Мыс. Здесь также имеются камни с чашами. А на соседних грядах каменные чаши отсутствуют. Отсюда, невольно возникает мысль о том, что валуны с чашами, т.е. природные утюжки, задавали необходимое направление целесообразного передвижения от одного такого обработанного природного знака к другому. Вероятно, так, двигаясь от одного камня с чашей к другому, древний путешественник использовал информацию об удобных путях перемещения по местности, оставленную на валунах и скальных останцах предыдущими поколениями людей. В итоге, природные камни с чашами древнему уральцу заменяли современную географическую карту. Дополнительно отмечу еще одну характерную деталь. Как же древний человек определял и фиксировал направление движения, задаваемое природными утюжками с чашами? Судя по всему, на первых стадиях познания архео-астрономии, древний человек направление нужного движения соотносил с точкой восхода солнца или направлением на Полярную звезду.

Итак, природные каменные большие утюги скорее всего были своеобразными указателями путей. А какую же роль играли мобильные маленькие утюжки, которые находят археологи? Вполне возможно,

что маленький утюжок изготавливался таким, что по форме и виду он соответствовал большому природному утыгу, что облегчало древнему уральцу отыскание природного утыга. Кроме того, многие маленькие утюжки имеют гравировки, содержание которых пока не удастся расшифровать. Возможно знаки гравировки содержат определенную информацию, облегчающую древнему уральцу отыскание нужного природного утыга.

В районе верховий р.Исеть, выше Верхисетского пруда, имеется большое количество каменных чаш. Они располагаются на отдельных каменных блоках, на скальных останцах, а порою сериями на вытянутых каменных грядах. Пожалуй, настоящим «чашевым царством» можно назвать Северские скалы. Расположены они в непосредственной близости от железнодорожной станции Северка, на восточной окраине одноименного поселка. Здесь находится три каменных гряды различной длины, вытянутых в направлении запад-восток. Если от небольшого стационарного здания пройти на восток около 150 м между крайней железнодорожной линией и ближайшим рядом домов, то около последнего дома, можно подняться на маленький холмик, наверху которого находятся каменные блоки. На них имеются четыре каменных чаши, расположенных на отдельных камнях. Наибольшая из них имеет диаметр около 800 мм и глубину 200 мм и расположена на самой высокой каменной плите (см. рисунок 2.110). Несколько севернее расположена средняя гряда. На ней имеется три каменных чаши. Еще севернее, за крайним рядом домов, возвышается самая длинная гряда, также ориентированная по направлению запад-восток. По всей длине этой гряды размещаются отдельные камни, группы каменных блоков и скальные останцы. И на них нанесен около десятка каменных чаш. Самая крупная из них имеет диаметр 1,4 м. Большая часть чаш нанесены на каменных блоках и плитах, которые имеют вытянутую форму и ориентированы по направлению запад-восток (см. рисунок 2.111). Таким образом, они представляют собою типичные природные каменные утюжки, которые содержат информацию о рекомендуемом направлении движения на запад, в конечном итоге в долину р.Чюсовы, или на восток, в долину р.Исеть, в районе утюжков, находящихся на Каменных Палатках, описанных выше. На этой северной гряде в крайней ее западной части возвышается группа скал, наверху которых расположена удивительная структура. Она представляет собою ровную площадку размером 2,5х9,0 м, по длинной стороне ориентированную в западном направлении. С трех сторон над площадкой поднимаются каменные стены высотой 3-4 м (см. рисунок 2.112). И только западная сторона остается относительно открытой. Наверху южной стены находится большой камень с малой площадью опоры, в результате чего создается впечатление что камень вот-вот упадет (см. рисунок 2.113). Примерно на середине площадки лежит плоский камень с размерами 1,3х1,8 м по длинной стороне ориентированный в западном направлении (см. рисунок 2.114). На этом камне выбита продолговатая чаша размером 600х700 мм. А от западного края чаши на камне выбита канавка также в западном направлении. В целом, три элемента обсуждаемого каменного комплекса – ориентирование всей площадки, срединного камня и канавки, отходящей от западного края чаши на срединном камне – содержат одну и ту же информацию: рекомендуют от этого каменного комплекса двигаться на запад. Такая информация подтверждается целым рядом утюжков, расположенных на северной гряде. Да и саму эту каменную гряду можно назвать природным мегаутыгом. Отыскав такую гряду с каменными утюжками древний уралец однозначно понимал, что дальнейший его путь должен продолжиться в западном направлении.

На Еловом Мысу также есть площадка, аналогичная вышеописанной на Северских скалах. Она также с трех сторон окружена высокими каменными стенами (см. рисунок 2.115). А открытая сторона также обращена на запад. Анализируя эти площадки, я нахожу им некоторую аналогию с классическим дольменом. Стоит только накрыть такую площадку сверху какой-нибудь плитой, а с торца поставить плиту с дырочкой, и получается типичный дольмен. Учитывая, что каменные «ящики» Северских скал и Елового Мыса открытой стороной обращены на запад и именно западное направление и отражали своей информативностью, можно предположить, что это западное направление древний уралец определял по положению солнца: в тот момент, когда в летний период солнце полностью освещало каменную стенку, противоположную открытой стороне каменного «ящика», в этом направлении «на заходящее солнце» и следовало двигаться далее. С этой точки зрения, по аналогии, можно предположить, что и классический дольмен играл подобную же роль: когда солнечный свет, проникая внутрь дольмена через отверстие во входной плите, освещал среднюю часть задней стенки дольмена, можно было зафиксировать положение солнца, в направлении которого и следовало направить свой путь (см. рисунок 2.116). Скорее всего, именно так и функционировали каменные «ящики» Северских скал и Елового Мыса. Для древнего уральца они, судя по всему, служили инструментом для определения рекомендуемого направления передвижения, т.е. своеобразным каменным компасом. Сочетание таких каменных «ящиков» с расположением каменных природных утюжков позволяло древнему человеку надежно получать информацию о целостном передвижении по незнакомой местности. Остается только изумляться способности древнего уральца, изобретшего такую надежную и эффективную систему ориентации на местности с учетом природных особенностей. Сказанное позволяет считать, что древний уральский путешественник уже в каменном веке обладал знаниями по ориентировке по странам света, фиксируемым по положению солнца в ходе его движения по дневной солнечной дуге.

В четырех-пяти километрах от Северских скал находятся Палкинские скалы, расположенные на гряде, идущей к западу от последних жилых домов поселения Палкино. В целом, гряда Палкинских скал

также имеет общее направление запад-восток. Но вот незадача: на Палкинских скалах нет ни одного природного утюжка, фиксирующего направление запад-восток. Есть один каменный природный утюжок. Но он фиксирует направление близкое к северо-восточному. Я долго не мог понять, почему на схожих по положению Северских и Палкинских скалах на первых имеется серия природных утюжков, а на Палкинских они практически отсутствуют. Но однажды я обнаружил поблизости от крайних западных Палкинских скал два огромных природных утюга, расположенных рядом друг с другом (см. рисунок 2.117). И тогда многое прояснилось. Оказалось, что они фиксируют совершенно другое направление, примерно юго-восточное, которое определяет направление, находящееся под углом около 45 градусов по отношению к западно-восточному протяжению Палкинской гряды. Поэтому древний уралец, чтобы не осложнять восприятие каменной информации своими соотечественниками, не стал формировать природные утюжки на каменных блоках Палкинской гряды, имеющей общее направление запад-восток. Несмотря на наличие каменных блоков, удобных для нанесения на них каменных чаш, древний человек решил не изготавливать на них фирменных чаш. Он нашел рядом два каменных блока нужного ему направления и на них изготовил чаши, оформив природные каменные утюги. Они расположены примерно в 300 м восточнее железнодорожной платформы Перегон и в 50 м севернее железной дороги. Более южный утюг имеет вид массивного каменного блока длиной около 12 м и шириной около 1,5 м при высоте блока 2,7 м (см. рисунок 2.117). Чаша на этом утюге имеет размеры 0,9x1,2 м при глубине 300 мм. Второй утюг отделен от первого каменным блоком длиной 4,5 м. Вслед за ним расположен северный природный каменный утюг длиной 16 м и средней шириной около 2 м (см. рисунок 2.117). На нем имеется поперечная канавка шириной 200 мм, а также чаша сложной формы общей длиной 1,7 м и переменной шириной 300-900 мм. Эта чаша соединяется с поперечной канавкой. Любопытен тот факт, что на южном утюге чаша расположена поперек утюга, а на северном – вдоль утюга. Азимут продольных осей обоих утюгов имеет примерно юго-восточное направление. С учетом выше изложенного становится понятным смысл одного знака, нанесенного на камне, находящемся в 1,5-метровой расщелине между двумя скалами Палкинской гряды. Знак этот имеет форму креста (см. рисунок 2.118). Тогда возможное его семантическое содержание можно описать следующим образом: следует далее двигаться не по направлению каменной гряды, а в поперечном направлении. Судя по всему, знак креста указывал на измененное, другое направление по сравнению с протяжением общей каменной гряды. А для определения этого более точного направления следовало отыскать поблизости природный утюжок, по которому можно было определить направление дальнейшего пути. Таким образом, крестообразный знак был изобретен и воспроизведен древним человеком ещё, вероятно, в каменном веке.

Далее вырисовывается удивительная ситуация.

Если пойти от двух больших природных Палкинских утюгов в юго-восточном направлении, то примерно через 4 км попадешь в район, расположенный на стрелке сближающихся друг с другом старого и нового Московских трактов. Здесь находится группа каменных чаш, расположенных на двух холмах. Один расположен в 1,5 км (в сторону Екатеринбурга) от переезда, соединяющего тракты и в 75 м севернее старого тракта. Ещё одним ориентиром для отыскания этого холмика является мост, по которому старый тракт пересекает маленький ручеек. Холмик с каменными чашами расположен примерно в 100 м от этого мостика (в сторону Екатеринбурга). Высота этого холмика небольшая – около 10 м. Холм имеет форму, вытянутую по направлению запад-восток. Вдоль по гребню холмика выстроились каменные останцы, а также группы камней или отдельные камни. На этой гряде удалось отыскать четыре природных утюга. Один из них представляет собою типичный каменный утюг (см. рисунок 2.119). На огромном камне размером 2,8x2,5 м находится чаша размером 1,0x1,2 м при переменной глубине 400-100 мм. Ещё три чаши располагаются на камнях таким образом, что почти касаются боковой стороны камня (см. рисунок 2.120). Любопытное каменное сооружение приведено на рисунке 2.121. Две глыбы камней, стоящих вертикально. Между ними – проход шириной около 1,5 м в верхней части. В нижней части проход представлен каналом шириной 0,35 м, со строго вертикальными стенками, носящими следы обработки. Не известно, кто же прорубил этот канал? И с какой целью? На этом малом холме обнаружен оригинальный камень (см. рисунок 2.122). На одной наклонной стороне камня, имеющей в плане размеры 3,0x3,0 м, расположена чаша с габаритами 1,0x0,5 м (на фотографии она расположена слева и заполнена сосновыми иголками). А на боковой стороне камня просматривается барельефное изображение лица какого-то существа: два глаза, между которыми расположен массивный продолговатый нос, а внизу – подобие рта. Однако, стоит только изменить направление взгляда, как фигура уже не проглядывается. Интересную каменную картину соорудила природа. А может быть – человек?

В целом, комплекс каменных чаш на малом холме имеет одну уникальную особенность. Гребень малого холма вытянут по направлению запад-восток. Но все камни, имеющие чаши, на этом малом холме ориентированы под небольшим углом к общему направлению гребня холма. Рядом находится большое количество других камней и останцев, ориентированных в различных других направлениях. А вот все камни с чашами имеют направление близкое к юго-восточному (117-126 градусов). Поэтому можно предположить, что древний уралец, который изготавливал каменные чаши, сознательно выбирал эти камни. Направление таких камней для него было особо значимо, ибо задавало направление последующего движения к следующим каменным чашам.

Недалеко от малого холма расположен большой холм (гора), на котором также находится комплекс каменных чаш. Примерно через 0,5 км (далее от Екатеринбурга) от мостика, указанного выше, старый Московский тракт пересекает просека с направлением север-юг. Если по этой просеке пройти в южном направлении, то тропка, идущая по просеке, вверх по склону, приводит на вершину большого холма, который впору называть горой. Вдоль по гребню расположены скальные останцы, на камнях которых находятся чаши. С макушки горы, через лесные прогалины видны у подножий горы проезжающие машины, по старому (на севере) и новому (на юге) Московским трактам. Два камня имеют по две чаши, а два камня – по одной чаше (см. рисунок 2.123). И вновь – удивительное совпадение: все камни с чашами имеют продольные оси по направлению примерно на юго-восток (117-135 градусов).

Таким образом, продольные оси камней с чашами на малом холме и горе около Московского тракта имеют одинаковые направления. Если пойдешь на северо-запад по этому направлению, то попадешь на камни с чашами, расположенными около железнодорожной остановки Перегон. А если пойти по этому направлению на юго-восток?

На карте я нанес юго-восточную линию от малого холма и горы около Московского тракта. И через примерно 26 км эта линия приводит в район железнодорожной станции Седельниково, на окружной железной дороге, по обе стороны которой находятся две горы. На них находятся... каменные чаши. Примерно в 500 м севернее железной дороги расположена невысокая гора, на вершинном гребне которой находятся скальные останцы. Если от крайних западных домов станционного поселения пройти по дорожке на запад вдоль железнодорожного полотна, то приходим в точку пересечения железной дороги с широкой просекой, по которой проложена линия электропередачи. Почти на западной грани этой просеки на небольшом скальном останце находится типичная каменная чаша (см. рисунок 2.124). На этой северной горе имеется еще три каменных чаши. Азимуты продольных осей таких камней с чашами полностью соответствуют направлению на каменные утюги, расположенные около Московского тракта (297-315 градусов).

Примерно в 500 м южнее железнодорожной станции Седельниково поднимается гора Высокая. На гребне горы расположены несколько высоких скальных останцев. На них также имеется 4 каменных чаши. Две из них имеют круглую форму (см. рисунок 2.125). Одна – вытянутой формы. И еще одна – сложной формы: круг в сочетании с боковым отростком. И снова азимуты продольных осей каменных утюгов с чашами составляют 135 градусов. Дополнительно отмечу, что на условной юго-восточной линии находится еще одна каменная чаша. Она расположена на небольших скалах, размещенных посреди бывшего торфяника, лежащего между южным окончанием Уктусских гор и вершин в районе железнодорожной станции Седельниково.

Если же от утюгов, лежащих около станции Перегон, направиться по азимуту примерно 315 градусов в северо-западном направлении, то приходишь на скалы Чертова Городища (см. рисунок 2.126). У подножия юго-западного склона горы на небольшой полянке лежит камень с чашей, расположенной на юго-западном конце камня. Продольная ось всего камня и чаши примерно укладывается на линию, соединяющую чаши около Седельниково, на Московском тракте и около железнодорожной станции Перегон. На самой высокой башне скал Чертова Городища, вершинная плита которой имеет такое же общее направление, имеется небольшая (диаметром 200 мм) и неглубокая (70 мм) чашечка. Кроме того, на вершинном гребне Чертова Городища между большой скальной стеной и скалами, расположенными западнее примерно в 100 м, находятся еще два камня с чашами. На одном размеры чаши 300x400 мм, а на другом 400x600 мм. И оба камня имеют вытянутую форму длиной 3,0 и 3,5 м соответственно с общим направлением около 315 градусов.

Более того, если от Чертова Городища пройти около двух километров примерно в северо-западном направлении, то выходишь на скалы, на которых имеются каменные чаши. На вершине плиты одной скалы – чаша круглая диаметром 1,1 м (см. рисунок 2.127). А на другой имеется три чаши, расположенных на продольном краю скального огромного блока, длиной около 10 м. Все эти три чаши имеют форму сегментов овальной формы (см. рисунок 2.128). Далее на север удалось отыскать немалое число каменных чаши. Примерно в двух километрах севернее Чертова Городища находится каменная гряда, на одной из скал которой, имеется каменная чаша продолговатой формы [1.481]. Неподалеку от Чертова Городища в сторону Уваловского кордона, рядом с идущей на него дорогой есть небольшая каменная гряда [1.482]. На самой высокой скале этой гряды находится каменная чаша.

Если выйти из электрички на остановке платформа 479 км, следующей после станции Исеть, то по утоптанной тропинке можно подняться на гору Петрогром. На ней находятся несколько каменных чаш разнообразной формы. Если от западной оконечности каменной гряды Петрогрома по каменистой дорожке, идущей примерно в юго-западном направлении, пройти около 1 км, то попадешь на невысокую каменную гряду. На ней имеются две каменные чаши [1.496]. Еще севернее, примерно в 6-7 км к западу от железнодорожной станции Аять, расположены Кырманские скалы. На них я обнаружил несколько каменных чаши. Примерно в 2,5 км южнее железнодорожной станции Таватуй на вершине безымянной горы на скальном останце находится каменная чаша. В 1,5 км северо-северо-восточнее скал Семь Братьев на скале, расположенной рядом с линией электропередачи, имеется небольшая каменная чаша. Около поселка Таватуй на горе с телевизионной вышкой имеется каменная чаша.

Самые северные каменные чаши, из известных мне, находятся на Шайтанском озере, расположенном в 4 км восточнее поселка Нейво-Рудянка. Длина озера - 2,4 км, а ширина – около 1 км. Максимальная глубина озера – 4 м. С юга в озеро впадают две небольшие речки Кедровки. А на севере находится исток из озера, который через 1 км соединяется с р. Шайтанкой, впадающей в р. Нейву. Берега озера в основном заболочены. Но к воде подходят сухие площадки на 7 скалистых мысах [1.483, 1.484]. Археологи на берегах Шайтанского озера обнаружили 20 археологических памятников различных эпох (подробнее см. [1.483]). На рисунке 2.163 представлен план Шайтанского озера, на котором показано расположение на нем археологических памятников [1.483]. На прибрежных скальных останцах, шиханах и скоплениях камней найдены около двух десятков каменных чаш. Ниже описание каменных чаш приводится в основном по материалам книги Серикова - Шайтанское озеро – священное озеро древности. На памятнике Каменушки-11, расположенном на восточном берегу озера, рядом с гротом, сложенным из гранитных валунов, находится массивная плита размером 10,8 х 6 м, на которой расположены 5 каменных чаш (см. рисунок 2.164). Центральная чаша овальной формы имеет размеры 1,1 х 0,6 м. Рядом находится чаша вытянутой формы длиной 3,6 м. Остальные чаши имеют размеры (1-1,8) х (0,3 х 0,6 м). Неподалеку на отдельных валунах находятся еще две одиночные чаши (см. рисунок 2.165). На западном берегу озера на Южном Шихане на шести отдельных валунах расположены чаши. В северной части озера на Шайтанском Шихане высотой 11 м, на его вершущке находится ровная каменная плита размером 3,7 х 1,3 х 1,1 м, на которой расположены 8 проточенных канавок длиной 25-35 см. Канавки направлены к двум углублениям размером около 0,6 м. Отмечу также, что на Шайтанском озере найдены 8 утюжков [1.480, 1.485, 1.486].

Напомню по вопросу о предназначении каменных чаш археологи высказывают различные мнения [1.373]. В.Д.Викторова считает, что в эпоху неолит-энеолит в чашах на вершинах гор древний уралец зажигал огонь, а в эпоху железа чаши служили основаниями печей или горнов для производства железа [1.487, 1.488]. По мнению В.Д.Викторовой происхождение каменных чаш антропогенное. К.В.Шимаковская полагает, что каменные чаши на валунах и скалах образовались естественным путем, так как около многих чаш шлаки отсутствуют [1.489]. Сериков Ю.Б. считает, что каменные чаши являются продуктами природного выветривания [1.483].

Археологи, исследовавшие памятники на Шайтанском озере, считают, что, если в названии географического объекта входит топоним Шайтан, то такие памятники являются культовыми святилищами [1.483, 1.490]. По мнению Ю.Б.Серикова «топоним Шайтан может являться индикатором археологических памятников культового значения» [1.483], а возможно, все Шайтанское озеро в древности имело сакральное значение. Однако, ранее мне удалось показать, что потамоним Шайтанка является искаженным мансийским словом Сайт-Танка, который можно трактовать как «толковая, ялаемая» река, удобная для передвижения по ней [1.454]. Таким образом потамоним Шайтанка не имеет никакого отношения к тюркскому слову шайтан 'злой дух, черт, дьявол'. На самом деле топоним Шайтанское озеро имеет смысловое значение – толковое, удобное.

По мнению Ю.Б.Серикова культовые объекты сочетаются с процессом освоения нового пространства, связанного с установлением новых границ, отделяющих свой мир от чужого, маркируемых помещением на новых границах «сакральных ценностей (погребений, кладов, произведений искусства, определенных изделий культового характера), которые являются оберегами, охранителями, апотропеями или жертвенными дарами» [1.483]. Сериков утверждает, что «освоенное пространство человек структурировал посредством выделения в нем сакрально отмеченных точек – священных мест» [1.491].

Далее отмечу, что совершенно справедливо А.К.Байбурун отмечает: «Чужое начинается там, где кончается свое», а дом, как место проживания, является «средоточием своего, освоенного мира» [1.492]. За многочисленные годы археологических исследований на Шайтанском озере не было найдено ни одного жилищного комплекса [1.483]. Поэтому, скорее всего, территория Шайтанского озера была для древнего уральца чужой, а не своей.

Тем не менее, я полностью соглашусь с мыслью, высказанной Сериковым, о том, что в древности «Шайтанское озеро в силу каких-то особых, пока неизвестных причин, обладало высоким семиотическим статусом» [1.483]. По моему мнению этот статус определялся и зафиксирован на Шайтанском озере каменными чашами. Думается, что каменные чаши на Среднем Зауралье имеют рукотворное происхождение. Они являются своеобразными путевказателями, маркирующими путь перемещения древнего уральца на большие расстояния [1.471].

Напомню, что на большой плите на памятнике Каменушки-II, расположенном на восточном берегу Шайтанского озера, находится пять каменных чаш (см. рисунок 2.164). Обычно на отдельном валуне с чашей продольная ось валуна задает направление движения древнему уральцу при передвижении вдоль Уральского хребта. На каменных плоскостях неопределенной формы направление «рекомендуемого» движения задается линией, на которой расположено несколько (две-три) каменных чаш. А на рассматриваемой каменной плите чаши расположены на первый взгляд беспорядочно. Поэтому можно предположить, что эти чаши имеют какое-то иное смысловое содержание. Рассматриваемая каменная плита в целом по продольной оси имеет направление близкое к юг-север. Сопоставление взаиморасположения чаш на плите с реальным размещением озер в районе Шайтанского озера дает интересные результаты. Центральную чашу 1 можно рассматривать как символ собственно

Шайтанского озера. Чашу 2, расположенную севернее центральной чаши, можно идентифицировать как Шигирское озеро. Чаша 3, находящаяся южнее центральной чаши, может служить прообразом озера Таватуй. Чаша 4, имеющая продолговатую форму, может соответствовать Аятскому озеру. Сложнее определиться с чашей 5, имеющей наименьшие размеры. Ныне в юго-западном направлении от Шайтанского озера на местности отсутствуют озера. Но, учитывая мнение К.В.Шимаковской, можно считать, что в древности существовало озеро в районе Попова острова, от которого в наше время осталось только болото [1.489]. Если моя такая гипотеза верна, то можно принять, что большая каменная плита с пятью чашами на памятнике Каменушки-II на Шайтанском озере является своеобразной каменной схемой (картой) расположения озер в верховьях р.Нейвы. Отмечу еще один интересный момент. В направлении с юга на север на подходе к Шайтанскому озеру находится несколько каменных чаш, «рекомендующих» продвижение на север:

- на вершине горы с телевышкой в окрестности поселка Таватуй,
- на скальном останце, расположенном между скалами 7 братьев и дорогой от Серовского тракта в поселок Таватуй.

Такие каменные чаши маркируют путь к Шайтанскому озеру. Непосредственно на Шайтанском озере найдено около двух десятков каменных чаш [1.483]:

- на памятнике Каменушки-I – две чаши и один следовик (практически тоже чаша);
- на памятнике Каменушки-II – 8 чаш;
- на Шихане на Просеке – 1 чаша;
- на Южном Шихане – 6 чаш;
- на Поповом Острове – 2 чаши;
- на Шайтанском Шихане – 2 углубления (чаши) [1.483].

Таким образом, на Шайтанском озере – скопление каменных чаш. А вот севернее Шайтанского озера до сих пор пока каменные чаши не найдены. Почему древний уралец перестал в более северных районах изготавливать каменные чаши? Думается, этому можно дать следующее пояснение.

Южнее Шайтанского озера каменные чаши маркировали пеший маршрут древнего уральца вдоль Уральского хребта по его восточному склону. И Шайтанское озеро служило северной конечной точкой этого трансуральского пути («дороги»). А далее древний путешественник предпочел передвигаться по водным маршрутам. Начальным пунктом среднеуральского водного пути стал исток из Шайтанского озера, соединенный с р.Шайтанкой, впадающей в р.Нейву. Для передвижения в более северные районы древний уралец стал передвигаться по рекам и использовать пешие переходы из долины одной реки в другую, соседнюю. И места таких пеших переходов он стал обозначать знаками на прибрежных скалах – писаницах, которые, как путеуказатели, заменили маркеры в виде каменных чаш. Ныне писаницы найдены на реках Нейва, Тагил, Тура, а также в более южных районах на реках Реж, Ирбит. Весьма примечателен тот факт, что на нескольких археологических памятниках Шайтанского озера найдены «карандаши» из охры [1.483], которыми древний уралец наносил изображения на среднеуральских писаницах. Таким образом, древний уральский путешественник трансуральский маршрут маркировал каменными чашами в южной части пути и писаницами на его северном участке. Где находилась южная точка такого мегамаршрута? Я находил каменные чаши в районе, расположенном около поселка Степное, несколько севернее города Магнитогорска (см. рисунок 2.166). Известный археолог Геннадий Борисович Зданович сообщил мне, что каменные чаши находятся в районе Аркаима. Мои знакомые туристы рассказали мне, что видели каменные чаши на междуречье Белой и Нугуша. Думается, что каменные чаши удастся отыскать и в более южных районах Урала, вплоть до Мурадымовского ущелья на р.Большой Ик, притоке р.Сакмары. Для любопытных краеведов поиск каменных чаш на Урале – огромное поле разысканий.

Таки образом, на примерно одной и той же линии от станции Седельниково, через Московский тракт, станцию Перегон, Чертово Городище, Петрогром, Кырманские скалы, поселок Таватуй и до озера Шайтанского располагаются каменные чаши. Такое расположение их – не случайно. Эти каменные чаши фиксируют древнюю «дорогу» древнего уральца. Он каменными чашами помечал направление удобного перемещения по незнакомой местности на большие расстояния.

От рассмотренного выше района на юг снова обнаруживаются каменные чаши. Мой интерес к поиску каменных чаш в более южных районах предопределил один такой камень, расположенный около станции Седельниково. Камень этот указывал направление, близкое к север-юг. Получив информацию о том, что на Шихане вблизи озера Аракуль имеются каменные чаши, отправился я на озеро Аракуль.

В 1,5 км юго-западнее поселка Аракуль, расположенного в северной части одноименного озера, поднимаются скалы Шихана (568 м). Каменная гряда его вытянулась по направлению север-юг и состоит из двух массивов, между которыми расположена перемычка поросшая деревьями и с цепочкой камней. Восточные откосы Шихана обрываются в сторону озера практически вертикально. А западные склоны горы более пологие и по ним проложена лесная дорожка, по которой можно со стороны железнодорожной станции Силач заехать на автомашине вплотную к скалам Шихана. На южном массиве высота скального откоса составляет 40-50 м, а на северном – около 80 м. Скалолазы, в большом количестве приезжающие на Шихан ползать по скалам, именуют северный массив – Скалодромом (см. рисунок 2.129).

На скальном гребне южного массива Шихана находится несколько каменных чаш. Одна из них расположена на камне с размерами 3,0x1,2 м и имеет округлую форму диаметром 0,4 м с отходящим от чаши желобком длиной 0,5 м и шириной около 20 мм (см. рисунок 2.130). Другая чаша имеет вытянутую форму с размерами 1,2x0,35 м, в которой растет молодая сосенка (см. рисунок 2.130). Третья чаша имеет округлую форму диаметром 0,8 м. Четвертая – аккуратной круглой формы диаметром всего 0,2 м (см. рисунок 2.131). Все эти камни с такими чашами ориентированы по одному и тому же азимуту – около 10 градусов, т.е. в северную сторону.

На северном массиве Шихана мне не удалось обнаружить каменные чаши. А вот на перемычке между северным и южным массивами чаши нашлись! Но обнаружилась необычная странность! Одна из чаш находится на камне ориентированном по азимуту около 10 градусов и имеет форму аналогичную чаше расположенной на гребне южного массива: круглая диаметром 0,6 м, имеющая отросток длиной 0,5 м в виде канавки шириной 20 мм (см. рисунок 2.132). А ещё два камня с чашами на перемычке имели по направлению совершенно другую ориентировку. На одном из камней имеются две чаши (см. рисунок 2.133). Одна чаша – округлой формы с размером 1,9x1,7 м. Высота стенок этой чаши по ее периметру различна: с одной стороны 0,5 м, а с противоположной – всего 0,1 м. Непосредственно в этой чаше растет большая сосна. Вторая чаша круглой формы диаметром 0,5 м и имеет канавку, направленную в сторону большой чаши с сосной (см. рисунок 2.133). В целом камень с этими чашами, большая чаша вытянутой формы и канавка малой чаши имеют направление по азимуту 100 градусов, т.е. под прямым углом к направлению всех предыдущих каменных чаш!. Если камни с чашами, расположенными на южном массиве, имеют направление север-юг, то камень с двумя чашами на перемычке расположен по направлению запад-восток! Как бы в подтверждение такого западно-восточного направления поблизости находится камень, расположенный непосредственно на краю скального обрыва (см. рисунок 2.134). На камне имеются два чашеобразных округленных вытянутой формы углубления, одна часть которых по периметру отсутствует, находясь на краю скального обрыва. При этом оси этих чаш имеют азимут 100 градусов. Таким образом получается, что часть камней с чашами рекомендуют двигаться по направлению север-юг, а другие камни с чашами – по направлению запад-восток. В итоге Аракульский Шихан – это своеобразный перекресток двух больших древних «дорог». Одна проходит вдоль Уральского хребта, а другая – поперек его!

От крайних скал северного массива Аракульского Шихана идет, круто спускаясь вниз, торная тропа, ведущая в поселок на озере Аракуль. Примерно на середине склона, на северном отроге Шихана, находится группа скал. Расположены они на расстоянии около 1 км от северного конца Шихана. Обычно эту группу скал именуют Малым Шиханом. На вершинном гребне находятся две большие чаши. Одна из них имеет диаметр 3,5 м. Глубина ее по периметру переменная: с одной стороны 0,9 м, а с другой – 0,4 м. Внутри этой максичаши растет березовый куст (см. рисунок 2.135). В обе стороны от этой чаши на боковой горизонтальной поверхности находятся несколько чаш: в одном направлении – три круглых чаши диаметром 0,8-1,0 м, а в другом направлении – две чаши диаметром 0,4-0,5 м. Все эти малые чаши как бы нанизаны на одну продольную ось, протянувшуюся по азимуту около 15 градусов, т.е. примерно в северном направлении.

Поблизости с вышеописанной максичашей находится еще одна большая чаша (см. рисунок 2.136). Она имеет округлую форму с размерами по осям 2,0x1,7 м. При этом одна часть периметра чаши отсутствует, так как чаша находится на краю скального обрыва. В этой чаше растет большая сосна. На Аракуле имеется симптоматическое сходжение каменных чаш с писаницей. Несколько ниже по восточному склону северного массива Аракульского Шихана находятся две скалы, стоящие перпендикулярно друг другу [1.493]. Между этими скалами – широкая сквозная щель. На южной стенке одной из скал имеется писаница (см. рисунок 2.137), на которой изображены два знака – линейный антропоморф и тектиформа. Здесь не могу не отметить соответствие одинаковой взаимноперпендикулярной направленности осей каменных чаш на Аракульском Шихане с аналогичным взаиморасположением двух упомянутых скал, на одной из которых древний уралец нарисовал писаницу. Азимут плоскости с писаницей 90-270 градусов, т.е. это направление совпадает с продольной осью двух камней с чашами на Шихане. И писаница и камни с чашами содержат информацию с рекомендацией двигаться в восточном направлении. Следовательно, на этом примере можно предположить, что камни с чашами и писаницы имеют одинаковое символическое содержание – содержат информацию о путях передвижения на местности.

Анализируя ситуацию, связанную с разнонаправленностью осей камней с чашами на Аракульском Шихане, а также совместность расположения таких камней с писаницей, я вспомнил, что на озере Большие Аллаки имеются скалы, на которых нарисованы писаницы. Поэтому мой дальнейший путь – на озеро Большие Аллаки: может быть там отыщутся и каменные чаши.

На озере Большие Аллаки имеются каменные останцы в двух местах. На западном берегу озера стоит большой каменный останец (см. рисунок 2.138). На этом камне когда-то была нанесена писаница, о которой археолог Петрин В.Т. писал: «Скальный навес, под которым были обнаружены изображения, может служить убежищем от непогоды. Разжигаемые здесь костры закоптили скалы и безнадежно испортили рисунки» [1.494]. Ныне, естественно, нельзя разглядеть даже красноватых пятен на этом

камне. Около камня лежит каменная плита. На ней имеются две неглубокие чаши. Продольная ось плиты имеет направление запад-восток, т.е. в сторону Аракульского Шихана.

На юго-восточном берегу озера Большие Аллаки расположены «каменные палатки» (см. рисунок 2.139). Находятся они в 30-40 м от береговой кромки озера. На двух останцах археологи обнаружили три группы писаниц (см. книгу Широкова В.Н. [1.493]). Современный вид одной из групп писаниц приведен на рисунке 2.140. Но самое интересное состоит в том, что на двух каменных останцах находятся чаши. На одном большом камне с размерами 6,5х3,0 м имеется три чаши (см. рисунок 2.141). Этот камень ориентирован по направлению запад-восток. Западное направление камня указывает движение в сторону Аракульского Шихана. На другом камне – также три чаши (см. рисунок 2.142), но на нем одна из чаш имеет канавку, идущую от средней чаши к обрыву камня. Этот второй камень ориентирован по направлению север-юг. Таким образом, на Аллакских останцах видно:

- совместное сосуществование писаниц и камней с чашами как разных способов передачи одной и той же информации о путях передвижения по местности;
- нахождение камней с чашами в одном месте, но характеризующих различные направления движения, отражая своеобразный перекресток путей.

А сейчас совместим сказанное о каменных чашах в районе от Екатеринбурга до озера Аракуль. Один из камней с чашей, находящихся около железнодорожной станции Седельниково, фиксирует направление север-юг. По рассказам моих знакомых туристов южнее, на горе Марков Камень, находится каменная чаша. По сообщениям туристов еще южнее, в районе гор Веселый Мыс и Храповская, на скальных останцах также имеются каменные чаши. Однажды, просматривая толстый том в читальном зале государственного архива Свердловской области, я обнаружил следующую запись: «Ник. Викт. Билевич из Красноуфимска сообщил, что на высоком обрывистом берегу оз.Айдыкуля между озерами Иткулем и оз.Каслями, есть чаша в большой гранитной плите, быть может искусственная» [1.495]. На современных географических картах я не смог отыскать озеро с названием «Айдыкуль». Скорее всего чаша находится где-то между озерами Иткуль и Аракуль. Но факт нахождения каменной чаши южнее озера Иткуль представляет несомненный интерес. А еще южнее – каменные чаши на Шихане около озера Аракуль. По данным в интернете и рассказам туристов каменные чаши находятся на Таганая, Тургояке, Зюраткуле и около Ахуново. Выше я упоминал, что каменную чашу я обнаружил еще южнее – около поселка Степное (см. рисунок 2.166), расположенном между городами Пласт и Магнитогорск, а Г.Б.Зданович рассказал мне, что каменные чаши находятся и в районе музея-заповедника Аркаим, т.е. южнее Магнитогорска.

Таким образом южнее Екатеринбурга примерно на одной долготе выстраивается цепочка каменных чаш: станция Седельниково, Марков Камень, Высокий Мыс, Аракуль, Таганая. С большой долей вероятности такие каменные чаши можно рассматривать как знаки-ориентиры единого маршрута, по которому древние уральцы передвигались вдоль Уральского хребта. Такая древняя трансуральская «дорога» имеет огромную длину. Я убежден в том, что на всех участках этой древней трансуральской «дороги» со временем будет еще отыскано немалое число каменных чаш.

Отмечу еще некоторые особенности каменных чаш. В ряде случаев, когда камень или поверхность плиты имеют неопределенную форму, то рядом с чашей вырублена канавка, которая фиксирует рекомендуемое направление движения. Такое сочетание чаша – канавка широко распространено на уральских чашах (см., например, рисунки 2.114, 2.130). И точно такое же сочетание чаша – канавка я встретил во Франции, в районе нахождения пещер с палеолитическими рисунками, в бассейне р.Везер. На вершине горы Suc-au-May (908 м), расположенной на западном краю Центрального поднятия, я обнаружил... маленькую каменную чашу (см. рисунок 2.167). Рядом с чашей нанесена канавка, которая направлена на другую, хорошо видимую вдаль, гору Mont Gargan, отстоящую примерно на 30 км. В настоящее время на вершине Suc-au-May смонтирована современная бетонная столешница, на которой устроена мраморная плита с указателями направлений на все окрестные горы. Вероятно на этом месте были расположены какие-то каменные валуны. На них также были каменные чаши, так как рядом из-под дерна торчат камни, на которых имеются каменные чаши. Тот валун с каменной чашей, который ныне сохранился, расположен в стороне, что и позволило ему остаться в неприкосновенности. Таким образом уральские каменные чаши и французская чаша имеют одинаковые структуры и семантику: они служили древнему человеку указателями направлений передвижения на местности. Приведу еще два примера. В abri Cap Blanc были найдены два утюжка, ныне хранящиеся во французских музеях (см. рисунки 2.168 и 2.169). Эти утюжки – фактическое подтверждение того факта, что утюжки использовались уже в палеолите.

У части каменных чаш имеется еще одна примечательная особенность. Некоторые каменные чаши не имеют полного периметра чаши. У них как бы обрублен один край. Такие чаши обычно располагаются на краю камней, валунов, обрывов (см. рисунки 2.128 и 2.134). Такие неполные чаши, по моим наблюдениям, располагаются в двух местах. Одно находится в районе между Чертовым Городищем и горой Матаихой. Здесь возвышаются в лесу рядом две скалы. На одной из них на краю верхней скальной поверхности расположены три чаши (см. рисунок 2.128), которые имеют форму сегментов овального вида. В другом месте, на Шихане, расположенном около озера Аракуль, находится аналогичная ситуация. На краю скального обрыва расположены две чаши, у которых часть периметра

отсутствует (см. рисунок 2.134). И тогда такие чаши с неполным периметром советуют двигаться в перпендикулярном направлении по отношению к направлению, рекомендуемому вытянутой формой камня или рядом расположенной канавкой. Весьма важным является то факт, что в этих местах чаши с неполным периметром рекомендуют двигаться поперек Уральского водораздела. На северном участке – поперечная дорога в направлении запад-восток, из бассейна р.Исеть в долину р.Пышмы. Можно предполагать, что в этом поперечном направлении также имеются каменные чаши, которые еще предстоит отыскать. На южном участке, на Аракульском Шихане, такие чаши с неполным периметром рекомендуют передвижение по направлению запад-восток, то есть поперек Уральского водораздела, из долины р.Маук с перевалом в бассейн р.Уфы. Если отправиться в поперечном направлении, на восток, то примерно через 30 км (по птичьему полету) приходим на озеро Большие Аллаки. На юго-восточном берегу озера также находятся на скальных останцах каменные чаши. В итоге каменные чаши с неполным периметром маркируют своеобразные перекрестки древних «дорог»: один путь идет с севера на юг, а другие «дороги» ведут в поперечном направлении, с запада на восток.

И еще одна особенность: совместное расположение каменных чаш и уральских писаниц. Укажу некоторые места:

- Каменные Палатки, расположенные в 3 км к северу от железнодорожной станции Палкино;
- Еловый мыс;
- Аракульский Шихан;
- озеро Большие Аллаки и др.

Высшая вершина Среднего Урала – гора Качканар (878 м). С юга она смотрится в форме массивного купола. Вершинная часть горы вытянута в направлении примерно на северо-запад. В северной и южной частях горы имеются два поднятия, на которых и между ними расположено немалое количество скальных останцев (см рисунок 2.143 статью [1.477]). На восточных склонах горы Качканар в огромных масштабах ведется добыча железной руды, из которой на горно-обогатительном комбинате получают титано-магнетитовый железорудный концентрат для использования в доменных печах, в том числе на Нижне-Тагильском металлургическом комбинате. Рудничные карьеры все глубже и выше вгрызаются в склоны горы Качканар. Можно предполагать, что в будущем на месте горы Качканар появится «дыра глубокая», как поныне видна обширная котловина на месте горы Высокой около города Магнитогорска. Качканарское месторождение известно ещё с середины XVIII века. В 1768 году заводчиками Ливинцову и Походяшину «от реки Иса по течению с правой стороны в пяти верстах» были отведены два железных рудника. Один назывался Магнитный, а другой Кескенарский. Название первого ныне сохранилось в орониме гора Магнитная, являющаяся реально северным отрогом современной горы Качканар. А имя второго сейчас соответствует четырем названиям: гора Качканар, город Качканар, Качканарское месторождение железной руды, Качканарский горно-обогатительный комбинат. Походяшинские отведенные рудники располагались «вдоль по горе в 4 1/2 верстах по поверхности горы Кескенару между сопками ... положение имеют между полдня и востока». Вся эта информация сохранилась во «Владельческих планах Богословских заводов (б.Походяшина)» [1.434].

Среди других среднеуральских вершин отмечу следующие горы: Белая (712м), Старик Камень (735м), Малиновая (633м), Азов (589м) и др. Описания их приведены широко в массовой литературе.

2.7. Южный Урал

Южный Урал был издревле заселен. Исследованиями археологов обнаружены местопребывания человека на Южном Урале в палеолитическое время. Найдены поселения человека каменного века. Многочисленны местопребывания древних уральцев бронзового и железного веков [1.356]. Краниологические исследования скелетов древних уральцев показали, что в те далекие времена на Южном Урале жили люди родственные современным манси и хантам [1.325]. Башкиры пришли на Южный Урал по одним данным в IV-VII вв н.э. [1.389], по другим – не позднее начала VI в [1.390], по третьим – в VII-IX вв [1.391]. В середине XVI в башкиры добровольно вошли в состав Российского государства [1.391].

Горы Южного Урала в морфоструктурном отношении имеют сложный вид. Вербицкая Н.П. [1.392] выделяет несколько горных структур:

- Главный Уральский водораздельный гребень представлен чередой горных хребтов: Юрма, Таганай, Уреньга, Уралтау, Крыктытау, Ирендык;
- Башкирское горное поднятие;
- Зилаирское плато.

Верхние участки водораздельного хребта, зачастую, имеют относительно выровненный характер с крутыми, обычно вогнутой формы, склонами. На вершинных гребнях располагаются скальные участки, окруженные нагорными террасами.

К западу от Главного водораздела располагается Башкирское горное поднятие, состоящее из большого количества хребтов, хребтиков и горных массивов, размещающихся веерообразно. Наиболее высокие из них, превышающие отметку 1000 м (Ямантау, Ирмель, Зигальга, Машак, Нары и др.), на верхних участках имеют каменные россыпи, курумы, спускающиеся вниз по склонам до подножия. На

некоторых хребтах встречаются циркообразные углубления, похожие на кары. Типичные кары имеются на р.Евлахты, стекающей с хребта Зигальга и впадающей в р.Юрюзань. Поэтому некоторые исследователи считают, что когда-то ледники были и на Южном Урале. Низкогорные хребты Башкирского поднятия (Белягуш, Зильмердак, Ардакты, Калу, Алатау, Юрма, Базал и др.) имеют сглаженные залесенные вершины. На некоторых из них располагаются скалистые останцы. Особую необычную структуру представляет перидотитовый массив Крака (Северный, Средний и Южный). Все отроги Крака сильно расчленены и имеют узкие гребни, северные склоны которых залесены, а южные – безлесны. На гребнях находится множество скальных останцев.

На высоких горах Южного Урала ярко выражена высотная поясность [1.169]. На самых высоких участках гор располагается горная тундра. Ниже – лиственные редколесья. Ещё ниже – пихто-еловые леса. На восточных склонах в южной части Главного водораздела далее следуют остепненные леса и горная лесостепь, переходящая в горную степь. В западных районах Южного Урала ниже пихто-еловых лесов произрастают дубовые криволесья и широколиственные леса.

Зилаирское плато сильно расчленено. Глубина врезания рек достигает 200 м. На плато поверхности междуречий, особенно в южной части, имеют небольшую ширину и извилистые очертания. Здесь располагаются уникальные участки высокотравных горных лугов с пышным разнотравьем и обильными цветоносами.

Высотные отметки гор Южного Урала начали определяться в первой трети XIX века [1.241]. Ныне наивысшей вершиной Южного Урала считается гора Ямантау (1640 м), расположенная недалеко от города Белорецка. Начиная с последней четверти XVIII века, в район горы Ямантау пробирались многие естествоиспытатели: Георги – в 1775г, Герман – в 1789г, Гофманн и Гельмерсен – 1828-1829гг, Барбот де Марни – в 1859г, Чернышов и Краснопольский – в 1882-1885гг. Однако, по мнению Красильникова Ф.С. никто из них не поднимался на высшую точку горы Ямантау [1.393]. В 1904 г Красильников из Верхнего Катава пробрался в верховья р.Юрюзани и поднялся на вершину горы Ямантау. Справедливости ради отмечу, что ранее его на горе Ямантау в 1896 г побывал Меч А. [1.394].

Реки Южного Урала несут свои воды либо в Каспийское море (через реки Белую и Урал на западных участках гор), либо в Северный Ледовитый океан (через р.Тобол на восточном склоне Уральского хребта). На Южном Урале расположены прекрасные горные озера. Среди них отмечу три, в водах которых мне удалось поплавать. Примерно в 12 км к востоку от города Карабаша расположено озеро Увильды (см. рисунок 2.144). Оно находится у подножия Уральских гор на высоте 272 м. Озеро имеет большие размеры – площадь зеркала воды составляет несколько более 70 км². Максимальная глубина озера – 39 м. Вода в озере – весьма чистая и просматривается на глубину до 10 м. На озере расположено несколько островов, наибольший из которых – Голодай – имеет условный диаметр около одного километра. Большая часть береговой линии озера покрыта сосновым и смешанным лесом. По берегам озера ныне расположено большое количество баз отдыха и дачных поселков.

Озеро Тургояк расположено в окрестностях города Миасс, на высоте 317 м (см. рисунок 2.145). На западном берегу озера находится полуостров Веры, на котором расположено два мегалитических каменных сооружения из эпохи позднего бронзового века [1.395], вырубленных в скальном грунте и перекрытых массивными каменными плитами. Длина сооружений – 18 и 8,5 м.

Третье озеро – Зюраткуль – расположено на высоте 724 м. Оно является самым высокогорным озером на Южном Урале. В настоящее время озеро подпружено плотиной на р.Большая Сатка (см. рисунок 2.146). При плотине – поселок, в котором расположены туристский приют и база отдыха. Здесь же находится и небольшой зверинец. Озеро практически со всех сторон окружено горными хребтами (Уреньга, Лукаш, Малый Москаль и Зюраткуль). В районе южной оконечности озера находятся Зюраткульские Столбы. На склоне горы Голая Сопка (1056 м) расположена огромная каменная стена, высота которой 30-50 м. В стене имеются огромные вертикальные ребра и столбы.

На Южном Урале найдены наскальные писаницы, аналогичные среднеуральским. Подробное описание их приведено в работе [1.317]. Писаницы обнаружены на трех южноуральских озерах (Большие Аллаки, Аракуль, Аргази), но количество изображений на них незначительно. По две писаницы находятся на реках Уфа, Зилим, Белая. Большинство южноуральских писаниц размещаются на двух соседствующих реках на западных склонах Урала – Ай (9) и Юрюзань (10).

На р.Ай восемь из девяти писаниц размещаются на отрезке реки между поселениями Кулбаково и Кульметово (удивительное совпадение первых частей названий этих поселков!). И только Метелинская писаница находится в удалении. Аналогичная картина наблюдается и на р.Юрюзань: девять из десяти писаниц расположены на небольшом участке между городом Усть-Катав и селением Малояз. Лишь Сабакайская писаница находится на более нижнем участке течения реки. Но самое удивительное состоит в том, что оба эти участка рек Ай и Юрюзань расположены там, где русла этих рек максимально сближены друг к другу. Выше, рассматривая писаницы Среднего Зауралья, было показано, что писаницы располагаются компактно в местах удобных переходов из долины одной реки в другую. Именно такая ситуация зафиксирована на южноуральских речных писаницах: в местах, наиболее сближенных между реками Ай и Юрюзань, археологи обнаружили писаницы. В таком районе Ай и Юрюзань сближаются: расстояние здесь минимальное и составляет около 30-35 км. А далее долины этих рек удаляются друг от друга.

В рассматриваемом междуречье Ай-Юрюзань возможны удобные перевальные пути по нескольким речным маршрутам:

- по р.Лаклы (приток р.Ай) и р.Минка (приток р.Юрюзани), расстояние около 35 км;
- по р.Сикияз (приток р.Ай) и р.Мягкий (приток р.Юрюзани), длина пути около 34 км;
- по р.Улуир (приток р.Ай) и р.Вязовка (приток р.Юрюзани), расстояние около 32 км.

Возможен ещё один, более длинный вариант: по р.Каменке (приток р.Ай) – вспомним, что согласная буква М в названии реки рекомендует двигаться именно по такой реке, - с двумя перевалами, сначала на р.Салаиз (приток р.Улуир), а затем на р.Сильга (приток р.Юрюзани).

Не могу не отметить ещё одну удивительную особенность рассматриваемых писаниц. Кульметовская писаница на р.Ай является самой нижней по течению реки. А Усть-Катавская писаница – самая верхняя по течению р.Юрюзани. Выше было показано, что древний уралец сознательно выбирал скальные плоскости, для нанесения писаниц: направление плоскости соответствовало рекомендуемому направлению движения. Азимут плоскости Кульметовской писаницы равен $230-50^{\circ}$. А азимут двух плоскостей Усть-Катавской писаницы составляют $40-220^{\circ}$ и $65-245^{\circ}$, что равно средней величине $232,5-52,5$ град. Удивительнейшее совпадение! Древний уралец на Кульметовской и Усть-Катавской писаницах так пунктуально выбрал скальные плоскости писаниц, что их направления в пространстве междуречья Ай-Юрюзань практически совпадают. Ай да умелец каменного или бронзового века! Четко спланировал он переход длиной более 30 км между двумя реками.

В плане четкости и однозначности информации о переходе из долины р.Ай в долину р.Юрюзани классическим является изображение на верхнее-Лопасской II писанице (см. рисунок 2.147). На скальной плоскости изображены два антропоморфа, а между ними показан типичный знак перевала – два треугольника, расположенных на общем основании, символизирующих две горы и перевал между ними. Один из человечков, расположенный повыше, смотрит эдаким подбоченившимся бодрячком. А другой, нижний, после прохождения перевала устал и прилег отдохнуть. Так можно в психологическом плане оценить рассматриваемый рисунок. Выходит действительно древний уралец был не лишен чувства юмора.

В долинах рек Ай и Юрюзань существует большое количество пещер [1.402]. Их, несомненно, использовал для стоянок древний человек, который передвигался по этим рекам. Однако, только около некоторых пещер он оставил изображения, с помощью которых он передавал своим сородичам информацию об удобных путях передвижения по местности. Уникальный пещерный комплекс находится на р.Ай около деревни Сикиязтамак. Здесь река делает крутую петлю с тремя резкими поворотами, огибая огромные по высоте 75-метровые скалы отрогов хребта Туй-Тебе, возвышающихся на правом берегу реки (см. рисунок 2.148). Здесь на расстоянии 425 м расположено 42 карстовые полости и пещеры, гроты, скальные навесы, арки и даже каменный мост [1.403]. Это настоящий пещерный город! В пещерах найдено огромное количество костей различных животных, включая мамонта, пещерного носорога, бизона и даже льва. В дальнем зале пещеры Сысоева (сквозная Сикиязтамакская) были обнаружены черепа пещерных медведей. Исследования Сикиязтамакского пещерного комплекса более 15 лет проводятся под руководством В.И.Юрина [1.404]. В 14 пещерных комплексах найдены следы пребывания древнего человека. В одной из пещер найдена кость мамонта. Радиоуглеродный анализ ее, выполненный в Оксфордском университете в Англии, дал очень древнюю дату – более 57 тыс лет. Рядом с этой костью лежал обработанный камень. Поэтому, скорей всего, кость мамонта принес в пещеру человек. Следовательно, Сикиязтамакскую пещеру уже в эпоху палеолита посещал древний уралец.

Сикиязтамакский пещерный город находится на расстоянии менее 10 км ниже по течению р.Ай от Кульметовской писаницы. Можно предположить, что древний уралец, сделавший изображения на Кульметовской писанице, делал стоянку в Сикиязтамакских пещерах. Но на скалах пещерного города пока не удалось обнаружить писаницу. То ли древний умелец не смог найти на сикиязтамакских скалах необходимой скальной поверхности, соответствующей направлению движения в сторону р.Юрюзань, то ли сделанная им писаница не сохранилась до нашего времени.

По состоянию на 2005 г Юрин В.И. обнаружил на Южном Урале более 1500 пещер, в том числе 39 пещерных городов. По его мнению на реках Ай и Юрюзань «через каждые 200-400 метров имеется какая-нибудь пещера, удобная для использования» [1.404]. Поэтому, при передвижении по этим рекам древнему уральцу была обеспечена ночевка в природных древних «гостиницах».

Высшая вершина Южного Урала, гора Ямантау (1640м) окружена высокими хребтами. На северо-восток протянулись хребты Машак (1683м) и Кумардак (1354м), расположенные по обе стороны верховий р.Юрюзани (подробнее см. статью [1.474]). К югу от Ямантау расположился ряд небольших хребтиков (Белягур, Юша, Карагас, Маярдак) и отдельных вершин (Караташ, Суяма, Колпак, Шикташ, Черная и др.). Горный массив Ямантау размещается между верховьями рек Малый (на западе) и Большой (на востоке) Инзер. Вдоль правого склона долины р.Малый Инзер громоздится хребет Нары (1327м), оштетинившийся многочисленными выходами скал(подробнее см. статью [1.475]).

Гора Ямантау имеет две куполообразные вершины, разделенные широким перевальным понижением. Высшая из них – северо-западная – представляет собой крутой массивный купол (см. рисунок 2.149), крутизна которого на некоторых участках достигает 30 градусов. На вершине – плато с

каменными россыпями и группой небольших скальных останцев. На макушке горы – бетонная вертолетная площадка и развалины деревянного строения.

На гору Ямантау я поднялся зимой 1956 г в составе студенческой группы физико-технического факультета Уральского политехнического института. Вначале мы четвером, включая двух девушек, прошли на лыжах от города Сатки до села Александровки, расположенной на р.Юрюзань. Здесь в то время проходила узкоколейная железная дорога, соединяющая города Белорецк и Катав-Ивановск. Здесь к нам присоединились ещё наши друзья. Новый год отпраздновали в охотничьей избушке, приютившейся на берегу в верховьях р.Юрюзань. Отсюда мы перевалили через хребет Машак и пришли к жилому охотничьему поселению, расположенному в верховьях одного из левых притоков р.Малый Инзер. Расположились в пустующей избе, которую нам любезно предоставили хозяева – семейная пара. Речка, на которой стояли три домика, вверху имела развилку, обе составляющих которой располагались на северном склоне Ямантау. Вышли по-утру. На лыжах легко поднялись на северное плато, здесь лыжи оставили. И пешком поднялись на высшую точку Ямантау. К сожалению, вся округа была затянута тучами. Дали не просматривались. Вернувшись к домикам, мы с радостью обнаружили, что любезные хозяева натопили баньку. И мы с большим удовольствием попарились. Вспоминаются острые ощущения: с жару-пару в снег и обратно в баньку. Оказалось: наибольший эффект чувствуется не при переходе от тепла в холод, а, наоборот, из холода в жару. В этих процедурах особенно отличался своими рычаниями и дикими воплями наш заводила Юра Пермяков, который, позднее, долго жил и работал в Эстонии и много путешествовал по Советскому Союзу.

Вспоминается ещё одна моя отчаянная попытка подняться на Ямантау... с велосипедом. Втроем, с супругами Гоголевыми, мы из Белорецка прокатили через Тирлянское. В верховьях р.Большой Инзер взобрались на каменистый гребень в южной части хребта Кумардак. Поставили палатку. Воды нет – обошлись запасами в бутылках. Перед сном обсуждали варианты восхождения на Ямантау. Утром все наши планы рухнули. Стояла половина сентября. Проснувшись, мы огорчились: за ночь выпал снег – все окрестности засыпало слоем около 200 мм. Пришлось возвращаться в Белорецк (см. рисунок 2.150).

Гора Ирмель – вторая по высоте вершина Южного Урала (1582м). Расположена она в междуречье верховьев р.Белой и долиной р.Юрюзань в районе поселка и одноименной речки Тюлюк. Вершина имеет куполообразную форму. На верху горы – плоское плато. Высшая точка находится на небольших разрушенных скалах. Здесь установлен тур (подробнее см. статью [1.464]). Гора имеет два отрога. Один тянется на северо-запад и через 5 км заканчивается горой Жеребчик (1183м). Другой отрог, в виде изогнутой дуги, отклоняется в юго-западном направлении. На этом отроге расположена гора Синяк (1067м). В северном направлении от Большого Ирмеля на расстоянии около 4 км находится Малый Ирмель. Между ними расположена седловина, поросшая редким криволесьем. Малый Ирмель представляет собою безлесное каменистое поднятие, вытянутое в направлении запад-восток, на котором расположено 5 сопков, увенчанных каменистыми скальными останцами [1.413].

На горе Ирмель мне довелось побывать и летом и зимой. На лыжах из поселка Тюлюк, расположенного в долине р.Юрюзань у подножия северо-западного отрога горы Ирмель, мы без проблем поднялись непосредственно на макушку горы по санному следу, идущему почти до самой вершины. Накануне проехали охотники: остался лошадиный санный след. По нему шли как по торной лыжне. Спуск с горы оказался весьма эффективным. Санный след имел вид канавы, глубиной около полуметра. По этому снежному желобу катились мы все время вниз около 15 км. До самой деревни. Несколько раз пришлось останавливаться – при спуске сильно напрягаются ноги и им требовался отдых.

Летний подъем на гору Ирмель я совершил вдвоем с моим лучшим другом Юрием Гоголевым. Я с ним не один десяток лет проработал в одном исследовательском институте. Вместе совершили не один десяток путешествий по разным местам Советского союза. На этот раз мы ехали на велосипедах по маршруту Магнитогорск – Сатка. Подъехать к горе мы решили по пути, которым 24 июля 1888г на Ирмель совершил поездку Мамин-Сибиряк.

Готовясь к нашей поездке я отыскал две публикации Мамина-Сибиряка. Одна («Гора Ирмель») напечатана в 1894г в сборнике «Землеведение», издававшемся императорским обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии в Москве [1.408]. Другая напечатана в 1955 г в сборнике «Южный Урал» в Челябинске [1.409]. Оба маминских очерка описывают одно и то же событие – поездку на гору Ирмель. Но по структуре и по используемым литературным приемам они абсолютно разные. Очерк «Гора Ирмель» в московском сборнике носит географический характер, а челябинский очерк «Поездка на гору Ирмель» - типично художественное произведение, объем которого в 3,5 раза больше московской публикации. В государственном архиве Свердловской области мне удалось отыскать авторскую рукопись челябинского очерка [1.410]. В рукописи имеется авторская пометка о том, что очерк написан в сентябре 1888 г, т.е. около двух месяцев спустя после поездки, по свежим впечатлениям. Мамин-Сибиряк считал, что «миновать такую гору как Ирмель, было невозможно» по той причине, что «мы, русские, несем справедливый упрек в незнании своего отечества, и нужно было снять хоть часть такой вины». Я вынужден в след за Маминым-Сибиряком признать, что и в начале XXI века высказанный им такой упрек остается не только справедливым, но и актуальным, вероятно, в ещё большей степени. Впервые о существовании горы Ирмель Мамин-Сибиряк услышал ещё студентом, лет за 15 до подъема на гору, из уст старичка – золотодобытчика во время плавания на пароходе по р.Каме. С

той поры подняться на гору Иремель для Мамина-Сибиряка было «давней мечтой». Он проделал следующий путь на Иремель. Из села Кирябинского на бричке проехал мимо деревни Новохусаиново и, не доезжая Байсакалово, остановился ночевать на берегу р.Белой. Затем с проводником-башкиром на бричке перевалил через хребет Аваяк и спустился в верховья р.Тыгын. Здесь у подножия горы Малый Иремель оставил телегу. Далее верхом на лошади поднялся на седловину между Большим и Малый Иремелем. Затем пешком взобрался на «Кабан» Большого Иремеля.

Ровно через 100 лет после подъема Мамина-Сибиряка на Иремель мы встали на его «тропу» в Кирябинском. Легко прокрутили на велосипедах мимо Новохусаиново. И не доезжая Байсакалово, по правой своротке дороги перебрали через мокровину с малюсеньким ручейком. Это был один из истоков большой р.Белой. Затем наш путь – в гору. Пешком. С велосипедами в руках. Вершинный гребень хребта Аваяк порос лесом. Здесь отыскивали ридничок. Около него стоит памятный знак – гранитная плита высотой 2 метра, на которой укреплен металлическая плита с текстом: «Здесь берет начало самая большая река Башкирии Белая (Агидель)...». Тут и заночевали. Играли в шахматы до тех пор пока перестали различать коня от ладьи. Наутро поднялись на перевал и скатились на велосипедах по дорожке в верховья р.Тюлюк. А далее по заросшей тропинке, неся велосипеды на плечах, пробрались к северному подножию Малого Иремеля, где и заночевали на одном из многочисленных ручейков, сбегаящих по каменистому склону горы. Наутро пошли вверх. Крутой таежный склон. Густотравье. Каменные россыпи – курумы – как каменные реки. Через 2 часа выходим к границе леса. Выше идем по травянистым участкам. Все выше и выше. Вершина Иремеля – плоское плато, на котором стоят группы скал (см. рисунок 2.151). На Малом Иремеле – также небольшие холмы со скалами. На одной из них мы оставили записку, в которой написали, что даем этой вершинке имя «Мамин-Сибиряк» [1.411, 1.412].

На Южном Урале я совершил несколько велосипедных путешествий. В горах приходится ехать то вверх, то вниз. Вверх – тяжелая и нудная работа. Вниз – скорость, свист ветра в ушах и... дымящиеся тормозные колодки. И при этом – удовольствие. Пожалуй, самым длинным спуском, на котором мне пришлось побывать, был склон на участке дороги Бакал-Сатка. Сначала 4-х – километровый спуск от Иркускана до Бакала. А затем прямехонькая дорога длиной около 10 км от Бакала до моста через р.Малая Сатка. На таком спуске перепад высоты составляет около 450 м. На такой дорожке устают не ноги, а руки, которые непрерывно жмут на тормоза. Но – удовольствие полной мерой.

На Южном Урале, пожалуй, самой известной вершиной является гора Таганай. Расположена она в нескольких километрах к северу от города Златоуста. Точнее это не отдельная вершина, а целый хребет, именуемый «Большой Таганай», вытянутый в направлении ЮЗ-СВ. В хребте выделяются пять вершин. Самая южная из них – Двуглавая Сопка – расположена в 6 км от города Златоуста. Её южная вершина имеет высоту 1034м. На ней расположены скалы разнообразной формы. Вторая, северная, высотой 1041 м имеет форму дугообразного гребня. Ее склоны имеют террасы и покрыты каменными россыпями. Встречаются скальные стенки. На юго-западном склоне южной сопки находится крупный останец, именуемый в среде туристов Скалодром, представляющий собою почти вертикальную зубчатую стену высотой около 40 м. На юго-восточном склоне Двуглавой Сопки имеется источник, именуемый Белый Ключ, около которого расположен туристский приют «Белый Ключ». Отсюда в сторону южной сопки ведет стальная лестница, которая содержит около 200 ступеней.

Следующая, к северу от Двуглавой сопки, вершина называется Три Сестры. Она представляет собою скалистый гребень длиной около 1 км. Вершина имеет высоту 1027 м. Западный склон вершины относительно пологий и покрыт курумниками. А восточный склон – крутой, местами почти отвесный.

Далее на север, по хребту, расположен Откликной камень. Высота его 1153 м. На его вершинном гребне расположены скалы, тянущиеся почти на километровую длину. Высота скальных останцев доходит до 150 м. На северной части вершины имеется небольшое плато.

Следующая вершина – Круглица – имеет высоту 1178 м и является самой высокой в хребте Большой Таганай. Вершина имеет округлую форму, что и предопределило ее ласковое название. Верхняя часть горы покрыта курумами, а в северной части имеются участки тундры. У восточного подножия горы расположен туристский приют «Таганай». От него на вершину ведет тропа длиной около 3 км.

Самой северной вершиной хребта является гора Дальний Таганай с отметкой высоты 1112 м. Между им и Круглицей расположена широкая межгорная залесенная долина. Гора состоит из трех гребней. Восточный из них имеет коническую форму. А центральный гребень представляет собою огромный кварцевый массив длиной около 1км. От горы в северо-восточном направлении отходит отрог длиной 6 км, который соединяется с горой Юрма (подробнее см. статью [1.466]).

Хребет Большой Таганай приобрел большую популярность среди туристов благодаря огромному количеству скальных останцев (см. рисунок 2.152). Таганай подарил мне памятные минуты. Однажды, мы вдвоем с супругой Тamarой, устроились на ночевку на западном склоне Таганая, в долине р.Кусы. Ранним утром нас разбудило курлыканье. Осторожно расстегнули вход палатки. Буквально в 30 м от нас на полянке, мерно вышагивали несколько журавлей. Тишина леса. На фоне ее разговоры птиц показались нам фантастическими. Журавли приветствовали восход солнца. Радовались ему, синхронно кивая головами. И это состояние благодати и уравновешенности передалось и нам. Такую благоговейную ситуацию мы вспоминаем уже долгие годы. Спасибо Таганая за то, что он подарил нам счастливые минуты.

Вдоль левого борта долины р.Юрюзань, в средней части ее течения, расположился хребт Зигальга. Имея северо-восточное направление, он протянулся на 40 км. Северо-западные склоны хребта прорезают многочисленные речки притоков р.Юрюзань – Куткурки и Катава. На хребте находится ряд вершин. Наибольшая по высоте из них расположена на юго-западном краю хребта и носит название Большой Шелом (1427м). Вершина представляет собою огромный шатер (см. рисунок 2.153) с крутыми каменистыми склонами. Макушка горы – плоская, с группой скалистых останцев. На останце, расположенном в юго-западной части плоской вершины находится тур. От высшей вершины хребта в северо-восточном направлении располагается более десятка вершин, имеющих высоту более 1000 м. Самая крайняя северо-восточная часть хребта в виде невысоких залесенных вершин заходит в огромную петлю р.Юрюзани, огибающей северное окончание хребта Зигальга. Между высокими вершинами хребта располагаются зеленные седловины. А на более высоких склонах находятся горные и гольцовые тундры. В северной части хребта его склоны образуют левый борт красивой долины р.Евлакты. Здесь река протекает в глубоком каньоне, образуя несколько водопадов и крутых сливов. Хребт Зигальга сложен в основном из белых кварцитов, что придает ему светлую окраску, особенно хорошо различимую при солнечном освещении. В целом, траверс хребта Зигальга является интересным маршрутом, проходящим между реками Катава и Юрюзани (подробнее см. статью [1.467]).

В археологическом плане на Южном Урале, достаточно хорошо изученном, наиболее интересным является древнее поселение Аркаим. Расположено оно на незначительно возвышающемся мысу при слиянии рек Большой Караганки и Утяганки в Брединском районе Челябинской области. Окружающая местность представляет собою степную равнину, на которой возвышаются многочисленные холмы округленной формы с небольшим (20-60 м) перепадом высоты (см. рисунок 2.154). В районе древнего поселения линия холмов имеет направление север-юг. Наивысшим холмом в этом районе является гора Аркаим (399м). Древнее укрепленное поселение Аркаим было сооружено в эпоху средней бронзы (III-II тысячелетия до н.э.). Аркаим был открыт трижды. В первый раз его нанесли на карту военные топографы в 1957 г. Несколько позднее при аэрофотосъемке он был отражен на карте гражданскими картографами. И только в 1987 г его на местности зафиксировал отряд урало-казахстанской археологической экспедиции под руководством С.Г.Баталова и В.О.Мосина. В это время на р.Большая Караганка уже началось строительство плотины для создания Караганского водохранилища. Если бы водохранилище построили, то древнее поселение было бы затоплено и навсегда потеряно. Благодаря активной научной и общественной поддержке Аркаим отстояли от затопления – строительство плотины было прекращено. С 1991 г на Аркаиме начались раскопки, которые проводились под руководством Г.Б.Здановича. Вскрыто всего около 8000 м². Главной ценностью оказалась конструкция сооружений укреплений города. Два круга, один из которых вписан в другой, образуют круговые стены (см. рисунок 2.155) с четырьмя проходами. Диаметр внутренней стены составляет 85 м, а внешней – 145 м. Толщина земляных валовых стен составляет 3-4 м. В центре размещена площадь размером 25x27 м. Улицы – по радиусу. Жилища – по кругу. Радиоуглеродный метод дал древность города – 3600-3900 лет назад [1.414]. Выходит Аркаим был построен за две тысячи лет ранее знаменитой гомеровской Трои [1.415]. В городе была устроена система ливневой канализации. Обнаружены печи для выплавки бронзы. Люди, населяющие Аркаим, имели протоевропеоидный вид. Некоторые ученые считают, что Аркаим заселяли арии, которые затем ушли в Индию. Археологи также считают, что Аркаим был пригоризонтальной обсерваторией: входы в поселение были ориентированы по странам света. Город одномоментно подвергся пожару. По вопросу о длительности функционирования города ученые мужи высказывают различные мнения – от 80 до 300 лет.

Рядом с Аркаимом, на территории, расположенной к югу от р.Уй, на водоразделе бассейнов рек Урал и Tobол найдено ещё около двух десятков поселений эпохи бронзы. Расположены они на территории, протянувшейся на 350-400 км с севера на юг, и на 120-150 км с запада на восток. Эту местность археологи называют Страной городов. В ней самым крупным поселением является Аркаим.

Древнее поселение находится в составе музея-заповедника «Аркаим», являющегося филиалом Ильменского заповедника. В Аркаиме находится несколько экскурсионных музейных объектов: «Природы и человека», курган Темир, древних производств, жилище каменного века, казачья усадьба, мельница и др. От посещения Аркаима у меня остались самые приятные воспоминания.

2.8. Мугоджары

Мугоджарские горы являются самой южной частью Уральского хребта и ныне административно большей частью располагаются на территории Республики Казахстан.

Мугоджары представляют собою низкие, значительно расчлененные горы с плоскими или слабоволнистыми водоразделами и глубоковрезанными речными долинами, с глубиной врезания до 150-250 м [1.405]. Но на коротких участках в истоках рек гряды и холмы разделены широкими ложбинами (см. рисунок 2.156). Очертания сопков – мягкие (см. рисунок 2.157). Склоны сопков покрыты мелкими каменистыми осыпями и редкой травянистой растительностью. Изредка встречаются выходы скал. На севере Мугоджары начинаются холмистыми хребтиками Кара-Адыр и Уркач. Последний соединяется с холмистыми грядами, идущими от Губерлинских гор [1.144]. В северной части

Мугоджары представлены двумя параллельными хребтами, протянувшимися с севера на юг. Расстояние между хребтами составляет 14-17 км. В южной части Мугоджар превалирует западный хребет, который в этом месте является водораздельным. В северной части роль водораздела выполняет равнина, расположенная между двумя хребтами. При этом реки, текущие на запад, прорезают главный (западный) хребет, а реки, текущие на восток, прорываются через восточный хребет. Межгорная равнина, в которой берут истоки западных и восточных рек, представляет собою множество котловин, образованных короткими поднятиями, соединяющими западный и восточный хребты. В тектоническом плане Мугоджары – это выступ герцинской складчатости, характерной для всей Уральской страны. Основные тектонические элементы Мугоджар полностью соответствуют таким структурам Южного Урала. В геоморфологическом плане структуры Мугоджар имеют меридиональный характер. Водораздельная линия горных структур в большинстве случаев чрезвычайно извилиста, с большим перехватом верховьев саев, как одного, так и другого склонов. Поэтому движение по водоразделу представляет собою путь по плавносопряженным большим криволинейным участкам.

На востоке к Мугоджарам примыкает Туранская низменность, а на западе – Прикаспийская.

В речной структуре Мугоджар можно выделить три крупных речных бассейна.

Бассейн р.Урал с двумя крупными притоками. Р. Каргалы имеет глубокооврезанную долину, но с пологими склонами на большинстве участков. На реке имеется Каргалинское водохранилище длиной около 4 км, с крутыми, на некоторых участках со скалистыми берегами. Истоки р.Орь находятся в песчаном районе, в слегка всхолмленной местности. Летом она пересыхает в верхней трети, образуя отдельные стоячие водоемы.

В Эмбенском бассейне, основная р.Эмба имеет истоки в широкой слабоврезанной долине. Левые притоки р.Эмбы (Кундузда, Ащё-сай, Аулие и др.) в верховьях имеют глубокооврезанные (50-100 м) крутосклонные долины, иногда ущельевидного характера со скалистыми бортами. Но после выхода из гор текут в слабоврезанных ложбинах. Р.Эмба не достигает Каспийского моря, теряясь в песочных пустынях.

На восточных склонах Мугоджар располагается Иргизский бассейн. Правые притоки р.Иргиз берут начало в Мугоджарском хребте. Здесь на восточных склонах, например, в районе горы Айрюк находится много родников, приуроченных к склонам главного водораздельного хребта [1.416]. Ключи располагаются обычно у подошвы склонов гор. Родники – это ямы глубиной до 1 м. Часто вода бьет со дна сильной струей. Вода ключей слабо засолена. При выходе на равнину долинок речек быстро расширяются и переходят в широкие плоские долины, в которых русло реки едва намечается. Ниже внешние признаки наличия воды исчезают.

Для Мугоджар характерно распределение древостроев и кустарников только по долинам рек, в виде узких лент из берез и осин [1.417] (см. рисунок 2.158). Нигде в Мугоджарах лес и кустарники не выходят на водораздельные участки. Этим Мугоджары принципиально отличаются от Южного Урала. В составе лесов преобладают береза, осина, тополь, ива, боярышник, можжевельник. На выровненных степных участках распространена степная растительность: на севере – ковыль, типчак, овсец; на юге – полынь, толстолистник и др. В Южно-Мугоджарском районе широко распространены ленточные травостой – вдоль узких (шириной 10-30 м), но длинных (до 1 км) ложбин. Ранним летом эти травы косят.

Животный мир Мугоджар весьма разнообразен. Сюда заходят лоси и сайгаки. Огромное количество птиц: жаворонки, воробьи, каменки, кулики. Обитают здесь перепел, стрепет, дрофа. Много хищных птиц: курганник, степной орел, подорлик, балобан. Масса змей (степная гадюка, удавчик, уж, медянка, щитомордник) и ящериц. Распространены клещи.

Наивысшая вершина Мугоджар – гора Боктыбай (657м). Между этой горой и двуглавой вершиной Айрюк Мугоджары пересекает железная дорога.

Естественно возникает вопрос о южной границе Уральского хребта, т.е. о крайней южной точке Мугоджар. Ответ на этот вопрос был получен в результате исследований российскими естествоиспытателями в первой половине XIX века. Правда, в дискуссии по этому вопросу поучаствовал и А.Гумбольдт, посетивший Урал в 1829 г и посвятивший отдельную главу «Система гор Урала» в своем фундаментальном труде «Центральная Азия» [1.215].

Хронология исследований Мугоджар приведена в нескольких обзорных работах [1.418-1.420].

Из этих работ видно, что еще в XVIII веке было совершено несколько поездок в Хиву, Бухару, Ташкент:

- в 1731-32 гг – посольство переводчика коллегии иностранных дел А.И Тевкелева к хану Младшего казахского жуза Абулхайру; в поездке участвовали геодезисты А.Писарев и М.Зиновьев, которые сделали первые съемки северных берегов Арала;

- в 1738-39 гг путешествие в Ташкент совершили офицер К.Миллер и геодезист А.Кушелев;

- в 1740-41 гг в Хиву ездила экспедиция под командой поручика Гладышева, при участии геодезиста И.Муравина и инженера Назимова;

- в 1781 г в Бухару ездило торговое посольство М.Бекчурина.

Маршруты всех этих поездок в той или иной мере проходили по территории Мугоджарских гор. Однако, их конкретная информация о таких поездках – весьма скудная.

Первая надежная информация о Мугоджарах была получена в 20-е гг XIX века.

В 1820 г под руководством А.Ф.Негри дипломатическая миссия была совершена в Бухару. В ее составе участвовали Эверсманн Э. и Мейендорф Е., которые свои наблюдения изложили в отдельных книгах [1.421. 1.422], описывающих одни и те же события. Экспедиционный отряд пересек Мугоджарские горы в районе, расположенном между горами Айрюк и Боктыбай (здесь пролегает современная железная дорога). На обратном пути отряд прошел через Мугоджары в этом же месте. Как видно из записей Мейендорфа, он считал Мугоджары «одним из разветвлений Уральского хребта».

В 1825-1826 гг под начальством полковника генерального штаба Ф.Ф.Берга была проведена Каспийская экспедиция, в составе которой были Эверсманн Э., астроном Лемм М. и Анжу П. Из Сарайчиковского поселения (на р.Урал, близ Гурьева) отряд прошел на юг по побережью Каспийского моря до Мертвого Култука, а затем ушел на восток до Арала. А на обратном пути пересек Мугоджарские горы в том же месте, где ранее проходил караван Негри [1.423]. За 76 дней экспедиция прошла 1400 верст. Экспедиция провела нивелировку между Каспием и Аралом и впервые определила, что промежуток между ними втрое уже, чем он изображался на картах, изготовленных ранее. Берг написал доклад «Топографический журнал пространства Киргизской степи между Каспийским и Аральским морями экспедиции с 1825 на 1826 г», в котором представил первое описание Устюрта, а также части Мугоджарских гор. Эверсманн Э., участник этих двух путешествий, позднее опубликовал трехтомный труд «Естественная история Оренбургского края» [1.424], в котором записал, что Чинк Устюрта «идет на северо-восток, образуя однако же мысы и заливы, к южной оконечности Мугоджарских гор, где и теряется». Эверсманн упомянул о «южной оконечности Мугоджарских гор», но не указал конкретное расположение этой «южной оконечности».

В 1829 г А. Гумбольдту во время пребывания в Оренбурге передали материалы, собранные вышеуказанными и другими экспедициями, исследовавшими киргизские степи, включая и Мугоджарские горы. Обработав полученные материалы, Гумбольдт в главе «Система гор Урала» в составе книги «Центральная Азия» рассмотрел вопрос о южной оконечности Уральских гор [1.407]. Эта книга была опубликована в 1843 г в Париже. А главу об Уральских горах Гумбольдт написал в 1840 г, о чем он сделал запись на одной из страниц книги. Он упоминает около полутора десятков фамилий естествоиспытателей, обследовавших в той или иной мере Мугоджары (Мейендорф, Эверсманн, Берг, Лемм, Левшин, Муравьев, Анжу, Пандер и др.). Но Гумбольдт не упоминает Ковалевского, который вместе с Гернгроссом путешествовали в киргиз-кайсаких степях в 1839 г и опубликовали свою статью в 1840 г [1.406]. Гумбольдт приводит мнение Эверсмана и Гельмерсена о том, что они считают гору Айрюк-таг «как истинную южную оконечность Урала». При этом Гумбольдт отмечает, что «диоритовые и порфиоровые породы, пробивающиеся тальковые и хлоритовые сланцы и характеризующие тем Русский Урал, начинают появляться лишь от Мугоджарских гор в окрестностях Айрюк-тага». Такое мнение Гумбольдт считает «слишком смелым, если бы мы не имели права считать за одну систему гор, состоящую часто из многих отдельных разнородных поднятий». В самом начале главы об Уральских горах Гумбольдт рассматривает южное продолжение Уральского хребта как «плато Трухменского перешейка между Аралом и Каспийским морем». Здесь Гумбольдт термин «Трухменский перешеек» рассматривает как некий географический район с точно не определенными границами, расположенный между Аралом и Каспием. Далее он осторожно рассматривает «Усть-Урт, или плато между Каспийским морем и озером Арал, как южный конец системы Урала». При этом он делает оговорку – «несмотря на весьма различное геологическое строение, несмотря на третичные формации, по-видимому, преобладающие в известковых и мергелистых горизонтальных пластах». Ещё в одном месте он записал: «Имеется непрерывность линии поднятия от Усть-Урта до Губерлинска и связь с остальной меридиональной цепью Урала. На плато Усть-Урта эта цепь заканчивается...». Наконец, ещё в одном месте Гумбольдт высказывает окончательное мнение: «От плоскогорья Усть-Урта... отходит к С.С.В. непрерывный ряд холмов. Они ограничивают солончаковые степи Эмбы и принимают сначала названия гор или обрывов Чинк (у киргизов), затем до 48°50' (пункт, отмеченный холмом с двойной вершиной Айрюк-таг), название Яман-таг (Дурные горы), потому что оне лишены пастбищ. Хорошие, Якши-таг, следуют к северу от Айрюка...». Из вышеприведенных цитат следует однозначный вывод: Гумбольдт за южное окончание Уральского хребта принимал плато Устюрт.

Ковалевский и Гернгросс в своей статье [1.406] сообщили, что р.Аты-Жаксы (хорошее имя) «служит естественною чертою разделения между горами Мугоджарскими и отрогами Устюрта». Р. Аты-Жаксы имеет в верховьях несколько истоков, расположенных на плоском водоразделе.

Через пару лет на Мугоджарах побывал Ханыков Н.В. [1.425-1.427]. Он сделал вывод о том, что «между Мугоджарами и Устюртом нет соединения в орографическом смысле». Он указал, что «собственно Мугоджарский гребень оканчивается у горы Дюрткуль и вершин оврага Майлысай, а далее к югу тянутся лишь прерывистые холмы...». Об этом он написал в письме к Гумбольдту от 27 марта 1845 г.

Окончательный ответ на вопрос об южной оконечности Мугоджарских гор и всего Уральского хребта дал Северцов. Он встретился в Берлине с Гумбольдтом, который поручил Северцову обследовать «неизвестную еще полосу между Мугоджарами и Устюртом». Северцов посетил Мугоджары и опубликовал результаты своих наблюдений [1.428. 1.429]. Свои соображения он подытожил следующим образом: «В отношении орографическом Усть-Урт есть продолжение Уральского хребта, с которым он

соединен непрерывающейся цепью высот, но в смысле геологическом Усть-Урт самостоятелен...» [1.429]. По наблюдениям Северцова Мугоджарский кряж поблизости от горы Айрюк «сменяется хаосом диких, хотя и невысоких скал, состоящих из изверженных и метаморфических пород». Далее на юг вплоть до горы Яман-тау главный кряж выражен вершинами с округленными макушками, а за горою Яман-тау он «круто оканчивается». Южнее горы Яман-тау «плутонические образования уже более не выходят наружу». По наблюдениям Северцова плоский водораздел, расположенный южнее горы Яман-тау, сложен горизонтальными пластами песчаника и мергеля, которые идут через весь Усть-Урт «сохраняя совершенно невозмущенное пластование». Таким образом, Северцов доказал, что южным окончанием Мугоджарских гор и всего Уральского хребта является гора Яман-тау.

Позднее Шульц К.К. установил, что горы Джаксы-тау (хорошие горы) отделяются от гор Яман-тау «удобо проходимым степным пространством шириною около версты» [1.430].

В 1912-1913 гг Пригоровский М.М. по поручению геологического комитета проводил геологическую съемку Мугоджар [1.431]. Он подтвердил мнение предыдущих исследователей о том, что самой южной вершиной Уральского хребта является гора Джаман-тау. Южные склоны этой горы резко обрываются крутыми уступами к равнине с очень мало расчлененным рельефом.

В середине XX века советские геологи неоднократно подтверждали выводы предыдущих исследователей. Так, например, Яншин А.Л. посвятил специальную статью по вопросу о погружении к югу Уральской складчатой системы [1.444], в которой убедительно показал, что «Урал заканчивается на юге массивом Джаман-тау». Несколько позднее эту проблему исследовал Гарецкий Р.Г. [1.445], который показал, что типичные зеленокаменные уральские породы южнее горы Яман-тау круто уходят под дневную поверхность и уже на расстоянии 1 км к югу от этой вершины находятся на глубине 8-14 м.

Таким образом, трудами геологов нескольких поколений было показано, что на южных склонах горы Ямантау горные породы, характерные для Уральского хребта, уходят под дневную поверхность и южнее не проявляются. А на смену им приходят совершенно другие горные породы, залегающие горизонтальными пластами.

Полтора века такое вышеизложенное мнение об южной оконечности Уральского хребта было незыблемо и признавалось всеми естествоиспытателями, относящимися к различным областям знаний. Однако, в начале XXI века Чибилёв А.А. в нескольких статьях [1.439-1.441] и в монографии «Урал: природное разнообразие и евразийская граница» [1.442] выступил с предложением считать южной границей Уральского хребта южную оконечность плато Шошкаколь, которое расположено южнее горы Ямантау. С таким предложением трудно согласиться по следующим соображениям.

В обосновании своего предложения Чибилёв не приводит каких-либо существенных доводов. Он использует бездоказательные формулировки. Говоря об южной оконечности Урала он пишет: «Однако южную точку нужно сместить южнее – к оконечности Шошкакольской гряды (46°56' с.ш. и 57°50' в.д.), заканчивающейся у подножия северных чинков Шагырайского плато, которое переходит в плато Устюрт» [1.442, с.14]. И читателю остается только задать вопрос: «По каким доводам, по каким соображения «НУЖНО» сместить южную точку уральской страны до южной оконечности Шошкакольской гряды?»

В другом случае Чибилёв пишет, что «В настоящее время хорошо известно, что система Уральских гор заканчивается на юге грядой Шошкаколь, южная оконечность которой упирается в районе прохода Шаркудук в уступы Шагырайского плато, являющегося продолжением чинков Северного Устюрта» [1.442, с.46]. Но доказательства высказанного утверждения не приведены. Остается только верить автору «на слово». Далее Чибилёв уже в утвердительной форме несколько раз повторяет мысль о том, что «южным продолжением Мугоджар является кряж Шошкаль» [1.442, с.54, 60].

Можно предположить, что Чибилёв возможно имеет какие-то доказательства высказанному им утверждению. Но было бы хорошо эти доказательства привести в своей монографии, чтобы убедить в сказанном и читателей.

Дополнительно, следует заметить, что из приведенных выше фраз из монографии Чибилёва остается непонятным что же представляет собой Шошкаколь в орографическом отношении. В одном случае Чибилёв именует Шошкаколь грядой, в другом – кряжем, в третьем – хребтом, в четвертом – цепочкой холмов. Однако, на географических картах Шошкаколь чаще именуется – плато или равнина.

Шошкаколь представляет собою возвышенную значительно расчлененную мелкосопочную равнину, состоящую из серии симметричных гряд, соответствующих выходам плотных песчаников [1.405]. Весьма существенным является следующее обстоятельство. Если все более северные участки Урала располагаются на герцинском фундаменте, то Шошкаколь своим фундаментом имеет другие геологические породы, под которые уходят уральские герциниды. Именно это различие не позволяет считать Шошкакольское плато южной оконечностью Урала. Как показано выше крайней южной точкой Урала является гора Ямантау, расположенная в истоках р.Аты-Жаксы (подробнее см. статью [1.456]).

В Мугоджарских горах я побывал дважды. Один раз прокатился на велосипеде в северной части горного кряжа. Второй раз прогулялся пешочком по самой южной кромке всего Уральского хребта.

Жарким июльским днем, ведя велосипеды в руках, мы пересекали каменистый увал. И наткнулись на небольшую кучу камней, из которой выглядывали клювы птенцов орлана. Пока мы их разглядывали, прилетели взрослые птицы и начали пикировать на наши головы. Неожиданно налетела

черная туча и разразилась мощная гроза. Накрывшись пленками, переждали мы ливень, сопровождаемый вспышками молний и сильнейшими раскатами грома. Птенцы затихли. Где-то запрятались и взрослые орланы. Как только дождь утих, мы сразу же ушли подальше от гнезда: не стоило беспокоить семью орланов. Они, вероятно, и так натерпелись страха от буйства грозы.

В другой раз, в Мугоджарах я побывал первомайской весной. По железной дороге доехали мы до станции Берчогур, расположенной у подножия высшей вершины Мугоджарских гор – Боктыбай (657 м). На склоне горы нашли текущий ручеек и установили палаточки. А наутро практически все участники обнаружили на разных частях тел огромных клещей, размером с ноготь большого пальца на руке. Сначала было девчата запаниковали. Но я их успокоил. Ещё при подготовке путешествия я собрал информацию о клещах. Оказалось, что в Мугоджарах клещей много и всяких разнообразных. Но, к счастью, среди них нет энцефалитных. Освободившись от клещей, поднялись мы на высшую мугоджарскую вершину. Склоны ее покрыты плотным галечником красноватого цвета. На вершине Боктыбай был установлен бетонный тур с металлической пирамидкой из прутьев (см. рисунок 2.159). Позднее на вершине появился бетонный наблюдательный пункт. А в июне 2013 г на горе установлена памятная плита в честь 95-летия старейшей актюбинской газеты «Актюбинский вестник». С вершины, и на западе и на востоке, видны пустынные степи. А где-то далеко на восточном горизонте усматривается песчаная пустыня.

От горы Боктыбай мы пошли на юг, практически по линии главного водораздела. Маленькие боковые хребтики образуют сложную систему взаимоперекрещивающихся увалов. Приходится переходить с одного увала на другой, пересекая небольшие ложбины (см. рисунок 2.160). Прошагали по выровненной степной полосе, пересекающей поперек хребет и упоминаемой исследователями XIX века. Дальше гора Ямантау, самая южная вершина Уральского хребта. Массив горы имеет длину с севера на юг около 10 км и в ширину с запада на восток 5-6 км. Преодолев несколько небольших возвышений, вышли на высшую точку горы Ямантау. На вершине – традиционное фотографирование (см. рисунок 2.161). Вот она южная оконечность Уральского хребта! С вершины, в южном направлении видна широкая и низко расположенная перемычка, за которой просматривается плато Шошкаколь. У южного подножия горы Ямантау типичные герцинские горные породы, слагающие Уральский хребет, уходят под дневную земную поверхность. А дальнейшие холмы за широкой перемычкой сложены из горизонтально расположенных пород.

Вернувшись на станцию Берчогур, сходили мы и на гору Айрюк.

Самым сильным впечатлением от весенних Мугоджар стало буйство диких цветов. Ярко-красные тюльпаны то занимают большие поляны (см. рисунок 2.162), то выстраиваются длинными рядами вдоль понижений почвы или по колеям от машинных дорожек. Ирисы растут фиолетово-синими кругами. Весна в Мугоджарах – цветочная прелесть.

Вместо заключения

На этом, здесь в первом томе, мой рассказ об Уральских горах заканчивается. Хотя еще немало не сказано. Не коснулся я природных богатств Урала – размещения полезных ископаемых. Ничего не сказал о заселении Уральских гор. Об исконных финно-угорских народах – манси, ханты, ненцы, - заселяющих Урал с глубоких времен. О заселении Уральских горных пространств русскими людьми.

Впереди второй том книги – рассказ о наименованиях различных географических объектах Уральских гор.

В заключение, с удовлетворением отмечу, что в последние годы было реализовано мое изобретение. Социальное. В конце 80-х годов XX века был создан банк идей Фонда социальных изобретений СССР. В 1988 г я послал в этот фонд предложение (проект) по изданию трех трудов С.У.Ремезова: Чертежная книга Сибири, Службная чертежная книга и Хорографическая чертежная книга. Это мое социальное изобретение под номером 579 зарегистрировано 25 сентября 1988 г в Банке идей Фонда социальных изобретений СССР. Я отдавал себе отчет в том, что самому мне реализовать свое социальное изобретение будет не под силу. Но в последние годы нашелся человек, который смог организовать издание всех трех трудов С.У.Ремезова. Им стал тобольчанин Аркадий Григорьевич Елфимов, президент фонда «Возрождение Тобольска». Низкий ему поклон и благодарность за уникальные издания трудов С.У.Ремезова.

Приложения

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

А-А – Алма-Ата
АН – Академия наук
ВСЕГЕИ – Всесоюзный геологический институт
ГАСО – государственный архив Свердловской области
Екбг – Екатеринбург
ИРГО – Императорское Русское Географическое общество
ЖМВД – журнал министерства внутренних дел
ЖМНП – журнал министерства народного просвещения
КБЧ – Книга Большому чертежу
Кмрв – Кемерово
Крск – Краснотурьинск
Л – Ленинград
М – Москва
Нвск – Новосибирск
Орбг – Оренбург
Птбг – Петербург
РА – Российская археология
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РНБ – Русская национальная библиотека
РГБ – Российская государственная библиотека
СА – Советская археология
Сврк – Свердловск
СПбг – Санкт-Петербург
СЧК – Служебная чертежная книга
Тблк – Тобольск
ТФ ГАТО – Тобольский филиал государственного архива Тюменской области
ХЧК – Хорографическая чертежная книга
ЧКС – Чертежная книга Сибири
Члбк – Челябинск

Список таблиц

- Распределение географических объектов, упоминаемых в КБЧ, по районам Урала.
- Названия уральских гор, упомянутые в «Книге Большому чертежу».
- Результаты измерения Эрмана в Заполярном Урале (в сравнении с современными данными).
- Первые восхождения на гору Поэнг Урр.
- Первые восхождения на гору Защита.
- Первые восхождения на гору Мансиньер.
- Первые восхождения на гору Сабля.
- Первые восхождения на гору Тельпосиз.

Литература

- 1.1. Архипова Н.П., Ястребов Е.В. Как были открыты Уральские горы. – Сврк, 1990.
- 1.2. Ястребов Е.В. Познание Урала до XVIII века. – М, 2000.
- 1.3. Хенниг Р. Неведомые земли, т. 1. – М, 1961.
- 1.4. Геродот. История – М, 2007.
- 1.5. Müller F.H. Der ugrische Volkstaat. – Berlin, 1837, В.1.
- 1.6. Humboldt A. Asie Centrale. – Paris, 1843. Перевод на русский язык/Исследования о цепях гор и сравнительной климатологии. – М, 1915.
- 1.7. Neumann K. Die Hellenen im Skuphenlande. – Berlin, 1855.
- 1.8. Томсон Дж. История древней географии. – М, 1953.
- 1.9. Шишкин Н.И. Коми-пермяки. – Пермь, 1947.
- 1.10. Пьянков И.В. Путь к аргиппеям (Урал в V в. до н.э.) – Уральский следопыт, 1968, №7.
- 1.11. Richthofen F. China. – Berlin, 1877, В.1.
- 1.12. Tomaschek W. Kritik der ältesten Nachrichten über den scyphischen Norden. – Sitzung-Berichte der Wiener Akademie der Wissenschaften, 1888.
- 1.13. Bolton J.D.P. Aristeas of Proconesus. – Oxford, 1962.
- 1.14. Чекин Л.С. Картография христианского средневекоья. VIII-XIII вв. – М, 1999, карта X. 12.
- 1.15. Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах. – М, 1961.
- 1.16. Чупин Н.К. Сборник статей, касающихся Пермской губернии и помещенных в неофициальной части губернских ведомостей в период 1842-1881 гг., вып. 1, Пермь, 1882.
- 1.17. Бронштэн В.Л. Клавдий Птолемей. – М, 1988.
- 1.18. Шеллов-Коведяев Ф.В. Птолемей. – Свод древнейших письменных известий о славянах, т. 1 (I-VI вв), М, 1994, с.46-62.
- 1.19. Булгаков П.Г., Розенфельд Б.А., Ахмедов А.А. Мухаммад ал-Хорезми. – М, 1983.
- 1.20. Анучин Д.Н., Борзов А.А. Рельеф европейской части СССР. – М, 1948, с.35-147.
- 1.21. Nordenskiöld A.E. Facsimile Atlas to the early History of Cartography. – Stocholm, 1889.
- 1.22. Брут А. Землеописание известного древним света, из разных источников составленное Александром Брутом. – Птбг, 1837, ч.1, II.
- 1.23. Карелин В.Г. Урал на картах Птолемея (II в). – География и современные проблемы естественно-научного познания, Екбг, 2009, с.157-165.
- 1.24. Карелин В.Г. Философия букв. – Екбг, 2007.
- 1.25. Повесть временных лет, ч.1 – М-Л, 1950.
- 1.26. Татищев В.Н. История российская, т. II – М-Л, 1963.
- 1.27. Беляев И.Д. О географических сведениях в Древней России. – Записки императорского Русского Географического общества, кн. VI, СПбг, 1852.
- 1.28. Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии. География начальной (несторовской) летописи. – Варшава, 1885.
- 1.29. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. – СПбг, 1882, л.23.
- 1.30. Лебедев Д.М. Очерки по истории географии в России XV и XVI веков. – М, 1956.
- 1.31. С.Герберштейн. Записки о Московии. – М, 1988.
- 1.32. Замысловский Е.Е. Герберштейн и его историко-географические известия о России. – СПбг, 1884.
- 1.33. Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. – М, 1988.
- 1.34. Лашук Л.П. «О человецах неизвестных» - Вопросы истории, 1971, № 11, с.206-211.
- 1.35. Кусов В.С. Картографическое искусство русского государства. – М, 1989.
- 1.36. Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV – начала XVI века. – М, 1974.
- 1.37. Гольденберг Л.А. У истоков русской картографии. – Изв. АН СССР, сер. географ., 1975, №3, с.130-140.
- 1.38. Матвеев А.К. Географические названия Урала. – Свердловск, 1980.
- 1.39. П.И. Новокомский. Книга о посольстве Василия, великого государя Московского. – В книге Герберштейна С. Записки о Московии, СПбг, 1908.
- 1.40. Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. – Улан-Уде, 1960, в.1, с.34-35.
- 1.41. Лебедев Д.М. География в России XVII века (допетровской эпохи). – М-Л, 1949.
- 1.42. Спафарий-Милеску. Сибирь и Китай. – Кишнев, 1960.
- 1.43. Мартюшов А.М. Поход Курбского на Печору и за Урал в 1499 г. – Записки общества изучения Коми края, 1930, в.5, с.66-84.
- 1.44. Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. – М, 1952.
- 1.45. Дмитриев А.А. Пермская старина. – Пермь, 1894, в.5.
- 1.46. Чожмор. В поисках исторической правды. – Записки общества изучения Коми края, 1929, в.3.

- 1.47. Плигузов А.И. Первые русские описания Сибирской земли. – Вопросы истории, 1987, №5, с.38-50.
- 1.48. Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. – М, 1950.
- 1.49. Татищев В.Н. История Российская, т.1. – М, 1962.
- 1.50. Книга Большому Чертежу. – М, 1950.
- 1.51. Ураносов А.А. К истории составления «Книги Большому Чертежу». – Вопросы истории естествознания и техники, 1957, в.4, с.188-190.
- 1.52. Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. XVII век. – Л, 1940.
- 1.53. Миллер Г.Ф. История Сибири, т.1. – М-Л, 1937.
- 1.54. Матвеев А.К. Географические названия Урала/Топонимический словарь. – Екбг, 2008.
- 1.55. Спасский Г.И. Список с чертежа Сибирские земли, заимствованный из рукописного сборника XVII века и объясненный примечаниями Московского общества истории и древностей российских действительным членом Г.И.Спасским. – М, 1849.
- 1.56. Макшеев А. Географические сведения Книги Большого чертежа о киргизских степях и Туркестанском крае. – Известия Русского Географического общества, 1878, т.XIV, в.1.
- 1.57. Гольденберг Л.А. Изограф земли Сибирской. – Магадан, 1990.
- 1.58. Федчина В.Н. Как создавалась карта Средней Азии. – М, 1967.
- 1.59. Абзалов Р.М., Фаткуллин Р.А. Отражение Южного Урала и Приуралья на географических картах и изученность территории с древнейших времен до конца XVII в. – Природное районирование и вопросы охраны природы, Уфа, 1980, с.123-130.
- 1.60. Ястребов Е.В. Урал по «Книге Большому чертежу». – Изв. Всесоюзного Географического общества, 1967, т.99, в.6, с.512-516.
- 1.61. Чтения общества изучения древностей российских, 1894, кн. 3, с.16, №5.
- 1.62. Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. – Нвск, 1986.
- 1.63. Полное собрание русских летописей. Т.36. Сибирские летописи. Ч.1. Группа есиповской летописи. – М, 1987.
- 1.64. Лимонов Ю.А. «Роспись» первого общего чертежа Сибири (опыт датировки). – Проблемы источниковедения, М, 1959, т.VIII, с.343-360.
- 1.65. Титов А.А. Сибирь в XVII веке (сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях). – М, 1890, с.10-22.
- 1.66. Багров Л.С. Карты Азиатской России. – Петроград, 1914.
- 1.67. Ефимов А.В. Из истории великих географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах. XVII – первая половина XVIII в. – М, 1950.
- 1.68. Пушкин А.С. Борис Годунов. – СПбг, 1996.
- 1.69. Норденшельд А. Первая карта северной Азии, основанная на действительных наблюдениях. – Записки Военно-топографического отдела Главного штаба, 1889, т.44.
- 1.70. Каргалов В. За столетие до Ермака. – М, 1987.
- 1.71. Овчинников Р.В. Письма А.Е.Норденшельда в Русское географическое общество. – Скандинавский сборник, Таллин, 1959, №4, с.47-55.
- 1.72. Грот Я. Ново-открытый памятник русской истории на шведском языке. – ЖМНП, 1881, ч.217, октябрь, с.68-75.
- 1.73. Готье Ю. Известия Пальмквиста о России. – Археологические известия и заметки, 1899, №3, с.65-98.
- 1.74. Корф М. Библиографические отрывки. Некоторые немецкие сочинения о России в конце XVII и начале XVIII в. – Отечественные записки, 1854, т.9, отд. II, с.139-148.
- 1.75. Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. – Иркутск, 1941.
- 1.76. Кордт В.А. Материалы для истории русской картографии. – Киев, 1906, вторая серия, вып. 1.
- 1.77. Palmqvist E. Nagra widt sidste kogl, ambassaden till tzaren I Moskvu giorde observationer ofver Ryssland, anno 1674, Stockholm, 1898.
- 1.78. Гольденберг Л.А. Подлинная роспись чертежа Сибири 1667 г. – Труды института истории естествознания и техники АН СССР, 1962, т.42, в.3, с.252-271.
- 1.79. Jackson W.A. The Houghton library report of accessions for the year 1955-1956. Cambridge, Mass. Harvard college library, 1956.
- 1.80. The Atlas of Siberia by Semyon Remezov: Facsimile edition with an introduction by leo Bagrov. – Imago Mundi, Gravenhage, 1958.
- 1.81. Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. XVII век. – Л, 1940; 2 изд, М-Л, 1960.
- 1.82. Ремезов С.У «Служебная чертежная книга». – Л, Русская национальная библиотека, отд. Рук., Эрмитажное собрание, №237.
- 1.83. Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири. – Российская Государственная библиотека, рук. отд., фонд 256, №346.
- 1.84. Bagrov L. The first Russian maps of Siberia and their influence on the West European Cartography of N.E.Asia. – Imago Mundi, 1952, №9, p.83-93.

- 1.85. Боднарский М.С. Очерки по истории русского землеведения. I – М, 1947.
- 1.86. Полевой Б.П. К трехсотлетию «годуновского чертежа» Сибири. – Доклады института географии Сибири и дальнего Востока, 1968, вып. 17, с.66-73.
- 1.87. Полевой Б.П. О «печатном» чертеже Сибири 1667 г. – Сибирский географический сборник, М, 1963, с.248-257.
- 1.88. Полевой Б.П. Гипотеза о «годуновском» атласе Сибири 1667 г. – Изв. АН СССР, сер. географическая, 1966, №4, с.123-132.
- 1.89. Шибанов Ф.А. Очерки по истории отечественной картографии. – Л, 1971.
- 1.90. РГАДА, фонд Сибирского приказа, столб. 100, л.22; кн. 367, л.774.
- 1.91. РГАДА, фонд Сибирского приказа, кн. 521, л.18.
- 1.92. РГАДА, фонд Сибирского приказа, столб. 869, л.7; столб. 1575, л.11.
- 1.93. Карелин В.Г. Изограф земли Русской (к 350-летию рождения С.У.Ремезова). – Наука Урала, 1992, №28; 1993, №1.
- 1.94. Карелин В.Г. Изограф земли Русской. – 11-е Бирюковские чтения, Шадринск, 1994, с.81-82.
- 1.95. Карелин В.Г. «Недопетая песнь» С.Ремезова. (К истории Дмитриевской башни). – Культурное наследие Азиатской России/Материалы I Сибиро-Уральского исторического конгресса, Тблк, 1997, с.40-41.
- 1.96. Карелин В.Г. Как и зачем Семен Ремезов через Урал ездил. – Областная газета, 2001, 27 окт.
- 1.97. Карелин В.Г. Тайна тобольской башни. – Урал, 2001, №9, с.174-190.
- 1.98. Копылов А.Н. К биографии С.У. Ремезова. – Исторический архив, 1961, №6, с.237.
- 1.99. РГАДА, ф.214, кн. 1617, л.150, 410.
- 1.100. Strahlenberg P.L. Das Nord-und Ostliche Theil von Europa und Asia. – Stockholm, 1730.
- 1.101. Сутырин Б.А. Из истории Уткинской казенной пристани (к 260-летию со времени эксплуатации). – В помощь краеведу, Сврк, 1964, с.17-20.
- 1.102. Иванов А. Вниз по реке т еснин. т.1. Чусовая: очерк истории и природы, Пермь, 2004.
- 1.103. Иванов А. Message: Чусовая. – СПбг, 2007.
- 1.104. Демин Л.М. Семен Дежнев. – М, 1990.
- 1.105. Багров Л. История русской картографии. – М, 2005.
- 1.106. Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-западной Америке XVII-XVIII вв. – М, 1964, №29.
- 1.107. Греков В.И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725-1765 гг. – М, 1960.
- 1.108. Bagrow L. Sparwenfelds map of Siberia. – Imago Mundi, 1947, IV, p.64-65.
- 1.109. Греков В.И. О «чертеже всей Сибири до Китайского царства и Никаского». – Изв. АН СССР, сер. географическая, 1959, №2, с.80-88.
- 1.110. Полевой Б.П. К трехсотлетию создания этнографического чертежа Сибири 1673 г. – Советская этнография, 1973, №4, с.78-88.
- 1.111. Милеску Спафарий Н. Сибирь и Китай. – Кишенев, 1960.
- 1.112. Урсул Д.Т. Н.Г. Милеску Спафарий. – М, 1980.
- 1.113. Полевой Б.П. Географические чертежи посольства Н.Г.Спафария. – Изв. АН СССР, сер. географ. 1961, №1, с.115-124.
- 1.114. Савельева Е.А. Андрей Андреевич Виниус. – Россия-Голландия: книжные связи XV-XX вв, СПбг, 2000, с.103-123.
- 1.115. Рыбаков Б.А. Новооткрытая карта Московии 1525 г. – Отечественные архивы, 1994, №4, с.3-8.
- 1.116. Кириллов В.В. Постройки Семена Ремезова в Тобольске (Приказная палата и Дмитриевские ворота Тобольского кремля). – Архитектурное наследие, 1962, №14, с.109-124.
- 1.117. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. – Тблк, 2007: т.1. Факсимиле рукописи, т.2. Исследование. Перевод Комментарий. Указатели.
- 1.118. Карелин В.Г. Верховья реки Исеть накануне основания Екатеринбурга. – Екатеринбург – вчера, сегодня, завтра, т.1, Екбг, 1998, с.14-16.
- 1.119. Курлаев Е.А., Манькова И.Л. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII веке/У истоков российской промышленной политики. – М, 2005.
- 1.120. СПФ ААН, ф. 21, оп.4, д.11, л.318.
- 1.121. Материалы по истории Башкирской АССР, т.III. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. – М-Л, 1949, №547, с.487-489.
- 1.122. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. – Уфа, 1999.
- 1.123. Гаврилова С., Зенкова Л., Кузнецова А., Лесунова А. Памятники архитектуры Каменска-Уральского. – Екбг, 2008.
- 1.124. Шевалев В.П. Каменские пушки в истории Отечества. Часть I. Каменский завод. – г. Каменск-Уральский, 2006.
- 1.125. Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII-XIX веках. – М, 1949.
- 1.126. Милюков С.Г. Думный дьяк Андрей Андреевич Виниус – государственный деятель России второй половины XVII - начал XVIII веков, М, 2000.

- 1.127. Полевой Б.П. Николаас Витсен и Россия (Из истории русско-голландских отношений XVII-XVIII веков, преимущественно при Петре Великом). – Россия-Голландия: книжные связи XV-XX вв., 2000, с.197-215.
- 1.128. Witsen N. *Moscowische Reyse. 1664-1665.* – *Journal en Aentekeningen, Gravenhage, 1666.*
- 1.129. Витсен Н. Путешествие в Московию. 1664-1665. – Дневник. – СПбг, 1996.
- 1.130. Витсен Н. Старинное и современное судостроение и судоходство. – Альманах «Соловецкое море», 2007, №6.
- 1.131. Witsen N. *Nord en oost Tartarye.* – MDCCX, Amsterdam; русский перевод: Витсен Н. Северная и Восточная Татария, - Петербург, 2010.
- 1.132. Алексеев М.П. Один из русских корреспондентов Ник. Витсена. – С.Ф. Ольденбургу, Л, 1934, с.51-60.
- 1.133. Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692-1695) – М, 1967.
- 1.134. Ремезов С.У. *Чертежная Книга Сибири.* – М, 2003; т.І. Факсимильное издание; т.ІІ. Исследования. Перевод. Комментарии. Указатели.
- 1.135. Сочинения С.У.Ремезова в 4-х томах. – Тблк, 2006:
 т. I. Дергачева – Скоп Е.И., Алексеев В.Н. Ремезовская летопись. Исследование, текст, перевод;
 т. II. Ремезовская летопись. Факсимильное издание;
 т. III. Дергачева – Скоп Е.И., Алексеев В.Н. Служебная чертежная книга. Текст. Комментарии;
 т. IV. Служебная чертежная книга. Факсимиле рукописи.
- 1.136. Билич Ю.С., Голубев Н.В. Исследования «Чертежной книги Сибири» С.У. Ремезова. – Картография XXI века: теория, методы, практика, М, 2001, т.ІІ, с.578-584.
- 1.137. Зинчук Л.Н., Котельникова Н.Е., Устименко Ж.Ф. Тексты на картах «Чертежной книги Сибири» С.У.Ремезова – источник географических знаний. – Картография XXI века: теория, методы, практика, М, 2001, т.ІІ, с.637-644.
- 1.138. РГАДА, ф.214, кн. 1283, л.68.
- 1.139. Кашин Р. Путешествие по Чусовой. Природный парк «Река Чусовая». Путеводитель. – Екбг, 2008.
- 1.140. ГАСО, ф.59, оп.15, д.2, л.1.
- 1.141. ГАСО, ф.59, оп.7, д.891.
- 1.142. Карелин В.Г. Верховья реки Исеть накануне основания Екатеринбурга. – Екатеринбург – вчера, сегодня, завтра, Екбг, 1998, ч.І, с.14-16.
- 1.143. Атлас Азиатской России. – СПбг, 1914.
- 1.144. Левшин А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч.І. Известия географические. – СПбг, 1832.
- 1.145. Карелин В.Г. Комплексное путешествие вдоль Уральского хребта – как многоплановая форма краеведческой работы. – Каменный пояс на пороге III тысячелетия, Екбг, 1997, с.265-267.
- 1.146. Карелин В.Г. Периэгесса Урала. – Туризм Уральского региона: проблемы, привлекательность, перспективы, технологии, Екбг, 2002, т.ІІ, с.99-103.
- 1.147. Генеральная карта Тобольского наместничества. – Русская национальная библиотека, Рукописный отдел, СПбг, ф.342, карты, планы, №1184.
- 1.148. Карелин В.Г. Бабиновская дорога глазами иностранца середины XVII века. – Верхотурский край в истории России, Екбг, 1997, с.38-44.
- 1.149. Карелин В.Г. Пути-дороги Соликамско-Верхотурского тракта. – Культурное наследие Российской провинции: История и современность. К 400-летию г. Верхотурья, Екбг, 1998, с.52-55.
- 1.150. Алексеев М.П. Неизвестное описание путешествия в Сибирь иностранца в XVII в. – Исторический архив, М-Л, 1936, т.1, с.97-194.
- 1.151. Зуев Н. Географический атлас, ч.І. – СПбг, 1853 г.
- 1.152. Raisz E. *Time Charts of Historical Cartographie.* – *Imago Mundi, 1937, v.II, p.9-15.*
- 1.153. Bagrow L., Skelton R.A. *History of Cartography.* – Cambridge, 1966.
- 1.154. РНБ, рукописный отдел, ф.342, №1184.
- 1.155. РГАДА, ф.192, Тобольская губерния, №№4, 16, 27.
- 1.156. Bagrow L. *The first Russian Maps of Siberia and their influence on the West European Cartography of N.E.Asia.* – *Imago Mundi, v.IX, 1952, p.83-93.*
- 1.157. Bagrow L. *Semyon Remezov – a Siberian cartographer.* – *Imago Mundi, v.XI, 1954, p.111-125.*
- 1.158. Трисман В.Г. О русской этнографической карте XVII века. – Краткие сообщения института этнографии, 1950, т.Х, с.54-56.
- 1.159. УГТУ-УПИ: Люди. Годы. Увлечения, т.1. Человек, спорт, природа. – Екбг, 2000.
- 1.160. Веселаго Ф.Ф. Очерк истории морского кадетского корпуса. – Птбг, 1852.
- 1.161. Новлянская М.Г. Иван Кириллович Кирилов. – М-Л, 1964.
- 1.162. Красникова О.А. Атлас, которого не было, или Грандиозный замысел первого русского картографа. – Про книги, М, 2009, №5 (12), с.87-93.
- 1.163. Атлас Российской империи. Собрание карт И.К.Кирилова. – СПбг, 2008.
- 1.164. Атлас Российской, состоящий из девятнадцати специальных карт..., - СПбг, 1745.

- 1.165. Российский атлас из 44 карт состоящий и на 42 наместничества империю разделяющий, сочинен, гравирован и печатан при горном училище, СПбг, 1792.
- 1.166. Прокаев В.И. Физико-географическое районирование. – М, 1983.
- 1.167. Осадчев Б.Я., Иванова А.М. Геологическое строение бассейна рек Нярмы, Лядгея и Большой Хууты (Полярный Урал). – Тр. Научно-исследовательского института геологии Арктики, М-Л, 1952, т.49.
- 1.168. Макунина А.А. Ландшафты Урала – М, 1974.
- 1.169. Урал и Приуралье. – М, 1968.
- 1.170. Крестинин В. Рассуждение о начале и происхождении самоедов, обитающих в Архангелогородском наместничестве. – Новые ежемесячные сочинения, 1786, ч.II, август.
- 1.171. Архимандрит Вениамин. Самоеды мезенские (географическое описание). – Архангелогородские губернские ведомости, 1849, №№ 1-14.
- 1.172. Schrenk A. Reise nach dem Nordostischen des europäischen Russland durch die Tundren der Samoeden zum Arctischen Uralgebirge... - Dorpat; t.I, 1848; t.II, 1854.
- 1.173. Шренк А. Путешествие к северо-востоку Европейской России чрез тундры самоедов к северным Уральским горам, предпринятое по Высочайшему повелению в 1837 г Александром Шренком. – Птбг, 1855.
- 1.174. Подосинов А.В., Скржинская М.В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. – М, 2011.
- 1.175. Карелин В.Г.: Клад Регули на замке. – Наука Урала, 1993, №23, с.3; Первое путешествие. – Наука Урала, 1993, № 24, с.5; На Пельме и Северной Сосьве. – Наука Урала, 1994, №13, с.4; В районе высочайших вершин Урала. – Наука Урала, 1995, №21, с.5; Открытие. – Наука Урала, 1995, №24, с.7; Гора Регули. – Жизнь Югры, 1995, 26 июня; Венгрия ученой кев пелаки. – Ханты Ясанг, 1995, №№2,3,4 (на хантыйском языке); Антал Регули урыл потрыт. – Луима с эрипос, 1995, №№6,7,8,10 (на мансийском языке).
- 1.176. Карелин В.Г. Географические открытия венгра А.Регули на Урале. – Известия Академии наук СССР, серия географическая, 1996, №5, с.146-151.
- 1.177. Reguly A. Рукописные материалы. – Будапешт, библиотека венгерской академии наук, рукописный отдел, M. Iradalom. Levelezos, №4г, 88 cz, 46.
- 1.178. Reguly A. Рукописные материалы. – Будапешт, библиотека венгерской академии наук, рукописный отдел, M.Nyelvtud., №2г, - 4/V - /d.
- 1.179. Reguly A. Ethnographisch – geographische karte des nordischen Ural Gebietes, entworfen aut einen Reise in den Jahren 1844 und 1845 von Anton Reguly. St-Petersburg, 1846. – Петербург, библиотека Русского Географического общества, рук.278, К-17774, отд. VII, №35; Reguly A. Рукописные материалы. – Будапешт, библиотека венгерской академии наук, рукописный отдел, Totenelem Fold, №4 г, 1sz.
- 1.180. Карелин В.Г., Бецнер Б., Ковати Ж., Болотова Н.С., Сий Э. Антал Регули. Календариум/ Дневник венгерского путешественника – исследователя с 29 сентября 1843 г по 5 марта 1846 г. – Будапешт, 2008; Reguly A. Рукописные материалы. – Будапешт, библиотека венгерской академии наук, рукописный отдел, M.Nyelvtud., №12г, 2sz.
- 1.181. Papay J. Reguly Antal urali terkepe. – Foldrejzi Kozlemenyek, 1906, Budapest, XXXIV k., 9f, o.349-370.
- 1.182. Карелин В.Г. Высшая Уральская вершина. – Наука Урала, 1993, №10.
- 1.183. Алешков А.Н. Ляпинский край. – Материалы комиссии экспедиционных исследований Академии наук СССР, 1929, в.7, с.35-48.
- 1.184. Регули А. Перевод письма венгерского путешественника г-на Регули к члену Русского географического общества академику П.И.Кеппену от 21 января 1847 г. – Записки Русского географического общества, 1849, кн. III, с.159-175.
- 1.185. Гофман Э. Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой. – СПбг, 1856, т.II.
- 1.186. Stegena L. Reguly Antal Eszak – Ural Terkepe (1846). – Az Eötvös Lorand Tudomány – egyetem Terkeptudományi Tanszékének evkönyve, 9 kötet, - Budapest, 1983.
- 1.187. Karelin V.G. Hegynevek Reguly Antal Eszaki-Ural Terkepen (A XIX Szazad Kozelp). – Foldrajzi Kozlemenyek, 1991, CXV (XXXIX) k., №1-2, o.37-47.
- 1.188. Ромбандеева Е.И., Карелин В.Г. Мансийские оронимы на вставке к карте Северного Урала А.Регули (середина XIX века). – Советское финно-угроведение, 1989, т. XXV, №4, с.256-261.
- 1.189. Архипова Н.П. Непроторенными путями. – Екбг, 1994.
- 1.190. Карелин В.Г. Никифор Стражевский – исследователь Урала. – Материалы научно-практической конференции, посвященной 150-летию Е.С.Федорова, Крск, 2004, с.32-35.
- 1.191. Ковальский М.А. Избранные работы по астрономии. – М-Л, 1971.
- 1.192. Юрьев Д. Топографическое описание Северного Урала и рек его обоих склонов. – Записки Русского Географического общества, 1852, кн. 6, с.265-382.
- 1.193. Стражевский. Отчет о действиях Северной экспедиции в 1833 г. – Горный журнал, 1834, кн. 9, с.333-352; Описание действий Северной горной экспедиции в 1834 г. – Горный журнал, 1835, кн. 8,

- с.201-236; Отчет о действии 1-й партии северной горной экспедиции в 1835 г, находившейся под командою поручика Стражевского. – Горный журнал, 1836, кн. 6, с.397-405.
- 1.194. Ковальский М. Географическое определение мест и магнитные наблюдения на Северном Урале. – Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой, СПбг, т.1, 1853.
 - 1.195. Попов С. После дождя. – Сктр, 1969.
 - 1.196. Попов С. Вечный огонь. – Сктр, 1974.
 - 1.197. Журавский А.В. Ещё о северо-печорской экспедиции А.В. Журавского. – Изв. Архангельского общества изучения русского Севера, 1909, №11, с.54-56.
 - 1.198. Кеммерих А. Полярный Урал. – М, 1966.
 - 1.199. Курлаев Е.А., Корепанов Н.С., Побережников И.В. Техничко-технологические инновации в горно-металлургическом производстве Урала в XVII-XVIII вв. – Екбг, 2011.
 - 1.200. Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1720-1721, Т.1. – Tagebuchauf-Zeichnungen 1721-1722, Berlin, 1962, s.96.
 - 1.201. ГАСО, ф.24, оп.1, д.811, л.839.
 - 1.202. ГАСО, ф.24, оп.1, д. 1044, л.50 об.
 - 1.203. ГАСО, ф.24, оп. 12, д.1761, л.262.
 - 1.204. Карелин В.Г. Потомок тоболяка Семена Ремезова. – Уральский следопыт, 2012, №5, с.42-44.
 - 1.205. Карелин В.Г. Корелины – Каменский род. – Материалы четвертой уральской родоведческой научно-практической конференции, Екбг, 2010, с.102-107.
 - 1.206. Карелин В.Г. Корелины- древний каменский род. – Каменский завод, 2003, №3, с.14-16.
 - 1.207. Карелин В.Г. Три ели из детства. – Каменский завод, 2004, №2, с.37-39.
 - 1.208. Баклунд О.О. Экспедиция бр. Кузнецовых на Полярный Урал летом 1909 г. – Птбг, 1910.
 - 1.209. Баклунд О.О. Общий обзор деятельности экспедиции бр. Кузнецовых на Полярный Урал летом 1909 года. – Записки императорской Академии наук по физико-математическому отделению, VIII серия, т. XXVIII, №1, 1911.
 - 1.210. Троицкий Л.С. и др. Оледенение Урала. – М, 1966.
 - 1.211. Erman A. Reise um die Erde durch Nord-Asien und die beiden Oceane... - Berlin, 1833.
 - 1.212. Злоказов Л.Д., Семенов В.Б. Старый Екатеринбург. Город глазами очевидцев. – Екбг, 2000, с.168-175.
 - 1.213. Обдорск (из путешествия доктора Эрмана вокруг света). – Журнал министерства внутренних дел, ч.XVII, СПбг, 1835, с.40-57.
 - 1.214. Карелин В.Г. Путешествие А. Эрмана на Заполярном Урале. – Александр Гумбольдт и проблемы устойчивого развития Урало-Сибирского региона, Тюмень, 2004, с.51-54.
 - 1.215. Гумбольдт А. Центральная Азия – М, 1915.
 - 1.216. Горчаковский П.Л. Растительный мир высокогорного Урала. – М, 1975.
 - 1.217. Юрьев Д. Топографическое описание Северного Урала, исследованного Уральскою экспедицею в 1847 и 1848 годах с присовокуплением общего обзора путешествия экспедиции, отчета по съемке, разных замечаний в статистическом и этнографическом отношении, карты Северного Урала и плана города Березово (из записок Военно-топографического Депо) – СПбг, 1852.
 - 1.218. Журавский А.В. Результаты исследований «Приполярного» Запечорья в 1907 и 1908 годах. – Изв. Русского географического общества, 1909, т.XLV, в.1-III, с. 197-232.
 - 1.219. Федоров Е.С. Геологические исследования в Северном Урале в 1887-1889гг. – СПбг, 1898.
 - 1.220. Федоров Е.С. Пояснения к геологической карте, приложенной к отчету профессора Е.С.Федорова. – Горный журнал, 1897, т.IV, с.378-387.
 - 1.221. Носилов К.Д. С Оби на Печору. – Известия Русского Географического общества, 1884, т.XX, в.2, с.173-181.
 - 1.222. Носилов К.Д. С Оби на Печору. – 1884.
 - 1.223. Носилов К.Д. У вогулов. – М, 1904.
 - 1.224. Омельчук А. К.Носилов. – Сврк, 1989.
 - 1.225. Подревский Н. Поездка на Северный Урал летом 1892. – М, 1895.
 - 1.226. Долгушин Л.Д. Некоторые особенности рельефа, климата и современной денудации в Приполярном Урале. – М, 1951.
 - 1.227. Карелин В.Г. О названии высшей уральской вершины. – Региональные эколого-географические исследования и инновационные процессы в образовании. – Екбг, 2006, с.82-87.
 - 1.228. Карелин В.Г. Высшая уральская вершина. – Наука Урала, 1993, №10.
 - 1.229. Карелин В.Г. К истории географического открытия Приполярного Урала. – Региональные эколого-географические исследования и инновационные процессы в образовании, Екбг, т.2, 2006, с.87-95.
 - 1.230. Карелин В.Г. Среднеуральские туристы на Приполярном Урале. – Региональные эколого-географические исследования и инновационные процессы в образовании, Екбг, т.2, 2006, с.95-104.
 - 1.231. Кеммерих А.О. Приполярный Урал. – М, 1970.
 - 1.232. Кеммерих А.О. Гидрография Северного Приполярного и Полярного Урала. – М, 1961.
 - 1.233. Алешков А.Н. Открытие ледников на Северном Урале. – Природа, 1930, №1, с.85-87.

- 1.234. Алешков А.Н. О первых ледниках Северного Урала. – Изв. Главного геолого-разведочного управления, 1931, т.50, в.23, с.363-374.
- 1.235. Долгушин Л.Д. Новые данные о современном оледенении Урала. – Вопросы географии, 1949, сб.15, с.147-186.
- 1.236. Воронов Г.И., Каёта Г.М. – Е.С.Федоров – Сврк, 1983.
- 1.237. Данько В.Ю., Ерёмкин М.А. Вершины центральной части Приполярного Урала/ Путеводитель по национальному парку «Югыд Ва». – Сктр, 2004.
- 1.238. Данько В.Ю., Ерёмкин М.А. Перевалы центральной части Приполярного Урала/ Путеводитель по национальному парку «Югыд Ва». – Сктр, 2005.
- 1.239. Данько В.Ю., Ерёмкин М.А. Базы, избы. Дороги и тропы. Стратегия и тактика походов. Топонимия/ Путеводитель по центральной части Приполярного Урала. – Сктр, 2006.
- 1.240. Лепехин И. Дневные записки путешествия доктора и академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. – Птбг, ч.1, 1771; ч.2, 1772; ч.3, 1780.
- 1.241. Hofmann E., Helmersen G. Geognostischen Untersuchung des Süd-Uralgebirges, ausgeführt in der Jahren 1828 und 1829. – Berlin, Posen und Bromberg, 1831; русский перевод – Гофманн Э., Гельмерсен Г. Описание Южного Урала – Горный журнал, 1835, ч.1,2 и 4.
- 1.242. Карелин В.Г. Александр фон Гумбольдт и Конжаковский Камень. – Александр Гумбольдт и исследования Урала/ материалы Российско-Германской конференции 20-21 июня 2002 г, Екбг, с.208-211.
- 1.243. Письмо Гумбольдта А. к Гельмерсену Г. от 09.04.1837г. – Переписка Александра Гумбольдта с учеными и государственными деятелями России, М, 1962.
- 1.244. Письмо Гумбольдта к Шиллингу П. от 1832г. – Переписка Александра Гумбольдта с учеными и государственными деятелями России, М, 1962.
- 1.245. Fedorov W. Vorläufige Berichte über die von ihm in Jahren 1832 bis 1837 auf aller –höchsten Befehl in west Sibirien ausgeführten astronomisch-geografischen Arbeiten – St-Pet., 1838.
- 1.246. Hofmann E. Kürze Übersicht der geognostischen Ferhältnisse des mittlern Uralgebirges – Dorpat, 1835.
- 1.247. Гельмерсен Г. Об Урале и Алтае. – Горный журнал, 1838, ч.II, кн. 4, с.1-23.
- 1.248. Округ Богословских заводов/ Извлечено поручиком Рожковым из путешествия г.Розе на Урал, Алтай и пр. – Горный журнал. 1838, кн. 6, с.300-353.
- 1.249. Письмо Гумбольдта А. к Якоби от 13 марта 1840г. – Переписка Александра Гумбольдта с учеными и государственными деятелями России, М, 1962.
- 1.250. Письмо Гумбольдта А. к Гебелю Ф. от 26 апреля 1838г. – Переписка Александра Гумбольдта с учеными и государственными деятелями России, М, 1962.
- 1.251. Rose G. Mineralogische-geognostische Reise nach dem Ural, dem Altai und dem Kaspischen Meere. – Berlin, 1842, В.II, с.439-442.
- 1.252. Helmersen G. Reise nach dem Ural und Kirgisiensteppe in den Jahren 1833 und 1835. – Beitrage zur Kenntnisse der Russischen Reiches..., St-Pet., 1841, Bd.5.
- 1.253. Щуровский Г.Е. Уральский хребет в физико-географическом, геогностическом и минералогическом отношениях. – М, 1841, с.407-408.
- 1.254. Гофманн Э. Об ипсометрических отношениях хребта Уральского. – Птбг, 1860.
- 1.255. Reguly A. Рукописные материалы – Будапешт, библиотека венгерской академии наук, рукописный отдел, M.Nyelvtud, №2г-4/v-/d1.
- 1.256. Hofmann Э. Allgemeine Übersicht des Uralgebirges. – Petersburg, 1850.
- 1.257. Hofmann Э. Über die hipsometrischen Verhältnisse der Uralgebirges. – Zeitschrift für Allgemeine Erdkunde, Berlin, 1858, Bd.V, H.6.
- 1.258. Боч С.Г. Геоморфологический очерк района горы Народной. – Урал. Приполярные районы/ Труды ледниковых экспедиций, в.IV, Л, 1935, с.116-149.
- 1.259. Опарин Ф. На Полярном Урале. – На суше и на море, 1937, №3, с.7-8.
- 1.260. Опарин Ф. По «белому» пятну. – На суше и на море, 1937, №4, с.19-20.
- 1.261. Опарин Ф. В сердце Урала. – На суше и на море, 1937, №5, с.22-23.
- 1.262. В дебрях Северного Урала – Уральский рабочий, 1936, №№233,236,237,239,240,242. Полубарьев Н.П. Салехард – Ивдель. – Советская Арктика, 1937, №10, с.76-81.
- 1.263. Масленников Е.П. По Приполярному Уралу. – Зовут дороги дальние.../ Рассказы уральских туристов, Сврк, 1961, с.7-52.
- 1.264. Аксельрод М. 350 километров по Приполярью/ На вершину Урала – Народную – впервые совершенно восхождение зимой. – На смену, 1956, 13 мая.
- 1.265. Горчаковский П.Л. На горе Ялпинг-ньер. – Уральский рабочий, 1950, 28 июля.
- 1.266. Горчаковский П.Л. О реликтовой флоре известковых береговых обнажений по рекам Ивдель и Тошемка на Северном Урале. – Доклады АН СССР, новая серия, 1951, т.81, №4, с.689-692.
- 1.267. Букина М.Н., Постнов Ю.С. Б.В.Дидковский – Сврк, 1986.
- 1.268. Первухина А.Е. По реке Косью в Северном крае. – Советское краеведение, 1936, №9.
- 1.269. Чернов А.А., Чернов Г.А. Геологическое строение бассейна реки Косью в Печорском крае. – М, 1940.

- 1.270. Чернов Г. Туристские походы в «Печорские Альпы». – Сктр, 1959.
- 1.271. Чернов Г. Туристские походы в «Печорские Альпы». М, 1965.
- 1.272. Варсанюфьева В.А. Сергей Геннадьевич Боч. – Известия Коми филиала Всесоюзного географического общества, 1957, в.4, с.160-166.
- 1.273. Приходько Ю.П. Туристские походы по Приполярному Уралу. – Известия Коми филиала Всесоюзного географического общества, 1957, в.4, с.154-158.
- 1.274. Рубель Р.Б., Масленников Е.П. Путешествия по Уралу. – Сврк, 1956.
- 1.275. Масленников Е., Истомин П., Рубель Р. Урал – туристская страна. – Сврк, 1964.
- 1.276. Масленников Е. Где ты, гора Колокольня? – Уральский следопыт, 1976, №9, с.20бл, 50-51.
- 1.277. Карелин В.Г. 600 ступеней горы Колокольни. – Уральский рабочий, 1968, 29 сентября.
- 1.278. Северный и Приполярный Урал/ Туристская схема. – М, 1973 (авторы текста Истомин П.И., Масленников Е.П.).
- 1.279. Карелин В.Г. Первый мастер спорта по туризму на Урале. – Исторические чтения «Имена уходящего века», 2003, Члбк, в.6, с.26-29.
- 1.280. Борисихин Ю. На зов приполярных вершин. – Уральский следопыт, 1980, №11, с.4-9.
- 1.281. РГАДА, ф.248, оп.160, д.1383.
- 1.282. ТФ ГАТО, ф.154, оп.21, д.74.
- 1.283. Keyserling A., Krusenstern P. Wissenschaftliche Beobachtungen auf einer Reis in das Petschora-land. – St-Peterburg, 1846.
- 1.284. Фишман М.В. Геологическое строение и горные породы Сабли/ Приполярный Урал. – Сктр, 1956.
- 1.285. Охапкин Ю. Зауральский странник. – Екбг, 2012.
- 1.286. Носилов К. Об исследовании проходов ярез Уральский хребет. – Известия императорского Русского Географического общества, 1885, т.21, в.4, с.337.
- 1.287. Носилов К. С Оби на Печору. – Известия императорского Русского Географического общества, 1884, т.20, в.2.
- 1.288. Rabot Ch. Travels la Russe boreale. – Paris, 1894.
- 1.289. Поле Р. Материалы для флоры Северной России. – Известия для флоры Северной России. – Известия императорского Санкт-Петербургского ботанического сада, СПбг, 1912, т.ХІІ, в.5-6, с.125-133.
- 1.290. Поле Р. К биологии сибирского кедра. – Известия императорского Санкт-Петербургского ботанического сада, СПбг, 1913, т.ХІІІ, в.1-2, с.1-22.
- 1.291. Горбунов В. Гнездо ветров. – Сврк, 1934.
- 1.292. Черепов И. В гнездо бурь. – На суше и на море, 1933, №№11,12.
- 1.293. Сошкина Е. Тельпоз-из (высочайшая вершина Северного Урала). – Северная Азия, 1929, №2 (26), с.111-120.
- 1.294. Грозный Б. Тель-поз-из. – На смену, 1938, 08 июня.
- 1.295. Портенко Л.А. Фауна птиц Северного Урала. – М-Л, 1937.
- 1.296. Карелин В.Г. Ракета – причина трагедии? – на смену, 5 октября 1990 г.
- 1.297. Истомин П. Тем, кто не боится трудных дорог. – Сврк, 1963.
- 1.298. Карелин В.Г. О названии горы «Денежкин Камень». – Материалы Региональной научно-практической конференции, посвященной 250-летию Турьинских рудников - Крастотурьинска, Крск. 2008, с.36-38.
- 1.299. ГАСО, ф. 59, оп. 3, д.3026
- 1.300. ГАСО, ф.24, оп.1, д.1649, л.250.
- 1.301. ГАСО, ф.59, оп. 1, д.206.
- 1.302. ГАСО, ф.24, оп.23, д.6887, л.14.
- 1.303. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. - , СПбг, 1786, ч.2, кн.1.
- 1.304. ГАСО, ф.59, оп.17, д.9.
- 1.305. ГАСО, ф.642, оп.1, д.193.
- 1.306. Карелин В.Г. Медные рудники в районе горы Конжаковский Камень (первая половина XVIII века). – Материалы первой региональной краеведческой научно-практической конференции «Походяшинские чтения», Екбг, 2005, с.55-64.
- 1.307. ГАСО, ф.24, оп.1, д.138, л.136-137.
- 1.308. ГАСО, ф.24, оп. 1, д.125, л.213.
- 1.309. ГАСО, ф.24, оп.1, д.70.
- 1.310. ГАСО, ф.24, оп.1, д.188, л.639-639об.
- 1.311. ГАСО, ф.24, оп.1, д.336а, л.587-587об.
- 1.312. Широков В.Н. Уральские писаницы – Культурные памятники горно-лесного Урала, Екбг, 2004, с.281-341.
- 1.313. Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. – М, 1964; М, 1971.
- 1.314. Широков В.Н., Чаиркин С.Е., Чемякин Ю.П. Уральские писаницы. Река Нейва. – Екбг, 2000.
- 1.315. Широков В.Н., Чаиркин С.Е., Широкова Н.А. Уральские писаницы. Река Тагил. – Екбг, 2005.

- 1.316. Широков В.Н. Уральские писаницы. Реки Реж и Ирбит. – Екбг, 2009.
- 1.317. Широков В.Н. Уральские писаницы. Южный Урал. – Екбг, 2009.
- 1.318. Широков В.Н., Чаиркин С.Е. Наскальные изображения Северного и Среднего Урала. – Екбг, 2011.
- 1.319. Дубровский Д.К., Грачев В.Ю. Уральские писаницы в мировом наскальном искусстве. – Екбг, 2011.
- 1.320. Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии... - СПбг, 1811, ч.1.
- 1.321. Булычев Н.П. Камень писанец (с рисунком) – Записки УОЛЕ, 1876, т.II, в.2, с.120-123.
- 1.322. Ларичев В.Е. Древо познания. – М, 1985.
- 1.323. Виноградов Н. Страницы древней истории Южного Урала. – Члбк, 1997.
- 1.324. Ражев Д.И. Расотаксономическое положение населения Урала в период неолит-энеолита. – Проблемы общей и прикладной экологии, Екбг, 1996, с.187-208.
- 1.325. Моисеев В.Г. Происхождение уралоязычных народов по данным краниологии. – СПбг, 1999.
- 1.326. Формозов А.А. Очерки по первобытному искусству. – М, 1969.
- 1.327. Чаиркина Н.М. Антропо- и зооморфные образы энеолитических комплексов Среднего Зауралья. – Вопросы археологии Урала, 1998, в.23, с.81-104.
- 1.328. Савенков И.Т. К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея. – Известия Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества, 1887, т.XVII, № 3-4.
- 1.329. Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX веков. – М, Л, 1954.
- 1.330. Матюшин Г.Н. Мезолит Южного Урала. – М, 1976.
- 1.331. Шилов Ю. Космические тайны курганов. – М, 1990.
- 1.332. Бадер О.Н. Капова пещера. – М, 1965.
- 1.333. Широков В.Н., Rowe M.W., Steelman K.L., Southon J.R. Игнатъевская пещера – первые прямые радиоуглеродные датировки настенных рисунков. – Образы и сакральное пространство древних эпох, Екбг, 2003.
- 1.334. Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнатъевской пещере на Южном Урале – Нвск, 1992.
- 1.335. Карелин В.Г. Тайнство уральских писаниц – Уральский следопыт, 2011, №1, с.66-74.
- 1.336. Карелин В.Г. Путеводная гипотеза семантики уральских писаниц. – Наскальное искусство в современном обществе (к 290-летию научного открытия Томской писаницы. Материалы международной научной конференции 22-26 августа 2011., Кмрв, том 2, Кмвр, 2011, с.37-44.
- 1.337. Карелин В.Г. Древнейшие речные пути с перевалами через горы Среднего Урала. – Пятое Чупинские краеведческие чтения, Екбг, 2010, с.13-19.
- 1.338. Карелин В.Г. Эта загадочная Шайтанка. – Уральский следопыт, 2011, №10, с.25-29.
- 1.339. Ковалева В.Т. Скрытые символы древнего знания. – Уральский исторический вестник, 1997, №4, с.65-75.
- 1.340. Викторова В.Д., Чаиркина Н.М., Широков В.Н. Гора и водоплавающая птица в миропонимании древнего уральского населения. – Уральский исторический вестник, 1997, №4, с.40-64.
- 1.341. Викторова В.Д., Колмакова В.В., Федорова Л.Ю. И разные народы побывали здесь. – Образы и сакральное пространство древних эпох, Екбг, 2003, с.9-20.
- 1.342. Петрин В.Т. Новые наскальные изображения Урала. – Проблемы археологии Северной и Восточной Азии, Нвск, 1986, с.99-132.
- 1.343. Широков В.Н. Уральские писаницы. Реки Реж и Ирбит. – Екбг, 2007.
- 1.344. Хабарова С.В. Этнографические параллели андроновским орнаментам. – Обские угры. Материалы 11-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири», Тобольск, Омск, 1999, с.207-208.
- 1.345. Кашина Т.И. Наборы лепных зооморфных скульптур в неолите-энеолите лесной зоны Восточной зоны Европы и Финляндии. – Миф, обряд и ритуальный предмет в древности, Екатеринбург-Сургут, 2007, с.125-135.
- 1.346. Голан А. Миф и символ.- М, 1993.
- 1.347. Косарев М.В. Бронзовый век Западной Сибири. – М, 1981.
- 1.348. Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения – М, 1999.
- 1.349. Широков В.Н., Чаиркин С.Е. Писаница Старичная (река Нейва, Средний Урал). – Охранные археологические исследования на Среднем Урале, Екбг, 1997, с.41-49.
- 1.350. Карелин В.Г. Каменная «картосхема» верховьев реки Нейва. – Девятые татищевские чтения, Екбг, 2012, с.329-334.
- 1.351. Свердловская область. Атлас. – Екбг, 2010.
- 1.352. Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири. – М, 1991.
- 1.353. Петрин В.Т., Нохрина Т.И., Шорин А.Ф. Археологические памятники Аргазинского водохранилища/ Эпоха камня и бронзы. – Нвск, 1993.
- 1.354. Телегин Д.Я. О так называемых челноках или утюжках в Европе и Азии. – Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Орбг, 1980, с.20-21.

- 1.355. Дмитриев П.А. Шигирская культура на восточном склоне Урала. – Материалы и исследования по археологии СССР/ Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья, 1951, в.21, т. II, с.28-93.
- 1.356. Матюшин Г.Н. У истоков цивилизации. – М, 1992.
- 1.357. Хлобыстин Л.П. Поселение Липовая Курья. – Л, 1976.
- 1.358. Сериков Ю.Б. Серый Камень – Древнейший памятник Горбуновского торфяника. – Охранные археологические исследования на Среднем Урале, 1991, в.1, с.15-25.
- 1.359. Панина С.Н. Палатка II – поселение аятской культуры на р.Исеть. – Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири, 1998, с.18-29.
- 1.360. Морозов Ю.А. Энеолитические памятники Приуралья. – Волго-уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла/ Сборник трудов Куйбышевского педагогического института, Куйбышев, 1982, в.263, с.71-82.
- 1.361. Крижевская Л.Я. Неолит Южного Урала. – Л, 1968.
- 1.362. Кернер В.Ф. Поселение Исетское правобережное. – Неолитические памятники Урала, Свердловск, 1991, с.46-67.
- 1.363. Попова Т.Б. Дольмены станицы Новосободной. – М, 1963.
- 1.364. Эдинг Д.Н. Новые находки на Горбуновском торфянике. – Археологические памятники Урала и Прикамья/ Материалы и исследования по археологии СССР, 1940, №1, с.41-57.
- 1.365. Викторова В.Д. Культурные памятники в верховьях р.Исети. – Святыни: археология ритуала и вопросы семантики, СПбг, 1990, с.175-179.
- 1.366. Викторова В.Д., Кернер В.Ф. «Утюжки» с неолитических и энеолитических памятников Зауралья. – Вопросы археологии Урала, 1998, в.23, с.63-80.
- 1.367. Берс Е.М. Археологическая карта г.Свердловска и его окрестностей. – Материалы и исследования по археологии СССР/ Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья, 1951, в.21, т. II, с.182-243.
- 1.368. Шорин А.Ф. Кокшаровский холм – культовый комплекс? – Святыни: археология ритуала и вопросы семантики, СПбг, 1990, с.159-162.
- 1.369. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Нвск, 1985.
- 1.370. Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. – Екбг, 2005.
- 1.371. Обыденнов М.Ф., Корепанов К.И. Искусство Урала и Прикамья. Эпоха камня и бронзы. – Уфа, 1997.
- 1.372. Викторова В.Д. Культурные озерные памятники. – Культурные памятники горно-лесного Урала, Екбг, 2004, с.144-157.
- 1.373. Усачева И.В. Эти загадочные «утюжки»: к вопросу о функциональном назначении. – Уральский исторический вестник, 2006, в.14, с.63-67.
- 1.374. Усачева И.В. «Утюжки» в культурах Евразии. – Вестник археологии, антропологии и этнографии, 2005, в.6, с.12-23.
- 1.375. Усачева И.В. «Утюжки» как маркеры культурного взаимодействия в Евразии в VII-II тыс. до н.э. – Современные проблемы археологии России, Нвск, 2006, т.1, с.317-319.
- 1.376. Усачева И.В. Иррациональное в утюжках. – XVII Уральские археологическое совещание, 2007, с.119-121.
- 1.377. Усачева И.В. Утюжки Евразии как исторический источник. – Екбг, 2007.
- 1.378. Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. – М, 1982.
- 1.379. Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке – Л, 1968.
- 1.380. Молодин В.И. Древнее искусство Западной Сибири. – Нвск, 1992.
- 1.381. Окладников А.П. К истории культурно-этнических связей населения Евразии в III-II тысячелетиях до н.э. – Советская этнография, 1966, №1, с.119-126.
- 1.382. Кренке Н.А., Цепкин Е.А. Рыболовство на Москве-реке с V в до н.э. – СА, 1991, №1, с.103-111.
- 1.383. Ковалева В.Т. Архаические модели мироздания Зауралья (по археологическим источникам). – Вопросы археологии Урала, 2002, в.24, с.4-24.
- 1.384. Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Историография и дискуссионные проблемы боборыкинской культуры. – Вопросы археологии Урала, 1998, №23, с.162-183.
- 1.385. Викторова В.Д. Гора-центр мироздания... - Культурные памятники горно-лесного Урала, Екбг, 2004, с.233-236.
- 1.386. Пушкарев В.Е. К проблеме интерпретации «утюжков». – Вестник общества открытых исследований древности, Члбк, 2002, в.1, с.65-66.
- 1.387. Алексашенко Н. Древние камнедобытчики Урала, Екбг, 1998, в.2, с.18-23.
- 1.388. Алексашенко Н.А. «Утюжки» под микроскопом. – Культурные памятники горно-лесного Урала, Екбг, 2004, с.239-254.
- 1.389. Валиди Тоган А. История башкир. – Уфа, 2010.
- 1.390. Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. – Уфа, 1994.
- 1.391. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. – М, 1974.

- 1.392. Вербицкая Н.П. Геоморфология Южного Урала и Мугоджар. – Тр. ВСЕГЕИ, нов. Серия, т.217, М, 1974.
- 1.393. Красильников Ф.С. Поездка на Яман-тау. – Землеведение, 1904, т.11, кн. IV, с.23-42.
- 1.394. Меч А. Материалы к познанию флоры Южного Урала. – Труды общества естествоиспытателей Казанского университета, 1896, т.29, в.4, с.1-42.
- 1.395. Григорьев С.А., Меньшенин Н.М. Мегалитические сооружения острова Вера на озере Тургояк в Южном Зауралье. – Известия Челябинского научного центра, 2004, вып. 1 (22), с.208-213.
- 1.396. Филиппов А.К. Хаос и гармония в искусстве палеолита. – СПбг, 2004.
- 1.397. Асеев В. Изобразительное искусство как источник отражения религиозных и социально-экономических взаимоотношений в древнем обществе. – Сибирь в панораме тысячелетий, 1998, т.1, с.24-31.
- 1.398. Ларичев В.Е. «Белая лошадь» Черной горы. – Древние культуры Южной Сибири и северо-восточного Китая/ История и культура Востока Азии, Нвск, 1994, с.9-40.
- 1.399. Клягин Н. Современная научная картина мира. – М, 2007.
- 1.400. Leroi-Gourhan A. Prehistoire de l'art occidental. – Paris, 1965, 1971, 1995.
- 1.401. Бледнова Н.С., Шер Я.А. Символический характер палеолитического искусства. – Евразия сквозь века, СПбг, 2001, с.39-52.
- 1.402. Калугин Г.А. Три путешествия по рекам. – Члбк, 1974.
- 1.403. Юрин В.И. Из опыта исследований спелеообъектов Южного Урала. – Члбк, 2010.
- 1.404. Шумков В. Страна пещер. – Уральский следопыт, 2005, №3, с.1-5; №4, с.49-51; №11, с.57-59.
- 1.405. Казахстан. – М, 1969.
- 1.406. Ковалевский, Генгросс. Описание западной части киргиз-казахьей или киргиз-кайсацкой степи. – Горный журнал, 1840, ч.IV, кн. XII, с.315-346.
- 1.407. Humboldt A. Asie Central. – Paris, 1843.
- 1.408. Мамин-Сибиряк Д.Н. Гора Ирмель. – Землеведение, 1894, т.1, с.47-55.
- 1.409. Мамин-Сибиряк Д.Н. Поездка на гору Ирмель/ Из летних экскурсий. – Южный Урал, Члбк, 1955, с.173-187.
- 1.410. Мамин-Сибиряк Д.Н. Поездка на гору Ирмель... (рукопись). – ГАСО, ф.136, оп. 1, д.52, лл.1-17.
- 1.411. Карелин В.Г. Имени уральского писателя. – Вечерний Екатеринбург, 1988, 05 августа.
- 1.412. Карелин В.Г. Д.Н.Мамин-Сибиряк и южно-уральская гора Ирмель. – Творчество Д.Н.Мамина-Сибиряка в контексте русской литературы, Екбг, 2002, с.187-191.
- 1.413. Цветаев А.А. Горы Ирмель. – Уфа, 1965.
- 1.414. Аркаим: исследования, поиски, открытия. – Члбк, 1995.
- 1.415. Зданович Г.Б. За две тысячи лет до Трои – Вокруг света, 1989, №3.
- 1.416. Иванова Е.Н., Роде А.А. Почвы Мугоджарских гор и прилегающих равнин. – Труды почвенного института, 1934, т.X, в.8.
- 1.417. Дохман Г.И. Растительность Мугоджар. – М, 1954.
- 1.418. Богданов М.Н. Обзор экспедиций и естественно-исторических исследований в Арало-Каспийской области с 1820 по 1874 г. – Труды Арало-Каспийской экспедиции, в.1, 1875.
- 1.419. Яншин А.Л., Гольденберг Л.Д. Первые русские научные исследования Устюрта. – М, 1963.
- 1.420. Бейсенова А.С. Исследования природы Казахстана. – А-А, 1979.
- 1.421. Evermann Э. Reise von Orenburg nach Buchara. – Berlin, 1823.
- 1.422. Мейендорф Е. Путешествие из Оренбурга в Бухару. – М, 1975.
- 1.423. Гольденберг Л.А. Новые данные Арало-Каспийской экспедиции Ф.Ф.Берга 1825-1826гг. – Изв. АН СССР, сер.географ., 1959, №4, с.102-105.
- 1.424. Эверсман Э. Естественная история Оренбургского края. – Орбг, 1840, ч.1,2,3.
- 1.425. Ханьков Н.В. О населении киргизских степей. – ЖМВД, 1845, кн.VIII, с.3-60.
- 1.426. [Ханьков Н.В.] Карта земель киргизов внутренней и Малой орд. – ЖМВД, 1845, кн. 4, с.95-104.
- 1.427. Ханьков. Очерк состояния внутренней киргизской орды в 1841 г. – Записки ИРГО, 1849, кн. 1 и 2.
- 1.428. Северцов Н. Геологические наблюдения, сделанные Н.Северцовым и И.Борщевым в западной части киргизской степи в 1857 г. – Горный журнал, 1860, №5, с.300-318.
- 1.429. Северцов. Составляет ли Усть-урт продолжение хребта Уральского? – Горный журнал, 1862, кн.1, с.80-86.
- 1.430. Шульц К.К. Некоторые результаты нивелировочных исследований произведенных между Оренбургом, Аральским морем и Кара-Тугаем. – Записки ИРГО по общей географии, 1882, т.XII, №3, с.1-40.
- 1.431. Пригоровский М.М. Краткий геологический очерк Мугоджарских гор и смежных частей Тургайской и Уральской степи. – Известия геологического комитета, 1914, т.33, №8, с.889-928.
- 1.432. Ремезов С.У. Хорографическая чертежная книга Сибири, т.1,2, Тблк, 2011.
- 1.433. Булатов В.Э. Первый атлас Сибири. – Наука в России, 2012, №4, с.97-103.
- 1.434. ГАСО, ф.59, оп.3, д.1725.
- 1.435. Петрин В.Т. Новые данные о писаницах с озера Большие Аллаки. – СА, 1976, №1, с.153-158.

- 1.436. IV международная научно-практическая конференция «Ремезовские чтения». – Реликвариум, 2013, №3, с.18-19.
- 1.437. Софронова М.Н. Ремезов – архитектор. – Реликвариум, 2013, №3, с.8-9.
- 1.438. Софронова М.Н. Деяния служилого человека Семена Ремезова. – Реликвариум, 2013, №3, с.20-22.
- 1.439. Чибилёв А.А. Европа и Азия: уточнение границы. – Наука в России, 2011, №6, с.101-109.
- 1.440. Чибилёв А.А., Чибилёв Ант. А. Природное районирование Урала с учетом широтной зональности, высотной поясности и вертикальной дифференциации ландшафтов. – Изв. Самарского научного центра РАН, 2012, т.14, №1, с.1660-1665.
- 1.441. Чибилёв А.А. О понятии «Южный Урал». – Известия Оренбургского отдела РГО, 2007, №3, с.44-49.
- 1.442. Чибилёв А.А. Урал: природное разнообразие и евро-азиатская граница. – Екатеринбург, 2011.
- 1.443. Куницын Л.Ф. Природные районы Полярного Урала. – Землеведение, 1963, т.6, с.41-56.
- 1.444. Яншин А.Л. О погружении к югу Уральской складчатой системы и тектонической природе Южноэмбенского поднятия. – Бюллетень Московского общества испытателей природы, сер.геологич., 1955, т.30, №5, с.51-74.
- 1.445. Гарецкий Р.Г. Унаследованные дислокации платформенного чехла периферии Мугоджар. – Труды геологического института АН СССР, 1962, в.60.
- 1.446. Огарин И.С. Глубинное строение Урала. – М, 1974.
- 1.447. Галицкий В.В. Урало-Тянь-Шанская зона сдвигов. – Советская геология, 1940, №9, с.73.
- 1.448. Берлянд Н.Г. Районирование Урала по типу строения земной коры. – Советская геология, 1982, №11, с.78-80.
- 1.449. Архипов В.И. и др. Аномалии силы тяжести и глубинная тектоника Южного Урала. – Глубинное строение Урала, М, 1968.
- 1.450. Буданов Н.Д. Особенности геологического строения и гидрогеологическая карта Урала. – Труды института геологии и геохимии УФАИ, 1970, в.84.
- 1.451. Карелин В.Г. Таинство уральских писаниц. – Уральский следопыт, 2011, №1, с.66-74.
- 1.452. Карелин В.Г. Путеводные утюжки. – Уральский следопыт, 2011, с.5-11.
- 1.453. Карелин В.Г. Путеводная гипотеза семантики уральских писаниц. – Накальное искусство в современном обществе, т.2, Кемерово, 2011, с.37-44.
- 1.454. Карелин В.Г. Эта загадочная Шайтанка. – Уральский следопыт, 2011, №10, с.25-29.
- 1.455. Karelin V.G. Alexander von Humboldt und die geographische Erforschung des Ural. - Alexander von Humboldt und Russland. Eine Spurensuchen, Berlin, 2014, s.189-212.
- 1.456. Карелин В.Г. Где кончаются уральские горы. – Уральский следопыт, 2015, №7, с.36-40.
- 1.457. Сериков Ю.Б. Шайтанское озеро – священное озеро древности. – Нижний Тагил, 2013.
- 1.458. Карелин В.Г. Гора с двумя названиями. – Уральский следопыт, 2016, №12, с.16-21.
- 1.459. Карелин В.Г. Гора получила имя журнала. – Уральский следопыт, 2016, №5, с.28-32.
- 1.460. Карелин В.Г. Хол-Хулне – гора, а не хребет. – Уральский следопыт, 2016, №8, с.30-33.
- 1.461. Карелин В.Г. Анализ опубликованной информации по вопросу физико-географического районирования Урала. – Современные исследования природных и социально-экономических систем. Инновационные процессы и проблемы развития естественно-научного образования, Екатеринбург, 2016, с.150-155.
- 1.462. Карелин В.Г. Гора великого князя. – Уральский следопыт, 2017, №8, с.6-9.
- 1.463. Карелин В.Г. Ямантау – древнейший путеводитель. – Уральский следопыт, 2015, №12, с.28-32.
- 1.464. Карелин В.Г. Ирмель – гора «с прилавком». – Уральский следопыт, 2015, №11, с.12-14.
- 1.465. Карелин В.Г. Пай-Ер – указатель пути. – Уральский следопыт, 2016, №6, с.3-7.
- 1.466. Карелин В.Г. Гора «куча рыбьих плавников». – Уральский следопыт, 2017, №6, с.14-17.
- 1.467. Карелин В.Г. Загадочный хребет Зигальга. – Уральский следопыт, 2016, №3, с.42-47.
- 1.468. Карелин В.Г. Возвращение приполярного оронима. – Уральский следопыт, 2018, №10, с.34-38.
- 1.469. Карелин В.Г. Лед и камни. – Уральский следопыт, 2018, №2, с.8-13.
- 1.470. Карелин В.Г. Поенг-Ур – высшая уральская гора. – Екатеринбург, 2016.
- 1.471. Карелин В.Г. Пути-дороги древнего уральца. – Екатеринбург, 2018.
- 1.472. Карелин В.Г. Лозьвинский крючок. – Екатеринбург, 2018.
- 1.473. Карелин В.Г. Гора Защита. – Уральский следопыт, 2016, №4, с.42-47.
- 1.474. Карелин В.Г. Три хребта – одна излучина. – Уральский следопыт, 2017, №3, с.38-43.
- 1.475. Карелин В.Г. Нәри – хребет с каменным «скелетом». – Уральский следопыт, 2017, №5, с.20-25.
- 1.476. Карелин В.Г. Хребет с ледниками. – Уральский следопыт, 2018, №1, с.32-37.
- 1.477. Карелин В.Г. Гора с длинной скальной гребенкой. – Уральский следопыт, 2018, №8, с.12-15.
- 1.478. Карелин В.Г. Урал на картах Птолемея// Уральский следопыт, 2013, №6, с.3-8.
- 1.479. Васильева И.В. Культурные находки Шайтанского озера// Тагильский край в панораме веков. Вып.2. Нижний Тагил, 2001, с.105-106.
- 1.480. Сериков Ю.Б. К вопросу о функциональном и сакральном назначении так называемых утюжков// Уфимский археологический вестник, 2013, №13, с.4-12.
- 1.481. Тамплон Е. Малое Чертово Городище// Уральский следопыт, 2016, №8, с.22-23.

- 1.482. Тамплон Е. Белый камень// Уральский следопыт, 2016, №9, с.24-25.
- 1.483. Сериков Ю.Б. Шайтанское озеро – священное озеро древности, Нижний Тагил, 2013, 408 с.
- 1.484. Сериков Ю.Б. Шайтанское озеро – «святое» озеро древности// Народы и религии Евразии, 2009, т.3, №3, с.159-173.
- 1.485. Сериков Ю.Б. «Утюжки» с Шайтанского озера// Nota Bene. Вып.1. Случайная находка, Новосибирск, 2007, с.59-61.
- 1.486. Шаманаев А.В., Зырянов С.Ю. Предметы культового назначения стоянки Шайтанское озеро 1// 120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф.Генинга, Екатеринбург, 1999, с.84-89.
- 1.487. Викторова В.Д. Чаши на склонах горно-лесного Зауралья// Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь, 2007, с.55-59.
- 1.488. Викторова В.Д. Новации и традиции в культурах древнего населения верховьев реки Исети (эпоха раннего железа) // Вестник Уральского отделения РАН, 2008, №2 (24), с.79-92.
- 1.489. Шимаковская К.В. Чаши на скалах Шайтанского озера (Среднее Зауралье) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции, 2008, в.5, с.126-130.
- 1.490. Шимаковская К.В. Священные места древности как элементы природного ландшафта // Четвертые Невьянские исторические чтения, 2009.
- 1.491. Сериков Ю.Б. Мегалитические культовые объекты древнего Урала // Народы и религии Евразии, 2018, №1(44), с.101-121.
- 1.492. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре, Санкт-Петербург, 1993.
- 1.493. Широков В.Н. Уральские писаницы. Южный урал. – Екатеринбург, 2009.
- 1.494. Петрин В.Т. Новые данные о писаницах с озера Большие Аллаки // Советская археология, 1976, №1, с.153-158.
- 1.495. ГАСО, ф.139, оп.1, д.22, с.855 об.
- 1.496. Тамплон Е. Павлогром // Уральский следопыт, 2016, №12, с.24-25.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

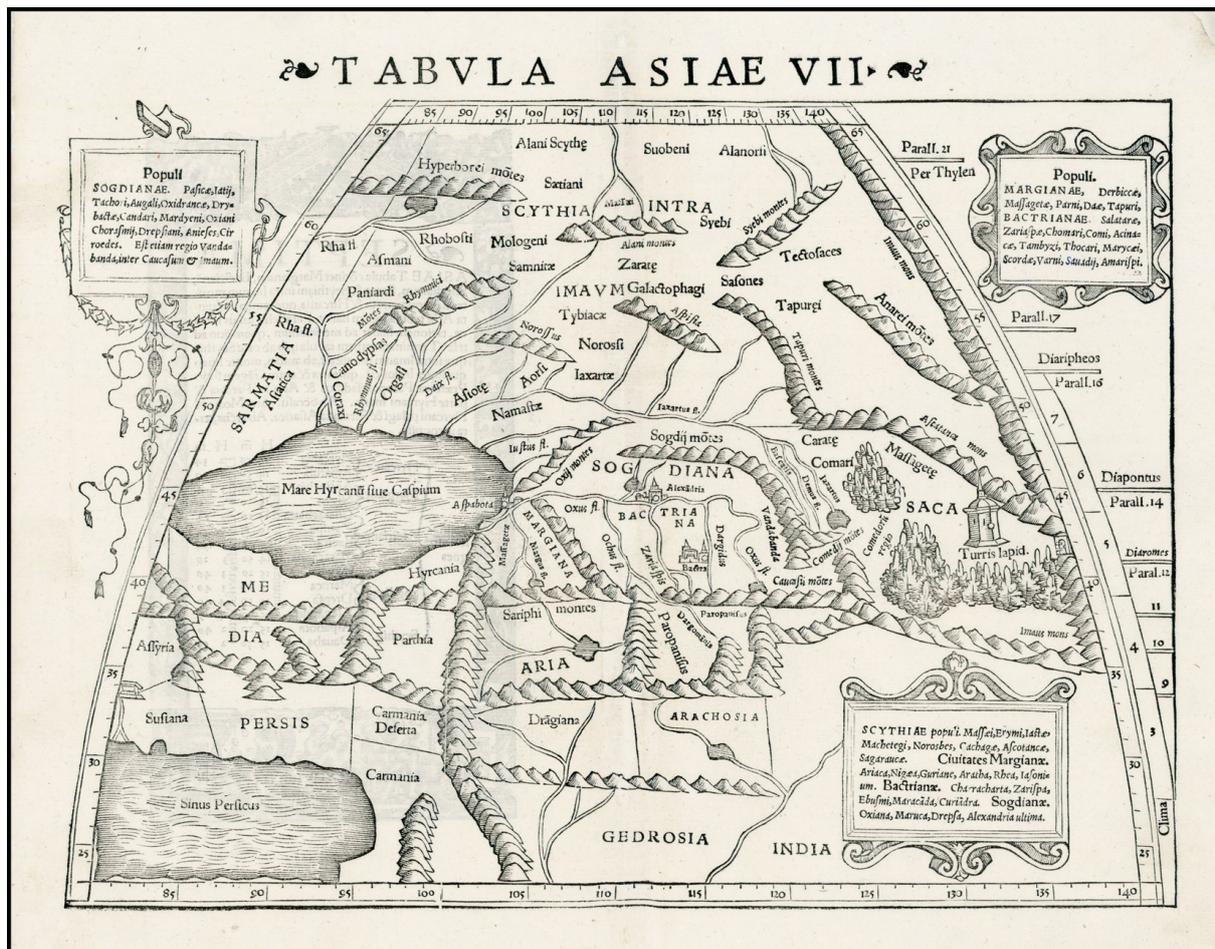

Рисунок 1.1 Карта Азии VII (по Птоlemeю)

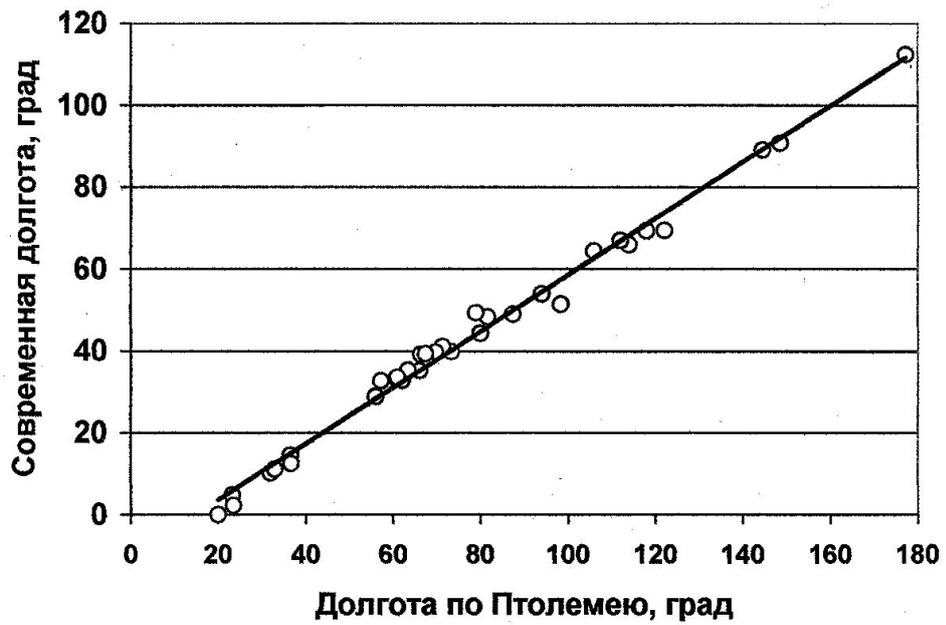

Рисунок 1.2 Взаимозависимость современных и птолемеевских долгот

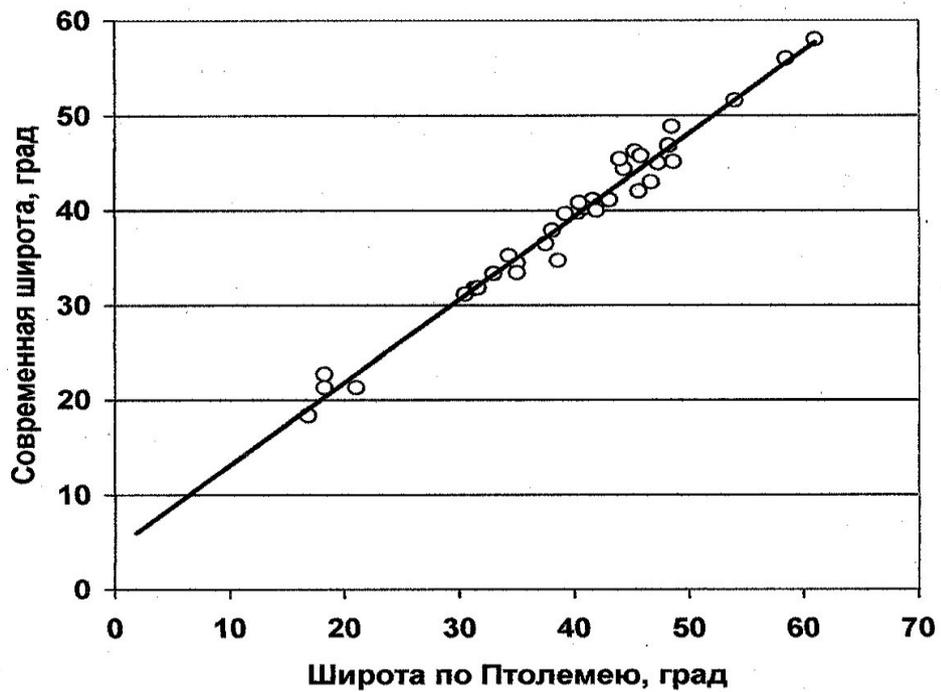

Рисунок 1.3 Взаимозависимость современных и птолемеевских широт

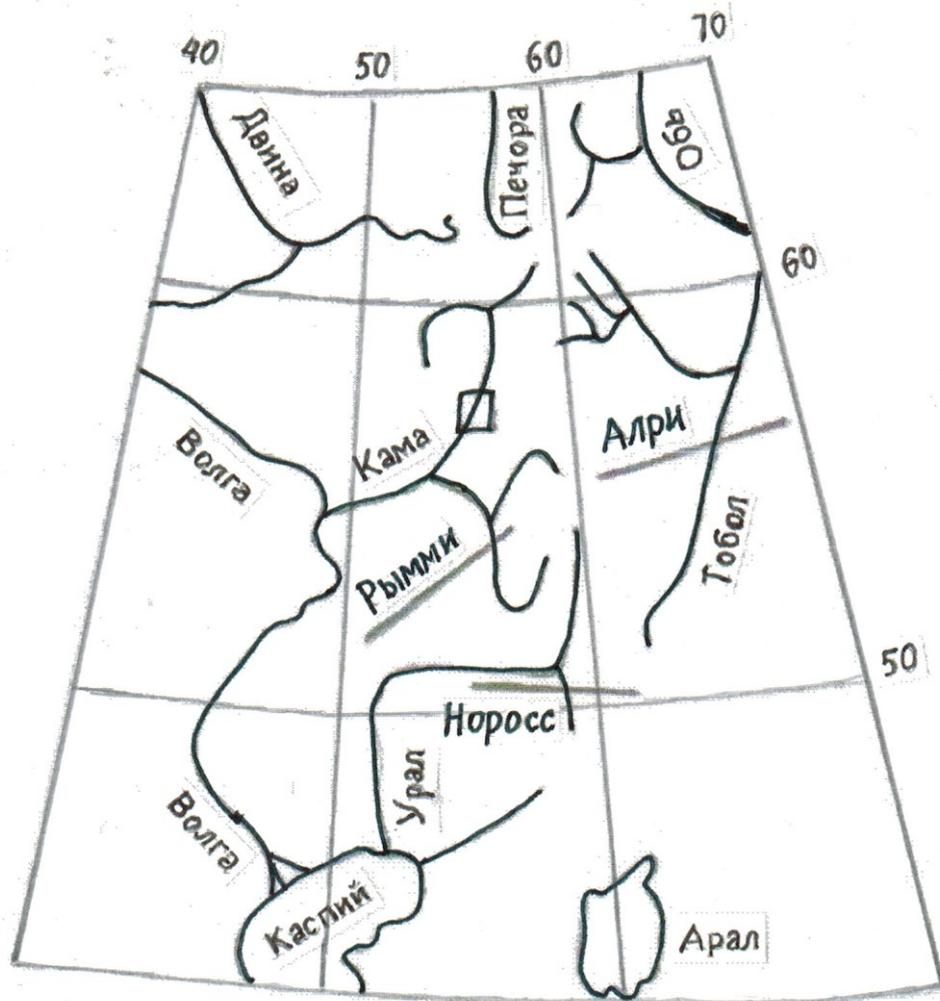

Рисунок 1.4 Положение птолемеевских горных массивов на современной карте

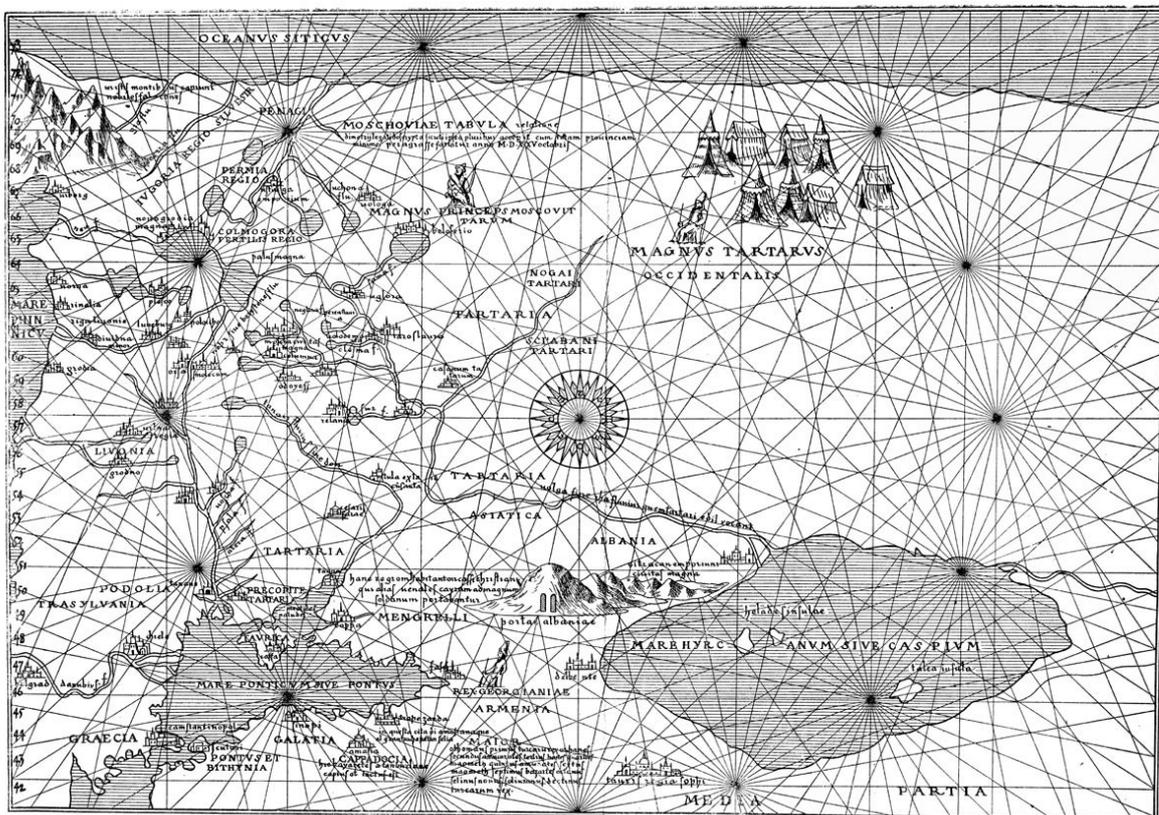

Рисунок 1.5 Карта Московии Б. Агнеше, 1525 г

Рисунок 1.6 Карта Московии А. Вида, около 1537 г

**Рисунок 1.7 Карта Московии А. Хиршфогеля, 1546 г
(для книги Герберштейна)**

Рисунок 1.8 Карта Московии Дж. Гастальдо, 1550 г

Рисунок 1.9 Карта Московии С. Сансона

Рисунок 1.10 Карта Московии А. Дженкисона, 1562 г

Рисунок 1.11 Карта Московии Г. Герритса, 1613 г

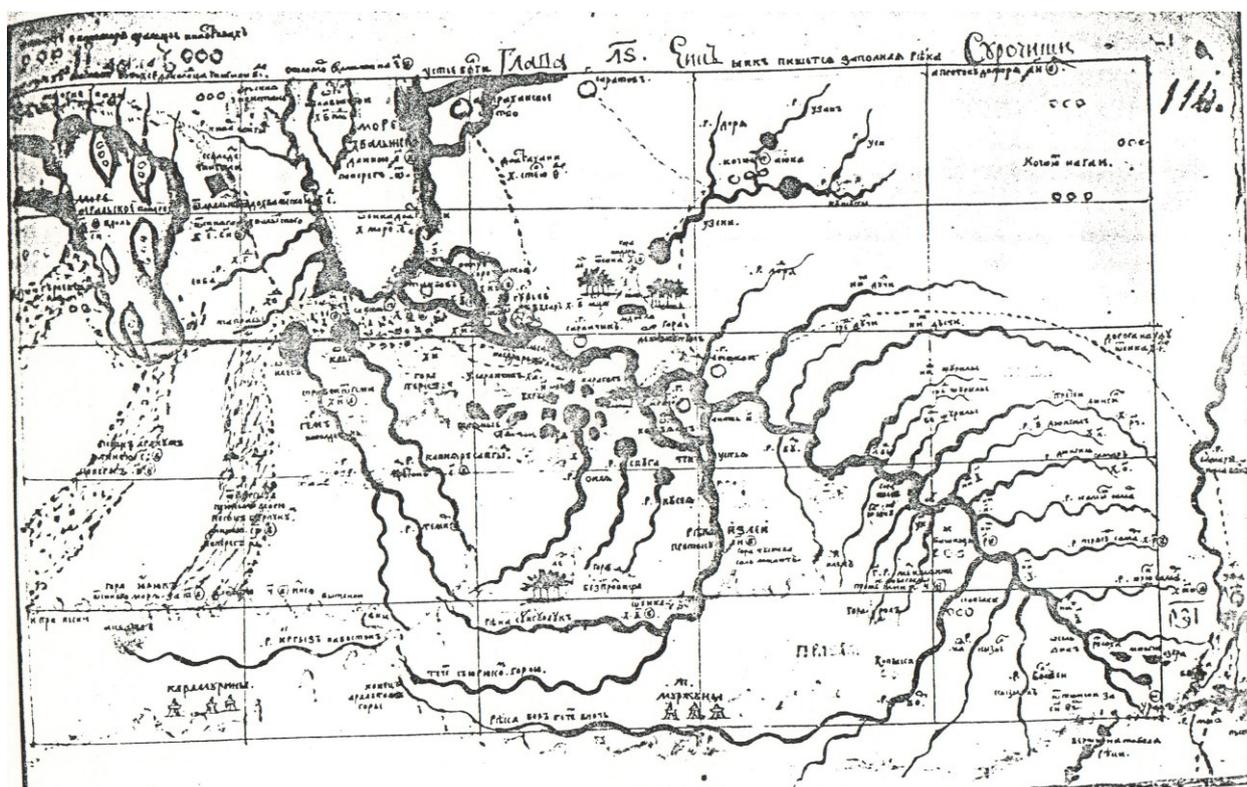

Рисунок 1.12 Чертеж С.У. Ремезова «Еик Ыик пишется заполдня река с урочищи»

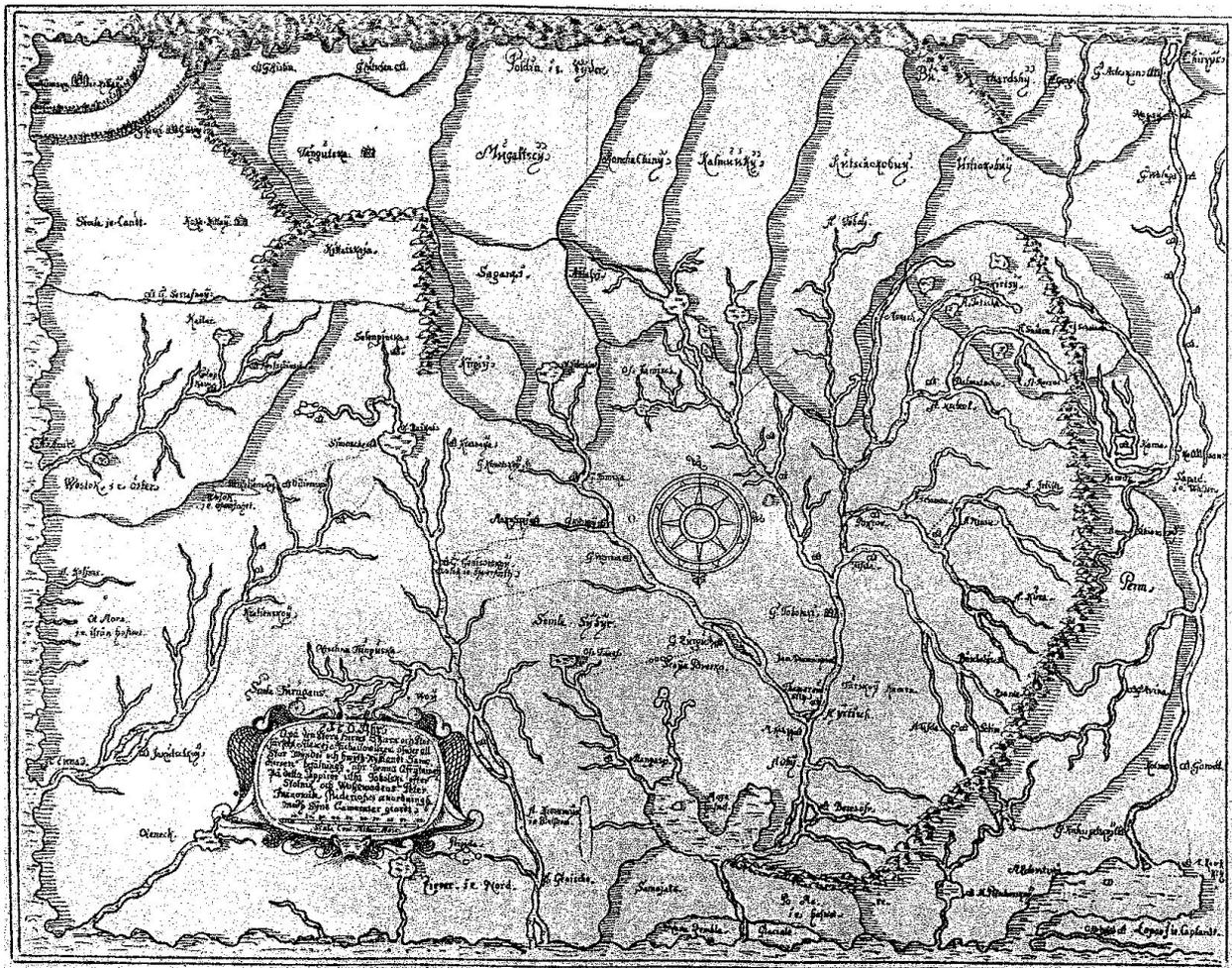

Рисунок 1.14 Годуновский чертеж Сибири (копия Ф. Кронемана)

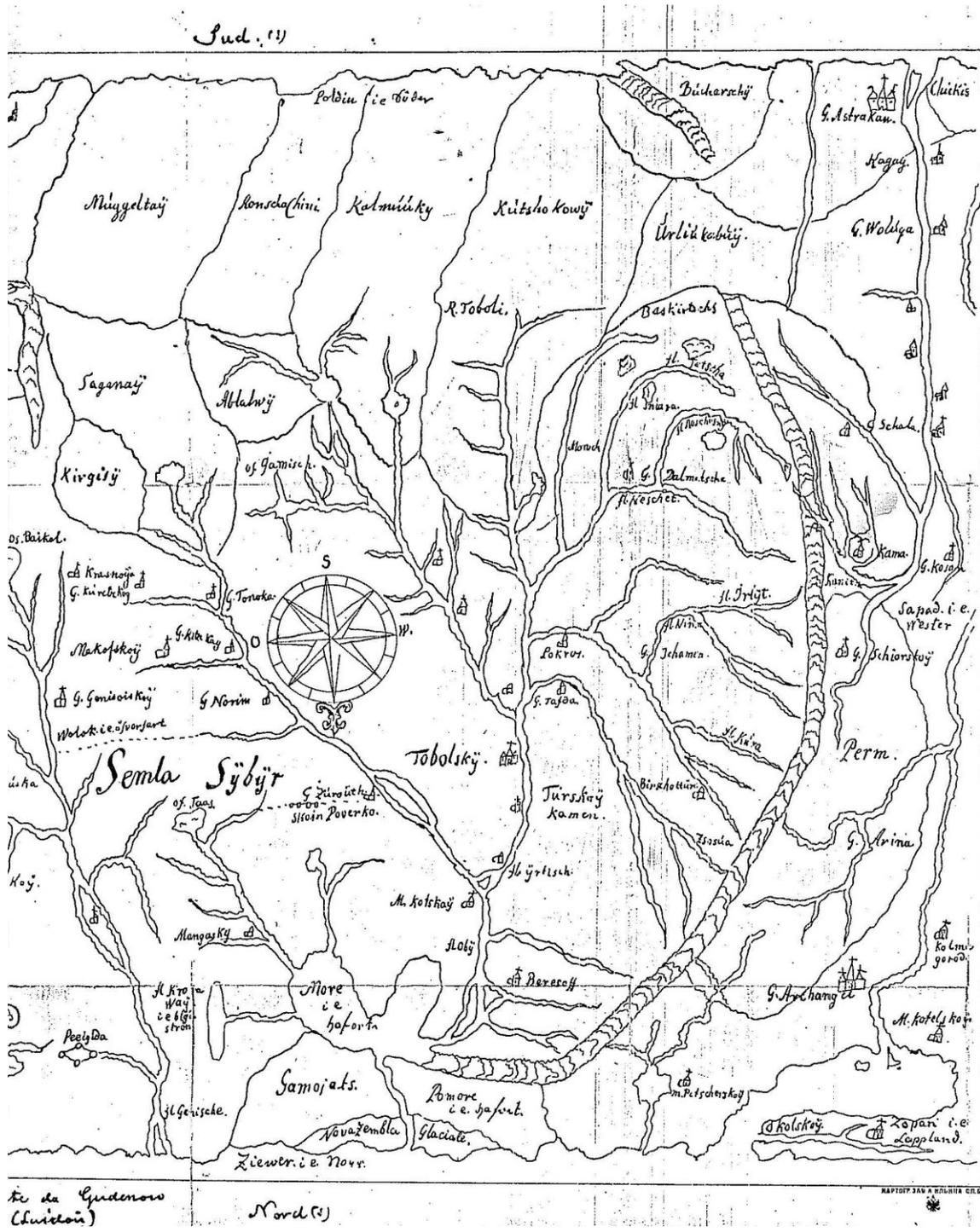

Рисунок 1.15 Годуновский чертеж Сибири (копия(К. Прутца)

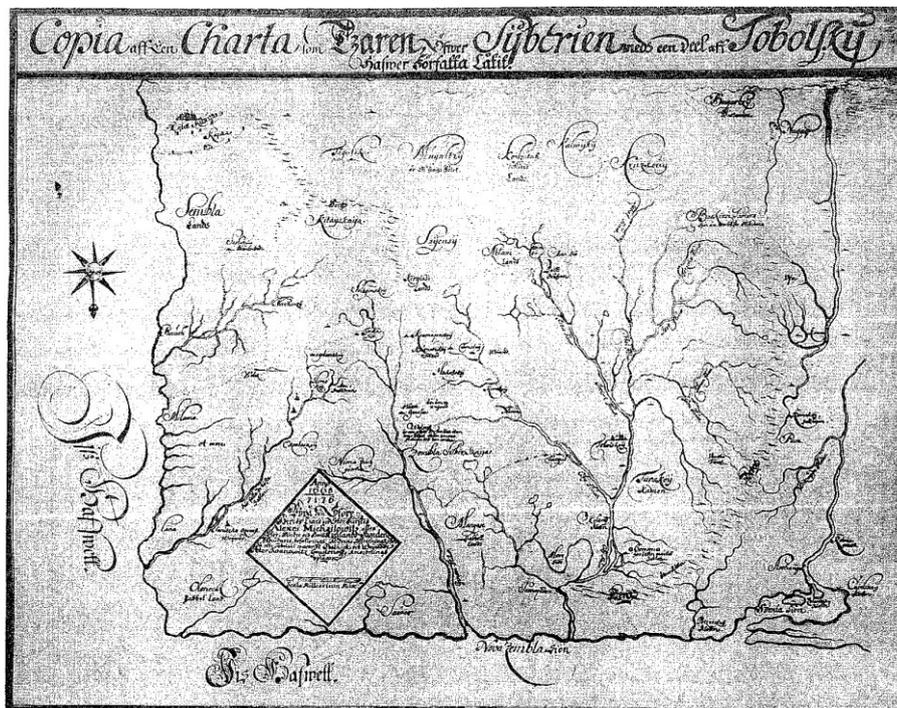

Рисунок 1.16 Годуновский чертеж Сибири
(копия Э. Пальмквиста)

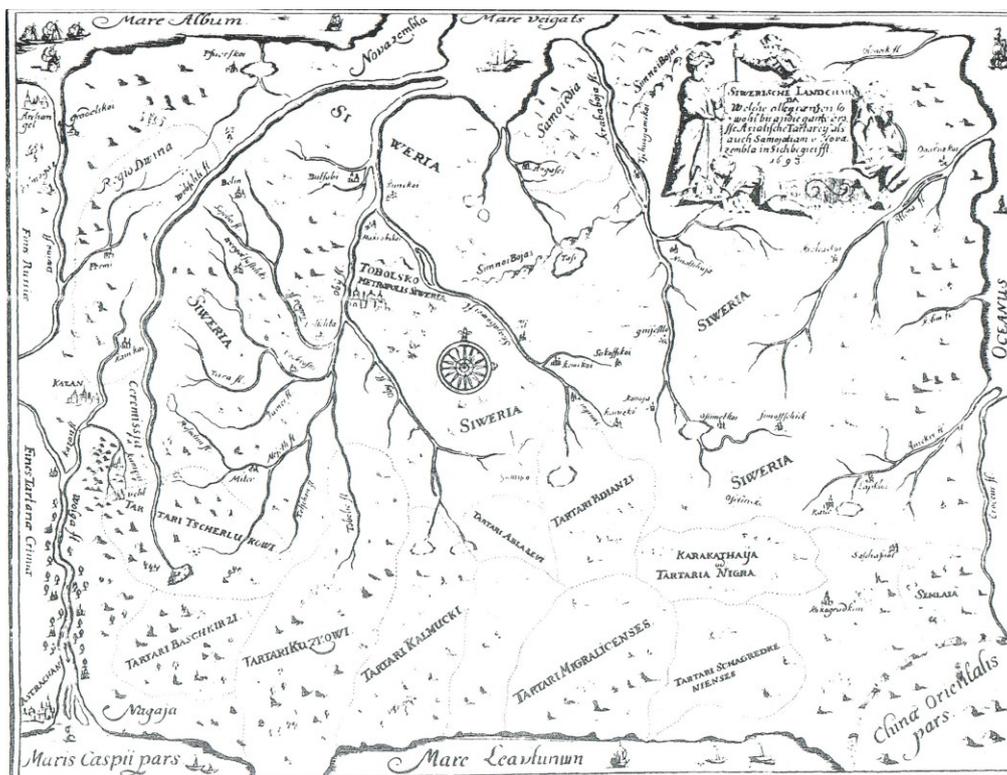

Рисунок 1.17 Годуновский чертеж Сибири
(копия Г. Шлейсинга)

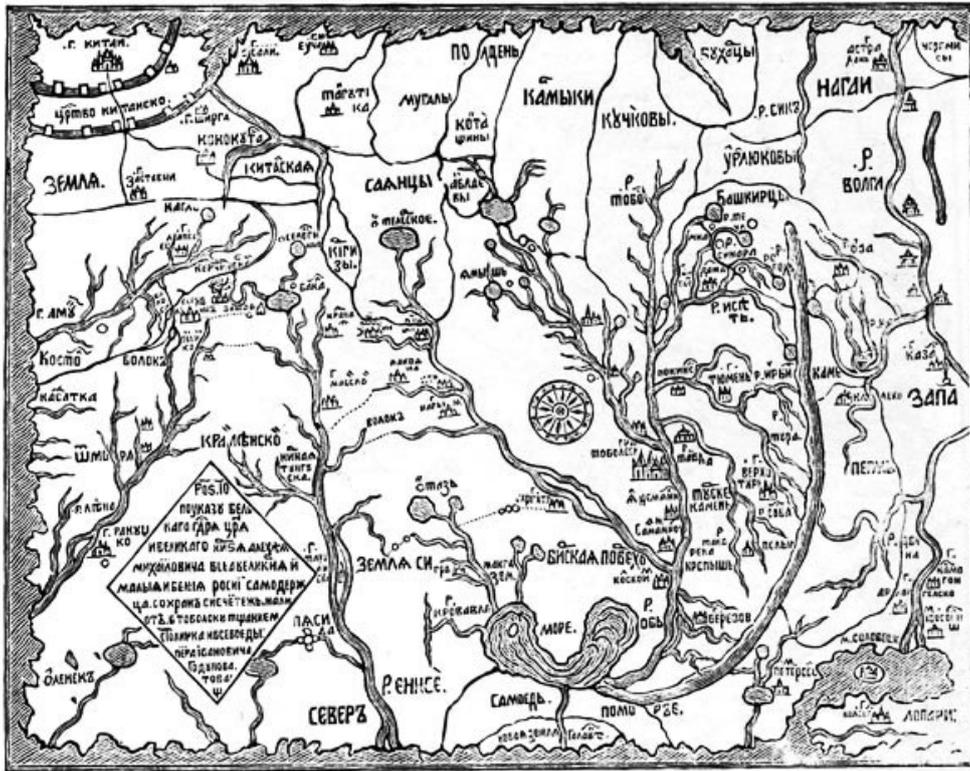

Рисунок 1.18 Годуновский чертеж Сибири (копия С.У.Ремезова в «Хорографической чертежной книге»)

Рисунок 1.19 Годуновский чертеж Сибири (копия Л.У.Ремезова в «Служебной чертежной книге»)

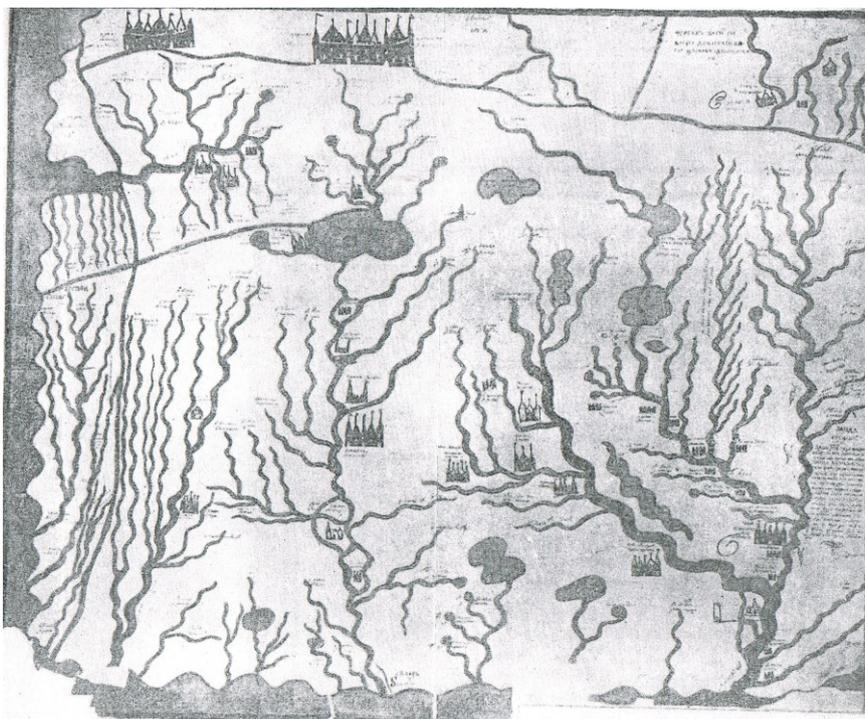

Рисунок 1.20 Чертеж Сибири, 1673 г (Русская копия)

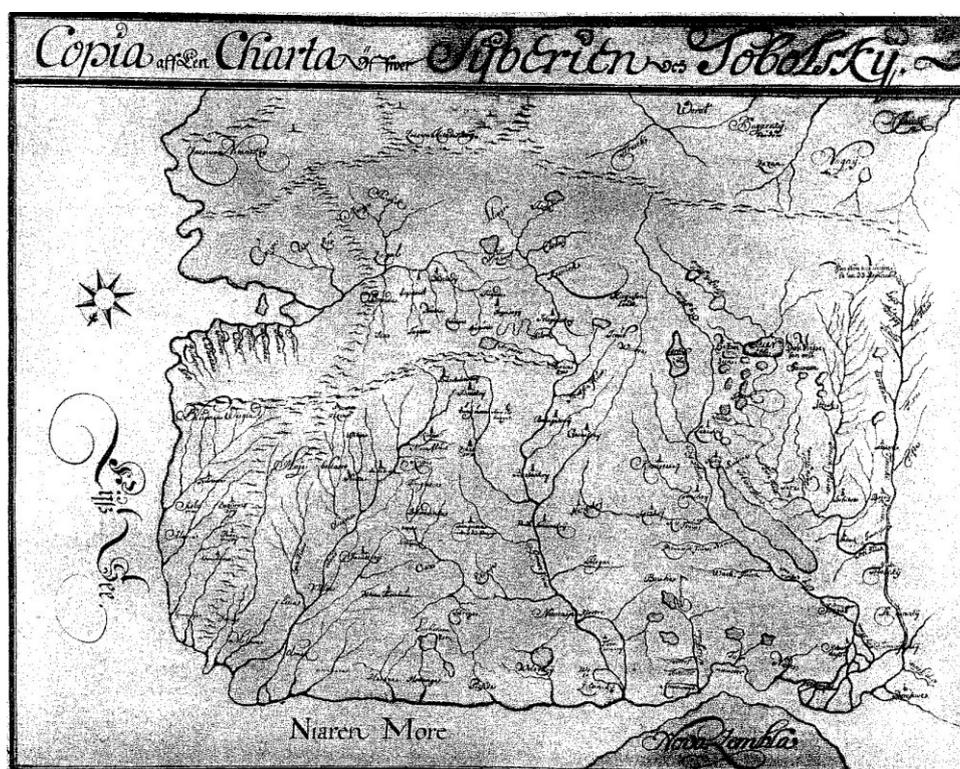

Рисунок 1.21 Чертеж Сибири, 1673 г (копия Э. Пальмквиста)

Рисунок 1.22 Этнографический чертеж Сибири, 1673 г (копия С.У. Ремезова)

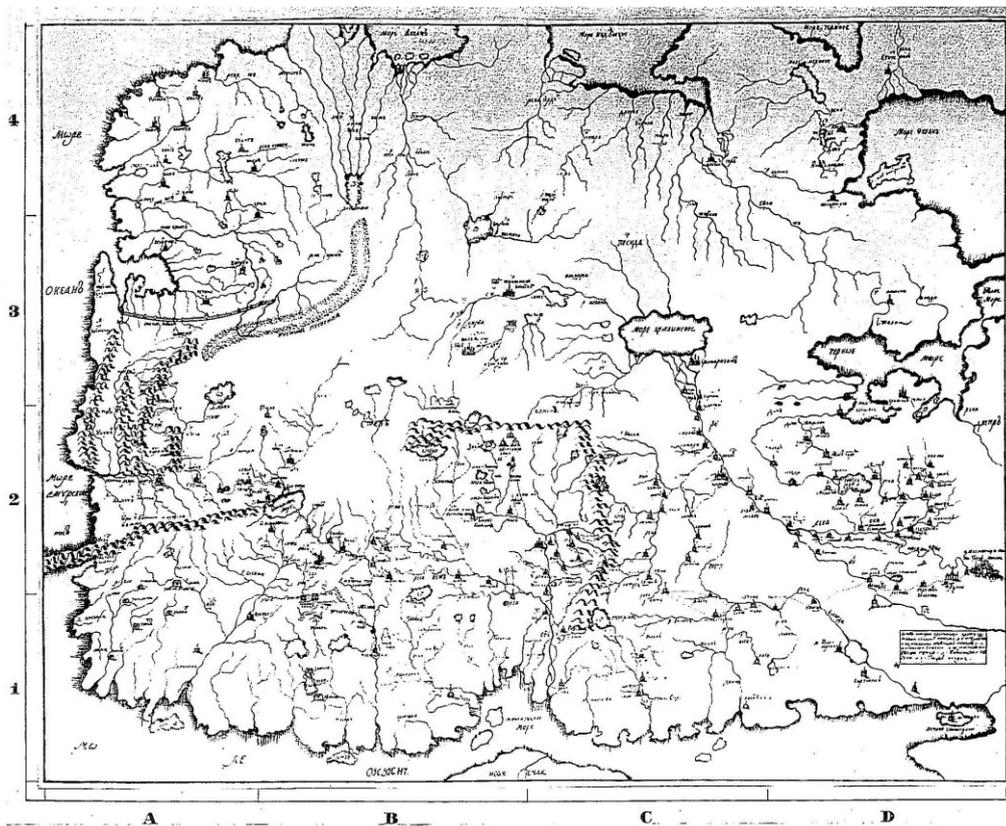

Рисунок 1.23 Чертеж Сибири, 1678 г (Спафария)

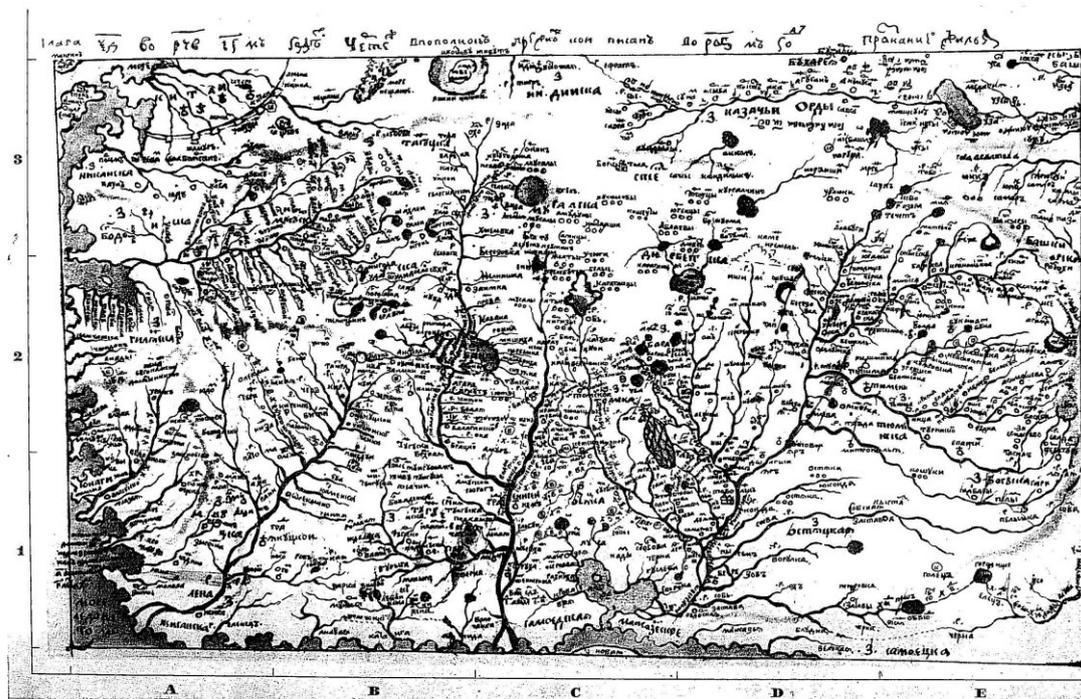

Рисунок 1.24 Чертеж в пополнок прежнего кои писан в 1766 году про знание жилья (копия С.У. Ремезова, ХЧК)

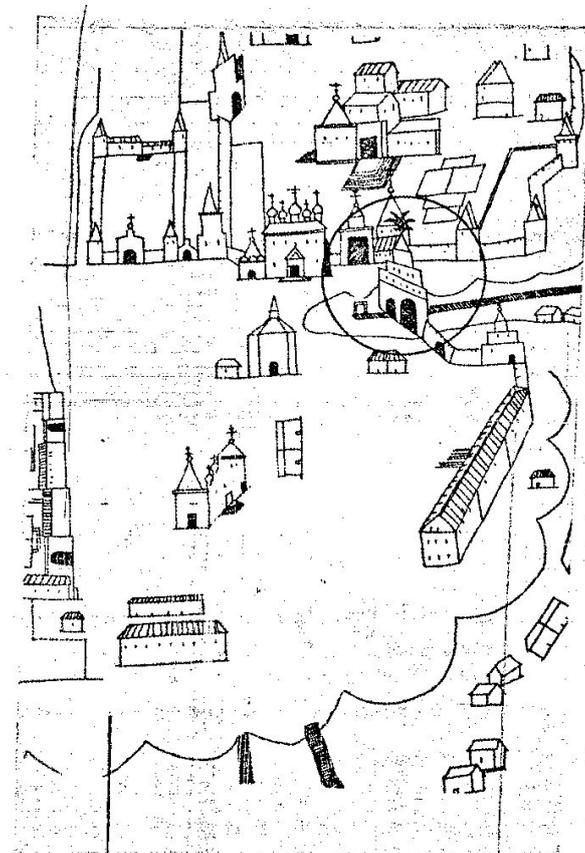
**Рисунок 1.25 Памятные доски в г. Тобольске, посвященные
С.У. Ремезову**

Рисунок 1.26 Памятник С.У.Ремезову в Тобольске

**Рисунок 1.27 Дмитриевская башня на Прямском взвозе
(современные вид)**

**Рисунок 1.28 Дмитриевская башня (на чертеже С.У.
Ремезова)**

Рисунок 1.29 Чертеж всей безводной и малопроездной каменной степи (С.У. Ремезов; ЧКС)

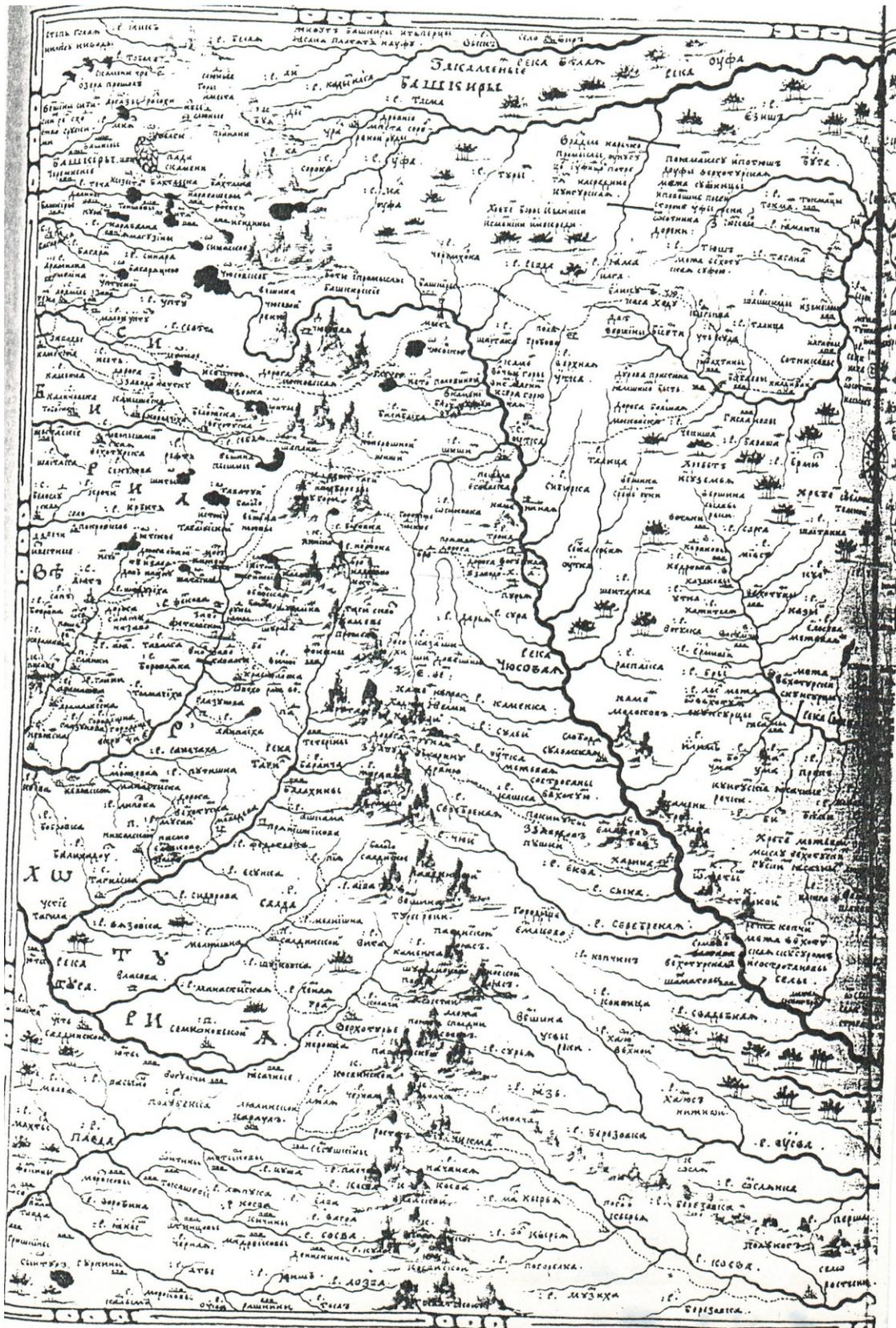

Рисунок 1.30 Чертеж Кунгурского уезда (С.У. Ремезова, СЧК)

Чюсва

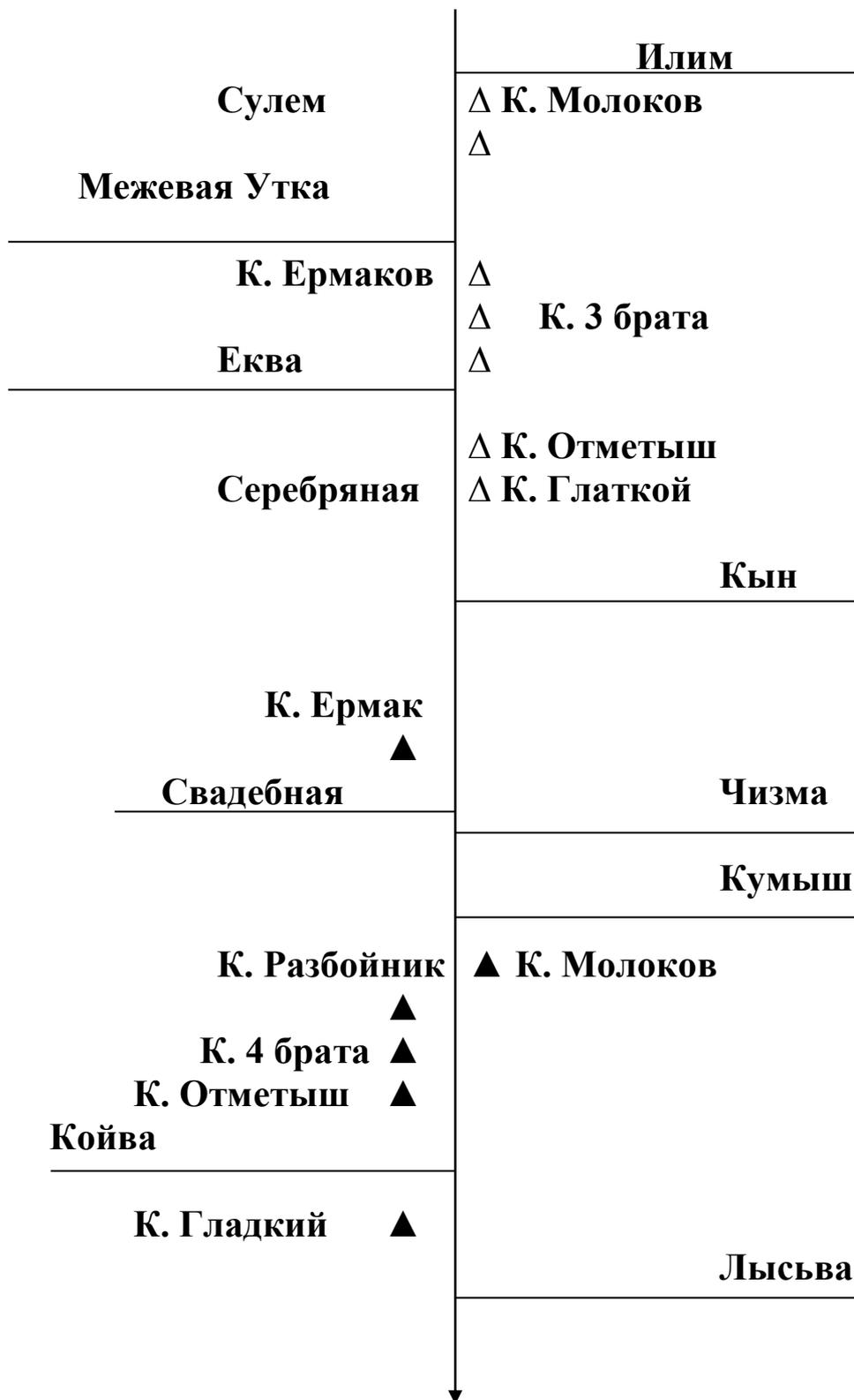

Рисунок 1.31 Схема участка р.Чюсвы

Камни-бойцы: Δ - по чертежу С. Ремезова

▲ – современное расположение

Рисунок 1.32 Вершина Тобола реки (С.У. Ремезов, ХЧК)

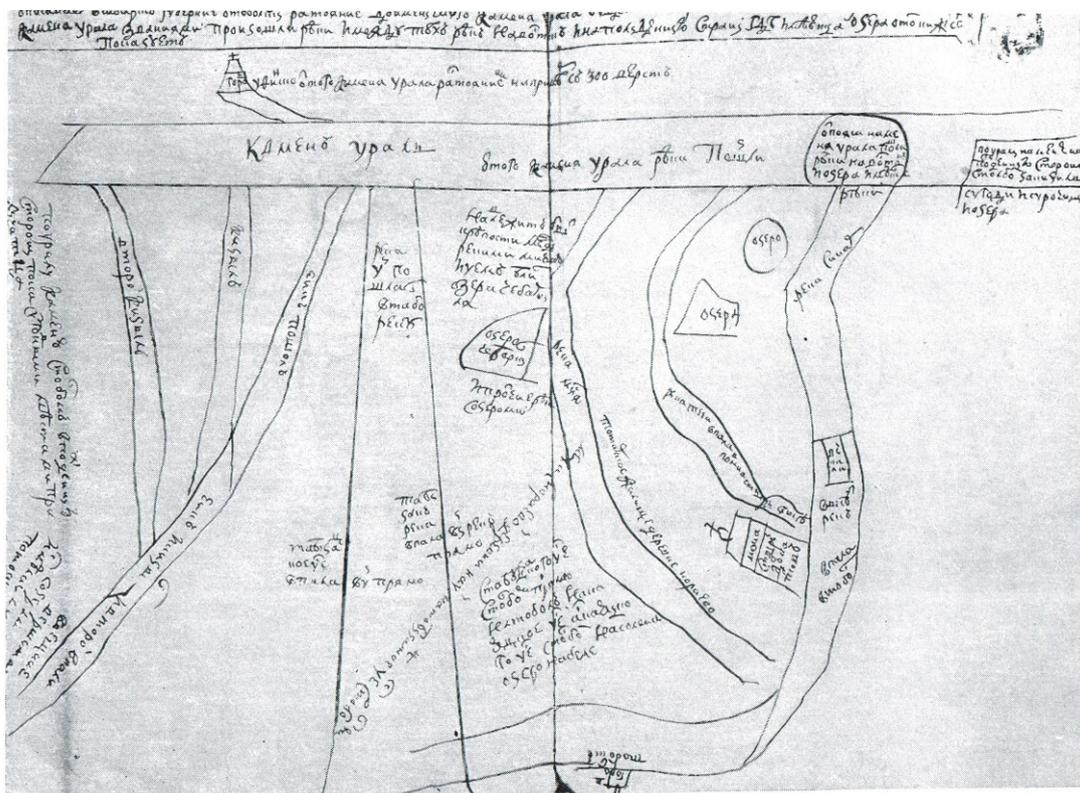
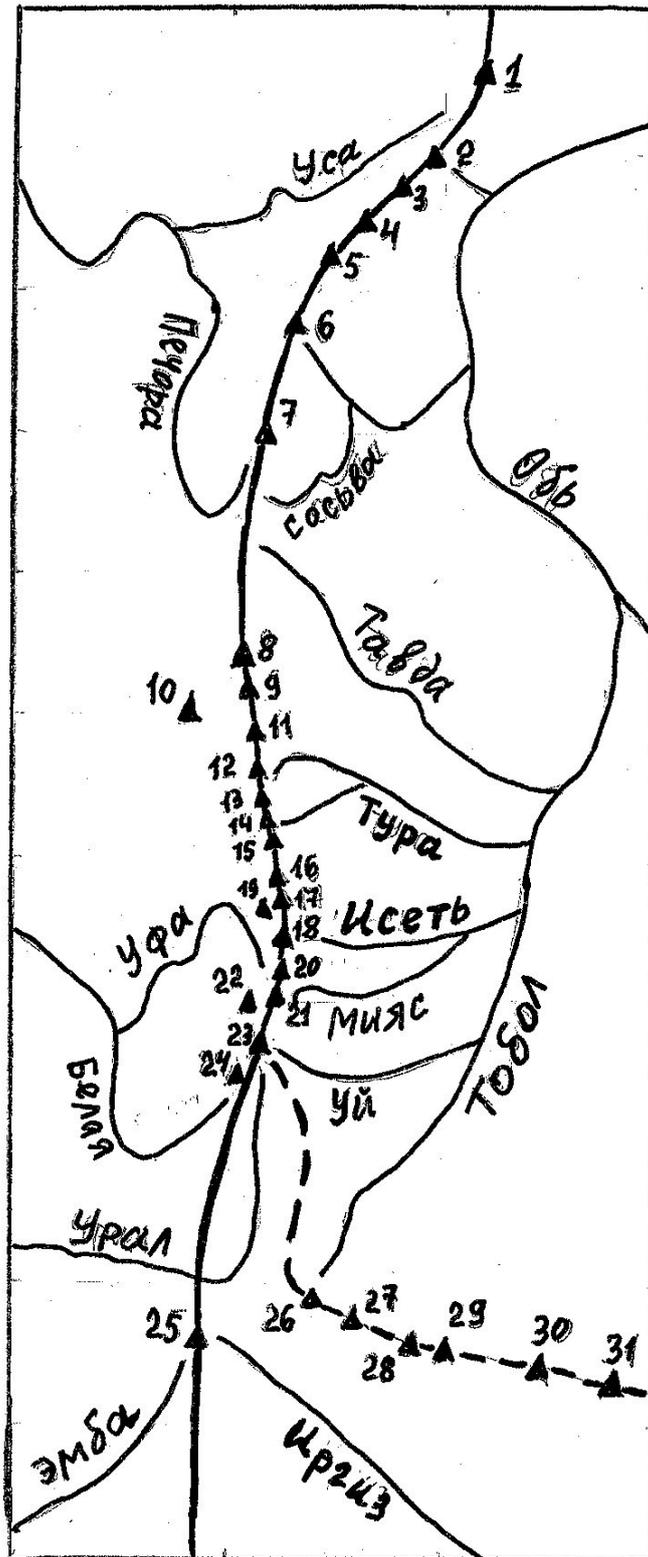

Рисунок 1.33 Чертеж Урал-Камня (С.И. Кузнецов)

Рисунок 1.34 Вершина Исети реки (С.У. Ремезов, ХЧК)

Обозначения: см. на следующей странице

Рисунок 1.35 Схема Уральского хребта с обозначением вершин, указанных на чертежах С.Ремезова

Обозначения к рисунку 1.35:

1. Камень Зеленчик (в истоках р. Щучья), 2. Камен Голец, 3. Камен (в истоках р. Ох), 4. Камен (в истоках р. Войкар), 5. Камень (в истоках р. Сыня), 6. К.Ляпинской (в истоках р. Хулга), 7. Камен Тысланской (в истоках р. Печора), 8. Камен Косвинской (в истоках р. Косьва), 9. Камен Павдинской (в истоках р. Павда), 10. Камен Ослянской (в истоках р. Ослянка), 11. Камен Подляинской (в истоках р. Ляля), 12. Камен Вилвенской (в истоках р. Вильва), 13. К. Октай (в истоках р. Актай), 14. Камен (в районе верховий р. Тагил), 15. К. Деснец (в районе верховий р. Тагил), 16. Камен (в истоках р. Нейва), 17. Камень Аят (в верховьях р. Аять), 18. Камен (в истоках р. Исеть), 19. Камень Волчей горы (на р. Чюсовой), 20. Слудные горы (в верховьях р. Течи), 21. Камен Урал (в районе верховий р. Мяс), 22. К. Урал. Древние места серебряной руды (при слиянии рек Большая и Малая Тасма), 23. Гора Караташ (в верховьях рек Мяс и Уй), 24. Горы Арменские (в верховьях р. Белой), 25. Гора Юрюк (в верховьях рек Эмба и Иргиз), 26. Камень (в верховьях р. Тобол), 27. Горы Аральтовы, Гора Аралтова, 28. Камен Урал, 29. Конец Аральтовы горы (в верховьях левых притоков р. Иргиз), 30. Камень Оурал, Оурал Камень (вдоль гряды Казахского мелкосопочника), 31. Камень Аримофейских гор (вдоль гряды Казахского мелкосопочника).

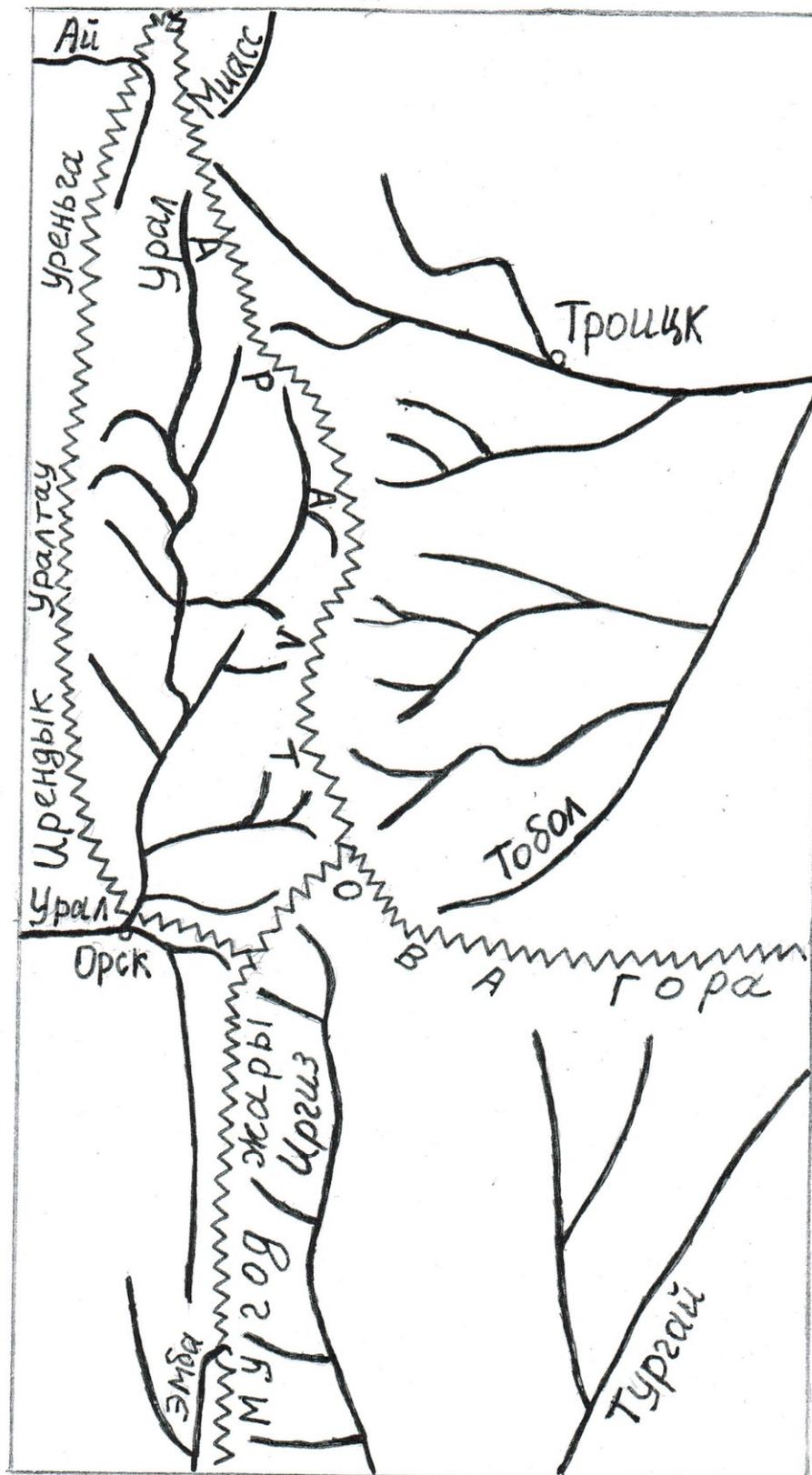

Рисунок 1. 37 Схема южной части Уральского хребта
(составил Карелин В.Г.)

Рисунок 1.38 А.А. Виниус

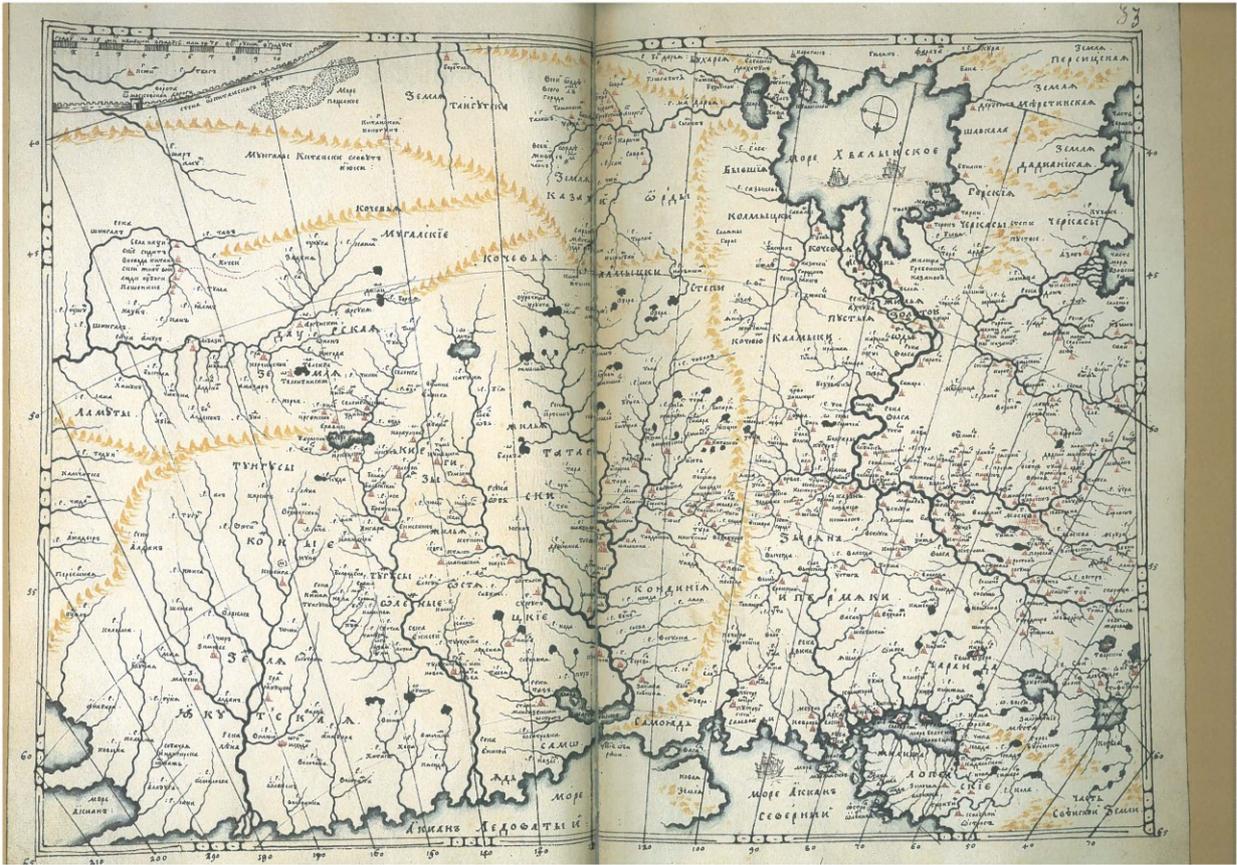
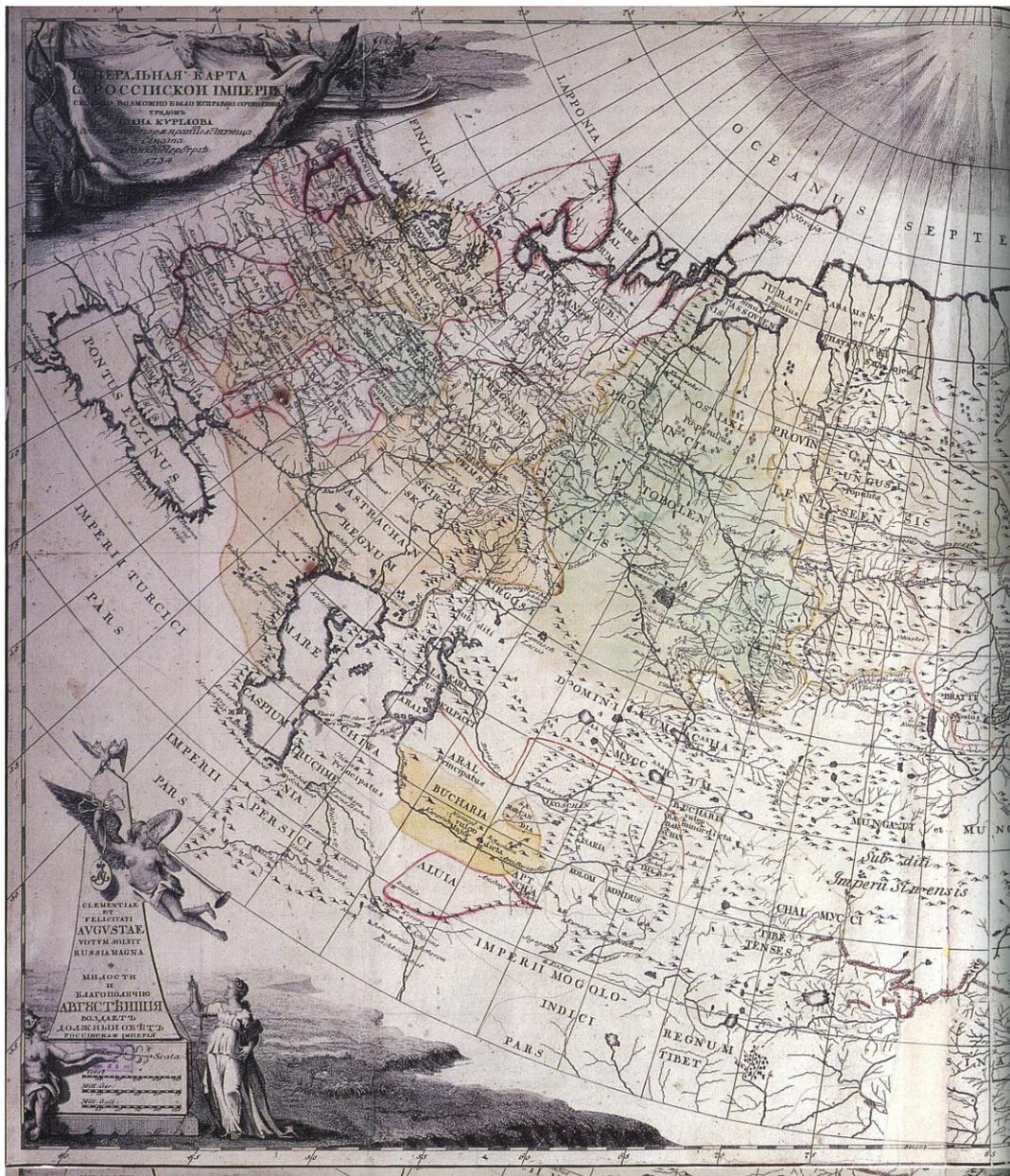

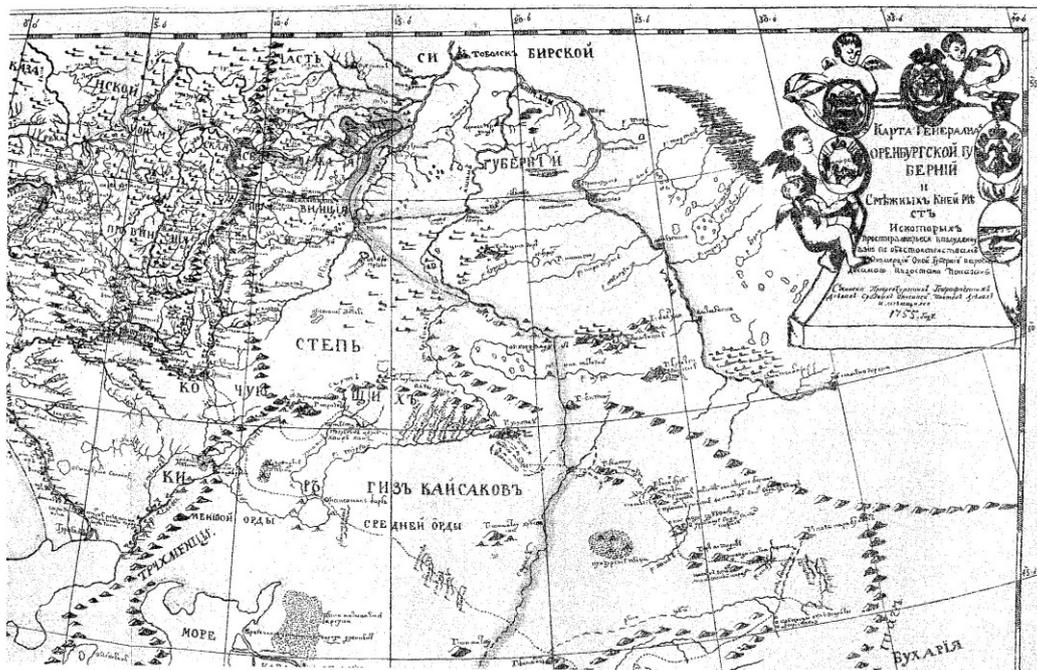
Рисунок 39. Карта А. Виниуса

Рисунок 1.40 Н. Витсен

**Рисунок 1.42 Генеральная карта Российской империи
(И.К. Кирилов)**

**Рисунок 1.43 Генеральная карта Оренбургской губернии
(И. Красильников)**

**Рисунок 1.44 Генеральная карта Российской империи
(Атлас 1792 г)**

Рисунок 1.45 А. Регули (венгерский путешественник)

Рисунок 1.46 Карта речной области Северной Сосьвы
(А. Регули)

23 es ist etwas Schnee gefallen, ein ungeheurer Sturm
 vor Kälte ist es kaum zu arbeiten möglich.
 24 Der Sturm dauert fort, ich setze meine samojed.
 grammatik fort
 25 bleibt gefroren, ein bißchen Schnee auf in meinem
 vity vit. - samojedisch. ne am polstem Kuffi.
 26 ohne papiere, umschreibe wozulische worte. Der sturm
 dauert noch immer.
 27 schrecklich kalt, es schneiet, windig - zu arbeiten kann
 möglich, ohne ethnograph. nachrichten, das erste
 goba ist angekommen.
 28. windig. samojedische declination
 29 samoj. bestimmte u. unbestimmte conjugationsetzung
 wärmes. - App. poria mit dem thajphina kommt
 30 man bringt mir fahrts ronntheere; ich fahre
 zu boot nach der Manja - nächstigen in Itarsin paul
 31 fahre bei Sitt paul - und von hier mit ronntheeren bei
 unter die boitet. sehr schönes weter
 1. fahre durch das Soahla thal, kommen nach dem Kälzger
 u. Norming nger, nächstigen am Gobi thal
 2 fahre den gobi uos längs, machen am Gobi je Katal, und
 kommen unter dem Sensus in das mangjote thal.
 3 kommen in das pomethal, kommen von das juruck und
 finden Jopping in dem mang Gobi thal
 4 ruhe - es regnet
 5 meine fahrleute kehren zurück - man arbeitet mit
 wozulische Kleider - ich suche den Ural
 6 lieber schlitten fahren nach dem Suomiah an der manja der langj.
 dije fahre der manja leuta komf juruck.
 7 die Suomiah kommen zurück - der Suomiah ist bestohlen.
 ich gehe das Tjund Koffe ja thal aufwärts, bis über die fahrregion
 8 wir geihen endlich auf verständige weise den Ural, aber
 nicht von nemer dabei. zwei leuta werden abgeschickt
 9 ich gehe mit Probing über den gebirg röhren ins dome thal, aber
 10 ich schreibe samojedisch den Ural
 11 fahre ab. - kommen über den Gobi thal bis hinter dem Kälzger
 12 fahre über den Vanglyang, den Kovati aufwärts und finden auch
 13 komme zu Effekten und mit dem langj. dem dome thal eine fahrt
 auf die Karmama zurückwacht und dann
 14 komme über die Josenja zu dem samojed. thal und fahre
 weiter bis über die Suomiah

Рисунок 1.47 Страница из дневника А. Регули

Рисунок 1.49 Гофманн Э. (руководитель экспедиции ИРГО)

Рисунок 1.50 Ковальский М. (астроном в экспедиции ИРГО)

Рисунок 1.51 Продольный профиль Северного Урала на
карте ИРГО

Рисунок 1.52 Отчетная карта Северного Урала экспедиции ИРГО (Юрьев Д.)

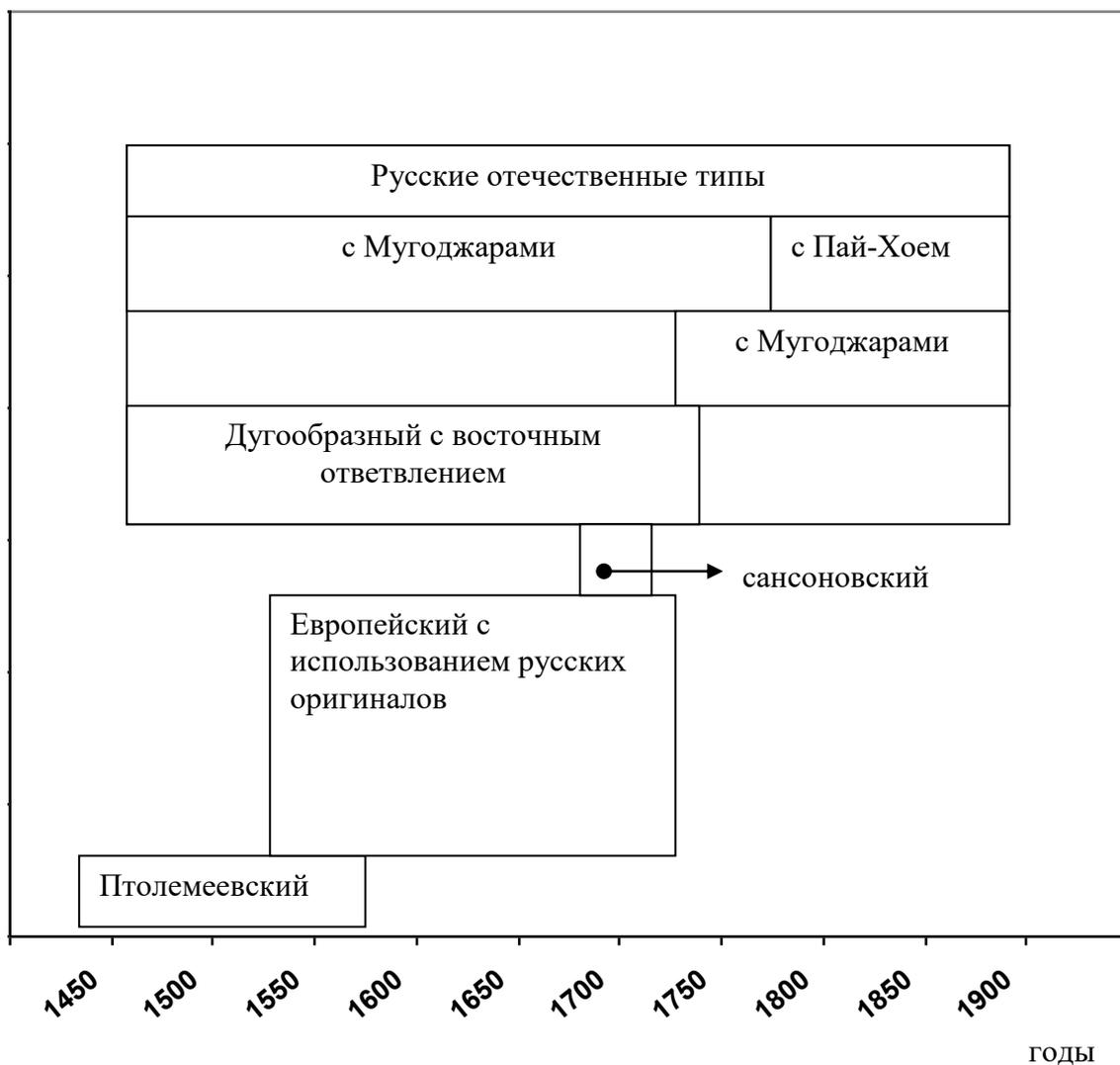

Рисунок 1.53 Распределение во времени карт России (Московии) по типам изображения Уральских гор

Рисунок 2.1 Вдоль хребтов Пай-Хоя

Рисунок 2.2 На вершине Море-из (Пай-Хой)

Рисунок 2.3 Попов С.А. , коми – поэт (www.finnougoria.ru)

Рисунок 2.4 Каньон на р. Сибирчата-яха (Пай-Хой)

Рисунок 2.5 Побережье Северного Ледовитого океана

**Рисунок 2.6 Северная оконечность Заполярного Урала
(современный взгляд из тундры)**

**Рисунок 2.7 Северная оконечность Заполярного Урала
(Баклунд 0.0) 1905г**

Рисунок 2.8 На вершине Константинова Камня

Рисунок 2.9 Северная оконечность Заполярного Урала на карте А. Регули

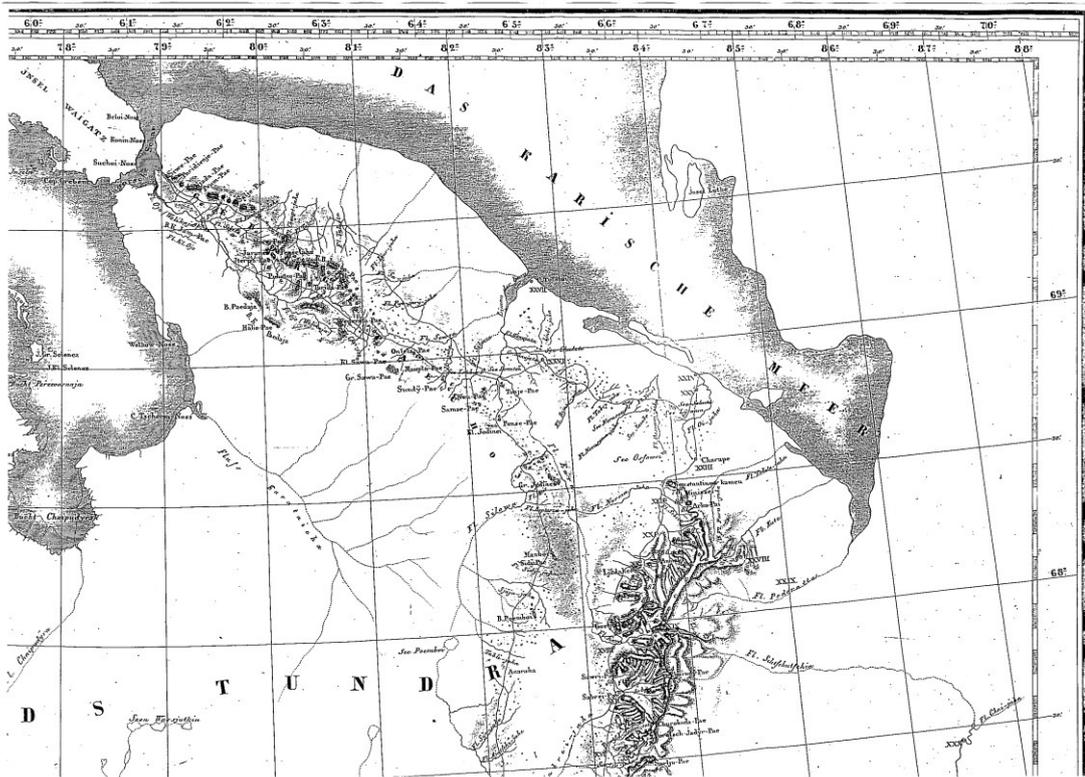

Рисунок 2.10 Северная оконечность Заполярного Урала на карте Э. Гофманна

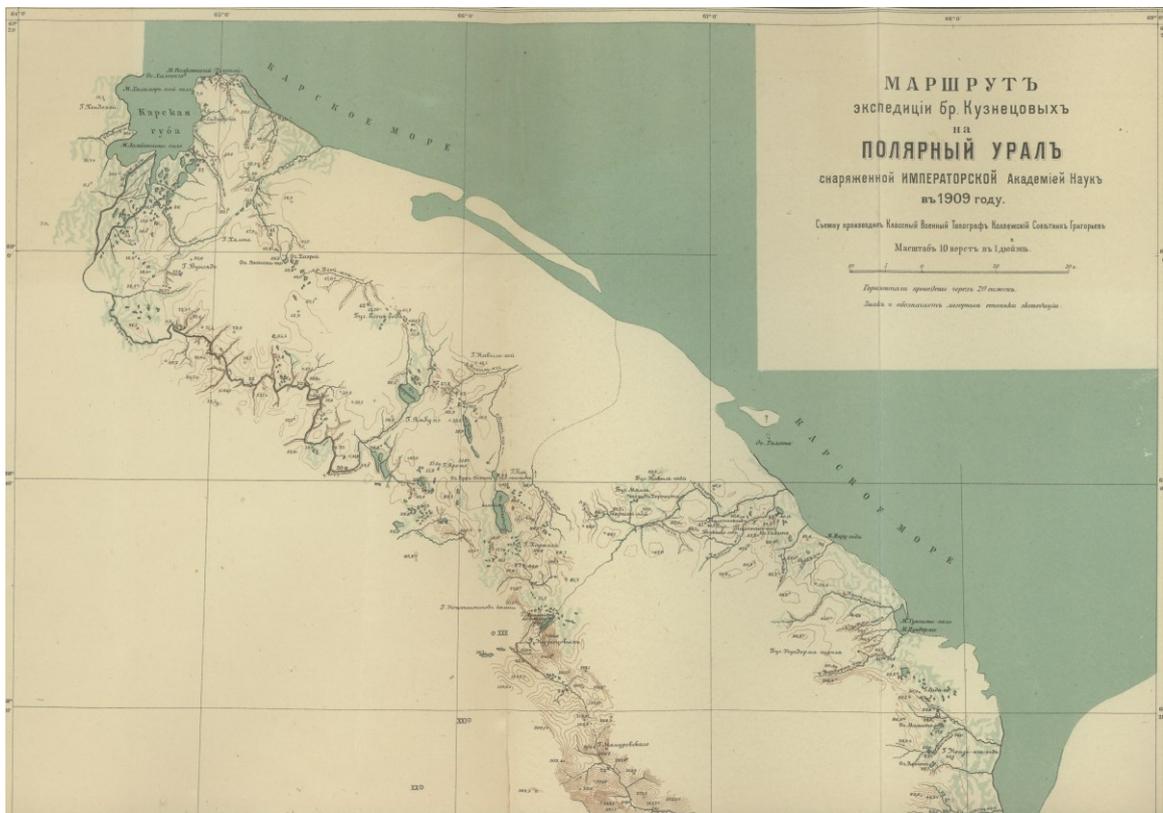

Рисунок 2.11 Северная оконечность Заполярного Урала на карте Баклунда 0.0

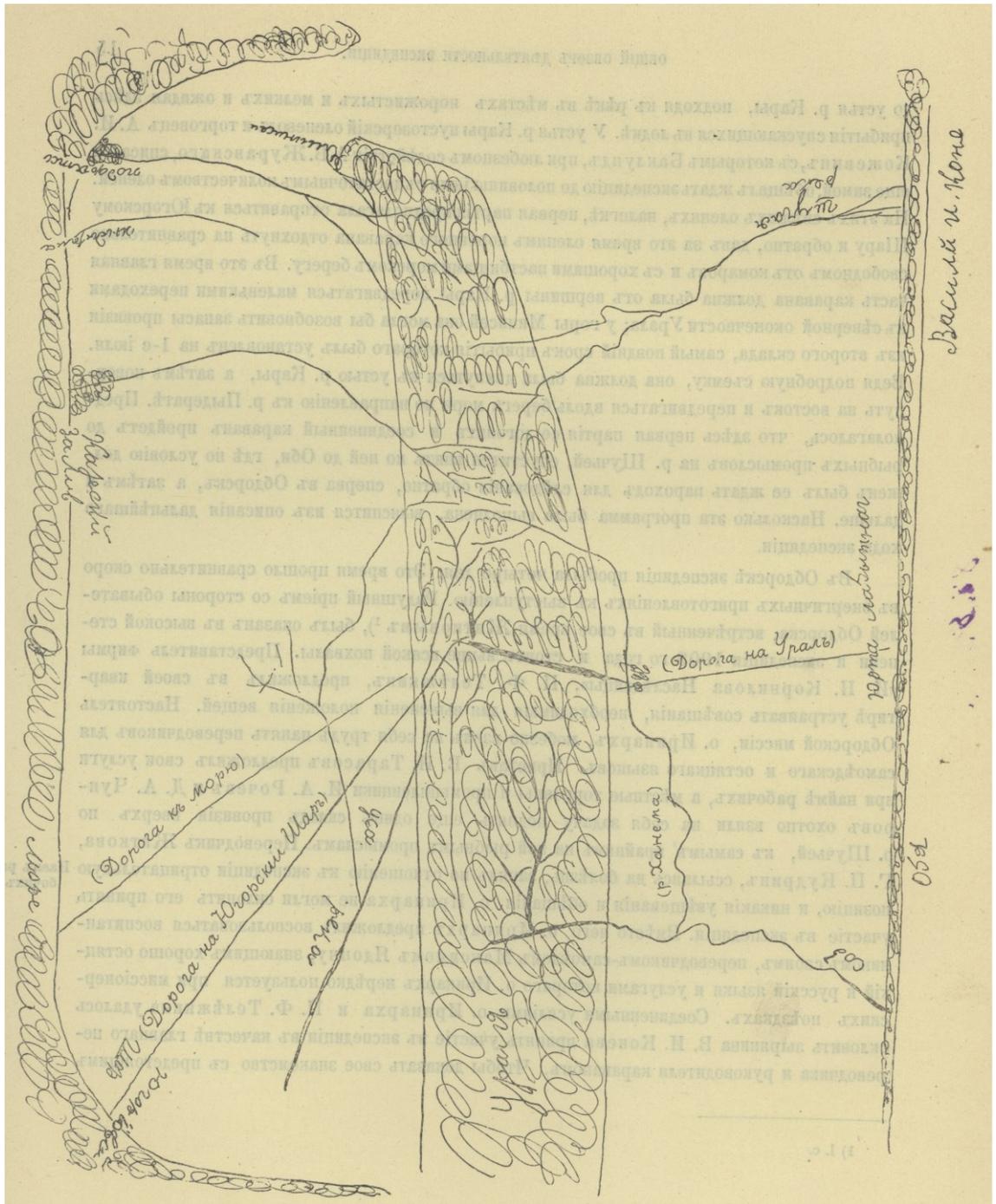

Рисунок 2.12 Горы на северной части Заполярного Урала (по рисунку зырянина В.И. Конева)

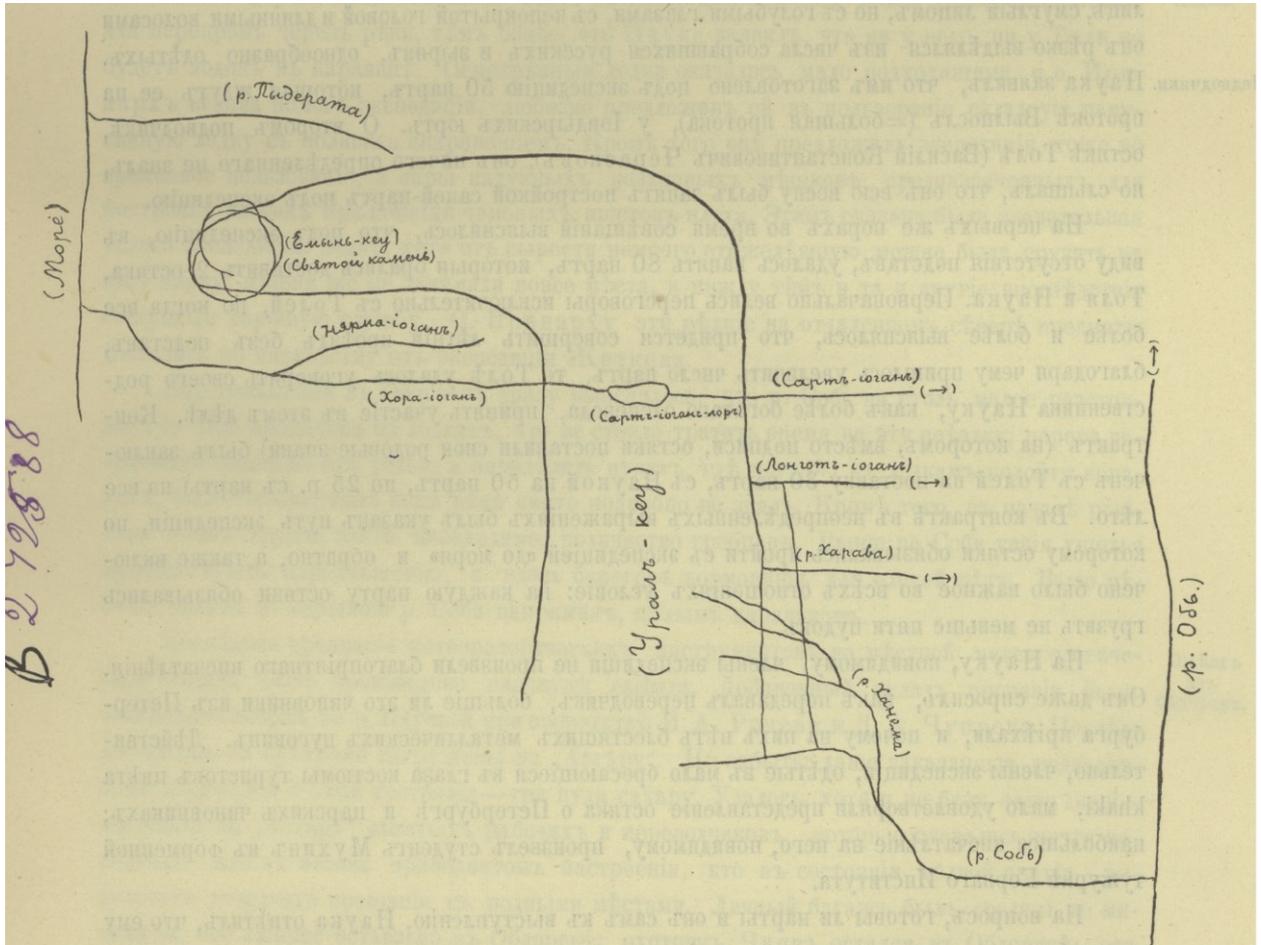

Рисунок 2.13 Горы северной части Заполярного Урала (по рисунку остяка Толи)

Рисунок 2.14 Ледник Обручева

Рисунок 2.15 Ледяной штрек на леднике Обручева

Рисунок 2.16 Ледник Обручева

Рисунок 2.17 Ледник ИГАН

Рисунок 2.18 Вид с г. Харнаурдыкев

**Рисунок 2.19 Место, где Уральский хребет пересекается
Северным Полярным кругом**

Рисунок 2.20 Крутой снежник, опускающийся к озеру Хойла

Рисунок 2.21 Долина р. Левая Пайера

Рисунок 2.22 Гора Пай-ер (вид с юга)

Рисунок 2.23 На вершине горы Пай-ер

Рисунок 2.24 Массив Хордьюс

Рисунок 2.25 Носилов К.Д. (путешественник конца XIX века)

**Рисунок 2.26 Федоров Е.С. (исследователь Северного Урала
конца XIX века)**

**Рисунок 2.27 Алешков А.Н. (исследователь Приполярного
Урала, начало XX века)**

**Рисунок 2.28 Долгушин Л.Д. (Исследователь Приполярного
Урала, середина XX века)**

Рисунок 2.29 Снежная изба (верховья р. Косью)

Рисунок 2.30 Верховья р. Манараги

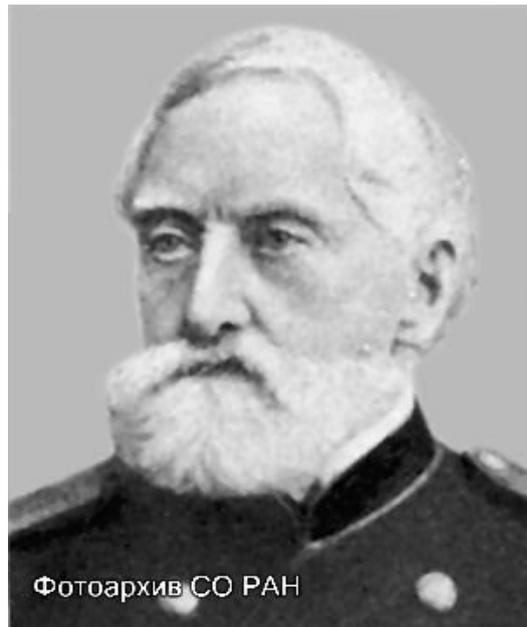

Рисунок 2.31 Гельмерсен Г. (исследователь Урала, XIX век)

Рисунок 2.32 Гумбольдт А. (немецкий многогранный исследователь, первая половина XIX века)

Рисунок 2.34 Боч С.Г. (исследователь Приполярного Урала, XX век)

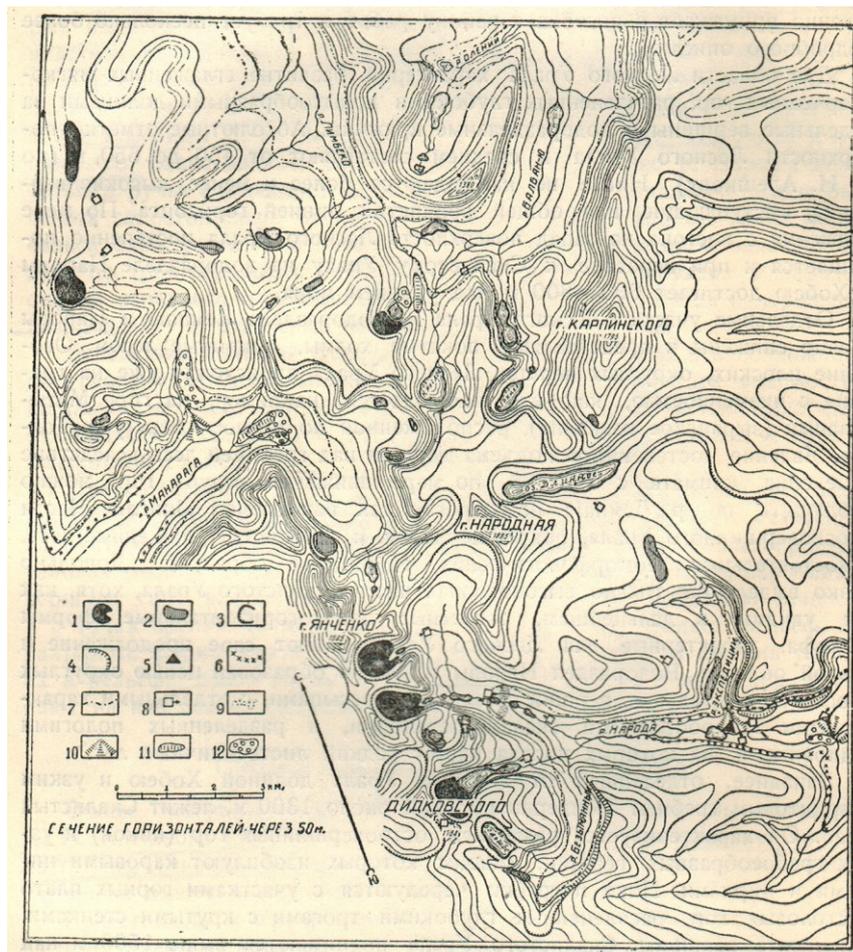

Рисунок 2.35 Карта района горы Народной (Боч С.Г.)

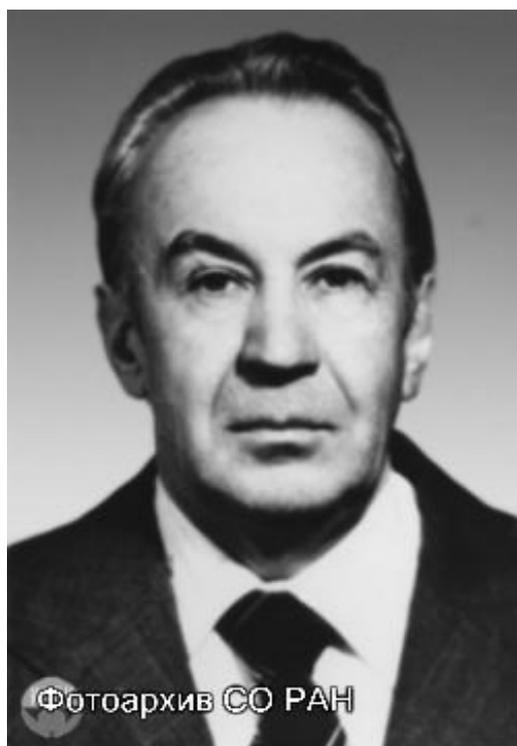

Рисунок 2.36 Горчаковский П.Л. (ботаник, академик РАН)

Рисунок 2.37 Королев В.И. (руководитель первого зимнего восхождения на гору Поэнг- Ур)

Рисунок 2.38 На горе Поэнг- Ур (1968 г)

**Рисунок 2.39 Гора Поэнг- Ур (вид с севера)
(www.komionline.ru)**

Рисунок 2.40 Гора Поэнг- Ур (вид с юга)

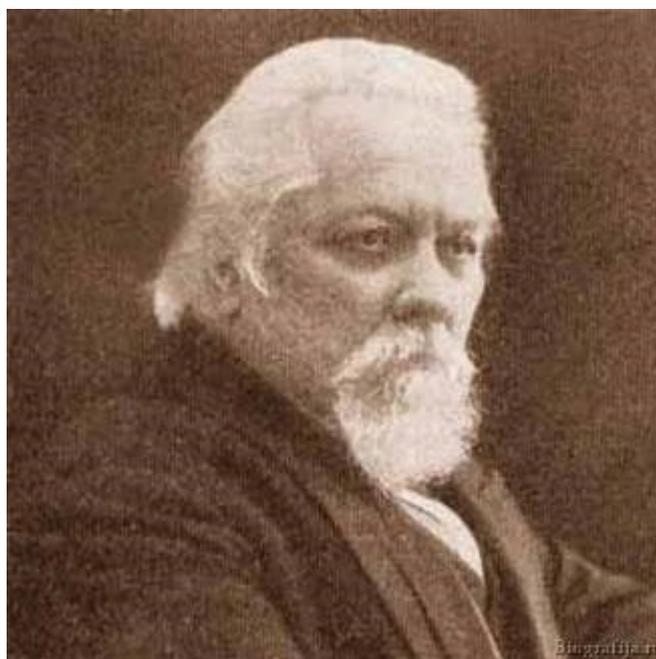
**Рисунок 2.41 Православный крест на северном плато Отдыха
на горе Поэнг- Ур (www.x-adventure.ru)**

**Рисунок 2.42 Автомшины на плато Отдыха
(www.snowmobile.ru)**

**Рисунок 2.43 Шумков А.С. (многократный покоритель горы
Поэнг- Ур)**

**Рисунок 2.44 Карпинский А.П. (исследователь Урала,
академик, первый президент Академии наук в советское время)**

**Рисунок 2.45 Янченко С.А. (топограф, открыватель горы
Поэнг- Ур в XX веке)**

Рисунок 2.46 Гора Янченко (вид с горы Поэнг- Ур) (В Данько)

Рисунок 2.47 Гора Янченко (вид из верховьев р. Косью)

Рисунок 2.48 Гора Защита (вид с севера)

Рисунок 2.49 Южный Кар г. Защита (А.Затонский)

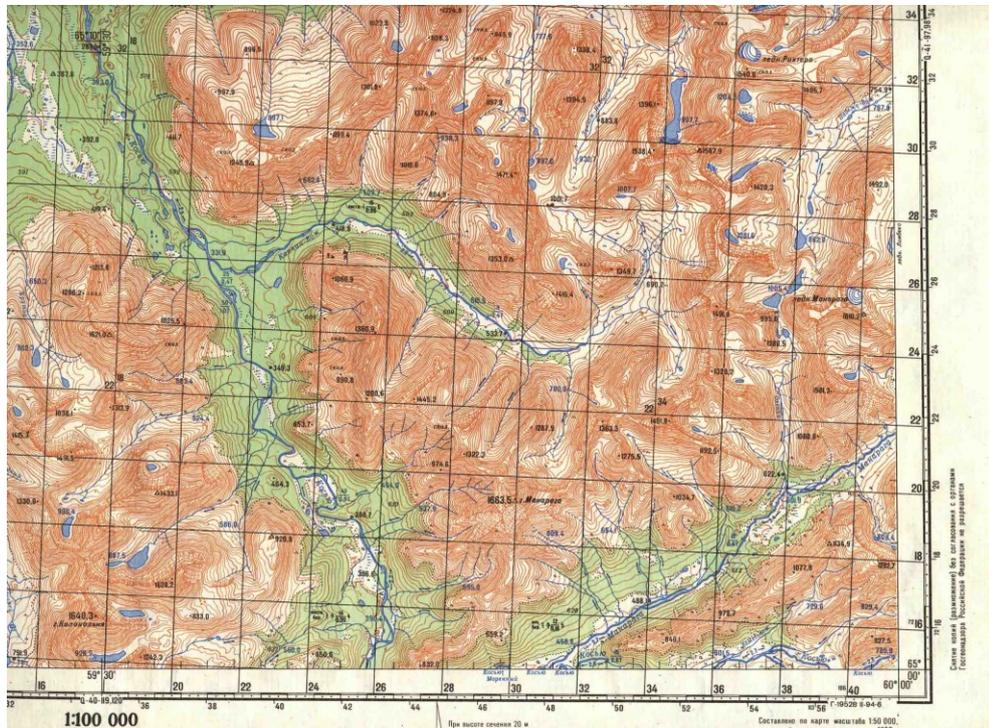

Рисунок 2.50 Карта района горы Манараги

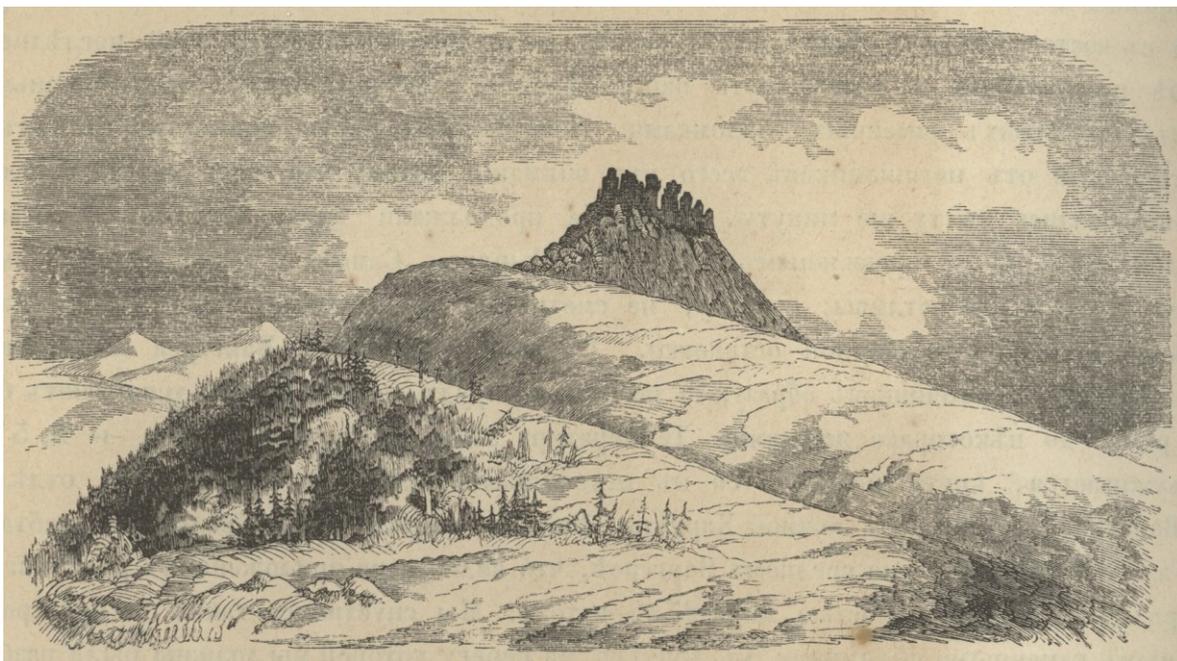

Рисунок 2.51 Гора Манарага
(вид из долины р. Манараги, рисунок Бермелеева, 1850 г)

Рисунок 2.52 Гора Манарага
(вид с севера, рисунок Бермелеева, 1850 г)

**Рисунок 2.53 Гора Манарага (современный вид из долины
р. Манарага) (www.velovolgograd.ru)**

**Рисунок 2.54 Гора Манарага (современный вид из долины
Профиль Манарага)**

Рисунок 2.55 Дидковский Б.В. (революционер, геолог, ученый)

Рисунок 2.56 Схема района горы Дидковского

**Рисунок 2.57 Памятная плита на горе Блюхера
(герой гражданской войны)**

Рисунок 2.58 Гора Мансиньер

Рисунок 2.59 На горе Мансиньер (Дидковского) 1968г

Рисунок 2.60 Бюст Дидковского Б.В. на горе Дидковского, 1972г

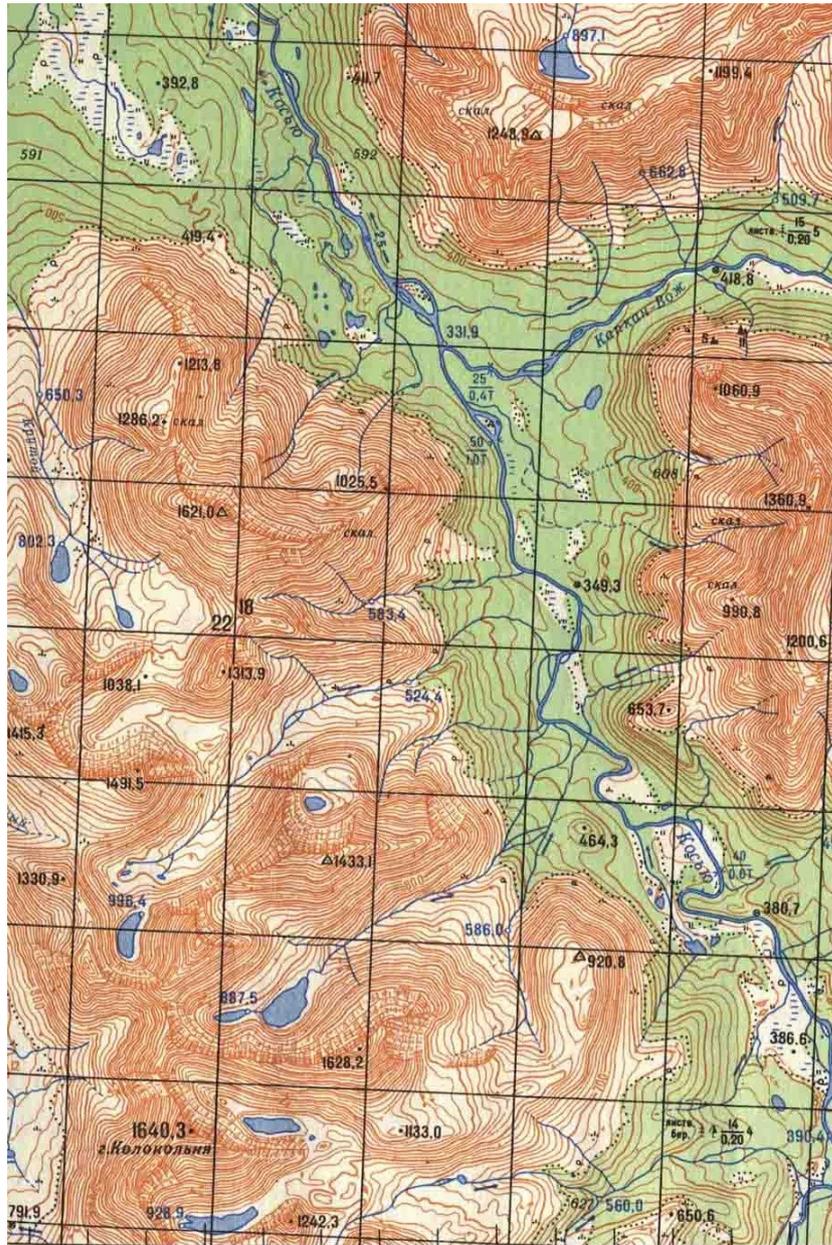

Рисунок 2.61 Схема района горы Колокольни

Рисунок 2.62 Масленников Е.П. (первый мастер спорта по туризму на Урале)

Рисунок 2.63 Гора Масленникова

**Рисунок 2.64 Гора Масленникова
(по рисунку Бермелеева, 1850 г)**

**Рисунок 2.65 Гора Масленникова (вид из долины р. Косью)
(www.egiki.ru)**

Рисунок 2.66 Вершинный взлет горы Масленникова

Рисунок 2.67 Вершинные скалы на горе Масленникова 1979г

Рисунок 2.68 Памятная плита на горе Масленникова

Рисунок 2.69 Хребет с горой «Колокольня»

Рисунок 2.70 Гора «Уральский следопыт»

Рисунок 2.71 На Парнукском плато

Рисунок 2.72 На предвершине горы Регули 1990г

**Рисунок 2.73 Памятные плиты на предвершине горы Регули
(автор не известен)**

Рисунок 2.74 Кар в верховьях р. Повсян-шор (1968 г)

Рисунок 2.75 Кар в верховьях р. Повсян-шор (1979 г)

**Рисунок 2.76 Характерная скала в каре в верховьях р.
Повсян-шор**

Рисунок 2.77 Гора Сабля (рисунок Бермелева, 1850 г)

**Рисунок 2.78 Гора Сабля (современный вид с востока)
(www.fantlab.ru)**

Рисунок 2.79 Гора Неройка

Рисунок 2.80 Гора Тельпосиз (фотография Портенко, 1928 г)

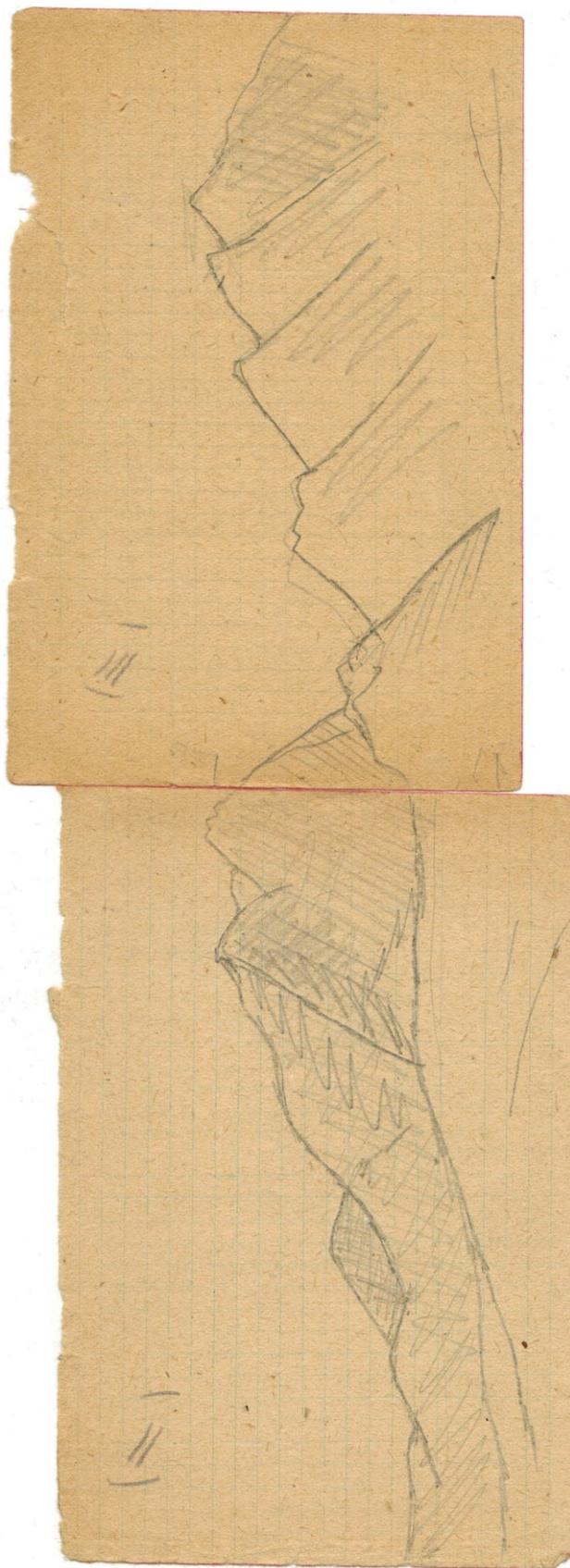

Рисунок 2.81 Абрис горы Тельпос-из
(из дневника Ярогова Б.А.)

Рисунок 2.82 Участники восхождения на гору Тельпосиз в 1933 г (слева направо: Горбунов В., Назаров, Ярогов Б.)

Рисунок 2.83 На гребне горы Тельпосиз (фотография Горбунова В., 1933 г)

**Рисунок 2.84 Преподаватели школы военного альпинизма в Бакуриани (в первом ряду второй слева – Черепов И.)
(www.mountain.ru)**

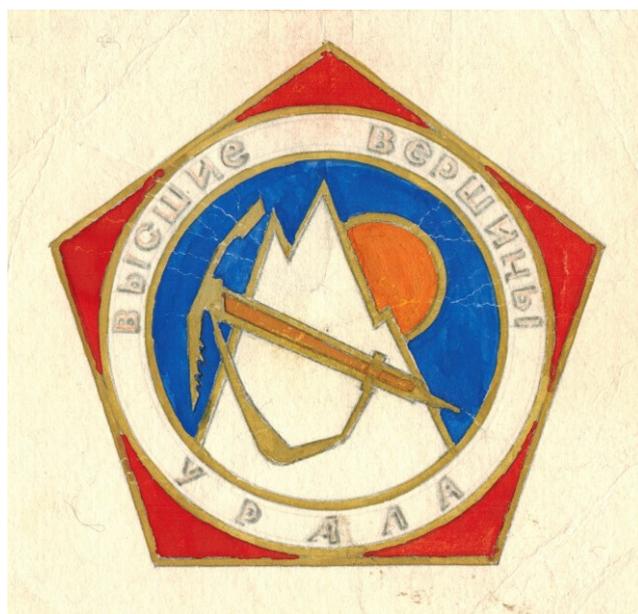

Рисунок 2.85 Памятный знак «Высшие вершины Урала»

Рисунок 2.86 Гора Хола-Сяхл (Е.Буянов)

Рисунок 2.87 Памятная плита на перевале Дятлова

Рисунок 2.88 Гора Отортен

Рисунок 2.89 Гора Торре—Порре--из

Рисунок 2.90 Гора Мань-Пупу-Ньер

Рисунок 2.91 Горы Северного Урала с древесной растительностью на гребне

Рисунок 2.92 Горы Северного Урала с травянистой растительностью на гребне

Рисунок 2.93 Гора Северного Урала с каменистым полем на гребне

Рисунок 2.94 Горы Каменного Пояса

Рисунок 2.95 Гора Ялпингнъер

**Рисунок 2.96 Гора Денежкин Камень
(www.images.esosed.ru)**

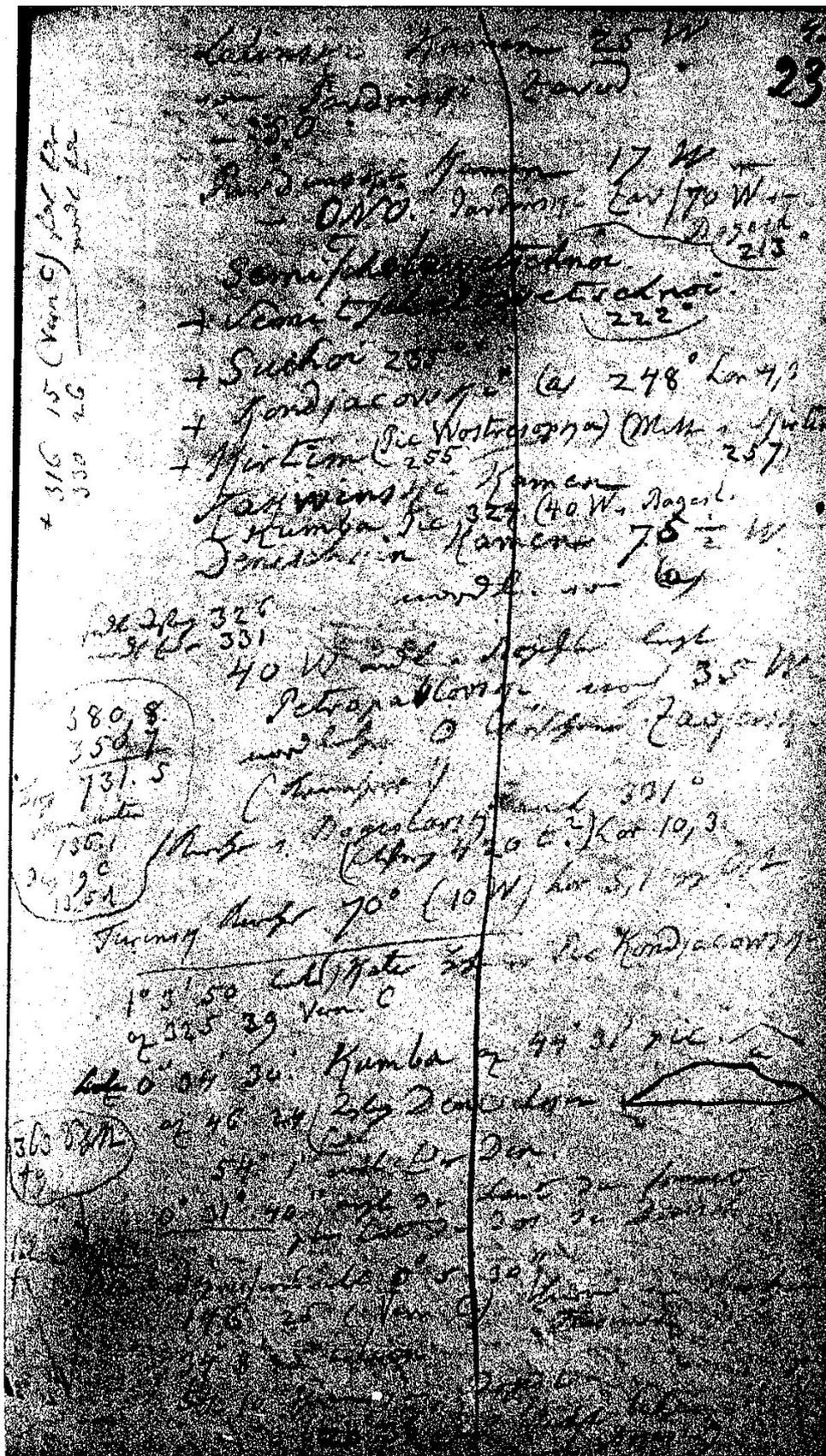

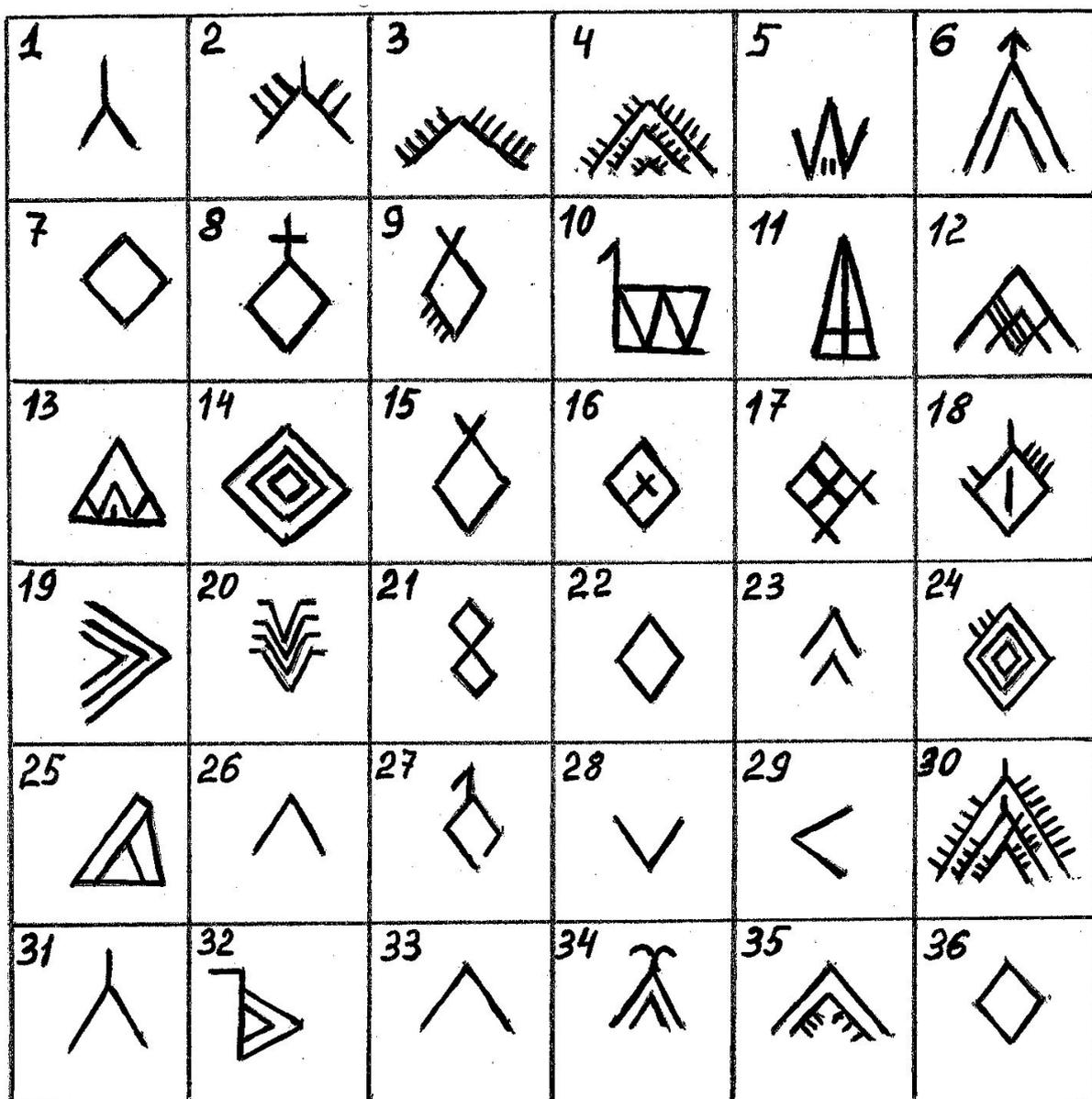
Рисунок 2.97 Абрис горы Денежкин Камень (в дневнике А. Гумбольдта, 1829 г)

Рисунок 2.98 Гора Конжаковский Камень (В.Шумков)

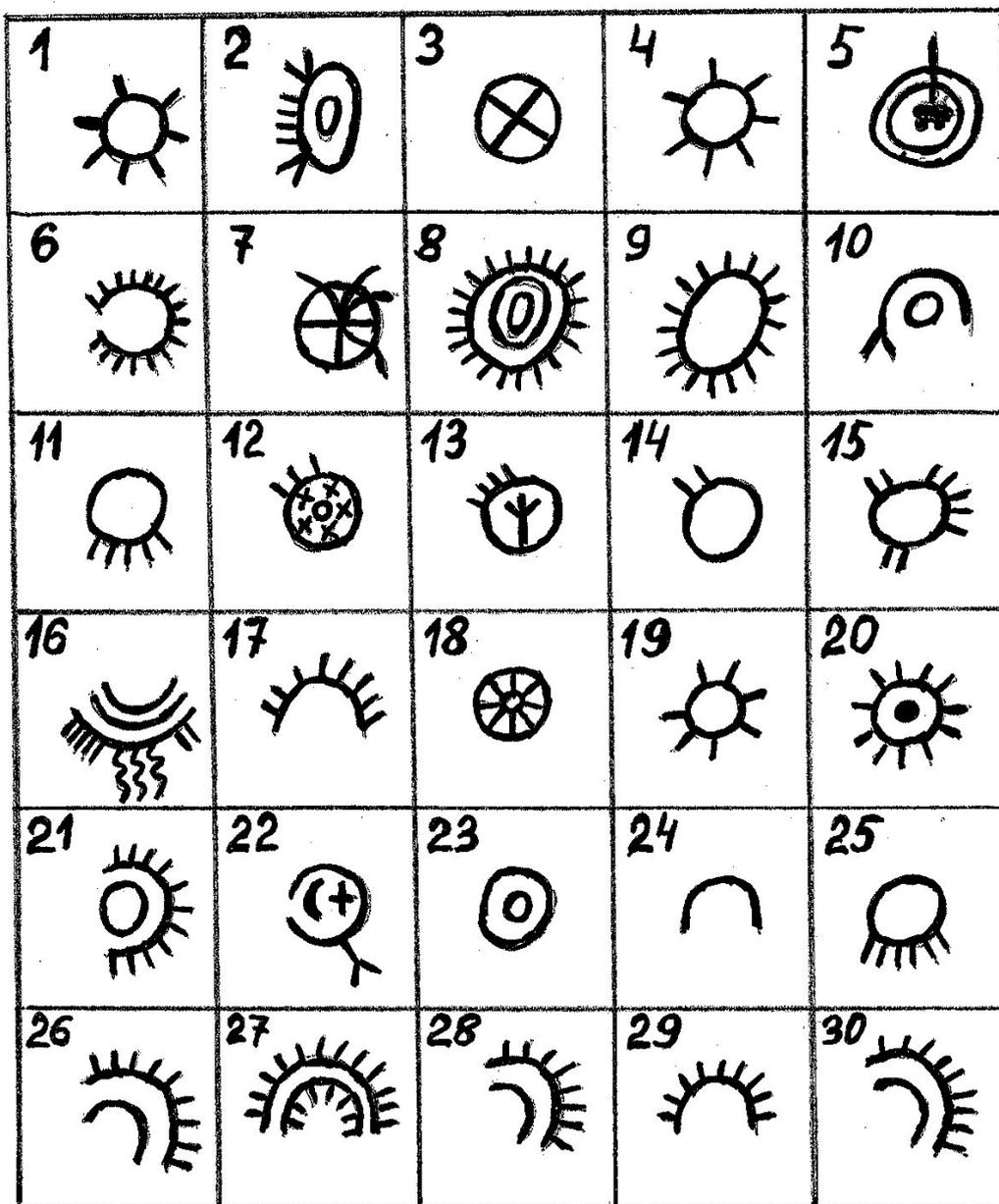
10-0 azimuths des montagnes vues de la (49)
 Cabane au delà de Nagelberg
 lundi 24 Juin matin Nagelberg vers lunette
 qui ne renverse pas. Ce point est le
 dit centre du centre des sol. et de
 l'objet
 et de la cime de Sandingji Hamen (a)
 Earschan
 5h 19 13. — 107 6 40
 22 20 — 166 22 50
 25 3 — 105 45 50 6
 26 40 — 26 50 6
 37 26 — 100. 3 10 6
 46 38 — 101 4 40 6
 48 6 — 100 52 20 6
 62 25 — 97 45 40
 et de pic de Mondjascoviji Ha
 men. (b) lunette ne renverse pas
 Nagelberg. Le sol. à gauche de
 objet dont point. renverse / 4.
 Earschan 5h 41. 1 — 125 6 35
 43 27 — 124 33 40.
 Earschan 50 34 — 122 57 10
 59 26 — 120 58 50
 Pour confirmer angle entre Sand.
 et Mondjac. 83° 50' 40" Nagel.
 vers corrigé angle de haut
 de ce qui est visible de
 Mondjac. Hamen 1° 14' 15" Nagel
 de Sandingji. Ham. 0° 17' 10"
 06 met. de Nagel. 24 Juin
 7 1/2 m. Nagel. Del 64° - 10,22
 8 1/2 — 55 — 13,5
 9 1/4 — 53 — 14,8
 11 1/2 — 51,5 — 17,1.
 11 1/2 — 50 — 17,5
 1 1/4 — 49,2 — 18,3
 la colline Nagel au balcon
 Haut de la colline Nagel (15) par la Touria
 du Nagelberg (15) — 382,8# en descendant
 le 24 Juin — 8 met — 353,3# par Nagel
 10' C. — 736,1# 9 1/2 m. le
 16' C. — 736,8# Nagel au balcon
 Nagel 8# 380,8# 19,2 C. 736,8# (par hor.)
 353,3# 13,5 A

Рисунок 2.99 Абрис гор в районе Конжаковского Камня (из дневника А.Гумбольдта)

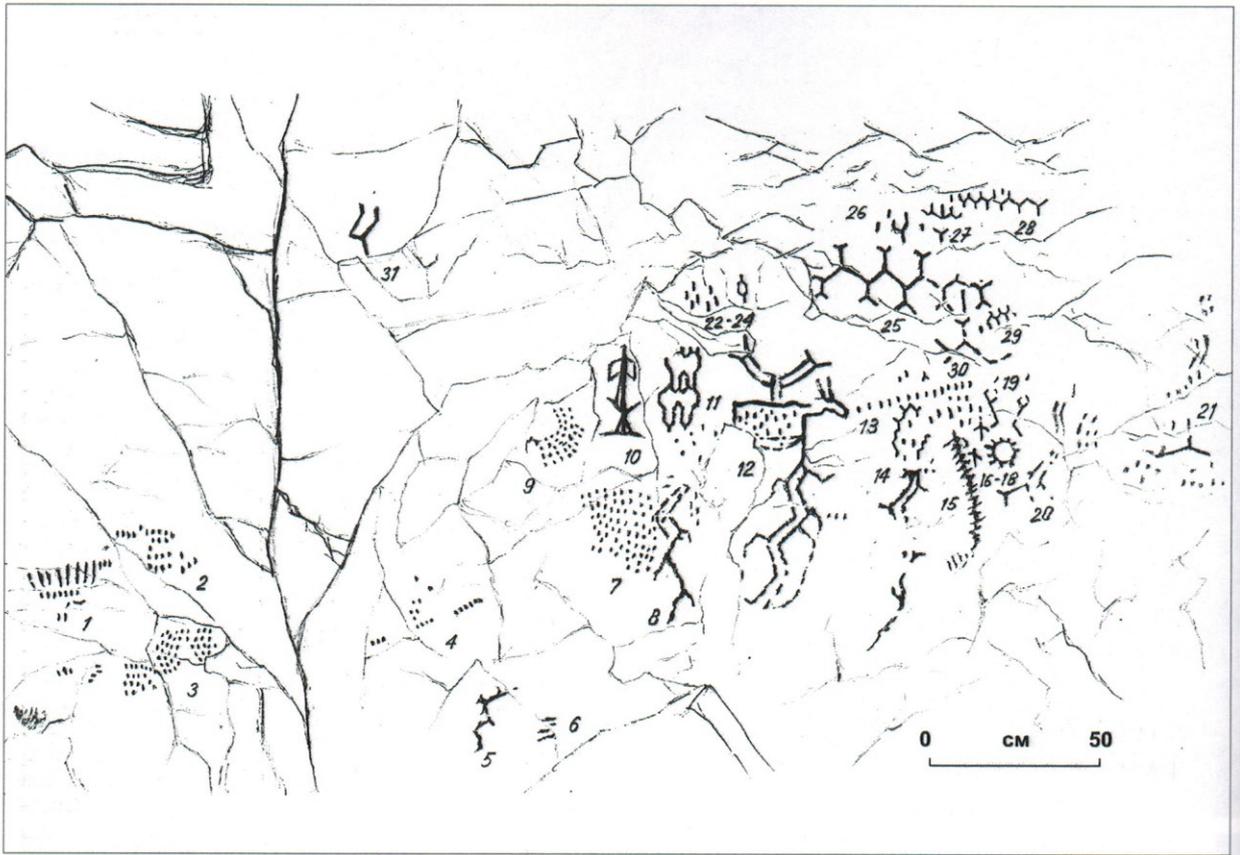
Обозначения: р. Реж: (1-9) – Бородинская, (10-13) – Шайтан Камень, 14 – Першинская, 15 – Раскатихинская; р. Тагил: 16 – Балакинская, 17 – Соколиный Камень, 18 – Кваршинская, 19 – Кислый Камень, 20 – Зенковская, (21-22) – Балабанский утес, (23-25) – Змиев Камень, (26-27) – Маскальская, (28-32) – Писаный Камень, (33-36) – Соколинские утесы.

Рисунок 2.101 Перевальные знаки на среднеуральских писаницах (по данным Широкова В.Н. и др.)

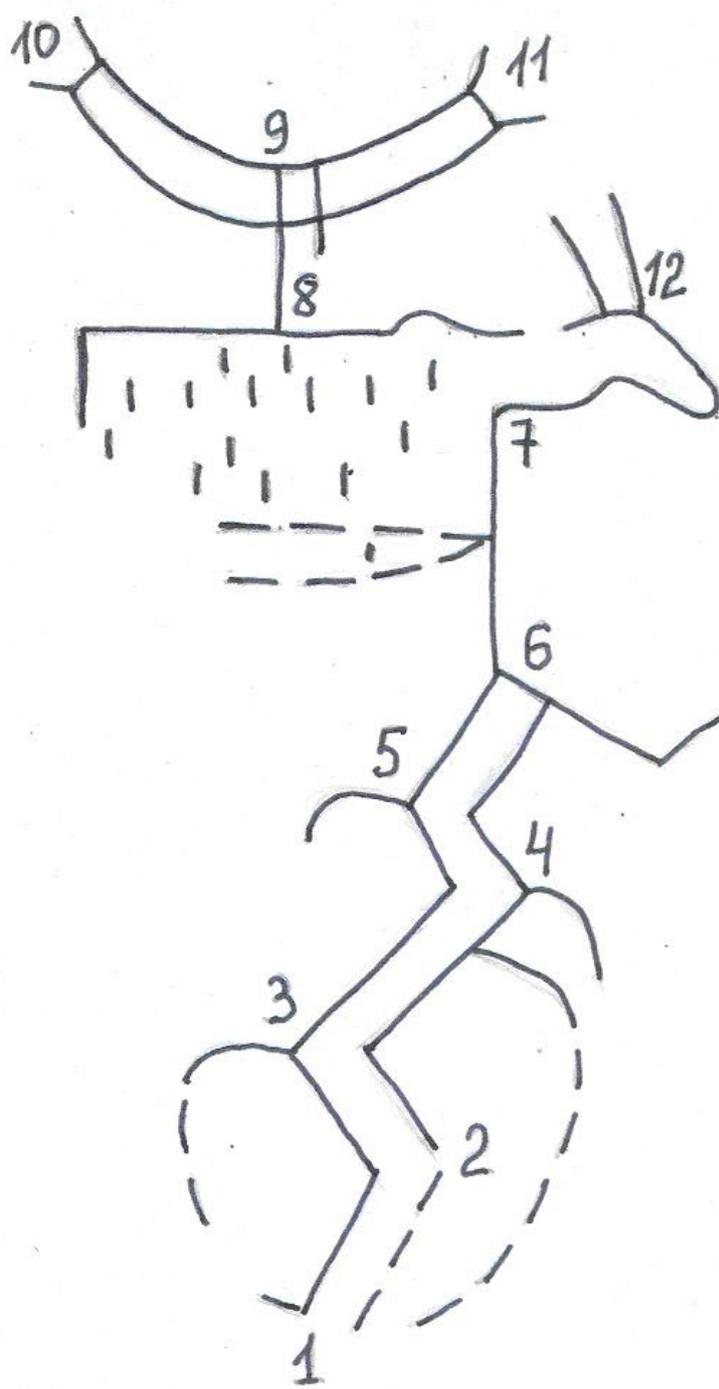

Обозначения: р. Реж: (1-2) – Бородинская, 3 – Исаковская, 4 – Двуглазый Камень; р. Тагил: (5-7) – Балабан, (8-10) – Зенковская, (11-13) – Балабанский утес, (14-17) – Змиев Камень, 18 – Кирьяшевская, (19-21) – Маскальская, (22-26) – Писаный Камень, (27-30) – Сокольинские утесы.

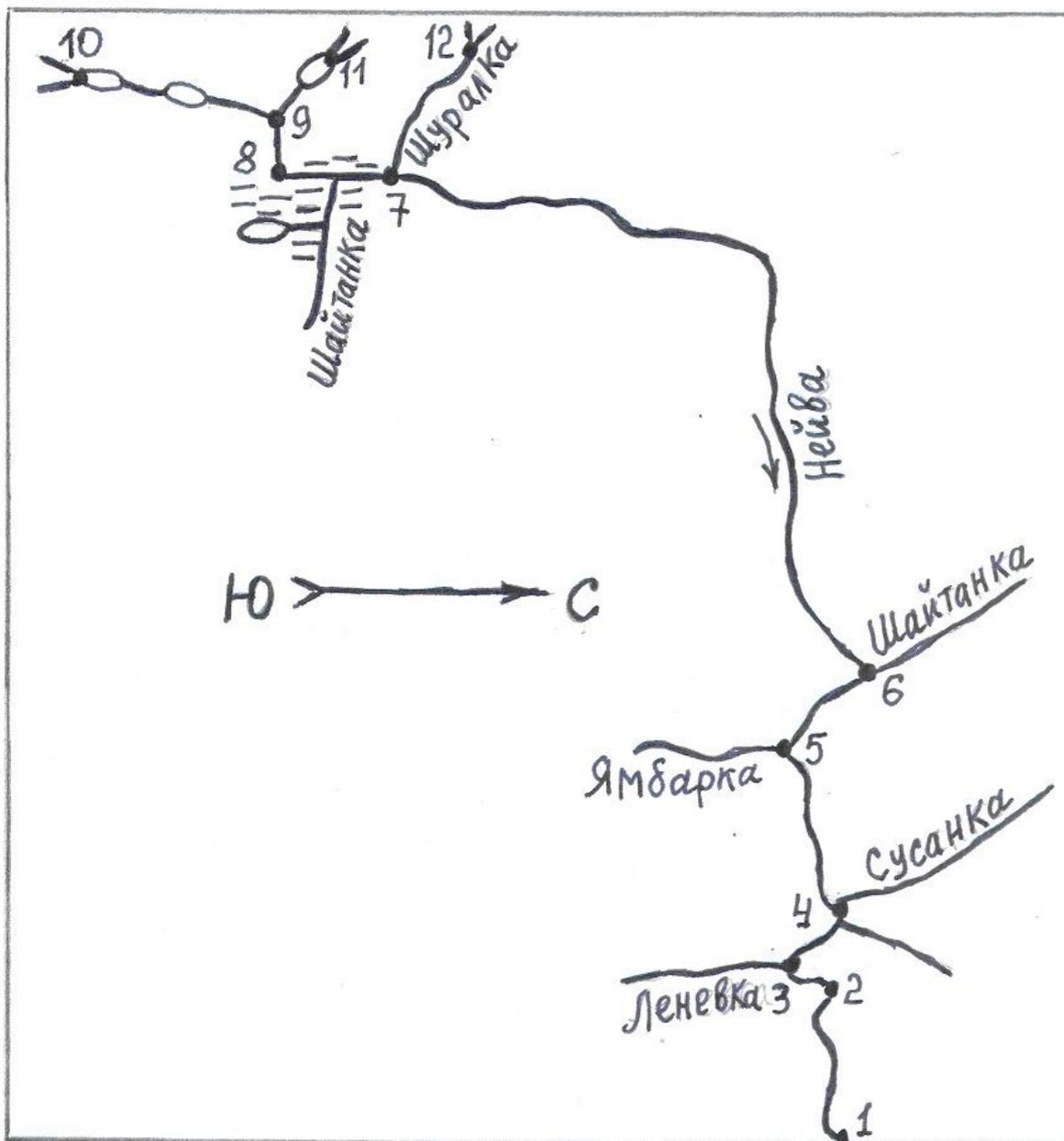
Рисунок 2.102 Знаки обобщенного направления движения на перевал на среднеуральских писаницах (по данным Широкова В.Н. и др.)

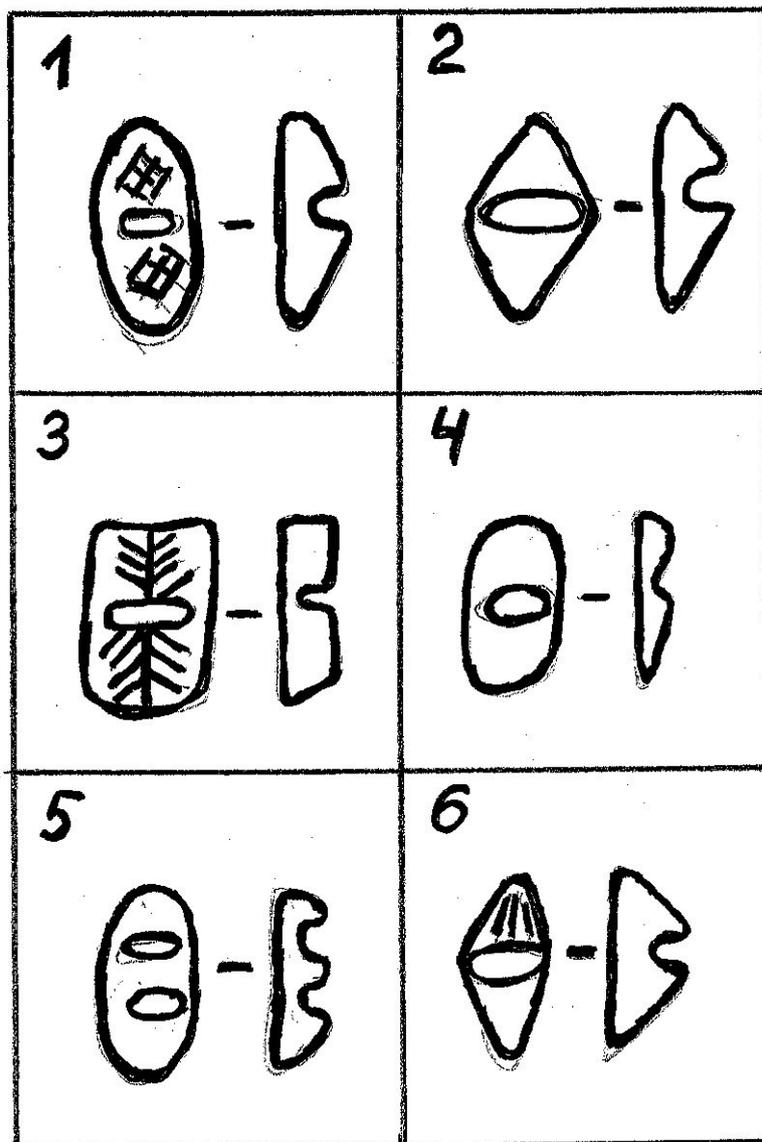
**Рисунок 2.103 Писаница на Двуглазом Камне на р. Нейва
(Широков В Н и др)**

**Рисунок 2.104 Цепочка знаков на Двуглазом Камне на р.
Нейва (Широков В Н и др)**

**Рисунок 2.105 Современная схема р. Нейвы от истоков до
Двуглазого Камня**

Обозначения: 1 – Мысовое, 2 – Чебаркуль, 3 – Березки V, 4 –
Осиновый III, 5 – Коптяки, 6 – Шайдури-Хинское

Рисунок 2.106 Уральские утюжки (по данным Усачевой И.В.)

**Рисунок 2.107 Восточный Камень (утюг) на памятнике
Вершина I на острове Каменные палатки**

**Рисунок 2.108 Западный Камень (утюг) на памятнике
Вершина на острове Каменные палатки**

Рисунок 2.109 Каменный валун на острове Каменные палатки

**Рисунок 2.110 Камень с чашей на южном холмике в районе
станции Северка**

Рисунок 2.111 Камни с чашами на северной гряде в районе станции Северка

Рисунок 2.112 Общий вид каменного «ящика» на западном конце северной гряды в районе станции Северка

Рисунок 2.113 Камень с малой площадью опоры на западном конце северной гряды в районе станции Северка

Рисунок 2.114 Камень с чашей в «ящике» на западном конце северной гряды в районе станции Северка

Рисунок 2.115 Каменный «ящик» на памятнике Еловый мыс

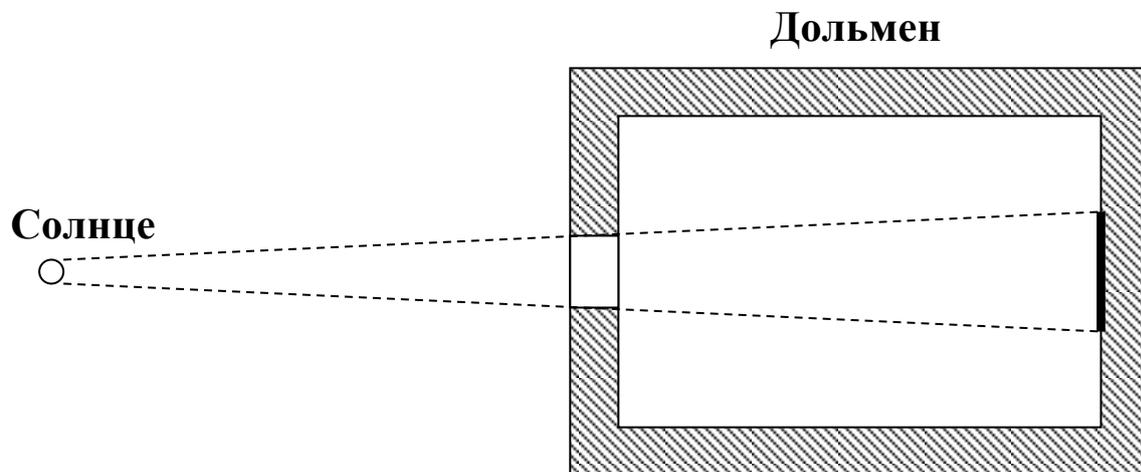

Рисунок 2.116 Схема классического дольмена как инструмента для определения направления передвижения на местности

Рисунок 2.117 Северный и Южный Палкинские утюги

**Рисунок 2.118 Знак креста на камне среди скал Палкинской
гряды**

Рисунок 2.119 Типичный каменный утюг на малом холме около Московского тракта

Рисунок 2.120 Каменный утюг с боковой чашей на малом холме около Московского тракта

Рисунок 2.121 Каменное сооружение на малом холме около Московского тракта

Рисунок 2.122 Камень с чашей и боковой фигурой на малом холме около Московского тракта

Рисунок 2.123 Камни с одной и двумя чашами на горе около Московского тракта

Рисунок 2.124 Останец с одной каменной чашей на северной горе в районе станции Седельниково

Рисунок 2.125 Круглая каменная чаша на горе Высокой

Рисунок 2.126 Скалы Чертово городище

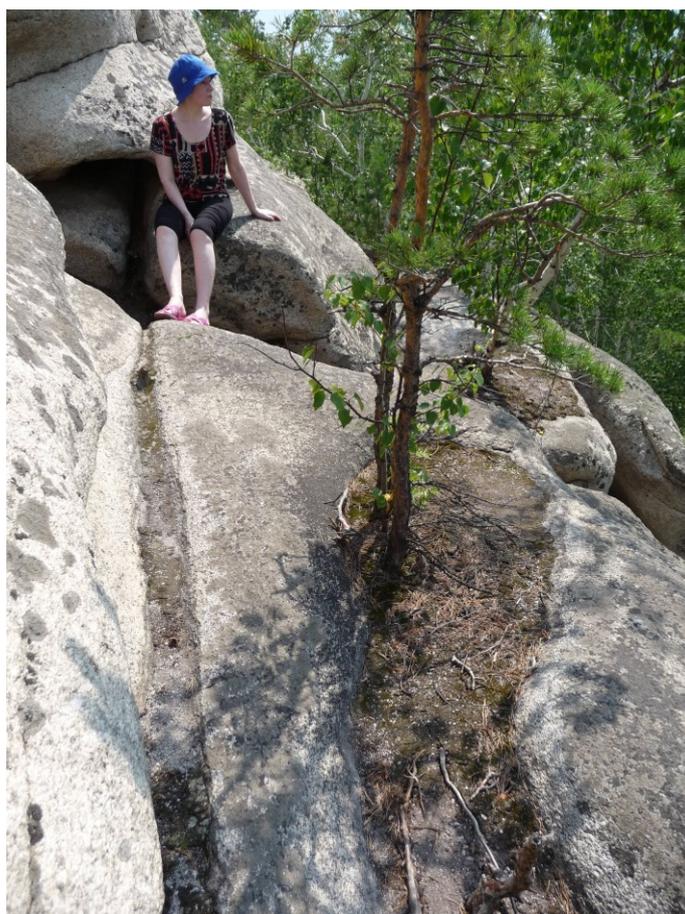
Рисунок 2.127 Камень с круглой чашей в районе горы Матаихи

Рисунок 2.128 Камень с боковыми чашами в районе горы Матаихи

Рисунок 2.129 Скалодром на Аракульском Шихане

**Рисунок 2.130 Каменные чаши на южном массиве
Аракульского Шихана**

Рисунок 2.131 Круглые каменные чаши на южном массиве Аракульского Шихана

Рисунок 2.132 Каменная чаша на перемычке между северным и южным массивами Аракульского шихана

Рисунко 2.133 Камень с двумя чашами на перемычке между северным и южным массивами Аракульского Шихана

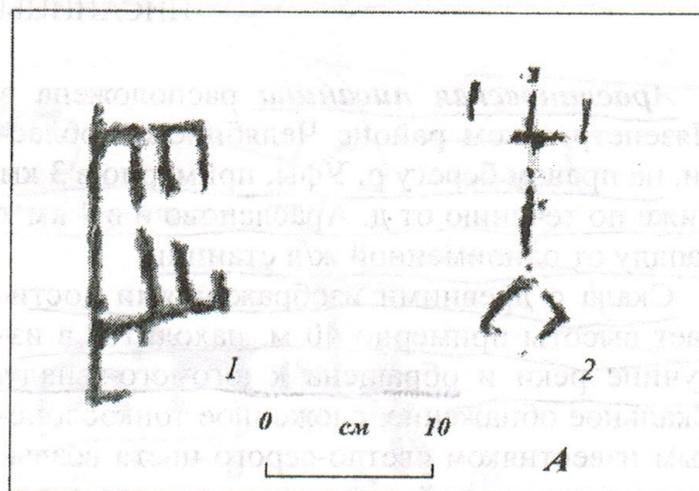
Рисунок 2.134 Чаша на краю скального обрыва на перемычке между северным и южным массивами Аракульского Шихана

**Рисунко 2.135 Большая чаша на Малом Аракульском
Шихане**

Рисунок 2.136 Чаша на краю скалы на Малом Аракульском Шихане

**Рисунок 2.137 Аракульская писаница
(рисунок В.Н. Широкова)**

**Рисунок 2.138 Каменный останец на западном берегу озера
Большие Аллаки**

Рисунок 2.139 «Каменные палатки» на юго-восточном берегу озера Большие Аллаки

Рисунок 2.140 Писаница на останце на юго-восточном берегу озера Большие Аллаки

Рисунок 2.141 Камень с чашами на останце на юго-восточном берегу озера Большие Аллаки

Рисунок 2.142 Камень с чашами на останце на юго-восточном берегу озера Большие Аллаки

Рисунок 2.143 Скалы на горе Качканар (А.Петров)

Рисунок 2.144 Озеро Увильды

Рисунок 2.145 Озеро Тургойак

Рисунок 2.146 Озеро Зюраткуль (www.photogrpher.ru)

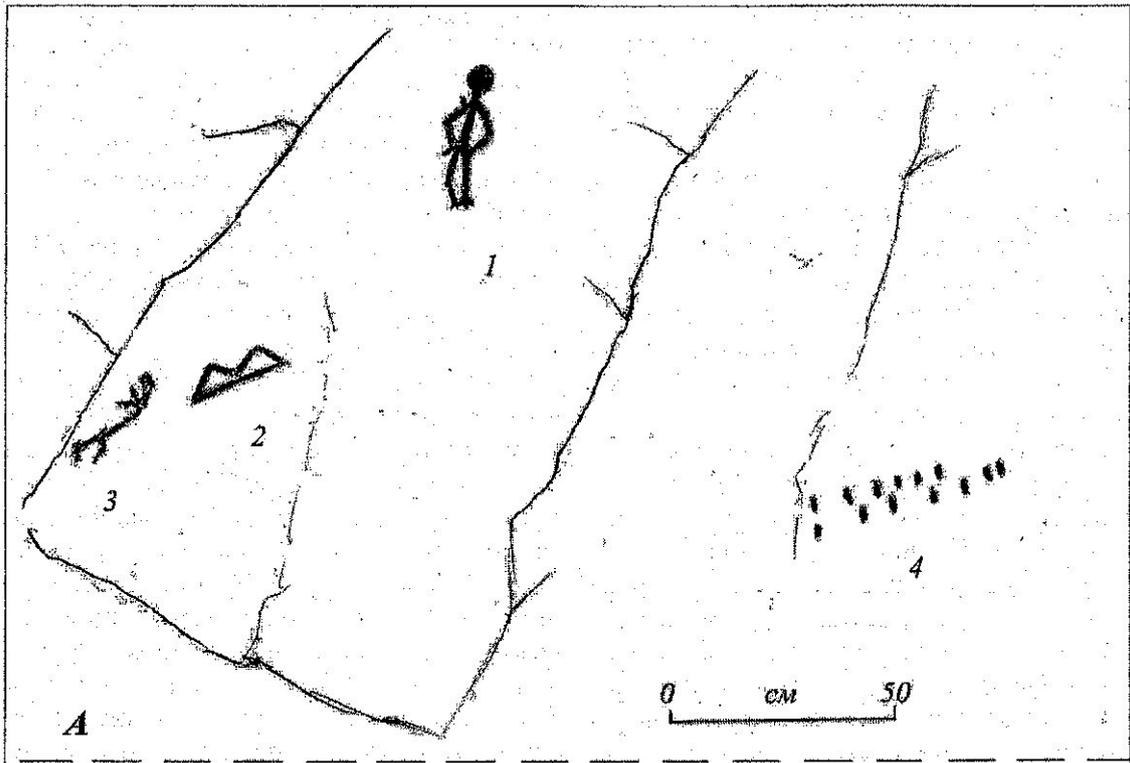

Рисунок 2.147 Изображения на Верхнее-Лопасской II писанице на р. Ай (рисунок Широкова В.Н.)

**Рисунок 2.148 Горы на р. Ай в районе деревни Сикиязтамак
(www.personalguide.ru)**

Рисунок 2.149 Гора Ямантау (1640 м) (www.rprnr.ru)

Рисунок 2.150 Район горы Ямантау: на велосипедах по снегу

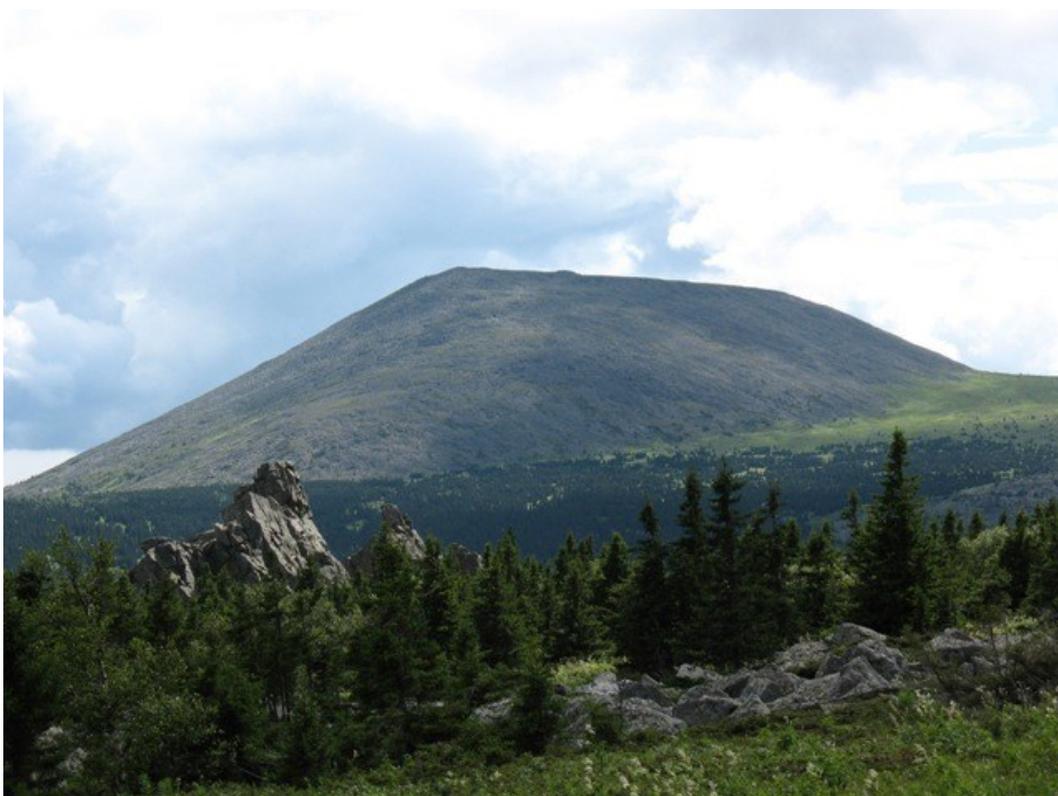

Рисунок 2.151 Гора Иремель (www.family-rb.ru)

Рисунок 2.152 Скалы на горе Таганай (М.Канов)

Рисунок 2.153 Горы Шеломы на хребте Зигальга (В.Бессонов)

Рисунок 2.154 Аркаимский холм (www.wise-travel.ru)

**Рисунок 2.155 Вид древнего поселения Аркаим
(www.tainy.net)**

Рисунок 2.156 Типичная ложбина в Мугоджарах

Рисунок 2.157 Мягкие очертания сопок в Мугоджарах

Рисунок 2.158 Лесная растительность в некоторых ущельях в Мугоджарах

Рисунок 2.159 На горе Боктыбай, высшей вершине Мугоджар

Рисунок 2.160 Типичная ложбина в южной части Мугоджар

**Рисунок 2.161 На Ямантау -самой южной вершине
Уральского хребта**

**Рисунок 2.162 Цветущая поляна тюльпанов
(www.forum.nedoma.ru)**

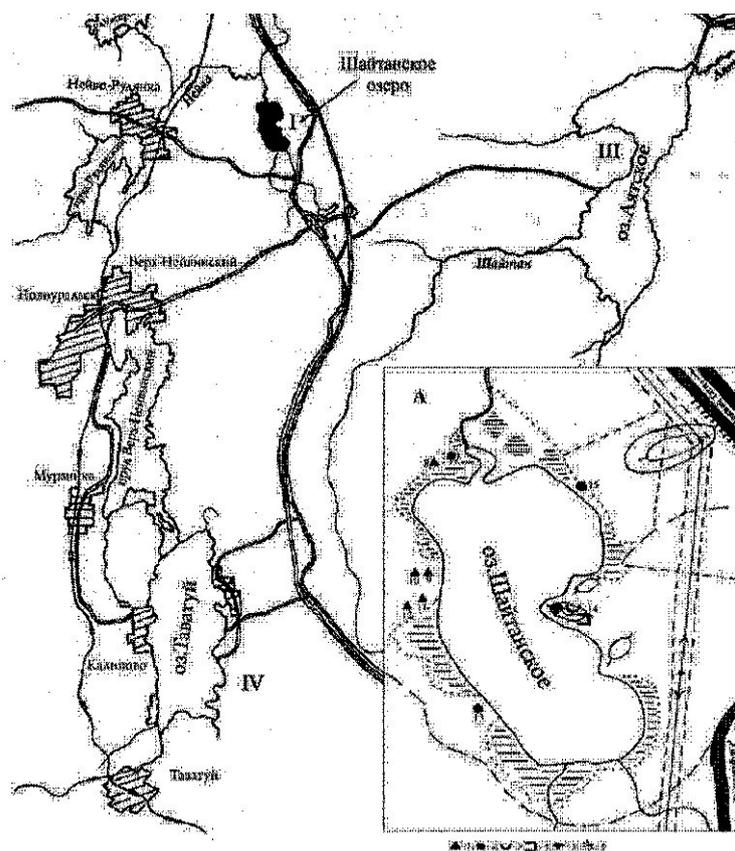

Рисунок 2.163 План Шайтанского озера (Ю.Б.Сериков [1.483])

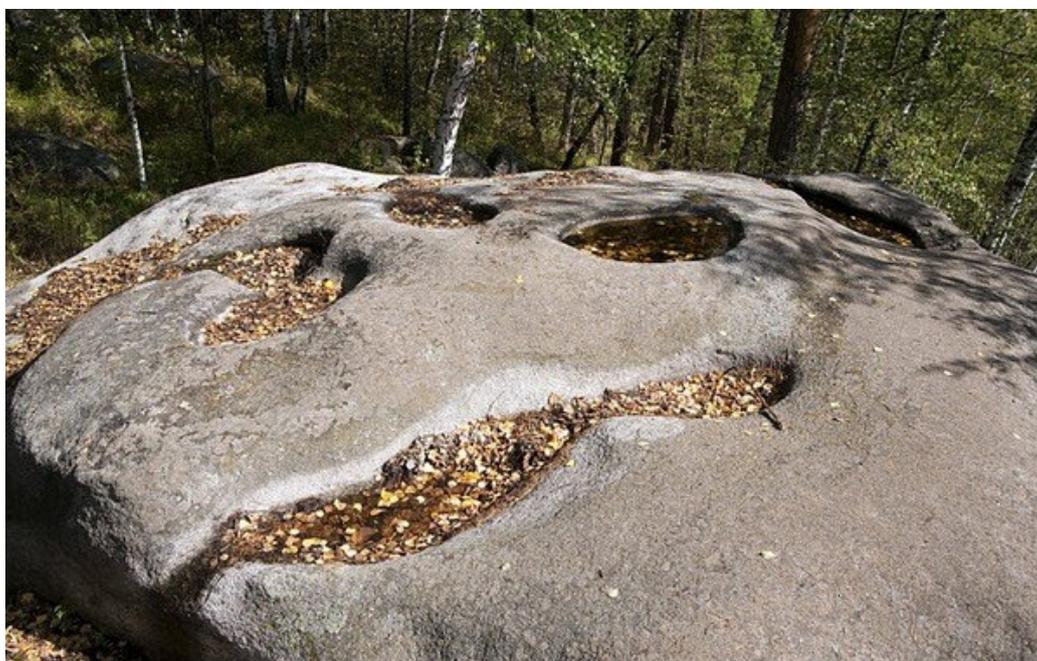

Рисунок 2.164 Плита с каменными чашами на памятнике Каменушки 2 на Шайтанском озере (Д.Карпунин)

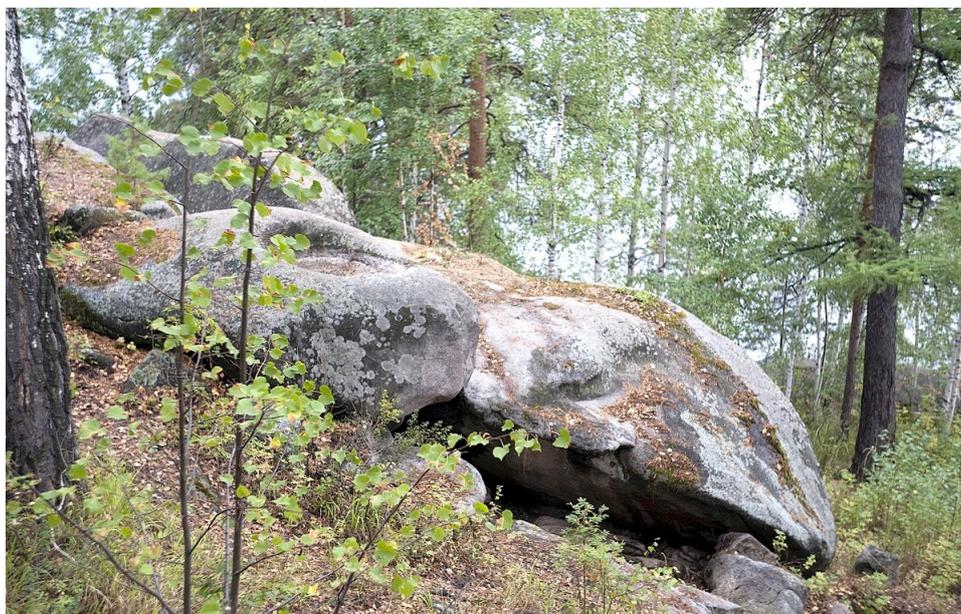

Рисунок 2.165 Каменная чаша на памятнике Каменушки 2 на Шайтанском озере (Д.Карпунин)

Рисунок 2.166 Каменная чаша в районе поселка Степное (В.Г.Карелин)

**Рисунок 2.167 Камень с чашей на горе Sus-au-may (Франция)
(В.Г.Карелин)**

**Рисунок 2.168 Утюжок, найденный в abri Cap Blanc
(Франция) (фото Don Hitchcock)**

**Рисунок 2.169 Утюжок, найденный в abri Cap Blanc
(Франция) (фото Ph.Jugie)**